Пол АНДЕРСОН

СЛОМАННЫЙ МЕЧ

Пол АНДЕРСОН

Пол Андерсон

СЛОМАННЫЙ МЕЧ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

ББК 84.7 США
А65

Перевод с английского
В. Дымшица и Г. Тумановой

Андерсон Пол
А65 Сломанный меч: Романы. Пер. с англ. — СПб.: «Северо-Запад», 1992 — 639 с.
ISBN 5-8352-0075—7

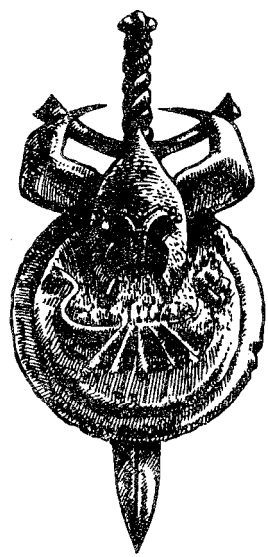
Американский писатель Пол Андерсон, автор более сотни книг, хорошо известен русским любителям фантастики. Романы «Сломанный меч» и «Дети морского царя», включенные в это издание, являют собой своеобразный сплав приключенческой литературы и волшебной сказки. Прекрасное знание автором эпической и фольклорной европейской традиции, германских и древнескандинавских саг, создает у читателей ощущение невероятной, магической реальности происходящего.

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

© В. Дымшиц, перевод, 1992.
© Г. Туманова, перевод, 1992.
© «Северо-Запад», оформление, 1992.
® Северо-Запад. Зарегистрированная торговая марка. Тиражирование запрещено.

ISBN 5-8352-0075-7

СЛОМАННЫЙ МЕЧ



I

Жил человек по имени Орм Сильный. Он был сыном Кетиля, сына Асмунда, свободного землепашца в северной Ютландии. С незапамятных времен жили предки Кетиля в этих местах и владели немалыми землями. Кетиль был женат на Асгерд, дочери Рагнара Суконные Штаны от наложницы. Орм, хоть и происходил из хорошего рода, да только был пятым сыном в семье, а потому и не ждал большого наследства.

Орм любил странствовать по морям и что ни лето уходил в викингские походы. Когда Кетиль умер, Орм был еще молод. Старший брат, Асмунд, стал управлять их усадьбой. А как минуло Орму двадцать зим, пришел он к Асмунду и сказал:

— Ты единолично распоряжаешься здесь, в Химмерланде, тем, что уже несколько лет наше общее. Остальным тоже нужна их доля. Но, если поделить землю на пять наделов, не говоря о приданом для сестер, то все мы станем мелкими хуторянами, и люди позабудут наше имя, как только мы умрем.

— Это верно, — ответил Асмунд. — Лучше работать всем вместе.

— Негоже мне стоять пятым у кормила, — сказал Орм. — Лучше сделаем так. Дай мне три корабля со всей оснасткой и припасом, а еще дай мне оружия для тех, кто захочет пойти со мной, — и я сам найду себе землю, а с тобой мы на этом будем в расчете.

Амунду понравились эти речи, тем более, что двое

из трех других его братьев тоже решили отправиться с Ормом. И вот еще не наступила весна, как он купил для Орма длинные корабли, снарядил их и нашел в окрестностях немало таких, кто был победней да помоложе и потому не прочь отправиться в поход на запад. В первый же ясный день, хотя море еще штормило, вывел Орм свои корабли из Лим-фьорда. Так Асмунд навсегда простился с братом. Корабли на веслах быстро шли на север до тех пор, пока не миновали вересковые пустоши и густые леса, раскинувшиеся под ясным небом Химмерланда, а как обогнули мыс Скаген, поймали попутный ветер и поставили паруса. Когда родные берега остались за кормой, команды укрепили на форштевнях драконьи головы. Засвистел ветер в снастях, вспенилось море по бортам, чайки с криком закружились над мачтами. Тогда Орм от радости сказал такую вису:

Белогривы
(слышу ржанье)
знай на запад
скачут кони.
Хладом хлещет
ветр, храпят и
бьют копытом,
мча челны мне.

Рано пустившись в путь, Орм достиг Англии прежде других викингов и взял там богатую добычу, а в конце лета добрался до Ирландии. С той поры он не покидал Островов, проводя лето в набегах, а зимой выменивая на добычу все новые и новые корабли.

В конце концов Орм стал подумывать о собственном доме. Он присоединил свою маленькую флотилию к большому флоту Гуторма, которого англичане называли Гутрум. Следуя за этим вождем на суше и на море, добыл он немало добра, но и потерял не меньше в тот день, когда король Альфред одержал победу в битве при Этандуне. Орм и часть его людей были среди тех, кто сумел прорубить себе дорогу с поля боя. Позже довелось ему услышать о том, что Гутруму и другим датчанам, попавшим в окружение, была дарована жизнь за то, что они приняли крещение. После

этого Орм понял, что дело идет к перемирию между его соплеменниками и Альфредом и что скоро не сможет он брать в Англии богатую добычу, как беспрепятственно брал до сей поры.

А потому отправился он в ту часть Англии, что позже назвали Датским владеньем, чтобы сыскать место для собственного дома.

Он нашел земли, что были и красивы, и зелены, и к тому же расположены у небольшого залива, где он мог поставить свои корабли. Да только англичанин, который владел ими, человек богатый и достаточно могущественный, вовсе не был расположен их продавать. Тогда Орм вернулся ночью, его люди окружили и подожгли хозяйский дом. Хозяин, его братья и большинство его батраков погибли. Говорили, что мать того человека, колдунья, спаслась, как спаслись другие женщины, дети и рабы, которых выпустили из подожженного дома, и, прокляв Орма, посулила ему, что его старшего сына взрастят далеко от мира людей, а сам Орм вместо сына вырастит себе на погибель волка, который и разорвет его однажды.

К тому времени в тех местах поселилось уже немало датчан, так что родне того англичанина не оставалось ничего, кроме как получить от Орма виру и цену земли, и он стал владеть усадьбой по закону. Он возвел большой новый дом, а вокруг него другие постройки; а как было у него много золота, людей и славы, то скоро его стали считать большим вождем.

Прожив год в этом месте, Орм решил жениться. С большим отрядом воинов отправился он к Ательстану, наместнику английского короля в той земле, и попросил себе в жены его дочь Эльфриду, про которую говорили, что краше нее нет девицы во всем королевстве.

Ательстан стал было мямлить и заикаться, но Эльфрида прямо в лицо крикнула Орму:

— Не желаю я быть женой собаки язычника, да и не бывать тому! А попробуешь взять меня силой, клянусь, мало радости будет тебе от этого.

Она была стройной и хрупкой девушкой с мягкими светло-каштановыми волосами и большими серыми

глазами, а он — огромным грузным мужчиной, чья кожа покраснела, а волосы выгорели добела от солнца и моря. И все же Орм почувствовал, что она почему-то сильнее его, а потому, поразмыслив, сказал:

— Раз уж я оказался в стране, где народ поклоняется Белому Христу, было бы разумно, чтобы я помирился с ним, да и с его людьми заодно. Правду сказать, большинство датчан так уже и поступило. Я приму крещение, если ты пойдешь за меня, Эльфрида.

— Это мне все равно! — закричала она.

— Подумай, — слукавил Орм, — вот не обвенчаешься ты со мной, я не стану христианином, и тогда, если верить попам, моя душа погибла. И тебе придется отвечать перед Господом за то, что ты загубила человеческую душу.

Потом он шепнул Ательстану:

— А кроме того, я сожгу этот дом, а тебя брошу в море с утеса.

— Ох, дочка, нельзя нам допустить, чтобы погибла человеческая душа, — тут же сказал Ательстан.

И Эльфрида не стала дальше противиться браку, ведь Орм был совсем не дурен собой и, по-своему, неплохой человек, к тому же род Ательстана нуждался в таком сильном и богатом союзнике. Так что Орм, крестившись, вскорости обвенчался с Эльфридой и увез ее к себе домой. И они зажили хоть и не без ссор, но все же вполне довольные друг другом.

Рядом с их домом не было церкви; ту, что была раньше, спалили викинги. По воле Эльфриды Орм пригласил в свой дом священника и собирался во искупление своих грехов построить для него церковь. Но, будучи человеком осторожным и не желая обидеть ни одну из Сил, Орм в то же время продолжал приносить жертвы Тору в середине зимы и Фрейе — весной, моля их о мире и добром урожае, так же как Одина и Эгира — об удаче в морях.

Из-за этого-то Орм всю зиму препирался со священником, пока однажды весной, незадолго до того, как Эльфрида должна была родить, терпение Орма не лопнуло: он вышвырнул священника за дверь и велел ему убираться. Тут уж Эльфрида принялась бранить

мужа и бранила его до тех пор, пока он не заявил однажды, что не снести ему больше бабьих криков, осталось только сбежать из дома. Потому Орм спустил свои корабли на воду раньше, чем собирался, и все лето провел в походе, разоряя побережья Шотландии и Ирландии.

Едва его корабли скрылись из виду, как Эльфриду уложили в постель: у нее начались роды. Она родила крупного красивого мальчика, которого назвала, как просил ее Орм, Вальгардом — это имя было родовым в его семье. Теперь, правда, недоставало священника, чтобы окрестить младенца, а до ближайшей церкви было добрых три дня пути. Эльфрида сразу послала за ним своего раба.

Ожидая крестин, гордая и счастливая, она пела сыну колыбельную, которую ей когда-то певала ее мать:

Баю-баю, мой дружок,
спи спокойно, мой родной.
Гонит стадо пастушок.
Солнце село за горой.
Глазки ясные закрой.

Баю-баюшки-баю,
ты со мною, я с тобой.
Небосвода на краю
ходит месяц золотой.
Глазки ясные закрой.

Баю-баю, мой птенец,
самый лучший птенчик мой.
Сын, Мария и Отец
охраняют наш покой.
Глазки ясные закрой.

II

Имрик, ярл эльфов, отправился верхом посмотреть, что творится в мире людей. Была холодная весенняя ночь, приближалось полнолуние, иней блестел на траве, а звезды казались крупными и яркими как зимой. Было тихо, ни ветерка в оживающих ветвях, мир словно соткан из скользящих теней и бледного лунно-

го света. Конь Имрика был подкован серебром, и чистый высокий звон раздавался из-под копыт.

Имрик въехал в лес. Ночь тяжко залегла меж деревьями. Вскоре вдалеке он заметил красноватые отблески, а приблизившись, увидел, что это огонь мерцает сквозь щели в стенах хижины, построенной из глины и веток под старым, вся кора в наростах, дубом. Имрик помнил, как когда-то друиды срезали с его сучьев омелу. Это было жилище ведьмы. Он спешился и постучал в дверь.

Женщина, которая, казалось, была так же стара и согбенна, как дерево, под которым она жила, открыла дверь и увидела ярла эльфов в неверном свете луны, поблескивающем на шлеме и кольчуге. Рядом с ним конь цвета серой мглы пощипывал мерзлую траву.

— Добрый вечер, матушка, — сказал Имрик.

— Нечего эльфам звать меня матушкой, я рожала своих рослых сыновей от мужчины, — проворчала ведьма, но все же впустила Имрика в дом и поспешила наполнить для него рог пивом.

Должно быть, это окрестные хуторяне снабжали ее едой и питьем в уплату за ее немудреную ворожбу. Имрику пришлось пригнуться, чтобы войти в лачугу, и разгрести груду костей и всякой дряни, прежде чем сесть на единственную лавку.

Он взглянул на ведьму своими странными, раскосыми глазами. В этих глазах, целиком дымчато-голубых, не различить было ни белка, ни зрачка. В них блуждали лунные искры, и древнее ведение туманило их, ибо Имрик куда как долго жил на свете. Но при этом у него было вечно молодое лицо знатного эльфа: широкий лоб, высокие скулы, узкогубый рот и прямой точеный нос. Его волосы были тоньше паутины и стекали серебристой волной из-под рогатого шлема на широкие плечи, укутанные в алый плащ.

— Не часто в прежние времена появлялись эльфы среди людей, — сказала ведьма.

— Да, мы были слишком заняты, воюя с троллями, — ответил Имрик, и голос его прозвучал, будто ветер прошумел вдали меж древесных крон. — Но

теперь заключено перемирие, и я решил полюбопытствовать, что произошло за последние сто лет.

— Немало всякого, да только мало хорошего, — промолвила ведьма. — Датчане пришли из-за моря: убивали, грабили, жгли, захватили почти всю восточную Англию — вот и все новости.

— Ничего страшного. — Имрик разгладил усы. — Перед датчанами приходили англы и саксы, а перед ними — пикты и скотты, а еще раньше — римляне, а перед римлянами — бриты и гойделы, а перед ними... но у этой истории ни начала ни конца, не кончится она и на датчанах. И я, наблюдая за этими переменами с тех пор, как была сотворена Земля, не вижу в них ничего плохого, по крайней мере, время идет веселей. Я бы охотно взглянул на этих новых пришельцев.

— Тогда тебе не придется скакать далеко, — ответила ведьма. — На побережье живет Орм Сильный; отсюда для коня, принадлежащего смертному, пути всего одна ночь, а может и меньше.

— Для моего жеребца это не расстояние. Я поскакал.

— Погоди, эльф, погоди. — Ведьма что-то забормотала, уставившись на огонь, плясавший в очаге, — два красноватых отблеска вспыхнули в ее глазах и замерцали в дыму и полумраке. Неожиданно она захихикала от радости и взвизгнула: — Скачи, эльф, скачи, скачи к дому Орма на морском берегу. Сам он отправился в набег, но его жена примет тебя ласково. Она недавно родила сына, которого еще не окрестили.

Услышав эти слова, Имрик насторожил свои длинные, заостренные уши.

— Это правда, ведьма? — его голос прозвучал тихо и невыразительно.

— Правда, клянусь Сатаной. Я всегда сумею узнать, как идут дела в проклятой усадьбе. — Старуха, скорчившись над тускнеющими углями, затрясла своими лохмотьями. Тени, огромные и уродливые, заплясали на стенах. — Отправляйся, убедись сам.

— Я не рискну взять дитя датского вождя. Быть может, его оберегают Асы.

— Нет. Орм — христианин, хотя и равнодушен к своей вере, потому-то его сын еще не посвящен никаким богам.

— Плохо тебе придется, коли ты солгала, — сказал Имрик.

— Мне уже нечего терять, — ответила ведьма. — Орм сжег моих сыновей в их собственном доме, и вместе со мной умрет мой род. И не боюсь я ни богов, ни чертей, ни эльфов, ни троллей, ни людей. А то, что я сказала, — правда.

— Съезжу, посмотрю.

Имрик встал. Звенья его кольчуги зазвенели. Он запахнул широкий алый плащ, вышел из хижины и вскочил на своего серого жеребца.

Как порыв ветра пронесся Имрик, проскользнул как лунный блик из лесов в поля. Просторная страна открылась перед ним: тенистые деревья, высокие холмы, выбеленные инеем луга — все спало в лунном свете. То тут, то там под высокими звездами чернели хутора. Ночная нечеловеческая жизнь шла кругом: взвыл волк, блеснули зеленым огнем глаза дикой кошки, чьи-то маленькие лапы протопали у подножья дубов. Звери чуяли прибижение ярла эльфов и отступали во тьму.

Вскоре Имрик достиг усадьбы Орма. По трем сторонам мощеного двора стояли риги, амбары и пристройки из грубо отесанных бревен, а с четвертой — палаты возносили к звездному небу кровлю с вырезанными на коньках драконами. Напротив Имрик разглядел женскую светлицу. Учуявши его, собаки ощетинились и зарычали. Но, прежде, чем они залаяли, он вперил в них страшный, как бы слепой, взгляд и сотворил знак. Собаки, тихо повизгивая, отползли.

Словно порыв ночного ветра подлетел он к светлице, заклинаньем распахнул окно и заглянул в него. Лунный свет упал на кровать, посеребрил копну разметавшихся волос Эльфриды. Но Имрик смотрел только на прильнувшего к ней новорожденного.

Ярл эльфов усмехнулся под забралом, скрывавшим его лицо, притворил ставни и поскакал обратно на

север. Эльфрида пошевелилась, пробудилась и нащупала младенца рядом с собой. Тяжелые сны еще туманили ее взор.

III

В те дни Волшебный народ все еще обитал на земле, но завеса отчуждения уже нависла над его владеньями, так что они словно бы мерцали на рубеже между миром смертных и иным, нездешним; места, которые обычно казались просто одиноким холмом, озером или чащей, вспыхивали вдруг жутким блеском. Потому-то люди и старались не появляться на северном нагорье, которое называли Холмами Эльфов.

Имрик подъехал к Эльфийскому Утесу. Для смертных глаз он выглядел как каменистая вершина холма, а ярл эльфов увидел высокий замок с островерхими башнями, бронзовыми воротами и двором, вымощенным мрамором, увидел залы и галереи, стены которых были инкрустированы самоцветами и увешаны узорчатыми шпалерами, сотканными силой волшебства. Обитатели замка плясали в лунном свете на лугу перед его стенами. Имрик въехал в замок через главные ворота. Подковы гулко зазвенели по камню, и услужливые гномы-рабы выбежали ему навстречу. Имрик спрыгнул с коня и торопливо зашагал к главной башне.

Свет множества свечей преломлялся текучим причудливым блеском на самоцветах и позолоте. Из покоев доносилась музыка, будто горные ручьи журчали арфы, звенели трубы и флейты. На медленно колыхавшихся коврах и шпалерах, казалось, оживают узоры. Изменчивые, они покрывали стены, полы и сводчатые потолки, терявшиеся в голубом полумраке, но никто не смог бы проследить за всеми этими изменениями.

Имрик стал спускаться по лестнице. В тишине было слышно, как звенит его кольчуга. Неожиданно мрак, нарушаемый лишь тусклым светом факела, сгустился вокруг него. Он вдохнул холодный воздух подземелья. Только лязг металла да стоны доносились

время от времени из сырых переходов, вырубленных в скале. Имрика, как и любого эльфа, не смущала темнота. Он по-кошачьи легко, бесшумно и быстро двигался в глубь темницы.

Наконец он остановился у дубовой, окованной медью, двери. Медь позеленела от патины, а дерево потемнело от времени; три огромных замка было на двери, и только Имрик владел ключами от них. Он пробормотал заклинание и открыл дверь. Она распахнулась со скрежетом.

Триста лет прошло с тех пор как ее отпирали последний раз.

В темнице сидела троллиха. Нагая, она была прикована за шею к стене толстой, точно якорная, бронзовой цепью. Тусклый свет укрепленного за дверью факела освещал могучие мускулы ее скорчившейся на полу фигуры. Троллиха была безволоса, зеленая кожа обтягивала череп. Повернув к Имрику отвратительную голову, она заворчала, оскалившись по-волчьи. Но ее глаза были пусты — два колодца мрака, в которых утонула душа. Вот уже девять столетий она оставалась пленницей Имрика. Троллиха была безумна.

Ярл эльфов посмотрел на нее, стараясь не глядеть в глаза, и мягко сказал:

— Мы должны снова сотворить подменыша, Гора.

Голос троллихи зарокотал раскатами подземного грома:

— Ого-го, он снова здесь. Добро пожаловать, кем бы ты ни был, ты ведь из ночи и хаоса. Ха, неужели некому стереть усмешку с лика мирозданья?

— Поспеши, — сказал Имрик, — мне нужно сотворить подменыша до зари.

— Поспеши, поспеши, палый лист спешит на осеннем ветру, снег спешит с небес, жизнь спешит к смерти, боги спешат к забвению. — Голос троллихи гремел по подземелью. — Золу и пыль несет бессмысленный ветер, и только помешанный просвищет музыку сфер. Ха, красный петух на навозной куче!

Имрик снял со стены кнут и хлестнул ее. Троллиха сжалась от удара и покорно легла. Имрик, испытывая

отвращение к скользкому липкому холоду ее кожи, стал проделывать второпях все необходимое. После этого, обходя девять раз противосолонь вокруг ее скорчившегося тела, запел песню, какой никогда бы не спел смертный. Пока он пел, троллиха тряслась, пухла и стонала от боли, а как кончился девятый круг, вскрикнула так, что у Имрика заложило уши, и родила человеческого ребенка.

Это существо ни один человек не сумел бы отличить от сына Орма Вождя Датчан. Имрик завязал пуповину и взял тельце на руки. Младенец затих.

— Мир — гнилое мясо, сползающее с черепа, — пробормотала троллиха. Она загремела цепью и, вздрагивая, снова легла. — Рожать — разводить в нем червей. Торчат не прикрытые губами зубы, воронье выклевало глаза. Скоро ветер засвистит в пустых костях. — Она завыла, когда Имрик вышел и закрыл дверь. — Он ждет меня, он ждет на холме, там, где ветер разгоняет туман, он ждет уже девять сотен лет. Черный петух кричит...

Имрик запер дверь и поспешил подняться из подземелья. Сотворение подменыша нимало не радовало его, но возможность заполучить человеческое дитя было слишком редкой удачей, чтобы он мог упустить ее.

Когда он вышел во двор, то увидел, что надвигается ненастье. По небу, скрывая луну, мчались обрывки облаков. На востоке, исчерченные молниями, громоздились грозовые тучи. Ветер завывал и свистел.

Имрик прыгнул в седло, пришпорил коня и поскакал на юг. Он мчался по холмам и кручам, через долы и леса, меж деревьев, стонавших под порывами бури. Прерывистый свет луны падал призрачными бликами, и Имрик казался одним из этих призраков.

Он гнал коня так, что плащ за его спиной вздувался нетопырьим крылом. Луна вспыхивала на кольчуге, отражалась в глазах. Он проскакал низким, плоским прибрежьем Датского владения: прибой бил его по ногам, соленые брызги оседали на щеках. Снова и снова молнии выхватывали из тьмы бушующее море. В наступавшей за вспышками темноте гром гремел все

громче, точно по небу катились гигантские колеса. Имрик все сильней погонял коня. Сейчас, грозовой ночью, он боялся встречи с Тором.

Добравшись до усадьбы Орма, Имрик снова распахнул окно. Эльфрида уже не спала, она убаюкивала ребенка, прижав его к груди. Ветер, растрепав волосы, залепил ими Эльфриде глаза, ослепил ее. Она решила, что забыла запереть ставни.

Молния вспыхнула белым огнем. Вслед за ней тяжелым молотом ударил гром. Эльфриде вдруг показалось, что ребенок исчез из ее рук. Она рванулась за ним, и вновь почувствовала его у груди, как будто он все время лежал там.

— Слава Богу, — ахнула Эльфрида, — чуть было не уронила, но поймала.

Имрик, громко смеясь, ехал домой. Неожиданно он услышал, как его смеху вторят другие звуки: похолодев, он натянул поводья. Луна, показавшаяся в разрыве туч, осветила всадника, скакавшего наперерез Имрику. Смутное видение: взметнувшийся огромный конь, восьминогий, он мчался быстрей ветра, а на нем седобородый всадник в широкополой шляпе. Лунный свет мерцал в его единственном глазу и на наконечнике копья.

— Ого-го-го. — Следом неслись мертвые воины и воющие псы. Он скликал их рогом: копыта били точно град по крыше. Едва погоня промчалась, на землю обрушился ливень.

Имрик стиснул зубы. Встреча с Дикой Охотой не сулила ничего хорошего, к тому же не верилось, что одноглазый Охотник оказался тут случайно. Но, как бы там ни было, ему нужно спешить домой. Вокруг вились молнии, и как бы Тор не вздумал швырнуть в него свой молот. Имрик завернул сына Орма в плащ и дал шпоры своему жеребцу.

Когда Эльфрида смогла опомниться, она прижала вопящего мальчика к себе. Она решила покормить его, чтобы он успокоился. Младенец, больно кусая, принялся сосать грудь.

IV

Имрик отдал вскормить Скафлока, так он назвал похищенное дитя, своей сестре Лиа. Она была так же прекрасна, как ее брат; таким же лунным светом мерцали ее дымчато-голубые глаза; тонкое, точно выточенное из слоновой кости, лицо было обрамлено серебристо-золотыми прядями, струившимися из-под венца, убранного дорогими камнями. Шелка, тонкие как паутина, обвивали ее стан, и если бы кому довелось увидеть, как она танцует в лунном свете, ему показалось бы, что она охвачена белым пламенем. Ее полные, бледные губы улыбались Скафлоку, и молоко, которым по волшебству полнились ее груди, сладостным огнем обжигало его рот и разливалось по жилам.

Князья Альфхейма съехались на празднество в честь наречения дитяти и привезли немало драгоценных даров: искусно сработанные кубки и кольца, выкованные гномами кольчуги, щиты и шлемы, одежды из аксамита и атласа, златотканую парчу, амулеты и талисманы.

С тех пор как эльфы, подобно богам, великанам и троллям, перестали стариться, дети рождались у них все реже — это великое событие случалось раз в несколько столетий; тем более заслуживающим внимания показалось им взятое на воспитание дитя человеческое.

Когда пир был уже в разгаре, громовой стук копыт потряс Эльфийский Утес так, что задрожали стены и загудели бронзовые ворота. Стража затрубила в трубы, но никому и в голову не пришло бы заступить дорогу такому всаднику, и сам Имрик низким поклоном встретил его в воротах.

Это был гигант в доспехах и шлеме, сиявших почти так же ярко, как его глаза. Земля дрожала под копытами коня.

— Приветствую тебя, Скирнир, — сказал Имрик. — Твой приход — честь для нас.

Посланец пересек мощеный двор, освещенный луной. У бедра сам собой вырывался из ножен и вспы-

хивал точно солнечный луч меч Фрейра, данный Скирниру в награду за путешествие в Етунхейм за Герд. В руках он держал другой меч, длинный и широкий клинок которого не просто заржавел, но почернел от того, что долго пролежал в земле, и был сломан пополам.

— Ко дню наречения я принес дар для твоего приемного сына, Имрик, — сказал он. — Храни этот клинок, и когда твой сын сможет взмахнуть им, расскажи ему о том, что починить его может только великан Больверк. Настанет день, когда Скафлоку понадобится доброе оружие, и тогда ему послужит этот подарок Асов.

Он с лязгом швырнул сломанный меч наземь, повернул коня и под грохот копыт пропал в ночи. Эльфы замерли, понимая, что у Асов должно быть есть свои цели, которым Имрик должен подчиниться.

Ни один эльф не смел дотронуться до железа, и ярл приказал своим рабам-гномам забрать клинок. Он проследил за тем, чтобы они унесли его в нижнее подземелье и замуровали в нише рядом с темницей Горы. Имрик заклял это место рунами, ушел и больше не возвращался туда.

Протекли годы, но боги с тех пор не подавали вестей о себе.

Скафлок рос быстро и вырос здоровым мальчиком, сильным и веселым, с голубыми глазами и рыжеватыми волосами. Он был более шумливым, более резвым, чем немногочисленные дети эльфов, и рос настолько быстрей их, что успел стать почти взрослым, в то время как они совсем не изменились. У эльфов было не принято выказывать детям свою любовь, но Лиа часто ласкала Скафлока, убаюкивая его напевами, которые звучали то как морской прибой, то как шум ветра или шелест ветвей. Она учила его вежеству эльфийских князей и неистовым пляскам в полях, босиком по росе, в опьянении лунным светом. От нее он приобрел некоторые познания в чародействе, узнал песни, которыми можно было ослепить, отвести глаза

или заманить, песни, которые двигали деревья и скалы, безмолвные песни, от которых сполохи разгорались в зимнем небе.

Счастливо текли детские годы Скафлока в играх с молодыми эльфами и иными подобными созданиями. Много странных существ встречалось на холмах и в долинах; то был заколдованный край, и не всегда человеку или зверю, забредшему туда, удавалось вернуться, ибо не все его обитатели были безвредны и дружелюбны. Потому Имрик и отрядил одного из своих воинов охранять Скафлока.

Водяные духи вились в тумане над водопадами, эхо их голосов звенело в скалистых берегах. Скафлок смутно различал их стройные, сияющие тела в ореоле радуг. Ночью они, как и другие жители Волшебной страны, влекомые сияньем луны, выходили из вод и нагие, с водорослями в волосах и в венках из кувшинок, рассаживались на мшистых берегах. В такие ночи юные эльфы беседовали с ними. Многое могли рассказать водяные духи, многое знали они о реках и рыбах; о солнечных каменистых отмелях; о таинственных омутах, в которых стоит зеленая вода, и о том, как она в радужных брызгах, с грохотом несется по водопадам, чтобы снова умолкнуть, прыгнув в суводь.

Но были и другие водоемы: чавкающие топи и молчаливые горные озера с черной водой, и недаром Скафлока предостерегали от их берегов, ведь те, кто жил в них, были совсем не так добры.

Частенько он отправлялся в леса побеседовать с населявшим их малым народцем, робкими человечками в сером или коричневом платье, высоких колпачках и с бородами до пояса. Они обитали в тесных норах под корнями самых больших деревьев и были рады каждому приходу юных эльфов. Но появления взрослых эльфов они боялись и полагали большим своим преимуществом то, что ни один из эльфов не смог бы протиснуться в их домишки, не сжавшись до их малого роста, до чего бы конечно не вздумал унизиться ни один из надменных эльфийских князей.

Попадались в окрестностях и гоблины. Когда-то они были сильны, но Имрик расправился с ними огнем

и мечом, и тот, кто не был убит или изгнан, покорился его власти. Теперь они хоронились по укромным пещерам, но Скафлоку удалось подружиться с одним из них и выведать у него кое-что о тайном знании гоблинов.

Однажды юный Скафлок услышал дудочку, играющую в лесу, и, вздрогнув, устремился в чащу, откуда доносились волшебные звуки. Он так тихо подкрался к музыканту, что тот и не заметил Скафлока. Это было странное существо, человекоподобное, но с ногами, ушами и рогами козла. Музыкант насвистывал на многоствольной тростниковой флейте мелодию, такую же печальную, как его глаза.

— Кто ты? — спросил Скафлок удивленно.

Существо опустило флейту, готовое исчезнуть, но затем успокоилось, присело на пень и сказало, странно выговаривая слова:

— Я — фавн.

— А я и не слыхал о таких.

Скафлок сел, скрестив ноги, на траву. Фавн грустно улыбнулся. Сгущались сумерки, и первая звезда замерцала над его головой.

— Я здесь такой один. Я — изгнанник.

— Откуда же ты пришел, фавн?

— Я пришел с юга, после того как умер великий Пан и новый Бог, чьего имени я не смею произнести, появился в Элладе. Не стало места старым богам и старым обитателям той земли. Попы срубили священные рощи и поставили церкви. О, я помню, как рыдали дриады, и вопли, неслышимые их губителям, трепетали в горячем недвижном воздухе, будто застыв в нем навсегда. Они поныне звенят в моих ушах и будут звучать для меня вечно. — Фавн покачал кудрявой головой. — Я бежал на север, но боюсь, что мои друзья, оставшиеся, чтобы сражаться и погибнуть от заклинаний, оказались мудрей меня. Это было давным-давно, маленький эльф, это было очень давно. — Слезы блеснули в его глазах. — Нимфы и фавны и сами боги обратились в прах. Пустые храмы белеют под все теми же голубыми небесами и камень за камнем обращаются в руины. А я, я брожу один в

чужой стороне, вызывая презрение у ее богов и страх у ее людей. Это земля туманов, дождей и ледяных зим, здесь брызжут злобой серые воды морей и бледные лучи едва пронзают тучи. Нет больше сапфировых вод и ласковых холмов, нет больше маленьких скалистых островов и милых южных рощ, под сенью которых нас поджидали нимфы, нет больше виноградных лоз и смоковниц, гнущихся под тяжестью плодов, нет больше величавых богов на высоком Олимпе...

Фавн оборвал свой напев, насторожил уши, потом вскочил и метнулся в заросли. Скафлок оглянулся и увидел приставленного к нему эльфийского воина, который пришел, чтобы забрать его домой.

Но часто ему удавалось пострансствовать одному. Он не боялся полдневных лучей, которых должны были остерегаться жители Волшебной страны. Имрик считал, что Скафлоку ничто не угрожает в мире смертных, потому Скафлок в своих путешествиях забредал гораздо дальше, чем другие дети Эльфийского Утеса, и изучил окрестные земли лучше, чем удалось бы любому человеку, проживи он там хоть всю жизнь.

Среди диких зверей лучше всех относились к эльфам лис и выдра, считалось, что они состоят с ними в дальнем родстве; эльфы даже знали их язык. От лиса Скафлок узнал о тайных тропинках в лесах и долинах, петляющих в дырявой тени древесных крон, и о приметах, которые могли многое рассказать тому, кто умел быть достаточно чутким. Выдра поведала ему о подводном мире рек и озер, он научился плавать не хуже своего гибкого учителя и подкрадываться к добыче, укрывшись шкурой, которая не прикрывала и половины его тела.

Но он подружился и с другими животными. Самые пугливые птицы садились к нему на ладонь, стоило ему посвистеть на их языке; медведь приветствовал его довольным ворчанием, когда он забирался в медвежью берлогу. Олени, лоси, зайцы и куропатки избегали Скафлока с тех пор, как он начал охотиться, но с некоторыми из них он был в мире. И длинным бы вышел рассказ о всех его странствиях среди лесных зверей.

Времена года сменяли друг друга, и он встречал их одно за другим. Он бродил среди робкой весенней зелени, когда просыпающиеся леса полнятся птичьим гомоном, когда реки взламывают тающий лед, а маленькие подснежники белеют во мху как последние снежинки. Лето помнило его, нагого и загорелого, когда он взбегал на холм с развевающимися выгоревшими волосами и мотыльки вспархивали из-под его ног, а потом в восторге катился вниз по траве; или ночами, светлыми точно грезы о прошедшем дне, под высокими звездами, среди пенья сверчков и сверкающей от лунного света росы. Грозы осени окатывали его, он сплетал венки из багряных листьев, а прозрачный воздух был полон криком улетающих птичьих стай. Зимой Скафлок скользил вместе с метелью или пробирался через бурелом под вой вьюги и стоны деревьев, или среди снежных полей слушал, как звенит от мороза лед на озерах и эхо отзывается в холмах.

V

Когда Скафлок подрос, Имрик стал давать ему поручения, сперва незначительные, но со временем все сложнее и сложнее, пока он не стал настоящим воином Альфхейма. Смертные люди, чей век так короток, способны учиться быстрей, чем Волшебный народ, и знания Скафлока крепли еще быстрей, чем его тело.

Он научился скакать верхом на волшебно резвых эльфийских конях, на вороных и белых жеребцах и кобылах, быстрых и неутомимых как ветер, и часто ночами их галоп нес его от Хейтнесса до мыса Лендс Энд, так что только разорванный воздух пел в ушах. Он научился владеть мечом и копьем, луком и секирой. Скафлок был не так гибок и проворен, как эльфы, но втрое сильней любого из них и мог не снимать доспехов по целым дням; а что касается ловкости, то любой смертный показался бы увальнем рядом с ним.

Скафлок охотился по всей стране, один или вместе с Имриком и его свитой. Немало ветвисторогих оленей

уложил его лук, немало вепрей с длинными клыками нашли смерть от его копья. Была у него и другая, более мудреная потеха — сумасшедшая погоня по лесам, по утесам за единорогами и грифонами, которых Имрик привез когда-то с края света себе на забаву.

Скафлок постиг также все повадки эльфов: их величавую походку, их бесконечные уловки, их изысканные речи. Он мог плясать нагой под звуки арф и флейт в потоках лунного света в таком же самозабвении, как самые необузданные из них. Он мог сыграть и спеть песни, чьи странные мелодии были древней, чем род людской. Он изучил скальдическое искусство до такого совершенства, что мог изъясняться стихами так же легко, как обычной речью. Он изучил все наречья Волшебной страны и три из числа людских. Он мог выбирать редчайшие яства эльфов, ему был доступен тот жидкий огонь, что тлел в подвалах замка в запечатанных, заросших паутиной бутылях, но при этом Скафлок не утратил вкуса к черным охотничьим сухарям и солонине, к диким ягодам, напоенным солнцем и дождем, и к воде из горных родников.

Едва первый пух покрыл щеки Скафлока, как он уже снискал расположение эльфийских женщин. Не ведающие страха Божьего, не обремененные детьми, эльфы не знают брачных уз, к тому же их природа такова, что их женщины более любвеобильны, а мужчины более холодны, чем это бывает у людей. Потому-то и пользовался Скафлок таким успехом и немало времени довелось ему провести в любовных утехах.

Труднейшей и самой опасной частью его выучки было постижение магического искусства. С того момента, как он смог продвинуться дальше простейших заклинаний, доступных и ребенку, Имрик взял его обучение в свои руки. Конечно, из-за своей человеческой природы и недолгого века, отпущенного ему, Скафлок не мог достичь в магии глубин, доступных его приемному отцу, но все же стал не менее сведущ, чем большинство вождей эльфийских кланов. В первую очередь он научился уклоняться от железа и

избегать его, ибо присутствия железа не выносят ни эльфы, ни тролли, ни гоблины, не выносят даже упоминания о нем, даже легкого укола иголкой в крестьянском доме. И хотя Скафлоку железо не могло причинить вреда, он привык не иметь с ним дела. Затем он постиг руны, с помощью которых можно заживить рану или излечить болезнь, отвести злосчастье или навести порчу на врага. Он выучил песнопенья, которыми можно было поднять или унять бурю, вызвать урожай или недород, возбудить гнев или успокоить человеческое сердце. Он научился добывать руды неведомых человеку металлов, которые в Волшебной стране выплавляли вместо стали. Он научился окутываться тьмой как плащом или с помощью шкур оборачиваться зверем. В конце своего учения он постиг властные руны, гимны и заклинания, которые открывали будущее, позволяли вызывать мертвых и подчинять своей воле богов; но никто без крайней нужды не стал бы пользоваться этим знанием, которое могло потрясти самые основы бытия и погубить того, кто посмел бы прибегнуть к нему.

Скафлок любил спускаться к морю, он мог часами сидеть на берегу, устремив взор над беспокойной ширью к той смутной черте, где воды сходились с небесами; ему никогда не надоедал глубокий голос моря, этот язык соленых глубин и ветреных просторов, эти бесконечные смены настроения. Он происходил из рода морских бродяг, и кровь в его жилах пульсировала в такт приливам и отливам. Он беседовал с тюленями на их языке, состоящем из фырканья и лая, и чайки, кружа над его головой, своими криками сообщали ему о новостях, которые они принесли с края земли. Иногда, когда он отправлялся к морю вместе с другими воинами, из пены прибоя могли вдруг появиться русалки. Они выходили на берег, отжимая свои длинные зеленые волосы, и уж тут начиналось веселье. На ощупь влажные и прохладные, они пахли водорослями. Скафлок любил их, хотя потом долго еще ощущал на губах слабый привкус рыбы.

В свои пятнадцать лет Скафлок ростом был уже

почти с Имрика, широкоплечий, смуглокожий, с длинными льняными волосами. У него было открытое, с резкими чертами, лицо, крупный улыбчивый рот и большие, широко посаженные темно-голубые глаза. Смертный, не прошедший такой школы, сказал бы, что Скафлока окутывает какая-то тайна, туманящая его глаза, которым довелось видеть то, что не дано видеть обыкновенному человеку, тайна, дающая о себе знать в его упругой, как у барса, походке.

Как-то Имрик сказал Скафлоку:

— Ты уже достаточно возмужал, чтобы получить свое собственное оружие, получше, чем мое старое, а кроме того — меня вызывает Король Эльфов. Мы отправляемся за море.

Услыхав такие вести, Скафлок гикнул, кубарем выкатился в поля и погнал своего коня бешеным галопом через земли людей, творя чудеса направо и налево, только для того, чтобы выразить свой восторг. От его заклинаний заплясали горшки в очагах, зазвонили колокола на колокольнях, топоры начали сами собой валить лес, его песнопения забросили на крышу дома корову хуторянина, разметали его сено по всей округе и обрушили дождь золотых монет на двор хутора. Надвинув шапку-невидимку, он целовал крестьянских девушек, бредущих в сумерках полями, ерошил их волосы, а парней толкал в канавы. Скафлок был уже давно в море, но еще долго по всей стране служили мессы, чтобы заклясть разгул нечистой силы.

Имрик вызвал попутный ветер, который, туго надув паруса его смоленой ладьи, быстро помчал ее вперед. Он взял с собой лучших эльфийских воинов, ведь в пути не исключена была встреча с троллями или кракеном. Скафлок стоял на носу драккара, жадно вглядываясь в даль, — с детства он был наделен колдовским зрением и ночью видел так же хорошо, как днем. Он заметил мелькнувшую в лунном свете серебристо-серую морскую свинью, окликнул знакомого старого тюленя. Вдруг вынырнул кит, вода с ревом вскипала у его боков. Чудеса, которые точно морок только мелькали перед смертными моряками, ясно различали дымчатые раскосые глаза эльфов и глаза

Скафлока: то русалки, кувыркающиеся с песнями в морской пене, то затонувшие башни Иса, то краткий бело-золотой высверк и соколиный крик над головой — валькирии мчались на битву где-то на востоке.

Ветер пел в снастях, и море ревело за бортом. Прежде чем рассвело, ладья достигла другого берега, была вытащена из воды и упрятана с помощью заклинаний.

Эльфы укрылись под парусом, натянутым над палубой, но Скафлок большую часть дня провел под открытым небом. Он забрался на дерево и с удивлением глядел на пашни, простиравшиеся на юго-западе. Крестьянские дома здесь были совсем не такие, как в Англии. Между ними высился суровый серый баронский замок. Скафлок с жалостью подумал о тех несчастных, чья жизнь текла в этих мрачных стенах. Он-то ни за что бы с ними не поменялся.

Когда наступила ночь, эльфы оседлали привезенных с собой коней и вихрем понеслись в глубь страны. К полуночи они въехали в горы. Серебряные прожилки лунного света чередовались с густой тенью утесов и скал и зеленоватым мерцанием далеких ледников. Эльфы скакали по узкой тропинке — доспехи звенели, копья колыхались, развевались плащи и перья. Копыта били по камням, и эхо отдавалось в ночи.

В вышине хрипло затрубил рог, и другой ответил ему из долины. Эльфы услышали лязг металла и топот ног. Когда они добрались до конца тропинки, то увидели отряд гномов, охранявших вход в пещеру.

Кривоногие мужчины едва доходили Скафлоку до пояса, но были широкоплечи и длинноруки. Гневны были их смуглые, бородатые лица, глаза недобро поблескивали из-под лохматых бровей. Они были вооружены железными мечами, секирами и щитами. В прошлом эльфы не раз одерживали верх над гномами благодаря стрелам и копьям, а также своей ловкости, проворству и воинскому искусству.

— Что вам здесь надо? — прогудел предводитель гномов. — Или мало зла причинили нам эльфы и тролли, разоряя наши земли и порабощая наших лю-

дей? Сейчас перевес на нашей стороне, и если вы приблизитесь, мы убьем вас.

— Мы пришли с миром, Мотсогнир, — ответил Имрик. — И хотели бы только кое-что купить у вас.

— Мне известно твое коварство, Имрик Вероломный, — жестко возразил Мотсогнир. — Ты просто думаешь так обойти наши заслоны.

— Я дам тебе заложников, — пообещал ярл эльфов, и на это король гномов с неохотой согласился. Оставив часть пришельцев безоружными в окружении своих воинов, Мотсогнир позволил остальным спуститься в свои пещеры.

А там, под скальными сводами, в кровавом свете тусклых огней неутомимые гномы трудились у своих наковален. Их молоты гремели и лязгали так, что в конце концов у Скафлока зазвенело в ушах. Здесь самые искусные в мире мастера ковали бокалы и кубки, украшенные каменьями; кольца и ожерелья самой тонкой работы из червонного золота; оружие, достойное богов (и, действительно, гномам доводилось делать для них оружие) и исполненное злой силы. Всевластными были руны и чары, которые гномы могли вырезать на клинках, и непостижимыми искусствами владели их мастера.

— Я бы хотел, чтобы вы выковали оружие для моего приемного сына, — сказал Имрик.

Кротовые глазки Мотсогнира пристально поглядели на рослую фигуру Скафлока, освещенную колеблющимся пламенем.

Его голос перекрыл грохот молотов.

— Никак ты опять принялся за свои проделки с подменами, Имрик? Смотри, когда-нибудь ты перехитришь сам себя. Но, поскольку парень человечьей породы, думаю я, что он захочет иметь оружие из стали.

Скафлок заколебался. Предубеждение, воспитанное годами, не могло исчезнуть мгновенно. И все же он предвидел, что не за горами время, когда бронза окажется слишком мягкой, а редкостные эльфийские сплавы — слишком легкими для его крепнущих сил.

— Да, из стали, — ответил он твердо.

— Добро, — проворчал Мотсогнир и повернулся к

своему горну. — Послушай меня, парень, вы, люди, пусть вы и слабы, и невежественны, и век наш недолог, а все же вы сильней эльфов и троллей, да что там, вы сильней великанов и богов, и только потому, что вам дано брать в руки холодное железо. Эй! — крикнул гном. — Эй! Синдри, Текк, Драупнир, на подмогу!

И тут же заработали горны, полетели искры, загремел металл. И таково было искусство кузнецов, что не успел Скафлок оглянуться, как уже у него на голове был крылатый шлем, на груди — сверкающая кольчуга, щит — на спине, меч — у бедра и секира — в руке: все оружие из голубоватой мерцающей стали. Скафлок вскрикнул от радости, взмахнул оружием и издал боевой клич эльфов.

— Ха! — крикнул он, бросив меч в ножны. — Пусть только тролли или гоблины, пусть сами великаны только посмеют приблизиться к Альфхейму! Мы обрушимся на них, грозой и пожаром пройдем по их землям!

И Скафлок сказал такую вису:

Плещет битвы пляска
по отрогам горным.
Лупит меч по латам —
лязг стоит до неба.
Стрелы мчатся стаей.
Сталь крушат секиры:
крепкие кольчуги,
кованые шлемы.
Плещет битвы пляска.
Пре жестокой рады,
рубят вражьи рати
ратоборцы гневно.
Бешеная битва
брашно приготовит:
волк и черный ворон
всласть вкусят добычи.

— Недурно сказано, хотя немного ребячливо, — холодно заметил Имрик, — только не вздумай обратить эти свои новые игрушки против эльфов. Нам пора! — И, вручая Мотсогниру мешок с золотом, сказал: — Здесь плата за работу.

— Лучше бы ты заплатил мне, освободив наших людей, которые томятся у тебя в рабстве, — ответил гном.

— Они нам слишком нужны, — заявил, уходя, Имрик.

До заката отряд эльфов укрывался в пещере и следующей ночью въехал в дремучий лес, в котором стоял замок Короля Эльфов.

Это место было окутано чародейством такой силы, с каким Скафлоку еще не доводилось встречаться. Он как в тумане различал то высокие стройные башни, освещенные луной, то мириады огоньков, которые плясали в голубом полумраке, то вдруг слышалась музыка, которая пронизывала его до костей и заставляла содрогаться, — и все же, пока они не добрались до тронной залы, он так и не смог ничего ясно разглядеть.

В окружении своих князей, на троне под балдахином сидел Король Эльфов. Золотыми были его корона и скипетр, но волной мрака колыхалась пурпурная мантия. Он был седовлас и седобород, единственный среди эльфов, чей возраст выдавали морщины на лбу и на щеках. На его лице, будто высеченном из мрамора, живым огнем горели глаза.

Имрик отвесил поклон, а воины его свиты преклонили колено перед своим королем. И тогда, точно ветер загудел, Король произнес:

— Приветствую тебя, Имрик, ярл эльфов Британии.

— Приветствую тебя, повелитель, — ответил ярл, встречая пристальный, наводящий ужас взгляд Короля.

— Мы созвали вождей наших кланов на совет, — сказал Король, — ибо до нас дошла весть, что тролли опять готовы к войне. Нет сомнений, что они вооружаются против нас, и можно думать, что перемирие будет нарушено в ближайшие годы.

— Хорошие вести, повелитель. Наши мечи залежались в ножнах.

— Эти вести, быть может, не так уж и хороши, Имрик. В прошлый раз мы прогнали троллей, и, хотя нам даже удалось вторгнуться в их земли, прочного

мира нет. Иллред, Король Троллей, совсем не так глуп. Он не стал бы готовиться к войне, если бы не чувствовал себя сильнее прежнего.

— Я начну готовить мои владения к войне, повелитель, и вышлю разведчиков.

— Хорошо. Быть может, твои люди узнают что-нибудь из того, что упустили наши. — И Король Эльфов взглянул на Скафлока, который внутренне похолодел, но тем не менее смело встретил его огненный взор. — До нас дошел слух о твоем подменыше, Имрик, — проворчал Король. — Тебе следовало бы сначала испросить нашего дозволения.

— Не было времени, повелитель, — возразил ярл. — Дитя окрестили бы прежде, чем я успел послать весть и получить ответ. Трудно стало похитить ребенка в наши дни.

— И кроме того, опасно, Имрик.

— Да, повелитель, но дело стоило того. Нет нужды упоминать, что люди могут многое из того, что недоступно ни эльфам, ни троллям, ни гоблинам. Они могут пользоваться любыми металлами, они могут дотрагиваться до святой воды, ходить по освященной земле и произносить имя нового Бога, э, да что там, сами старые боги должны избегать некоторых вещей, которые дозволены людям. Потому-то нам, эльфам, и необходим один из них.

— Подменышу, которого ты подбросил людям, все это тоже доступно?

— Конечно, повелитель. Но ведь тебе ведомо, что такие полукровки по своей природе злы и необузданны. Они не могут быть посвящены в те тайны волшебства, в которые был посвящен мой воспитанник. Главное, чтобы люди не знали о похищении своих детей и не призвали мести своих богов на головы эльфов за эти подмены.

До сих пор беседа о всем понятных вещах текла в неспешной, как это в обычае у бессмертных, манере. Но вот Король Эльфов заговорил резче:

— Можно ли доверять человеку? Если сохранить ему жизнь, он переметнется к новому Богу и будет вне

нашей досягаемости. Тем более, что он растет слишком сильным.

— Нет, повелитель. — Скафлок вышел на середину высокого собрания и взглянул прямо в лицо королю эльфов. — Я благодарен Имрику за то, что он похитил меня из мира смертных слепцов. Я эльф во всем, и пусть я не эльф по крови, но грудь эльфийской женщины вскормила меня, и язык эльфов — мой язык, и эльфийские девушки любили меня. — Он почти дерзко вскинул голову. — Подари мне жизнь, повелитель, и я буду лучшим из твоих псов, — помни, когда хозяин прогоняет собаку, она становится волком и способна растерзать его стада.

Некоторые эльфы были поражены такой дерзостью, но Король, кивнув головой, мрачно улыбнулся.

— Мы верим тебе, — сказал он, — и прежде бывало, что юноши, усыновленные в Альфхейме, становились его отважными воинами. Но нас тревожит дар, который Асы прислали тебе в день наречения. Видно, есть у них какая-то цель, и боюсь, она не похожа на нашу.

Собравшиеся вздрогнули, и кое-кто зачурался, начертив в воздухе руны. Но Имрик сказал в ответ:

— Повелитель, в том, что предначертано Норнами, не властны и сами боги. И стыдным для себя почитал бы я лишиться самого многообещающего из своих воинов, убоявшись глухих страхов будущего.

— Быть по сему, — согласно кивнул Король Эльфов, и совет перешел к другим вопросам.

Как только совет эльфийских князей закончился, начался разгульный пир. От великолепия королевского двора у Скафлока голова пошла кругом. Когда, в конце концов, он вернулся домой, его жалость и презрение к людям стали так велики, что долгое время после того он их даже не хотел видеть.

Прошло еще с полдюжины лет. Эльфы совсем не менялись, но Скафлок вырос настолько, что гномам, бывшим в рабстве у Имрика, пришлось переделывать его доспехи. Он стал выше ростом и шире в плечах,

чем ярл эльфов, и сильней любого мужчины в округе. Он с голыми руками ходил на медведей и диких быков и мог догнать оленя на бегу. Ни у кого во всем Альфхейме не достало бы сил согнуть его лук или взмахнуть его секирой, и не только потому, что она была выкована из железа.

Уже длинные пшеничные усы украсили его худощавое лицо, но он оставался все таким же веселым и необузданным любителем буйных шалостей и опасных затей, всегда готовым выпить, пошуметь и наколдовать смерч, только для того, чтобы задрать юбку у девчонки. Скафлок не раз отыскивал в трясинах чудищ из рода Гренделя и сражался с ними насмерть, получая страшные раны, которые только Имрик умел исцелять своей волшебной силой, однако и раны не могли остановить его. Но бывало, он подолгу валялся на траве и, не шевелясь, праздно глядел на бегущие облака. А то вдруг в образе зверя, чуя недоступное человеку, он обшаривал воды и дебри, то ныряя выдрой, то рыща волком, то коршуном когтя добычу.

— Три вещи мне неведомы, — как-то похвалился Скафлок, — страх, поражение и любовный недуг.

— Слишком ты молод, — холодно сказал Имрик, — и не знаешь, что на этих трех вещах основана жизнь человека.

— Я более эльф, чем человек, приемный отец.

— Да, ты таков, пока...

Однажды Имрик снарядил дюжину ладей и отправился в поход. Эльфы пересекли Восточное море и принялись грабить гоблинов, живущих на скалистом побережье. Затем они сошли на берег и напали на поселение троллей в глубине страны. Оно было сожжено, после того как эльфы перебили обитателей и захватили их добро. Война еще не была объявлена, но такие набеги, как пробу сил, часто устраивали обе стороны. Потом Имрик и Скафлок пошли со своим войском на север, откуда повернули на восток по холодному белому морю среди туманов и плавучих льдов, потом, обогнув мыс и пройдя узким проливом, отправились на юг. Там они сражались с драконами и демонами той страны. Дальше они пошли вдоль

побережья на запад и там, где оно поворачивало на юг, снова пошли на север. Самую тяжелую битву им пришлось выдержать на пустынном прибережье с отрядом изгнанных богов, ослабевших и обезумевших от одиночества, но все еще наделенных страшной силой. В этом бою сгорело три их корабля и никто не спасся с них, но все же Имрик вышел победителем.

Иногда эльфы встречали людей, но не обращали на них внимания, их интересовали только обитатели Волшебной страны. Они проходили мимо, невидимые смертным очам, разве только мелькнув в них пугающей вспышкой. Не везде им приходилось сражаться, во многих странах они были желанными гостями и во время стоянок торговали с местными жителями. Через три года после отплытия корабли пришли домой, нагруженные товарами и пленниками. Имрик и Скафлок вернулись со славой, и молва об их путешествии разнеслась по всему Альфхейму и сопредельным странам.

VI

Ведьма продолжала жить в чаще леса в полном одиночестве, общаясь только со своими воспоминаниями, и долгие годы они пожирали ее душу, наполненную ненавистью и жаждой мести. Стремясь стать сильней, чтобы отомстить, она вызывала духов земли и беседовала с демонами ветров, и они многому научили ее. И вот она полетела, оседлав помело, на шабаш на Брокене. Ветер развевал ее лохмотья. Жутким было это празднество, на котором древние страшные твари пели гимны у черного алтаря и упивались кровью, но, наверное, ужасней всех были молодые женщины, предававшиеся там чудовищным обрядам и отвратительным соитиям.

Оттуда ведьма вернулась мудрей, чем была до того, и с помощником — злым духом в виде крысы. Эта крыса пила кровь из ее иссохшей груди, а ночью забиралась на подушку и нашептывала на ухо спящей. В конце концов ведьма решила, что у нее доста-

нет сил вызвать того, кого она так страстно желала видеть.

Громом и молниями наполнилась ее хижина, голубым мерцанием и запахом серы, но появившаяся при этом тень, перед которой простерлась ведьма, была по своему прекрасна, как прекрасен грех в глазах того, кто предается ему по доброй воле.

— О ты, Многоименный, Князь Тьмы, Недобрый Спутник, — возопила ведьма. — Исполни мое желание, и я заплачу тебе твою всегдашнюю цену.

И тот, к кому она воззвала, ответил ей тихим и мягким, но настойчивым голосом:

— Ты далеко прошла по моей дороге, но еще не всецело принадлежишь мне. Милосердие Небес безгранично, и только добровольно отвергнув их волю, ты будешь потеряна для него.

— Что мне в милосердии? Оно не отомстит за моих сыновей. Я готова отдать тебе свою душу, если ты предашь моих врагов в мои руки.

— Этого я сделать не могу, — ответил гость. — Но я тебе помогу обольстить твоих врагов, если только твое коварство превзойдет их силы.

— Этого мне достаточно.

— Но вспомни, разве ты уже не отомстила Орму? Разве не твоих рук дело то, что у него подменили старшего сына, и это может обернуться для Орма большой бедой?

— Старший сын Орма благоденствует в Альфхейме, да и другие его дети спокойно растут. Я хочу истребить его поганое семя дотла, подобно тому, как он уничтожил моих детей. Ни небесные боги, ни Тот, чьего имени мне лучше не произносить, не помогут мне, а потому ты, Черный Владыка, будь моим другом.

Она почувствовала на себе тяжелый взгляд, в котором вспыхивали ледяные огоньки.

— И сами боги тут не властны, — прошептал тихий голос, — тебе самой это известно. Один, прозревающий судьбы людские, не спеша творит свою волю...

Но я помогу тебе. Я наделю тебя силой и знанием, дабы стала ты могущественной колдуньей. И я научу, как тебе наверняка поразить своих врагов, если только они не мудрей, чем ты думаешь. Есть в мире три Силы, и ни богам, ни духам, ни людям не устоять против них, их не одолеть ни колдовством, ни превозмочь мощью — это Белый Христос, Время и Любовь. От первой ты можешь дождаться только гибели своих затей, и смотри, чтобы ни Он, ни Его люди не оказались на твоем пути. Ты избегнешь Его, если будешь помнить, что Небеса оставили малым сим свободу воли, а потому и не гонят их на свои пути; даже чудеса, и те дают человеку не более чем возможность. Вторая, у которой имен больше, чем у меня самого, — Рок, Доля, Закон, Норны, Необходимость, Брахма и иные, без числа, — к ней не стоит взывать, она не услышит. Тебе не дано понять, как она существует вместе с той свободой, о которой я говорил, так же как и то, что в мире одновременно есть старые и новые боги. Но чтобы овладеть великим знанием, ты должна размышлять об этом до тех пор, пока сердцем не поймешь, что у истины столько же ликов, сколько умов стремится постигнуть ее. А третья Сила — Сила смертная, может она и помешать и помочь, но только к ней ты должна прибегнуть.

Ведьма поклялась особой клятвой, и ей было сказано, где и как получить то знание, которого она жаждала. Ее гость покинул хижину, и когда она поглядела ему вслед, он нимало не был похож на того, кого она видела в своем доме. Это был высокий мужчина, удалявшийся быстрыми шагами, несмотря на то, что его длинная борода совсем поседела. Он был закутан в плащ, вооружен копьем, и на лице, затененном широкополой шляпой, казалось, был один глаз. Она вспомнила о том, кто славился своим коварством, кто обманывал и оборачивался, странствуя по свету, и задрожала.

Но едва он отошел настолько, что ведьма уже не могла его ясно видеть в обманчивом свете звезд, как

она перестала размышлять о своих нелегких сомнениях и вся отдалась мыслям об утратах и будущей мести.

За исключением того, что подменыш был существом буйным и шумливым, он ничем не отличался от обычного младенца, и хотя Эльфриде пришлось немало с ним повозиться, ей и в голову не могло прийти, что это вовсе не ее сын. По желанию Орма она окрестила дитя Вальгардом, и пела ему, и играла с ним, и радовалась ему. Но ребенок так больно кусался, что выкормить его было настоящей мукой.

Орм обрадовался, когда, вернувшись домой, обнаружил, что у него родился такой красивый сильный мальчик.

— Он станет великим воином, — воскликнул вождь, — потрясателем стали, наездником моря.

Он оглядел двор и спросил:

— А где собаки? Где мой старый верный Грам?

— Грама больше нет, — упавшим голосом ответила Эльфрида. — Он попытался прыгнуть на Вальгарда и разорвать его, и я приказала убить бедное обезумевшее животное. Но это так напугало других собак, что теперь они рычат и поджимают хвосты, когда я выхожу с ребенком во двор.

— Это странно, — сказал Орм, — людей нашего рода всегда любили собаки и лошади.

Но когда Вальгард подрос, стало ясно, что животные не подпускают его к себе: коровы при его приближении разбегались, лошади храпели и бились, кошки шипели и лезли на дерево, и ему пришлось рано научиться владеть копьем, чтобы обороняться от собак. Он, в свою очередь, платил животным тем же: осыпал их пинками и бранью, а со временем стал безжалостным охотником.

Вальгард рос угрюмым молчуном, склонным к диким выходкам и непослушанию. Рабы ненавидели его за тяжелый характер и злые шутки. Постепенно и Эльфрида, боясь признаться в этом самой себе, разлюбила его.

Но Орм души не чаял в Вальгарде, несмотря на то,

что не во всем у них было согласие. Когда он наказывал мальчишку, тот ни разу не заплакал, хотя и тяжела была рука у Орма. А когда он учил Вальгарда владеть мечом и со свистом опускал свой клинок, едва не задевая головы сына, тот и бровью не вел. Вальгард быстро рос и мужал, владел оружием так, будто родился с ним в руках, и никогда ни в чем не выказывал ни боязни, ни мягкости. У него не было настоящих друзей, но немало находилось тех, кто готов был за ним пойти.

Эльфрида родила Орму еще двух сыновей: рыжеволосого Кетиля и смуглого Асмунда, и оба они были многообещающими мальчиками, и двух дочерей: Асгерд и Фреду, притом младшая, Фреда, была вылитая мать. Эти дети ничем не отличались от других детей, смеялись и плакали, сперва играли около матери, а как подросли, принялись шататься по всей округе, и Эльфрида любила их и волновалась за них. Любил их и Орм, но Вальгард оставался его любимцем.

Вальгард мужал, по-прежнему одинокий, нелюдимый, молчаливый. Внешне он ничем не отличался от Скафлока, пожалуй только волосы были немного темней, да кожа белей, да в глазах застыла тяжелая пустота. Но складка губ у него была угрюмая, он редко улыбался, разве только пролив чью-нибудь кровь или причинив кому-нибудь боль, да и то это скорей была не улыбка, а оскал. Вальгард, который был выше и крепче всех мальчишек в округе, редко общался со своими сверстниками, иногда только составляя из них шайки для дурных дел. Он редко помогал по хозяйству, за исключением забоя скота, и всему предпочитал долгие прогулки в одиночестве.

Орм так и не построил задуманную когда-то церковь, однако окрестные крестьяне сами сделали это, и он не мешал своим людям молиться в ней. Как-то Эльфрида пригласила священника побеседовать с Вальгардом. Но мальчик рассмеялся ему в лицо.

— Не желаю я кланяться вашему плаксивому богу, — заявил он, — да и никакому другому. Если уж все-таки нужно для чего-то взывать к богам, то жертвы, которые мой отец приносит Асам, помогают намного больше, чем любые молитвы, с которыми он или

ты обращаетесь к Христу. Будь я богом, я скорей даровал бы удачу за кровавые жертвы, но скупца, который только и умеет, что досаждать лицемерными молитвами, я бы прогнал — вот так!

И он обрушил тяжелый пинок на священника.

Орм только посмеялся про себя, узнав об этой истории, а слезы Эльфриды не возымели действия, так что священник получил только скудное воздаяние.

Больше всего Вальгард любил ночь. Ночью он часто вставал и крадучись уходил из дому. Он мог до рассвета мчаться легкой волчьей походкой, точно околдованный лунным светом. Он бродил без цели, чувствуя беспокойство и томление, которые он и сам не умел объяснить, и его уныние рассеивалось только тогда, когда он убивал, калечил или рушил. Тогда он обретал способность смеяться и кровь тролля стучала в его висках.

Но однажды он обратил внимание на крестьянских девушек, работающих в полях, в платьях, прилипших от пота к молодому телу, и с того дня у него появилась иная забава. Он был силен, хорош собой, и язык его был по-эльфийски брек, когда он давал ему волю. Вскоре Орму пришлось платить своим рабам за бесчестие их дочерей.

Это его не очень заботило, но когда Вальгард повздорил на пиру с Олафом, сыном Сигмунда, и убил его, Орм был вынужден заплатить большую виру. Последние годы Орм сидел дома, а если и путешествовал, то по торговым делам, но в то лето он пошел в викингский поход и взял Вальгарда с собой.

Это была честь для юноши, но он скоро оправдал ее, завоевав уважение других викингов воинским искусством и отвагой в битвах, так что они не обращали внимания на его склонность к бессмысленному убийству безоружных. Через некоторое время Вальгард стал берсерком: он начинал дрожать, кусать край своего щита, на губах у него выступала пена, и он с воем бросался в бой. Меч его быстро делался красным от крови, он не чувствовал ударов, которые ему наносили, и выражение его лица сковывало ужасом врагов еще до того, как он успевал обрушить на них свое оружие. После битвы, в которой Вальгард

нагромождал горы трупов, он некоторое время чувствовал себя обессилевшим.

Только грубые и беззаконные люди решались иметь дело с берсерками, и именно такими Вальгард предпочитал предводительствовать. Каждое лето он отправлялся в набег с Ормом, но вскоре Орм прекратил свои походы, и Вальгард набрал собственную дружину. К тому времени как Вальгард вошел в силу, его имя уже наводило ужас. Так же, как отец, он добывал золото, чтобы покупать корабли. На них он набрал таких отборных негодяев, что Орм ему запретил высаживать эту шайку на берег около своей усадьбы.

Зато другие дети Орма были всеобщими любимцами. Кетиль был похож на отца, рослый и веселый, готовый и на бой и на пир; когда он подрос, то часто стал отправляться в море. Но только один раз пошел в викингский поход, крепко побранился с Вальгардом, и с тех пор уходил в море сам и только по торговым делам. Асмунд, стройный и тихий юноша, меткий лучник, рос небольшим любителем сражений, и с годами он все больше занимался хозяйством в усадьбе. Асгерд выросла в красивую, крупную девицу, голубоглазую, золотоволосую, сильную и невозмутимую, а Фреда сполна унаследовала красоту своей матери.

Так обстояли дела тогда, когда ведьма решила, что пора ей соткать свою сеть.

VII

Однажды, бурным осенним днем, когда в воздухе чувствуется близость дождя и листья отливают золотом и медью, Кетиль с друзьями поскакал на охоту. Едва они въехали в лес, как увидали белого оленя, такого крупного и красивого, что едва поверили своим глазам.

— Королевский зверь! — крикнул Кетиль, пришпорил коня, и они понеслись, перепрыгивая через пни, камни, бурелом, огибая стволы, продираясь сквозь чащу и шурша палой листвой, так что ветер свистел в ушах, и лес сливался в сплошное цветное пятно. Гон-

чие, как ни странно, не особенно рвались в погоню, так что скоро Кетиль, хоть под ним была и не лучшая лошадь, обогнал и собак, и других охотников.

Перед ним в вечерних сумерках мелькал белый олень. Он несся скачками, вскинув на фоне неба ветвистые рога. Вскоре сквозь голые сучья хлынул ледяной дождь, но, ослепленный погоней, Кетиль не заметил его. Он не чувствовал ни часов, ни миль, ничего, кроме галопа своего коня и охотничьего азарта.

Наконец, почти догнав оленя, он попал на небольшую прогалину. Свет дня потускнел, но он метнул копье в белеющий призрак. В то мгновение, как он нанес удар, олень как-то сжался, поблекнул, как туман, разгоняемый ветром, и исчез, только крыса, удирая, прошуршала мертвыми листьями.

Кетиль понял, что он оторвался от своих спутников и потерял их. В сумерках потянуло холодным ветром. Лошадь дрожала от усталости. Так вышло, что он забрался в ту часть леса, которую совсем не знал, далеко на запад от усадьбы Орма. Кетиль не мог понять, куда же делся зверь, который только что был тут. Он почувствовал, как холодок суеверного страха пробежал у него по спине.

И тут, прямо на краю прогалины, под большим дубом он увидел домик. Кетиль подивился, что кому-то удается жить в такой глуши, ведь рядом не было никаких следов хозяйства. Но, в конце концов, это было пристанище для него и для его лошади — уютный бревенчатый домик под соломенной кровлей и с весело светящимися окошками. Он спешился, подобрал свое копье и постучал в дверь.

Дверь распахнулась, и стали видны чистая комната, а за ней конское стойло. Дверь открыла женщина, и стоило Кетилю на нее взглянуть, как он не смог больше отвести от нее глаз. Он почувствовал, как его сердце замерло, а потом забилось о ребра точно дикая кошка в клетке. Женщина была рослой, ее короткое платье подчеркивало все изгибы прекрасного тела. Полные губы были красны как кровь, нос — с небольшой горбинкой, и миндалевидные глаза — под изящно изогнутыми бровями. Они были бездонными, эти

зеленые, с золотыми искрами, глаза, и, казалось, глядели Кетилю прямо в душу. Никогда — он был ошеломлен — никогда он не думал, что женщина может быть так прекрасна.

— Кто ты? — спросила она мягким, певучим голосом. — Чего ты хочешь?

У Кетиля пересохло во рту, он почти перестал слышать что-нибудь, кроме стука собственного сердца, и все же он ответил, запинаясь:

— Я — Кетиль, сын Орма... Заблудился на охоте и прошу у тебя ночлега для моего коня... и для меня.

— Добро пожаловать, Кетиль, сын Орма, — сказала женщина и одарила его такой улыбкой, что сердце чуть не выскочило у Кетиля из груди. — Немного пришельцев бывает здесь, но я всем им рада.

— Ты живешь одна?

— Ах, во всяком случае, не сегодня ночью, — засмеялась она, и при этих словах Кетиль обнял ее.

Орм разослал людей по всей округе на поиски сына, но никто ничего не смог ему сообщить. Через три дня он уже был уверен, что с Кетилем что-то стряслось.

Орм сказал младшему сыну:

— Он мог сломать ногу, на него могли напасть разбойники, да мало ли что могло с ним случиться. Завтра, Асмунд, мы отправимся на поиски.

Вальгард развалился на скамье, зажав в кулаке рог с медом. Он два дня как вернулся из летнего викингского похода, оставил корабли и людей в усадьбе, которую купил неподалеку от отцовской, и ненадолго заехал домой, не столько для того, чтобы повидать родню, сколько потому, что уж больно хороши были еда и питье в доме Орма. Свет очага точно кровью окрасил его угрюмое лицо.

— Что ты обращаешься только к Асмунду? — сказал он. — Я ведь тоже здесь.

— Я не подумал о тебе, ведь нельзя сказать, чтоб ты и Кетиль чересчур крепко любили друг друга, — ответил Орм.

Вальгард осклабился и осушил рог.

— Да и теперь я его терпеть не могу. А все-таки я отправлюсь на розыски и притащу его домой. Вряд ли что досадит ему сильней, чем то, что это я его нашел.

Орм пожал плечами, а на глазах у Эльфриды выступили слезы.

Люди отправились на поиски с зарей, множество верховых рассыпалось по лесам во все стороны. Но Вальгард, по обыкновению, ушел пешком в одиночку. Он закутался в косматый плащ, и если бы не секира и шлем, надвинутый на рыжую гриву, его можно было бы принять за хищного зверя. Вальгард принялся кружить по лесу в поисках следов, принюхиваясь к холодному воздуху. Вскоре он нашел слабый след в чаще. Ухмыльнувшись, он не стал трубить в рог, а сразу пустился бежать по этому следу.

На исходе дня он забрел на западе в густой и старый лес, где ему еще не случалось бывать. Небо потемнело, и низкие тучи тянулись над голыми деревьями. Ветер гнал опавшие листья, точно грешные души в ад, и его вой терзал душу Вальгарда. Он чуял, что в воздухе разлито нечто злое, но, не будучи искушен в магии, не мог понять, чем он так напуган, что волосы у него на загривке встали дыбом.

Сгустились сумерки. Вальгард устал, проголодался и клял Кетиля, из-за которого он попал в эту передрягу. Ему предстояло провести ночь под открытым небом, и он поклялся отомстить за это брату.

Но вдруг в сгустившемся мраке он увидел отблеск. Нет, это был не блуждающий огонек, а настоящий свет, свет жилища, даже если оно было логовом разбойников.

— А хоть бы и так. — Вальгард подумал, что тогда он потешит себя, убив их.

Приближающаяся ночь бегом погнала его к жилью. Мокрый снег обжигал щеки. Вальгард осторожно подкрался к окну и заглянул в щель между ставнями.

Кетиль сидел на лавке у огня, пляшущего в очаге. В одной руке у него был рог с элем, а другой он обнимал женщину, сидевшую у него на коленях.

Женщину, — и всемогущие боги, что это была за женщина! Вальгард с шумом втянул воздух сквозь сжатые зубы. Ему и пригрезиться не могла женщина, которая сейчас наяву хохотала на коленях у Кетиля.

Вальгард подошел к двери и стукнул в нее обухом своей секиры. Прошло некоторое время, прежде чем Кетиль открыл дверь и вышел, прихватив копье, посмотреть кто пришел. Мокрый снег шел все гуще.

Вальгард, огромный и гневный, сразу заполнил собой дверной проем. Кетиль выругался, но отошел в сторону и впустил брата в дом. Вальгард медленно пересек комнату. Снег таял на его одежде. Он сверкнул глазами в сторону женщины, присевшей на лавку.

— Ты не слишком-то гостеприимен, братец, — сказал Вальгард и засмеялся, точно залаял. — Я ведь протопал много нелегких миль, пока нашел тебя, а ты бы рад оставить меня на дворе в непогоду, пока будешь тут забавляться со своей милкой.

— Я не звал тебя сюда, — ответил Кетиль угрюмо.

— Не звал? — Вальгард продолжал глядеть на женщину.

Она встретила его взгляд, и ее алые губы заулыбались.

— Ты желанный гость, — тихо сказала она. — Никогда еще не бывало в моем доме мужчины такого роста.

Вальгард снова расхохотался в лицо пораженному Кетилю.

— Хочешь ты того или нет, а я, милый братец, ночую здесь. На кровати здесь место только для двоих, а я притомился в дороге, так что, боюсь, тебе придется ночевать в конюшне.

— Прочь! — закричал Кетиль. Он так сжал копье, что у него побелели костяшки пальцев. — Отец, или Асмунд, или любой другой человек из нашей усадьбы были бы здесь желанными гостями. Но ты, буян и берсерк, ты будешь спать на соломе.

Вальгард усмехнулся и взмахнул секирой. Удар отбросил копье Кетиля и отсек наконечник.

— Пошел вон, братец! — гаркнул он. — Или ты хочешь, чтобы я вышвырнул тебя?

Кетиль, ослепнув от гнева, ударил его обрубком древка. Ярость охватила Вальгарда. Он прыгнул, еще раз вхмахнул секирой, и она со свистом раскроила череп Кетиля.

Не владея собой, он обернулся к женщине. Она протянула к нему руки. Вальгард сжал ее в объятиях и поцеловал так, что кровь выступила у них на губах. Женщина громко рассмеялась.

Но утром, когда Вальгард проснулся, он увидел Кетиля, лежащего в луже запекшейся крови и сгустках мозга, его глаза встретили застывший взгляд мертвеца, и он почувствовал угрызения совести.

— Что я наделал? — прошептал Вальгард. — Я убил родного брата.

— Ты убил мужчину, который оказался слабее тебя, — равнодушно заметила женщина.

Но Вальгард тяжко задумался, склонившись над телом брата.

— Мы с тобой знавали добрые времена еще до того, как стали недругами, Кетиль, — бормотал он. — Я ведь помню, как мы веселились, глядя на то, как новорожденный теленок пытается встать на дрожащих ногах, я помню ветер, который дул нам в лицо, и пиршество на Йоль, когда буря выла за стенами отчего дома, и то, как мы плавали, бегали, кричали вместе с тобой, брат мой. Теперь все это позади, ты лежишь недвижим, а я пошел по худой дороге, но ты, ты спи спокойно. Спокойной ночи, Кетиль, спокойной ночи.

— Если ты скажешь кому-нибудь о том, что произошло, тебя убьют, — сказала женщина. — Но своей смертью ты его не воскресишь. А в могиле нет ни поцелуев, ни объятий.

Вальгард согласно кивнул. Он поднял труп и унес его в лес. Он не захотел взять свою секиру, она так и застряла в черепе мертвеца, над которым он насыпал груду камней.

Но когда он вернулся в дом, то увидел, что женщина ждет его, и вскоре он забыл обо всем. Ее красота затмевала для него солнце, и не было для нее тайн в искусстве любви.

Погода становилась все холодней, наконец пошел снег. Похоже, зима установилась прочно.

Через неделю Вальгард решил, что ему пора домой. Кто-нибудь мог отправиться теперь уже на розыски его самого, кроме того он боялся, что без него в его шайке могут начаться раздоры. Но женщина отказалась уйти с ним.

— Здесь мой дом, и я не могу уйти отсюда, — сказала она. — Возвращайся, когда захочешь, Вальгард, мой милый. Ты всегда будешь желанным гостем.

— Я скоро вернусь, — поклялся Вальгард.

Ему и в голову не пришло силой увести эту женщину, хотя он не раз проделывал это с другими. Его слишком привлекал свободный дар ее любви.

Когда он вернулся в дом Орма, старый вождь, боявшийся, что Вальгард тоже пропал, радостно приветствовал его. Но больше никого не порадовало его возвращение.

— Я искал далеко на западе и севере, — сказал Вальгард, — и нигде не нашел и следов Кетиля.

— Да, — ответил Орм, вновь почувствовав свое горе, — он должно быть мертв. Мы искали Кетиля много дней, но нашли только его коня без всадника. Я решил готовить тризну.

Скованно чувствовал себя Вальгард среди людей, так что скоро он снова скрылся в лесах, пообещав вернуться к тризне Кетиля. Асмунд внимательно посмотрел вслед уходящему брату.

Странным показалось младшему из братьев то, что Вальгард избегает разговоров о судьбе Кетиля, и еще более странным то, что он отправился на охоту — так он по крайней мере сказал, — когда зима была на носу. Медведи забрались в берлоги, а остальная дичь стала такой пугливой, что не стоило и гоняться за ней по снегам. Почему же все-таки Вальгарда так долго не было и почему он так быстро ушел снова?

Вопросы эти мучили Асмунда, и через два дня после того, как Вальгард ушел, он последовал за ним. Со дня исчезновения Вальгарда не было ни ветра, ни снегопада, и его следы все еще были видны на снегу. Асмунд отправился в путь в одиночестве, он скользил

на лыжах по пустынным пространствам, где он был единственным движущимся существом, а мороз все крепчал и крепчал и сильней обжигал его тело.

Через три дня Вальгард вернулся. Люди собрались со всей округи на тризну в усадьбу Орма, и вскоре начался пир. Берсерк, мрачный и безмолвный, проскользнул через двор, забитый людьми.

Эльфрида схватила его за рукав.

— Ты видел Асмунда? — робко спросила она. — Он ушел в леса и все еще не вернулся домой.

— Нет, — коротко ответил Вальгард.

— Горе горькое потерять двух лучших сыновей за один месяц, и только худший остался у меня, — сказала Эльфрида и отошла от Вальгарда.

К вечеру гости расселись в большой палате для пиршества. Орм воссел на свое высокое место во главе стола, и Вальгард был от него по правую руку. Мужчины заняли лавки вдоль стен по обе стороны палаты и подняли навстречу друг другу рога с пивом, воздев их в дыму костров, которые горели посредине покоя. Женщины сновали по палате, следя за тем, чтобы рога не оставались пустыми. Вскоре пиво развеселило всех, за исключением хозяев дома, и множество взглядов стало жадно провожать дочерей Орма, мелькавших в дымном свете огня.

Орм сидел со спокойным лицом, как приличествует воину, презирающему смерть; но никто не мог сказать, что скрывается за этой маской. Эльфрида, не в силах сдержать горе, время от времени принималась всхлипывать, тихо и безнадежно. Вальгард не произносил ни слова, только осушал кубок за кубком, пока у него не загудело в голове. Питье сделало его уныние еще глубже. Стоило ему оторваться от женщины или битвы, как его начинали одолевать черные мысли о совершенном, и из тумана перед ним выплывало лицо Кетиля.

Эль тек рекой, пока все не перепились и палата не наполнилась гамом. Но вдруг сквозь шум кто-то отчетливо постучал в дверь. Она была отперта, но резкий звук привлек общее внимание. Через сени в большую палату вошел Асмунд. Он обшарил покой отсут-

ствующим взглядом, точно искал какого-то человека, и постепенно установилась полная тишина.

— Добро пожаловать, Асмунд, — крикнул Орм в тишине, — мы начали бояться за тебя.

Асмунд продолжал высматривать кого-то, и те, кто проследил за его взглядом, поняли, что он уставился на Вальгарда. В конце концов он заговорил, и голос его был чересчур спокоен:

— Я привел гостя на тризну.

Орм сидел не двигаясь, только сквозь густую бороду стало заметно, как побледнели его щеки. Асмунд поставил свою ношу на пол. Она была такой жесткой от холода, что продолжала стоять, а он поддерживал ее рукой.

— Камни, под которыми я нашел его, сильно промерзли, — сказал Асмунд. Слезы побежали у него из глаз. — Плохое это было место, и я решил, что стыдно нам пировать в его честь, а ему в это время быть одному-одинешеньку, когда рядом только ветер да звезды. Я принес Кетиля домой — это Кетиль и секира Вальгарда в его голове.

Он откинул плащ, отблески пламени упали на лезвие секиры, и запекшаяся кровь показалась только что пролитой. В волосах Кетиля застыл иней. Казалось, мертвец оскалился в лицо Вальгарду. В его неподвижных глазах отразился огонь. Мертвый Кетиль стоял, опершись на одного брата, и глядел на другого.

Орм медленно повернулся к берсерку, у которого под взглядом мертвеца отвисла челюсть, точно он сам был трупом. Но через мгновение Вальгардом овладела ярость. Он вскочил и крикнул Асмунду:

— Ты лжешь!

— Все знают твою секиру, — тяжело ответил Асмунд. — Хватайте братоубийцу, люди добрые, да вяжите его, чтобы мы могли его повесить.

— Оставь мне мои права, — завопил Вальгард, — дай взглянуть на это оружие.

Никто не пошевелился. Все словно остолбенели. Вальгард пересек палату до самых дверей. Все си-

дели, затаив дыхание, только пламя потрескивало в кострах.

У дверей было сложено оружие. Проходя, Вальгард схватил копье и пустился бежать.

— Не уйдешь! — крикнул Асмунд, выхватил меч и заступил ему дорогу.

Вальгард нанес удар. Копье прошло насквозь через незащищенную грудь Асмунда и пригвоздило его к стене так, что он остался стоять рядом с Кетилем, который все еще опирался на него: два мертвых брата плечом к плечу глядели в лицо своему убийце.

Вальгард почувствовал, как на него нисходит бешенство берсерка. Его глаза вспыхнули как у рыси, на губах выступила пена. Орм, заревев, ринулся за ним, схватил меч и попытался напасть. Вальгард обнажил нож, левой рукой отбил клинок Орма и вонзил свой в горло вождя.

Кровь Орма брызнула на него. Орм упал. Вальгард поднял его меч. Тут на него бросились остальные. Они хотели перекрыть ему путь к отступлению. Вальгард рубанул ближайшего к нему.

Палата вскипела людьми. Кое-кто стал прятаться по углам, остальные попытались схватить безумца. Клинок Вальгарда со свистом рассекал воздух. Рухнуло еще три йомена. Несколько человек перегородили Вальгарду дорогу столешницей, сорванной с козел. Ею они начали оттеснять его от груды оружия. Остальные сами начали вооружаться этим оружием.

Но в давке им никак не удавалось сделать это быстро. Вальгард обрушился на безоружных, оказавшихся между ним и дверью. Они посыпались врассыпную, некоторые были ранены, и он вырвался наружу. В сенях стоял воин, вооруженный мечом и щитом, окованным железом. Вальгард нанес удар. Меч встретил стальную полосу на щите и сломался.

— Слаб оказался твой клинок, Орм! — крикнул Вальгард.

Воин бросился на него, но он метнулся обратно в комнату и вырвал свою секиру из черепа Кетиля. В спешке его противник совершил ошибку. Первым уда-

ром Вальгард отбросил его щит. Вторым — отсек правую руку от плеча. Вальгард выбежал из дому.

Вдогонку ему полетели стрелы. Он скрылся в лесу. Кровь его отца некоторое время капала с него, но вскоре замерзла, и собаки потеряли след. Даже когда он оторвался от погони, он продолжал бежать, чтобы не замерзнуть. Дрожа и рыдая, он уходил все дальше на запад.

VIII

Ведьма сидела, поджидая кого-то в темноте. Вдруг тень выскользнула из крысиной норы. Ведьма нагнулась и увидела в полумраке на полу свою подружку.

Крыса, отощавшая и измученная, молча вскарабкалась ей на грудь и глубоко вздохнула. Потом сползла на колено и уставилась на нее маленькими блестящими глазками.

— Ну, — спросила ведьма, — как пострансствовала?

— Тяжелый это был путь и холодный, — ответила крыса. — Все ветра продули меня, пока я добралась до Эльфийского Утеса. Пробираясь через покои Имрика, я часто была на волосок от смерти. Они чертовски проворны, эти эльфы, и они поняли, что я не обычная крыса. Но, несмотря на это, я умудрилась пробраться лазутчиком на их совет.

— Я думаю, у них есть план?

— Да. Скафлок идет походом на Тролльхейм, чтобы напасть на владения Иллреда, убить короля троллей или, в крайнем случае, разрушить его приготовления к войне, ведь тот открыто провозгласил конец перемирия. Имрик остается в Эльфийском Утесе, чтобы готовить оборону.

— Добро. Старый ярл эльфов слишком силен, но Скафлок в одиночку вряд ли избежит западни. Когда он отправляется?

— Через девять дней. Он поведет в поход пятьдесят кораблей.

— Эльфы ходят по морям быстро, так что он будет

в Тролльхейме в ту же ночь. Если я подниму попутный ветер, Вальгард доберется туда за три дня, и я дам ему еще три дня, чтобы приготовиться. Так что, для того чтобы он прибыл к Иллреду как раз перед налетом Скафлока, мне придется еще подержать его здесь. Да, это время пригодится для того, чтобы он узнал о своем настоящем племени, а управиться с ним теперь не трудно, ведь он объявлен вне закона и бежит сюда в отчаянии.

— Ты жестоко обошлась с Вальгардом.

— Я не питаю вражды к нему, он не Ормово семя, но он будет служить орудием в моей жестокой и опасной игре. Уничтожить Скафлока совсем не так легко, как убить Орма и его сыновей или захватить его дочерей. Он только посмеется над моим колдовством и моей силой. — Ведьма ухмыльнулась в полумраке. — Ведь Вальгард — орудие, которым я выкую меч, чтобы пронзить им сердце Скафлока. А что касается самого Вальгарда, я дам ему случай высоко вознестись среди троллей, особенно если они завоюют эльфов. Я надеюсь, что падение будет для Скафлока вдвое горше, если с ним и из-за него падет Альфхейм.

И ведьма принялась ждать, а долгие годы выучили ее этому искусству.

Перед зарей, когда серый тоскливый свет начал разливаться по снегам и обледеневшим деревьям, Вальгард постучал в дом своей женщины. Она сразу распахнула дверь, и он упал в ее объятия. Он пришел к ней полумертвым от усталости и холода, весь в запекшейся крови, с безумными глазами и опустошенным сердцем.

Она накормила его мясом, напоила элем и целебными травами, и вскоре он уже лежал в ее объятьях.

— Ты — все, что осталось у меня, — бормотал Вальгард. — Женщина, твоя красота и беспутство породили это зло, я убью тебя, а после брошусь на свой меч.

— Почему ты так говоришь? — спросила она, улыбаясь. — Что произошло дурного?

Он упрятал лицо в душистое облако ее волос.

— Я убил отца и братьев, и теперь я вне закона, и нет мне прощения.

— Что касается убийств, — сказала женщина, — они доказывают только то, что ты оказался сильней тех, кто угрожал тебе. Какая разница, кто такие они были? — Ее зеленые глаза блеснули. — Но если ты думаешь, что ты погубил свою родню, я докажу тебе, что ты неповинен в этом.

— Что? — он вяло поднял на нее глаза.

— Ты не сын Орма, Вальгард Берсерк. Я умею видеть суть вещей и скажу тебе, что ты даже не человек по рождению, но принадлежишь к такому древнему и знатному роду, что тебе и самому не представить, чей ты потомок.

Его огромное тело напряглось, точно отлитое из железа. Он сжал ее запястья до боли и закричал так, что стены хижины задрожали:

— Что, что ты сказала?

— Ты — подменыш, оставленный ярлом эльфов Имриком, который похитил первенца Орма, — сказала женщина. — Ты сын Имрика от рабыни — дочери самого Иллреда Короля Троллей.

Вальгард отбросил ее от себя. Пот выступил у него на лбу.

— Ложь! — Он был потрясен. — Это — ложь!

— Правда, — спокойно возразила женщина.

Она подошла к нему. Он в ужасе отшатнулся, его грудь тяжко вздымалась. Ее голос звучал тихо, но непреклонно:

— Почему ты так не похож на других детей Орма или любого другого человека? Почему ты презираешь богов и людей и бродишь всегда в одиночестве, а забвение своей тоски находишь только в убийствах? Почему ни одна из женщин, с которыми ты спал, не понесла? Почему животные и малые дети боятся тебя? — Она загнала его в угол, и ее взгляд не отпускал его. — Почему все это так, в самом деле, если не потому, что ты не человек по природе?

— Но я вырос так же, как прочие люди, мне доступно железо и церковная утварь, я не колдун...

— Это из-за злодейства Имрика, который ограбил

тебя, лишив законного наследства, и предпочел тебе сына Орма. Он сделал тебя похожим на похищенное дитя. Ты вырос в мире этих ничтожеств, людей, и не мог развить чудесную мудрость, дремлющую в тебе. Ты обречен созреть, состариться и умереть за краткий срок, отпущенный людям, но зато тебя не пугает то, чего эльфы боятся на земле и в небесах, — это Имрик присвоил твои родовые права на многовековую жизнь. Но он не смог вдохнуть в тебя человечью душу, твоя душа после смерти погаснет, как свеча на ветру, и нет ей надежды ни на рай, ни на ад, ни на покои старых богов — и это при том, что ты проживешь не дольше любого человека!

При этих словах Вальгард хрипло вскрикнул, оттолкнул ее и выбежал за дверь. Женщина улыбнулась.

Становилось все холодней, ветер крепчал, но только к ночи Вальгард вернулся в дом. Он был измучен и согнут бурей, но его глаза полыхнули навстречу его возлюбленной.

— Теперь я верю тебе, — пробормотал он, — не во что мне больше верить. Я видел духов и демонов, несшихся в порывах ветра вместе со снегом, они смеялись надо мной, пролетая мимо. — Он отошел в неосвещенный угол комнаты. — Ночь сомкнулась надо мной, эта глупая игра — моя жизнь — проиграна; все: дом, родню и самую душу свою я потерял, да и не было у меня души, я был всего лишь тенью, отброшенной великими Силами, которые теперь решили задуть свечу. Доброй ночи, Вальгард, доброй ночи.

И он с рыданиями повалился в постель.

Женщина улыбнулась про себя, легла рядом с ним и принялась целовать его, — рот ее обжигал как огонь и пьянил как вино. И когда он удивленно поднял на нее глаза, она прошептала:

— Эти речи недостойны Вальгарда Берсерка, самого могучего из воинов, чье имя наводило ужас от Ирландии до Гардарики. Я думала, ты понял из моих слов, что пора тебе своей секирой повернуть к лучшему собственную судьбу. Ты должен был бы ужасно отомстить и за меньшее, чем то, что Имрик сделал с тобой, а ведь он лишил тебя твоего природного бытия

и посадил в эту клетку, называемую смертной жизнью.

Вальгард почувствовал, как силы возвращаются к нему, и пока он ласкал женщину, его сердце наполнялось ненавистью ко всему, кроме нее. В конце концов он сказал:

— Что же мне делать? Как мне победить самого себя? Я даже не способен видеть ни троллей, ни эльфов, если они сами не пожелают этого.

— Этому я тебя научу. Обрести колдовское зрение, которым от рождения обладают жители Волшебной страны, нетрудно. И после этого ты сможешь уничтожить тех, кто был несправедлив к тебе, и посмеяться над тем, что тебя объявили вне закона, тебя, который будет могущественней любого короля, правящего людьми.

Вальгард заглянул ей в глаза.

— Как этого добиться? — медленно спросил он.

— Тролли снова готовятся к войне со своими старыми врагами, эльфами. Скоро Иллред Король Троллей поведет свое воинство на Альфхейм, скорей всего, сперва он нападет на Имрика здесь, в Англии, чтобы его тылы и фланги были в безопасности, когда затем он пойдет на юг. Среди лучших воинов Имрика будет и Скафлок, сын Орма, его приемыш, а он не боится ни железа, ни креста, он силен и искусный оборотень, тот самый Скафлок, который занял место, принадлежащее тебе по праву. Если ты теперь быстро отправишься к Иллреду за море, принесешь ему богатые дары, предложишь ему свою службу и свои человеческие умения, а кроме того, расскажешь о своем происхождении, ты сможешь занять высокое положение в его армии. Захватив Эльфийский Утес, ты убьешь Имрика и Скафлока, и Иллред с удовольствием назначит тебя ярлом эльфийских владений в Британии. После этого, когда изучишь колдовскую науку, ты поймешь, как разрушить чары Имрика, и станешь, как настоящие тролли или эльфы, нестареющим до конца времен.

Вальгард захохотал, точно волк, завыл.

— Прекрасно! — закричал он. — Убийца, изгой,

нелюдь. Я ничего не потерял, но многое приобрел. Коли так, примите меня, духи холода и мрака, я иду к вам, чтобы в битвах, о каких и не грезил человеческий разум, утопить мои несчастья. О, женщина, женщина, великое ты сотворила для меня, великое, хоть и злое, но я благодарен тебе за это!

Он со страстью предался любовным утехам; но потом, когда он заговорил о попутных ветрах, его голос был холоден и спокоен.

В первую очередь он спросил:

— Как я доберусь до Тролльхейма?

Женщина открыла суднук и вынула оттуда кожаный мешок с завязанной горловиной.

— Ты отправишься в путь в определенный день, когда я скажу. Когда твои корабли снимутся с якоря, развяжи этот мешок. В нем находится попутный ветер, а кроме того, ты обретешь колдовское зрение, чтобы увидеть угодья троллей.

— Но что будет с моими людьми?

— Они будут частью твоего дара Илльреду. Любимая потеха троллей — охотиться в горах на людей, и они сразу почуют, что твои люди — такие злодеи, что за них не вступятся никакие боги.

Вальгард пожал плечами.

— Что ж, если я тролль, пусть моя кровь проявится в вероломстве. Но чем еще я смог бы обрадовать его? Должно быть, у него полно золота, дорогих камней и драгоценных тканей?

— Ты можешь сделать ему более дорогой подарок, — ответила женщина. — У Орма есть две прекрасные дочери, а тролли похотливы. Если ты их свяжешь и заткнешь им рты, чтобы они не могли перекреститься и произнести Божьего имени...

— Только не этих двух! — воскликнул Вальгард в ужасе. — Я вырос вместе с ними. И я уже причинил им достаточно зла.

— Именно их, — возразила женщина. — Если Илльред возьмет тебя на службу, он должен быть уверен, что все человеческие узы для тебя разорваны.

Но Вальгард отказался. Тут она принялась обнимать его, и целовать, и сплетать рассказы о мрачном

великолепии, которое его ждет, и в конце концов он согласился.

— Я не понимаю, кто ты, самое злое и самое прекрасное создание в этом мире? — спросил Вальгард.

Она мягко засмеялась, припав к его груди.

— Ты забудешь меня, когда тебе достанутся в добычу эльфийские женщины.

— Нет, никогда я не забуду тебя, возлюбленную, которая так переломила мою жизнь.

Женщина оставила Вальгарда в своем доме еще на некоторое время под тем предлогом, что ей нужно сварить зелья, чтобы восстановить его колдовское зрение, и поведать ему о Волшебной стране. Однако и без того ее прелести и любовное искусство приковали к ней Вальгарда крепче любых цепей. Однажды, когда в сумерках снова повалил снег, она наконец сказала:

— Теперь тебе пора идти.

— Нам, — ответил он. — Ты должна пойти со мной, потому что без тебя я жить не могу.

Он начал ласкать ее своими большими руками.

— Если ты не пойдешь своей волей, я унесу тебя, но все равно ты должна пойти.

— Хорошо, — вздохнула она. — Но может быть ты передумаешь, когда я открою тебе глаза.

Она встала, посмотрела на него, сидящего, сверху вниз, и стала проводить на его лице какие-то линии и углы. Ее губы кривились в тоскливой улыбке.

— Ненависть — великая сила, — вздохнула женщина. — Я не думала о забавах, Вальгард, но теперь мне тяжело заставлять тебя проститься со мной. Удачи тебе, мой милый. А теперь, — и она провела кончиками пальцев по его глазам, — смотри!

И Вальгард увидел.

Как дым на ветру рассеялось перед ним видение уютного маленького домика и высокой женщины с белой нежной кожей. Неожиданно колдовство спало и он увидел все таким, каким оно было на самом деле.

Он увидел глинобитную хибару, в которой навоз, тлеющий в очаге, отбрасывал слабые блики на груды костей и тряпья, ржавого железа и погнутых колдовских орудий. Он заметил тусклые глаза старой карги;

ее лицо было точно маска — сморщенная кожа натянута на отвисающую челюсть, — а по иссохшей груди ползла крыса.

Вальгард от ужаса едва устоял на ногах. Ведьма подмигнула ему.

— Ну, любимый, — захихикала она, — не отправиться ли нам на твой корабль? Не клялся ли ты никогда не расставаться со мной?

— Я для тебя теперь не существую! — завыл Вальгард.

Он схватил свою секиру и бросился на нее. Две крысы шмыгнули по полу. Прежде, чем секира была выдернута из земли, они успели скрыться в норе.

В бешенстве Вальгард схватил ветку и положил ее в очаг. Когда она как следует разгорелась, он принялся тыкать ею в груды соломы и тряпок. Вальгард дождался, пока хижина не сгорела, готовый зарубить всякое существо, выскочившее из огня. Но только пламя плясало, да ветер свистел, да снег с шипением таял, падая в огонь.

Когда от дома не осталось ничего, кроме золы, Вальгард крикнул:

— Из-за тебя я потерял дом, родню и надежду, из-за тебя я отрекся от своей жизни и предался силам тьмы, из-за тебя я стал троллем! Слушай меня, ведьма, если ты еще жива. Я последую твоему совету. Я стану ярлом троллей в Англии, может быть, однажды я стану королем Тролльхейма. И всю власть, которая у меня будет, я обращу на то, чтобы затравить тебя. Ты, как любой человек, или эльф, или кто угодно, кто встал на моем пути, ты испытаешь мой гнев, и не знать мне покоя, пока я не сдеру с тебя кожу живьем, с тебя, разбившей мое сердце!

Он повернулся и помчался на восток, вскоре исчезнув за снегопадом. Глубоко под землей ведьма и ее подруга крыса ухмыльнулись, поглядев друг на друга. Все вышло так, как они и задумали.

Люди с кораблей Вальгарда были худшими из викингов, большинство было изгнано с родины, и нигде их не ждали как желанных гостей. Потому-то и

пришлось Вальгарду купить себе усадьбу, где бы они могли зимовать. Жилось им там хорошо, имелись у них и рабы в услужении, но эти люди были такими драчунами и беззаконниками, что только их вождю удавалось держать их в повиновении.

Когда до них дошло известие об убийствах, совершенных Вальгардом, они поняли, что жители Датского владенья постараются расправиться с ними, и начали спешно готовить корабли к отплытию. Но им никак не удавалось договориться между собой, куда же плыть в эту зимнюю пору, из-за чего и случилось у них множество препирательств и драк. Так бы они и спорили до тех пор, пока их враги не напали на них, если бы неожиданно не вернулся Вальгард.

После заката он появился в пиршественном зале. Коренастые лохматые мужчины сидели, осушая рог за рогом, и с каждым глотком кричали все громче, пока шум не стал совсем оглушительным. Многие уже храпели на полу среди собак, другие вопили и ссорились из-за пустяков, подбадриваемые окружающими, которые старались их не столько разнять, сколько подстрекнуть. Там и сям метались запуганные рабы и женщины, которые уже давно выплакали свои слезы.

Вальгард занял пустовавшее место вождя во главе стола. Его высокая фигура наводила ужас: рот сжат мрачней, чем когда-либо прежде, огромная секира, которую прозвали Братоубийцей, торчит из-за плеча. Все постепенно умолкли, увидев его, и скоро только треск огня нарушал тишину в палате.

Вальгард заговорил:

— Мы не можем оставаться здесь. Что из того, что никого из вас не было тогда в усадьбе Орма, окрестный народ воспользуется этими событиями как предлогом, чтобы избавиться от вас. И это случится совсем скоро. Я знаю место, где мы можем добыть большую славу и богатство, а потому мы послезавтра с зарей уходим в море.

— Куда мы пойдем и почему бы нам не отправиться завтра? — спросил один из капитанов Вальгарда, старый викинг по имени Стейнгрим.

— Что касается второго, у меня здесь в Англии

есть дела, которыми мы займемся завтра, — ответил Вальгард. — А пойдем мы в Финнмарк.

Поднялся ропот. Но его перекрыл голос Стейнгрима, который закричал громче всех:

— Более дурацких слов я не слышал во всю мою жизнь. Финнмарк страна бедная и ненаселенная, и лежит она за морем, по которому и летом ходить опасно. Что мы найдем там, кроме собственной гибели в море или от колдунов, которых там немало, в лучшем случае — несколько землянок, в которых нам всем и не поместиться? Под рукой у нас Англия, Шотландия, Ирландия, Оркнейские острова, а за проливом к югу Валланд, где можно всегда взять добрую добычу.

— Я здесь отдаю приказы. А вы будете их выполнять, — ответил Вальгард.

— Только не я! — крикнул Стейнгрим. — Сдается мне, что ты свихнулся, бродя по лесам.

Вальгард прыгнул на капитана точно дикая кошка. Его секира разнесла череп Стейнгрима.

Один из викингов схватил копье и двинулся на Вальгарда. Берсерк сделал шаг в сторону, выхватил у него из рук копье и швырнул нападающего на землю. Затем он вырвал свою секиру из головы Стейнгрима и застыл в дымном полумраке; его глаза были холодны как морской лед.

— Ну, — спросил он спокойно, — кто-нибудь еще хочет возразить мне?

Никто не пошевелился и не открыл рта. Вальгард вернулся на свою высокую скамью и сказал, обращаясь к своим людям:

— Я поступил так жестоко, поскольку прежняя вольница теперь не для нас. Мы погибли, если только не будем как один человек, чьей головой могу быть только я. Знаю, на первый взгляд мое решение выглядит безумным, но Стейнгриму следовало бы выслушать меня. На самом деле дошло до меня, что этим летом в Финнмарке построили усадьбу, где есть все, чего бы мы могли пожелать. Там не ждут налета викингов зимой, так что мы захватим жителей врасплох. Не боюсь я и непогоды по дороге, вы знаете, я

умею предсказывать погоду, и на этот раз я чую попутный ветер.

Шайка вспомнила, что под началом Вальгарда была у них удача, — что до Стейнгрима, то не было у него здесь ни родича, ни побратима. И викинги дружно крикнули, что пойдут за Вальгардом куда угодно. Когда тело унесли и попойка пошла своим чередом, Вальгард собрал своих капитанов.

— Есть тут поблизости место, которое мы можем разграбить, прежде чем покинем Англию, — сказал он им. — Это будет совсем не трудно, и нам достанется добрая добыча.

— Что это за место? — спросил один из его людей.

— Усадьба Орма Сильного, он теперь мертв и не сможет защитить ее.

Даже эти отверженные подумали про себя, что это будет злое дело, но никто из них не осмелился спорить со своим вождем.

IX

Тризна Кетиля стала также поминальных пиром по Асмунду и Орму. Мужчины пили в тишине и печали, ибо все в округе любили и Орма, прославленного вождя, несмотря на то, что он не был хорошим христианином, и его сыновей.

Земля еще не промерзла, и батраки без труда начали готовить курган на следующий день после убийства.

Лучшая из ладей Орма была вытащена из корабельного сарая и опущена в могилу. В нее сложили драгоценности, мясо и напитки для долгого плаванья; там же положили убитых коней и собак, а также всех тех, кого убил Вальгард, в их лучших одеждах, с оружием и утварью, обутых в особые погребальные сапоги. Орма похоронили так, как он того хотел, — жена когда-то дала слово исполнить его волю.

Несколько дней спустя, когда все было приготовлено, Эльфрида вышла из дому. В тусклом свете зимнего дня она склонилась над Ормом, Кетилем и Асмундом.

Ее непокрытые волосы упали на грудь мужа и скрыли ее лицо от тех, кто стоял рядом.

— Священники говорят, что это грех, а не то бы я убила себя, чтобы лечь рядом с вами, — прошептала она. — Тяжело мне придется. Вы были хорошими мальчиками, Кетиль и Асмунд, и вашей маме будет так одиноко без вашего смеха. Кажется, еще вчера я убаюкивала вас на груди, вы были такими маленькими, и незаметно стали взрослыми длинноногими юношами, такими красивыми, нашей гордостью, моей и Орма, и вот вы лежите такие тихие, и снежинки не тают на ваших лицах. Нет, — она затрясла головой, — не могу поверить, что вы убиты. Я не верю в это.

Она улыбнулась Орму.

— Часто мы ссорились, — пробормотала она, — но ведь это ничего не значило, я знала, что ты любишь меня, а я, я люблю тебя. Ты был добр ко мне, Орм, и теперь в этом мире, с тех пор как ты мертв, мне так холодно, холодно. Об одном прошу милосердного Бога, чтобы он простил тебе все, чем ты согрешил против его законов, ведь ты ничего не знал о нем, хоть и был мудрый мореплаватель и искусный резчик, чьи руки сделали для меня столько полок и сундуков, а для наших детей — столько игрушек... А если Богу никак нельзя поместить тебя на Небеса, я буду молиться, чтобы он опустил меня в ад, дабы быть там с тобой, но если ты отправишься к языческим богам, я и там разыщу тебя. А теперь прощай, Орм, любивший и любимый. Прощай.

Она наклонилась и поцеловала его.

— Холодны твои губы, — она оглянулась в изумлении, — ты не хочешь поцеловать меня. Это не ты, это мертвое тело лежит в ладье, но где же ты, Орм?

Ее проводили от погребального корабля, и люди принялись за работу: начали сколачивать погребальную камеру и засыпать ладью землей. Когда это было сделано, на берегу моря встал огромный курган, и волны, набегая на берег, пели у его подножия поминальные песни.

Священник, который не одобрял это языческое по-

гребение, не освятил могилу, но он сделал, что мог, и Асгерд заказала ему множество месс за упокой душ погибших.

Жил молодой члеовек, звали его Эрленд, сын Торкеля, он был помолвлен с Асгерд. Он сказал:

— Опустела теперь усадьба, ибо все ее мужчины погибли.

— Да, это так, — ответила девушка.

Холодный, несущий снег ветер с моря ерошил ее волосы.

— Надо бы мне с друзьями побыть здесь некоторое время и привести все в порядок, — сказал Эрленд. — А потом я женюсь на тебе, Асгерд, и тогда твои мать и сестра смогут жить с нами.

— Я не пойду за тебя до тех пор, пока Вальгарда не повесят, а его людей не сожгут в их домах, — возразила она в гневе.

Эрленд сумрачно улыбнулся.

— Этого не долго придется ждать. Военная стрела уже пошла по округе. Если только они не скроются раньше, чем я рассчитываю, наш край будет быстро очищен от этой чумы.

— Хорошо, — кивнула Асгерд.

Большинство из тех, кто был приглашен на тризну, разошлись по домам, в усадьбе остались только ее жители да еще Эрленд с полудюжиной мужчин. К ночи поднялся сильный ветер, он принес снег на своих крыльях и завыл за стенами палаты. Пошел град, точно чьи-то каблуки застучали по крыше. В комнате царили мрак и уныние, люди сбились в одном углу. Они говорили мало, но часто наполняли рога.

Вдруг Эльфрида прервала молчание.

— Я слышу какой-то звук, — сказала она.

— Нет, — возразила Асгерд, — да и кто выйдет из дома в такую ночь.

Фреда, которую напугал тоскливый, пристальный взгляд ее матери, попыталась робко успокоить ее:

— Не бойся, твои дочери никогда не покинут тебя.

— Да-да, — Эльфрида улыбнулась рассеянно. — Род Орма будет жив благодаря тебе, и наши ночи любви не пропадут без следа. — Она взглянула на

Эрленда. — Береги свою жену. В ее жилах течет кровь вождей.

— Кого же мне беречь, как не ее? — ответил Эрленд.

Неожиданно раздались тяжелые удары в дверь. Кто-то орал, покрывая голосом вой ветра:

— Открывай! Открывай или вышибем дверь!

Пока мужчины хватались за оружие, раб отодвинул засов и был тут же зарублен секирой. Из сеней, под защитой двух щитов, которые несли перед ним, высокий и мрачный, весь в снегу, в комнату вступил Вальгард.

Он сказал:

— Пусть женщины и дети покинут дом, и им сохранят жизнь. Палата окружена моими людьми, и ее сейчас подожгут.

Кто-то метнул нож, он зазвенел об окованный железом щит. В палате сильно запахло дымом.

— Тебе мало того, что ты сделал! — крикнула Фреда. — Поджигай этот дом, если хочешь: я никуда не уйду, лучше сгореть, чем доверить тебе свою жизнь.

— Вперед! — заревел Вальгард, и никто не смог остановить его и дюжину его викингов.

— Ни шагу ты не сделаешь, пока я жив. — Эрленд выхватил меч и бросился на Вальгарда.

Секира берсерка мелькнула раз и другой, с лязгом отбила клинок, и ее лезвие вонзилось Эрленду под ребро. Он упал наземь. Вальгард перешагнул через него и схватил Фреду за руку. В это время другой викинг поймал Асгерд. Остальные прикрыли их щитами. Облаченным в шлемы и кольчуги людям Вальгарда не составило труда пробиться к дверям, убив по дороге еще трех человек, которые попытались сразиться с ними.

Когда налетчики выбежали из дома, его защитники сплотились, вооружились и попытались поднять тревогу. Но они были зарублены или оттеснены обратно воинами, со всех сторон окружившими дом. Эльфрида с криком бросилась к дверям, и ее викинги выпустили наружу.

Вальгард связывал руки Асгерд и Фреде, чтобы

тащить их на веревке, если они не пойдут сами. Крыша палаты уже жарко горела. Эльфрида схватила Вальгарда за руку, и ее крик перекрыл гудение пламени:

— Ты хуже волка, что за новое зло ты решил причинить последним, оставшимся в твоем роду? Что ты хочешь сделать со своими сестрами, которые были так добры к тебе? Зачем ты растоптал сердце своей матери? Отпусти, отпусти их!

Вальгард посмотрел на нее холодно, ничто не дрогнуло в его лице.

— Ты мне не мать, — только и сказал он и оттолкнул ее.

Она без чувств повалилась на снег, а Вальгард ушел, приказав тащить двух захваченных девушек на берег, туда, где были причалены его корабли.

— Зачем нас связали? — спросила плача Фреда, а Асгерд только плюнула в него.

Вальгард улыбнулся, скривив губы, и сказал:

— Я не обижу вас. Напротив, я собираюсь оказать вам услугу, ведь вы предназначены королю. — Он вздохнул. — Ему стоит позавидовать. Между прочим, я сам позабочусь о вас, слишком хорошо я знаю своих людей.

Разбойники изнасиловали женщин, которые, спасая своих детей, вырвались из горящего дома. Но часть женщин сгорела, оставшись вместе со своими мужьями. Пламя перекинулось на другие здания и скоро охватило разграбленную усадьбу со всех сторон.

Как только Вальгард убедился, что все оставшиеся в доме погибли, он решил уходить, понимая, что соседи увидели пожар и уже готовятся к отпору. Викинги спустили суда на воду и погребли против ветра, который гнал на них ледяные волны.

— Так нам никогда не добраться до Финнмарка, — проворчал кормчий на ладье Вальгарда.

— Посмотришь, — ответил тот.

На заре, как ему велела ведьма, он развязал кожаный мешок. Ветер сразу же переменился, зашел с кормы и с ровным гулом задул на северо-восток. Паруса наполнились, корабли помчались вперед.

Когда люди добрались до усадьбы Орма, они нашли там только обуглившиеся балки и тлеющие угли. На пепелище в печальном свете утра рыдало несколько женщин и детей. Одна только Эльфрида не плакала и молчала. Она сидела на погребальном кургане, ветер развевал ее волосы и платье. Она сидела не шевелясь и пустыми глазами смотрела в море.

Три дня и три ночи ветер не менялся и гнал ладьи Вальгарда. Одну из них потопили тяжелые волны, но большинство членов команды удалось спасти. Викингам приходилось без отдыха отчерпывать воду. Они начали роптать, но страх перед Вальгардом не давал разгореться мятежу.

Почти все время он стоял на носу своего судна, закутавшись в длинный кожаный плащ, побелевший от соли и инея, и напряженно всматривался в даль. Когда однажды один из его людей осмелился возражать ему, Вальгард убил его на месте и вышвырнул тело за борт. Сам он все больше молчал, и это даже радовало викингов, ибо они с трудом выносили его страшный пристальный взгляд.

Он не отвечал на просьбы Фреды и Асгерд освободить их, но давал им вволю еды и питья, устроил для них укрытие под палубой и не позволял своим людям трогать их.

Сперва Фреда отказывалась от еды.

— Ничего мне не надо от убийцы и вора, — заявила она. Соль, выступившая у нее на щеках, была скорей от слез, чем от морского ветра.

— Ешь, чтобы поддержать силы, — возразила Асгерд. — Еда эта не его, ведь он ее награбил у других людей. А вдруг нам удастся бежать? Если мы будем молить Бога...

— Не сметь, — сказал Вальгард, услышав их разговор, — если я еще раз услышу что-нибудь подобное, вам заткнут рты.

— Твоя воля, — сказала Фреда. — Только молитва, она больше в сердце, чем на устах.

— А тольку от нее нет ни там, ни там, — усмех-

нулся Вальгард. — Не одна женщина пыталась пропищать молитву, когда я накладывал на нее руки, да что-то я не видел, чтоб это им пошло на пользу. Как бы там ни было, я не потерплю никаких разговоров о богах на моем корабле.

Он не думал, что Небеса смогут им помочь (только не имеющих бессмертной души жителей Волшебной страны, несмотря на то, что они владеют искусством магии, сила Небес неведомым им способом повергает в слепой ужас от одного упоминания самых простых имен и знаков), но все же не хотел напрасного риска, а еще меньше хотел напоминаний о том, что он покинул навсегда.

Вальгард погрузился в свои мысли, а сестры замолчали. Люди на корабле тоже умолкли, так что только и было слышно, как ветер гудит в снастях, да море с шумом бьется о штевень, да скрипит мачта. Над головой пролетали серые тучи, из которых часто шел то снег, то град, и корабли непрерывно то взлетали, то падали с бегущих волн.

На третий день вечером, под небом, столь пасмурным и низким, что, казалось, настали вечные сумерки, показались берега Финнмарка. Мрачные утесы вставали из прибоя, который с грохотом разбивался о них. Их вершины были покрыты льдом и снегом, да кое-где виднелись согнутые ветром деревья.

— Что за унылая страна, — кормчий на ладье Вальгарда вздрогнул, — и что-то я не вижу усадьбы, о которой ты говорил.

— Правь в этот фьорд, — скомандовал вождь.

Они шли с попутным ветром до тех пор, пока не преградили им дорогу угрюмые скалы. Паруса и мачты были сняты, и суда на веслах подошли в сумерках к скалистому берегу. Вглядевшись, Вальгард увидел на берегу троллей.

Они были ниже его ростом, но чуть не вдвое шире, их руки, похожие на древесные ветви, висели до колен, а ступни на кривых коротких ногах загребали внутрь. Кожа у них была зеленой, холодной и скользкой и покрывала твердую как камень плоть. Их большие круглые лысые головы с приплюснутым но-

сом, огромным зубастым ртом, острыми ушами, глубоко посаженными маленькими глазками напоминали черепа. У этих глаз было так мало белка, что они казались черными впадинами.

Тела троллей едва прикрывали шкуры, продуваемые холодным ветром. Вооружены они были в основном дубинами, а также пращами, каменными топорами, копьями и стрелами с каменными наконечниками, все это казалось слишком тяжелым для человеческой руки. На некоторых троллях были надеты шлемы и кольчуги из бронзы или эльфийского сплава.

Вальгард невольно содрогнулся.

— Ты никак замерз? — спросил один из его людей.

— Нет-нет, — пробормотал Вальгард, а про себя подумал: «Надеюсь, ведьма была права и альфийские женщины будут выглядеть получше. Но, похоже, тролли замечательные воины».

Викинги причалили, вытащили свои суда на сушу и остановились, не зная что делать дальше в спустившейся темноте. Вальгард увидел, как тролли спускаются на берег.

Битва была коротка и ужасна — люди не видели своих врагов. Иногда тролли натыкались на железо, которое обжигало их, но по большей части они умело увертывались от него. Хриплый хохот троллей эхом разносился в скалах, пока они раскраивали черепа, разрывали тела на части или гнали обезумевших людей по горам.

Кормчий Вальгарда увидел, что в то время, как его товарищи падают мертвыми, их вождь стоит, спокойно опираясь на секиру. Викинг заревел и бросился на берсерка.

— Это твоих рук дело! — крикнул он.

— Конечно моих, — ответил Вальгард, и их оружие столкнулось со звоном. Вскоре он убил кормчего, а к этому моменту кончилась и вся недолгая битва.

Командир троллей подошел к Вальгарду. Камни хрустели под его ногами.

— Мы были предупреждены о твоем приходе, эту весть нам принесла летучая мышь, которая оказалась также и крысой, — прогремел он на датском наре-

чии. — Благодарим за добрую потеху. А теперь король ждет тебя.

— Я иду, — сказал Вальгард.

Он заткнул рты сестрам и связал им руки за спиной. Ошеломленные только что увиденным, они побрели, спотыкаясь, по ущелью, потом по мертвому горному склону и, миновав невидимых им стражей, спустились в пещеру и затем — в пиршественную залу Иллреда.

Это была огромная полость, вырубленная в скале. Зала была великолепно убрана добычей, награбленной у эльфов, гномов, гоблинов и других народов Волшебной страны, а также у людей. Огромные дорогие кубки стояли на столах из черного дерева и слоновой кости, и свет факелов падал на богатые одежды князей двора Иллреда и их дам.

Рабы — эльфы, гномы и гоблины — разносили гостям подносы с мясом и полные кубки. На пиру подавали не только мясо украденных телят, жеребят, поросят, но и человечьих и эльфийских младенцев, а также южные вина. В дымном воздухе гремела та трескучая музыка, какую тролли предпочитают всякой другой.

Вдоль стен застыли безмолвные стражи, неподвижные как языческие идолы, алые отблески играли на наконечниках их копий. Тролли с жадностью набрасывались на еду и питье, шумно препираясь друг с другом. И только князья Тролльхейма чинно сидели на своих каменных скамьях.

Вальгард нашел глазами Иллреда. Король был широк в кости, с массивным морщинистым лицом, с которого длинными прядями стекала зеленая борода. Когда его черные бездонные глаза уставились на вновь вошедших, страх пронзил подменыша до костей.

— Приветствую тебя, великий король, — сказал он. — Я Вальгард Берсерк и пришел из Англии, чтобы стать твоим воином. Мне сказали, что ты — отец моей матери, и я счастлив тем, что могу требовать доли в своей отчине.

Иллред кивнул головой, увенчанной золотой короной.

— Это нам ведомо, — сказал он. — Добро пожаловать в Трольлхейм, Вальгард, здесь ты дома.

Он взглянул на девушек, которые сидели у стены. Силы оставили их, и они жались друг к другу.

— А это кто такие? — спросил король.

— Мой скромный подарок тебе, — твердо ответил Вальгард. — Дочери моего приемного отца. Я надеюсь, они придутся тебе по сердцу.

— Хо-хо, хо-хо-хо! — загремел смех Иллреда в наступившей тишине. — Добрый подарок! Давненько не держал я в руках человечью девицу. Добро пожаловать, Вальгард, добро пожаловать!

Он спрыгнул с трона, так что задрожал пол, и подошел к девушкам. Фреда и Асгерд испуганно глядели перед собой. Их взгляды словно говорили:

«Где мы? Что это? Темная пещера, Вальгард с кем-то разговаривает, хотя никого нет, а эхо доносит совсем не его слова...»

— Вам следует увидеть ваш новый дом. — Иллред ухмыльнулся и дотронулся до их глаз.

Они сразу же обрели колдовское зрение и увидели склонившегося над ними короля троллей. Последнее мужество оставило их, и даже сквозь кляпы из груди девушек вырвался хриплый крик.

Иллред снова расхохотался.

X

Налет эльфов на Трольлхейм был основательно подготовлен. В поход на пятидесяти длинных кораблях шли лучшие воины из эльфов Британии, и в пути их должны были охранять чары Имрика и самых мудрых его колдунов. Под прикрытием чар они могли проникнуть незамеченными прямо во фьорды королевства троллей в Финнмарке; как далеко им удастся пробраться в глубь страны, зависело уже от того, какое сопротивление они встретят. Скафлок надеялся, что они смогут прорваться прямо в покои Иллреда и вернуться обратно с его головой и добычей. Скафлоку не терпелось отправиться в поход.

— Не будь безрассудным, — предостерег его Имрик. — Убивай и жги, но не теряй людей в пустяковых приключениях. Будет вдвое лучше, если ты сможешь оценить силы врага, чем если ты перебьешь хоть целую тысячу троллей.

— Мы сумеем совершить и то и другое, — улыбнулся Скафлок.

Он был напряжен, точно молодой скакун, глаза сияли, рыжие волосы выбивались волной из-под головной повязки.

— Не знаю, не знаю. — Имрик был явно озабочен. — Чувствую я, что не будет добра от этого похода, и я бы с радостью его задержал.

— Попробуй, но мы все равно выступим, — сказал Скафлок.

— Да, так оно и будет. Но я ведь могу и ошибиться. Иди, коли так, и пусть тебе сопутствует удача.

Сразу после заката воины начали грузить ладьи. Только что взошедшая луна залила мир серебром, тени холмов и утесов легли на прибрежье, ветер с воем нес тучи на восток. Лунный свет дробился на волнах, а они, белогривые, без устали, с шумом бились о скалы. Свет мерцал на оружии и доспехах эльфийских воинов, а черно-белые длинные корабли, выстроенные на берегу, казались игрой света и тени.

Скафлок стоял, завернувшись в плащ, ветер развевал его волосы. Он ожидал подхода всех своих воинов. В этот момент к нему приблизилась Лиа. Ее глаза горели, волосы облаком окутывали лицо, казавшееся особенно бледным в лунном свете.

— Я не сумею пожелать тебе доброго пути, вероятно потому, что мне не подойти к тебе из-за твоей железной кольчуги, — сказала она своим странным голосом, в котором слышалось пенье воды и ветра и дальних колоколов. — Чувствую, что мои заклинания будут бессильны против судьбы, ждущей тебя. — Их взгляды встретились. — Я знаю, и мне не нужно доказательств, ты поплывешь в западню; и я заклинаю тебя молоком, которым я тебя вскормила, и поцелуями любви, которые дарила тебе, когда ты возмужал, я прошу тебя, останься нынче дома.

— Красивый это будет поступок для предводителя эльфов, который собрался было в поход, чтобы добыть голову главного врага! — воскликнул Скафлок в гневе. — Ни ради кого я бы не согласился на такой позор.

— Да-да, — и вдруг ее глаза наполнились слезами. — Люди, чей век так жестоко краток, несмотря на это, с юности рвутся к смерти, как в объятия возлюбленной. Всего лишь несколько лет назад я баюкала твою колыбель, Скафлок, несколько месяцев назад я лежала в твоих объятиях короткими летними ночами, и для меня, бессмертной, все времена одинаковы. Годы промелькнут как одно мгновенье, и настанет день — твое изрубленное тело станет добычей воронов. Я никогда не забуду тебя, Скафлок, но боюсь, я целую тебя в последний раз.

И она запела:

Ветер к морю повернет,
в тот же час душа морская
моряков в поход зовет —
ведь они как чаек стая.

Слабы узы женских рук.
И мужчина, ей на горе,
бросит дом, услышав вдруг
песню ветра о просторе.
Ждет его в объятья море.

Будь ты проклят, ветер злой,
запевала круговерти,
морякам ты стал судьбой
и влечешь их в лапы смерти.

Моря влажная рука
обоймет тебя, мужчина.
И уж как ни глубока
океанская пучина —
глубже женская кручина.

Скафлок не любил эту песню, предвещавшую злосчастье. Он повернулся и крикнул своим воинам, чтобы они спускали корабли на воду и подымались на борт. Но едва он ступил на палубу, как кровь моряка взыграла в нем с новым пылом, и все дурные предчувствия оставили его.

— Этот ветер дует уже три дня, — сказал Голтан, друг Скафлока. — Сдается мне, что он вызван чьим-то колдовством. Может, какой-то волшебник отправился на восток?

— В таком случае, мы должны быть благодарны ему за то, что он избавил нас от хлопот, и нам не нужно вызывать наш собственный ветер, — засмеялся Скафлок. — Однако, если он уже три дня в дороге, его ладью построили смертные. Мы ходим по морю быстрей.

Мачты были поставлены, паруса подняты, и ладья с головой дракона на штевне понеслась вперед. Корабли летели как ветер, как снег и брызги, мелькающие в лунном свете. Вода бурлила у за кормой. Эльфы, как бы они ни передвигались, пешком ли, верхом или на корабле, были самым проворным народом во всей Волшебной стране, и еще до полуночи они увидели утесы Финнмарка.

Скафлок широко улыбнулся. Он сказал такую вису:

Рвется рать
сражаться в Троллхейм,
спеть о смерти
супостату.
Други, дар,
достойный троллей:
смерти смерч
и меч под ребра.

Тролли — трусы.
Только тронь их,
сразу с ревом
разбегутся.
Братья, боль
башки троллиной
мы мечом
в момент излечим.

Эльфы уменьшили осадку кораблей, сняли паруса, убрали мачты и взялись за весла. Во фьорд ладьи вошли готовые к бою, но нигде не увидели и следов береговой стражи. Вместо этого их глазам предстали другие суда, вытащенные на берег, — три длинных корабля, принадлежащих смертным, чьи хозяева валялись окровавленной падалью на скалах.

Скафлок спрыгнул на берег, выхватил меч, и плащ взвился у него за плечами.

— Странно все это, — сказал он с беспокойством.

— Похоже, их занесло сюда ветром и на них напали тролли, — ответил Голтан. — И это случилось совсем недавно, смотри, кровь еще не запеклась, тела не остыли, а убийцы, верно, пошли докладывать Илреду о происшедшем.

— Значит, нам необыкновенно повезло! — закричал Скафлок.

Он не мог и предполагать, что ему представится случай для внезапного нападения. Скафлок не стал трубить в рог, а подал знак воинам своим мечом. Ни он, ни другие эльфы больше не думали о мертвецах, которые были всего лишь людьми.

Команды спрыгнули на мелководье и вытащили суда на берег. Несколько воинов осталось их стеречь, а большую часть отряда Скафлок повел за собой по тропе, уходившей в глубь страны. Они прошли по ущелью, недоступному взору смертных, и углубились в горы, где задевающие небеса пики были укрыты сверкающим снегом. В горах гудел ветер, и его холодные кулаки осыпали их ударами. Лохматые тучи поминутно закрывали луну, точно мигал огромный глаз. Эльфы, гибкие как кошки, поползли по скалам и обрывам к жерлу пещеры, которое зияло на склоне горы.

Приблизившись, они увидели отряд троллей: было похоже, что береговая стража возвращается на свои посты. Голос Скафлока перекрыл вой ветра:

— Быстрей, и они не уйдут от нас!

Он бросился на них как барс, за ним последовали остальные эльфы. Прежде, чем тролли поняли, что произошло, они услышали звон металла и это было последнее, что им довелось услышать. Но какой-то шум достиг пещеры, и когда воины Скафлока проникли в нее, они встретили нарастающий отпор.

Эхо в скальных сводах удвоило лязг оружия, подхватило боевой клич эльфов и гулкие выкрики их противников. Скафлок и Голтан принялись, щит к щиту, прорубать дорогу среди троллей. Большинство из них не успело вооружиться, и уж во всяком случае,

они двигались куда медленней эльфов, так что тролль за троллем падал под ударами эльфийских клинков.

Тролль бросился на Скафлока с копьем размером с доброе дерево. Скафлок принял копье на щит, отбил удар и, приблизившись к нападавшему, нанес смертельный удар. Его стальной клинок рассек противника от плеча до сердца. Тут краем глаза он заметил занесенную над ним палицу. Ее удар мог запросто разнести шлем да и череп под ним в придачу. Скафлок закрылся щитом. Удар обрушился на железную оковку щита и заставил Скафлока отшатнуться назад. Он упал на одно колено, но успел выхватить меч и отсечь ногу троллю, нанесшему удар. Едва Скафлок снова поднялся на ноги, как его меч снова со свистом описал дугу, и голова еще одного тролля покатилась с плеч.

Тролли отступили в большую пещеру. Эльфы закричали от радости, увидев, что теперь поле битвы стало достаточно просторным для того, чтобы сражаться так, как они привыкли. Из колчанов появились длинные луки, и туча стрел с гусиным опереньем вылетела из первой шеренги эльфов и обрушилась на троллей. Защитники пещеры сломали строй, и вскоре битва превратилась в множество схваток один на один по всему залу. Однако троллю в одиночку, да еще без кольчуги, было не устоять против эльфа, который так прыгал, увертываясь от ударов, рубил, колол, что у противника начинало рябить в глазах.

Кое-кто из эльфов уже валялся с разбитым черепом или пробитой копьем грудью, к тому же немало было и раненых. Но для троллей эта битва обернулась настоящей резней. И все же королевская стража сумела закрыть собой арку, которая вела в пиршественную залу короля. Эльфы, покончив со всеми оставшимися троллями, попытались напасть на этот суровый заслон, но, увы, здесь было слишком мало места, чтобы проявить их всегдашнюю ловкость и проворство. Они отступили в беспорядке, оставив за собой убитых и раненых. Только снаряд способен был пробить эту стену щитов, закрывавшую щитоносцев от глаз до колен.

Но тут Скафлоку бросилось в глаза, что пролет арки очень высок.

— Я покажу вам дорогу! — крикнул он.

Весь в запекшейся зеленой троллиной и своей алой крови, с помятым шлемом и щитом, он сунул свой иззубренный меч в ножны и схватил копье, затем разбежался и, пользуясь копьем как шестом, перелетел через головы стражников прямо в залу.

Падая, Скафлок снова выхватил меч. На нем были тяжелые доспехи, и пол дрогнул от удара, когда он приземлился, но он сумел тут же повернуться. Стражники, в отличие от прочих троллей, были хорошо вооружены, но ноги и руки были у них не закрыты броней. Скафлок нанес три удара, и три тролля упали.

Остальные развернулись лицом к нему. Эльфы тут же напали на дрогнувший строй, опрокинули его и прорвались в королевскую палату!

На другом конце залы Скафлок увидел Иллреда, который, сжимая копье, как утес возвышался на своем троне. Скафлок сразил двух троллей, пробиваясь к королю. Но тут ему заступил дорогу некий человек.

Скафлок застыл на мгновение, пораженный тем, что из-за готовой обрушиться на него секиры глядит его же собственное лицо. А секира эта была не из мягкой бронзы, не из легкого сплава, а из самой настоящей стали, да к тому же не притупилась в схватках: между тем щит Скафлока принял за этот день уже немало ударов. Секира опустилась и, пробив железо и дерево на щите, оставила левую руку Скафлока без прикрытия.

Он попытался вырвать секиру из рук нападающего, но тот, отпрыгнув, рванул ее с такой силой, что Скафлок пошатнулся. Затем незнакомец снова напал. Скафлок отбросил бесполезный щит. Железо, зазвенев, высекло искры. Оба бойца были облачены в шлем и кольчугу, у обоих теперь не было щита, но тяжелая секира давала своему хозяину преимущество перед более легким мечом. И хотя Скафлок в полной мере владел эльфийским искусством наносить и отражать удары, но тот клинок, который был в его руках, мало

подходил для этого. И вместо того, чтобы наступать, Скафлок вынужден был все свое уменье употребить для того, чтобы защитить себя.

Потом битва разъединила их. Скафлок снова стал сражаться с неким троллем, и ему пришлось выдержать нелегкую схватку, прежде чем он сразил его. Незнакомца тем временем окружили эльфы. Но он сумел прорубить себе путь обратно к Иллреду, и оставшиеся тролли сплотились вокруг них. Сильным стремительным ударом им удалось, пробившись к черному ходу, уйти.

— За ними! — крикнул Скафлок в воинственном азарте.

Но Голтан и другие командиры эльфов отговорили его.

— Это было бы безрассудством, — заявили они. — Гляди, эта дверь ведет в темные низкие пещеры, где вполне может быть засада. Лучше мы перекроем ее отсюда, чтобы Иллред не вызвал себе на помощь чудовищ из глубин земли.

— Да, вы правы, — неохотно согласился Скафлок.

Он оглядел палату; сперва с жадностью взглянул на бывшие там сокровища, потом с грустью на тела эльфов, простертые на залитом кровью полу. И все же его радовало, как мало их было по сравнению с мертвыми врагами. Раненых троллей добили, их крики и стоны скоро смолкли, а своих раненых заботливо перевязали, залечить же их раны должны была после возвращения исцеляющая магия.

Неожиданно Скафлок увидел нечто такое, что подивило его почти так же, как воин его собственного обличия среди врагов, — это были связанные, с заткнутыми ртами смертные женщины, лежащие у подножия трона.

Он подошел к ним и достал нож. Они, увидев его, сжались от ужаса.

— Не бойтесь, я хочу только освободить вас, — сказал он им на датском наречии и развязал веревки.

Они поднялись, дрожа и прижимаясь друг к другу. Скафлок снова был поражен, когда та из них, что

была выше ростом, пышновласая красавица, пробормотала, заикаясь:

— Лжец и убийца, какое новое зло ты решил причинить нам?

— Почему? — Скафлок почувствовал себя смущенным. Хотя он и владел людскими языками, но говорил на них редко, и его речь звучала по-эльфийски напевно. — Почему, что я вам сделал? — Он улыбнулся. — Но может вы предпочитаете быть связанными?

— Прекрати, ко всему прочему, над нами издеваться, Вальгард! — крикнула златовласая девушка.

— Я не Вальгард, — ответил Скафлок, — я даже не знаю его, если только это не тот человек, с которым я сражался, но вы, верно, не разглядели этого в свалке. Я — Скафлок из Альфхейма и недруг троллей.

— Ах, Асгерд, — вскрикнула младшая, — он не может быть Вальгардом. Посмотри, он безбород, одет по-другому и говорит как-то странно...

— Не знаю, — пробормотала Асгерд. — Может быть, это побоище вокруг — его очередная проделка? Может нам отвели глаза, чтобы снова обмануть нас? О, я ничего не знаю, кроме того, что Эрленд и вся наша родня убиты.

Она начала рыдать, мучительно кашляя.

— Нет, нет! — младшая девушка вцепилась Скафлоку в плечи, пытаясь разглядеть его лицо. Ее заплаканное лицо вдруг просияло точно весеннее солнышко после дождя.

— Нет, незнакомец, ты не Вальгард, хоть ты и похож на него. В твоих глазах светится тепло, твои губы умеют улыбаться... Слава Бо...

Скафлок прикрыл ей рот ладонью до того, как она успела договорить.

— Не произноси это имя, — сказал он поспешно. — Эльфы ведь тоже Волшебный народ и не выносят этого. Но они не причинят вам вреда. А я прослежу за тем, чтобы вас отвезли туда, куда вы захотите.

Девушка растерянно кивнула. Скафлок опустил руку и внимательно посмотрел на нее. Она была среднего роста, и каждый дюйм ее едва прикрытого лох-

мотыми тела так и сиял юностью и красотой. Волосы — длинные, светло-каштановые, с красноватым отливом, широкий лоб, красиво вылепленный нос и рот с мягкими губами. Ее большие миндалевидные глаза под темными бровями вызвали у Скафлока какое-то мимолетное воспоминание. Но он так и не смог понять, что же ему напоминают эти сияющие серые глаза.

— Кто ты? — спросил он тихо.

— Я — Фреда, дочь Орма из Датских владений в Англии, а это — моя сестра Асгерд, — ответила она. — А как зовут тебя, воин?

— Скафлок, воспитанник Имрика из эльфийских земель в Англии.

Фреда отшатнулась и с трудом сдержалась, чтобы не перекреститься.

— Послушай, не нужно меня бояться, — с неожиданной серьезностью сказал Скафлок. — Подожди здесь, пока я не закончу своих дел.

Эльфы принялись быстро грабить палату Иллреда, а в соседних покоях нашли и освободили рабов из числа своих соплеменников. Затем они начали отходить. Около входа в пещеру они обнаружили дома, надворные постройки и амбары троллей и подожгли все это. Ветер не утихал, но непогода кончилась, и пламя высоко взметнулось в морозное ясное небо.

— Теперь нам нечего бояться Тролльхейма, — сказал Скафлок.

— Не будь слишком самоуверен, — возразил Валка Мудрый. — Мы застигли их врасплох. Хотел бы я знать, как велико их войско на самом деле и далеко ли оно отсюда.

— Это мы можем узнать в следующий раз, — сказал Скафлок. — Теперь пора спускаться к кораблям, и еще до зари мы будем дома.

Асгерд и Фреда, наделенные колдовским зрением, в оцепенении наблюдали за эльфами. Удивительными показались им эти высокие воины в серебристых, сверкающих во мраке кольчугах; они двигались совершенно бесшумно, казалось, не шли, а скользили словно дым или вода. Эти бледные, точно выточенные из слоновой кости, лица с тонкими чертами и звериными

ушами, эти холодно блестевшие глаза наводили ужас на смертную душу.

Скафлок, легконогий и грациозный, точно дикий кот, сновал среди них и разговаривал на их непонятном наречии, и все же он выглядел как человек. Фреда, припомнив его теплые прикосновения, столь непохожие на холодную шелковистую кожу эльфа, уверилась в том, что Скафлок одного с ней племени.

— Верно, он язычник, коли живет с этими тварями, — заметила Асгерд.

— Да, я тоже так думаю, но... но он добрый, и он спас нас от... от... — Фреда содрогнулась и поплотней запахнула плащ, который ей дал Скафлок.

Рог Скафлока протрубил сигнал к отступлению, и воины в тишине принялись цепочкой спускаться с гор. Скафлок шагал рядом с Фредой, не говоря ни слова, но часто поглядывая на нее.

Она была моложе его, во всей ее фигуре, долгоногой и узкогрудой, еще чувствовалась милая неловкость подростка. Фреда шла, высоко закинув голову, и ее блестящие волосы, казалось, звенели в лунном свете, но Скафлок подумал, что на ощупь они, верно, очень мягкие. Когда они начали спуск по крутому склону, он поддержал ее, и маленькая ручка Фреды словно утонула в его мозолистой ладони.

Неожиданно, когда горные кручи обступили эльфов, раздался бычий рев троллиного рога, потом другой ответил ему, потом еще один, скалы отразили эти звуки, и ветер разнес их. Эльфы замерли, насторожив уши, их ноздри расширились, а глаза вглядывались во тьму, стремясь понять, где притаились враги.

— Я думаю, они — впереди, хотят отрезать нас от кораблей, — сказал Голтан.

— Худо дело, — откликнулся Скафлок, — но еще хуже придется нам, если мы будем спускаться по ущелью, тогда нас смогут обстрелять со скал. Нам надо обойти его.

Он протрубил тревогу в свой рог. (Такие огромные витые рога когда-то впервые изготовили эльфы, и они все еще были у них входу, хотя люди разучились их

делать с начала бронзового века.) Потом, обращаясь к Фреде и Асгерд, сказал:

— Боюсь, нам придется еще раз драться. Мои воины защитят вас, если вы не станете произносить те имена, которые вредят им. В противном случае, они вынуждены будут бросить вас, и тролли вас достанут своими стрелами.

— Плохое это дело — умереть, не воззвав к Небесам, — ответила Асгерд. — Однако мы будем послушны.

Скафлок, засмеявшись, положил руку Фреде на плечо.

— Что же нам остается, как не победить, если мы будем сражаться за таких красавиц?

Он приказал двум эльфам нести девушек, когда они двинулись чересчур быстро, а остальным — прикрывать их щитами. Сам он возглавил колонну воинов, которая начала переваливать через горный гребень к морю.

Эльфы, легкие на ногу, двинулись вперед, перепрыгивая со скалы на скалу, только кольчуги звенели да оружие сверкало в лунном свете. Но вот они увидели троллей, толпы которых чернели в бледном свете звезд. Эльфы издали боевой клич, ударили мечами о щиты и ринулись на врага.

Скафлок попытался примерно оценить силы троллей: выходило, что на каждого его воина приходится по шесть неприятельских; если Иллред сумел так быстро собрать эту орду, как же, должно быть, велики его главные силы.

— Что ж, — воскликнул Скафлок, — каждому из нас придется убить по шесть троллей!

Эльфийские лучники дали залп по врагу. Неповоротливым троллям было не уйти от туч стрел, которые, затмевая луну, сыпались на них. Многие полегли на месте. Но, как обычно, слишком много стрел, не причинив вреда, попало в скалы или застряло в щитах; и вскоре колчаны эльфов истощились.

Эльфы бросились врукопашную. Закипела ночная битва. К звездному небу неся рев троллиных рогов и пенье эльфийских труб, волчий вой троллей и ястре-

бинные клики эльфов, гром секир об эльфийские щиты и звон мечей о шишаки троллей.

Секира и меч! Копье и палица! Разбитый щит, расколотый шлем, пробитая кольчуга! Реки красной крови эльфов мешались с потоками зеленой холодной крови троллей! А над головами бойцов сполохи плясали пляску смерти.

Среди двух сражающихся станов маячили две высокие фигуры, почти не отличимые друг от друга. Секира Вальгарда и меч Скафлока прорубали кровавые следы в свалке рукопашной битвы. У воющего берсерка от ярости на губах выступила пена. Скафлок дрался молча, хотя и не менее яростно, слышно было только его тяжелое дыхание.

Тролли лезли со всех сторон, в этой давке мало толку было эльфам от их быстроты и ловкости, зато троллям пригодилась их сила. Скафлоку начало казаться, что на месте каждой оскаленной рожи, которая падала после его ударов, из окровавленного снега вырастают две новые. Он сражался без передышки, сражался, не отступая ни на шаг, его рука сжимала новый щит, а по лицу тек пот и тут же застывал на морозе.

Тут к нему приблизился Вальгард. Берсерком овладело неистовство, он ненавидел все, что имело отношение к эльфам, а пуще всего — воспитанника Имрика. Они сошлись грудь ко груди, их глаза встретились, блеснув в обманчивом свете луны.

Клинок Скафлока зазвенел о шлем Вальгарда и повредил его, секира Вальгарда отсекла край от щита Скафлока. Затем Скафлок рассек незащищенную щеку врага, так что обнажились зубы. Берсерк взвыл и обрушил на щит Скафлока несколько таких ударов, что тот чуть не выпустил его, и кровь брызнула из-под повязки на старой ране.

Но Скафлок сумел дождаться ошибки Вальгарда, и когда его враг слишком далеко выставил ногу, он сразу рубанул его по икре. Вальгард был бы совершенно искалечен, если бы меч Скафлока не так сильно притупился к этому времени. И все же Вальгард вскрикнул и упал.

Скафлок бросился было добить врага, но тут точно камень разбил его шлем и поверг его на колени. Помутившимся взором он увидел Иллреда Короля Троллей, потрясающего каменной палицей. Вальгард поднялся и занес секиру. Скафлок, превозмогая звон в ушах и боль, стальным обручем сжавшую его виски, успел отшатнуться. Секира Вальгарда вонзилась в землю. Один из эльфов, обезумев от азарта битвы, выбежал из кольца щитоносцев, чтобы зарубить берсерка прежде, чем тот высвободит оружие. Иллред ударом палицы перешиб ему шею. Вальгард вырвал секиру и обрушил ее на эльфов внутри кольца. Он не знал, опуская секиру, что этим ударом только увеличивает тяготившее его душу бремя.

Щиты сомкнулись, и Вальгард отступил перед направленными на него копьями. Скафлок пришел в себя и повел своих воинов вперед. Они двинулись, оставив своих убитых лежать на земле. Иллред тоже стал выравнивать строй своей стражи. Только Вальгард остался стоять там, где стоял, в полном одиночестве, неистовство берсерка покинуло его.

С трудом держась на ногах, залитый кровью, он глядел на тело Асгерд.

— Я не хотел этого. Видно, моя секира проклята, или это я проклят? — он закрыл лицо руками. — Да, но они мне не родичи, разве не так?

Ослабев от припадка, он присел на землю рядом с ее телом.

— Теперь осталось убить только Скафлока и Фреду, и с родом, который я когда-то считал своим, будет покончено, — бормотал он, перебирая золотые волосы Асгерд. — С твоей помощью, Братоубийца, я запросто справлюсь с этим. И Эльфриду убью, если она еще жива. Почему бы мне ее не убить? Ведь она мне не мать. Моя мать — страшилище, которое сидит у Имрика в темнице, а Эльфрида, которая убаюкивала меня колыбельными, нет, она мне не мать...

Несмотря на то, что эльфы дрались храбро, им приходилось туго. В голове отряда Скафлок своими командами собирал бойцов, строил и снова вел вперед. Его клинок сеял смерть. Ни один тролль не мог

устоять перед этой стремительной сталью, и воины Скафлока начали постепенно продвигаться к морю.

Они почти пробились, но тут пал Голтан, пронзенный копьем. Скафлок сказал:

— Я стал бедней на верного друга и это сокровище мне уже не вернуть. — И он снова закричал: — За мной, Альфхейм! Вперед, вперед!

В конце концов остатки отряда прорвались сквозь строй троллей к берегу моря. Валка Мудрый, Флам Оркнейский, Хлокан Кровавое Копье и много других великих воинов погибло, прикрывая их отход, но зато те, кто выжил, добрались до кораблей. Некоторые из эльфов, спускаясь по склону, разбрасывали на виду у троллей награбленные сокровища. Это ослабило натиск, поскольку Иллред больше всего хотел вернуть утраченные драгоценности.

Оставшихся в живых эльфов хватило, чтобы заполнить половину кораблей. Остальные они сожгли с помощью огненных заклинаний. Эльфы погрузились на корабли и с трудом выгребли из фьорда.

Фреда свалилась на дно драккара, который вел Скафлок. Она увидела его высокую, окровавленную фигуру в лунном свете. Он творил рунические знаки и произносил слова, которые она не понимала. Ветер поменял направление, стал свежей, потом превратился в настоящую бурю, и вот корабли понеслись вперед под всеми парусами, так что только мачты гнулись да снасти звенели. Они летели все быстрей и быстрей, как соленые брызги, несомые ветром, как сон, как лунный свет над волнами.

Фреда потеряла сознание.

XI

Фреда пробудилась на ложе из резной слоновой кости, устланном мехами и шелками. Она увидела, что ее выкупали и одели в белую парчу. Около кровати стоял столик чудной работы, а на нем — вино, вода, гроздья винограда и другие плоды из южных стран.

Кроме этого, она разглядела вокруг только бесконечные лиловые сумерки.

Некоторое время Фреда не могла понять, где она и что с ней приключилось. Но вот воспоминания вернулись, и она безутешно зарыдала. Фреда долго плакала, но все вокруг дышало таким покоем, что, наплакавшись вволю, она налила себе вина, едва отпила глоток и — будто чья-то добрая рука легла ей на сердце. Она снова забылась сном без сновидений.

Проснувшись, она почувствовала себя совершенно отдохнувшей. И едва Фреда села на кровати, как ей навстречу из лилового простора выступил Скафлок.

На нем не было видно и следа полученных ран, а его лицо улыбалось. Скафлок был одет в короткую, богато вышитую тунику и килт, который позволял видеть, как мышцы сильных ног перекатываются под кожей. Он присел рядом с ней, взял ее за руку и заглянул в глаза.

— Ты чувствуешь себя лучше? — спросил он. — Я положил в вино снадобье, которое врачует рассудок.

— Я здорова, но... но где я? — ответила Фреда.

— В Эльфийском Утесе — это замок Имрика, который стоит среди эльфийских холмов севера, — объяснил Скафлок, и ее глаза расширились от страха.— Тебе здесь не причинят вреда, и все будет так, как ты пожелаешь.

— Тебе, — прошептала Фреда, — после Бога...

— Не надо, не упоминай здесь святых имен, эльфы должны избегать их, а ты здесь гостья. В остальном можешь делать все, что пожелаешь.

— Но ведь ты не эльф, — медленно проговорила Фреда.

— Нет, я человек, но я вырос здесь. Я приемный сын Имрика Вероломного и испытываю гораздо больше родственных чувств к нему, чем к родному отцу, кто бы он ни был.

— Почему ты пришел спасти нас? Мы уже было отчаялись...

Скафлок вкратце поведал ей о войне между троллями и эльфами и о своем налете, потом улыбнулся и сказал:

— Давай лучше поговорим о тебе. У какого отца родилась такая красивая дочь?

Фреда покраснела, но, справившись со смущением, стала рассказывать о себе. Он слушал, не понимая истинного смысла этой истории. Имя Орма ничего ему не говорило, потому что Имрик, желая порвать все узы, связывающие Скафлока с людьми, говорил ему, что его подменили в далеких западных землях, кроме того, он воспитывал Скафлока так, чтобы тому и в голову не пришло интересоваться своими истинными родителями. Что до Вальгарда, то Фреда ничего не могла сказать о нем, кроме того, что это ее сошедший с ума брат. Скафлок почуял, что берсерк по своей природе — нелюдь, но ни он, ни Фреда не могли глубже постичь суть происшедшего. Он предположил, что Вальгардом владеет некий демон. Что же касается их сходства, то это могли быть зеркальные чары: нашлась бы дюжина причин, зачем Иллреду могло понадобиться так изменить внешность Вальгарда. Кроме того, никто из эльфов, с которыми Скафлок обсуждал это сходство, ничего не заметил. Произошло ли это потому, что им было не до наблюдений, когда они защищали свою жизнь, или, быть может, Скафлоку это вообще все привиделось? В конце концов Скафлок махнул рукой на эту загадку и забыл о ней.

Фреда тоже не долго ломала себе голову над этим странным сходством, ведь она-то никогда бы не перепутала двух этих людей. Глаза и губы, выражение лица и походка, повадки, манеры и речи — все было так различно, что она едва замечала сходство в росте, телосложении и чертах лица. Она только подумала раз, что у Вальгарда со Скафлоком, видно, был общий предок, какой-нибудь датчанин, который лет сто назад провел лето в набегах на Англию, и тоже позабыла обо всем этом.

Фреде и без того хватало поводов для размышлений. Снадобье, которое она выпила, притупило, но не изгладило воспоминания о пережитом. Когда она начала говорить, замешательство и потрясение увиденным отступили под натиском горестных воспомина-

ний, и в конце концов она снова разрыдалась на груди у Скафлока.

— Мертвы! Все, все мертвы, все убиты, кроме Вальгарда и меня. Я... я видела, как он убил отца и Асмунда, а Кетиль тогда уже был убит, я видела, как матушка валялась у него в ногах, я видела, как секира сразила Асгерд, только я осталась в живых, а лучше бы мне умереть вместо них!

— Не горюй, — неуклюже попытался утешить ее Скафлок (ведь эльфы не научили его сочувствовать горю такого рода), — зато ты невредима, а я отыщу Вальгарда и отомщу ему за твоих родичей.

— Что толку. Усадьба Орма сгорела дотла, а кровь его рода пролилась и иссякла, если не считать одного безумца и одной бездомной. — Она, дрожа, припала к нему. — Помоги мне, Скафлок! Мне стыдно... стыдно, что я боюсь... и все-таки я боюсь быть одна...

Одной рукой он провел по ее волосам, а другой взял за подбородок так, чтобы заглянуть в глаза.

— Ты не одна, — пробормотал Скафлок и легко, точно бабочка коснулась крылом, поцеловал ее в губы. Они затрепетали, соприкоснувшись с его губами, эти мягкие, теплые и соленые от слез губы.

— Пей. — Скафлок протянул ей кубок с вином.

Она сделала глоток, потом еще один и упала ему на руки. Скафлок старался, как мог, утешить ее, он не мог смириться с тем, что на ее долю выпало столько горя, и он принялся шептать заклинания, которые должны были смягчить ее скорбь быстрей, чем позволяло естество.

Фреда всегда помнила, что она дочь Орма Сильного, человека, который, несмотря на свой буйный нрав, умел быть строгим к себе. Такими же он вырастил и своих дочерей. Он бывало говорил им: «Никому не дано уйти от судьбы, но ничто не должно лишить человека мужества, когда он встретил свою судьбу».

Так что, успокоившись в предвкушении чудес, обещанных ей Скафлоком, Фреда снова села и сказала:

— Спасибо тебе за твою доброту. Я уже опять могу держать себя в руках.

Скафлок улыбнулся.

— Что ж, коли так, значит пора тебе прервать свой пост.

Рядом с постелью для Фреды было приготовлено шелковое платье, сотканное эльфийскими женщинами из паутины. Облачаясь в него, она покраснела от стыда, да и тяжелые золотые кольца, которыми Скафлок унизал ее руки, и алмазный венец, который он возложил ей на голову, смутили ее не меньше.

Они прошли, как по облаку, по невидимым полам и вышли в длинную анфиладу зал, которые не сразу открылись их глазам, но, непрерывно возникая точно из пустоты, окутывали их как туман. Ряды сияющих колонн тянулись вдоль мраморных стен, на которых пестрые причудливые существа, вытканные на коврах и шпалерах, кружились в медленном чудесном танце.

То тут, то там мелькали гоблины из числа рабов Имрика. Эти существа переходной между эльфами и троллями расы были совсем не уродливы, несмотря на зеленую кожу и приземистую фигуру. Вдруг Фреда, вскрикнув, бросилась к Скафлоку, мимо них важно прошествовал желтый демон с канделябрами. Впереди него, расчищая ему дорогу, шел гном со щитом.

— Что это? — прошептала Фреда.

Скафлок улыбнулся.

— Один из катайских шэней, которых мы захватили в давнем набеге. Он сильный и послушный раб. Но есть недостаток — он может двигаться только по прямой, пока не налетит на стенку, так что для того, чтобы его повернуть, гном каждый раз устанавливает щит под углом, и он отражается от него как луч света от зеркала.

Фреда засмеялась, а он заслушался ее смехом, дивясь тому, как чисто он прозвучал. В веселости эльфийских женщин всегда слышалось что-то от злой усмешки, а смех Фреды был ясен как весенняя заря.

Они сели за трапезу вдвоем, стол был накрыт редкими яствами, а окружающий их воздух — насыщен музыкой.

Скафлок сказал такую вису:

Благо друга брашном
баловать и медом.
Трапеза для тела —
тяжело без пищи.
Очень мои очи,
о, дева, ненасытны,
никак не наглядятся
на милую Фреду.

Она опустила глаза, чувствуя, что краска заливает ее лицо, и в то же время улыбнулась.

Вдруг Фреда ощутила угрызения совести.

— Как я могу предаваться веселью вскоре после гибели всего моего рода? Срублено дерево, чьи ветви осеняли округу, холодный ветер свистит над нивой, обращенной в пустошь... — Она примолкла, подыскивая слова. — Когда гибнут добрые люди, оставшиеся становятся бедней.

— Если они были добры при жизни, то не следует оплакивать их, — быстро возразил Скафлок. — Теперь для них миновали горести этого мира, они уже там, на Небесах. Я думаю, что только твои рыдания могут омрачить их блаженство.

Когда они покидали пиршественную залу, Фреда взяла Скафлока за руку.

— Но священники говорят, что те, кто умер не исповедовавшись... — Она закрыла лицо свободной рукой. — Я люблю их, они все погибли, а мне осталось только плакать в одиночестве.

Скафлок прикоснулся губами к ее щеке.

— Пока я жив, — пробормотал он, — это не так. И ты не должна давать много веры тому, что болтал деревенский поп. Что он знает об этом?

Они вошли в другой покой, чей сводчатый потолок был так высок, что терялся во мгле. И там Фреда увидела женщину, чья красота не могла принадлежать смертной. Девушка испугалась, почувствовав себя рядом с ней маленькой и глупой.

— Ты видишь, Лиа, я вернулся. — Скафлок приветствовал ее на эльфийском наречии.

— Да, — ответила она, — без добычи, потеряв половину воинов. Нечего сказать, удачная разведка!

— Не все сразу. Троллей полегло гораздо больше, чем эльфов, вражьи силы разбиты, а пленные, которых мы освободили, смогут немало рассказать нам о них.

Обняв за талию, он привлек Фреду к себе. Она охотно прильнула к нему под наводящим ужас холодным взглядом белой колдуньи.

— И посмотри, с каким сокровищем я вернулся из похода.

— Зачем она тебе? — язвительно спросила Лиа. — Разве только в тебе заговорила человеческая кровь.

— Может и так. — Скафлок был невозмутим.

Она подошла к нему, положила руку на плечо и посмотрела на него. Ее глаза были полны голубой мглы и лунного света.

— Скафлок, — сказала она настойчиво, — избавься от этой девицы. Отошли ее домой, если уж ты не хочешь ее убить.

— Она — бездомная, — ответил Скафлок. — И я не обреку ее на нищенство по дорогам, она и так настрадалась. — А потом добавил насмешливо: — Что это тебя вдруг стали заботить дела смертных?

— Я действительно озабочена, — сказала она печально. — Вижу, мое пророчество сбылось. Подобное влечет к подобному, но только не с ней, Скафлок. Найди себе любую другую смертную девушку. А на этой — печать рока. Я чувствую это, дыханье судьбы пробирает меня холодом до костей. Нет, не случайно ты нашел ее, и она навлечет на тебя великие беды.

— Только не Фреда, — твердо сказал Скафлок и, чтобы переменить разговор, спросил: — Скоро ли возвращается Имрик? Когда я пришел из Тролльхейма, он был вызван на совет к Королю Эльфов.

— Скоро он будет здесь. Подожди, Скафлок, может он ясно прозрит судьбу, которую я только предчувствую, и сумеет предостеречь тебя.

— Мне ли, бившемуся с троллями и демонами, бояться девчонки, — рассмеялся Скафлок в ответ. —

Нет, если это судьба, то ее не ворон накаркал, а курица прокудахтала.

И он ушел, уводя с собой Фреду. Они отправились бродить по замку. Сначала она говорила мало, с трудом и невесело. Но выпитое ею снадобье и чары Скафлока вернули постепенно бодрость ее сердцу и рассудку.

Фреда все чаще улыбалась, восклицала и то и дело принималась болтать, поглядывая на своего спутника. Наконец Скафлок сказал:

— Давай выйдем из замка, и я покажу тебе, что я сотворил для тебя.

— Для меня?

— А может, если на то будет воля Норн, и для себя, — рассмеялся Скафлок.

Они пересекли двор замка и вышли за высокие бронзовые ворота. Там, среди ослепительной белизны и голубых теней, не было ни души. Укрытые плащом Скафлока, они вошли в заледеневший лес. Пар изо рта столбом подымался в безоблачное небо. Слышно было, как где-то гудит прибой и ветер шумит в темных елях. Казалось, рыжие волосы Фреды были единственным теплым пятном в этом застывшем мире.

— Холодно. — Фреда вздрогнула. — Нет, под твоим плащом тепло, а так — холодно.

— Слишком холодно, чтобы отпустить тебя просить милостыню по дорогам.

— Всегда найдутся люди, которые приютят меня. У нас было много друзей, наши земли — теперь мои земли, а я полагаю, — она задумалась, — это хорошее приданое.

— Зачем тебе искать друзей, когда они есть у тебя и тут? А что до земли — смотри.

Они поднялись на гряду холмов, окруживших небольшую долину. И в этой долине Скафлок создал лето. Над маленькими веселыми водопадами зеленели деревья, цветы колыхались в густой траве. Пели птицы, рыба играла в ручьях, оленухи с телятами доверчиво приближались к людям.

Фреда захлопала в ладоши и закричала от радости. Скафлок улыбнулся.

— Я сотворил это для тебя, — сказал он, — ведь ты сама воплощенное лето, жизнь и радость. Забудь о тяготах и смертях зимы, Фреда. Здесь у нас свое собственное время года.

Они спустились в долину и, расстелив плащ, сели у водопада. Ветер гладил их волосы, тяжелые гроздья ягод склонялись к ним.

По слову Скафлока маргаритки, которые собрала Фреда, сами собой сплелись в венок, который он надел ей на шею.

Фреда не испытывала страха ни перед Скафлоком, ни перед его волшебным искусством. Он принес ей яблоки, вкусом напоминающие драгоценное вино и пьянящие, кажется, не меньше. Она лежала в полудреме и внимала ему.

Смех любимой слаще
стал мне звуков битвы.
Красной бронзы косы
крепче стали вяжут.
Никому ни разу,
нет, не покорялся —
рад теперь я рабству,
рук любимых игу.

Созданы для счастья
мы с тобой и страсти.
Ласки рук любимых
любы пуще рая.
Верно, ты, вещунья,
ворожишь на славу:
Скафлок, прежде смелый,
сам попал в ловушку.

— Не подобает вести такие речи... — слабо запротестовала Фреда, одновременно вздыхая и улыбаясь.

— Что значит не подобает? Нет ничего более правдивого, чем эти мои слова.

— Но ты — язычник, а я...

— Я просил тебя не говорить о таких вещах. Теперь с тебя причитается пеня.

И Скафлок поцеловал ее. Поцелуй этот был долог, сначала нежен, а под конец — яростен. Сперва Фреда хотела оттолкнуть его, но на это ей недостало сил,

зато, когда она ответила поцелуем на поцелуй Скафлока, силы сразу вернулись к ней.

— Неужели это было неприятно? — засмеялся Скафлок.

— Нет... — шепотом откликнулась Фреда.

— Я знаю, горе постигло тебя совсем недавно. Но горе утихнет со временем.

По правде говоря, оно уже утихало. Печаль уходила, оставляя в душе место только для нежности.

А Скафлок между тем продолжал:

— Ты должна подумать о своем будущем, Фреда, а пуще того, о будущем твоего рода; теперь ты последняя, в чьих жилах течет его кровь. Я предлагаю тебе все богатства и чудеса Альфхейма, и мне не нужно никакого приданого, кроме тебя самой; тебя и твое я оборону всей своей мощью, но первым среди моих даров будет моя вечная любовь.

Все произошло само собой, эльфийское искусство, может быть, помогло тому, что горе быстро угасало, а любовь пришла еще быстрей, но солнцем, в лучах которого она расцвела, была, без сомнения, юность.

В долине вечного лета погас день и наступила ночь. Они лежали у водопада и слушали, как поет соловей. Фреда уснула первой.

Скафлок держал Фреду в объятьях, ее рука покоилась на его груди. Он прислушивался к ее ровному дыханию, а сам не мог надышаться ароматом ее волос, чувствовал ее тепло, припоминал, как, то смеясь, то плача, она отдалась ему, — и неожиданная истина открылась Скафлоку. Он, забавляясь, расставил ловушку для Фреды. В свое время, невидимкой носясь по всей стране, он встречал смертных девушек, но они редко оказывались одни, а если и случалось такое, то он, эльф по воспитанию, считал их слишком грубыми и душой и телом, чтобы тратить на них хоть минуту. Во Фреде он увидел смертную, которая разбудила в нем желание, и он решил овладеть ей.

Но не заметил, как сам попался в ту же ловушку.

И вот теперь он лежал на траве и в забытьи глядел на то, как Большая Медведица, сверкая, продолжает свое бесконечное вращение вокруг Полярной

звезды. Холодные, опытные эльфийские женщины были искусны в любви, но, может быть, потому, что их сердца всегда были крепко замкнуты, ни одна из них не заставила его потерять голову. А Фреда...

Что ж, Лиа была права. Подобное влечется к подобному.

XII

Несколько дней спустя Скафлок один отправился на охоту. Он быстрее ветра мчался на волшебных лыжах, то взлетал на холм, то съезжал в долину, пересекал замерзшие реки и занесенные снегом леса, — прямо на закат в сторону Шотландских нагорий. Когда он повернул к дому с добытым оленем на плечах, то заметил вдали отблеск бивачного костра. Подивившись тому, что кто-то встал лагерем в этих ледяных пространствах, он заскользил по снегу в сторону костра, держа копье наготове.

Подойдя поближе, он различил в сумерках сидящего на корточках у огня гиганта, который жарил конину на угольях. Несмотря на пронзительный ветер, тот был одет только в килт из вольчьей шкуры. Рядом с ним, сияя неземным блеском, лежала секира.

Скафлок почуял, что у костра сидит один из Сильных, а когда он понял, что тот, за кем он наблюдает, однорук, мурашки поползли у него по спине. Мало доброго предвещала встреча с Тюром один на один в наступающих сумерках.

Но отступать было поздно. Ас уже глядел на него. Скафлок смело шагнул к костру и спокойно встретил мрачный взгляд Тюра.

— Приветствую тебя, Скафлок, — сказал Ас, и его голос зазвучал — точно буря ударила в медный купол. Он продолжал вращать вертел над огнем.

— Приветствую тебя, повелитель. — Со Скафлока начало понемногу спадать напряжение.

Эльфы (ведь у них не было души) не поклонялись богам, но между ними и Асами никогда не было

вражды, напротив, кое-кому из эльфов довелось служить богам в самом Асгарде.

Тюр коротким кивком головы предложил Скафлоку сбросить ношу и присесть рядом с ним у огня. Тишина, не нарушаемая ничем, кроме пенья огня, повисла над костром. Костер сыпал искрами, и отблески пламени ложились на мрачное худощавое лицо Тюра.

В конце концов он заговорил:

— Я чую приближение войны. Тролли собираются в поход на Альфхейм.

— Мы уже знаем об этом, повелитель, — ответил Скафлок. — Эльфы готовы.

— Борьба будет тяжелей, чем ты полагаешь. На этот раз у троллей есть союзники. — Он сумрачно уставился на огонь. — На кон поставлено нечто, о чем ни эльфы, ни тролли не догадываются. Норны спряли нить, которая не скоро размотается до конца. — Они помолчали, потом Тюр заговорил опять — Да, вороны парят низко, боги склонились над миром, конь времен бьет копытом. Запомни, Скафлок, скоро тебе понадобится тот дар, который Асы принесли тебе в день твоего наречения. Боги встревожены. Потому-то я, тот, кто властен над жребием войны, спустился на землю.

Ветер отбросил черные пряди с его лица. Глаза Аса встретились с глазами человека.

— Я тебя предупредил, но боюсь, это не поможет тебе преодолеть волю Норн. Как звали твоего отца, Скафлок?

— Не знаю, повелитель, да и никогда не думал об этом. Но я могу спросить Имрика...

— Не делай этого. Лучше скажи ему, чтобы он держал это в тайне ото всех, а главное, от тебя. Потому что тот день, в который ты узнаешь имя своего отца, станет черным днем для тебя, а то зло, которое принесет тебе это знание, станет великим злом и для всего мира.

Бог снова кивнул, и Скафлок поспешно удалился, оставив оленя как дар за совет. Он мчался домой, только лыжи свистели, и думал о том, что совет Тюра пришелся как раз кстати — вопрос, кто он на самом

деле, беспокоил его все больше, и окружившая его ночь, казалось, была полна демонов.

Он бежал все быстрей и быстрей, не чувствуя пронзительного ветра, и все же не мог убежать от того, что как будто гналось за ним.

«Фреда, — думал он, — только Фреда способна отогнать эти страхи».

Перед зарей он увидел выступающие на фоне неба стены и башни Эльфийского Утеса. Страж затрубил в рог, оповещая привратников. Скафлок влетел в ворота и пересек двор. Скинув лыжи, он по лестнице вбежал по внутренние покои.

Имрик вернулся накануне вечером и в этот момент беседовал с Лиа один на один.

— Что из того, что Скафлок связался со смертной девицей? — говорил он. — Это его личное дело и вообще пустяки. Может ты просто ревнуешь?

— Да. — Лиа была откровенна с братом. — Но дело не только в этом. Посмотри на девчонку. Пойми, если ты сам не чувствуешь этого, что она — оружие, нацеленное на нас.

— Мм... да, — эльф прищурился, — если так, скажи мне, что же такого ты знаешь о ней.

— Пожалуйста, ее имя — Фреда, дочь Орма, она из погубленного рода с юга, из Датского владения...

— Фреда... дочь Орма. — Имрик застыл, пораженный ужасом. — Да, но это значит, что...

В этот момент в комнату ворвался Скафлок. На нем не было лица. Несколько мгновений он не мог говорить, потом единым духом выложил все о своей встрече. Под конец он крикнул:

— Что Тюр имел в виду? Кто я, Имрик?

— Я понял, что Ас имел в виду, — жестко сказал ярл эльфов, — а потому тайна твоего рождения — это моя тайна, Скафлок. Единственное, что я могу тебе сказать, — ты из славного рода, и тебе не приходится стыдиться той крови, что течет в твоих жилах.

Он снова заговорил в своей обычной мягкой манере,

так что вскоре Лиа и Скафлок ушли от него успокоенными.

Но едва за ними закрылась дверь, он принялся расхаживать по зале, бормоча:

— Кому-то удалось заманить нас на этот опасный путь. — Он стиснул зубы. — Лучше всего было бы просто избавиться от девчонки, так ведь нет, Скафлок будет защищать ее всеми силами. Если я что-нибудь учиню против нее, то он рано или поздно узнает об этом, и тогда... И все-таки нужно сохранить тайну. Скафлок меня не заботит: он об этих вещах думает как эльф. Но если он узнает, то вскоре будет знать и девчонка. А ведь они переступили один из самых страшных запретов для людей. Она будет в таком отчаянии, что может сделать с собой все что угодно. А нам нужен Скафлок.

Напрягая весь свой разум, Имрик принялся искать решение. Сперва он подумал, что стоит соблазнить Скафлока другой женщиной. Но нет, его воспитанник способен распознать любое приворотное зелье; любовь — всесильна, и богам не совладать с ней. Конечно, эта страсть может кончиться сама по себе, но Имрик боялся полагаться на случай. Следовательно, правда о происхождении Скафлока должна быть похоронена, и чем скорее, тем лучше.

Ярл эльфов напряг память. Он перебрал события многих лет. Кроме него всю правду знал только один человек.

Он послал за самым верным из своих воинов по имени Огненное Копье. Несмотря на то, что тот был молод, всего двухсот лет отроду, он славился своей ловкостью и искушенностью в волшебстве.

— Есть одна ведьма, что жила лет двадцать назад в лесах к юго-западу отсюда, — сказал Имрик. — Она могла умереть или куда-нибудь переселиться, но если этого не случилось, ты должен найти ее и убить своими руками.

— Слушаюсь, повелитель. — Огненное Копье склонил голову. — Я возьму с собой, если ты позволишь, несколько охотников и собак, и мы отправимся на закате.

— Бери кого хочешь и отправляйся как можно скорей. — А на прощание Имрик добавил к своим наказам: — И ни о чем не спрашивай меня, ни сейчас, ни потом.

Фреда с нетерпением ждала Скафлока в своих покоях, ведь несмотря на все ее восхищение чудесами Эльфийского Утеса, она побаивалась оставаться одна, хотя и не подавала виду. Высокорослые гибкие эльфы, их женщины, наделенные неземной красотой, их слуги — все эти гномы, гоблины и иные сверхъестественные существа, их охоты на драконов, их львы и пантеры, которых они держали для забавы, их статные кони и псы, быстрые как ртуть — все, что она видела в замке, оставалось ей чуждым. Прикосновения эльфов были холодны, их лица были как лица статуй. Все отталкивало ее от эльфов: их речь, манера, одежды и сама способность к многовековой жизни. Мрачное великолепие этого замка, который смертным казался пустынным холмом, бесконечные теплые сумерки в его покоях, тянущихся под лесами, холмами и водами, — все это подавляло ее.

Но стоило Скафлоку вернуться к ней, как она чувствовала себя в предверии рая. «Боже упаси, — шептала она самой себе, — думать так и предпочесть этот языческий блеск бедности и холоду святой обители!» Он был оживлен и весел и сердился на нее, стоило ей не разделить с ним его веселье, песни так и сыпались с его уст и все до одной в ее честь, его руки и губы сводили ее с ума, и это безумие не кончалось до тех пор, пока некий миг не расплавлял их плоть и не сливал их воедино. Ей довелось видеть его в сражении, и она, сама дочь воина, гордилась тем, что немного найдется воинов и в землях людей и в Волшебной стране, способных устоять против Скафлока. Но с ней этот суровый витязь всегда был нежен.

«Неужели я плохая дочь и сестра, — думала Фреда, — только потому, что не смогла противиться чарам, которые так быстро утешили мое горе и наполнили душу счастьем? Что мне оставалось делать? Скафлок не стал бы ждать, пока окончится год тра-

ура, и разве сыщется где лучший отец для внуков Эльфриды и Орма?»

Фреда знала, что Скафлок любит ее. Зачем бы ему было лгать, зачем иначе проводить с ней все свое время, ему, которому были доступны эльфийские женщины? Она даже не представляла, насколько ее любви удалось согреть его душу, никогда прежде не испытывавшую таких чувств. Скафлок и сам не понимал, насколько он одинок, пока не повстречал Фреду. Он знал, что ему не дано бессмертие (а плата за бессмертие была не из тех, на которые бы он согласился) и его жизнь останется в памяти эльфов тусклой вспышкой. И теперь он радовался тому, что рядом с ним существо одной с ним крови.

За несколько дней, проведенных вместе, Фреда и Скафлок многое успели: то они мчались верхом, то выходили в море на лодке, то бродили по окрестным холмам и лесам. Фреда была опытной лучницей — Орм всегда хотел, чтоб его дочери могли сами постоять за себя. Когда она шла по лесу, сжимая лук, в сиянии копны рыжих волос, казалось, что это сама юная богиня охоты мелькает между деревьев. Они участвовали в развлечениях эльфов: их потешали маги и жонглеры, музыканты и скальды — правда, часто их искусство оказывалось слишком изощренным для человеческого восприятия. Они навестили друзей Скафлока: человечков, живущих под корнями деревьев, белых изящных духов вод, старого печального фавна, лесных зверей. Фреда не знала языка всех этих существ, она только смотрела на них широко открытыми глазами и улыбалась им.

Она старалась не думать о будущем. Конечно, однажды она заберет Скафлока в мир людей, и он крестится, и за это ей простится ее нынешний грех. Но это случится еще не сейчас, немного погодя. В Эльфийском Утесе время остановило свой бег, она потеряла счет дням и ночам, и столько еще хотелось успеть.

Фреда бросилась в объятья Скафлока. Сколько тревог постигло его, стоило ненадолго расстаться с ней, с этой юной, нежной, долгоногой, скорее девочкой, чем

женщиной, и все-таки женщиной, его женщиной. Он обнял ее за талию, потом подбросил в воздух, поймал и, смеясь, снова подбросил.

— Опусти меня, — Фреда тоже смеялась. — Опусти, чтобы я могла поцеловать тебя.

— Сейчас, — Скафлок снова подкинул ее и сотворил магический знак. Фреда тут же повисла в воздухе, невесомая точно пушинка. Она болтала руками и ногами, не зная, смеяться ей или сердиться.

Скафлок притянул ее к себе, и она прильнула к его губам, продолжая висеть над ним.

— Зачем же мне так тянуть шею, — решил Скафлок.

И в тот же миг он, тоже сделав себя невесомым, наколдовал облако, сухое и все точно из белых перьев, на котором они и расположились. Из середины облака росло дерево, увешанное всевозможными плодами, а между его ветвей висела радуга.

— Сумасшедший, однажды ты позабудешь какую-нибудь из своих хитростей, мы упадем и разобьемся на мелкие кусочки, — сказала Фреда.

Он привлек ее к себе, глядя в ее серые глаза, и перецеловал все веснушки на ее лице, приговаривая:

— Вот я тебя сейчас сделаю пятнистой как леопард.

— Ты думаешь так оправдаться? — мягко сказала Фреда. — Я ведь стосковалась по тебе, любимый. Как ты поохотился?

Он нахмурился, припоминая все, что с ним случилось, но все же ответил:

— Очень хорошо.

— Ты чем-то раздражен, любимый? Что-то случилось? Сегодня всю ночь трубили рога, слышно было, как шли конные и пешие. С каждым днем в замке становится все больше вооруженных людей. Что это значит, Скафлок?

— Ты же знаешь, у нас война с троллями. Мы надеемся, что они нападут на нас, ведь их горные твердыни почти неприступны до тех пор, пока основные силы не разбиты в открытом бою.

Фреда содрогнулась в его объятиях.

— Тролли...

— Не бойся. — Скафлок освободился от своего беспокойства. — Мы разобьем их на море. А тот, кто посмеет высадиться на сушу, получит от нас земли, как раз столько, чтобы было где его закопать. А когда их силы будут разбиты, мы с легкостью захватим Тролльхейм. О, это будет веселая битва, и трудно представить себе, чтобы Альфхейм в ней не победил.

— Я боюсь за тебя, Скафлок.

Скафлок сказал такую вису:

Дар твой, дева,
драгоценный —
страх, что смерть
сразит героя.
Сладки слезы
сердцу воина —
зримый знак
заветной страсти.

Он принялся расстегивать ее пояс. Фреда покраснела.

— Бесстыдный ты, — сказала она, прикрываясь его плащом.

Скафлок удивленно поднял брови.

— Почему? Чего я должен стыдиться?

Огненное Копье отправился в путь той же ночью, вскоре после заката. На западе гасли последние пятна света. Он, как и двенадцать его спутников, был одет в зеленую охотничью тунику, а поверх нее — черный плащ с капюшоном. У копий и стрел поблескивали серебряные наконечники. Лошади играли под седлом, рядом лаяли собаки, огромные злые псы рыжей и черной масти, с горящими глазами, клыками как кинжалы, из пастей текла слюна — все помет Гарма, Фенриса и собак Дикой Охоты.

По сигналу рога Огненного Копья они пустились в дорогу. Эхо разнесло по холмам дробь копыт и лай собак. Точно порыв ветра понесся отряд между обледенелых деревьев, в ночи, которая была черней угольной ямы. В игре теней мелькали то высверк серебра,

то дорогой камень на рукояти меча, то кровавая вспышка — больше ничего не было видно, но шум погони разносился по лесу из конца в конец. Охотники, углежоги, разбойники, заслышав его, вздрагивали и осеняли себя, кто знаком креста, кто — молота, а дикие звери крадучись прятались по кустам.

Ведьма издалека заслышала приближение отряда. Она сидела на корточках в убогой лачуге на месте ее прежнего дома — все силы ушли на ее недавние дела, и ни на что другое их уже не оставалось. Склонившись к огню, ведьма пробормотала:

— Эльфы сегодня ночью вышли на охоту.

— Да, — пропищала ее подружка крыса. А когда шум приблизился, добавила: — Я думаю, охота идет на нас.

— На нас? — ведьма вздрогнула. — Почему ты так решила?

— Они скачут прямо сюда, а ведь ты — недруг Скафлока, а значит — и Имрика.

Крыса, задрожав от страха, вскарабкалась ей на грудь.

— Теперь, матушка, торопись, зови на помощь, или мы пропали.

У ведьмы уже не оставалось времени для обрядов и жертвоприношений, но она со стоном выкликнула заклинание, которому ее научили, и некто чернее ночи предстал перед огнем.

Она распласталась перед ним. Пришельца окутывали тусклые язычки холодного голубого пламени.

— Помоги, — завыла ведьма. — Помоги, эльфы уже рядом.

Его глаза глядели на нее без гнева и сожаления. Звук погони становился все ближе.

— Помоги! — завопила ведьма.

Он заговорил, и его голос, сливаясь с дыханьем ветра, казалось, звучал из неимоверной дали.

— Почему ты взываешь ко мне?

— Они... они ищут... моей смерти.

— Что из того? Я слышал, когда-то ты сказала, что не боишься смерти.

— Моя месть еще не завершена, — рыдала ведь-

ма. — Я не могу умереть, не узнав, не зря ли я старалась, не зря ли платила такую цену. Господин, помоги своей слуге!

Охотники приближались. Она чувствовала, как земля дрожит под копытами коней.

— Ты не слуга моя, ты — моя раба, — прошелестел голос. — Что мне из того, достигла ли ты своих целей? Я — Повелитель зла — беспощаден. Ты думаешь, что заключила со мной сделку и можешь чего-то требовать? Ты заблуждаешься. Все совсем не так: смертные не продают мне свои души, они — дарят мне их.

Князь Тьмы исчез.

Ведьма завизжала и выбежала из лачуги. Собаки, почуяв того, кто только-что ушел отсюда, отпрянули с лаем.

Ведьма обернулась крысой и заползла в нору под корнями дуба друидов.

— Она где-то рядом, — крикнул Огненное Копье. — Смотрите! Собаки взяли след!

Свора окружила дуб. Ищейки с визгом принялись в погоне за добычей разрывать нору под корнями. Ведьма выскочила из норы и, обернувшись вороной, взлетела. На луке Огненного Копья зазвенела тетива. Ворона упала на землю и превратилась в старуху. На нее тут же набросились собаки. С груди старухи спрыгнула крыса. Одна из лошадей раздавила ее копытом, подкованным серебром.

Собаки разорвали ведьму на части. Перед смертью она успела крикнуть эльфам:

— Будьте прокляты! Пусть несчастья постигнут Альфхейм! И скажите Имрику, что Вальгард Подменыш жив и знает...

Тут ее слова оборвались.

— Легкая охота, — сказал Огненное Копье. — А я боялся, что нам не обойтись без колдовства, что отыскивать ее следы через столько-то лет может быть придется в чужих землях. — Он повел носом, принюхиваясь к ветру. — Теперь остаток ночи мы можем посвятить лучшей забаве.

Имрик сполна наградил охотников, но когда они в недоумении рассказали ему о последних словах своей жертвы, нахмурился.

XIII

Вальгард, внук Иллреда, могучий воин, способный свободно пользоваться железным оружием, занял высокое положение при королевском дворе. Но другие знатные тролли смотрели на него косо, ведь в его жилах текла и кровь эльфов, да к тому же он явился из мира людей. Кроме того, они завидовали выскочке, который, едва ему при помощи заклинаний внушили язык троллей, стал с ними на равной ноге. Потому-то у Вальгарда и не появилось в Трольхейме друзей. Да он и не искал их среди этого народа, всем своим видом, духом, манерой так непохожего на него.

Однако тролли владели волшебным искусством и были ужасающе сильны. Вряд ли кто из людей, думал Вальгард, обладает таким могуществом, как эти колдуны. Их королевство было самым сильным в Волшебной стране, за исключением, быть может, Альфхейма. Все это устраивало Вальгарда, потому что сулило успех его мести и славное наследство.

Иллред рассказал ему о том, что задумали тролли.

— Мир нужен, чтобы готовиться к войне, — сказал король, — а эльфы между тем бездельничали, обманывали друг друга и развлекались. Нас меньше, чем их, но считая тех, кто с нами выступит в поход, у нас будет немалое численное превосходство.

— А кто они? — спросил Вальгард.

— Большинство гоблинских племен, которые мы покорили или с которыми заключили союз. Они издавна не любят ни эльфов, ни троллей, но я пообещал им долю в добыче и свободу для наших рабов из их рода, и еще то, что они станут вторыми после нас, когда мы завоюем всю Волшебную страну. Они лихие бойцы, и их немало. Кроме того, у нас есть союзники в далеких краях — это демоны Байкала, шэни из Катая, они из Чипангу, злые духи из Мавританских пустынь. Их интересует только добыча, и на них

нельзя вполне положиться, но в сражении я использую их так, чтобы они сыграли свою роль. Есть еще воины, которые пришли по одиночке или небольшими отрядами: оборотни, вампиры, вурдалаки и другие в том же роде. Кроме того, у нас в рабстве множество гномов, которые будут сражаться в обмен на свободу, а ведь они могут пользоваться железом. Против такого воинства эльфы должны будут драться одни. Может быть на их стороне выступят несколько гоблинов и гномов, может быть кто-нибудь еще, но это вряд ли. Лучшее, на что они могли бы надеяться — помощь сидов. Но я узнал, что сиды не вмешаются, пока на их остров никто не нападет, и мы воздержимся от нападения на них... в этой войне. Конечно, эльфийские вожди хитры и искусны в волшебстве, да ведь я и мои князья — тоже. — Иллред захлебнулся от хохота. — Мы сломим Альфхейм точно сухую палку о колено!

— Разве ты не можешь позвать на помощь Ётунов? — спросил Вальгард, который еще только начал вникать во все обстоятельства того мира, в котором он недавно оказался. — Ведь они, кажется, сродни троллям?

— Чтоб я этого больше не слышал! — резко оборвал его Иллред. — Мы также не хотим призвать на помощь инеистых великанов, как и эльфы — Асов. — Он вздрогнул. — Ни к чему ни нам, ни им еще больше превращаться в их пешек, в пешек двух главных соперничающих в мире сил. Даже если бы они откликнулись, ни мы, ни эльфы не отважились бы позвать их, потому что, если либо Асы, либо Ётуны открыто первыми появятся в Митгарде, противная сторона сразу же выступит навстречу, и тогда произойдет битва конца света.

— Но как все это соотносится с тем, чему меня учили... о новом Боге?

— Лучше молчи о тайнах, которые нам не дано постичь. — Иллред, тяжело ступая, прошелся по палате, тускло освещенной факелами. — Это из-за богов жители Волшебной страны не решаются трогать людей, особенно крещеных. Кое-какое колдовство, уве-

денная ночью лошадь, украденный младенец или женщина — вот и все, на что мы отваживаемся, да и то изредка. Сейчас люди нас побаиваются, но стоит им испугаться по-настоящему, они прибегнут к помощи богов, под чьим покровительством они находятся, и те должны будут отозваться. Хуже того, они все вместе могут воззвать к новому белому Богу, и это станет концом Волшебной страны.

Вальгард содрогнулся. В ту же ночь он вырыл тело Асгерд из могилы и отнес его в маленькую троллиную лодку. Он вызвал с помощью заклинаний, которым его научил Иллред, северо-восточный ветер и плыл на юго-запад до тех пор, пока не добрался до деревушки на берегу залива Мори-Ферт в Шотландии.

Небо было укрыто снегоносными тучами, и в кромешной тьме он отнес завернутое в плащ тело к церкви. Он добрался до погоста, в углу вырыл яму, положил в нее тело и, засыпав землей, заровнял так, что не осталось и следа.

— Теперь, сестра, ты покоишься в освященной земле, как ты того и хотела, — прошептал он. — Много зла я натворил, но теперь ты, быть может, помолишься за мою душу...

Он огляделся во мраке и почувствовал страх, какого никогда не испытывал до сей поры.

— Почему я здесь? Что я делаю? Она мне не сестра. Я существо, созданное колдовством. У меня нет души...

Вальгард завыл, бросился к своей лодке и поплыл обратно на северо-восток так быстро, точно дьяволы гнались за ним по пятам.

Настало время сбора троллиных ратей. Иллред был слишком опытен, чтобы созвать все свое войско в одно место, где эльфийские разведчики могли бы увидеть, как оно велико на самом деле. Каждая часть его флота вышла в море из своей бухты, со своим волшебником или мудрецом на головном корабле, они должны были следить за тем, чтобы все собрались в условленном месте в условленное время. Место встречи было назначено несколько севернее земель английских эльфов, так чтобы тролли могли высадиться на пустын-

ный неукрепленный берег. Иллред рассчитывал в этом месте разбить эльфов в морском сражении, а после двигаться к югу морем и сушей до тех пор, пока не будет завоеван весь остров. После этого он решил оставить там часть своих сил для того, чтобы уничтожить тех эльфов, которые к тому времени не сдадутся и не погибнут, тогда как его главный флот, переплыв пролив, нападет на остальные области Альфхейма. Часть его войск одновременно двинется по суше из Финнмарка, страны Вендов и других восточных земель. И вот тут тролли нападут на Короля Эльфов одновременно с запада и с востока, а если Англия будет к тому времени завоевана, то и с севера, и он будет разбит наголову.

—. Эльфийские воины проворны, — сказал Иллред, — но я думаю, на этот раз мы окажемся проворней.

— Отдай Англию под мое управление, — попросил Вальгард, — и я клянусь, во всей стране не останется ни одного живого эльфа.

— Англию я уже обещал Груму, но ты, Вальгард, поплывешь на моем корабле, и в Англии я сделаю тебя вторым после Грума.

Вальгард поблагодарил, сказав, что всем доволен. Но его холодные глаза смерили князя Грума, и он подумал, что ведь с этим троллем запросто может случиться несчастный случай, и тогда он, Вальгард, станет ярлом, как то было предсказано ведьмой.

Он взошел на борт флагмана вместе с Иллредом и его телохранителями. Это была большая ладья с высокими бортами, железным тараном, выкованным гномами, вся черная, кроме лошадиной головы, вырезанной на носу. У троллей на его борту оружие и доспехи были из металлических сплавов, но, кроме того, большинство захватило еще и каменные палицы, которые по своему весу больше подходили им. Иллред надел золотую корону на свой черный шлем и накинул меховую мантию поверх куртки из кожи дракона, которую не могла пробить даже сталь. Свита его, шумливая и высокомерная, тоже была богато разодета. Только Вальгард был одет просто. Его лицо было

холодно, а стальная секира и стальные доспехи внушали троллям страх.

В той части флота, которую вел сам король, было немало других больших кораблей. Ночь наполнилась криками, звуками рогов и топотом ног.

Из-за того, что большие корабли троллей были шире, тяжелей и не так искусно построены, как корабли эльфов, они ходили медленней, а потому утро застало их в море. Тролли укрылись от ненавистных им солнечных лучей под навесами и встали на якорь, невидимые глазам смертных, не обладавших колдовским зрением.

На следующую ночь весь флот соединился. Вальгард был поражен. Все море до горизонта покрыли корабли, полные воинов, а на некоторых были еще огромные косматые кони троллей. Несмотря на то, что кораблей было великое множество, каждый корабль стоял на положенном месте, так тщательно сумел Иллред обучить своих капитанов.

Многоразличны были и корабли, и их команды, вышедшие в поход на Альфхейм. Длинные черные ладьи троллей построились в центре как массивный клин с кораблем Иллреда во главе. Справа и слева от них стояли гоблины, частью на судах, построенных троллями, частью на своих собственных изящных ладьях красного цвета с драконьими головами на штевнях. Их воинство выглядело не так мрачно как троллиное, они были одеты в пестрые плащи поверх серебряных доспехов и вооружены по большей части легкими мечами, копьями и луками. На флангах расположились заморские союзники: шэни с огромными пиками, меченосные они в раскрашеных джонках; злые духи из Мавритании, на их галерах гребли рабы, а на палубах стояли катапульты; крылатые демоны Байкала на барках; гномы, закованные в железную броню; чудища холмов, лесов и болот, воруженные только собственными клыками и когтями. За первым клином был построен второй, а за ним — резервы, которые могли быть двинуты туда, где они понадобятся.

На кораблях троллей загудели рога, им отозвались трубы гоблинов, гонги шэней, барабаны духов. Низкие тучи задевали за верхушки мачт, весла пенили море. Блуждающие огоньки вспыхивали на концах рей и снастях, бросая голубоватый отсвет на лица. Ветер со свистом нес рваные тучи, чреватые снегопадом.

— Скоро мы вступим в бой, — сказал Иллред Вальгарду. — Ты сможешь удовлетворить свою жажду мести.

Берсерк молча продолжал вглядываться в ночную тьму.

XIV

Целый месяц после налета эльфов на Тролльхейм Имрик трудился не покладая рук. О враге он сумел разведать очень немногое, так как Иллред и его колдуны укрыли замки троллей своими чарами, но все же знал, что войска набирают среди разных народов, и что первый удар придется по Англии. Он бросился собирать корабли и людей в своих землях и послал за помощью за море.

Немногие пришли под его знамена. Каждая из земель Альфхейма собиралась воевать сама по себе — эльфы были слишком надменны для того, чтобы объединиться. Более того, оказалось, что Иллред успел нанять почти всех наемников Волшебной страны. Имрик послал за подмогой к ирландским сидам, обещая им в случае завоевания Тролльхейма богатую добычу, и получил холодный ответ — дескать в Тир-нан-Оге и пещерах их холмов сокровищ хватает. Ярл эльфов понял, что он остался в одиночестве.

Несмотря на это силы его были велики и росли каждую ночь, а вместе с ними росло мужество эльфов. Никогда, думали они, такое могучее войско не собиралось в Альфхейме. Оно было очень велико, но главное — всё отборные корабли и бойцы, и ведь сражаться им предстояло около дома, на родных берегах и в знакомых водах. Молодежь считала, что они не только разобьют троллей, но и сумеют без посторонней

помощи перенести войну в пределы Тролльхейма и разгромить его.

С Оркнейских и Шетландских островов, горя местью, пришел Флам, сын Флама, погибшего во время набега Скафлока. Он и его братья были среди лучших мореходов Волшебной страны, и море почернело от их драккаров, когда они повели их на юг. Щиты засверкали над волнам, ветер загудел в снастях, и драконоголовые штевни принялись с шумом рассекать волны.

От серых холмов и болот страны пиктов дикие вожди в кожаных доспехах привели свои рати, вооруженные кремневым оружием. Они были более приземистыми и коренастыми, более смуглыми, чем другие эльфы, черноволосые и чернобородые, с татуированными лицами, в их жилах текла кровь троллей, гоблинов и иных древних народов, а также кровь пиктов, чьих женщин они похищали в давние годы. С ними прибыли и те сиды, которые несколько веков тому назад попали в Британию во время вторжения скоттов. Это были жилистые парни, прыгучие как горные козлы, высокие красивые воины в поблескивающих кольчугах. Они шли, сжимая длинные копья, или мчались на боевых колесницах, к колесам которых были приделаны острые клинки, косившие врагов.

С юга, от холмов и изрытых пещерами берегов Корнуолла и Уэльса пришли эльфы, принадлежащие к древнейшим племенам острова: закованные в кольчуги всадники и колесничие, чьи знамена говорили о древней славе; зеленовласые, белокожие жители морских побережий, словно окутанные серым туманом, пахнущим океанской солью; несколько сельских полубогов, забытых в тех краях римлянами; застенчивые, легконогие лесные эльфы.

Эльфы страны англов и саксов тоже откликнулись на зов, хотя их оставалось немного — большинство из них бежало оттуда или было изгнано. Пусть теперь они были бедны и презираемы, но только не в дни войны, ведь многие из них вели свой род от Вёлунда или даже от самого Одина. Они, состоя в родстве с гномами, были лучшими кузнецами в эльфийских зем-

лях, и теперь шли на войну, вооруженные своими огромными молотами.

Но самыми могучими, самыми гордыми были обитатели окрестностей Эльфийского Утеса. Не только родовитостью, но и красотой, мудростью, богатством князья, которых Имрик собрал к своему двору, превосходили прочих эльфов. Воспламененные отвагой, они шли на битву как на свадьбу — в лучших своих одеяниях, целуя наконечник копья как невесту; искусные в волховании, они владели страшными заклятиями, губительными для врагов и спасительными для друзей. Эльфы, прибывшие из других краев, испытывали благоговейный страх перед хозяевами, что не мешало им услаждаться едой и питьем, которые Имрик выслал в их палатки, и женщинам, которые искали здесь новых приключений.

Фреда была захвачена видом собирающегося воинства. Ее потрясла вся эта воинственная нелюдь, бесшумно выскальзывающая из ночного мрака. Она не вполне ясно различала их лица и оттого боялась их еще больше, боялась и гордилась одновременно. Гордилась тем, что Скафлок, ее любимый, был одним из вождей этой рати, и в его руках была сила, какой не бывало ни у одного смертного короля.

И в то же время он командовал существами, лишенными души. Кроме того, она хорошо помнила медвежью силу троллей. А ну как они сразят его?

Скафлок подумал о том же.

— Быть может, мне следует отвезти тебя к твоим друзьям в мире людей, — задумчиво сказал он. — Может ведь так случиться, хотя я и не верю в это, что эльфы будут побеждены. По правде говоря, мы получили дурные предзнаменования. Так что если что-то случится, тебе лучше быть подальше отсюда.

— Нет-нет! — Она взглянула на него расширившимися серыми глазами и спрятала лицо у него на груди. — Я не оставлю тебя. Это невозможно.

Он провел рукой по ее сияющим волосам.

— А потом я вернусь за тобой, — улыбнулся Скафлок.

— Нет... Там меня могут отговорить возвращаться или не пустят силой, я не знаю, кто это будет, может быть священник, но я слышала о таких вещах...

Она вспомнила красоту эльфийских женщин и то, как они смотрели на ее Скафлока. Он почувствовал, что Фреда точно окаменела. Она неожиданно твердо сказала:

— В любом случае, я не покину тебя. Я остаюсь.

Скафлок обнял ее.

Пришла весть, что тролли вышли в море. В ночь, накануне того дня, когда эльфы решили выйти им навстречу, они устроили пир.

Велика была пиршественная палата Имрика. Фреда, сидя рядом со Скафлоком около трона Имрика, едва различала противоположную стену и потолочные балки, на которых были вырезаны виноградные лозы. Излюбленные эльфами голубоватые сумерки точно дым застилали палату, но воздух был свеж и напоен ароматом цветов. В бесчисленных люстрах ровным серебристым светом горели свечи. Их свет отражали щиты, развешанные по стенам, и золотые панели, украшенные прихотливыми узорами. На белоснежных скатертях громоздились отделанные камнями подносы, чаши и кубки из драгоценных металлов. И хотя Фреда уже успела привыкнуть к изысканной кухне Эльфийского Утеса, у нее закружилась голова, столько там было разных блюд из мяса, птицы, рыбы, столько плодов, пряностей, сластей, столько различных сортов пива, меда и вина подали на том пиру.

Эльфы были одеты один нарядней другого. На Скафлоке белая шелковая туника и штаны из льняного полотна; камзол, затканный многоцветными узорами, сплетавшимися в запутанную вязь, и подпоясанный златотканым кушаком, за который был заткнут усыпанный дорогими камнями кинжал в ножнах из электрона; башмаки из кожи единорога; с плеч спадала короткая отороченная горностаем епанча, алая как кровь. Фреда была одета в тонкое платье из паутинного шелка, переливавшегося всеми цветами радуги; брильянтовое ожерелье падало на ее маленькие твердые груди, а талию охватывал тяжелый зо-

лотой пояс; ее обнаженные руки были унизаны золотыми браслетами, а ножки обуты в бархат. Головы Скафлока и его дамы, по обычаю эльфийских князей, венчали золотые короны, отделанные самоцветами. Знатные эльфы вокруг них были не менее великолепны, и наряды даже беднейших вождей, прибывших из глуши, блистали чистым золотом.

Играла музыка, причем звучали не только колдовские мелодии, столь любимые Имриком, но и арфы сидов, и волынки племен, пришедших с запада. Гости оживленно беседовали. Как это в обычае у эльфов — это был блестящий обмен тонкими шутками и намеками, словесные удары мгновенно наносились и отражались, то на одном, то на другом конце стола вспыхивал смех.

Едва успели убрать со стола, как по залу закувыркались шуты, но общий голос потребовал вместо них устроить пляску мечей. Имрик нахмурился, не желая делать предзнаменования известными всем, но большинство его гостей продолжало настаивать, и он не смог им отказать.

Эльфы расступились, мужчины скинули с себя тяжелые верхние одеяния, а женщины разделись донага; рабы принесли каждому танцору по мечу.

— Что они делают? — спросила Фреда.

— Видишь ли, это древний военный танец, — объяснил ей Скафлок. — Я полагаю, что меня назначат для него скальдом, потому что ни один смертный не в состоянии выйти из этого танца невредимым, даже если он наизусть помнит все фигуры. Они спляшут девяносто девять вис, которые скальд должен для этого сочинить, и если никто не будет задет, это предвещает победу; но если кого-то убьют — это знак поражения, и то же самое означает, если кого-нибудь ранят. Мне это все не по душе.

Вскоре эльфы построились в два ряда лицом друг к другу, скрестив поднятые мечи, а перед каждым из них на корточки присела женщина. Эти два ряда далеко тянулись в глубину палаты, словно галерея с крышей из сверкающих клинков. Скафлок встал перед троном ярла.

— Начинайте! — звонко крикнул Имрик.
Скафлок запел:

Плещет битвы пляска,
пря влечет мужчину,
брани голос буйный
бойцов призывает,
лязг секирных лезвий,
ломающих шлемы.
Конунг в песне копий
кропит берег кровью.

Пока он пел это, мужчины сошлись, и гром столкнувшихся клинков вторил песне. Женщины, извиваясь, приблизились к партнерам, каждый танцор взял левой рукой правую руку своей дамы и закружил ее внутри сужающейся галереи под звон от сшибки мечей.

Скафлок продолжал:

Плещет битвы пляска
подобно безумью.
Кровь щиты окрасит —
кровавые луны.
Буря стрел бушует.
Бьют молнии копий.
Воины вернутся
в объятья любимых.

Эльфийские женщины продолжали танцевать среди мерцания и свиста клинков, мелькая точно пена на гребне волны. Мужчины сблизились, повернулись кругом, каждый швырнул другому свой меч, едва не задев изгибающихся между ними женщин, и каждый поймал брошенное ему оружие.

Скафлок спел такую вису:

Плещет битвы пляска,
пьяны кровью пики.
Воины бьют и с воплем
врагов валят наземь.
Пока мечи с пылом
прорубают брони,
волки воют, враны
вопят в нетерпенье.

Пляска шла уже так быстро, что человеческий глаз не в состоянии был за ней уследить; мечи со свистом рубили воздух между танцовщицами. Теперь клинки шли низом, и когда они с лязгом сталкивались, направленные в землю, эльфийские дамы перепрыгивали через них, и в тот же миг острые лезвия снова взвивались вверх. Но вот мужчины закружили дам, и сверкающий металл принялся выписывать узоры вокруг вертящихся тел. Затем они, танцуя, начали рубиться мечами, а женщины проскальзывали между бойцами, ловя безопасный миг.

Скафлок, не останавливаясь, продолжал:

Плещет битвы пляска!
Песнь клинков каленых
сулит славу сильным
(смерть — нетерпеливым).
Рога кличут рати.
Рад ты иль не рад ты —
покидай-ка, парень,
постель своей милой.

Прыгая и увертываясь среди гремящих мечей, Лиа металась точно воплощенное буйство. Но вот она окликнула Скафлока:

— Эй, Скафлок, почему твоя милая, которая так тебя любит, не станцует с нами за нашу удачу?

Скафлок ответил без задержки:

Плещет битвы пляска!
Песнопевец скоро
сыграет на ставку —
смерть или свобода.
Дурное дело деву
дразнить. Не фей лобзанья,
сулят удачу в схватке
смертной поцелуи.

Эльфы вздрогнули от ужаса: Лиа, слишком внимательно прислушиваясь к словам Скафлока, сбилась и попала под удар одного из клинков. Она вышла из круга, кровь из раны брызнула в лицо окружившим ее эльфам.

Но Скафлок запел еще веселей:

Плещет битвы пляска!
Победа, пораженье —
кому какой жребий,
кто ответит? Норны!
Знать никто не знает
злой схватки исхода.
Верю, ждет нас вскоре
веселая битва.

Однако другие женщины, потрясенные неудачей Лиа, тоже начали сбиваться и получать раны. Имрик, боясь, что кто-нибудь может погибнуть, что было бы еще более скверным предзнаменованием, прекратил пляску, и праздник угас в зловещей тишине и испуганных перешептываниях.

Расстроенный Скафлок проводил Фреду в ее покои. Затем, оставив ее ненадолго, он вернулся, неся серебряный чеканный пояс, к которому была прикреплена плоская, тоже серебряная, фляжечка.

Он вручил этот пояс Фреде с такими словами:

— Пусть это будет моим даром тебе перед разлукой. Мне его когда-то дал Имрик, но я хочу, чтобы ты носила его. Я надеюсь, что мы победим, но теперь, после этой проклятой пляски, я в этом больше не уверен.

Фреда молча взяла подарок. Скафлок тихо продолжал:

— В этой фляжечке редкое и сильное снадобье. Если удача покинет тебя и враги будут рядом, выпей его. Ты сразу станешь как мертвая и пребудешь такой несколько дней. Всякий, кто увидит тебя тогда, выбросит твое бездыханное тело, а именно так тролли всегда поступают с трупами чужаков. Зато потом, когда пробудишься, ты сможешь скрыться.

— Зачем мне спасаться, если ты погибнешь? — сокрушенно спросила Фреда. — Уж лучше мне тогда тоже умереть.

— Может и так. Но ведь тролли не убьют тебя сразу, а самоубийство тебе, как христианке, запрещено, не так ли? — И Скафлок добавил устало: — Не самый радостный прощальный дар, любимая, но лучшего у меня нет.

— Да, — вздохнула Фреда. — Я возьму его, и спасибо тебе. Но ведь есть у нас друг для друга и лучшие дары.

— О да! — вскричал Скафлок.

И счастье уже не покидало их до самой разлуки.

XV

Флоты эльфов и троллей встретились у побережья к северу от замка ярла в начале следующей ночи. Когда Имрик, стоя рядом со Скафлоком на носу своей ладьи, которая вела колонну эльфийских кораблей, увидал вражьи силы, он ахнул, точно задохнулся.

— Мы, эльфы Англии, сильней всех в Альфхейме, — сказал он. — Но у них превосходство над нами в два с лишним раза. О, если бы другие князья поддержали меня, когда я говорил, что перемирие нужно Иллреду только, чтобы подготовиться к новой войне, когда я просил их, объединившись, сокрушить его!

Скафлок знал слишком много о соперничестве князей и об их тщеславии, а также о лени и жадности, обо всех этих причинах их нынешнего бездействия. Поведение Имрика тоже нельзя было назвать безупречным. Но сейчас говорить об этом было уже поздно.

— Не может быть, чтобы все это были тролли, — сказал Скафлок, — а что до гоблинов и прочего сброда, их бояться нечего.

— Нет, гоблины — добрые воины и шутки с ними плохи, особенно, когда они хорошо вооружены.

Имрик напряженно вглядывался во тьму, пытаясь разглядеть врага в неверном свете луны. Редкие снежинки плясали под резкими порывами ветра.

— Волшебство сегодня мало пригодится и нам и им, — продолжал он. — Наши силы здесь более или менее равны. Все зависит от мощи войск, а здесь мы слабей.

Он тряхнул серебристыми кудрями, в его глазах вспыхнул лунный свет.

— На последнем совете у Короля Эльфов я сказал,

что лучше бы нам соединить силы Альфхейма, и пока тролли захватывают окраины, даже Англию, мы бы собрали силы для ответного удара. Но другие князья не согласны со мной. Что ж, посмотрим, чей совет был правильней.

— Не твой, повелитель, — храбро возразил Огненное Копье, — потому что мы перебьем этих свиней. Что, позволить им хозяйничать в Англии? Эта мысль недостойна тебя.

И он, потрясая копьем, страстно стал всматриваться вперед.

Скафлок, предпочитая не отступать, а сражаться, тоже чувствовал, что он не согласен с Имриком. В конце концов, не раз бывало, что храбрость одерживала верх над числом. Кроме того, он мечтал встретиться в бою с Вальгардом, обезумевшим братом Фреды, и за все зло, которое он ей причинил, вышибить из него мозги.

«А все же, — думал Скафлок, — если бы Вальгард не уволок Фреду в Тролльхейм, я никогда бы не встретил ее. Что ж, я его должник и верну свой долг сполна, убив его быстро и без мучений, например, вырезав у него на спине „кровавого орла“»

Рога с обеих сторон заиграли сигнал к атаке. Мачты и паруса были убраны, и связанные канатами корабли двинулись на веслах навстречу друг другу. Когда корабли сблизились, в дело пошли стрелы: точно черная туча, затмившая луну, они со свистом понеслись над волнами, вонзаясь в дерево и в живую плоть. Три стрелы ударили в кольчугу Скафлока, четвертая, едва не задев его руку, вонзилась, дрожа, в резную голову на носу ладьи. Но своим видящим во мраке взором он заметил, что не все так удачливы, и град стрел Тролльхейма уже ранил или убил первых эльфов.

Луна все реже показывалась из-за бегущих туч, но блуждающие огоньки плясали среди соленых брызг и в волнах мерцало холодное белое свечение. Для того чтобы убивать, света хватало.

С кораблей продолжали сыпаться копья, дротики и камни. Скафлок, метнув копье, пригвоздил тролля

к мачте флагмана. В ответ тролли швырнули обломок скалы, который вскользь ударил его по голове, защищенной шлемом. Он, чувствуя звон в ушах, упал, почти оглушенный, на рели, но море, плеснув ему в лицо соленой водой, привело его в чувство.

Рога трубили все ближе и ближе, казалось, они трубят жерло в жерло, и вот линии кораблей столкнулись.

Ладья Имрика сошлась с ладьей Иллреда. Воины, стоящие на носах кораблей, обменялись ударами. Скафлок отбил секиру вражеского воина и отрубил ему руку. Затем он перегнулся через щиты на борту корабля троллей и, прикрываясь своим щитом, принялся орудовать стальным мечом. Слева от него Огненное Копье с яростными криками колол пикой, не обращая внимания на удары врагов. Справа Ангор Пиктский упорно рубился своей длинной секирой. Некоторое время обе стороны наносили друг другу удары, и стоило упасть кому-то в строю, как его место занимал другой боец.

Скафлок вонзил меч в шею тролля, и едва тот упал, Огненное Копье проткнул следующего за ним. Скафлок, перепрыгнув через борт, устремился в образовавшуюся в неприятельском строю брешь и сразу зарубил еще одного тролля слева. Воин справа бросился на него, но тут Ангор взмахнул секирой, и голова тролля скатилась с плеч в море.

— Вперед! — воскликнул Скафлок.

Эльфы устремились за ним. Они, спина к спине, принялись рубить троллей, которые с ревом навалились на них. Все больше эльфов начало вступать в схватку, бросившись на абордаж вражьего корабля.

Кровь лилась рекой. Лязг металла перекрывал шум ветра и моря. Над схваткой возвышался Скафлок, казалось, в его глазах горит голубое пламя. Ему приходилось сражаться впереди, чтобы не причинить эльфам вреда своим железным оружием, но они прикрывали его спину. Он отражал удары своим щитом, а его клинок жалил врагов как ядовитая змея. Вскоре враги отступили, очистив нос корабля.

— Теперь на корму! — завопил Скафлок.

Эльфийские мечи ударили в щиты троллей как языки пламени в горный кряж. Тролли сражались с необычайным упорством. Эльфы валились с пробитыми головами, перебитыми костями, зияющими ранами. И все же постепенно тролли начали отступать, теряя убитых и раненых.

— Вальгард! — крик Скафлока разносился в грохоте битвы. — Где ты, Вальгард?

Подменыш выступил из рядов ему навстречу. Из его разбитого виска текла кровь.

— Меня задело камнем из пращи, — сказал он, — но я готов биться с тобой.

Скафлок с криком бросился на него. Между двумя сражающимися отрядами образовалось свободное место. Эльфы очистили корабль до мачты, тролли построились на корме — те и другие на время перестали биться, переводя дух. Но на борту эльфийского корабля оставалось еще немало бойцов, и оттуда на троллей смертельным дождем сыпались сероперые стрелы. Меч Скафлока и секира Вальгарда столкнулись с грохотом, высекая снопы искр. В этом бою берсерком не овладело его обычное неистовство: он был мрачен и холоден, застыв, как скала на качающейся палубе. Скафлок рубанул по рукояти вражьей секиры, но не смог перерубить твердое дерево, оплетенное кожей. Меч отлетел в сторону, щит — в другую: Скафлок открылся, и Вальгард сразу нанес удар.

Он не смог как следует замахнуться, удар не пробил кольчугу и не повредил кость, но левая рука Скафлока, сжимавшая щит, повисла как плеть! Вальгард попытался ударить Скафлока в шею. Но тот упал на колено, и страшный удар пришелся по шлему. В тот же миг его меч достал ногу Вальгарда.

Полуоглушенный, с разбитым шлемом, Скафлок упал. Вальгард с разрубленным бедром повалился на него. Они покатились между скамьями, и битва зашумела над ними.

Ярл троллей Грум повел своих бойцов в наступление с корабельной кормы. Его огромная каменная палица крушила черепа направо и налево. Навстречу ему выступил Ангор Пиктский и одним ударом отсек

правую руку тролля. Грум подхватил падающую палицу левой рукой и, нанеся ответный удар, перешиб Ангору шею. После этого ярл троллей отполз к борту корабля, чтобы исцеляющими рунами остановить кровь, хлеставшую из раны.

Скафлок и Вальгард, придя в себя, нашли друг друга в свалке боя и возобновили схватку. Скафлок снова мог владеть левой рукой, но рана Вальгарда все еще кровоточила. Воспитанник Имрика ударил Вальгарда с такой силой, что меч рассек кольчугу, и остановило его только ребро.

— Это тебе за Фреду! — закричал Скафлок. — Я убью тебя!

— А ты не так слаб, как я думал, — задыхаясь, ответил Вальгард.

Несмотря на то, что берсерк шатался от слабости, он отбил следующий удар Скафлока своей секирой. И клинок Скафлока раскололся пополам.

— Ага! — закричал берсерк, но не успел воспользоваться счастливым для себя случаем — Огненное Копье бросился на него как дикий кот, а за ним и другие эльфы.

Эльфы очистили корабль от троллей.

— Мне незачем здесь оставаться, но я надеюсь встретиться с тобой еще раз, братец, — и с этими словами Вальгард прыгнул за борт.

Он решил было избавиться от кольчуги, чтобы она не утянула его на дно, но понял, что в этом нет надобности.

Множество кораблей было разбито в бою таранами или просто раздавлено. Мимо него как раз проплывала мачта, и он ухватился за нее левой рукой. В правой он сжимал свою секиру Братоубийцу и ни за что бы не выпустил ее.

Проклятая она была или нет, но это было доброе оружие.

В это время к мачте прибились и другие тролли, бежавшие с корабля.

— Гребите, братья, — крикнул Вальгард, — мы доберемся до одного из наших кораблей и еще победим в этой битве!

Эльфы, захватившие флагманский корабль троллей, вопили от радости. Скафлок спросил:

— А где Иллред? Он должен был быть на этом корабле, но я не видел его.

— Верно, он летает, наблюдая за действиями своих кораблей, как это делает Имрик, который обернулся чайкой, — ответил Огненное Копье. — Давайте прорубим корпус этой проклятой посудины и вернемся на нашу ладью.

На борту эльфийской ладьи их уже ждал Имрик.

— Как идет битва, приемный отец? — весело закричал Скафлок.

Но ответ ярла эльфов прозвучал совсем не так весело.

— Плохо. Как бы хорошо ни дрались эльфы, но ведь приходится по два тролля на каждого нашего бойца. К тому же часть врагов, не встретив сопротивления, высадилась на берег.

— Плохие новости! — закричал Голрик Корнуоллский. — Мы должны драться как черти, или все пропало.

— Я боюсь, что и так все пропало, — ответил Имрик.

Скафлок сразу даже не смог понять, о чем это говорит Имрик. Посмотрев вокруг, он увидел, что флагман эльфов отнесло в сторону. Строй кораблей разбился как с той, так и с другой стороны, канаты, соединявшие корабли, были разрублены. Но тролли пострадали меньше. То тут, то там корабли троллей таранили эльфийские ладьи.

— К веслам! — закричал Скафлок. — Мы должны им помочь. К веслам!

— Хорошо сказано, — в голосе Имрика прозвучала издевка.

Длинный корабль начал приближаться к месту ближайшей схватки. На его палубу посыпались стрелы.

— Отстреливайтесь! — крикнул Скафлок. — Почему вы не отстреливаетесь?

— Наши колчаны почти пусты, повелитель, — ответил ему один из эльфов.

Пригнувшись за щитами, эльфы подгребли к сражающимся кораблям. Две эльфийские ладьи были зажаты между тремя судами наемников и одним из драккаров троллей. Не успели они подплыть, как на них с воздуха бросились перепончатокрылые демоны Байкала. Эльфы отбивались мужественно, но трудно им было бороться с врагом, который наносил удары копьями сверху. Они истратили свои последние стрелы и остались безоружны перед этой крылатой смертью.

Несмотря на это, эльфы напали на корабль гоблинов, с которого их осыпали стрелами. Скафлок перепрыгнул через борт и принялся наносить удары эльфийским мечом, которым он был теперь вооружен. Малорослые гоблины не смогли устоять под его напором. Одного он рассек пополам, другому распорол живот, с третьего одним ударом снял голову. Огненное Копье пронзил своей пикой сразу двоих, а Скафлок проткнул грудь еще одному.

Еще несколько эльфов устремилось на абордаж. Гоблины отступили.

Скафлок добежал до их оружейных ящиков, набитых стрелами, и начал перебрасывать один за другим на свой корабль. Прежде чем на корме началась резня, он сыграл сигнал к отступлению; сражаться с гоблинами не имело никакого смысла. Луки эльфов зазвенели опять, и демонам пришлось взмыть повыше.

Тролли перешли в наступление. Зато Скафлок увидел, что два других эльфийских корабля пустились на веслах вдогонку за гоблинами, они и злыми духами.

— Если они управятся с теми, то мы можем заняться троллями, — сказал он.

Зеленокожие воины пошли на абордаж, раздался их боевой клич, и вот они уже сами посыпались через борт на эльфийский драккар. Скафлок бросился им наперерез, поскользнулся на залитой кровью палубе и рухнул между скамьями. Копье, просвистев, ударило туда, где он был за миг до этого. Пущенное с силой, достаточной для того, чтобы пробить кольчугу, оно попало в сердце Голрику Корнуоллскому, сразив его на месте.

— Повезло, — пробормотал Скафлок, пытаясь подняться.

Тролли навалились на него. Их удары обрушились сверху на его шлем и щит. Он рубанул кого-то из нападавших по лодыжке, вражеский воин упал. Прежде, чем Скафлок успел снова пустить меч в дело, новый тролль попытался нанести ему удар. Тогда он выставил свой окованный железом щит. Тролль завопил и отшатнулся, половину его рожи точно опалило огнем. Скафлок наконец смог выбраться на палубу и присоединиться к эльфийским воинам.

Шум битвы раздавался среди разошедшегося снегопада. Ветер тоже усиливался, вертя связанные друг с другом корабли, толкая их друг на друга, заставлял биться бортами. Бойцы, качаясь, бежали по палубам и скамьям, спотыкались, падали на корабельное дно и снова вставали, чтобы опять сражаться. Вскоре от многочисленных ударов щит Скафлока пришел в негодность. Он швырнул его в тролля, с которым они в этот момент осыпали друг друга ударами, и затем вонзил свой иззубренный меч ему в сердце.

В ту же секунду кто-то обхватил его сзади. Он отбросил назад свой стальной шлем. Ничего не произошло, только ручищи, корявые как ветви дуба, сжали его еще крепче. Повернув голову, он увидел, что на него напал тролль, весь затянутый в кожу, включая кожаный капюшон и перчатки. Скафлок попробовал освободиться с помощью приема эльфийской борьбы, разжимая пальцы врага. Тут корабль в очередной раз качнуло, и они оба повалились между скамьями.

Скафлок ни на мгновение не мог позволить себе расслабиться. Он отчетливо понимал, что эта бестия способна переломать его ребра как прутики. Он упер ся коленями троллю в живот, сжал руками его толстую шею.

Никто другой из смертных не смог бы сражаться врукопашную с таким страшилищем. Скафлок чувствовал, что силы оставляют его, точно вода вытекает из разбитого сосуда. Он напряг все свои мускулы, направил всю свою волю на то, чтобы не ослабли ни ноги, ни спина, ни руки, сжимающие горло врага.

Казалось, они катаются, влекомые корабельной качкой, уже целую вечность, и Скафлок знал, что долго ему не выдержать.

Тролль, задыхаясь, вцепился Скафлоку в запястья. Человек принялся бить тролля головой об основание мачты, раз, другой, третий, с таким остервенением, что корабельное дерево загудело, а голова в кожаном капюшоне раскололась.

Скафлок, задыхаясь, лежал на трупе врага, сердце его едва не выскакивало из груди, кровь гудела в ушах. Потом он как в тумане разглядел склонившегося над ним Огненное Копье и услышал его голос.

— Никогда еще ни эльф, ни смертный человек не побеждали тролля в рукопашной схватке, — сказал потрясенный воин. — Это подвиг, достойный Беовульфа, и память о нем пребудет до конца времен. Теперь мы должны победить.

Он помог Скафлоку подняться на палубу. Оглядевшись окрест, Скафлок увидел сквозь вьюгу, что большая часть кораблей чужеземных наемников была очищена эльфами от их команд.

Но какой ценой! На трех ближайших к нему кораблях не было ни одного эльфа, который бы не был тяжело ранен. Корабли, наполненные трупами, дрейфовали к берегу. На них почти не осталось воинов, способных держать оружие.

Вглядевшись во тьму, Скафлок увидел, что к ним приближается еще один длинный корабль, полный троллей.

— Боюсь, мы пропали! — простонал он. — Надо спасаться тем, кто еще может спастись.

Беспомощные корабли несло в полосу прибоя. А на берегу застыли тролли в конном строю, все как один на огромных вороных конях.

Из снежной пелены появилась чайка, ударилась о палубу и обернулась Имриком.

— Мы славно потрудились, — мрачно сказал ярл эльфов. — Больше половины кораблей врага никогда не выйдет в море. Но это в основном союзники троллей, а мы — мы разбиты. Те наши ладьи, которые еще

могут двигаться, обратились в бегство, а остальные, вроде этого, обречены.

Слезы, быть может первые за много веков, неожиданно блеснули в его холодных глазах.

— Англия пропала, я боюсь, что и весь Альфхейм пропал.

Огненное Копье сжал древко своей пики.

— Мы будем драться! — крикнул он глухим от усталости голосом.

Скафлок покачал головой. Но тут он вспомнил о Фреде, оставшейся в Эльфийском Утесе, и это воспоминание начало постепенно возвращать ему силы.

— Мы еще будем драться, — сказал он. — Но для этого надо сначала спасти свою жизнь.

— Интересно, как ты собираешься это сделать? — недоверчиво спросил Огненное Копье.

Скафлок снял шлем. Спутанные волосы слиплись от пота.

— Сперва придется снять оружие, — ответил он.

Три эльфийских корабля с трудом подгребли друг к другу. Затем все перебрались на один из них, поставили мачту и подняли парус. Надежд на спасение у них было мало, ведь преследователи приближались, а до рифов подветренного берега было рукой подать.

Скафлок взялся за кормило, его воины встали к парусу, и судно, лавируя, пошло к берегу. Тролли налегли на весла, пытаясь либо догнать уходящего врага, либо загнать его на рифы.

— Худо дело, — сказал Имрик.

— Хуже некуда, — Скафлок невесело улыбнулся, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь пургу.

И вот он увидел пену прибоя, услышал сквозь вой ветра его грохот. Впереди была мель.

Тролли справа попытались подрезать эльфам корму. Скафлок приказал распустить парус и надел шлем. Поворот, парус снова забрал ветер, и судно рванулось вперед. Слишком поздно — тролли поняли его маневр и пустились наперерез. Ладья Скафлока протаранила их так, что загудел весь набор. Враже-

ский корабль был отброшен прямо в полосу прибоя на рифы!

Воины Скафлока как черти управляли парусом, повинуясь его командам. Они прошли вдоль борта вражеского корабля, так что весла троллей задевали их. Спасти свой собственный корабль не было никакой возможности, но, прикрываясь от скал корпусом корабля троллей, можно было попробовать добраться до дальнего конца рифа, где море было не так свирепо. Наконец судно налетело на рифы и стало быстро тонуть, но от мели его отделяла всего лишь узкая гряда камней.

— Спасайся, кто может! — крикнул Скафлок.

Он спрыгнул на скользкий камень, а с него — в воду, сразу погрузившись по шею. Затем вплавь, что твой тюлень, Скафлок устремился к берегу. Его товарищи, кроме тех, кто не мог двигаться из-за тяжелых ран, поплыли за ним. Раненые, оставшиеся на разбитом корабле, утонули у самого берега.

Остальные вброд добрались до суши и почти уже миновали заставы троллей. Но тут их заметили, и конники поскакали за ними вдогонку.

— Рассредоточиться! — закричал Скафлок. — Мы должны спастись.

Убегая, Скафлок видел сквозь метель, как эльфы гибли под ударами пик и под копытами коней. Но все-таки большей части его отряда удалось скрыться. Высоко над ними кружила чайка.

Неожиданно на нее бросился могучий орлан. Скафлок застонал. Схоронившись под скалой, он увидел, как орлан прижал чайку к земле, и птицы обернулись Илльредом и Имриком.

Тролли бросились на ярла эльфов. Он лежал, не двигаясь, в луже собственной крови. Тролли связали его.

Если Имрик погиб, значит Альфхейм лишился одного из своих лучших вождей. Если же он жив — горе ему! Скафлок, оскальзываясь, побрел по заснеженному вереску. Он почти не ощущал ни усталости, ни холода, ни своих жестоких ран. Эльфы были разбиты, теперь у него осталась одна цель: добраться до Эльфийского Утеса и спасти Фреду от троллей.

XVI

Войско Иллреда укрылось от солнца и несколько дней отдыхало, ибо битва измучила и троллей. После этого они двинулись на юг, частью по морю, частью по суше. Их корабли достигли гавани Эльфийского Утеса в ту же ночь как вышли в поход. Команды сошли на берег, разграбили окрестности замка и, встав лагерем у его стен, стали ждать подхода сухопутных сил.

Отряды, двигавшиеся по суше, с Грумом и Вальгардом во главе, шли медленней. Конники обшаривали страну и, натыкаясь на небольшие отряды эльфов, уничтожали их; впрочем, тролли при этом тоже несли потери. Тролли грабили и сжигали усадьбы, встречавшиеся им на пути, а их обитателей угоняли в плен. Пленники шли длинными колоннами, прикованные друг к другу цепями за шею, со связанными руками. Во главе колонны пленных эльфов брел Имрик. Тролли, которым достались яства, вина и женщины Альфхейма, не слишком торопились к Эльфийскому Утесу.

Уже к исходу той ночи, когда Имрик проиграл битву, обитатели замка то ли благодаря своему волшебному искусству, то ли из-за отсутствия вестей, поняли, что эльфы потерпели поражение. Вскоре, увидев с высоких стен окружившие их костры врага, черные корабли, частью вытащенные на берег, частью вставшие на якорь в заливе, они убедились в том, что захватчики одержали полную победу.

Фреда, стоя у окна своей спальни, услышала за спиной тихий шорох шелковых занавесей. Она обернулась и увидела Лиа с ножом в руке.

Злоба и отчаяние застыли на лице высокородной эльфийской дамы, оно уже больше не походило на лицо богини, вырезанное древним мастером юга из слоновой кости. Лиа заговорила на языке людей:

— Что же ты не плачешь о милом, который теперь стал кормом для воронов?

— Я буду плакать, когда узнаю, что он погиб, — бесстрастно ответила Фреда. — Но в нем было слишком много жизни, чтобы я поверила, что теперь он мертв.

— Где же он в таком случае, и даже если он жив, что толку от скрывающегося беглеца? — Лиа улыбнулась одними губами. — Ты видишь этот кинжал, Фреда? Тролли стоят лагерем у стен Эльфийского Утеса, а ведь твоя вера запрещает тебе самоубийство. Но если ты хочешь, я с удовольствием помогу тебе.

— Нет. Я буду ждать Скафлока, — ответила Фреда. — Разве у нас нет копий, стрел и военных машин? Разве не велики запасы мяса и воды в замке, разве его стены не высоки, ворота не крепки? Мы можем обороняться от нападающих.

Лиа опустила руку с ножом. Она пристально взглянула на эту сероглазую девочку, стоящую перед ней, потом сказала:

— Сильна же ты духом, и я, кажется, начинаю понимать, что Скафлок нашел в тебе. Однако твой совет — это совет смертного человека, столько в нем глупости и нетерпения. Могут ли женщины отстоять крепость, когда их мужчины пали?

— Они могут попытаться, или пасть, разделив судьбу своих мужчин.

— Нет. У нас есть другое оружие. — На лице Лиа мелькнуло злое веселье. — Женское оружие. Но чтобы воспользоваться им, надо открыть ворота. Ты хочешь отомстить за возлюбленного?

— Да. Стрелой и кинжалом, а если потребуется, то и ядом.

— Что ж, тогда раздавай троллям свои поцелуи: быстрые как стрелы, острые как ножи, горькие и смертельные, как чаша с ядом. Так поступают эльфийские женщины.

— Лучше мне отвергнуть милость Всевышнего и покончить с собой, чем стать девкой у убийц моего мужа! — гневно крикнула Фреда.

— Пустословие смертной, — съязвила Лиа.

Она улыбнулась своей кошачьей улыбкой.

— А кроме того, ласки троллей на некоторое время, я полагаю, развлекут меня. Здесь, в конце концов, есть что-то новое, а это такая редкость для того, кто прожил не один век. Мы откроем ворота Эльфийского Утеса, как только здесь появится наш новый ярл.

Фреда, закрыв лицо руками, упала на кровать.

— Если ты предпочитаешь следовать своей человеческой душе, — продолжала Лиа, — я с удовольствием помогу тебе. Завтра на рассвете, когда тролли уснут, я выпущу тебя из замка со всем, что ты захочешь взять с собой. После этого можешь делать все, что тебе заблагорассудится. Полагаю, ты отправишься в земли людей, чтобы присоединить свой голосок к хныканью монашек, чей небесный жених почему-то не спешит к ним. Во всяком случае, желаю тебе этого от всей души!

Лиа ушла.

Еще какое-то время Фреда продолжала лежать на кровати, чувствуя, как мрак и безнадежность овладевают ее душой. Она не могла плакать, хотя слезы душили ее. Все, все погибло: ее род, ее любовь...

Нет!

Она села и сжала кулаки. Скафлок не мог погибнуть, она не поверит в это, пока сама не поцелует его в бескровные губы, после чего, по милосердию Божьему, ее сердце разобьется и она упадет подле него. Но если он жив... если он жив, быть может, он тяжко ранен, может быть враги окружили его, может быть он нуждается в ней...

Она принялась торопливо собирать все то, что могло, по ее мнению, пригодиться. Шлем и кольчуга Скафлока, и его одежда (без хозяина она показалась ей странно пустой, гораздо более пустой, чем одежда любого другого человека), секира, меч, щит, копье, лук и колчан, полный стрел. Себе она тоже подобрала легкую кольчугу, какую у эльфов носили воинственные девы. Кольчуга пришлась как раз по ней, и Фреда не смогла сдержать улыбки перед зеркалом, когда водрузила златокованый шлем на свои рыжие кудри. Скафлок любил, когда она носила такой наряд, совсем не умалявший ее женственности.

Все снаряжение было из эльфийских сплавов, ведь лошади Волшебной страны не выносят железа, но она думала, что и такое оружие пригодится Скафлоку.

Ко всему она добавила вяленую треску и другие

припасы, меховые одеяла, швейные принадлежности и многое другое, что, по ее мнению, могло пригодиться.

— Я становлюсь домашней хозяйкой, — сказала она, снова улыбнувшись.

Эти слова ободрили ее, точно привет от старого друга. Затем она упаковала разные вещи, назначения которых она не знала, но которые приготовил сам Скафлок: шкуры волка и выдры, оперенье орла, ясеневые и буковые палочки с вырезанными на них рунами, кольцо с непонятной надписью.

Когда все было упаковано, она позвала Лиа. Та, придя, остолбенела, увидев перед собой Фреду в образе валькирии.

— Что ты хочешь? — спросила Лиа.

— Четырех лошадей, и чтобы мне помогли навьючить все это на одну из них. А потом помоги мне выбраться отсюда.

— Сейчас ночь. Тролли рыщут кругом, а эльфийские лошади не могут скакать при свете дня.

— Не имеет значения. Зато ваши лошади резвей любых других, а быстрота — это как раз то, что мне нужно.

— Да, если тебя не схватят враги, ты до утра успеешь доскакать до ближайшей церкви, — сказала Лиа насмешливо, — а это оружие может быть защитит тебя. Но учти, тебе не удастся сохранить в мире смертных золото Волшебной страны.

— Я не взяла с собой золота, да я и не собираюсь отправляться к людям. Я хочу, чтобы мне открыли северные ворота.

Глаза Лиа расширились. Она вздрогнула.

— Это глупость. На что тебе прах Скафлока? Однако будь по-твоему.

Выражение ее лица смягчилось, и она добавила, стараясь оставаться спокойной:

— Молю тебя, поцелуй его один раз от меня.

Фреда промолчала, но про себя подумала, что, живой или мертвый, никогда Скафлок не получит этого поцелуя.

Когда она выезжала из замка, густо повалил снег. Ворота бесшумно приоткрылись, и стража из гобли-

нов, которым была обещана свобода за их службу, отсалютовала ей на прощание. Фреда вела за собой коней в поводу. Она даже не оглянулась. Без Скафлока великолепие Эльфийского Утеса было для нее ничем.

Ветер закружил вокруг нее, забираясь под меховой плащ. Она наклонилась в седле и шепнула лошадям в ухо:

— Теперь скорей, скорей, милые лошадки, в галоп! Скорей на север к Скафлоку! Пусть ваши бессмертные разум и чутье отыщут его, и клянусь, вы еще много столетий будете жить в золотых стойлах и гулять по летним лугам без седла.

Вдруг она услышала позади себя гулкий крик. Фреда резко привстала в седле. Ее охватил ужас. Ничего на свете она не боялась так, как троллей, и вот они заметили ее.

— Скорей, лошадки, скорей!

Ветер запел у нее в ушах, он едва не вышиб ее из седла, заставил прикрыть лицо рукой. Даже несмотря на колдовское зрение, она почти ничего не видела сквозь ночь и снегопад, зато отчетливо слышала, как за ее спиной все громче стучат копыта.

Быстрей, еще быстрей, всё на север, на север, ветер в лицо, а позади вой погони и грохот копыт. Оглянувшись, она увидела что за ней во мраке мчатся какие-то тени. Это были тролли. Если бы она могла остановиться и прогнать их именем Иисуса! Но, увы, они были слишком далеко, чтобы услышать ее голос, но слишком близко, чтоб достать ее стрелой.

Снег повалил гуще. Тролли пока отстали, но она знала, что они будут гнаться за ней без устали! А чем больше она продвигалась на север, тем ближе оказывалась к движущимся на юг ратям Тролльхейма.

Время летело, точно ветер уносил мгновенья погони. Она заметила огонь на вершине холма — должно быть горела какая-то эльфийская усадьба. Было уже недалеко до передовых отрядов троллей, и, верно, они повсюду разослали своих разведчиков.

Точно отвечая этим ее мыслям, справа из мрака

раздался вой. Она услышала стук копыт. Если ее отрежут...

На ее пути замаячила чудовищная тень: огромный лохматый конь, черней ночи, с горящими как угли глазами, а на нем всадник в черной кольчуге, очень сильный, с отвратительной рожей, одним словом — тролль!

Эльфийская лошадь повернула недостаточно быстро. Тролль догнал ее, схватил за уздечку и остановил.

Фреда вскрикнула. Но прежде чем она успела воззвать к Небесам, тролль вырвал ее из седла и, прижимая одной рукой к себе, другой заткнул ей рот. Рука была холодной и пахла змеиным логовом.

— Хо-хо-хо! — заорал тролль.

Из мрака, влекомый ощущением того, что Фреда в беде, появился Скафлок, задыхаясь от долгого бега и полный страха, что опоздал. Он прыгнул, оперся на стремя тролля, затем оказался на спине его лошади и вонзил кинжал в горло врага.

Фреда упала ему на руки.

Когда войско троллей подошло к Эльфийскому Утесу, на сторожевой башне затрубили в рог и большие бронзовые ворота распахнулись. Вальгард остановился у ворот и посмотрел на замок, недоверчиво сощурив глаза.

— Ловушка, — пробормотал он.

— Нет, не думаю, — возразил Грум. — В замке не осталось никого, кроме женщин, и они просят пощады. — Он рассмеялся. — Они в нашей власти!

Копыта огромных лошадей гулко застучали по каменным плитам замкового двора. Здесь было тепло и тихо, неяркие голубоватые сумерки освещали стены и башни, вздымавшиеся к небу. Сады струили аромат, журчали фонтаны, над прозрачными ручейками стояли беседки, точно приготовленные для любовных свиданий.

Женщины Эльфийского Утеса ждали завоевателей около донжона. Вальгарду уже попадались эльфийские женщины за то время, что победители наступали на замок, но при виде этих дам у него захватило дух.

Одна из них, самая прекрасная, точно луна среди

звезд, выступила навстречу троллям в одеждах, которые подчеркивали каждый изгиб ее тела. Она в глубоком реверансе склонилась перед Грумом, и взмах ресниц скрыл тот холод, который таился в ее глазах.

— Приветствую тебя, повелитель, — скорее пропела, чем проговорила она. — Эльфийский Утес изъявляет тебе свою покорность.

Ярл троллей надулся от гордости.

— Долго стоял этот замок, — провозгласил он, — и немало приступов отбили его стены. Но вы проявили благоразумие, признав власть Троллькейма. Мы беспощадны с врагами, но щедро одариваем наших друзей. — Он ухмыльнулся. — Вскоре я кое-что подарю и тебе. Как тебя зовут?

— Я — Лиа, сестра Имрика Ярла Эльфов.

— Не зови его так, теперь я, Грум, ярл Волшебных владений на этом острове, а Имрик — последний из моих рабов. Привести пленников!

Пригнали скованную цепями эльфийскую знать: побежденные шли, понурив головы и с трудом волоча ноги. Горечь поражения застыла на их лицах, и тяжесть, превосходившая тяжесть оков, согнула их плечи. Во главе пленников шел Имрик. Его волосы и босые ноги были в запекшейся крови. Эльфы шли молча, они даже не взглянули на своих женщин, когда их гнали мимо донжона. За благородными на целую милю растянулась колонна из попавших в плен простых воинов.

С борта корабля на берег сошел Иллред.

— Эльфийский Утес — наш, — сказал он, — и мы оставляем здесь за себя Грума, а сами отправимся завоевывать остальные области Альфхейма. Тебе, Грум, следует покорить все эльфийские владения в Англии, Шотландии и Уэльсе, в лесах и горах скрывается еще немало эльфов, словом, тебе здесь достанет работы.

Иллред вошел в главную башню.

— Есть еще одно дело, которое мы должны сделать прежде, чем покинем это место, — продолжал он. — Девятьсот лет назад Имрик похитил нашу дочь Гору. Мы должны освободить ее.

Когда свита короля двинулась за ним, Лиа, дернув Вальгарда за рукав, отозвала его в сторону. Устремив на него пристальный взгляд, она сказала:

— Сперва я приняла тебя за Скафлока, некоего смертного, который жил среди нас. — Лиа вздохнула. — Но теперь я чувствую, что ты по своей природе не человек.

— Да. — Губы Вальгарда тронула улыбка. — Я — Вальгард Берсерк из Тролльхейма. Мы со Скафлоком некоторым образом братья, потому что я — подменыш, сын троллихи Горы и Имрика. И он подменил мной дитя, которое вы назвали Скафлоком.

— Значит.... — Лиа, непроизвольно сжав его руку, заговорила шепотом. — Значит, ты тот самый Вальгард, о котором говорила Фреда? Ее брат?

— Тот самый. — Его голос стал резче. — Где она? — Он тряхнул Лиа. — И где Скафлок?

— Я... я не знаю... Фреда бежала из замка, она сказала, что отправляется искать его.

— Тогда, если ее не перехватили по дороге, а мне ничего об этом не докладывали, теперь она с ним. Плохие вести!

Лиа, не разжимая губ и потупив глаза, улыбнулась про себя.

«Теперь я поняла, что имел в виду Тюр, — подумала она, — и почему Имрик так хранил эту тайну...» И затем уже вслух, обращаясь к Вальгарду, сказала:

— Что же в этом плохого? Ты уже уничтожил всех потомков Орма, кроме этих двух, а им ты причинил столько зла, сколько смог. Если ты ненавидишь этот род, а так оно и должно быть, тебе нечего желать лучшей мести.

Вальгард покачал головой.

— Я не держу зла ни на Орма, ни на его дом, — пробормотал он.

Он огляделся в замешательстве, точно пробуждаясь от тяжелого сна.

— И все же я должно быть ненавижу их, иначе зачем я причинил им столько зла, столько зла —

моей собственной семье... — Он провел рукой по лицу. — Но ведь они мне не родня, разве не так..? Ведь так?

Он вырвался из ее рук и поспешил за королем. Лиа не торопясь пошла следом, продолжая улыбаться.

Иллред воссел на трон Имрика. Он с нетерпением глядел на дверь залы и счастливо засмеялся, услышав шаги своей стражи.

— Они ведут Гору, — сказал он тихо. — Мою маленькую девочку, что когда-то смеялась и играла у меня на коленях. — И добавил, положив тяжелую руку на плечо подменыша: — Это твоя мать, Вальгард.

Она вползала в палату, истощенная, морщинистая, согнутая столетиями, проведенными во мраке. Ее лицо походило на череп, а пустые глаза туманили безумные видения.

— Гора... — Иллред приподнялся и снова рухнул на трон.

Она слепо огляделась, бормоча:

— Кто звал Гору? Кто зовет Гору, тот зовет мертвую. Гора мертва, повелитель, она умерла девять веков тому назад. Ее похоронили под замком; ее белые кости подпирают его башни, достающие до звезд. Неужели нельзя оставить в покое бедную мертвую троллиху?

Вальгард отскочил от нее, закрывшись руками, будто налетел на неожиданное препятствие. Иллред воскликнул, протягивая руки:

— Гора! Неужели ты не узнаешь меня, своего отца? Неужели ты не узнаешь своего сына?

Ее голос зазвучал точно порыв далекого ветра:

— Как может мертвая узнать кого-нибудь? Как может мертвая рожать? В мозгу, где рождались мечты, теперь заводятся черви. Муравьи ползают там, где когда-то было сердце. О, отдайте мне мою цепь! Отдайте мне моего возлюбленного, который держал меня внизу, во мраке! — Она завыла. — Не тревожь бедную покойницу, повелитель, не буди безумицу, потому что жизнь и разум — это чудовища, которые пожирают то, что произвело их на свет.

Прислушиваясь, она подняла голову.

— Я слышу стук копыт, — сказала Гора тихо. — Я слышу, как на краю света кто-то скачет на коне. Это скачет Время: снег летит с гривы его коня, искры сыплются из-под копыт, а когда Время мчится как ветер в ночи, то за собой оно оставляет только палые листья. Оно все ближе, миры расступаются перед ним. Верни мне мою смерть! — завизжала она. — Позволь мне уползти в мою могилу, чтобы там схорониться от Времени!

Гора, рыдая, пала наземь. Иллред отдал приказ своей страже:

— Увести ее и убить. — Затем обратился к Груму: — Повесить Имрика за большие пальцы рук над раскаленными углями. Пусть он повисит так до тех пор, пока мы не закончим завоевание Альфхейма, тогда у нас будет время подумать об особой награде для него. — И в заключение, поднявшись, он провозгласил. — Гей, тролли, готовьтесь в путь. Мы снова выходим в море!

Хотя воины и предвкушали пир в Эльфийском Утесе, ни один из них не посмел возразить, увидев лицо короля, и вскоре большая часть черных боевых кораблей ушла на юг.

— Тем больше нам останется, — смеясь, сказал Грум и, заметив что Вальгард печален, добавил, обращаясь к нему: — Сдается мне, что ты поступишь правильно, если сегодня как следует напьешься.

— Так я и сделаю, — ответил берсерк, — а потом отправлюсь сражаться, как только отдохнет войско.

Вожди троллей собрали женщин захваченного замка, каждый выбрал себе ту, которая ему больше пришлась по душе, а остальных они выдали войску на потеху. Грум обнял Лиа своей единственной рукой.

— Ты была достаточно мудра, — ухмыльнулся он, — чтобы покориться, и за это я сохраню твое первенство. Ты останешься дамой ярла.

Она покорно последовала за ним, но проходя мимо Вальгарда, исподтишка улыбнулась подменышу. Берсерк невольно проводил ее взглядом. Никогда прежде он не встречал таких женщин; да, с ней он смог бы

позабыть о чернокудрой ведьме, которая часто тревожила его сны.

Несколько дней тролли предавались обжорству и пьянству, а потом Вальгард повел свою дружину на штурм другого замка, который еще держался. В нем укрылись те эльфы, которым удалось бежать. Хотя он и был невелик, но окружен высокими и толстыми стенами, с которых на троллей так и сыпались стрелы его защитников.

Вальгард дождался дня. На его исходе он, незамеченный усталыми, к тому же ослепленными светом, эльфами, прокрался под прикрытием скал к самым стенам. Мощным броском он закинул за зубец стены крюк с привязанной к нему веревкой. По веревке Вальгард вскарабкался на стену и затрубил в рог.

Часовые бросились на него. Но они были бессильны против его железного оружия. Другие тролли устремились вслед за ним по веревке. Пока одни из них дрались на стенах, другие спускали лестницы. Скоро их сил хватило на то, чтобы прорубить себе путь к воротам и распахнуть их для всего отряда.

Замок был захвачен, а оборонявшие его эльфы подверглись поголовному истреблению. Вальгард, разграбив и разорив окрестности замка, вернулся с огромной добычей.

Грум, который начал завидовать славе Вальгарда, угрюмо приветствовал его:

— Ты бы мог остаться с тем гарнизоном, который разместил в крепости, — сказал он. — Здесь маловато места для нас обоих.

— Я тоже так думаю, — буркнул Вальгард, смерив ярла холодным взглядом.

Однако Груму ничего другого не оставалось, как устроить пир в честь победителя и посадить его на почетное место справа от себя. Эльфийские женщины прислуживали троллям, и Лиа подносила Вальгарду крепкое вино рог за рогом.

Она провозгласила тост:

— За нашего героя, величайшего воина среди людей и Волшебного народа!

Ее серебристое тело просвечивало сквозь тонкий

шелк, и от этого голова Вальгарда кружилась сильней, чем от выпитого вина.

— Ты могла бы наградить меня получше, — закричал Вальгард и усадил Лиа к себе на колени. Он принялся неистово ее целовать, и она отвечала ему с неменьшей страстью.

Грум, который до этого молча осушал рог за рогом, вскочил и заорал в гневе:

— На место, бесстыжая шлюха! — И затем, обращаясь, к Вальгарду, проворчал: — Оставь в покое мою женщину. У тебя есть твои собственные.

— Но я хочу эту, — ответил Вальгард, — и дам тебе за нее хоть трех других.

— Я и так могу отнять их у тебя, я — твой ярл. Что я выбрал, то мое. Оставь ее.

— Добыча принадлежит тому, кто сумеет лучше ее удержать, — съязвила Лиа, не слезая с колен Вальгарда. — А у тебя только одна рука.

Грум, ослепленный яростью, спрыгнул с трона, пытаясь выхватить меч из ножен (тролли пировали при оружии).

— Спасите! — закричала Лиа.

Рукоять секиры, казалось, сама прыгнула в ладонь Вальгарда. Пока Грум стремился левой рукой обнажить меч, оружие подменыша вонзилось в его шею.

Он упал, обливаясь кровью, к ногам Вальгарда.

— Ты — злодей, — успел сказать Грум. — Но она хуже.

И умер.

Гул возмущения прошел по палате, тролли, хватаясь за оружие, двинулись к трону. Одни требовали смерти Вальгарда, другие клялись защитить его. Казалось, вот-вот начнется сражение.

Но Вальгард сорвал окровавленную корону Имрика с головы Грума и водрузил ее на себя. Он вскочил на трон и, перекрывая гам своим мощным голосом, потребовал тишины.

Скоро все замолчали, слышно было только тяжелое дыхание столпившихся у трона воинов. Мерцало оружие, в воздухе витал ужас, и все глаза были устрем-

лены на Вальгарда, который надменно возвышался над толпой.

В его голосе зазвучал металл.

— Все это произошло несколько раньше, чем я предполагал, но все равно рано или поздно должно было произойти. На что Тролльхейму нужен был этот Грум, калека, только и годный на то, чтобы жрать, пьянствовать и спать с женщинами, которые должны принадлежать тем, кто получше его? В моих жилах течет самая благородная в Тролльхейме кровь, вы видели, что я умею одерживать победы, и кто, как не я, должен быть вашим ярлом. Кроме того, я ярл по желанию моего приемного отца короля Иллреда. И это будет благом для всех троллей, особенно для троллей Англии. Я обещаю вам победы, богатство и славу, если вы провозгласите меня своим ярлом.

Он вырвал секиру из тела Грума и взмахнул ей.

— Если же кто-то вздумает мне возразить, то он сумеет сделать это только через мой труп. Но тот, кто поддержит меня, будет вознагражден сторицей.

Тут те, кто вместе с ним участвовал в недавнем взятии крепости, возликовали. Остальные тролли тоже не рвались в бой, и вот воины один за другим начали присоединяться к Вальгарду, так что вскоре он спокойно уселся на трон и пир пошел своим чередом. Грум был не слишком любим, а те несколько троллей, которые состояли с ним в дальнем родстве, удовлетворились вирой.

Позже, когда подменыш оказался в спальне один на один с Лиа, он сказал, мрачно уставившись на нее:

— Вот уже второй раз я совершаю убийство из-за женщины. Будь я умней, я бы давно должен был четвертовать тебя.

— Не смею препятствовать тебе в этом, повелитель, — промурлыкала Лиа, обняв его шею своими белыми руками.

— Ты знаешь, что я этого не сделаю, — хрипло сказал Вальгард. — Пустой разговор. Моя жизнь слишком черна, лишь ты способна утешить меня.

Позже он спросил ее:

— Ты занималась этим с эльфами... со Скафлоком?

Она подняла голову, так что копна ее душистых волос укутала их обоих.

— Будь доволен, повелитель, что я занимаюсь этим с тобой, — прошептала она, целуя его.

Теперь Вальгард правил в Эльфийском Утесе. С самого начала зимы он часто отправлялся в походы, сокрушая последние твердыни эльфов и травя беглецов собаками как диких зверей. Всего несколько усадеб осталось не разоренными во всей стране, и стоило эльфам только попробовать оказать сопротивление, как он без пощады бросал на них свои войска. Те, кто попал в лапы Вальгарда, живьем, томились в донжоне или становились рабами, но большинство он убивал, а женщин раздавал своим воинам. Сам он на них не обращал внимания, ни одна женщина, кроме Лиа, теперь не привлекала его.

С юга доходили вести о том, что эльфы бегут, разбитые войсками Иллреда. Тролли захватили все области Волшебной страны, расположенные в Валланде и Фландрии. На севере только эльфы Сконе сохраняли пока свою свободу, но и они уже были окружены, и тролли вгрызались в их земли, продвигаясь вперед настолько быстро, насколько позволяли дремучие леса той страны. Вскоре тролли должны были вторгнуться в центральные земли Альфхейма, во владения самого Короля Эльфов.

До людей доходили только слабые отблески этих событий: далекие вспышки, мчащиеся тени, штормовые ветра, доносящие звон бронзы. Силы волшебства, вырвавшиеся на волю, принесли немало бедствий: падеж скота, неурожай, несчастья. Иногда охотник набредал на затоптанное, залитое кровью поле, на котором призрачные вороны терзали мертвые тела, не похожие на трупы людей. Жители отдаленных хуторов старались не выходить из дому, клали железо под порог и призывали на помощь различных богов.

Прошло несколько недель, Вальгард все реже выбирался из Эльфийского Утеса. От Оркнейских островов до Корнуолла он разорил уже все крепости и замки, а те эльфы, которым удалось скрыться, слиш-

ком хорошо спрятались и теперь исподтишка нападали на его воинов, так что то и дело тролли пропадали без вести; эльфы отравляли пищу и воду, подрезали сухожилия лошадям, портили оружие и снаряжение, часто насылали снежные бураны — точно вся страна ополчилась на захватчиков.

Тролли владели Англией, без сомнения, они держали ее в своих руках. И все же никогда Вальгард с таким нетерпением не ждал прихода весны.

XVIII

Фреда и Скафлок укрылись в пещере. Это была глубокая нора в скале, возвышавшейся над морем к северу от эльфийских холмов. За ней простирался заснеженный лес, который становился все гуще к югу, а к северу упирался в торфяники и нагорья. Это была темная и печальная земля, здесь никто не жил, ни из людского племени, ни из Волшебного народа, потому-то именно здесь лучше всего было укрываться от врагов.

Они старались не прибегать к волшебству, чтобы не навести врагов на след, но Скафлок немало охотился то в образе волка, то выдры, то орла, благодаря шкурам, которые ему принесла Фреда, и превращал морскую воду в пиво. Нелегкое это было дело — выжить такой холодной зимой, самой холодной в Англии со времен Великого Оледенения, и поэтому большую часть времени Скафлок проводил, гоняясь за дичью.

Пещера была холодной и сырой. Ветер завывал в ее устье, прибой бил о подножье скалы. И все же когда Скафлок вернулся со своей первой долгой охоты, ему на мгновение показалось, что он попал не туда, откуда ушел за несколько дней до того.

Огонь весело плясал в очаге, дым вытягивался в трубу, сплетенную из ивовых прутьев и шкур. Другие шкуры покрывали пол и стены, а одна закрывала вход от ветра. Лошади были привязаны в глубине пещеры и хрустели сеном, которое Скафлок сотворил

волшебством из вереска. Оружие, начищенное до блеска, было развешано по стенам как в пиршественной палате. И под каждым клинком был прикреплен букетик из красных зимних ягод.

У огня на корточках сидела Фреда и жарила мясо на вертеле. Скафлок застыл на полпути. Его сердце рванулось к Фреде. На ней была только короткая туника, и вся она, хрупкая, длинноногая, казалась птичкой, готовой вот-вот вспорхнуть.

Фреда увидела Скафлока, и сквозь спутанные рыжие волосы на ее раскрасневшемся и перепачканном сажей личике вспыхнули от счастья огромные серые глаза. Она без единого слова бросилась к нему, и они замерли, припав друг к другу.

Скафлок, потрясенный увиденным, спросил:

— Как ты все это сумела сделать, милая?

Она мягко рассмеялась в ответ.

— Я ведь не медведь и не мужчина, чтобы спать на куче листьев и считать, что это подходящее жилище для зимовки. Кое-что из этих шкур и прочей утвари я привезла, кое-что добыла. О, я хорошая хозяйка. — И Фреда снова с дрожью припала к Скафлоку. — Тебя не было так долго, дни тянулись так медленно. Мне нужно было чем-то заполнить время и к тому же так устать за день, чтобы заснуть ночью.

Когда Скафлок обнял ее, у него задрожали руки.

— Здесь не место для тебя. Жизнь изгнанника тяжела и опасна. Я отвезу тебя к людям, чтобы там ты дождалась нашей победы или забыла о нашем поражении.

— Нет-нет, никогда.

Фреда обхватила его голову и прижала его губы к своим, потом, то ли плача, то ли смеясь, сказала:

— Я уже говорила, что никогда не покину тебя, Скафлок, нет-нет, тебе не удастся избавиться от меня.

— По правде говоря, — ответил ей Скафлок, — я и сам не знаю, что бы я без тебя делал. А с тобой — беда не беда.

— Тогда не покидай меня снова.

— Но, любимая, я должен ходить на охоту.

— Я буду охотиться вместе с тобой. — Она указала на шкуры и жарящееся мясо. — Видишь, я не такая уж неумеха в этом деле.

— Как и во всем остальном, — рассмеялся Скафлок и добавил, помрачнев: — Я ведь выслеживаю не только дичь, Фреда, но и троллей.

— И я буду делать это вместе с тобой. — Лицо Фреды посуровело, как и у Скафлока. — Ты думаешь, мне не за что им мстить?

Скафлок гордо вскинул голову, потом, целуя Фреду, наклонил, как орлан, клюющий добычу.

— Быть по сему! Орм Воитель может гордиться такой дочерью.

Она провела пальцами по его скулам и спросила:

— А ты не знаешь, кто твой отец?

— Нет. — Скафлок, вспомнив слова Тюра, почувствовал беспокойство. — И никогда не узнавал.

— Не важно, — улыбнулась Фреда, — кто бы он ни был, он тоже может гордиться тобой. Я думаю, что Орм Сильный отдал бы все свое добро, чтоб иметь такого сына как ты, а ведь ни Кетиль, ни Асмунд не были слабыми мужчинами. И уж конечно, он был бы счастлив тем, что ты женился на его дочери.

Чем суровей становилась зима, тем тяжелей им приходилось. Голод стал частым гостем в их пещере, и холод пробирался в нее, несмотря на занавешенный вход и очаг, так что Фреда и Скафлок согревались только прижавшись друг к другу под грудой медвежьих шкур. Целыми днями они не слезали с седла, гоняясь на резвых эльфийских конях, которые не проваливались в снег, за дичью по пустынным белым просторам.

То там, то тут они натыкались на пепелища и развалины эльфийских усадеб. Скафлок в такие моменты бледнел и потом еще долго оставался мрачен и молчалив. Изредка им попадался какой-нибудь эльф, исхудавший, одетый в лохмотья, но Скафлок даже не пытался сколотить отряд из таких беглецов. Такой отряд, не способный к настоящему отпору, только привлек бы к ним внимание врага. Вот если бы можно

было рассчитывать на помощь из-за моря, тогда стоило бы начать собирать силы.

Часто Скафлок отправлялся выслеживать троллей, и, напав на след, они с Фредой мчались по нему галопом. Если это был большой отряд, они издали осыпали его стрелами, потом поворачивали коней и исчезали. Бывало, Скафлок, дождавшись дня, забирался в убежища, в которых спали тролли, укрывшись от дневного света, и перерезал им горло. Но если троллей оказывалось двое или трое, то он бросался на них в открытую, и тогда свист его меча, слившийся с пением стрел Фреды, было последнее, что им доводилось услышать в жизни.

Это была безжалостная охота с обеих сторон. Часто они хоронились в пещере или под буреломом, а вражья погоня пролетала мимо, и только тонкая завеса, воздвигнутая с помощью волшебной палочки, укрывала затаившихся людей от направленных прямо на них взглядов, прятала их следы. Едва им удавалось подстрелить двух-трех троллей и повернуть коней, как им вслед летели копья, стрелы и камни из пращей. Из пещеры, в которой они жили, они видели, как мимо идут длинные корабли троллей, да так близко, что можно было бы пересчитать заклепки на щитах, висящих по борту.

И все время было холодно, очень холодно.

Но именно среди этих невзгод они по-настоящему обрели друг друга. Они поняли, что их любовь — это нечто гораздо большее, чем плотская страсть. Скафлок теперь просто не понимал, как бы он мог сражаться без Фреды. Ее стрелы разили троллей, но гораздо опасней для них были придуманные ею дерзкие засады, а поцелуи, которые она дарила Скафлоку в их редкие мирные часы, вдохновляли его на бой, не говоря уже о том, что только уют, который для него создавала Фреда, помогал ему восстанавливать силы. А он для нее был самым сильным, храбрым и добрым мужчиной на свете, ее мечом и щитом, ее возлюбленным и побратимом.

Она иногда чувствовала себя немного виноватой за то, что оставляет в небрежении Святую Веру. Скаф-

лок объяснил ей, что христианские речения и знаки разрушат волшебство, которое сейчас им так необходимо. Она, со своей стороны, тоже почитала богохульством прибегать к молитвам как к оружию в войне двух племен, лишенных бессмертной души; может быть, лучше, безопасней, чтобы они остались непроизнесенными. Но что касается самой войны — поскольку это была война Скафлока, постольку это была и ее война. Однажды, когда они победят, она отведет его к священнику, и, конечно, Господь не оставит без Правой Веры такого человека, как ее Скафлок.

Жизнь изгнанников была воистину тяжела, но Фреда в то же время ощущала, что теперь она лучше владеет своим телом, что чувства ее стали острее, мышцы более упругими, а дух более твердым. Ветер горячил до звона в ушах ее кровь; звезды, казалось, уступили свое сиянье ее глазам. Теперь, когда они жили, будто шли по лезвию меча, она научилась наслаждаться каждым прожитым мигом с неведомой ей до того полнотой.

Странно, думала Фреда, что несмотря на холод, голод, страх они не сказали друг другу ни одного резкого слова. Они думали и действовали как один человек, точно их отлили в одной форме. Разница была лишь в том, что каждый из них по-своему нуждался в другом.

— Я когда-то бахвалился перед Имриком, что мне неведомы страх, поражение и любовный недуг, — сказал как-то Скафлок. Он лежал в пещере, положив голову на колени Фреде, а она расчесывала его волосы, спутанные ветром. — В тот раз он ответил мне, что это три конца и три начала человеческой жизни. Тогда я не понял его, а теперь вижу, насколько он мудр.

— А откуда он это узнал? — спросила Фреда.

— Не знаю, ведь эльфам случается иногда потерпеть поражение, страх они чувствуют редко, а любовь — никогда. Но с тех пор, как я встретил тебя, любимая, я испытал все три эти чувства. Я был больше эльф, чем человек, а ты снова сделала меня

человеком. Я чувствую, что эльфийское начало исчезает во мне.

— И в свою очередь, что-то эльфийское проникло в мою кровь. Я боюсь, что все реже думаю о том, что правильно и свято, и все чаще о том, что полезно и приятно. Мои грехи все тяжелей...

Скафлок притянул к себе ее лицо.

— И правильно делаешь. Эта болтовня о долге, законе и грехе не доведет до добра.

— Не богохульствуй... — начала Фреда.

Но он прервал ее речь поцелуем. Она попыталась вырваться, и они со смехом начали шутливую борьбу. Фреда вновь забыла о своих предчувствиях.

После того, как тролли закончили разорение эльфийских земель, они засели в их твердынях, редко отваживаясь выходить за стены замков, разве что большими отрядами. Скафлок, добыв несколько оленей и сделав большой запас мороженого мяса, погрузился в вынужденное безделье и уныние. Теперь он целыми днями сидел в пещере, становясь все угрюмей.

Фреда попыталась приободрить его.

— Теперь мы в меньшей опасности, — сказала она.

— Что же в этом хорошего, если мы не можем сражаться. Нам осталось только ждать конца. Альфхейм умирает. Скоро вся Волшебная страна окажется во власти троллей. А я, я сижу здесь сиднем!

Однажды он вышел из пещеры и увидел ворона, который летел по ветру в низком зимнем небе. У ног Скафлока море билось о скалы, отступая с грохотом и воем перед каждым новым ударом, и снова накатывало на берег, рассыпая брызги, замерзающие на лету.

— Что нового? — окликнул Скафлок ворона на его языке.

Конечно, он спросил его не этими словами, ибо язык зверей и птиц отличен от языка людей, но смысл вопроса был именно такой.

— Я прилетел из-за пролива проведать родню, — ответил ворон. — Тролли завоевали Валланд и Вендланд, Сконе вот-вот падет, войско Короля Эльфов

откатывается к границам его домена. У нас не прекращаются пиры, но воронам следует поспешить в те края, ибо война не продлится долго.

Скафлок вспыхнул от ярости и, натянув лук, подстрелил птицу. Но едва она упала к его ногам, как гнев покинул его, он почувствовал пустоту и нарастающее сожаление.

— Это было злое дело — убить тебя, братец, — тихо сказал он. — Ты не причинил никому зла, наоборот, ты делал добро, освобождая мир от падали его прошлого. Ты был приветлив со мной и беззащитен, а я убил тебя, вместо того, чтобы напасть на моих настоящих врагов.

Он вернулся в пещеру и неожиданно разрыдался. Рыдания чуть не разрывали его грудь. Фреда обняла его, успокаивая как ребенка, и Скафлок выплакался у ней на груди. В ту ночь он не мог заснуть.

— Альфхейм гибнет, — бормотал он. — До того, как растают снега, от Альфхейма останется только воспоминание. У меня нет иного выбора, как напасть на троллей и драться для того, чтобы захватить с собой в преисподнюю столько врагов, сколько сумею.

— Не говори так, — перебила его Фреда. — Поступить подобным образом значит глупо предать все свои надежды. Отважней и лучше жить, сражаясь.

— Чем сражаться? — спросил он горько. — Корабли эльфов потоплены или рассеяны, воины — погибли, попали в рабство или скрываются, как мы с тобой. В некогда гордых замках — лишь снег да ветер, да воют волки, враг сидит на троне наших древних владык. Эльфы — наги, голодны, безоружны...

Фреда поцеловала его. И в этот миг перед его глазами, точно молния, мелькнуло видение меча, рассекающего мрак. Ему показалось, будто молот разбил железные обручи, стянувшие его грудь, и он выдохнул во тьму:

— Тот меч... дар Асов в день наречения... да-да, тот меч...

Фреда почувствовала страх, непонятный ей самой.

— О чем ты? Что за меч? — спросила она.

Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, что-

бы не замерзнуть, и Скафлок принялся шептать ей на ухо, точно боясь, что ночь сможет его подслушать. Он поведал Фреде о том, как Скирнир принес сломанный клинок, как Имрик спрятал его под главной башней Эльфийского Утеса и как Тюр предупредил его о том, что близится время, когда ему понадобится этот меч.

Заканчивая свой рассказ, он почувствовал, что Фреду в его объятиях бьет дрожь ужаса, а ведь она без боязни нападала на вооруженных троллей. Она заговорила, и голос ее прозвучал тихо и неуверенно:

— Мне все это не по душе, Скафлок. Это недоброе дело.

— Недоброе? — закричал он. — Почему? Это же последняя надежда, какая у нас осталась. Один, прозревающий будущее, должно быть, провидел день гибели Альфхейма и припас для нас этот меч. Безоружные? Ничего, мы еще покажем троллям!

— Опасно иметь дело с тем, что принадлежит богам, особенно, когда боги сами предлагают это, — стала оправдываться Фреда. — Из этого произойдет великое зло. О, мой любимый, забудь об этом мече!

— Конечно, у богов свои цели, — сказал Скафлок, — но это не значит, что они противоречат нашим. Я думаю, что Волшебная страна — это шахматная доска, по которой Асы и Ётуны движут эльфов и троллей, как фигуры в некой игре, чьи правила выше нашего понимания. Умный игрок заботится о своих фигурах.

— Но ведь меч спрятан в Эльфийском Утесе.

— Уж я его как-нибудь раздобуду. Кажется, я даже придумал, как.

— Меч сломан. Где ты... где мы найдем того великана, который, как было сказано, сумеет починить его? И как уговорить его это сделать, если меч будет направлен против троллей, с которыми он в родстве?

— Должны быть какие-то способы и для этого. — В голосе Скафлока зазвучали металлические ноты. — Даже сейчас я, кажется, знаю один, хотя это и опасно. Мы легко можем погибнуть на этом пути, но подарок богов — наша последняя надежда.

— Подарок богов! — теперь уже заплакала Фре-

да. — Я говорю тебе: ничего, кроме зла, не выйдет из этого. Я чувствую это точно холодный камень в груди. Если ты пустишься на поиски меча, Скафлок, дни нашей совместной жизни сочтены.

— Ты хочешь из-за этого покинуть меня? — в ужасе спросил Скафлок.

— Нет-нет, что ты, милый. — Она припала к нему, слезы душили ее. — Но мой внутренний голос говорит мне...

Он притянул Фреду к себе, страстно поцеловал и целовал до тех пор, пока у нее не закружилась голова и к ней не вернулись смех и радость. В конце концов она приписала эти страхи своей мнительности и решила, что они не достойны жены Скафлока.

И все же в ее любви теперь появилась какая-то жадность, ибо в глубине души она сознавала, что не долго им осталось быть вместе.

XIX

Следующей ночью, за несколько часов до рассвета, они сдержали своих лошадей, которые бешеным галопом несли их от самой пещеры. Скафлок не мог дождаться, пока Эльфийский Утес уснет. На облачном небе мелькал месяц, его тусклый свет, пробиваясь через обледенелые ветви, мерцал на снегу. Пар изо рта подымался в морозном недвижном воздухе точно душа, отлетающая от губ умирающего.

— Вместе нам нельзя подходить ближе к Эльфийскому Утесу. — Шепот Скафлока прозвучал неестественно громко в тишине укрывшей их лесной чащи. — Но сам я доберусь туда в образе волка еще до зари.

— К чему так спешить? — Фреда повисла у него на руке, и он, коснувшись губами ее щек, почувствовал, что они солоны. — Почему, в конце концов, не отправиться днем, когда они уснут?

— Оборотничество невозможно при солнечном свете, — объяснил Скафлок. — Кроме того, за стенами замка нет разницы между днем и ночью: в любое время часть троллей спит, часть бодрствует. В замке

я надеюсь найти помощников. Прежде всего я рассчитываю на Лиа.

— Лиа... — Фреда поджала губы. — Мне она не нравится, эта сумасбродка. Неужели у нас нет другого пути?

— Ничего другого мне не приходит в голову. Тебе, любовь моя, предстоит самое трудное, ты будешь ждать здесь моего возвращения. — Он взглянул в ее помрачневшее лицо, точно хотел запомнить каждую его черточку. — Прежде всего тебе надлежит до зари сделать навес из шкур, которые мы захватили с собой, чтобы укрыть лошадей от солнца. Запомни также, что я вернусь в человеческом образе, ведь мне придется нести клинок, поэтому я смогу идти и днем, но зато медленней, так что не жди меня раньше будущей ночи. И не будь безрассудной, любовь моя, если здесь появятся тролли или я не вернусь на третий день к вечеру, — уходи. Беги в мир людей и солнечного света!

— Я смогу вытерпеть муку ожидания, — ответила она тихо, — но уйти отсюда, не зная, жив ты или, — она запнулась, — или погиб, — это выше моих сил.

Скафлок спешился, снег заскрипел под его ногами. Он быстро разделся донага. Дрожа от холода, привязал шкуру выдры к поясу, а орлиное оперение — на плечи и поверх них набросил как плащ волчью шкуру.

Фреда тоже спешилась. Они жадно поцеловались.

— Прощай, любимая, — сказал Скафлок, — прощай и жди меня с мечом.

Он отошел, не смея оглянуться на тихо плачущую девушку, и плотней натянул на себя серый мех. Затем опустился на четвереньки и произнес заклинание. В тот же миг он почувствовал, как меняются его чувства и тело. Фреда увидела, как Скафлок начал превращаться, и вот уже перед ней стоял большой серый волк с горящими во мраке зелеными глазами.

Холодный нос быстро ткнулся в ее ладонь, она потрепала волка по жесткому меху. И он умчался прочь.

Он бежал по снегу между деревьев и кустов куда быстрей и неутомимей человека. Все в нем теперь

изменилось. Мышцы, кости и жилы работали не так, как обычно. Ветер ерошил жесткий мех. Мир, который он теперь видел, представал перед ним темным, плоским, лишенным красок. Зато он слышал самый ничтожный шум, всякий вздох и шепот, великая тишина ночи наполнилась для него звуками, многие из которых были слишком высоки, чтобы их могло расслышать человеческое ухо. Воздух для него был точно живой, его ноздри чуяли бесчисленное множество запахов и следов. И, кроме того, теперь у него были еще новые чувства, которым нет имени в языке людей.

Это был как бы другой мир, мир, который ощущался совсем по-другому. И сам Скафлок, обернувшийся волком, изменился не только внешне, изменились его мысли, его чувства. Теперь он все воспринимал по волчьи, уже, но как бы острее. Обернувшись волком, он перестал понимать многое из того, о чем думал как человек, так же, как вернувшись в людское обличье, мог вспомнить далеко не все, о чем думал и что чувствовал в волчьем.

Вперед и вперед! Ночь и долгие мили пролетали мимо. Лес жил своей потаенной жизнью. Вот он почуял зайца, испуганного зайца, который в ужасе прошмыгнул мимо него, и его волчьи челюсти жадно клацнули. Но человечья душа погнала вперед поджарое тело серого зверя. Заухала сова. Деревья, холмы, скованные льдом реки — все слилось в одно мутное пятно, луна пробивалась сквозь тучи, а он все бежал.

И вот наконец на фоне серебристых туч стали вырисовываться покрытые изморозью башни — он увидел Эльфийский Утес. Эльфийский Утес, так любимый им, а теперь покинутый, чернел в небе воплощенной угрозой!

Он распластался на животе и пополз вверх по холму к стенам замка. Все его волчьи чувства были напряжены, чтобы вовремя заметить врага.

Почуяв змеиный запах троллей, он поджал хвост и ощерил клыки. Замок пах троллями, и хуже того, он пах страхом, бедой и подавленной яростью.

«Спокойно, спокойно, — сказал сам себе Скаф-

лок. — Если здесь пахнет врагом, значит враг уже прошел, теперь пора снова сменить обличье».

Теперь, когда он был зверем, чтобы обернуться, ему достаточно было только пожелать этого. Он скорчился, сжался, потом у него закружилась голова, и вот уже орел взмахнул широкими крыльями и взмыл в вышину.

Теперь его зрение стало очень острым, но это тоже было не человеческое зрение; в каждом перышке пела гордость птицы, счастливой полетом, ветром и бескрайним небом. И все же он не позволил себе опьяняться полетом. Его глаза видели во тьме совсем не так хорошо, как совиные, к тому же он был отличной мишенью для стрел троллей.

Скафлок перелетел через стену, спланировав, пересек двор и тихо-тихо опустился к подножью донжона, только ветер засвистел в его длинных маховых перьях. Здесь у подножья толстой, поросшей плющом башни он обернулся выдрой.

В этом образе чутье у него было хуже, чем у волка, хотя и лучше, чем у человека, но глаза видели теперь острее волчьих, а уши слышали не хуже. Кроме того, его тело стало невероятно ловким, а каждый волосок, каждый ус приобрели неописуемую чувствительность. И все в нем теперь радовало его суетное, дерзкое, игривое сознание выдры — и ловкость, и гибкость, и блестящий мех.

Стараясь держаться в тени, он проскользнул вдоль стены. Выдра была слишком крупным зверем, чтобы ощущать себя в полной безопасности, и лучше бы Скафлоку было обернуться лаской или крысой, но такой возможности он не имел. И так он был благодарен Фреде за то, что она захватила эти три волшебные шкуры. Он почувствовал, как его сердце заполняет нежность к ней, даже в образе выдры он не перестал думать о Фреде.

Он прокрался через открытую дверь и очутился в задних комнатах. В этом лабиринте он знал каждый угол и каждую щель. Едва он втянул воздух, как у него задрожали усы. Все вокруг провоняло троллями, однако по запаху было понятно, что они спят. В этом

ему повезло. Он учуял, что всего несколько врагов бодрствует, но их было легко обойти.

Скафлок пересек пиршественную палату. В ней, растянувшись, храпели пьяные тролли. Ковры были разодраны в клочья, мебель покрыта царапинами и пятнами, украшения из золота, серебра и самоцветов, бесценный труд сотен лет, разворованы. «Лучше бы все это захватили гоблины, — подумал Скафлок, — у них хотя бы хороший вкус, а эти — просто жадные свиньи...»

Он поднялся в покои Имрика. Тот, кто был теперь ярлом, спит должно быть там... и Лиа рядом с ним.

Выдра ползла, распластавшись вдоль стены. Ее зубы были остры как иглы, глаза горели желтым огнем. За поворотом она почуяла тролля. Значит ярл выставил стражу и...

Точно серая молния волк бросился на часового. Не успел полусонный страж понять, что стряслось, как клыки сомкнулись у него на горле. Он упал, гремя кольчугой, пытаясь сбросить зверя со своей груди, и уже через мгновение был мертв.

Скафлок нагнулся над трупом. Кровь, кислая на вкус, текла у него из пасти. Все произошло слишком шумно... но, нет, никто не поднял тревоги... замок, в конце концов, так велик. Быть может, тело и не найдут до тех пор, пока он не скроется. Да, но если на него все-таки наткнутся, нет, погоди...

Быстро превратившись в человека, Скафлок рассек мечом шею тролля так, чтобы можно было подумать, что воин убит не волчьими клыками, а оружием. Пусть думают, что его зарубили в пьяной стычке. Так-то оно будет лучше! Скафлок мрачно посмотрел на труп, выплюнул троллинную кровь и вытер рот.

Снова обернувшись выдрой, Скафлок рванулся вперед. Дверь в покои Имрика оказалась закрыта, но он знал, что надо особым образом свистнуть, чтобы она отворилась. Он издал этот свист и протиснулся в щелку.

Попав в спальню, выдра встала на задние лапки. Божественная голова Лиа, вся в облаке серебристых волос, покоилась на подушке. Рядом с ней лежал

рыжеволосый мужчина, даже во сне его лицо выражало злобу, и все же каждой чертой, каждым мускулом это лицо не отличалось от лица Скафлока.

Итак, новым ярлом стал злодей Вальгард. С трудом Скафлок удержался от того, чтобы не схватить его за горло волчьими клыками, не выклевать ему глаза орлиным клювом, не впиться острыми зубами выдры в его внутренности.

Но это были желания зверя. Осуществи он их, и не миновать шума, а это, в свою очередь, могло стоить ему меча.

Он ткнулся носом в мягкую щеку Лиа. Длинные ресницы приподнялись, и по ее глазам он понял, что она узнала его.

Лиа медленно села на постели. Вальгард пошевелился и застонал во сне. Лиа замерла. Скафлок разобрал отдельные слова в бормотании берсерка:

— ...Подменыш... секира... о, матушка, матушка!

Лиа, опершись на маленькие ножки, постепенно высвободила из-под покрывала все свое тело. Оно белело сквозь волосы, укрывшие его плащом. Как тень она проскользнула через спальню, потом еще через одну комнату, пока в третьей наконец не остановилась. Скафлок шел следом. Она бесшумно закрыла двери и только после этого выдохнула:

— Ну теперь мы можем поговорить.

Скафлок, снова приняв образ мужчины, встал перед ней, и она, то ли плача, то ли смеясь, упала в его объятья. Лиа принялась целовать его так горячо, что, позабыв на мгновенье о Фреде, он почувствовал, что за дивная женщина прильнула к нему.

Она поняла это и попыталась подтолкнуть его к ложу.

— Скафлок, — шептала Лиа, — любимый мой.

Скафлок овладел собой.

— У меня нет времени, — сказал он грубо. — Я пришел за мечом, который Асы подарили мне в день моего наречения.

— Ты устал. — Ее руки гладили его изможденное лицо. — Ты замерз, ты голоден, жизнь твоя в опасно-

сти. Позволь мне успокоить тебя, дать тебе отдохнуть, у меня есть потайная комната...

— Некогда, некогда, — огрызнулся Скафлок. — Фреда ждет меня посреди страны, по которой рыщут тролли. Проведи меня туда, где хранится меч.

— Фреда, — Лиа побледнела. — Значит смертная девчонка все еще с тобой.

— Да, и каким же удалым защитником Альфхейма она стала.

— Я и сама воительница хоть куда, — сказала Лиа, и в ее голосе соединились прежняя злая ирония и новый горький опыт. — Вальгард уже убил из-за меня Грума Ярла Троллей. Вальгард силен, но я скрутила его. — Она пригнулась к Скафлоку. — Он лучше, чем тролль, он почти что ты, а все же — не ты, Скафлок, и мне надоело притворяться.

— Скорей! — Он тряхнул Лиа за плечи. — Если меня схватят, это может быть концом Альфхейма, и с каждой потерянной минутой опасность растет.

Некоторое время Лиа молчала. Потом посмотрела в окно: тучи закрыли луну, мир застыл в холоде, тишине и мраке, сгустившемся перед рассветом.

— Конечно, — сказала она, — конечно, ты прав. Что может быть естественней, что может быть лучше: ты торопишься к своей любимой, к Фреде.

Беззвучно смеясь, она отшатнулась от Скафлока.

— Может быть ты хочешь узнать, кто твой отец? Сказать тебе, кто ты на самом деле?

Скафлок закрыл ладонью ее рот. У него захватило дыханье от страха.

— Нет! Ты же знаешь, Тюр предупреждал меня!

— Лучше замкни мои губы поцелуем, — попросила Лиа.

— Мне некогда... — Он выполнил ее просьбу. — Ну теперь мы можем идти?

— Холодный поцелуй, — разочарованно пробормотала она. — Холодный, как все, что делается по обязанности. Хорошо, пойдем. Но ведь ты наг и безоружен. Ты можешь унести железный меч только в человечьем обличии, а значит тебе потребуется одеж-

да. — Лиа распахнула сундук. — Здесь туника, штаны, обувь, плащ и все, что тебе сможет пригодиться.

Скафлок принялся лихорадочно одеваться. Эти богато отделанные мехом одежды принадлежали когда-то Имрику, но были перешиты для Вальгарда, а потому отлично подошли и Скафлоку. К поясу он привесил меч. Лиа, прикрыв свою наготу алым плащом, повела его вниз.

Они спускались все ниже и ниже в абсолютной тишине, но, казалось, эта тишина готова взорваться в любой момент. Один раз им пришлось миновать тролля, стоящего на часах. Скафлок, напрягшись, нащупал рукоятку меча, но страж только поклонился ему, принимая его за подменыша. За время скитаний у Скафлока отросла такая же, как у Вальгарда, борода.

Они добрались до донжона. Там только редкие факелы с трудом рассеивали сырой мрак подземелья. Шаги Скафлока загремели в уводящих вниз проходах, среди теней, казавшихся окаменевшими. Лиа молча устремилась вперед.

В конце концов они уперлись в стену, на которой выделялось пятно свежей штукатурки с выцарапанными на ней рунами. Рядом с пятном Лиа показала Скафлоку запертую дверь.

— В этом подземелье Имрик держал мать подменыша, — сказала она. — Теперь он сам заперт в нем, подвешенный за большие пальцы рук над неугасимым огнем. Вальгард, когда напьется, истязает его до потери сознания.

Скафлок так сжал рукоять меча, что побелели пальцы. И все же в глубине души он понимал, что судьба, постигшая Имрика, вряд ли ужасней той, на которую он обрек когда-то пленную троллиху и многих других своих пленников. Быть может прав Белый Христос, о котором ему как-то рассказывала Фреда, что зло влечет за собой только большее зло, и так до тех пор, пока не наступит Рагнарёк — Конец Времен, когда гордыня и мстительность уступят место любви и прощению, которые, хоть и не чужды природе чело-

века, все же оказываются для него самым трудным подвигом?

И все же Имрик воспитал его, Альфхейм — его родина, и хотя бы поэтому ему не следует знать, от кого он произошел в мире людей. Скафлок начал яростно ломать стену клинком своего меча.

Издалека глухо донеслись голоса и топот бегущих троллей.

— Это тревога, — выдохнула Лиа.

— Видать они нашли труп убитого мной стража.

Скафлок продолжал ломать стену, и штукатурка стала постепенно осыпаться.

— Тебя не могли заметить? — спросила Лиа.

— Только когда я пересекал стену замка в образе орла.

Орудие Скафлока сломалось. Он с проклятьями продолжал работать обломком клинка.

— Вальгард достаточно подозрителен, чтобы связать появление орла со смертью своего воина. Если он пошлет стражу обыскивать замок... Торопись!

Слабый шум, долетавший сверху, казался теперь едва ли не громче, чем скрежет металла о камень и мерная капель с потолка подземелья.

Скафлок сунул клинок в образовавшуюся щель и начал действовать им как рычагом. Раз — два — три, и камень был выломан!

Он сунул руку в образовавшуюся нишу и почувствовал, что рука задрожала, нащупав меч.

Половинки широкого клинка были покрыты землей. Клинок был обоюдоострым и таким большим и тяжелым, что только сильнейший из мужей смог бы взмахнуть им. Несмотря на то, что меч был так долго погребен, он не заржавел и не затупился.

Позолоченный дракон, свившийся в кольцо, образовывал собой эфес, его чашку и навершие. Он лежал, как бы охраняя сокровище, которое изображали золотые заклепки. Вдоль потемневшего клинка шли руны, которые Скафлок не в состоянии был прочесть, но почувствовал, что самые могущественные из них были расположены ближе к рукоятке.

— Оружие богов, — Скафлок благоговейно взял меч. — Надежда Альфхейма...

— Надежда? — Лиа отпрянула, будто защищалась от чего-то воздетыми руками. — Не верится! Теперь, когда мы раздобыли его, я сомневаюсь.

— Что ты имеешь в виду?

— Неужели ты не чувствуешь, что неведомые руны наполняют клинок мощью и алчбой. Этот меч, быть может, дар богов, но это не их меч. На нем проклятие, Скафлок. Он отравит все, к чему прикоснется. — Она вздрогнула — не от того, что в подземелье было холодно. — Я думаю... Скафлок, я думаю, было бы лучше, если бы ты замуровал его снова.

— Нам больше не на что надеяться.

Скафлок завернул обломки в свой плащ и сунул сверток под мышку.

Нехотя Лиа повела его в обратный путь.

— Потребуется немалая ловкость, чтобы пробраться, — сказала она. — Вряд ли мы останемся незамеченными, а потому молчи и предоставь мне говорить за двоих.

— Нет, я против, ты подвергнешься опасности, если только не уйдешь со мной.

Лиа просияла:

— Ты тревожишься обо мне?

— Конечно, как о каждом в Альфхейме.

— А о... о Фреде?

— О ней, о ней — больше всего на свете, больше, чем о богах, людях и Волшебной стране, вместе взятых. Я люблю ее.

Лиа снова пошла вперед.

— Не беспокойся за меня, — сказала она упавшим голосом. — Я всегда сумею убедить Вальгарда, что ты обманул или запугал меня.

Они поднялись из подземелья. По первому этажу в суматохе бежала встревоженная стража.

— Стоять! — вдруг гаркнул один из троллей, увидев их.

Лицо Лиа окаменело, и она спросила ледяным голосом:

— Ты вздумал задержать ярла?

— Прости, повелитель, прости, — забормотал тролль. — Только, я ведь... я ведь видел тебя только что, повелитель...

Они вышли во двор. Скафлок ощущал каждым натянутым нервом и мускулом непреодолимое желание бежать, все в нем ждало, что вот-вот он услышит крики обнаруживших его врагов. Бежать, бежать! Но он заставил себя идти неторопясь.

На дворе почти не было троллей. На востоке едва начало светать. Стоял страшный мороз.

Лиа остановилась у западных ворот, и по ее знаку они распахнулись. Она посмотрела в глаза Скафлоку пустым, отсутствующим взором.

— Отсюда ты должен идти сам, — сказала она мягко. — Знаешь ли ты, что тебе делать дальше?

— Отчасти, — ответил Скафлок. — Я должен найти великана Больверка, чтобы он починил этот меч.

— Больверк, что значит «зло деющий», в самом имени его — предупреждение. Я начинаю понимать, что это за меч и почему ни один гном не отважится отковать его заново. — Лиа покачала головой. — Я знаю, Скафлок, какой ты упрямец — всем духам ада не остановить тебя, и если ты сам не передумаешь, то воспрепятствовать тебе сможет только смерть. — А потом насмешливо спросила: — А что будет во время этих поисков делать твоя милая Фреда?

— Я попытаюсь уговорить ее где-нибудь укрыться, но думаю, что она захочет пойти со мной. — В улыбке Скафлока были и любовь, и гордость. — Ничто не может нас разлучить.

— Неужели? Однако, как ты узнаешь дорогу к тому великану?

Скафлок помрачнел.

— Недоброе это дело, — сказал он, — но, видно, придется вызывать тени умерших. Мертвым многое ведомо, а Имрик научил меня заклинаниям, которые могут заставить их говорить.

— Это безрассудное дело: мертвые не любят, когда тревожат их вечный сон, и жестоко мстят за это. Сможешь ли ты устоять против духов?

— Я попытаюсь. Верю, что мое волшебство способно противостоять их силе.

— Речь ведь не только о тебе... — Прежде чем продолжить, Лиа лукаво примолкла. — Неужели тебя не ужасает, что они могут отомстить кому-нибудь другому, ну хотя бы Фреде, например.

Лиа увидела, как кровь отхлынула от щек и губ Скафлока. Она почувствовала, что тоже побледнела.

— Неужели тебя так волнует эта девчонка? — прошептала она.

— Да. Ты права. Я не могу рисковать этим. Пусть лучше весь Альфхейм падет, чем...

— Нет-нет, подожди! Кажется, я что-то придумала, только мне надо спросить у тебя одну вещь.

— Скорей, Лиа, скорей!

— Только одну. Если Фреда покинет тебя, нет, не перебивай меня и не говори, что она этого никогда не сделает, так вот, если это все-таки произойдет, что ты сделаешь?

— Я не знаю, я этого даже не могу себе представить.

— Быть может, в этом случае, победив троллей, ты снова вернешься сюда? Снова станешь эльфом?

— Может быть. Не знаю. Скорей, Лиа!

Она улыбнулась своей кошачьей улыбкой, потом задумчиво посмотрела на Скафлока.

— Я только хотела сказать, что вместо того, чтобы тревожить каких попало мертвецов, вызови тех, которые будут рады помочь тебе, тех, чьим мстителем будешь ты сам. Разве Вальгард не вырезал всю семью Фреды? Вызови их, Скафлок!

На мгновение он остолбенел, затем выронил сверток с мечом, схватил Лиа и поцеловал ее изо всех сил. Потом, снова подхватив меч, выскочил за ворота и побежал к лесу.

Лиа, прикрыв ладонью дрожащие губы, смотрела

ему вслед. Если она правильно угадала, что это за меч, произойдет то же, что уже случилось когда-то. И она засмеялась.

Вальгард понял, что в замке видели его двойника. Его возлюбленная выглядела потрясенной случившимся, она твердила, что кто-то околдовал ее во сне, и теперь она ничего не помнит. На снегу, тем не менее, были видны следы, а собаки троллей могли поднять и более старый след.

На закате ярл повел своих конников в погоню.

Фреда по-прежнему ждала Скафлока в искрящейся от лунного света чаще напротив Эльфийского Утеса.

На вторую ночь ожидания она замерзла, замерзла так сильно, что почти перестала чувствовать холод, ей казалось, что он уже слился с ее телом. Она было забилась в укрытие к лошадям, но от эльфийских коней веяло холодом, это были совсем не те теплые домашние животные, к которым она привыкла в своей отчизне. Вспомнив о лошадях в доме Орма, Фреда вновь почувствовала свое одиночество. Ей показалось, что она единственное живое существо в этом мире снега и лунного света.

Она сдержала слезы. Скафлок! Где он, жив ли он?

Крепчающий ветер гнал по небу густые тучи: казалось, луна убегает от черного дракона, который, догнав, проглатывает ее, а потом снова выплевывает. Ветер с воем налетал на Фреду, забирался под одежду, кусал ее плоть. У-у-у, у-у-у, пел он, наметая сугроб за сугробом, у-у-у, догоню-у-у-у-у!

У-у-у! У-у-у! Это эхом откликнулись рога троллей. Фреда задрожала. Страх вонзился в ее сердце кинжалом. Тролли вышли на охоту, а за кем может идти охота, кроме...

Начали сгущаться ранние сумерки. Она бросилась навстречу ветру, сбивавшему ее с ног: ты, тварь, пусти, Скафлок ждет меня... О!

При луне, вновь появившейся из-за туч, перед Фредой предстал незнакомец. Он был высокого роста,

плащ бился точно крылья за его плечами. Видно, он был немолод, длинная борода и волосы отливали сединой в лунном свете, и все же его копье не сумел бы поднять ни один смертный. И хотя его лицо затеняла широкополая шляпа, она увидела, что он одноглаз.

Фреда отшатнулась и, задыхаясь, попыталась воззвать к Небесам. Но ее остановил вдруг зазвучавший голос — глухой, медлительный, созвучный ветру, он надвигался на Фреду с неумолимостью снежной лавины.

— Я пришел помочь, а не навредить. Хочешь ли ты спасти своего мужа?

Фреда без единого слова рухнула на колени. Внезапно сквозь лунные блики, сквозь снегопад, за сугробами, за многими милями скованной морозом земли она увидела Скафлока, который бежал вверх по склону холма. Безоружный, изможденный, он со стоном пытался оторваться от псов, которые преследовали его по пятам. Собачий лай несся ему вослед.

Видение поблекло. Перед Фредой вновь стоял ее ночной призрак.

— Ты — Один, — прошептала она, — и мне нельзя иметь с тобой дела.

— Несмотря на это, я бы мог спасти твоего возлюбленного, ведь он-то язычник. — Единственный глаз бога уставился на нее, точно пронзал насквозь. — Но заплатишь ли ты мне мою цену?

— Чего ты хочешь?

— Думай быстрей, собаки вот-вот разорвут его.

— Ты получишь ее, получишь...

Он кивнул.

— Что ж, тогда поклянись мне своей душой и всем, что свято для тебя, что, когда я приду за платой, ты отдашь мне то, что носишь под поясом.

— Клянусь! — вскрикнула Фреда.

Слезы туманили ее глаза, грудь разрывали рыдания. Один не так уж безжалостен, как о нем говорят, если просит только снадобье, которое ей подарил Скафлок.

— Клянусь, повелитель, и пусть земля и Небеса накажут меня, если я не сдержу клятву!

— Добро. Теперь тролли пошли по ложному следу, а Скафлок уже здесь. Не забудь о своих словах, женщина!

Мрак сгустился, тучи закрыли луну. А когда ветер снова разорвал их, Странник исчез.

Но Фреда этого уже не заметила. Она обнимала своего Скафлока. А он, как ни поражен был тем, что некая сила, вырвав его из клыков троллиных собак, спасла и перенесла к возлюбленной, тоже первым делом принялся целовать ее.

XX

Не пробыв и двух дней в пещере, Скафлок вновь заторопился в дорогу. Фреда не плакала, но чувствовала, что в горле у нее стоят непролитые слезы.

— Ты думаешь, это заря встает для нас, — сказала она утром второго дня. — Но я чувствую: это — ночь.

Он удивленно взглянул на нее.

— О чем ты?

— Этот меч исполнен зла. И то, что нам предстоит, — недоброе дело. И ничего доброго оно не сулит нам и в будущем.

Скафлок положил руки ей на плечи.

— Я понимаю, тебя не радует то, что придется заставить пройти твоих родичей дорогой страдания. Я этому тоже не рад. Но кто же еще среди мертвых согласится помогать нам, а не вредить? Оставайся здесь, Фреда, если тебе не снести этого.

— Нет-нет, я буду с тобой и на краю могилы. Дело не в том, что я боюсь моей мертвой родни. Живые или мертвые, мы любим друг друга, а теперь эта любовь принадлежит и тебе. — Фреда опустила глаза и прикусила губу, чувствуя, как она дрожит. — Если бы эта мысль пришла в голову тебе или мне, я бы опасалась куда меньше. Но совет Лиа — это не к добру.

— Зачем ей желать нам зла?

Фреда покачала головой, но ничего не ответила. А Скафлок задумчиво сказал:

— Признаться, мне совсем не нравится твоя встреча с Одином. Не в его обычае просить малую плату, но я не понимаю, что же он имел в виду.

— А меч, сломанный меч, Скафлок, ведь если его снова скуют, в мир войдет ужасная сила, бесконечное зло.

— Да, для троллей.

Скафлок горделиво вскинул голову, так что его кудри коснулись закопченных сводов пещеры. Его глаза вспыхнули во мраке.

— У нас нет теперь другой дороги, хоть эта и тяжела. И никто не избегнет своей судьбы. Лучше храбро встретить ее лицом к лицу.

— И плечом к плечу. — Фреда склонила свою рыжекудрую голову ему на грудь, и слезы снова закапали из ее глаз.

— Еще об одном я хотела попросить тебя, мой любимый.

— О чем?

— Давай пустимся в путь не сегодня вечером. Подожди еще один день, только один, и тогда мы отправимся. — Она сжала своими руками его руки. — Только один день, Скафлок.

— Зачем? — спросил он недовольно.

Фреда промолчала, и вскоре в ее объятиях он забыл о своем вопросе. Но Фреда помнила, помнила даже тогда, когда эти объятия становились все тесней и она слышала биение его сердца, и это наполняло горечью ее поцелуи.

Что-то подсказывало ей, что это — их последняя ночь.

Солнце встало, тускло блеснуло в полдень и на закате скрылось в тучах, которые буря гнала с моря. Ветер волком выл над валами, с грохотом разбивавшимися о скалы. Едва стемнело, как откуда-то с небес раздался звон копыт, обгоняющих ветер, звуки

погони и собачьего лая. Скафлок вздрогнул. Это мчалась Дикая Охота.

Скафлок и Фреда оседлали лошадей, а еще двух навьючили всем своим добром, ведь возвращаться они не собирались. За спину Скафлок закинул сломанный меч, завернутый в волчью шкуру. При бедре у него был его собственный эльфийский меч, в левой руке — копье. Под меховые плащи оба надели шлемы и кольчуги.

Фреда оглянулась на устье покинутой пещеры. Холодное это было жилище и мрачное, а все-таки там они были счастливы. Но вот она отвела глаза и решительно устремила свой взор вперед.

— Поехали! — крикнул Скафлок, и они пустились бешеным эльфийским галопом.

Ветер ударил им в лицо. В мерцающем свете луны снег, мешаясь с брызгами, стлался над морем белой пеленой, а под ней в шхерах гремел прибой. Когда волны откатывались, вслед за ними катились обледенелые камни, казалось, какие-то чудища ползут к морю. Ночь состояла из бури, вьюги, шторма: грохот несся до неба, по которому мчались рваные тучи. Восходящая луна, не отставая ни на шаг, мчалась вослед скачке Скафлока и Фреды по прибрежным утесам.

Ну, лошадки, ну, милые, быстрей, быстрей на юг вдоль моря, только лед, только искры из-под копыт, скачите, скачите! Скачите так, чтобы только ветер — в ушах, холод — в груди, скачите сквозь марево пурги, сквозь тьму, мимо замков, где ждут нас враги. Скорей, скорей, на юг, навстречу мертвым, что спят под курганом.

Едва они доскакали до бухты, на берегу которой стоял Эльфийский Утес, как тролли сразу затрубили в рога. Несмотря на колдовское зрение, замка было не разглядеть, зато за спиной они услышали стук копыт. Но вот он начал стихать — где же троллям было их догнать, да и не хотелось им гоняться за добычей в такую ночь.

Скорей, скорей, через леса, где ветер гудит волынкой в обледенелых ветвях, только успевай поворачи-

ваться между деревьями, которые так и норовят вцепиться в тебя каждым сучком, скорей, через замерзшие болота, через мрачные нагорья, скорей, с нагорий на равнину, через пустынные поля — скорей, скорей!

Фреда постепенно начала узнавать дорогу. Метель все еще мела, но тучи стали редеть, и тонкий месяц осветил занесенные снегом пашни и выгоны. Ей уже приходилось здесь бывать. Она припомнила и эту речку, и тот хутор, здесь она охотилась с Кетилем, там как-то рыбачила с Асмундом жарким летним днем, а вон на том лугу Асгерд плела венки из маргариток, как же давно все это было.

Слезы стыли у Фреды на щеках. Но вот Скафлок протянул к ней руку, и она улыбнулась ему. Это возвращение едва не разорвало ей сердце, но Скафлок был с ней, а вместе с ним она могла выдержать что угодно.

Они перевели коней с галопа на шаг. Медленно, молча въехали на то место, где когда-то стояла усадьба Орма. Из сугробов, белеющих в лунном свете, торчали обгорелые балки. Вдалеке у залива был виден курган.

Над ним колыхалось пламя, его языки плясали среди голубоватой белизны, холодные, безрадостные, они с воем уносились во мрак. Фреда, вздрогнув, перекрестилась. Такие огни горели по ночам на могилах героев языческих времен. Быть может, ее безбожное поведение зажгло этот огонь, да и вообще, могила Орма не могла быть христианским погребением. Но как бы далеко Орм ни ушел по безымянным дорогам смерти, для нее он оставался отцом.

Как ей было бояться того, кто качал ее на коленях, кто распевал для нее песни так звонко, что эхо гуляло по всему покою. И все же Фреду охватила дрожь.

Скафлок спешился. Он почувствовал, что одежда на нем насквозь промокла от пота. Никогда прежде ему не приходилось пользоваться заклинаниями, которые сегодня ему понадобятся.

Он подошел к кургану, замер и, ахнув, выхватил меч. На его вершине в лунном свете чернела неподд-

вижная фигура. Неужели ему придется сразиться с мертвецом?

Вдруг Фреда, точно потерявшийся ребенок, вскрикнула:

— Матушка!

Скафлок схватил ее за руку, и они вдвоем вскарабкались на курган.

Женщина, которая сидела на вершине кургана, не обращая внимания на воющее пламя, была настолько похожа на Фреду, что Скафлок просто остолбенел. Те же живые черты лица, те же широко посаженные серые глаза, те же рыжие волосы. Но нет, нет... она была заметно старше, щеки ввалились на ее опустошенном горем лице, пустые глаза неотрывно смотрели на море, ветер развевал нечесаные волосы.

Изможденое тело женщины было закутано в ветшающий меховой плащ.

Когда Фреда и Скафлок вошли в полосу света, она медленно перевела на них глаза. Потом пристально посмотрела на Скафлока.

— Добро пожаловать, Вальгард, — равнодушно сказала женщина. — Это я. Теперь ты не сможешь причинить мне никакого зла. Ты можешь убить меня, а это — все, о чем я мечтаю.

— Матушка! — Фреда упала на колени перед женщиной.

Эльфрида посмотрела на нее.

— Не понимаю, — сказала она, помолчав, — ты похожа на мою маленькую Фреду, но Фреда мертва. Вальгард похитил тебя, значит ты не долго оставалась в живых. — Она покачала головой, улыбнулась и протянула руки к Фреде. — Ты добра ко мне, если ради меня покинула свою тихую могилу. Я так одинока. Иди сюда, моя мертвая дочурка, прильни к моей груди, и я спою тебе колыбельную, как бывало певала, когда ты была ребенком.

— Я жива, матушка, я жива... и ты, ты тоже жива... — Фреду душили слезы. — Посмотри, я теплая, я живая. А это не Вальгард, это — Скафлок, и он спас меня от Вальгарда. Это — Скафлок, он мой муж, а тебе станет сыном...

Эльфрида встала и тяжко оперлась на руку дочери.

— Я ждала, — сказала она, — я ждала здесь, а они думали — я обезумела. Они приносили мне пищу, но никто не оставался со мной, ведь все боялись безумицы, которая не хотела оставить своих мертвых. — Она тихо засмеялась. — Что же в этом безумного? Безумен тот, кто покидает тех, кого любит.

Эльфрида принялась внимательно разглядывать Скафлока.

— Ты похож на Вальгарда, — так же задумчиво сказала она. — Ты такого же роста, как Орм, и похож на него и на меня. Но глаза у тебя добрей, чем у Вальгарда. — И снова она засмеялась. — Что ж, пускай их говорят, что я безумна! Я ждала, я только ждала, и вот из ночи и смерти ко мне вернулись двое из моих детей!

— Нам надо до зари попасть домой, — сказал Скафлок и вместе с Фредой помог Эльфриде сойти с кургана.

— Матушка жива, — шептала Фреда. — Я думала, что она тоже погибла, но она была жива и сидела здесь посреди зимы одна-одинешенька. Что я наделала!

Фреда разрыдалась, и Эльфрида принялась утешать ее.

Скафлок не мог больше ждать. Он воткнул в землю вокруг кургана колышки с начертанными на них рунами, по одному с каждой стороны, потом надел на большой палец левой руки перстень с кремнем. Воздев руки, Скафлок с запада подошел к кургану. На востоке шумело море да луна пробиралась среди рваных туч. Ветер по-прежнему нес снег.

Скафлок произнес заклинание. Он почувствовал, как эти слова свели его тело судорогой, обожгли гортань. Сотрясаемый страшной мощью, которая вырывалась из него, он принялся творить колдовские знаки.

Пламя на кургане взметнулось выше. Ветер завизжал точно рысь, тучи закрыли луну. Скафлок сказал громким голосом:

Вожди, воины,
встаньте, павшие!
Скафлок сон ваш

смертный рушит.
Вспять, о воины,
возвратитесь.
Прошу, правду
провещайте.

Курган застонал. Ледяное пламя все выше вздымалось над ним. Скафлок продолжал:

Жду вас жадно,
жертвы смерти.
Мертвых, мрак,
молю отдай мне.
Встаньте, воины,
ваши копья
и клинки
от крови ржавы.

Курган, весь охваченный пламенем, распахнулся, и оттуда вышел Орм со своими сыновьями. Вождь заговорил:

Кто здесь, кто
курган тревожит,
злым зовет нас
заклинаньем?
Смертный, в страхе
скройся. Мертвых
ты не тронь.
Во тьме оставь их.

Орм стоял, опираясь на копье. Бледный, бескровный, он был облеплен землей, иней блестел у него в волосах. Его глаза, не мигая, глядели на бушевавшее вокруг пламя. Справа от него стоял Кетиль, такой же холодный и бледный, в его голове зияла глубокая рана. Слева, в тени, стоял Асмунд, зажимая рукой рану в пронзенной копьем груди. А за ними во мраке Скафлок различил очертания корабля и команды, которую он разбудил вместе с вождями.

Подавив страх, которым на него повеяло из могилы, он произнес:

Страх не страшен.
Силой рун я,
знай, заставлю
заклинаньем
дать ответ,

а нет — раскрошат
крысы кости
очень скоро!

Голос Орма грянул в ответ точно порыв ветра:

Сладок сон
без сновидений.
Грозен гнев,
когда нас будят.
Долго духи
душат дерзких,
тех, кто кости
их тревожит.

Фреда выступила из тени.

— Отец, — закричала она, — отец, неужели ты не узнаешь свою дочь?

Орм взглянул на нее, и пламя гнева начало гаснуть в его глазах. Он склонил голову и застыл среди круженья и свиста языков огня.

Кетиль промолвил:

Рады братья
рыжекудрой,
счастье вновь
сестру увидеть.
Грудь гнетет
гробницы холод.
Ты, сестра,
согрела братьев.

Эльфрида медленно подошла к Орму. Они взглянули друг на друга в свете беспокойного, холодного огня. Она взяла его руки в свои, они были так же холодны, как промерзшая земля.

Орм сказал:

Смерти сон
не сладок, страшен.
Рвут мне грудь
твои рыданья.
Точно змеи
точат яд,
плач жены
жжет сердце мужа.
Милая, молю:
помилуй.

Ради мужа
радость множь.
Сон сойдет
тогда спокойный
ароматом
роз и мирра.

— Это выше моих сил, Орм, — ответила Эльфрида. — Она погладила его по лицу. — В твоих волосах иней, твой рот забит землей. Ты замерз, Орм.

— Я мертв. Нас разделяет могила.

— Пусть этого больше не будет. Возьми меня с собой, Орм!

Их губы встретились.

Скафлок сказал Кетилю:

Молви, мертвый,
мне, где Больверк,
где гигант
гремит железом.
Воин вещий,
верно, знаешь,
как его
ковать заставить.

Кетиль промолвил в ответ:

Затеваешь
злое дело.
В бездну бедствий
Больверк ввергнет.
Не ищи
напрасно, Скафлок.
Прочь спеши
покуда цел.

Скафлок покачал головой. Кетиль, опершись на меч, промолвил:

Скафлок, сиды
ссудят судно.
Правь на полночь
прямо к Ётуну,
там пропой ему
в толще гор
Локи речи,
пляску битвы.

Тут заговорил Асмунд: его лицо по-прежнему оставалось в тени, а голос был печален:

Бедственную,
брат с сестрою,
Норны спряли
нить судьбины.
Выведали
вы у мертвых
злую правду
заклинаньем.

Фреда почувствовала ужас. Она не могла выговорить ни слова, только прижалась к Скафлоку, и они застыли, глядя в печальные глаза Асмунда. Он продолжал медленно говорить, а его фигура казалась особенно черной на фоне лизавших ее белых языков пламени.

Тот же долг
довлеет мертвым,
что и смертным —
что же делать.
Горько мне
глаголить, Скафлок:
Фреда, знай,
тебе сестрица.

Здравствуй, брат.
Сестрица, здравствуй!
Преступила, пусть невольно,
ваша страсть
веленья рода.
О, злосчастные,
прощайте!

Курган со стоном закрылся. Пламя погасло, и снова тускло блеснула луна.

Фреда отпрянула от Скафлока, точно он был троллем. Он, спотыкаясь, как слепой, попытался подойти к ней. Она с коротким всхлипом обернулась и пустилась бежать от него.

— Матушка, — шептала Фреда, — матушка!

Но курган, освещенный луной, был пуст. С тех пор никто никогда больше не видел Эльфриду.

Над морем начала заниматься заря. В низком небе

над белой пустыней застыли, точно примерзнув к нему, тучи. Кружась, падали редкие снежинки.

Фреда сидела на кургане и недвижно смотрела перед собой. Она не плакала. О, если бы она могла заплакать.

Скафлок, упрятав лошадей в чаще, подошел к ней и, опустившись на колени, сказал голосом столь же хмурым, как это утро:

— Я люблю тебя, Фреда.

Она не ответила ни слова. Помолчав, Скафлок продолжал:

— Я не сумею тебя разлюбить. Что с того, что по случайности у нас в жилах течет одна кровь? Это ничего не значит. Я слыхал о народе, о смертных, среди которых такие браки не редкость. Фреда, пойдем со мной, позабудь проклятый закон...

— Это — Божий закон, — сказала она без всякого выражения. — Я не могу сознательно преступить его. Мои грехи и так слишком тяжелы.

— Значит бог, который встает между мужчиной и женщиной, которые были друг для друга тем, чем были друг для друга мы с тобой, не тот бог, которому я поклонюсь. А если он посмеет приблизиться ко мне, то я его быстро спроважу.

— О, что же ты за язычник! — вспыхнула Фреда. — Приемыш эльфов, лишенных бессмертной души, ты надеешься причинить мне новые муки! — На ее щеках появился слабый румянец. — Ступай к своим эльфам! Ступай к Лиа!

Они встали. Скафлок попытался взять ее за руки. Но она отдернула их. Будто тяжкий груз согнул его широкие плечи.

— Неужели нет надежды? — спросил он.

— Нет. — Фреда медленно пошла. — Я попытаюсь найти ближайшую усадьбу. Быть может, я сумею искупить то, что я наделала. — Неожиданно она обернулась к нему. — Пойдем со мной, Скафлок! Пойдем, позабудь о своем язычестве, крестись и примирись с Богом.

Он покачал головой:

— Только не с этим.

— Но... но ведь я люблю тебя, Скафлок, я слишком сильно тебя люблю, я не могу допустить, чтобы твоя душа не удостоилась Рая.

— Если ты действительно любишь меня, — ответил Скафлок тихо, — останься со мной. Я не притронусь к тебе иначе как брат к сестре. Но, прошу, останься со мной.

— Нет, — сказала Фреда. — Прощай.

Она побежала.

Он последовал за ней. Снег скрипел у них под ногами. Когда он обогнал ее и, заступив ей дорогу, остановился, так что ей тоже пришлось остановиться, она увидела, что его губы сжаты так, что и ножом не разожмешь.

— Неужели ты даже не поцелуешь меня на прощанье, Фреда? — спросил Скафлок.

— Нет.

Он едва расслышал ее голос, она боялась взглянуть ему в глаза.

— Я не смею, — сказала Фреда и убежала.

Скафлок остался стоять, глядя ей вслед. Ее волосы, отливавшие медью, были единственным ярким пятном в этом белом и сером мире. Фреда свернула в рощу и скрылась из глаз. Скафлок медленно побрел в противоположную сторону, прочь от разоренной усадьбы.

XXI

В последующие дни долгая суровая зима пошла наконец на убыль. В закатный час Гульбан Глас Мак Грики стоял на вершине холма, ощущая в южном ветре едва приметное дыхание грядущей весны.

Он опирался на копье, глядя в пелену снегопада, простершуюся над морем. На западе истаивал янтарный закат. С востока наступала тьма, там загорались первые звезды, но вот он увидел, как из этой тьмы появилась рыбачья лодка. Это был простой челнок, судя по всему, купленный или украденный у какого-нибудь англичанина, а тот, кто сидел в нем, держа кормило, был смертный из плоти и крови. И все же в

нем было что-то странное, и его просоленное морем платье было явно эльфийского покроя.

Едва киль лодки коснулся дна и мореплаватель спрыгнул на берег, как Гульбан узнал его. Хотя ирландские сиды и держались в стороне от прочих жителей Волшебной страны, все же в прошлом они бывали в Альфхейме, и Гульбан припомнил, что в свите Имрика ему доводилось видеть Скафлока, юного и веселого. Но тот Скафлок, который предстал перед ним, был настолько мрачен и изможден, что перемену нельзя было объяснить даже злой судьбой, постигшей его народ.

Скафлок поднялся по склону холма к вождю сидов, чья высокая фигура чернела на фоне неба, в котором синева мешалась с алыми красками заката. Подойдя ближе, он понял, что перед ним Гульбан Глас, один из пяти стражей Ульстера, и приветствовал его.

Вождь торжественно ответил на приветствие Скафлока, склонив голову в поклоне так, что длинные черные кудри упали из-под золотого шлема ему на скулы. И все же он не смог сдержать себя и немного отступил назад, почуяв то зло, которое притаилось, завернутое в волчью шкуру, у Скафлока за спиной.

— Меня известили, чтобы я ждал тебя, — сказал Гульбан.

Скафлок, изумившись, взглянул на него.

— Неужели у сидов везде свои уши? — спросил он.

— Нет, — ответил сид, — но мы способны предчувствовать, когда что-то важное рядом, а что сейчас важней, чем война между троллями и эльфами? Так что мы ждали эльфа, который бы принес вести, и я полагаю, что этот вестник — ты.

— Да, этот эльф — я.

Скафлок вздрогнул. Его лицо избороздили глубокие морщины, глаза покраснели, платье было в невозможном для жителя Альфхейма беспорядке, быть может, из-за перенесенных несчастий.

— Пойдем, — продолжал Гульбан. — Луг Долгорукий, видимо, считает твой приезд важным событием, недаром он созвал на совет в пещере Круахана все племена богини Дану и других вождей сидов. Но ведь

ты, верно, голоден и утомлен дорогой, так что сначала мы пойдем в мой дом.

— Нет, — ответил Скафлок с прямотой, непривычной для эльфа. — Нет, дело не ждет, я обойдусь без отдыха и еды. Вези меня на совет.

Вождь сидов пожал плечами, повернулся, так что темно-синяя мантия взвилась у него за спиной, и свистнул. На этот свист тут же прибежали две славные легконогие лошадки из тех, которыми пользовались сиды. Завидев Скафлока, лошади с фырканьем отпрянули от него.

— Им не нравится твоя ноша, — сказал Гульбан.

— Мне тоже, — коротко ответил Скафлок.

Он поймал шелковую уздечку и прыгнул в седло.

— Вперед!

И всадники помчались почти столь же быстро, как это делали эльфы, перелетая через холмы и долины, леса и поля, озера и реки, укрытые подо льдом. Во мраке перед Скафлоком то и дело мелькали обитатели страны сидов: то всадник в доспехах, с наводящим ужас копьем; то коренастый подземный житель у дверей своего холма; то существо с лицом, украшенным клювом и серыми перьями вместо волос; то промелькнут легкие тени, то слабый звук волынки донесется из заколдованной рощи. Зимний воздух был подернут дымкой, сверкающей над настом. Быстро темнело. Звезды зажглись на небе, такие же яркие, как глаза Фреды... Нет! И Скафлок постарался заставить себя думать о другом.

Вскоре они достигли пещеры Круахана. Четыре стражника у входа отсалютовали им мечами. Коней отдали страже, и Гульбан повел Скафлока в пещеру.

Голубой свет заливал огромный шероховатый свод пещеры, с которого свешивались блистающие сталактиты, а щиты на стенах отражали огни свечей. Нигде не топили, но в пещере было тепло и витал такой ирландский запах горящего торфа. Пол был устлан тростником. Только его шуршание под ногами нарушало тишину, пока Скафлок шел к столу заседаний.

Те, кто сидели в начале стола, были все сплошь невысокого роста, крепкие, в простой одежде: Удан

Мак Аудайн, король подземных жителей и Бег Мак Бег, его колесничий; могучий Гломар О'Гломрах; вожди Конан Мак Рид, Герку Мак Гирд, Метер Мак Минтан, Эсирт Мак Бек, одетые в шкуры, украшенные самородным золотом. С этим народом смертный мог чувствовать себя накоротке.

Но во главе стола сидели племена богини Дану, что пришли на совет в пещере Круахана из золотого Тир-нан-Ога. Они сидели в грозном молчании, и хотя их лица были прекрасны, казалось, самый воздух вокруг них наполнен исходящей от них мощью. Ведь они были богами Ирландии до того, как св.Патрик принес сюда Белого Христа, и, хотя им пришлось бежать от Креста, племена богини Дану все еще обладали огромной силой и по-прежнему жили среди древнего великолепия.

Луг Долгорукий сидел на троне во главе стола, по правую руку от него был воитель Ангус Ог, по левую — повелитель моря Мананнан Мак Лер. Другие дети богини Дану тоже сидели вокруг стола: Эохайд Мак Элотан Дагда Мор, Дов Берг Пламенный, Кас Коррах, Коль Солнце, Кехт Плуг, Мак Грейна Серна и множество других, не менее славных; а вместе с ними были их жены, дети, барды и воины. Славное это было зрелище, хотя и ужасное для глаз смертного.

Но Скафлока уже не могли смутить ни чудо, ни величие, ни страх. Он стоял перед ними с гордо поднятой головой и, приветствуя Луга, не отвел глаз, встретив его взгляд, сверкающий темным огнем.

Долгорукий промолвил, не меняя сурового выражения лица:

— Добро пожаловать, Скафлок Альфхеймский, выпей с вождями сидов.

Он знаком указал Скафлоку на пустующее место слева от себя, ближе к нему сидели только Мананнан и его жена Фанд. Виночерпии подносили гостям золотые кубки с вином из Тир-нан-Ога, а тем временем барды играли на арфах сладкозвучные песни.

Сладким и крепким было это вино; разлившись по жилам Скафлока, оно огнем выжгло усталость, но тоска его стала еще пронзительней.

Ангус Ог, дивновласый воин, спросил его:

— Как дела в Альфхейме?

— Ты сам знаешь — скверно, — огрызнулся Скафлок. — Эльфы сражались одни и пали, как один за другим падут, завоеванные троллями по одиночке, все народы Волшебной страны.

Тут заговорил Луг, его голос прозвучал спокойно и непреклонно:

— Племена богини Дану не боятся троллей. Мы победили фоморов, и мы, даже побежденные сыновьями Миля, остались богами, чего нам бояться? Мы бы с радостью пришли на помощь Альфхейму, но...

— С радостью? — Дов Берг стукнул кулаком по столу. Его рыжие волосы пламепели в зеленоватом сумраке пещеры, а голос подхватило гулкое эхо. — Сотни лет не было такой войны, она может принести нам столько славы, почему же мы не участвуем в ней?

— Ты знаешь ответ, — сказал Эохайд Мак Элотан Отец Звезд.

Он сидел, завернувшись в темно-синий плащ, и яркие искры вспыхивали в складках плаща, мерцали в его волосах и в глубине глаз. Стоило ему протянуть руки, как искорки начинали сыпаться с них дождем.

— Это не просто одна из войн в Волшебной стране. Это еще одна партия в долгом противоборстве богов Севера и их врагов из страны Вечного Льда, и никто не знает, на чьей стороне перевес. Мы не можем рисковать своей свободой и не хотим стать еще одной пешкой на шахматном поле мира.

Скафлок в ярости так сжал подлокотники своего кресла, что у него побелели пальцы, потом сказал дрогнувшим голосом:

— Я пришел не за военной подмогой, как бы мы в ней ни нуждались. Я хочу одолжить у вас судно.

— А можно спросить, зачем? — поинтересовался Коль.

Его лицо, казалось, сияло, пламенный ореол озарял кольчугу, как солнце блестела на шее толстая фибула.

Скафлок коротко рассказал о даре Асов, а закончил так:

— Мне удалось хитростью похитить меч из Эльфийского Утеса и с помощью волшебства вызнать, что только на корабле сидов я доберусь до Ётунхейма. Вот я и пришел сюда, чтобы попросить у вас судно. — Он склонил голову. — Да, я пришел просить как нищий. Но если мы победим, никто не скажет, что эльфы неблагодарны.

— Я бы с удовольствием взглянул на этот меч, — сказал Мананнан Мак Лер.

Он был высок, гибок и белокож, а волосы блестели то золотом, то серебром — и тот и другой оттенок с легкой прозеленью. Его спокойные глаза отливали то зеленым, то серым, то голубым, голос был мягок, но чувствовалось, что он может перейти в свирепый рев. И одет он был куда как богато: эфес и ножны его кинжала были отделаны чистым золотом, серебром и самоцветами, но поверх пышного наряда он носил старый кожаный плащ, который повидал немало непогод на своем веку.

Скафлок развернул шкуру, и сиды, которые пользовались железом и не боялись дневного света, столпились вокруг сломанного меча. Но тут же отступили прочь, почуяв, что за яд таится в этом клинке. Среди сидов поднялся шум.

Луг поднял свою увенчанную короной голову и тяжело посмотрел на Скафлока.

— Ты связался со злом, — сказал он. — Демоны спят в этом мече.

— А чего ты ждал от него? — Скафлок пожал плечами. — Он должен приносить победу.

— Да, но он также приносит смерть. Он погубит тебя, если ты будешь владеть им.

— Что с того?

Скафлок снова завязал сверток. Сталь громко лязгнула в наступившей тишине, и того, кто мог не только слушать, но и слышать, этот звук поверг в дрожь.

— Я прошу дать мне корабль, — продолжал Скафлок. — Я прошу об этом во имя той дружбы, которая всегда была между сидами и эльфами, во

имя вашей чести воинов, во имя милосердия детей богини Дану. Дадите ли вы мне его?

Снова стало тихо. Наконец Луг произнес:

— Было бы трудно не помочь...

— А почему мы не должны помогать? — крикнул Дов.

Он выхватил нож из ножен, подбросил его, и тот, сверкая и вертясь в полете, снова вернулся в его ладонь.

— Почему бы не двинуть войско сидов против этих варваров из Тролльхейма? Какой скучной и бедной станет Волшебная страна без эльфов.

— И как быстро, в таком случае, тролли нападут на нас сами, — добавил Конан.

— Успокойтесь, князья, — приказал Луг. — Как бы мы ни поступили, прежде следует обдумать решение. — Он выпрямился во весь свой огромный рост. — Однако ты ведь наш гость Скафлок Воспитанник Эльфов. Ты уже сидел за нашим столом и пил наше вино, а мы не забыли, как нас прежде принимали в Альфхейме. В конце концов, мы не может отказать тебе в такой малости как корабль. Мы, Луг Долгорукий и племена богини Дану, делаем то, что считаем нужным, и нам дела нет до Асов и Ётунов.

И едва он промолвил эти слова, как раздались приветственные клики, сверкнуло оружие, мечи ударили о щиты и барды грянули на струнах арф воинственные мелодии. А Мананнан, оставаясь спокойным среди общего шума, сказал Скафлоку:

— Я дам тебе судно. Это всего лишь челнок по размерам, а все-таки лучше его нет среди моих кораблей. Поскольку управлять им не просто, а дело предстоит занятное, я и сам отправлюсь с тобой.

Скафлок несказанно обрадовался. В путешествии, которое ему предстояло, большая команда была не лучше маленькой, а может и хуже, а уж надежнее товарища в плаванье, чем сам повелитель морей, нельзя себе было представить.

— Чтоб ты знал, как я тебе благодарен, — воскликнул Скафлок, — я бы хотел дать тебе клятву побратима!. Завтра...

— Да не спеши ты, горячая голова, — усмехнулся Мананнан, и его сонные глаза посмотрели на Скафлока с неожиданным вниманием. — Мы еще будем некоторое время отдыхать и пировать. Я вижу, немного веселья пойдет тебе только на пользу, и вообще, нельзя же отправляться в страну Великанов без подготовки.

Скафлоку нечего было на это возразить. Но в душе он бушевал. Не до веселья было ему в эти дни. А вино только будило воспоминания...

Он почувствовал легкое прикосновение к своей руке и обернулся к Фанд, жене Мананнана.

Женщины племен богини Дану были истинными богинями, статными и прекрасными. Не описать словами исходившее от них сияние. Но прекрасней всех среди них была Фанд.

Шелковистые волосы, золотые как летнее солнце на закате, падали из-под ее венца и волнами спускались до пят. Ее платье переливалось всеми цветами радуги, а белые руки украшали золотые браслеты, хотя ее красота сама по себе затмевала любые украшения.

Глубокие фиалковые глаза, казалось, глядели Скафлоку прямо в душу. Она спросила своим низким, мелодичным голосом:

— Неужели ты пойдешь в Ётунхейм один?

— Конечно, госпожа, — ответил Скафлок.

— Никому из смертных не удавалось попасть туда и выбраться обратно живым, кроме Тьяльви и Ресквы, но ведь они сопровождали Тора. Ты или очень храбр, или очень безрассуден.

— Какая разница. Не все ли равно, где погибнуть, в Ётунхейме или в другом месте.

— А если ты останешься жив... — Казалось, она более опечалена, чем напугана его ответом. — Если ты выживешь, то ты действительно собираешься принести этот меч и пустить его в дело, зная, что он в конце концов обрушится на тебя?

Он безразлично кивнул.

— Кажется мне, что ты ждешь смерти как друга, — пробормотала она. — Странно это для того, кто так юн, как ты.

— Смерть — единственный друг, в котором можно быть уверенным, — ответил Скафлок. — Можно не сомневаться, что смерть всегда на твоей стороне.

— Я думаю, ты обречен, Скафлок Воспитанник Эльфов, и это печалит меня. Никогда со времен Кухулина, — на мгновение ее глаза подернулись пеленой, — никогда с тех пор не появлялся смертный, равный тебе. Горько мне, что мальчик, которого я помню столь резвым и веселым, стал таким мрачным и нелюдимым юношей. Червь гложет твою душу, сердечная рана заставляет тебя искать смерти.

Скафлок ничего не ответил, сложил руки на груди и посмотрел на нее невидящим взором.

— Горе тоже не вечно, — продолжала Фанд. — Может ты и переживешь его. Я попробую охранить тебя, Скафлок, моим волшебным искусством.

— Чудесно! — проворчал он, не в силах продолжать беседу. — Твое волшебство будет беречь мое тело, а ее молитвы — душу!

И он отвернулся к столу, уставленному кубками. Фанд вздохнула.

— Печальным будет ваше плаванье, Мананнан, — сказала она мужу.

Повелитель морей пожал плечами.

— Пусть его будет в унынье, если хочет. Мне это путешествие все равно по душе.

XXII

Через три дня Скафлок стоял на морском берегу, наблюдая, как подземный житель выводит лодку Мананнана из грота, где она была спрятана. Серебристый корпус этой изящной скорлупки казался слишком хрупким для открытого моря. Мачта была инкрустирована слоновой костью, парус и такелаж расшиты пестрыми шелками. Носовая скульптура из золота изображала танцующую Фанд, да и сама она пришла проводить их в путь. С остальными детьми богини Дану Скафлок уже попрощался раньше, теперь в сером холодном тумане раннего утра берег был пуст.

Морось блестела росой на волосах Фанд, и когда она желала Мананнану доброго пути, ее глаза, казалось, стали еще темней и глубже.

— Да сопутствует тебе удача, — сказала она ему. — Возвращайся скорей к зеленым холмам Эриу и золотым дорогам страны Вечной Юности. Мой взор будет обращен в море, мой слух по ночам будет ловить рокот волн, чтобы скорей узнать о возвращении Мананнана.

Скафлок стоял в стороне. Он думал о том, что ведь и его могла бы провожать Фреда.

Обращаясь к самому себе, он сказал такую вису:

Пропадает парень,
покинут подругой.
Добрым словом дева
в дорогу не проводит.
Хлопьев пены хладной
холоднее дева,
но суженую сердце
позабыть не смеет.

— Пора в путь, — сказал Мананнан. Они со Скафлоком снустились в лодку по маленьким сходням и подняли яркий парус. Человек сел к кормилу, а бессмертный натянул струны на арфе и запел:

Ветер, ты бродяга старый,
океанов ты жилец,
на мои откликнись чары,
прилетай же наконец.
От холмов, где дом уютный,
от бушующих морей,
ветер южный, нам попутный,
прилетай и парус взвей.
Ветер, прилетай скорей.

Откликнувшись на его пение, поднялся ветер; он стал крепчать, и скоро лодка понеслась, рассекая зеленые волны, которые осыпали их лица солеными брызгами. Лодка Мананнана была не менее ходкой, чем суда эльфов, и вот уже на краю окоема серые тучи слились с серой полоской земли.

— Сдается мне, чтобы приплыть в Етунхейм, мало просто держать на север, — сказал Скафлок.

— Верно, — ответил Мананнан. — Для этого нужны особые заклинания, а пуще того крепкие руки и отважные сердца.

Он, прищурившись, глядел вдаль. Ветер взъерошил волосы вокруг его лица, которое было одновременно суровым и веселым, напряженным и спокойным.

— Над миром людей пронеслось уже первое дыхание весны, — промолвил он. — Эта зима была самой жестокой за последние столетия, видно, дело в том, что у Ётунов прибыло сил. А мы плывем прямо в их вечные льды. — Мананнан оглянулся на Скафлока. — Мне давно пора было отправиться на край света. Разве я не повелитель моря-океана? Не следовало мне откладывать это путешествие, а идти бы туда еще в те времена, когда племена богини Дану были богами, полными сил. — Он покачал головой. — Даже Асы, которые все еще боги, не без потерь возвращались после своих приключений в Ётунхейме. Что до нас с тобой, не знаю, не знаю... — А потом храбро добавил: — Я плыву, куда я хочу! Пусть не будет вод в Девяти Мирах, которые бы не взрезал киль лодки Мананнана Мак Лера.

Скафлок, погрузившись в свои раздумья, молчал. Лодка слушалась руля как живое существо. Ветер пел в снастях, и водяная пыль радужной вуалью окутывала скульптуру Фанд на носу. Было холодно, но солнце дробилось на волнах как на гранях алмаза, а волны с шумом катились под голубыми небесами, по которым ветер гнал белые облака. Кормило дрожало у Скафлока в руках. Он, будто против воли, почувствовал всю свежесть этого утра. Тогда он тихо сказал такую вису:

Весь пронизан ветром,
веющим над морем,
ярок день и ясен.
Ярость волн мила мне.
Была бы ты рядом,
был бы я беспечен.
Милая, за морем
меня ль позабыла?

Мананнан взглянул на него.

— Если не позабыла, то больше не о чем и мечтать. Тогда стоит попробовать вернуться из похода живым.

Скафлок покраснел от злости.

— Мне не нужен спутник, который боится смерти, — огрызнулся он.

— Тот, кому не для чего жить, не слишком опасен своим врагам, — возразил Мананнан.

Он снова взялся за арфу и запел одну из старинных военных песен, которые были в ходу у сидов. Странно звучало это пение среди безбрежности волн, ветра и неба. На мгновение Скафлоку привиделось, что перед ним, точно в тумане, показался отряд, готовый к битве, солнце вспыхнуло на пернатых шлемах и наконечниках копий, вздымавшихся, точно лес, знамена развевались по ветру, рога трубили и боевые колесницы с грохотом проносились в небе.

Они шли под парусом почти что три дня и три ночи. Ветер был все время попутный, и лодка ласточкой летела по волнам. Сменяя друг друга на вахте, Скафлок и Мананнан спали, укрывшись под фордеком, ели вяленую треску, сыр и сухари, а пили морскую воду, опресненную заклинаниями. За все время пути они обменялись всего несколькими словами: Скафлок был не в том настроении, когда хочется беседовать, а Мананнану вполне хватало собственных размышлений. Но тяжкий моряцкий труд сблизил их, они прониклись друг к другу еще большей симпатией, и часто их голоса согласно звучали в тех могущественных песнопениях, которые должны были им помочь добраться до Ётунхейма.

Лодка шла быстро. Мрак и холод сгущались над ними с каждым часом, с каждой милей, пройденной на север, к сердцу зимы.

Солнце садилось, скоро оно превратилось в тусклый диск над угрюмым горизонтом, едва различимый среди штормовых туч. Холод становился все безжалостней, пронизывал, пробираясь под одежду, до костей. Брызги сосульками намерзли на снастях, иней укутал золотую фигурку Фанд на носу лодки. Руки прилипали к железу, дыхание застывало изморозью на усах.

Они все дальше углублялись в царство ночи, они шли теперь по темному, отливающему серебром морю среди призрачно поблескивающих айсбергов. Абсолютно черное небо было усеяно бессчетными звездами, между звезд вспыхивали сполохи, которые снова пробудили в Скафлоке воспоминания. Только шум ветра и волн раздавался среди этих безжизненных просторов.

Путь в Ётунхейм — не то же, что дорога в какое-нибудь дальнее королевство Митгарда. Они заплыли гораздо дальше, чем доводилось кому-либо из смертных, океан вокруг становился все черней и холодней, только звезды и луна светили во мраке да сполохи плясали в небе. Скафлок решил, что это страна, должно быть, у самого края бытия, где оно погружается в пустоту, из которой вышло когда-то. Он понял, что они плывут по морю Смерти, которое окружает мир живых.

Не видев солнца в течение трех последних дней, они потеряли счет времени. Луна и звезды двигались в небе по непривычным путям, а волны, ветер и холод, оставаясь неизменными, были вне времени. Заклинания Мананнана переставали действовать, они уже покинули область, на которую распространялась его власть. То и дело налетали буйные ветры, и вряд ли какое другое судно, кроме их волшебного челна, устояло бы против них. Пурга слепила глаза. Лодка боролась с ветром, который окатывал ее ледяной водой, рвал парус, мешал слушаться руля. Чудовищные айсберги выплывали из мрака, и мореплаватели едва избегли гибельного столкновения с ними.

Но хуже всего был туман, холодная серая морось, в которой не было ни ветерка, ни шороха, пелена, в которой видно было не дальше вытянутой руки; сырость пронизывала до костей, влага пропитывала одежду, стекала в сапоги, зуб не попадал на зуб. Лодка застыла в неподвижности, покачиваясь на мертвой зыби, слышно было только, как волны тихо шлепают о борт да влага капает с обледенелых снастей. Ослепнув, дрожа, проклиная туман, Скафлок и Мананнан попытались с помощью заклинаний переме-

нить погоду, но помогло им это мало. Им начало казаться, что, невидимые за туманом, к ним подкрадываются Сильные, что они уже жадно смотрят на них.

Но тут налетела попутная буря, и сразу стало не до пустых страхов. Мачта скрипела, шкоты резали руки, валы с шумом обрушивались на лодку, и она теперь то весело взлетала на гребень волны до самого штормового неба, то проваливалась вниз, да так глубоко, точно стремилась попасть в ад.

Скафлок сказал такую вису:

Велики здесь волны,
валы белопенны.
Снасти рвут стихии,
слепит очи ветер.
Мореходы молвят:
мол, напрасно якорь
подняли, потонем
в пиве моря пенном.

Но сказав это, он продолжал делать свое дело. Мананнан, подумав, что это ворчанье его спутника — скорей шутка, чем жалоба, улыбнулся, глядя в обезумевшие небеса.

Но все же в конце концов они достигли земли. В дрожащем, мерцающем свете сполохов они увидели мрачные горы, увидели отливающие зеленым ледники. Прибой бился о прибрежные утесы, а за ними круто уходил вверх мертвый мир огромных скал и ледников, мир дикого ветра, воющего над вечными снегами.

— Это — Ётунхейм, — сказал Мананнан, его голос едва был слышен в этом грохоте. — Страна Утгард, где, по твоим словам, живет этот великан, по-моему, должна быть к востоку.

— К востоку, так к востоку, — пробормотал Скафлок.

Он уже давно перестал ориентироваться в пространстве, да и вообще об этих побережьях эльфы не знали ничего, кроме доходивших издалека пугающих слухов.

Он уже не чувствовал усталости. Скафлок двигался, как судно с заклиненным рулем, которому остает-

ся только плыть вперед и которому в случае крушения ничто не поможет.

Но вдруг, оказавшись лицом к лицу с ужасной страной великанов, он понял, что, верно, Фреда не менее несчастна, чем он. Нет, она куда несчастней, он-то может забыться, занятый поисками, он знает, что она в безопасности, а ей ведомо лишь, что он на смертельном пути, и ей ничего не остается, как только неотступно думать об этом.

— Как я этого раньше не понимал, — прошептал ошеломленно Скафлок, и вдруг почувствовал как слезы стынут у него на щеках.

Тогда он сказал такую вису:

Далекую деву
душа не позабудет.
Дороги мои долги,
дики и опасны.
Помню твои песни,
пусто без них, горько.
Горче сердце гложат
горести любимой.

Он снова впал в задумчивость. Мананнан тоже оставил Скафлока в покое, не пытаясь ускорить его душевное пробуждение. Лодка мчалась на восток, подгоняемая свежим ветром.

Все было неподвижно в этом мире камня и льда, только волны шумели, да снежные смерчи вились в горах, да в небе мерцали сполохи. Но Скафлок чувствовал недальнее присутствие тех, кто вечно грозил богам Севера. Здесь была родина Аса-Локи, Утгард-Локи, Хель, Фенриса, Ёрмунганд и Гарма, который в конце времен проглотит луну.

Пока Скафлок боролся со своим унынием, лодка прошла немалый путь — Мананнан обшаривал каждый фьорд, рассчитывая добраться наконец до цели. Повелитель морей, почувствовав, что они приближаются к Утгарду, забеспокоился.

— Больверк, я слышал, живет в горах, — сказал Скафлок, — должно быть, в пещере.

— В этой проклятой стране полно пещер.

— Но эта, сдается мне, очень велика, и, кроме того, вокруг должны быть приметы кузницы.

Мананнан согласно кивнул и направил лодку в следующий залив. Только теперь, когда они вплотную подошли к береговым утесам, Скафлок понял, насколько они высоки. У него закружилась голова, когда он попробовал увидеть их вершины. Над ними плыло несколько туч, и тут ему вдруг показалось, что скалы падают на него, точно мир начал рушиться в море.

Лодка тем временем, проскользнув между утесами, устремилась во фьорд. Она пробиралась лабиринтом шхер, между скал, заслонивших звезды. Тут Скафлок учуял, что ветер донес слабый запах дыма и горячего железа, и услышал далекие удары молота.

Все было ясно без слов. Мананнан вошел во фьорд. Вскоре утесы полностью закрыли дорогу ветру, так что дальше им пришлось идти на веслах. И хотя они шли довольно быстро, фьорд был таким длинным, что казалось, они не сдвинулись с места.

Тишина стала еще глубже, точно звук замерз насмерть, и теперь северное сияние пляшет над его могилой. С высокого, многозвездного купола небес, кружась, упало несколько сухих снежинок. Мороз крепчал. Скафлоку начало казаться, что тишина притаилась как хищник, который вот-вот бросится на тебя с горящими глазами, хлеща себя хвостом по бокам. Он каким-то образом почувствовал, что за ними наблюдают.

Лодка медленно пробиралась по извилистому фьорду в глубь промерзшей страны. Один раз Скафлоку послышалось, что кто-то крадется за ними вдоль берега. Ветер выл над вершинами скал, которые были так высоки, что казалось, он дует меж звезд.

Странно был видеть, как светлый образ Фанд на носу лодки, танцуя, пробирается в Ётунхейм.

В конце концов лодка подошла к широкому откосу горы, чью вершину венчала Полярная звезда. По склону до самой воды спускался зловеще мерцающий ледник.

— Здесь мы, пожалуй, причалим, — сказал Мананнан.

Из-за груды льда раздался свист.

— Сдается мне, надо быть настороже, — сказал Скафлок.

Он и его спутник начали торопливо вооружаться, надели шлемы и кольчуги, а поверх них меховую одежду, потому что холод был немилосердный. Каждый взял с собой щит и препоясался мечом. Кроме того, в руках Скафлока был еще один меч, а Мананнан взял с собой свое большое копье, чей широкий наконечник мерцал как лунная дорожка на море.

Лодка причалила к берегу, состоящему из битого сланца вперемешку со льдом. Скафлок, не замочив ног в ледяной воде, спрыгнул на камни. Он вытащил лодку на берег и привязал ее, пока Мананнан напряженно вглядывался в окружающую тьму. Неожиданно они услышали скрежет, будто кто-то тащил по камням тяжелый груз.

— Наш путь — во мраке и среди великого зла, — заметил повелитель морей, — однако мы вряд ли останемся целы, если будем медлить.

Они пустились в путь, пробираясь между скал и осколков льда величиной с добрый дом. Тьма сгустилась, и неровный свет нескольких звезд уже не помогал — двигались больше на ощупь. Скверный запах вокруг них все сгущался, сильней становился холод, громче свист и скрежет.

Перебираясь через трещину в леднике, Скафлок увидел перед собой длинную бледную тварь. Он сжал рукоятку меча.

Тварь скользнула навстречу воинам. Боевой клич Мананнана зазвенел между гор. С криком:

— С дороги, белый червь! — он бросил копье в колеблющиеся очертания.

Тварь зашипела и бросилась на него. Она, довольно неуклюжая, тем не менее двигалась быстро, скрежеща членами по камням. Вот метнулась плоская голова, и Скафлок рубанул по ней мечом. Удар отдался у него в плече, и червь, разинув пасть, повернулся к нему. Тварь была едва различима в кромешной тьме, но

все же Скафлок понял, что она может проглотить его целиком.

Мананнан ударил копьем в бледную шею, Скафлок снова рубанул по рылу. Могильный запах не давал ему вздохнуть, он начал задыхаться, но все равно обрушил град ударов на врага. Капля не то крови, не то яда брызнула на него, разъела одежду, обожгла руку.

С проклятиями он еще яростней бросился на извивающегося гада. Тут Скафлок заметил, что меч его весь изъеден кровью червя. Он услышал как при очередном ударе сломалось древко копья у Мананнана.

Они с новыми силами напали на червя, а когда тот начал отползать, погнали его по леднику.

Это было даже забавно. Издыхая, это кольчатое тело, белесое как от проказы и толстое как лошадь, начало извиваться. Голова червя раскачивалась из стороны в сторону, разбрызгивая кровь и яд. Из одного глаза торчало сломанное древко копья Мананнана, другой горел зловещим огнем. Червь то втягивал, то выпускал жало и шипел при этом как осенний ветер.

Скафлок поскользнулся на льду. Червь бросился на него. Но Мананнан оказался проворней; прикрыв упавшего друга щитом, он нанес червю глубокую рану в раздувающуюся шею. Скафлок вскочил на ноги и тоже нанес удар.

Червь свернулся кольцом и забился в конвульсиях. Скафлока отбросило в сугроб. Мананнан попался в петлю, но прежде чем червь успел его раздавить, он всадил ему меч между ребер.

Червь, обратившись в бегство, скользнул по льду в море. Задыхаясь и дрожа, путешественники еще долго сидели и никак не могли отдышаться, потом снова при свете сполохов пустились в путь.

— Наши запасные клинки разъело, — сказал Скафлок. — Лучше бы нам вернуться за новым оружием.

— Нет, червь может подстерегать нас на берегу, а если даже и не подстерегает, то, завидев нас, он может снова разъяриться, — ответил Мананнан. — А

того оружия, что у нас есть, должно хватить до тех пор, пока мы не получим меч, подаренный Асами.

Они стали медленно карабкаться по гладкому, таинственно поблескивающему леднику. Гора, чернея перед ними, закрывала полнеба. Ветер издалека донес звуки ударов молота.

Они подымались до тех пор, пока сердце не начало слишком часто биться, а легкие — задыхаться. Им часто приходилось отдыхать, иногда даже вздремнуть немного, прямо тут, на леднике, и хорошо еще, что они захватили с собой еду.

Ничто не шелохнулось вокруг, никаких признаков жизни не было в этой обители холода, но удары молота становились все громче и громче.

В конце концов Скафлок и Мананнан поднялись к началу ледника, примерно на полдороге к вершине той самой горы, что была увенчана Полярной звездой. Влево по склону уходила едва заметная во мраке тропинка, разбитая и заваленная камнями. С одной стороны тропки был бездонный обрыв. Путешественники поползли по ней в связке.

Они не раз срывались в пропасть, но тот, кто оставался на тропе, вцеплялся в скалу изо всех сил и спасал друга. Так шли они, пока не добрались до утеса, в котором виднелся вход в пещеру. Из глубины доносился лязг железа.

Перед входом на цепи сидел огромный рыжий пес. Он с воем бросился на пришельцев. Скафлок начал вытаскивать меч, чтобы зарубить пса.

— Нет, — сказал Мананнан. — Чую я, что, убив этого зверя, мы накличем на себя несчастье. Лучше попробуем проскользнуть мимо.

Прикрывшись щитами, они начали протискиваться в пещеру, правым боком прижавшись к стене. Пес обрушился на них всей тяжестью тела, зубами вцепился в щиты. От его воя заложило уши.

Проскользнув мимо пса, они очутились во мраке. Двигаясь на ощупь, Скафлок и Мананнан начали спускаться по уходящему вниз туннелю, едва не проваливаясь в ямы и натыкаясь на сталактиты. В пещере было почти так же холодно, как снаружи, но

из-за темноты казалось, что здесь еще холодней. Послышался шум могучего потока, должно быть, это была одна из тех рек, что текут в преисподней. Грохот молота становился все ближе.

Дважды гулким эхом по пещере пронесся жуткий вой, и они застывали, готовые к бою. Один раз на них, сокрушая щиты, набросилось нечто огромное и тяжелое. Они сумели убить эту тварь, но так и не узнали, как она выглядела.

Вскоре они увидели вдали красную искру, разгоравшуюся как звезда в созвездии Стрельца. Они бросились вперед, и не так скоро, как ожидали, но все-таки попали наконец в обширную покрытую инеем залу.

Зала была тускло освещена огромным горном. В этом неверном багровом свете смутно виднелись гигантские кузнечные инструменты. Около наковальни стоял Ётун.

Он был так велик, что в дымном сумраке едва можно было разглядеть его голову, и так широк, что, несмотря на свой огромный рост, казался коренастым. Его волосатое туловище, узловатое как ствол старого дерева, было едва прикрыто драконьей шкурой, а мышцы под кожей сплетались как клубки змей. Нечесаные волосы и борода свисали до пояса. Ноги у него были короткие и кривые, к тому же правая — хромая, на спине — горб, а длинные руки свешивались чуть не до земли.

Едва Скафлок и Мананнан вошли в пещеру, великан обернулся к ним, и они увидели жуткую рожу: нос плоский, рот широкий, — вся она была исчерчена страшными шрамами. Под густыми бровями зияла пустота — глаза были вырваны из глазниц.

Ётун заговорил, и его голос был полон того грохота и шипения, с каким текут адские реки.

— Ого-го-го! Триста лет Больверк трудился в одиночестве. Теперь должно быть клинок готов.

Он схватил то, над чем работал, и швырнул в угол. Металл зазвенел, и эхо еще долго гуляло по зале.

Скафлок храбро вышел вперед, выдержал взгляд пустых глазниц и сказал:

— Я принес тебе в починку твою старую работу, Больверк.

— Кто ты? — закричал Ётун. — Чую смертного, но пахнет он Волшебной страной. Другой — полубог, но не из Асов и не из Ванов. — Он принялся шарить вокруг. — Вы не нравитесь мне оба. Подойдите ближе, чтобы я мог разорвать вас в клочья.

— Мы пришли к тебе с заданием, которое ты не осмелишься не выполнить, — сказал Мананнан.

— Что за задание? — Голос Больверка с грохотом прокатился по пещере и затих в глубинах земли.

Скафлок сказал такую вису:

Аса-Локи,
алчный, связан.
Жаждет, злобный,
жаркой битвы.
Видишь меч.
По воле Локи,
Больверк, скуй
беду героев.

Он развернул волчью шкуру и с лязгом бросил сломанный меч к ногам великана.

Больверк ощупал обломки.

— Да, — вздохнул он. — Помню я этот клинок. Это ведь меня попросили Дурин и Двалин помочь им, когда им пришлось ковать этот меч, как выкуп для Свафрлами, но и как их месть ему. Мы сковали его изо льда, смерти и бури, с помощью могучих рун и заклинаний, во вред всему живому. — Больверк ухмыльнулся. — Множество воинов владело этим мечом, ведь он приносил победу. Никогда он не уставал рубить, никогда не тупилось его лезвие. Сталь его отравлена, и раны, которые нанесены этим клинком, не исцелить ни врачеваньем, ни знахарством, ни молитвой. Но есть на этом мече проклятье: если его вытащили из ножен, он не войдет в них снова, пока не напьется крови, и в конце концов он неизбежно погубит того, кто им владеет. — Он наклонился над мечом и медленно добавил: — А потому Тор и сломал его, давно это было, и ни у кого в Девяти Мирах, кроме Тора, не достало бы на это сил. С тех пор

позабытые обломки лежали в земле. Но, видно, он снова понадобился, коли, как вы говорите, Локи зовет к оружию.

— Я-то этого не говорил, — пробормотал Скафлок. — Это ты думаешь, что я так сказал.

Но Больверк не услышал его. Он устремил вдаль пустой взор и, поглаживая меч, прошептал в восторге:

— Видно, дело идет к концу. Скоро настанет конец света, боги и великаны, убив друг друга, погубят этот никчемный мир, скоро Сурт подожжет небесный свод, солнце померкнет, море поглотит сушу, звезды падут с небес. Это конец моему слепому рабству в сердце гор, конец всему в огненном блеске! Да, смертный, я с радостью скую этот меч!

Етун начал трудиться. Грохот наполнил пещеру, искры посыпались дождем. Работая, великан выкликал заклинания, от которых дрожали стены. Скафлок и Мананнан укрылись в туннеле.

— Не нравится мне все это, и лучше бы мне было не ввязываться в такое дело, — сказал повелитель морей. — Зло возрождается. Никто не посмеет назвать меня трусом, но я ни за что не дотронусь до этого меча, да и тебе не советую. Он принесет тебе несчастье.

— Что с того, — печально ответил Скафлок.

Они услышали, как зашипел клинок, для закалки погружаемый в яд. Испарения жгли кожу. Из пещеры доносилось гибельное пение Больверка.

— Не губи свою жизнь из-за потерянной любви, — наставительно сказал Мананнан. — Ты еще так молод.

— Всякий человек обречен смерти, — ответил Скафлок так, что стало понятно — говорить больше не о чем.

Через некоторое время (они так и не поняли, как слепой великан один, без помощников, так быстро справился с работой) Больверк крикнул:

— Идите сюда, воины!

Они вернулись в пещеру, залитую кровавым светом. Больверк протянул им меч. Клинок сверкал, казалось, по краям голубой стали вспыхивают язычки пламени.

Глаза дракона на эфесе сияли, точно золото, из которого он был сделан, светилось изнутри.

— Возьми! — крикнул великан.

Скафлок схватил меч. Он был тяжел, но стоило Скафлоку взмахнуть им, как у него прибавилось сил. Меч был так чудесно уравновешен, что, казалось, он стал продолжением его собственного тела.

Скафлок, описав мечом свистящую дугу, обрушил его на скалу. Камень раскололся пополам. Когда же Скафлок с криком завертел меч над головой, точно огонь вспыхнулся во мраке.

— Ого, ого-го-го! — завопил он.

Потом сказал такую вису:

Плещет битвы пляска!
Песню враг услышит
стали нашей скоро.
Сильна крови жажда!
Клинок жаждет крови,
крушит сам врагов он,
полк вражий порушив,
поит себя кровью.

Больверк захохотал вместе со Скафлоком.

— Владей в веселье, — сказал Ётун. — Руби всех подряд — богов, великанов, смертных, не важно. Меч вырвался на волю, конец мира близок!

Он дал Скафлоку ножны, отделанные золотыми листьями, и сказал:

— Держи его лучше в ножнах и не вытаскивай до тех пор, пока не решишь, что пора кого-нибудь убить. — Он ухмыльнулся. — Меч может ведь выскочить из ножен и сам собой и в конце концов, в этом ты можешь быть уверен, обрушиться на тебя.

— Мне бы сначала справиться с моими врагами, — ответил Скафлок, — а что будет после, меня не волнует.

— Ты мог бы тогда... — прошептал Мананнан, а вслух добавил:. — Пойдем. Не стоит здесь оставаться слишком долго.

Когда они уходили, Больверк повернул им вслед свое слепое лицо.

Цепной пес, скуля, отпрянул от них, когда Скаф-

лок с новым мечом прошел мимо. Выбравшись из пещеры, они заскользили вниз по леднику. Почти спустившись, Скафлок и Мананнан услышали грохот у себя за спиной и оглянулись.

Чернея на фоне звездного неба, ростом выше высоких гор, гигантские фигуры спускались за ними по пятам. Мананнан, забираясь в лодку, сказал:

— Я думаю, Утгард-Локи каким-то образом прознал о твоей хитрости и не желает, чтобы тебе удалось осуществить планы Асов. Трудно нам будет выбраться из этой страны.

XXIII

...Сражения, которые пришлось выдержать в Ётунхейме Мананнану Мак Леру и Скафлоку Воспитаннику Эльфов, заслуживают отдельного рассказа. Следовало бы рассказать также о том, как они преодолевали бешеные штормы, штили и туманы, прибой, плавучие льды и собственную усталость, только образ Фанд, единственное светлое пятно в бесконечной ночи, придавал им силы, а их лодку, лучшую из лодок, следовало бы украсить золотом и воспеть в песнях.

Ётуны не раз пытались расправиться с пришельцами с помощью колдовства, и немало бед пришлось из-за этого претерпеть Скафлоку с Мананнаном. Но они тоже наносили врагу удары, произнося заклинания, имеющие силу в этих краях, и чертя руны, которые не только оберегали от злого волшебства великанов, но и обрушивали бури и сползни на их усадьбы.

Они никогда не искали открытых стычек с великанами, но когда тем дважды случилось в одиночку напасть на них, они одолели их; зато им приходилось постоянно меряться силами с морскими и сухопутными чудищами той страны. Часто Скафлоку и Мананнану едва удавалось уйти от погони, особенно когда они грабили внутренние области страны, дожидаясь попутного ветра. Каждое такое приключение само по себе было целой историей.

Следовало бы также поведать об их набеге на одну из усадеб, где они угнали коней, усадьбу сожгли, а кроме коней захватили много всякой добычи. Кони, которых они привели с собой, были самыми мелкими пони в стране великанов, но во внешнем мире они сошли бы за самых крупных и тяжелых жеребцов, вороных, косматых, с огненными глазами и неутомимым сердцем. Эти кони быстро привыкли к новым хозяевам и даже в лодке, где для них едва хватало места, вели себя тихо. Они не боялись ни дневного света, ни железа, ни даже нового меча Скафлока и никогда не уставали.

Не все Ётуны были отвратительными и злобными великанами. Как известно, некоторые из этого племени стали даже богами в Асгарде. Часто случалось так, что какой-нибудь хозяин уединенного хутора гостеприимно принимал Скафлока и Мананнана, не спрашивая, кто они и откуда. Немало встречалось и женщин нормального человеческого роста, которые были благосклонны к пришельцам. Бойкий на язык Мананнан стал даже находить некоторую приятность в такой бродячей жизни, но Скафлок ни разу не взглянул ни на одну женщину.

О многом можно было бы поведать, говоря об этом путешествии: о драконе и его сокровище, об огнедышащей горе, о бездонной пучине и о ручной мельнице великанши. Следовало бы рассказать о том, как странники ловили рыбу в реке, текущей из преисподней, и о том, что они там поймали. Вечная битва, ведьма в Железном лесу и та таинственная ночь, когда они слышали, как сполохи пели сами для себя песню, — все это стоит того, чтобы рассказать отдельную сагу. Но коль скоро эти истории не лежат в русле нашего повествования, придется им пока оставаться в анналах Волшебной страны.

Достаточно сказать, что Скафлок и Мананнан выбрались из Ётунхейма и пошли под парусом на юг, в Митгард.

— Долго ли мы пространствовали? — спросил Скафлок.

— Не знаю. Там — дольше, чем здесь.

Повелитель морей вдохнул свежий бриз, посмотрел в ясные голубые небеса и сказал:

— Пришла весна. — Потом добавил: — Ну, теперь, когда у тебя есть меч и ты не раз испытал его в бою, что ты намерен делать?

— Попробую найти Короля Эльфов, если он еще жив. — Скафлок мрачно смотрел вперед, на волны, бегущие к горизонту. — Высади меня на берег к югу от пролива, и я отправлюсь на поиски. И пусть только какой-нибудь тролль попробует задержать меня! Когда мы очистим от врагов материковые области Альфхейма, то отправимся в Англию и отвоюем ее. В конце концов мы вторгнемся в Трольхейм и придавим пятой этот проклятый народ.

— Если сможете. — Мананнан нахмурился. — Но, конечно, вам следует попытаться.

— Выступят ли сиды нам на подмогу?

— Этот вопрос должен решать Высокий совет. Конечно, до тех пор, пока эльфы не появились в Англии, об этом не может быть и речи, мы не можем оставить нашу страну без прикрытия, отправив куда-нибудь наши войска. Но в конце концов мы, может быть, выступим, ради битвы и славы, и чтобы показать троллям, что их фланг под ударом. — Повелитель морей горделиво вскинул голову. — Как бы там ни было, во имя нашей пролитой крови, во имя трудов, тягот и опасностей, перенесенных плечом к плечу, во имя того, что каждый из нас не раз спасал жизнь другому, Мананнан Мак Лер и его отряды будут с тобой, когда ты вторгнешься в Англию!

Они молча пожали друг другу руки. Вскоре Мананнан высадил на берег Скафлока и его великанскую лошадь, а сам повернул лодку и поплыл в Ирландию к своей Фанд.

Скафлок скакал на своем вороном жеребце к далекому Королю Эльфов. Конь, хоть и исхудал, бежал хорошей рысью. Скафлок и сам выглядел плохо, его одежда превратилась в лохмотья, доспехи пришли в негодность и заржавели, плащ, развевающийся за

спиной, вытерся и прохудился. В странствиях он исхудал, кожа да кости, но под кожей играли огромные мышцы. Морщины глубоко залегли на лице, которое, утратив все очарование юности, стало похоже на лицо бога в изгнании, иногда оно смягчалось до легкой насмешки, но, как правило, на нем лежала маска сурового безразличия. Только спутанные ветром волосы были по-юношески курчавы. Так мог бы выглядеть Локи, направляясь на равнину Вигрид в конце времен.

Скафлок скакал по холмам среди возрождающейся природы. Утром прошел дождь, земля раскисла, ручьи и пруды блестели в лучах солнца. Трава пошла в рост, все вокруг позеленело, на деревьях набухли почки, новая жизнь просыпалась под корой, как предвестник скорого лета.

Холода еще давали о себе знать. Вот задул с холмов порывистый ветер и взвил плащ Скафлока. Но все-таки это был ветер весны, ветер резвых проказ и веселых криков, разгоняющий застоявшуюся за зиму кровь. В высоком голубом небе солнце пробивалось сквозь белые облака, его лучи искрились на сырой траве. Гром прогремел на юго-востоке, затянутом тучами, а после над облаками вспыхнула радуга.

С неба несся крик диких гусей, стаи перелетных птиц летели домой. Дрозд прочищал горло в роще первой песенкой, и две белки, играя, носились по дереву точно красные огоньки.

Скоро настанут теплые дни и светлые ночи, зазеленеют леса, цветы заколышутся на лугах. Скафлок почувствовал, что что-то шевельнулось у него в груди, вновь ожили давно похороненные и забытые чувства.

О, Фреда, если бы ты была со мной.

День клонился к закату. Скафлок, даже не позаботившись о том, чтобы стать невидимым, скакал все вперед и вперед на своем неутомимом коне. Вот он перевел его на шаг, так чтобы тот мог щипать по дороге траву. Земля дрожала под копытами его скакуна. Они въехали в Волшебную страну, коронные земли Альфхейма, где возвышались горные твердыни, и если Король Эльфов был еще жив, он должен был быть в одной из них. То и дело попадались следы

недавней войны: сожженные усадьбы, сломанное оружие, обглоданные кости, но все это, как и вообще всякая брошенная вещь, принадлежащая Волшебной стране, исчезало на глазах. Все чаще Скафлок встречал теперь свежие следы троллей. Он облизнул пересохшие губы.

Темнело, ночь показалась ему странно теплой и светлой, по сравнению с той ночью, которую он недавно покинул. Он скакал вперед, подремывая в седле, но оставаясь все время настороже. Задолго до того, как вражьи всадники пересекли его путь, он услышал их и надел шлем.

В свете звезд перед ним предстало шесть могучих фигур. Внешность Скафлока озадачила их — смертный в одежде и кольчуге то ли эльфа, то ли сида и верхом на коне, который был сродни их собственным, но еще крупней и кряжистей. Они заступили ему дорогу, и один из воинов закричал:

— Именем Иллреда Короля Троллей, стой!

Скафлок пришпорил коня и выхватил меч. Клинок вспыхнул во мраке светло-голубым огнем. Скафлок на всем скаку врубился в гущу вражьего отряда и успел разбить шлем и череп одного тролля и снести голову с плеч второго, прежде чем враги поняли, что приключилось.

Наконец один тролль попытался слева ударить его палицей, а другой справа — секирой. Скафлок, управляя конем без уздечки, одними коленями, отразил удар палицы щитом. Его меч обрушился на второго тролля, рассек рукоять секиры и грудь врага. Затем, махнув мечом еще раз, Скафлок развалил тролля, напавшего слева, от плеча до пояса. Его страшный конь встал на дыбы и ударом копыта размозжил череп пятому.

Последний оставшийся в живых с криком пустился бежать. Меч, сверкнув точно молния, вонзился ему в спину и вышел из груди.

Скафлок поехал дальше, разыскивая осажденного Короля Эльфов. Перед рассветом он устроился ненадолго поспать на берегу маленькой речки.

Его разбудило шуршание листьев и слабая дрожь

почвы. К нему подкрадывались два тролля. Скафлок вскочил на ноги и, не успев оглядеться, выхватил меч. Вражьи воины бросились на него. С одного удара он рассек первого врага вместе со щитом. Едва Скафлок снова занес окровавленный меч, как второй воин, не успев остановиться, сам налетел на него. От этого удара Скафлок едва устоял на ногах и еще раз убедился в той неземной силе, которая заключена в его мече.

— Это только начало, — сказал он. — Главная потеха — впереди.

Он скакал целый день, а около полудня наткнулся на пещеру, в которой спало несколько троллей. Он убил их и съел их припасы. Его не заботило, что за собой он оставляет кровавый след из вражеских трупов, по которым его могут выследить. Пусть их выслеживают!

Вечером Скафлок достиг гор. Снежные вершины, высокие и прекрасные, вздымались в лучах заката. Он услышал песню водопада и шум сосновых лесов. Странным показалось ему, что эта полная покоя картина была ареной смертоубийства. Лучше бы ему было оказаться здесь с Фредой, а не верхом на вороном жеребце с роковым мечом при бедре.

Но для него все обстояло так, а не иначе. Все ли хорошо теперь у Фреды?

Конь Скафлока поднялся по склону, пересек, звеня о лед копытами, ледник. Ночь, холодная и ясная на этих высотах, опустилась на небеса, восходящая полная луна осветила пики призрачным светом. Вскоре Скафлок услышал, как где-то вдали, едва различимо, затрубил эльфийский рог. Сердце его забилось, он, пришпорив, пустил коня в галоп, с утеса на утес, вскачь через пропасти. Ветер запел в ушах, эхо далеко разнесло по горам стук железных подков.

Кто-то из эльфов еще сражается!

Тут он услышал резкий вой троллиных рогов и ослабленный расстоянием шум битвы: звон оружия и крики воинов. Мимо просвистела стрела. Скафлок зарычал от ярости и пригнулся в седле. Не стоит свя-

зываться с одиноким лучником, впереди его ждало дело посерьезней.

Конь вынес его на гребень горы, и перед Скафлоком в лунном свете открылась картина боя. Обычный смертный увидел бы только горную вершину, над которой вьются снежные смерчи, да услышал бы только, что ветер воет как-то странно. Но перед Скафлоком, обладавшим колдовским зрением, предстал на этой вершине замок, чьи высокие стены покрывал иней, а башни доставали до звезд. На склонах, окружая замок, стояли черные палатки троллей. Один из шатров был особенно велик, над ним развевалось темное знамя, а на самой высокой башне замка был укреплен штандарт Короля Эльфов. Это была битва верховных владык.

Тролли атаковали крепость. Они выли как собаки под ее стенами, карабкались по штурмовым лестницам, их было так много, что они тучей закрыли подступы к крепости. Тролли обстреливали ее зажигательными снарядами из баллист, катили на приступ штурмовые башни, набитые бойцами, били в ворота таранами, стреляли по стенам валунами из катапульт. Крики, топот ног и копыт, лязг металла, гудение труб и рогов — все это до такой степени наполнило грохотом ночь, что со склонов, дымясь снежной пылью, сходили лавины, а эхо далеко отзывалось среди ледников.

Эльфы, стоя на стенах, отражали натиск троллей. Сверкали мечи, тучи стрел и копий затмевали луну, на нападавших лилось кипящее масло, их лестницы отталкивали, но тролли все прибывали, а эльфов было мало. Битва шла к концу.

Скафлок выхватил меч. Меч со свистом покинул ножны, лунный свет холодной волной потек по стали.

— Хай-йа!

И с этим криком он, пришпорив коня, ринулся вниз по склону, взметая снег.

Скафлок не дал себе труда перебраться через расселину, преградившую ему путь. На самом ее краю он коленями сжал конские бока, и вот уже, казалось, конь взлетел прямо в звездное небо. Достигнув другого

края расселины, он почувствовал при приземлении такой удар, что у него лязгнули зубы, но, ни на миг не остановившись, погнал коня вверх по склону.

Лагерь троллей почти полностью опустел. Скафлок промчался сквозь него, обгоняя ветер, и, наклонившись в седле, выхватил головню из костра. Пока он скакал между палатками, поджигая их, она все ярче разгоралась на ветру. Вскоре уже многие палатки горели и искры с них сыпались на остальные. Скафлок снова поскакал вперед к воротам замка, на ходу снаряжаясь к бою.

В левую руку он взял щит, в правую — меч и стал править лошадью коленями и голосом. Прежде чем тролли, атаковавшие главные ворота, заметили его, он зарубил троих и стольких же потоптал конем.

Наконец они увидели его и сразу же навалились все вместе. Меч Скафлока начал метаться, свистеть, летать, с лязгом обрушиваясь на шлемы и кольчуги, рассекая плоть и кости, проливая реки крови. Танец смерти не затихал ни на мгновенье, Скафлок косил троллей как спелую пшеницу.

Они клубились вокруг него, не смея дотронуться до его железного оружия, и немногие их удары издалека едва достигали Скафлока. Он их почти не чувствовал, ведь в его руке был волшебный меч!

Взмах — и голова врага покатилась с плеч. Еще один — и вражий конник пронзен насквозь. Третий — и меч рассек шлем и голову под шлемом. Пехотинец бросился на него, задел руку копьем, Скафлок сшиб его одним ударом с ног. Но большая часть пеших троллей на его пути гибла под копытами коня из Ётунхейма.

Звон и скрежет оружия все громче звучал в ночи. Кровь дымилась на истоптанном снегу, трупы валялись в лужах крови.

И над всем этим побоищем, прорубая себе путь к воротам замка, возвышался всадник на вороном жеребце с сеющим страх мечом в руках.

Руби, меч, руби!

На троллей напал ужас, они принялись разбегаться по сторонам.

Скафлок кричал:

— Гей, Альфхейм! Сам Отец Победы сегодня за нас! На вылазку, эльфы, выходи в поле и убивай!

Но вот тролли увидели, что их лагерь охвачен огнем. Из-за этого они совсем потеряли голову. Что за враг обрушился сегодня на Трольхейм?

Скафлок принялся гарцевать перед воротами замка. На его кольчуге, промокшей от крови, играли отблески огня и лунного света. Его глаза отливали той же голубизной, что и сталь его меча. Он насмехался над троллями и звал эльфов на вылазку.

Среди троллей, бегущих с поля боя, витал испуганный шепот:

— *Это Один, это он вышел в бой... нет, у этого два глаза, верно, это Тор... Это Локи вырвался из своих оков, близок конец света... это смертный, одержимый демоном... это сама Смерть...*

Эльфы затрубили в рога, ворота замка широко распахнулись, и оттуда поскакали воины на поле битвы. Их было меньше, чем троллей, но их измученные лица светились новой надеждой. Впереди на белом коне скакал сам Король Эльфов. Его золотая корона сверкала в лунном свете, а седые волосы и борода волной падали на доспехи и темно-синий плащ.

— Мы не чаяли увидеть тебя в живых, Скафлок, — окликнул он юношу.

— И все же я здесь, — отозвался тот.

В его голосе не было и тени прежнего почтительного страха. Теперь ничто, подумал Скафлок, не способно напугать его после того, как он говорил с самой смертью, плавал на край земли, после того как ему стало нечего терять.

Король Эльфов взглянул на волшебный меч.

— Знаю я, что это за оружие, — пробормотал он. — Только я не уверен, так ли уж хорошо для Альфхейма, что этот меч на его стороне. Что ж... — И закричал: — Вперед, эльфы!

Его воины бросились на троллей, и снова разгорелась кровавая битва. Мечи и секиры взлетали, падали и снова взлетали, уже окровавленные, снова металл

звенел о металл, снова полетели тучи копий и стрел, кони топтали, не разбирая, убитых и раненых, воины дрались и падали, задыхаясь, наземь.

— Эгей, Тролльхейм! Ко мне, ко мне!

Иллред собрал своих бойцов, построил их клином и повел на прорыв эльфийского строя. Его вороной жеребец пыхтел, точно гром гремел; его секира не знала устали и промаха, и эльфы дрогнули перед этим натиском. Он был одет в куртку из кожи дракона, и его лицо казалось в лунном свете отлитым из зеленого льда. Точно ураган обрушился на эльфов: борода стояла торчком, глаза горели черным пламенем.

Скафлок, увидев короля троллей, взвыл по-волчьи. Он пришпорил своего коня и стал пробиваться к Иллреду. Его меч с лязгом и свистом рубил врагов, как топор лесника молодую поросль, точно голубая молния вспыхивала в ночи.

— Гей! — заревел Иллред. — Пропустите меня! Он — мой!

Бойцы расступились, и неожиданно между Иллредом и Скафлоком образовалось свободное пространство. Когда Король Троллей увидел волшебный меч, он застыл, точно у него перехватило дыхание.

Скафлок засмеялся лающим смехом:

— Что, признал свою судьбу? Тьма поглотит тебя и весь твой злодейский народ!

— Не все зло пришло в мир через троллей, — спокойно ответил Иллред. — Сдается мне, что ты, вернув в мир этот меч, принес зла больше, чем любой тролль. Никто из нас, какова бы ни была наша натура, а такой ей быть судили Норны, не сделал бы этого.

— Ни один тролль на это просто бы не отважился! — усмехнулся Скафлок.

Иллред, замахнувшись секирой, храбро бросился на Скафлока. Его удар ранил в плечо великанского коня. Рана была не глубокой, но конь заржал и встал на дыбы. Пока Скафлок старался удержаться в седле, Иллред успел нанести ему второй удар.

Скафлок подставил щит. Щит раскололся, Скаф-

лок пошатнулся в седле. Иллред ударил еще раз, целя в голову. На шлеме Скафлока появилась вмятина, только волшебная сила меча не дала ему рухнуть без чувств.

Иллред снова занес секиру. Оглушенный Скафлок попробовал отбить удар. И хотя у него не было сил, но едва меч, высекая искры, столкнулся с секирой, как та раскололась пополам. Скафлок, не веря своим глазам, потряс головою. Затем рассмеялся и отрубил Иллреду левую руку.

Король осел в седле. Меч свистнул еще раз и отсек ему правую руку.

— Не достойно воина издеваться над беспомощным врагом, — задыхаясь, сказал Иллред. — Ты вершишь волю меча.

Скафлок убил его.

Страх овладел троллями, и они бежали в беспорядке. Эльфы яростно их преследовали. Шум битвы гремел меж гор. В первых рядах, возбуждая храбрость бойцов, дрался Король Эльфов. Но страшней всего для троллей был Скафлок, который метался по всему полю, разя направо и налево мечом, который то вспыхивал голубым огнем, то вновь окрашивался кровью.

Тролли были разбиты. Эльфы бросились в погоню, рубя врагов, загоняя их в их же горящий лагерь. Почти никто из троллей не спасся.

С первыми проблесками зари Король Эльфов придержал коня и оглядел поле боя, заваленное мертвыми телами. Холодный ветер развевал его волосы, взвивал гриву и хвост коня. Скафлок, изможденный, исхудавший, подскакал к нему, он был весь в запекшейся крови врагов, но его глаза горели огнем несытой мести.

— Это великая победа, — сказал Король. — Но все-таки пока это наша единственная крепость. Тролли захватили Альфхейм из конца в конец.

— Не долго троллям владеть им, — ответил Скафлок. — Мы пойдем на них походом. Их линии слишком растянуты. Наши ряды будут расти, ведь немало вольных эльфов скрывается по всей стране. А оружие мы добудем у троллей. Война будет тяжелой, но мой

меч принесет победу. — Потом, подумав, медленно добавил: — Перед нашим войском мы понесем новый штандарт, он сокрушит врага.

И Скафлок поднял копье с насаженной на него головой Илльреда. Глаза мертвого Короля Троллей, казалось, смотрели куда-то, а рот угрожающе оскалбился.

Король Эльфов вздрогнул.

— Черно у тебя на сердце, Скафлок, — сказал он. — Ты сильно переменился с тех пор, как я последний раз видел тебя. Но будь по-твоему.

XXIV

Зимним утром Фреда, спотыкаясь, прибрела в усадьбу Торкеля, сына Эрленда.

Хозяин хутора как раз проснулся и вышел из дому взглянуть, каким будет наступающий день. Увидев Фреду, он в первое мгновение не поверил своим глазам: перед ним стояла дева в платье чужеземного покроя, облаченная в броню из неведомого металла. Она, как слепая, пробиралась на ощупь.

Торкель потянулся за копьем, которое стояло за дверью дома. Но стоило ему повнимательней приглядеться к пришелице, и его рука опустилась: Фреда, дочь Орма, измученная, изможденная, вернулась в родные места.

Торкель ввел Фреду в свой дом. Его жена Аса бросилась им навстречу.

— Как долго ты пропадала, Фреда, — сказала она. — Добро пожаловать домой!

Девушка промолчала в ответ.

— Бедняжка, — пробормотала Аса. — Бедное измученное дитя. Пойдем, я уложу тебя в постель.

В это время в дом вошел Аудун, второй, после убитого Эрленда, сын Торкеля.

— На дворе погода холодней, чем сердце благородной девицы, — сказал он весело и, заметив Фреду, спросил: — Кто это?

— Это вернулась Фреда, дочь Орма, — ответил Торкель.

Аудун подошел к Фреде.

— Вернулась — это замечательно! — сказал он приветливо.

Он обнял ее за талию, но, еще не успев поцеловать Фреду в щеку, почувствовал сердцем ее великое немое горе.

Аудун в недоумении отступил.

— Что случилось? — спросил он.

— Что случилось? — огрызнулась Аса. — Каких только бед не стряслось с бедной девочкой. Вы, мужчины, только и умеете, что таращить глаза да топать ножищами. Уходи и дай мне уложить ее в постель.

Фреда долго пролежала без движения, повернувшись лицом к стене. Когда Аса принесла ей поесть, а затем стала ее кормить, гладя по волосам и уговаривая, как мать уговаривает ребенка, Фреда разрыдалась. Она плакала долго, беззвучные рыдания сотрясали ее. Аса обняла Фреду и дала ей выплакаться. Потом Фреда заснула.

После того Торкель предложил ей поселиться у них, и она согласилась. Фреда вскоре выздоровела, но теперь она была совсем не та милая девушка, которую помнили в округе.

Торкель стал расспрашивать Фреду о том, что с ней приключилось. В ответ она опустила побледневшее лицо. Торкель, увидев это, торопливо сказал:

— Нет-нет, не хочешь — не говори.

— Незачем скрывать правду, — ответила она едва слышно. — Вальгард увез меня и Асгерд на восток за море, как дар некоему языческому королю, чьих милостей он рассчитывал добиться таким образом. Едва он причалил к берегу... на него напал другой викинг. Вальгард бежал, Асгерд погибла в стычке. Этот другой вождь увез меня с собой. В конце концов... он, он должен был отправиться туда, куда я не могла пойти с ним... так что он оставил меня там, где была усадьба моего отца.

— Что за странное платье на тебе?

— Тот викинг дал мне его. Оно привезено из дальних стран. Я часто сражалась вместе с ним. Он — хороший человек, хоть и язычник. — Фреда взглянула на огонь, пылавший в очаге. — Да, он — самый лучший, самый храбрый и добрый человек на свете. — Ее губы дрогнули. — Да почему бы ему и не быть таким, если он происходит из славного рода.

Фреда вскочила и быстро вышла из комнаты. Торкель, поглаживая бороду, поглядел ей вслед.

— Не все она рассказала, — пробормотал он про себя, — но, видно, нам вряд ли удастся узнать что-нибудь еще.

Даже священнику на исповеди Фреда рассказала не больше, а после ушла одна и долго стояла на холме, глядя в небо.

Зима была на исходе. День был солнечный, не слишком морозный. Снег сверкал в тишине под безоблачной голубизной небес.

Фреда задумчиво сказала:

— Я совершила смертный грех, не исповедавшись в том, с кем я спала невенчанной. Но это бремя останется на моей душе, и с ним я сойду в могилу. Господи, Ты знаешь, что наш грех был слишком прекрасен, чтобы назвать его всеми этими грязными словами. Покарай меня, на все Твоя воля, но охрани его, ведь он не ведал, что творит. — Она покраснела. — Кажется мне, что я понесла под сердцем, и ты, Мария, должна понять, что дитя не должно нести позора своих родителей. Отец Небесный, Святая Дева, Спаситель, я в вашей власти, но пощадите невинное дитя.

Спускаясь с холма, Фреда почувствовала, что на душе у нее стало легче. Мороз своими поцелуями разрумянил ей щеки, солнце вспыхивало на бронзе волос, глаза лучились. Фреда шла, улыбаясь, когда навстречу ей попался Аудун, сын Торкеля.

Он был не намного старше Фреды, высокий и сильный, умелый землепашец и многообещающий воин. Его лицо, обрамленное кудрями, зарделось, едва он увидел девушку. Он улыбнулся и побежал ей навстречу.

— Я... я искал тебя, Фреда, — сказал он.

— Почему, я тебе для чего-то нужна? — спросила она.

— Нет, то есть, да, я хотел... поговорить с тобой.

Аудун пошел с ней рядом, опустив глаза, но то и дело бросая взгляды на Фреду.

Помолчав, он выпалил наконец:

— Что ты собираешься делать дальше?

Все веселье враз покинуло Фреду. Она посмотрела на небо, затем перевела взгляд вдаль, в поля. Моря отсюда не было видно, но ветер доносил его неослабный далекий голос.

— Я не знаю, — сказала она. — У меня никого не осталось...

— Нет, это не так! — крикнул Аудун.

Тут он запнулся, и, как ни проклинал себя за нерешительность, ничего не добавил к этим словам.

Зима под натиском весны начала отступать. Фреда все еще жила в доме Торкеля. Никто не попрекнул ее тем, что она беременна, мало ли что могло приключиться с ней за время ее отсутствия! То ли врожденное здоровье и крепость, то ли продолжали действовать эльфийские снадобья, но ее беременность протекала легко. Она много трудилась по хозяйству, а когда работы не было, отправлялась в далекие прогулки, частенько в сопровождении Аудуна. Аса радовалась тому, что теперь у нее есть помощница и есть с кем перемолвиться словом, ведь у нее, в отличие от Орма, не было дочерей, да и служанок она почти не держала. Впрочем, говорила в основном одна Аса, а Фреда только коротко отвечала.

Сперва время текло для Фреды мучительно долго. Ее тяготило бремя грехов и гибель семьи, однако это она еще в силах была вынести, новая жизнь в ее чреве служила ей утешением, но потеря Скафлока мучила ее гораздо сильней.

Ни слова, ни весточки, ничего — с тех пор как она последний раз видела его у кургана Орма в лучах зимнего заката. А ведь Скафлок отправился в земли, которых нет мрачней, на поиски того, что должно его погубить. Где он был вчера, где будет завтра? Жив ли он? Быть может, он лежит где-то недвижный, охладе-

лый, и ворон выпил очи, которые когда-то с любовью глядели на нее? Так ли он жаждет смерти, как когда-то жаждал Фреду? Или он позабыл обо всем, не в силах снести тяжесть воспоминаний, и отринул все человеческое ради холодного забвения, которое дарили поцелуи Лиа?.. Нет, это невозможно, Скафлок не изменит своей любви покуда жив.

Но жив ли он... и где он, и долго ли еще проживет?

То и дело Скафлок представал перед Фредой в ее снах как живой, их сердца снова бились как одно, она снова чувствовала его тяжелые и вместе с тем нежные объятия. Она слышала, как он бормочет ей в ухо, смеется, поет о любви... И она пробуждалась во мраке и духоте спальни.

Фреда сильно изменилась. Теперь, после блеска эльфийского двора и безумных, но таких счастливых дней, когда они со Скафлоком гонялись за троллями по зимним дебрям, жизнь в мире людей казалась ей скучной и однообразной. Торкель крестился только для того, чтобы его соседи — англичане не отказались иметь и с ним дело, так что священник редко появлялся на хуторе, а Фреда, чувствуя тяжкий грех на сердце, была этому только рада. Неуютно было ей в церкви, то ли дело леса, холмы и бушующее море. Фреда по-прежнему любила Господа (и разве не весь мир был Его творением, а церковь — только делом рук человеческих), но редко находила в себе силы воззвать к нему.

Иногда, когда среди ночи ее начинала мучить бессонница, она седлала лошадь и скакала на север. Перед ее колдовским зрением мимолетными видениями проносились образы Волшебной страны: то удирающий карлик, из тех, что живут под корнями, то сова в гнезде, то черный корабль, причаливающий к берегу. Но те из обитателей Волшебной страны, которых она осмеливалась окликнуть, убегали от нее, и ей так и не удалось ничего узнать о том, как идет война.

И все же этот призрачный, роковой, безумный мир был миром ее Скафлока, а в течение недолгого, но чудесного времени он был и ее миром.

У Фреды, по счастью, оставалось не так много времени, чтобы предаваться печалям, и не заметно для нее самой ее юное тело расцвело новой красотой. Недели складывались в месяцы, Фреда чувствовала, что теперь ею владеет та же сила, что гонит птиц домой на север и заставляет распускаться на деревьях почки, пухлые как детские кулачки. Однажды она взглянула на свое отражение в пруду и поняла, что на нее глядит уже не девочка, а женщина: тело пополнело, груди набухли, кровь быстрей побежала по жилам. Фреда становилась матерью.

Если бы он мог видеть ее теперь.

Нет, нет, я не должна... но я люблю его, я так его люблю!

Зиму прогнали дожди и первые грози. Молодая зелень окутала луга и древесные кроны. Перелетные птицы возвращались домой. Фреда увидела, как знакомая пара аистов в недоумении кружит над руинами усадьбы Орма. Они всегда вили гнездо на крыше их дома. Слезы, легкие как весенний дождь, брызнули у нее из глаз. Она почувствовала, как пусто у нее в груди.

Но вот сердце ее снова наполнилось, но не прежней беспечной радостью, а новой тихой нежностью. Ее ребенок жил в ее чреве. И с ним или, может, с ней, неважно, возрождались все погибшие надежды.

Она стояла в сумерках, и каждый порыв легкого ветра осыпал ее яблоневым цветом. Зима кончилась, Скафлок жил теперь для нее во всем: в этой весне, в облаках и тенях, рассветах и закатах, в высоко плывущей луне: она беседовала с ветром и улыбалась морю. Да, еще не раз в бесконечном хороводе лет придет зима, но под сердцем она носит — лето.

Торкель начал готовиться к торговому (а может и викингскому, если представится случай) походу на восток. Эта поездка была давно решена им и его сыновьями. Но теперь она уже не радовала Аудуна, и однажды он сказал отцу:

— Я не могу отправиться с тобой.

— С чего бы это? — закричал Торкель. — Ты,

который день и ночь, больше любого из нас мечтал от этом походе, и вдруг — остаешься.

— Да, но кто-то же должен остаться дома.

— У нас есть хорошие батраки.

Аудун отвел глаза.

— Так поступал Орм.

— Наша усадьба меньше Ормовой, а соседи — живут ближе. Ты, верно, забыл, что теперь, после того, что случилось зимой, люди со всей округи охраняют побережье. — Торкель пристально посмотрел на сына. — В чем дело, парень? Говори прямо. Может, ты боишься, что придется подраться?

— Ты знаешь, что это не так!, — вспыхнул Аудун. — Будь я проклят, я убью всякого, кто посмеет сказать, что я трус. Но в этом году я не желаю идти в поход, и всё тут.

Торкель покачал головой.

— Значит, это — Фреда. Я уже думал об этом. Но у нее не осталось родни.

— Что с того? Земли ее отца — теперь ее. Я сам добуду денег в походе следующим летом.

— А как быть с ребенком, которого она носит? Он ведь от этого странника — она молчит, но, похоже, думает о нем все время.

Аудун сердито уставился глазами в пол.

— Опять-таки что с того? — пробормотал он. — Это не ее вина. И уж, понятно, не ее ребенка, которого я с удовольствием посажу к себе на колени. Ей нужен кто-то, кто позаботится о ней и поможет позабыть того, кто так подло бросил ее. Если бы я его нашел, ты бы увидел — боюсь я драться или не боюсь!

— Добро... — Торкель пожал плечами. — Сердцу не прикажешь. Оставайся, коли чувствуешь, что должен. — Потом добавил:. — А ты прав. Негоже этим обширным полям оставаться без посева. Да и Фреда сможет стать тебе доброй женой и родить немало крепких сыновей. — Он улыбнулся, но в глазах у него застыло беспокойство. — Что ж, добивайся ее и добейся, если сумеешь. Может тебе повезет больше, чем Эрленду.

После того, как посеяли хлеб, Торкель ушел в

плаванье с остальными сыновьями и другими юношами, жившими по соседству. Так как они хотели побывать не в одной стране из тех, что лежали за Северным морем, их возвращения ждали не раньше начала зимы. Аудун жадно смотрел вслед уходящим кораблям. Но вот он обернулся, увидел Фреду и почувствовал себя вознагражденным за все.

— Неужели ты остался только для того, чтобы присмотреть за тем, как уберут урожай? — спросила она.

Аудун почувствовал, что у него горят уши, когда он дерзко ответил:

— Я думаю, ты знаешь, что это не так.

Фреда посмотрела на него пристально и отвернулась.

Дни стали длинней, земля налилась соками. Теплые ветра, ливни, птичье пенье, олени в лесах, рыба в ручьях. Фреда почувствовала как дитя шевельнулось в ее утробе.

Аудун еще чаще чем прежде стал бывать с ней. Слишком погруженная в свои беды, она просила его уйти и каждый раз чувствовала угрызения совести, видя его опечаленное лицо.

Фреда едва прислушивалась к жалким словам его сватовства. Она зарывалась лицом в букеты цветов, которые он приносил ей, и сквозь лепестки видела его застенчивую мальчишескую улыбку. Как странно, он, такой большой и сильный, был слабее ее.

Если они поженятся, он станет ее мужем. Но ведь он не Скафлок, а всего лишь Аудун. *О, не забыть мне тебя, любимый!*

Но все же воспоминания о Скафлоке становились чем-то прошедшим, как воспоминания о минувшем лете. Они согревали ее сердце, не притупляясь, ее любовь была глубока, как горное озеро, на поверхности которого пляшут солнечные блики. И все же вечно оплакивать — это слабость, недостойная того, что им, ей и Скафлоку, пришлось пережить.

Она полюбила Аудуна, ведь он мог стать прочным щитом для ребенка Скафлока.

И вот настал вечер, когда они оказались вдвоем на

берегу, вода журчала у их ног, отливая золотом и пурпуром заката. Аудун взял Фреду за руку и, стараясь казаться спокойным, сказал:

— Ты знаешь, я люблю тебя, Фреда, я полюбил тебя еще до того, как тебя похитили. За последние недели я несколько раз просил твоей руки. Сперва ты не слушала, потом — не отвечала. Теперь я прошу тебя дать мне честный ответ, и, стоит тебе только сказать, я больше не потревожу тебя. Станешь ли ты моей женой, Фреда?

Она заглянула в его глаза и спокойно и ясно ответила:

— Да.

XXV

В конце лета в северных землях пошли дожди. Четыре дня и ночи ветер без остановки сек эльфийские холмы и окутывал их серой пеленой туч, которую прорезали удары молний. Тролли теперь редко отваживались покидать Эльфийский Утес, отряды их бездомных врагов стали слишком хорошо вооружены, слишком часто нападали на них из засады. Тролли, спотыкаясь, слонялись по замку, пили, играли, ссорились и снова пили. В том подавленном, паническом настроении, в котором они теперь находились, любое неосторожно сказанное слово приводило к смертельным стычкам. Тем временем их эльфийские подруги стали такими блудливыми, что чуть ли не каждый день из-за них разбивались дружеские узы и происходили смертоубийства.

Слухи ползли вдоль мрачных переходов замка. Илред убит, его оскаленную голову враг возит в бочонке с рассолом, а перед битвой водружает как штандарт на древко. Новому королю Гуро не под силу собрать войско троллей в один кулак так, как это делал старый король, — едва он укрепится где-нибудь, как снова бежит, выбитый врагом. Эльфов, а их число удвоилось, ведет от победы к победе демон на гигантском коне, в его руке — меч, в сердце — ад.

Вендланд пал, шептались одни, ужасный вождь эльфов окружил тамошние войска и не пощадил никого. Говорят, по телам павших троллей можно было проехать как по мосту из конца в конец огромного поля.

Твердыни в Норвегии, Швеции, Дании, крепости на Готланде взяты, говорили другие, и хотя их когда-то построили со всем своим военным искусством эльфы, они почему-то пали так же быстро, как когда-то сдавались троллям; их гарнизоны были преданы мечу. Флот троллей захвачен в Ютландии, враг использует его теперь для налетов на Тролльхейм.

Те из союзников и наемников, кто уцелел, бежали. Говорят, отряд шэней напал у Гардарики на своих союзников — троллей и перерезал их. Восставшие гоблины захватили три, нет, пять, а может дюжину городов в самом Тролльхейме.

Эльфы на плечах у отступающих троллей ворвались в Валланд. Это отступление превратилось в полный разгром и, в конце концов, на берегу моря, у кромлехов и менгиров Древнего Народа, в форменную резню. По замку бродили истории, одна страшнее другой, об ужасном коне, который насмерть затаптывает воинов, об еще более ужасном мече, который рубит металлические доспехи как простую одежду, не тупя своих сверкающих лезвий.

Вальгард, который с каждым месяцем становился все мрачней и молчаливей, попытался приободрить упавших духом воинов.

— Эльфы восстали, — сказал он. — Им даже удалось собрать кой-какие силы. Что ж, разве вам не доводилось видеть умирающего, которому стало лучше за несколько часов до смерти? Эльфы дерутся из последних сил, и этих сил им не хватит.

Но тролли знали только одно: корабли из-за пролива или с востока приносили вести, и эти вести были раз от раза хуже. В конце концов Вальгард запретил своим войскам свободно общаться с корабельными командами. Тролли чувствовали: бродячие эльфы, которыми верховодили Огненное Копье и Фламм, ночь от ночи становились все более дерзкими, никто не мог

чувствовать себя в безопасности от их стрел, летящих из засады, их быстрых набегов то верхом, то по морю. Тролли понимали: ирландские сиды готовятся к войне. Троллями овладела апатия, отчаянье и злоба, искусно подогреваемая лицемерным кокетством эльфийских женщин.

Вальгард без устали бродил по замку, от высоких башен, где гнездились галки и кобчики, до глубочайших подземелий, где прятались пауки да жабы, бродил и в приступах слепой ярости бранил, а иногда бил и даже убивал своих воинов. Он чувствовал, что попал в ловушку, что его обложили со всех сторон эти туманные голубоватые стены, эти бродячие шайки по всей стране, растущие день ото дня силы Короля Эльфов, его собственная судьба. И от этого некуда было деться.

Не имело смысла водить войска на вылазки, с таким же успехом можно было сражаться с тенями. Из тьмы в спины троллей летели копья, петли затягивались на их шеях, ямы с острыми кольями разверзались под копытами их коней. Даже садясь за стол, никто не был уверен, что встанет из-за него живым; то и дело кто-нибудь умирал от яда, кто знает кем подложенного, быть может это один тролль из мести отравил другого.

Эльфы были хитры и осторожны, они обратили в силу свою слабость, терпеливо ждали своего часа. Тролли так и не сумели понять этот народ и постепенно начали бояться тех, кого считали побежденными.

«А теперь они побеждают нас», — холодно думал Вальгард.

Эти свои мысли он как мог скрывал от своих воинов, но все же был не в силах пресечь слухи и пересуды.

Ему ничего не оставалось, кроме как, сидя на высоком троне Имрика, опрокидывать чашу за чашей крепкого вина. Лиа заботилась о том, чтобы его кубок никогда не был пуст. Он тихо оседал, глаза стекленели, и в конце концов он падал на пол.

Часто, однако, если он был не настолько пьян,

чтобы свалиться под стол, он пошатываясь выходил из палаты, где, упившись, валялись в лужах вина и блевотины вожди троллей, и, взяв факел, спускался по грубо вытесанной каменной лестнице. Держась за холодную скользкую стену, он добирался до одной из дверей подземелья и входил в нее.

Белое тело Имрика, все в подтеках запекшейся крови, выхватывал из мрака свет углей, тлевших под его ногами. Ярл был подвешен за большие пальцы рук, так висел он без еды и питья, а злой дух поддерживал под ним неугасающий огонь. Живот ярла запал, кожа натянулась на ребрах, язык почернел, но ведь он был эльф, и всего этого было мало, чтобы заставить его умереть.

Голова Имрика свесилась набок, но на Вальгарда глядели туманные голубые глаза. Берсерк не понимал, что значит этот взгляд, но каждый раз от этого пристального взгляда у него замирало сердце. Он попытался спрятать за усмешкой свой страх.

— Ты догадался, зачем я пришел? — спросил, покачиваясь, Вальгард хриплым голосом.

Имрик молчал. Вальгард ударил его кулаком по лицу. Удар громко отозвался в тишине подземелья, тело узника закачалось на цепях. Злой дух задрожал, его глаза и клыки поблескивали во мраке.

— Ты знаешь, зачем я пришел, если только твои мозги еще не спеклись в черепе, — продолжал Вальгард. — Я уже приходил. И еще приду.

Он снял со стены бич, пропустил жало между пальцев. Его глаза вспыхнули, он вытер губы.

— Я ненавижу тебя. — Вальгард, гримасничая, придвинулся вплотную к Имрику. — Я ненавижу тебя за то, что ты родил меня. Я ненавижу тебя за то, что ты украл мое наследие. Я ненавижу тебя за то, кем я не стал и уже не стану, проклятый эльф! Я ненавижу тебя за то, что твой воспитанник все еще не у меня в руках, и ты мне сейчас за него ответишь!

Вальгард поднял бич. Злой дух забился в угол. Имрик не пошевелился, не издал ни звука.

Когда одна рука у Вальгарда устала, он перело-

жил бич в другую. Потом, когда и та ослабела, кинул его и ушел.

Вино подействовало на него. Только озноб и головная боль напоминали ему, где он был только что. Подойдя к окну, Вальгард услышал шум дождя.

Лето, которое он надеялся провести на зеленой травке у журчащих рек, а провел то в беспокойных вылазках и стычках с эльфами, то запертый как в клетке в стенах этого замка, это проклятое лето кончалось. И вместе с летом умирал Тролльхейм. Из Валланда перестали приходить вести после той, последней о поле битвы, заваленном трупами.

Неужели дождь никогда не кончится? Из окна потянуло сыростью так, что Вальгард вздрогнул. Вспыхнула молния, грохот грома пронзил его до костей.

Он поднялся в свои покои. Пьяная стража спала на полу — неужели все они пьяницы и убийцы? С кем среди этого вопящего, вечно бранящегося сброда мог он поговорить по душам?

Вальгард вошел в спальню и застыл, ссутулившись в дверях. На ложе сидела Лиа.

«Она, — тупо подумал Вальгард, — не такая сука, как другие эльфийские бабы, только она дарит мне покой, когда мне невмоготу с самим собой».

Снова сверкнула молния. Пол дрогнул от грома. Порыв ветра застучал дождем по стеклу, взвились занавески, замигали свечи.

Вальгард тяжело опустился на край постели. Лиа обвила его шею руками. Ее взгляд был холодней лунного света, ее улыбка, шелковистая кожа, ее запах — все в ней притягивало его, хотя и не согревало душу. Ласково прозвучал сквозь шум бури голос Лиа:

— Что ты делал, мой повелитель?

— Сама знаешь, — проворчал Вальгард. — И странно мне, что ты ни разу не попробовала удержать меня.

— Сильный поступает со слабым по своей воле.

Ее руки, лаская, скользнули к нему под одежду, но он будто не заметил этого.

— Да, — сказал он, осклабившись. — Этот закон хорош, пока ты силен. Но тролли теперь разбиты.

Скафлок, а судя по всему — это Скафлок, вернулся с оружием, которое сокрушает все на его пути. Как быть теперь с твоим законом? — Он мрачно взглянул на Лиа. — Последние вести, что дошли до меня: главные твердыни пали. Даже если эльфы побеждают в поле, такие стены казалось бы должны остановить их. Мы в свое время захватили часть из этих крепостей с величайшим трудом; другие взяли измором, третьи, вроде этой, сдались без боя. Мы разместили в них сильные гарнизоны, вооружили их до зубов, и вот теперь они пали одна за другой, едва войско Короля Эльфов подступило к ним. — Он покачал своей нечесаной головой. — Почему? — А потом, сжав своими лапищами тонкие плечи Лиа, добавил: — Эльфийский Утес никогда не падет. Никогда! Я удержу его, даже если сами боги выступят против меня. Да, я жажду битвы, ничто так не желанно как битва для меня и моих измученных воинов. Мы разобьем их, ты слышишь? Мы уничтожим их, и я насажу голову Скафлока на копье и выставлю ее на этой стене.

— Конечно, мой повелитель, — промурлыкала Лиа, улыбаясь про себя.

— Я силен, — захрипел Вальгард. — Еще когда я был викингом, я убивал людей голыми руками. Я не знаю, что такое страх, я стал еще сильней. Я одержал немало побед, но одержу еще больше.

Его руки опустились без сил, в глазах потемнело.

— Но что мне с того? — прошептал вдруг Вальгард. — Почему я есть? Потому что таким сотворил меня Имрик. Он отлил меня по образу Скафлока, и только поэтому я живу, все: сила, и облик, и мозг — все Скафлока.

Он с трудом встал и, шаря перед собой точно слепой, пронзительно закричал:

— *Неужели я только тень Скафлока?*

Молнии били одна за другой, точно адский огонь горел в небесах. Гремел гром. Выл ветер. Дождь рекой стекал по окнам. Сквозняк задул свечи.

Вальгард, шатаясь, побрел на ощупь во мраке, разрываемом вспышками молний.

— Я убью его, — бормотал он. — Я похороню его на дне морском. Я убью Имрика, и Фреду, и тебя, Лиа, — всякого, кто знает, что я не человек, что я дух, по воле колдовства облаченный в плоть по образу человеческому, в холодную плоть, ах, холодны мои руки...

Громовая колесница грохотала по небу. Вальгард завыл:

— Эй ты, швыряй свой молот сколько хочешь! Греми изо всех сил! Я упру мои холодные руки в столбы, подпирающие покои богов, и обрушу их. Я швырну мир к моим ногам. Я спущу на мир бурю и тьму, по моей воле ледники поползут с севера. За мной по пятам будет кружиться только прах. Я — смерть!

Кто-то сильно постучал в дверь, но стук был едва слышен за шумом бури. Вальгард с ревом распахнул дверь. Он схватил за шею тролля, который стоял перед ним, утомленный и вымокший в долгом пути.

— Вот с тебя-то я и начну!, — закричал Вальгард.

Пена выступила у него на губах. Гонец попробовал отбиваться, но и троллиных сил не достало, чтоб разжать эту хватку.

Едва бездыханное тело гонца рухнуло на пол, как неистовство берсерка покинуло Вальгарда. Обессиленный, дрожащий, он оперся о дверной косяк.

— Глупо я поступил, — вздохнул он.

— Может, с ним был еще кто-то, — сказала Лиа.

Она вышла на лестницу и позвала:

— Эй, там, внизу! Ярл желает говорить с тем, кто шел следом.

Второй тролль, такой же изможденный как первый, пошатываясь, с кровавым рубцом на щеке, выступил вперед. Не поднимаясь по лестнице, он крикнул:

— Нас было пятнадцать. А уцелели только Хру и я. Разбойники всю дорогу гнались за нами по пятам!

— Что за вести ты принес? — спросил Вальгард.

— Эльфы высадились в Англии, повелитель. А еще мы слышали, что ирландские сиды, а ведет их сам Луг Долгорукий, уже в Шотландии.

Вальгард мрачно склонил голову.

XXVI

Под покровом осенних штормов Скафлок повел лучших эльфийских воинов через пролив. Он был назначен вождем этой дружины, а Король Эльфов с остальным войском должен был окончательно очистить от троллей материковую часть Альфхейма. Король полагал, что захват Британии — нелегкое дело, если бы троллям удалось отразить высадку, то Англия стала бы для них местом сбора сил для новых нападений.

Скафлок ухмыльнулся:

— Мой меч приносит победу.

Король, прежде чем ответить, задумчиво посмотрел на него.

— Будь осторожен с этим оружием. Оно сослужило нам добрую службу. Но не забывай — оно коварно. Рано или поздно этот меч обрушится на своего хозяина, быть может, именно тогда, когда он будет нужней всего.

Скафлок не придал значения этим словам. Не то чтобы он бесповоротно решил погибнуть, в конце концов, в этом мире оставалось немало хорошего, но кто же знает, сколько лет еще ему суждено прожить. Во всяком случае, он не собирался расставаться с этим мечом. Ничто на свете не могло дать ему то, что давал этот меч. Действительно, неистовствуя в битвах, он в то же время не становился берсерком, напротив того, его чувства еще никогда не были так остры, его разум — так быстр и точен. Действуя мечом, он чувствовал себя как бы преображенным, как будто он, его оружие и его деяния составляли одно целое. Он ощущал себя всесильным. Такое же, хотя и по-другому, довелось ему испытать, когда с ним была Фреда.

В укромной бухте на побережье Бретани Скафлок собрал суда, воинов и лошадей. Он послал весть вождям эльфов в Англии, что пора собирать и поднимать эльфов. И вот в одну из ночей, когда буря шумела над всем Севером, он повел свой флот через пролив.

С черного неба, время от времени раскалываемого молниями, шел мокрый снег, вскоре все вокруг побе-

дело. Громовые раскаты то и дело разносились в грозовом воздухе. Волны, набегавшие с запада, закипели, побелели от пены и с яростным ревом бросились на побережье. Дождь и брызги били в лицо, одежда промокла насквозь. Голубые огни вспыхивали на концах весел и на драконьих головах, украшавших корабельные штевни.

Из тьмы стали постепенно проступать берега Англии. Эльфы гребли против ветра изо всех сил, так что мышцы чуть не лопались от напряжения. Ветер налетел на корабли, стараясь столкнуть их друг с другом, швырнуть на береговые скалы. Скафлок, усмехаясь, громко сказал такую вису:

Хладны ласки
и лобзанья
те, что дочки
Ран нам дарят.
Белокуры,
белогруды
в кудрях пены
вы кружитесь.

Стоя на носу своего боевого корабля, Скафлок наконец увидел мыс, который был целью плавания, и в тот же миг почувствовал, как страсть снова пробудилась в его душе. Он сказал такую вису:

Ветер с громким воем
ведет меня к дому.
Скоро я пристану
к скалам английским.
Буруны у брега.
Беда мне — за ними
дева, о которой
душа истомилась.

И далее, уже ни на что не отвлекаясь, Скафлок сосредоточил все внимание на том, как ему обогнуть мыс.

Когда вся его флотилия выполнила этот маневр, за мысом открылась тихая бухта, где можно было пристать, а на ее берегу их ждал небольшой отряд эльфов, который пришел им на подмогу. Корабли причалили, их, вытащив на берег, закрепили.

Команды стали спешно вооружаться. Один из капитанов спросил Скафлока:

— Кто останется здесь охранять корабли?

— Никто. Там, в глубине страны, потребуются все воины.

— Но ведь тролли могут найти наши корабли и сжечь их. Тогда путь к отступлению будет отрезан.

Скафлок оглядел побережье, освещаемое вспышками молний.

— Для меня, — сказал он, — назад пути нет. Я не покину Англию, ни живой, ни мертвый, до тех пор, пока не будет изгнан последний тролль.

Эльфы посмотрели на него не без страха. Он казался уже не смертным человеком, а демоном: высокий, закованный в железную броню, с роковым мечом у бедра. В глубине его холодных голубых глаз вспыхивали волчьи зеленые искры. Эльфы подумали, что Скалфок обречен гибели.

Он вскочил в седло своего великанского коня и крикнул, покрывая голосом ветер:

— Трубите в рога! Охота началась.

Войско выступило в поход. Только треть из эльфов была на конях. Остальные надеялись вскоре добыть себе лошадей. Подобно французам и норманнам, и в отличие от англичан и датчан, эльфы предпочитали сражаться верхом. Дождь хлестал по ним, мокрые палые листья шуршали под ногами, молнии вспыхивали в небе, пронзительный ветер нес холодное дыхание наступающей зимы.

Через некоторое время эльфы заслышали вдалеке медный рев боевых рогов троллей. Они обнажили оружие, в неверном свете молний было видно, что бойцы улыбаются. Отряд сдвинул мокрые щиты и затрубил в трубы.

Скафлок ехал во главе строя. На душе у него было невесело. Он устал от кровопролития, но, зная, что все равно придется вытащить меч из ножен, с нетерпением ждал битвы.

Впереди, точно черная громада, с холма двинулись тролли. Должно быть, они почувствовали приближение неприятеля и выступили навстречу из замка Эль-

фийский Холм. Их было немало, хотя и меньше, чем эльфов. Половина троллей сидела на конях, и Скафлок услышал, как кто-то из его воинов весело сказал:

— Кажется, дальше я смогу двигаться на четырех ногах, а не на своих двоих.

Командир правого фланга эльфов был настроен не так весело.

— Нас больше, — сказал он, — но не настолько, чтобы смять их одним ударом. Бывало ведь, и не раз, что храбрым воинам удавалось разбить численно превосходящего противника.

— Я не боюсь, что они победят нас, — ответил Скафлок, — но плохо то, что мы можем потерять много бойцов, и тогда следующий бой действительно окажется для нас последним. — Он нахмурился. — Проклятье, где же основные силы английских эльфов? Они должны были встретить нас. Быть может, гонцов перехватили?..

Троллиный рог протрубил к бою. Скафлок выхватил меч и потряс им над головой. Сталь, отразив молнию, вспыхнула ослепительным голубым огнем.

— Вперед!

Скафлок пришпорил коня. Удаль битвы вспыхнула в его душе.

Стрелы и копья, невидимые во мраке бури, понеслись над головой. Порывистый ветер мешал целиться, так что скоро началась рукопашная.

Скафлок рубил врагов, привстав в стременах. Тролль бросился на него. Скафлок один ударом отсек ему обе руки. Следующий попытался замахнуться секирой, но меч снес ему голову. Вражеский пехотинец вхмахнул пикой, Скафлок подставил меч, разрубил древко, а конь затоптал неприятеля в грязь.

Секира и меч! Лязг и искры! Рассеченный металл, разрубленная плоть, воины, валящиеся на землю, дьявольский танец молний!

Скафлок прорубал свой путь в грохоте битвы. Его удары крушили доспехи и кости, отдаваясь в его плече. Вражьи клинки бушевали вокруг, но он отбивал их щитом и мечом. Свист его меча перекрывал свист ветра и грохот грома. Никто не мог устоять

перед ним, он прошел насквозь строй троллей, развернулся и напал на них с тыла.

Тем не менее тролли дрались упорно. Они перестроились и, заняв круговую оборону, принялись обстреливать непрятеля. Боевые кони метались, утыканные стрелами. Эльфы падали, сраженые секирами и палицами. А подмога все не шла и не шла!

Но тут, точно в ответ, где-то затрубили рога, потом еще, потом еще и еще, потом послышался боевой клич, потом стрелы, камни, копья посыпались градом на врага, и вот уже из мрака сотня за сотней стали появляться бродяги в лохмотьях!

С криком «Альфхейм, Альфхейм!» впереди скакал Огненное Копье. С его пики кровь сбегала так же обильно, как дождь с его шлема. Лицо светилось весельем. Рядом с ним мчался с окровавленной секирой Флам Оркнейский. И другие вожди эльфов были там, вставшие точно из-под земли, они шли, чтоб очистить эту землю от захватчиков.

Теперь разбить врага не составляло труда, и к рассвету на поле битвы остались только мертвые тролли. Скафлок, не покидая седла, начал военный совет с Огненным Копьем, Фламом и другими вождями.

— Мы торопились как могли, — объяснил Огненное Копье. — Пришлось задержаться у Рунного Утеса и закрепить его за нами. Когда мы подъехали к нему, ворота были уже открыты, а тролли перерезаны. Женщины отлично поработали! Я думаю, увидев, что большая часть защитников Эльфийского Утеса пала, они расправятся с остальными к нашему подходу.

— Добро, — кивнул Скафлок.

Битва кончилась, меч был убран в ножны, и Скафлок снова почувствовал, как он устал. Буря замирала с жалобным воем, вот уже и ветер утих, и только дождь продолжал лить со светлеющего неба.

— Сиды Эриу тоже вступили в войну, — сказал Флам. — Луг высадился в Шотландии, Мананнан очищает от троллей острова и побережья северных морей.

— Да, он сдержал слово, — Скафлок повеселел. — Настоящий друг, этот Мананнан и единственный из богов, кому я доверяю.

— А все потому, что он — полубог, лишившийся большей части своего могущества и низведенный до обитателя Волшебной страны, — пробормотал Огненное Копье. — Безумие связываться что с богами, что с великанами.

— Пора в путь, чтобы попасть под крышу до зари, — сказал Флам. — Сегодня мы спим в Эльфийском Утесе. О, давненько я не спал на эльфийском ложе подле эльфийской дамы.

Скафлок скривил губы, но промолчал.

Хотя осень началась с небывалой бури, но вскоре установилась мягкая, необычная для этого времени погода, и установилась надолго. Казалось, земля приветствует возвращение своих старых возлюбленных. Кое-кто из них лег в ее объятия навеки, и клены помянули их алой листвой. Остальные деревья украсили туманные холмы, раскинувшиеся под задумчивыми небесами, всеми оттенками золота и бронзы. Белки торопливо делали на зиму запасы; олени трубили и трясли ветвистыми рогами; с неба вместе с листьями неслся крик диких гусей, улетавших на юг. По ночам на небе высыпало столько звезд, что казалось, их можно собирать руками с черного купола тверди.

Удача сопутствовала эльфам. На севере и на юге, на западе и на востоке — везде они одолевали врагов без больших потерь. У них не только появились союзники — теперь эльфы были лучше воружены, а когда Король Эльфов очистил от троллей материк, то пришли и подкрепления, и они начали с легкостью захватывать замок за замком. Тролли же, напротив, оказались отрезанными от главных сил, так как Мананнан блокировал побережье. К концу года эльфам, по существу, уже не с кем было сражаться.

Но Скафлока это не радовало. Прежде всего он знал, что все это значит. Как только Вальгард понял, что его силы будут разбиты по частям в открытом бою, он начал стягивать их как можно быстрей в Эльфийский Утес, и, отступая, они успели все же доставить эльфам немало неприятностей. Скафлок не

сомневался в том, что теперь он в состоянии захватить последний оплот врага, но цена, которую пришлось бы за это заплатить, могла оказаться слишком высока.

Не то чтобы это его очень огорчало, но все же штурм требовал немалого полководческого искусства, и он выбирал способ, который позволил бы закончить кампанию с наименьшими потерями. Но не только эти мысли терзали его.

Нечто более серьезное лишало его покоя. Сражений становилось все меньше, наконец, стычки прекратились вовсе. По целым дням, а теперь уже по неделям, его меч спал, не покидая ножен. Зато в Скафлоке проснулись воспоминания. Он надеялся, что время исцелит сердечную рану. Теперь он понял, что этого не произошло. Он не знал, от чего ему было больней — то ли от прежнего самообмана, то ли от нынешних грез.

Осень тем временем кончилась, наступила зима. И вот в эти дни Огненное Копье, которому Скафлок рассказывал о своих сердечных делах не больше, чем прочим, — пусть думают, что смертная девушка ему надоела или что он ее отослал к людям, чтобы она была в безопасности, — так вот, Огненное Копье сказал ему:

— Может тебе будет интересно знать: я проезжал в сумерках недалеко от одной усадьбы и видел молодую женщину, похожую на Фреду, дочь Орма. Она ждет ребенка, но мне показалось, что она тоже чем-то опечалена.

Скафлок вечером выехал один. Его вороной жеребец шел шагом, не быстрей, чем бежит смертный конь. Палые листья шуршали под его копытами и кружили, взметенные холодным ветром. Те же, которые еще оставались на ветках, ярким венцом сплетались над головой всадника. Сумерки сгущались, пока он скакал по знакомым лесам.

Скафлок ехал, точно не чувствуя веса шлема, кольчуги и меча с драконом на эфесе. Длинные и светлые

волосы выбились из-под головной повязки. Резко очерченные линии загорелого лица были суровы. Но сердце стучало учащенно, кровь шумела в ушах, руки были влажными, губы пересохли.

Постепенно совершенно стемнело. Скафлок пересек не замерзший еще ручей, благодаря колдовскому зрению ему было видно, как воды несут осенние листья точно коричневые кораблики. Тишину нарушал только крик совы да скрип деревьев, но, казалось, громче всего стучит его сердце.

Фреда, о Фреда, неужели ты совсем рядом?

К тому времени как Скафлок въехал во двор усадьбы Торкеля, сына Эрленда, звезды одна за другой вспыхнули в небесах. Он прошептал заклятье, от которого собаки разбежались, не залаяв. Копыта коня не стучали. В усадьбе царил полумрак, только тусклый огонек горел у входа в дом.

Скафлок спешился. У него дрожали колени. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтоб дойти до этих дверей. Двери были заперты на засов, и он задержался на минуту, шепча заклинание, распахнувшее их.

Торкель был богатый крестьянин, но все-таки не вождь, а потому горница в его доме была невелика, и в ней обычно не ночевали, если только не было гостей. Фреда по привычке сидела у тлеющего очага. Аудун подошел к ней сзади. Его глаза блестели ярче углей в очаге.

— Не спится, — сказал он. — Все спят, и как это только у них получается, а я вот снова встал, думаю, сейчас мы сможем с тобой спокойно поговорить.

Он присел рядом с Фредой на лавку. Свет блестел на ее волосах. Фреда не покрывала голову, как это было в обычае у замужних женщин, а заплетала косы.

— Прямо не верю своему счастью, — продолжал Аудун. — Через несколько дней возвращается отец и мы сможем сыграть свадьбу.

Фреда улыбнулась.

— Прежде я должна родить, а потом оправиться от родов, — ответила она. — Роды могут начаться со

дня на день. — И, посерьезнев, добавила: — Ты действительно не держишь зла на меня или на дитятю?

— С чего? И сколько мне еще убеждать тебя? Это твой ребенок. Мне этого довольно. Значит для меня он, как мой собственный.

Аудун обнял Фреду.

В этот миг засов отодвинулся сам собой. Дверь распахнулась, в комнату ворвался ночной ветер. Фреда увидела, как из мрака выступила высокая фигура. Она, точно онемев, стала пятиться, пока не уперлась в стену.

— Фреда! — голос Скафлока перекрыл треск пламени в очаге.

Ей показалось, будто грудь сдавило железным обручем. Она подняла руки, точно отстраняя его от себя.

Скафлок пошел к ней как лунатик. И она, она тоже сделала шаг ему навстречу, потом еще один.

— Стой!

Крик Аудуна рассек тишину. По стене метнулась его огромная тень. Он схватил стоявшее в углу копье и бросился между Скафлоком и Фредой.

— Стой... я сказал: стой! Кто ты? Чего тебе нужно?

Скафлок сотворил знак и произнес заклятье. Теперь никто не проснется в доме, пока он не уйдет из него. Он сделал это машинально, не задумываясь, как человек без раздумий прихлопнет муху.

— Фреда, — сказал он снова.

— Кто ты? — крикнул Аудун. Его голос срывался. — Чего тебе нужно?

Он увидел, как эти двое смотрят друг на друга, и, еще не понимая, что к чему, почувствовал острую боль.

Скафлок глядел поверх его плеч, едва ли замечая его.

— Фреда, — говорил он. — Любовь моя, жизнь моя. Пойдем со мной.

Фреда, возражая, покачала головой, но все же сделала еще один шаг к Скафлоку.

— Я был в Ётунхейме, я вернулся, чтобы сражаться, я надеялся, что время и война дадут мне забвенье. — Голос Скафлока дрожал. — Нет. Ни меч-убийца, который я добыл, ни закон, ни боги — ничто

не в силах разъединить нас, Фреда. И что нам до них? Пойдем, Фреда, пойдем.

Она склонила голову, потом, отвернувшись, беззвучно заплакала, сотрясаясь всем телом. Слезы брызнули у нее из глаз.

— Ты издеваешься над ней! — закричал Аудун.

Он неловко взмахнул копьем. Оно отскочило от широкой, закованной в броню груди Скафлока и оцарапало ему щеку. Предводитель эльфов вскинулся как рысь и потянулся за мечом.

Аудун попытался ударить снова. Скафлок нечеловечески быстро отскочил. Меч со свистом покинул ножны. Он рассек древко копья.

— Прочь с дороги! — заревел Скафлок.

— Не раньше, чем ты оставишь в покое мою невесту!

Аудун чувствовал, как слезы ярости и страха — нет, не страха смерти, его напугало то, что он увидел в глазах Фреды, — брызнули у него из глаз. Он выхватил кинжал и попытался вонзить его Скафлоку в горло.

Меч взметнулся, опустился со свистом и рассек голову Аудуну. Тот покатился по полу, ударился о стену и затих в неестественной позе.

Скафлок в недоумении посмотрел на окровавленный клинок.

— Я не хотел, — прошептал он. — Я рассчитывал только отбить удар. Я забыл, что стоит его только обнажить, и он не успокоится, не напившись крови...

Он поднял глаза на Фреду. Она, содрогаясь, смотрела на него, рот ее был разъят в беззвучном крике.

— Я не хотел! — закричал Скафлок. — Какая разница! Пойдем со мной!

Фреда, овладев собой, наконец смогла выговорить, задыхаясь:

— Уходи. Сейчас же. Никогда не возвращайся.

— Но...

Скафлок шагнул к ней.

Фреда нагнулась и схватила кинжал Аудуна. Он сверкнул в ее руке.

— Вон, — сказала она. — Еще один шаг, и я ударю тебя.

— Надеюсь, ты так и сделаешь, — ответил Скафлок.

— Или убью себя. Только дотронься до меня, убийца, язычник, который спал с родной сестрой как пес или эльф, дотронься до меня, и я воткну этот нож себе в сердце. Бог простит мне меньший грех, если я избегну большего.

Скафлок разъярился.

— Давай, зови своего бога, провизжи свою молитву! Больше ты ни на что не годна. Ты была готова продаться за кусок хлеба и крышу над головой, ты — шлюха, сколько бы попов ни хныкало над этим распутством... и это после тех клятв, что ты давала мне. — Он поднял меч. — Лучше мой сын умрет, не родившись, чем достанется этому твоему богу.

Фреда, не дрогнув, стояла перед ним.

— Бей, если хочешь, — сказала она насмешливо. — Мальчики, женщина да младенцы во чреве — тебе только с ними воевать.

Скафлок опустил свой большой меч и вдруг, не вытерев кровь с клинка, кинул его в ножны. Едва он сделал это, ярость покинула его. Он почувствовал себя усталым и несчастным.

Плечи согнулись, голова поникла.

— Ты действительно отреклась от меня? — спросил он тихо. — Этот меч проклят. Это ведь не я говорил все эти мерзости и не своей волей убил бедного малого. Я люблю тебя, Фреда, люблю так, что весь мир сияет для меня, когда ты рядом, и меркнет, когда тебя нет. Я, точно нищий, прошу тебя: вернись ко мне.

— Нет, — Фреда задыхалась. — Уйди. Прочь. — Она всхлипнула. — Я не хочу больше тебя видеть! Уйди!

Скафлок повернулся к дверям. Губы его дрожали.

— Однажды я просил тебя о прощальном поцелуе, — сказал он почти спокойно. — Ты отказала мне. Может быть сейчас?

Фреда подошла к телу Аудуна, преклонила колени и припала к его губам.

— Любимый, любимый мой, — она точно пела, поглаживая окровавленные волосы и закрывая мертвые глаза. — Бог прибрал тебя к себе, мой Аудун.

— Прощай, — сказал Скафлок. — Может статься, что будет и третий раз, когда я попрошу тебя о поцелуе, только он будет последним. Кажется мне, что я долго не проживу, да я к этому и не стремлюсь. Но я люблю тебя.

Он вышел, прикрыв дверь от ночного ветра. Чары тут же спали. Обитатели усадьбы проснулись, разбуженные собачьим лаем и копытами, гремевшими, казалось, на весь мир. Когда они вбежали в горницу и увидели, что произошло, Фреда сказала им, что какой-то разбойник пытался похитить ее.

Прежде чем рассвело, ей приспело рожать. Ребенок был слишком крупный для ее узких ложесн. Фреда почти не кричала, хотя роды ее были долги и мучительны.

Поскольку все опасались бродившего в округе убийцы, то за священником не решились послать сразу же. Женщины старались, как могли, помочь Фреде, но Аса была мрачна.

— Сперва Эрленд, теперь Аудун, — бормотала она про себя. — Дочери Орма приносят несчастье.

С рассветом мужчины пошли на поиски следов убийцы, но на закате вернулись, так ничего и не найдя. Было решено, что завтра будет уже безопасно послать кого-нибудь в церковь. Тем временем ребенок появился на свет, он, как и положено дитя человеческому, плакал и тянулся к материнской груди. Вечером Фреда, изможденная, дрожащая, осталась лежать в своей комнате, предоставленная самой себе, с новорожденным сыном на руках.

Она улыбнулась, глядя на его крохотное тельце.

— Ты — моя прелесть, — напевала она.

Фреда словно вернулась из страны теней, и теперь все казалось ей нереальным, кроме ребенка, которого держали ее руки.

— Ты — мой рыженький, ты — мой красивый, ты — весь в отца.

Слезы точно лесные ручьи сами собой побежали у нее из глаз.

— Я люблю его, — шептала она. — Господи, прости мои прегрешения, я вечно буду его любить. А ты, мой сын, последнее, что осталось мне от нашей любви.

Вскоре после кроваво-красного заката стемнело. Узкий серп месяца пробивался сквозь тучи, гонимые ветром. Надвигалась буря; казалось, природа кончила долгую встречу эльфов и сразу наступила зима.

Домишки усадьбы жались друг к другу под неласковыми небесами. Деревья со стоном клонились под ветром. Море с грохотом било в берега.

Тьма сгустилась, ветер, постепенно превратившийся в ураган, гнал перед собой мертвые листья. Град застучал по крыше, точно чьи-то каблуки. Фреда лежала без сна.

Ополночь вдали она заслышала рог. От этих звуков ее бросило в дрожь. Дитя заплакало, и она положила его рядом с собой.

Снова затрубил рог, громче, ближе, ни волынка ветра, ни грохот прибоя не могли заглушить его. Залаяли собаки, прежде ей не доводилось слышать такой лай. Копыта били в ночи, земля и небо откликались на этот топот.

Это был Выезд Асов, Дикая Охота. Фреду охватил страх. Почему никто кроме нее не слышит этих звуков? У груди заплакал ребенок. Ветер колотил ставнями.

Стук могучих копыт теперь уже был во дворе. Рог, сотрясая дом, протрубил снова. Собаки звонко лаяли под стенами усадьбы.

Кто-то постучал в дверь, которая вела из комнаты Фреды на двор. Засов отодвинулся сам собой, и дверь распахнулась. Ветер заметался по комнате, вздувая плащ на вошедшем.

Хотя в комнате было темно, Фреда легко различала его. Ему пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой потолочные балки. Его единственный глаз сверкал так же ярко, как наконечник копья. Из-под

широкополой шляпы выбивались седые волосы. Длинная борода тоже была с проседью.

Его голос был как голос ветра и моря, как голос бескрайних небес.

— Фреда, дочь Орма, я пришел за тем, что ты поклялась отдать мне.

— Повелитель... — Она отшатнулась, пытаясь укрыться одеялом. Если бы Скафлок был с ней... — Повелитель, мой пояс лежит вон в том сундуке.

Один расхохотался.

— Ты думаешь, мне нужно усыпляющее снадобье? Нет, ты пообещала отдать мне то, что носишь под поясом, а ты тогда уже носила дитя.

— Нет! — Фреда едва услышала собственный крик. Она спрятала плачущего младенца за спину. — Нет, нет, нет! — И сев на постели, сорвала со стены распятие, которое висело у нее над головой. — Во имя Отца и Сына и Святого Духа, изыди!

— Я не боюсь этого заклятья, — сказал Один, — ибо ты отвергла их, заключая эту сделку. Теперь отдай мне ребенка!

Он отодвинул Фреду и обнял дитятю свободной рукой. Фреда пала перед ним на колени.

— Зачем он тебе? — простонала она. — Что ты хочешь с ним сделать?

Странник ответил, и голос его прозвучал из безмерной дали:

— Его судьба высока и ужасна. Игра между Асами, Ётунами и новыми богами еще не сыграна до конца. Меч Тирфинг все еще сверкает на шахматной доске мира. Тор сломал его у корней ясеня Иггдрасиль, тогда я и подарил обломки Скафлоку, ведь Больверк, а он один мог починить этот меч, не стал бы работать ни для Асов, ни для эльфов. Меч же был нужен для победы над троллями, ведь им тайно помогал Утгард-Локи, а иначе как бы удалось опустошить Альфхейм враждебному богам племени. Но меч нельзя оставить у Скафлока, иначе он попытается полностью уничтожить троллей, Ётуны этого не допустят, они вступят в войну, боги тоже будут вынуждены воевать, и конец света настанет до срока. Скафлок

должен пасть, а дитя, появление которого я обеспечил и которое теперь заполучил, однажды возьмет этот меч и исполнит его предназначение до конца.

— Скафлок погибнет? — Фреда рухнула к его ногам. — Он тоже? Нет, нет, о нет!

— Для чего ему жить дальше? — холодно спросил Один — Если бы ты отправилась к нему в Эльфийский Утес, с которым он накрепко связан, и восстановила то, что было разорвано у кургана, он бы с удовольствием сложил оружие. Тогда бы действительно не было необходимости в его смерти. В противном случае он обречен. Меч убьет его.

Плащ взвился еще раз, и Дикий Охотник покинул комнату. Рог протрубил, собаки взвыли, копыта прогремели, и все пропало в ночи. Слышно было только, как свистит ветер, шумит море да безутешно рыдает Фреда.

XXVII

Вальгард стоял на вершине самой высокой башни Эльфийского Утеса, наблюдая за тем, как враги окружают замок. Он застыл, сложив руки на груди, и лицо его было точно высечено из камня. Только глаза жили на этом лице. Рядом с ним стояли другие вожди замка и разбитых войск, остатки которых укрылись в этой последней и самой грозной твердыне. Измученные, подавленные, многие к тому же израненные, они со страхом смотрели на рать, готовую взять Эльфийский Утес приступом.

Справа от Вальгарда стояла Лиа, в платье, мерцающем в лучах, которые месяц лил в незастекленное окно. Легкий ветер играл ее тончайшим одеяньем и бледными волосами. На ее губах мелькала легкая улыбка, в глазах переливались голубые сумерки.

Склоны вокруг Эльфийского Утеса побелели от инея. По ним двигалось эльфийское войско. Оружие гремело, кольчуги звенели, рога трубили, лошади били копытами по замершей земле. Лунный свет отражался в щитах, копья и секиры сверкали под звездами.

Эльфы разбили свой лагерь вокруг замка, окружили его палатками и кострами. То и дело, точно тени, мелькали воины.

Грохот катился по холмам. Это, сверкая как солнце, мчалась боевая колесница. Пламя вспыхивало на ее спицах. Четыре белоснежных коня были впряжены в нее. Они храпели как буря, выгнув шеи и тряся шелковыми гривами. Тот, кто с копьем в руках стоял подле колесничего, возвышался над всеми. Его лицо, выражавшее мрачное величие, обрамляли темные кудри. Очи горели огнем.

— Это Луг Долгорукий, — с тревогой в голосе сказал один из троллей. — Он ведет на нас племена богини Дану. Он косил нас, как серп — пшеницу. Шотландские поля почернели от воронья, которое так отяжелело, что не могло летать. Не спаслось и сотни троллей.

Вальгард по-прежнему молчал.

В алом плаще и серебряной кольчуге Огненное Копье прогарцевал вокруг замка. Его лицо светилось красотой, отвагой и жестокостью к врагу, а пику он держал так, точно собирался проткнуть звезды.

— Он привел бродяг, — пробормотал другой тролль. — Их стрелы летели отовсюду. Они появлялись из тьмы, и за ними оставались лишь пожарища и смерть.

Вальгард даже не пошевелился.

На берегу залива, освещенного луной, догорали или лежали разбитыми корабли троллей. Подходили и вставали на якорь длинные корабли эльфов. Щиты блестели на их бортах.

— Их захватил у нас Мананнан Мак Лер, а привел сюда Флам Оркнейский, — сказал жестко один из вождей. — Наша мощь погребена в морях. Только один корабль прорвался, чтоб доставить вести о том, что побережья Тролльхейма разграблены и преданы огню.

Вальгард казался высеченным из гранита.

Эльфы на берегу стали устанавливать шатер, превосходивший прочие своими размерами. К нему подъехал человек на чудовищном коне и установил перед

шатром свой штандарт — копье с насаженной на него высохшей головой Илдреда. Мертвые глаза уставились на троллей, стоявших на башне.

Один из троллей сказал дрогнувшим голосом:

— Это их предводитель — Скафлок Смертный. Никому не устоять против него. Он гнал нас на север как стадо овец и убивал, убивал. Его меч рубит металл и камень как тряпку. Трудно поверить, что он — человек, а не демон, вставший из ада.

Вальгард вздрогнул.

— Я знаю его, — сказал он тихо. — И собираюсь его убить.

— Повелитель, это невозможно. Его меч...

— Спокойно. — Вальгард, обернувшись, пронзительно посмотрел на говорившего и ответил, точно хлестнул по лицу:. — Дурни, трусы, мерзавцы! Пусть всякий, кто боится драться, отправляется как скот к тому мяснику. Он не станет вас задерживать, и умрете вы быстро. Что до меня, то я разобью его здесь у стен Эльфийского Утеса. — Его голос понизился, загремел как колесницы у подножья замка. — Это последний оплот троллей в Британии. Почему пали прочие, мы не знаем. Мы видели только эльфийские знамена над их башнями. Но зато мы знаем, что этот замок, который никому не удавалось взять приступом, набит воинами, и нас здесь больше, чем всех нападающих, вместе взятых. Мы защищены и от тайной магии, и от открытого штурма. Если замок падет, то только из-за нашей собственной трусости. — Он потряс огромной секирой, с которой никогда не расставался. — Сегодня ночью они только разобьют лагерь, большего им не успеть до зари. Завтра они начнут осаду, возможно, сразу начнут штурм. Если будет штурм, мы его отобьем и пойдем на вылазку, если не будет штурма — нападем сами. За спиной у нас — стены замка, где в случае, если что-то пойдет неладно, всегда можно укрыться. Но я думаю, мы погоним их, нас больше, наши воины сильней. Мы со Скафлоком давно ищем встречи, хотя и терпеть друг друга не можем. Я убью его и завладею его победоносным мечом.

Вальгард умолк. Тогда один из шотландских вождей спросил его:

— А как быть с сидами?

— Они не всемогущи, — огрызнулся Вальгард. — Если мы разгромим эльфов, сиды сами пойдут на мировую. Тогда Англия снова станет нашим владеньем и щитом Тролльхейма до тех пор, пока мы не накопим сил для нового нападения на Короля Эльфов.

Он устремил свой потемневший взор на голову Иллреда.

— И тогда, — пробормотал он, — я сяду на твой трон. Но что мне с того? Зачем мне все это?

После того как шум утих, один из слуг, почуяв неладное, встал, засветил огонь и пошел посмотреть, что же стряслось в доме Торкеля, сына Эрленда. Он увидел, что дверь со двора в комнату Фреды, дочери Орма открыта нараспашку, ребенок пропал, а сама Фреда лежит в обмороке на пороге, истекая кровью. Слуга втащил ее в дом. Она, не приходя в чувство, металась в жару и выкрикивала такое, что подоспевший священник только перекрестился да покачал головой.

Никто не мог добиться от нее, что же случилось. Дважды Фреда пыталась бежать из дому, но каждый раз ее замечали и отводили обратно. Сопротивляться у нее не было сил.

Но вот однажды ночью Фреда, проснувшись, почувствовала, что сознание ее прояснилось (во всяком случае, ей так казалось), а силы немного восстановились. Она, не вставая, стала обдумывать, что же ей делать. Затем вылезла из постели и, сжав зубы, чтобы они не стучали от холода, разыскала сундук, где лежало ее платье. На ощупь она надела шерстяную юбку и длинный плащ с капюшоном, затем, держа обувь в руках, прокралась на кухню, чтобы захватить с собой хлеба и сыра.

Проходя обратно через свою комнату, Фреда остановилась, чтобы поцеловать распятие.

— Прости мне, если Ты можешь, — прошептала она, — за то, что его я люблю больше, чем Тебя. Грешница я, но грех на мне, не на нем.

Она вышла из дому. Вызвездило. Звезды светили ярко. Ночь была тиха, только ледок хрустел под ногами. Фреда почувствовала холод. Она пробралась в конюшню.

Замок оставался сумрачным и тихим до самого заката. Лиа осторожно взяла руки Вальгарда, которые лежали у нее на груди. Медленно, незаметно она сняла их и переложила на перину, а сама соскользнула на пол.

Вальгард заворочался, забормотал, не просыпаясь. Покрытая шрамами кожа обтянулась на лице, измученном бессоницей, глаза запали, подбородок заострился. Лиа, стоя, посмотрела на него сверху вниз. Кинжал, лежавший на столе, блеснул в ее ладони.

Да, перерезать горло будет не трудно... но нет, сейчас от нее зависит слишком многое. Ей нельзя ошибиться (у Вальгарда волчье чутье, он всегда начеку, даже когда спит), неверный шаг — и все потеряно. Лиа тенью выскользнула из комнаты и, прикрыв наготу платьем, покинула покои ярла. В правой руке у нее был нож, в левой — ключи от замка, вытащенные из тайника, который она же и указала Вальгарду.

Мимо нее прошмыгнули другие эльфийские женщины. Они тащили мечи из оружейной. Все происходило молча.

Тролли метались в беспокойном сне. Лиа миновала нескольких стражей на постах, которые не обратили на нее ни малейшего внимания, разве что посмотрели вслед с похотливой жадностью. Все привыкли, что повелители эльфийских женщин посылают их со своими поручениями.

Лиа спустилась в подземелье. Подойдя к двери, за которой томился Имрик, она открыла тройной замок.

Из багрового мрака на нее бросился злой дух. Лиа ударила его ножом. Он затрещал крыльями и, не издав больше ни звука, свалился на пол с перерезанным горлом.

Лиа затоптала огонь. Разрезала веревки, на которых висел Имрик. Он тяжело рухнул ей на руки и трупом растянулся на полу, куда она бережно уложила его.

Лиа начертила исцеляющие руны на кусочках обугленного дерева и положила их Имрику под язык, на глаза и на обгоревшие ноги, затем прошептала заклинания. Плоть начала затягивать раны. Имрик мучительно вздохнул, но не издал больше ни звука.

Лиа положила рядом с ним связку ключей.

— Когда ты придешь в себя, — сказала она тихо, — освободи пленных эльфов. Они заперты здесь же, в подземелье. Оружие найдешь в старом колодце под башней. Не предпринимай ничего, пока штурм не будет в разгаре.

— Добро, — пробормотал Имрик пересохшими губами. — Хорошо бы еще получить воды, вина и мяса... и вообще всего, что тролли мне задолжали.

Его глаза неожиданно вспыхнули так, что даже Лиа вздрогнула.

Беззвучно, по подземному ходу она пробралась в башню астрологов, которая теперь была заброшена. Эта башня возвышалась над восточной стеной замка. По винтовой лестнице Лиа взобралась наверх и оказалась среди огромных приборов из бронзы и хрусталя, затем вышла на полукруглый балкон. Хотя сам балкон был в тени, но закатное солнце почти ослепило ее и пронзило еще более опасными для эльфов невидимыми лучами. Она с трудом могла разглядеть, что у стены стоит кто-то высокий, в сверкающей броне, как это и было обещано в послании, которое прошлой ночью ей доставила летучая мышь.

Она не знала, кто это, может быть один из сидов, может, сердце Лиа замерло, может и Скафлок. Она перегнулась через бруствер и кинула связку ключей. Тот, кто ждал ее, поддел связку копьем: это были ключи от замковых ворот.

Лиа поспешила обратно в спасительные для нее сумерки, птичкой впорхнула в покои ярла. Она разделась и нырнула под одеяло, как раз в тот момент, когда Вальгард проснулся.

Он встал с постели, выглянул в окно.

— Почти стемнело, — сказал он. — Пора вооружаться перед сражением.

Сняв со стены рог, Вальгард распахнул дверь на лестницу и протрубил. Стража, заслышал сигнал, подхватила его, не ведая того, что по этому сигналу каждая эльфийская женщина вогнала свой нож в сердце того тролля, который сегодня спал с ней.

Фреда скакала в полуобморочном состоянии, едва не падая с коня, в глазах у нее то темнело, то начинали кружиться красные искры. Боль, пронзив ее измученное тело, вернула ее в сознание, и Фреда возблагодарила эту боль пересохшими губами.

Она скакала то в гору, то с горы, безжалостно погоняя коней. Холмы и деревья мелькали точно камни в русле реки. Если она и видела их, то как нечто нереальное, как во сне, никакой реальности не существовало для нее, кроме стука собственного сердца.

Она помнила, что раз ее конь споткнулся и сбросил ее в ручей. Когда она поскакала дальше, вода замерзла на ее платье и волосах.

Скачка была бесконечной, и когда, казалось, миновала не одна вечность и закат снова залил кровью ее путь, пала вторая лошадь. Первая умерла еще раньше, теперь и эта не могла подняться. Фреда встала на ноги и пошла, хватаясь за ветви деревьев, продираясь сквозь царапающие ее кусты.

В ней все громче звучал некий крик. Но она не обращала на него внимания, это просто не имело значения. Ничто не имело значения, кроме того, что она продолжала двигаться на север, к Эльфийскому Утесу.

XXVIII

На закате Скафлок велел трубить в рога. Эльфы высыпали из палаток в надвинувшиеся сумерки. Они гремели оружием и издавали полные мести боевые кличи. Кони ржали и били копытами, медные колесницы неслись по замерзшей земле, а за боевыми знаменами и головой Иллреда, насаженной на копье, вырос лес пик.

Скафлок оседлал своего вороного из Ётунхейма. Меч Тирфинг, казалось, ожил у его бедра. Лицо Скафлока под шлемом было точно маска древнего бога войны, оно не выражало уже ничего, кроме безжалостности.

Он спросил у Огненного Копья:

— Ты тоже слышал какой-то шум за стенами замка?

— Да, — ухмыльнулся эльф. — Теперь, я надеюсь, они поняли, почему остальные замки пали почти без боя. Однако до наших женщин им не добраться, они все попрятались до той поры, пока мы не возьмем Эльфийский Утес.

Скафлок дал ему ключ, отстегнув его со связки на поясе.

— Ты возглавишь штурм с тыла с помощью тарана, — напомнил он. — Когда мы возьмем главные ворота, ты не дашь отступить троллям через задние. Флам и Рукка помогут нам, напав слева и справа. Я поведу на штурм главных ворот сидов и тех воинов, которых прислал Король Эльфов.

С востока из-за моря взошла луна. Ее свет заиграл на клинках, вспыхнул в глазах, развевающиеся знамена и белые кони казались призрачными в лунном свете. Снова протрубили рога и войско издало боевой клич, который эхом раскатился по утесам и скалам и замер, долетев до звезд. Эльфы и их союзники двинулись на битву.

В ответ из-за стен донесся крик отчаяния. Тролли были потрясены, обнаружив, что треть защитников перерезана во сне, а убийцы точно растворились в лабиринте замка. Все же тролли были удалыми бой-

цами и недаром Вальгард скликал их на бой. Со стен их лучники обрушили град стрел на наступавших эльфов.

Стрелы гремели о щиты и кольчуги, но некоторые достигали цели. Воины падали один за другим, кони метались и ржали, мертвые и раненые устилали склоны холма своими телами.

Замок стоял на обрывистом утесе, к его главным воротам вела только одна узкая тропа. Но эльфы могли двигаться без дорог, они ползли по гремучим осыпям, по обледенелым обрывам, прыгали со скалы на скалу, боевой клич рвался у них из глоток. Они забрасывали на скалы крючья и карабкались по веревкам, они скакали верхом там, где не отважилась бы пройти и горная коза. Вот они уже пробились к подножью замка и принялись в ответ осыпать его защитников стрелами.

Скафлоку удалось захватить подъездную дорогу, так что теперь в бой пошли колесницы племен богини Дану. Они двинулись вслед за Скафлоком с устрашающим грохотом, высекая искры из-под колес и сверкая так, будто бронза еще не застыла. Ни воины, ни колесничие не обращали внимания на стрелы, защищенные шлемами, щитами и кольчугами. Не обращал внимания на стрелы и Скафлок, точно буря мчась на своем вороном коне среди игры теней и лунного света.

Эльфы подступили к стенам. На них полились со стен кипящее масло и вода, крепкая серная кислота, обрушились камни и копья и даже страшный «греческий огонь». Раненые завопили от боли, мясо слезало с костей, остальные завыли от ярости.

Скафлок с криком потряс своим мечом. Эльфы приволокли для него «черепаху», род сооружения на колесах, и под ее прикрытием Скафлок подобрался к дверям замка.

Укрывшись за зубцами стены, Вальгард командовал установкой орудий. Прежде чем таран нанесет удар из своего окованного медью укрытия, катапульты разобьют его огромными камнями.

Скафлок вставил первый ключ, одновременно произнося рунические заклинания. Второй ключ, третий;

тем временем Вальгард помогал заряжать баллисту огромным валуном. Тролли начали натягивать ее механизм.

Седьмой ключ, восьмой. Вальгард установил прицел. Девятый ключ и вот — ворота отперты!

Скафлок вскочил на коня. Конь ударом копыт распахнул створки, Скафлок проскакал под стеной и вылетел во двор, залитый лунным серебром. За его спиной эхо подхватило грохот колесниц Луга, Дова Берга, Ангуса Ога, Эохайда, Коля, Кехта, Мак Грейны, Мананнана — всей дружины сидов, стук копыт и топот бегущих ног. Ворота были взяты!

Внутренняя стража бросилась на штурмующих. Секира тролля задела ногу коня Скафлока. Жеребец заржал и, затаптывая врагов, обратил их в кровавое месиво.

Скафлок взмахнул мечом. Клинок, вспыхивая в сумерках льдистой голубизной, запел свою смертельную песнь, взлетал, падал и снова взлетал, жаля троллей как змея. Крики и лязг металла неслись к звездам, и все смешалось: стон бойцов, свист мечей, громыхание колесниц.

Тролли начали отступать. Вальгард взвыл, его глаза по-волчьи загорелись зеленым огнем, и он, стремглав бросившись со стены во двор замка, мощно ударил во фланг атакующим. Первый эльф пал от его секиры, затем он ударил второго, разбил обухом голову третьему и, рубя налево и направо, ворвался в гущу сражения.

От задних ворот все отчетливей слышались удары тарана, которым командовал Огненное Копье. Тролли обрушили на его отряд камни, горшки с горящей смолой, копья, стрелы и дротики, так продолжалось до тех пор, пока на них сзади неожиданно не напала толпа бойцов, все они были изможденны, окровавлены, оборваны, но оружие точно прикипело к их рукам — это Имрик повел в бой освобожденных им пленников. Тролли обернулись, чтоб отразить их напор, и Огненное Копье распахнул ворота.

— В цитадель! — протрубил Вальгард. — В цитадель, мы должны ее удержать!

Тролли начали прорубать дорогу к донжону. Они сомкнули щиты, о которые тут же залязгали мечи эльфов, и двинулись к дверям цитадели.

Двери были заперты.

Вальгард бросился на дверь. Она точно отбросила его. Тогда он сбил замок и распахнул ее.

В темноте пропела тетива. Тролли начали валиться вокруг него. Вальгард метнулся обратно, в его левой руке дрожала стрела. Сверху прозвучал издевательский голос Лиа:

— Эльфийские дамы захватили этот дом для своих возлюбленных, для возлюбленных, что получше тех, которыми им пришлось довольствоваться последнее время, вот так-то, ты, обезьяна Скафлока!

Вальгард развернулся, вырвал стрелу из предплечья. На губах у него выступила пена. С воем он бросился обратно во двор, его секира со свистом сметала все на его пути. Вальгардом овладело неистовство берсерка.

Скафлок дрался с холодной гордостью, которой наполнял его душу заколдованный меч. Меч был как пламя в его руках. Кровь и мозги хлестали из-под него струей, головы катились по замостке двора, конь оскальзывался на внутренностях — Скафлок бился, бился, оставаясь одновременно и расчетливо-холодным, и самозабвенным, так что он и само убийство были теперь одно. Он разбрасывал смерть вокруг себя, как сеятель — зерно, и куда бы он ни обернулся, боевые порядки троллей тут же были смяты.

Луна, поднявшись от вод, на которых она замостила дорожку, — странно, что она была все так же спокойна, — взошла над стенами замка. Ее лучи осветили ужасную картину. Мечи рубили, копья кололи, палицы и секиры убивали, голос металла и воина слился в одно. Лошади становились на дыбы, бились, ржали, гривы слиплись от крови. Побоище колыхалось точно единое целое, перемалывая бойцов в кровавое месиво.

Луна всходила все выше, со двора казалось, что восточная башня вот-вот пронзит ее. Тролли были разбиты.

Лишь немногим из них удалось спастись. Эльфы, гоня троллей как диких зверей, убивали их у подножия замка и по скатам холма.

— Ко мне, ко мне! — голос Вальгарда гремел над затухающей битвой.

— Сюда, тролли, и сражайтесь!

Скафлок услышал этот голос и повернул коня. Он увидел подменыша, стоящего в воротах, всего в крови с головы до пят, мертвые эльфы лежали кольцом вокруг него. Около дюжины троллей пробивалось к своему вождю, чтобы встать рядом с ним насмерть.

Вот он, источник всех зол... Должно быть, это меч сложил губы Скафлока в зловещую ухмылку. Вальгард, Вальгард, твоя судьба приближается к тебе! Скафлок пришпорил коня.

Уже пустив коня вскачь, он успел заметить, как ястреб, взлетев откуда-то, пронесся к морю, закрывая крылом луну. Холод пронзил его до костей, какая-то часть его существа теперь знала наверняка, что он обречен.

Вальгард увидел Скафлока и осклабился. Подменыш уперся спиной в замковую стену и поднял секиру. Вороной жеребец обрушился на него. Это был его последний прыжок. Секира разнесла череп коня.

Такой вес могла остановить только стена, но даже она сотряслась, когда жеребец упал.

Скафлок вылетел из седла. По-эльфийски ловкий, он, перекувырнувшись в полете, приземлился на ноги. Но по инерции он все же ударился о стену и отлетел в воротный проем.

Вальгард, занеся секиру, бросился прикончить врага. Скафлок выбежал из-под стены на залитые лунным светом склоны холма, у подножия которого простерлись залив и море. Его сломанная правая рука повисла плетью. Он отбросил щит и перехватил меч левой рукой. Кровь струилась по его разбитому лицу и по лезвию его меча.

Вальгард устремился за ним.

— Много разных вещей кончится сегодня ночью, — сказал он, — и твоя жизнь в том числе.

— Мы родились с тобой в одну и ту же ночь, — ответил Скафлок. На каждом слове изо рта у него текла кровь. — Верно и смерти наши не разделит большой срок. — Он усмехнулся. — Если я погибну, как тебе устоять, ты же моя тень!

Вальгард с криком бросился на него. Скафлок поднял меч. Секира Братоубийца столкнулась с мечом и с лязгом, грохотом, в снопах искр разлетелась на части.

Скафлок качнулся, но устоял и снова занес меч. Вальгард, безоружный, начал с рычанием подкрадываться к нему.

— Скафлок! Скафлок!

Воспитанник Имрика обернулся на этот крик. По холму к нему подымалась Фреда, изнуренная, окровавленная, шатающаяся, в лохмотьях, но это была его Фреда, и она возвращалась к нему.

— Скафлок, — кричала она. — Любимый...

Вальгард бросился вперед и вырвал меч из рук своего врага. Он взмахнул мечом и обрушил его вниз.

С воплем он снова поднял меч. Сквозь заливающую его кровь клинок вспыхнул неземным голубым огнем.

— Я победил! — закричал Вальгард. — Я повелитель мира и швырну его к своим ногам! Сойди, тьма!

Он рассек мечом воздух. Но тут эфес меча выскользнул из его рук. Меч со свистом обрушился на него, сбил с ног, пробил горло и вонзился в землю. Теперь Вальгард лежал, пронзенный клинком, который мерцал перед его глазами; жизнь вместе с кровью, хлынувшей горлом, вытекала из него. Он потянулся к мечу, чтобы самому покончить с собой, лезвия взрезали вены на его запястьях. Так погиб Вальгард Подменыш.

Скафлок лежал с рассеченным плечом и грудью. Его лицо, залитое лунным светом, побледнело. Но когда Фреда склонилась над ним, он улыбнулся.

— Я ухожу, любимая, — прошептал он. — Ты слишком добра к мертвецу. Не порть свою прелесть слезами. Забудь меня...

— Никогда, никогда.

Слезы Фреды брызнули на него как дождь весенним утром.

— Ты поцелуешь меня на прощанье? — спросил Скафлок.

Фреда жадно припала к его уже похолодевшим губам. А когда она вновь открыла глаза, в ее объятиях лежал мертвый Скафлок.

Первые холодные полосы света появились на восточном краю неба, когда из замка вышли Имрик и Лиа.

— К чему лечить девчонку и отправлять ее домой? — в голосе Лиа не было слышно радости победительницы. — Лучше в муках отправить ее в преисподнюю. Скафлок погиб из-за нее.

— Так судил ему рок, — ответил Имрик. — А помочь ей — последнее, что мы можем сделать для него. Если эльфам неведомо то, что называют любовью, то им хотя бы известны обязанности дружбы.

— Неведома любовь? — пробормотала Лиа так тихо, что брат ее не услышал. — Ты умен, Имрик, но, видно, есть пределы и твоей мудрости.

Она посмотрела на Фреду, которая, баюкая Скафлока в объятиях, сидела на заиндевевшей земле.

— Ее судьба оказалась счастливей моей, — сказала Лиа.

Имрик не понял ее, быть может сознательно. Он кивнул головой.

— Люди счастливей обитателей Волшебной страны, счастливей даже, чем боги, — сказал он. — Лучше прожить жизнь как падучая звезда, что прочертила на мгновенье небосклон, чем быть бессмертным, для которого закрыто и то, что в Небесах, и то, что в Аду. — Он взглянул на меч, все еще торчавший в горле своей добычи. — Я провижу свою судьбу. — Он вздохнул. — Я чувствую, не за горами день, когда Волшебная страна исчезнет, сам Король Эльфов обратится сначала в лешего, а после и вовсе в ничто, боги — и те падут. И хуже всего то, что бессмертные не будут жить вечно.

Он подошел к мечу.

— Это, — приказал Имрик гномам-рабам, следовавшим за ним, — забрать и выбросить в море. Впрочем, навряд ли это поможет. Воля Норн темна, и не похоже, чтоб этот меч уже сотворил все зло, на которое он способен.

Имрик сам вышел в море на лодке, дабы убедиться, что его приказ выполнен со всем возможным тщанием. Тем временем Мананнан Мак Лер забрал с собой Фреду и тело Скафлока, чтобы позаботиться о живой и отдать последние почести мертвому. Когда Лиа и Имрик медленно вернулись в Эльфийский Утес, тусклая зимняя заря только разгоралась.

Здесь кончается сага о Скафлоке Воспитаннике Эльфов.

ДЕТИ МОРСКОГО ЦАРЯ

Посвящается
Астрид и Терри

Пролог

Горы в Далмации подступают почти к самому побережью Адриатического моря. Всего лишь в миле от берега возвышается большой холм, на склонах которого, над рекой Крка стоит город Шибеник, к востоку же от Шибеника виднеются горы, их вершины теряются в облаках. Близ города река широко разливается, образуя большое озеро, и бежит далее на запад, к морю, здесь течение ее вновь становится стремительным и бурным, Крка мчится, преодолевая скалистые пороги, и низвергается со скал шумными пенистыми водопадами.

Во времена Карла Роберта Анжуйского, правителя объединенного королевства хорватов и венгров, над берегами Крки шумели темные дремучие леса. Непроходимые лесные заросли плотной стеной окружали и озеро, лишь чуть-чуть отступая от его берегов на севере, у места впадения в озеро Крки. На этом берегу люди отвоевали у леса клочок земли, и на нем обосновалась небольшая крестьянская община, по-здешнему «задруга». Выше по течению Крки, там, где в нее впадает приток Чикола, стоит городок Скрадин. Маленькие домишки жителей Скрадина боязливо жмутся к высоким стенам величественного замка, который принадлежит здешнему князю, скрадинскому жупану.

Но даже мощные крепостные стены не дают надежного укрытия от неведомых темных сил природы. Волчий вой слышится по ночам, средь бела дня лают в лесу шакалы, иной раз случается, что кабаны или олени разоряют крестьянские поля, а то вдруг мелькнет

нут в лесных зарослях огромные рога лося или могучая голова зубра. Но страшны не дикие звери. Гораздо страшней неведомые существа, что обитают в округе повсюду. По лесу бродит леший, в глубоких водах озера затаился водяной, а еще здесь встречали вилию — страшнее ее ничего нет на свете, и говорят о ней крестьяне с опаской, шепотом.

Иван Шубич, скрадинский жупан, не слишком большое значение придавал всем этим россказням: мало ли о чем болтают крепостные. Шубич был сильный и храбрый человек, хорватский бан Павел Шубич приходился ему родней, не без его помощи скрадинский жупан повидал свет, узнал многое из того, что лежало за пределами маленького мирка скрадинского замка и его ближайших окрестностей. Иван Шубич много лет провел на чужбине в сражениях и путешествиях, которые закалили его тело и укрепили дух.

Старший сын жупана Михайло также не ведал страха перед лесными призраками, духами и домовыми. Легенды, которые ему довелось слышать когда-то в детстве, Михайло давно забыл, ибо рано покинул отчий дом и уехал в Шибеник, где учился в аббатстве. Он побывал, кроме того, в шумных и многолюдных портовых городах Сплите и Задаре, был и за морем, в Италии. Юноша желал достичь богатства и славы, однообразная жизнь в замке, какой она запомнилась ему в детские годы, внушала ему отвращение. Став взрослым, Михайло по просьбе отца был принят в свиту бана Павла Шубича.

Но и покинув отчий дом, Михайло по-прежнему горячо любил родные места и нередко приезжал в Скрадин. Земляки любили юношу за веселый нрав и сердечную доброту, а еще за то, что был он горазд на выдумку, знал толк в удалых шутках и красивых песнях и охотно рассказывал занятные истории про жизнь людей в дальних странах.

Однажды в начале лета Михайло ранним утром выехал верхом на коне из ворот замка и поскакал на охоту. С ним отправились еще шестеро юношей, состоявшие в свите и страже бана, они, как и Михайло, заранее приехали из Шибеника в Скрадин, чтобы все здесь приготовить к предстоящему прибытию в горо-

дом хорватского бана. В те дни Далматинской Хорватии удалось добиться заключения мира с заклятыми врагами хорватов — венецианцами, стихла до поры до времени и вражда, раздиравшая хорватскую родовую знать, а последнему разбойнику с большой дороги в этих краях отрубили голову несколько лет тому назад. И все-таки лишь немногие мужчины отваживались далеко уходить в леса, о женщинах же и говорить не приходится, те сидели дома, никуда из городка не отлучаясь. Из жителей Скрадина на охоту поехали только брат Михайло — младший сын жупана Лука и двое вольных крестьян, которых охотники взяли с собой как проводников и слуг. Да еще свора собак бежала следом.

Хороша была охотничья ватага. Михайло был одет по последней моде западных стран. На нем были зеленый камзол и штаны, ярко-желтая рубаха, плащ на шелковой подкладке, сапоги кордовской кожи и такие же перчатки. Русые кудри, выбивавшиеся из-под бархатного берета, обрамляли чистое безусое лицо. Если лошадь баловала, на поясе у Михайлы весело позвякивал охотничий нож, но в седле Михайло сидел как влитый. Мало в чем уступали ему и другие охотники, с длинными сверкавшими на солнце пиками и копьями за спиной. На Луке был короткий плащ, куртка до колен и клетчатые штаны, совсем как у крестьян, разве что костюм его был сшит из дорогой материи и отделан красивой вышивкой на рукавах, да островерхая шапка была оторочена соболем, а не простым заячьим мехом. Младший брат Михайлы и крестьяне захватили с собой небольшие изогнутые луки, зато ножи у всех троих были такие огромные, что с ними и на медведя не страшно было бы пойти.

Копыта звонко процокали по мощеной дороге, затем глухо застучали по лесной тропе. В отличие от западноевропейской знати, хорватские князья, как правило, не обижали своих подданных — если бы Михайло вдруг вздумал поскакать напрямик через крестьянские поля, топча нежные зеленые всходы, то пришлось бы ему держать ответ перед отцом за такое бесчинство. Однако, проезжая мимо пастбищ, где паслись телята, парень все-таки не утерпел и ради шут-

ки протрубил в охотничий рог — испугавшиеся телята бросились наутек, да недалеко убежали, выгоны были огорожены плетнем.

Но вот охотники уже в лесу, и охота началась. Леса близ Скрадина были лиственные, в вышине переплетались ветви дубов и буков, под тенистым лесным пологом слышался тихий шелест листвы, сквозь высокие сумрачные своды пробивались кое-где золотистые блики солнечного света. Пение птиц раздавалось где-то вдалеке и не нарушало глубокой тишины. В теплом воздухе стояло пряное и терпкое благоухание лесных трав, столь не похожее на привычные запахи хлевов и человеческого жилья.

Взяв след, собаки бросились в чащу. Не прошло и нескольких часов, как охотники убили оленя, волка и двух барсуков. Дикую свинью они упустили, но все равно охота удалась, все были довольны. Выйдя на берег озера, они подняли лебединую стаю и выстрелами из луков подбили трех лебедей. Наконец, было решено возвращаться в замок.

Но Провидение распорядилось иначе.

В какой-нибудь сотне ярдов от охотников на берегу показался крупный олень. Лучи клонившегося к закату солнца словно облили его золотом, оттененным на боках темно-синим, — олень был белым как снег. Великолепный олень-самец, его огромные высокие рога казались ветвями невиданного чудесного дерева.

— Пресвятая Дева! — воскликнул Михайло. Две стрелы пролетели мимо, даже не задев оленя. А он спокойно стоял, не двигаясь с места, и как будто ждал, пока охотники снова вскочат в седло. Лишь тогда олень побежал прочь. И он не бросился через кустарник, где лошади непременно застряли бы, нет, он повернул прямиком на лесную дорогу и помчался по ней вперед. В сгущавшихся сумерках олень казался призрачной белой тенью. Охотники с криками «ату» пустились следом, а олень кружил, мчался вперед и вдруг сворачивал в сторону, то влево, то вправо, то назад, он бежал и бежал, охотники не отставали, позабыв обо всем на свете и не замечая времени. Уже и лошади покрылись пеной, и собаки выбились из сил и тяжко дышали, как тут олень снова вывел своих

преследователей к озеру и вдруг бесследно исчез, словно никогда его и не было.

В темных водах озера отражался угрюмый и мрачный лес. Солнце уже село, и только в западной стороне неба виднелись охристо-желтые штрихи заката, на востоке же сгустилась лиловая мгла. Быстро темнело, в вышине зажглась первая мерцающая звезда. На воду пал туман, в темном небе замелькали летучие мыши. Холодало. И нигде не раздавалось ни звука.

Вдруг впереди мелькнуло какое-то крылатое существо, словно полоса тумана, мелькнуло и пропало.

Михайло чертыхнулся сквозь зубы. Лука перекрестился, второй раз, третий... Крестьяне соскочили с лошадей и, опустившись на колени, принялись шептать молитвы.

— Нас заманили, — тихо сказал затем старший крестьянин, Шишко. — Но кто заманил? Зачем?..

— Поедемте скорей прочь отсюда, ради всего святого, — стал умолять Дража, второй крестьянин.

— Обождем, — ответил Михайло. Он уже снова был спокоен, как всегда. — Лошадям надо дать отдых. Иначе мы их загоним, сам знаешь.

— Ты что, хочешь заночевать здесь? — робко спросил Лука.

— Да нет, подождем час или два, а там месяц взойдет, легче будет найти дорогу домой, — сказал Михайло.

Один из охотников окинул взглядом озеро, темная поверхность которого поблескивала тусклым серебром, и черную зубчатую стену леса на дальнем берегу.

— Нехорошее здесь место для крещеных людей, — сказал он. — Древние языческие боги гуляют тут на воле и хозяйничают как у себя дома. Ох, видно, не за оленем мы гнались, а за самим ветром. И скрылся этот олень туда, куда ветер улетел, вот что я думаю.

— И это говорит горожанин! — Михайло насмешливо улыбнулся. — Видение это было и больше ничего. Неудивительно, ведь мы весь день в седле, вымотались изрядно. — Михайло пристально поглядел на своих спутников, чьи лица смутно белели в темноте. — Нет на земле никаких нехороших мест для христиан, если вера их истинная, — сказал он. —

Давайте вознесем молитву нашим святым, попросим у них защиты. И тогда не страшны нам дьявольские козни и вся прочая нечисть.

Немного приободрившись, все, кто еще не спешился, сошли с коней. Все вместе охотники дружно помолились, затем расседлали лошадей и принялись растирать им бока суконными попонами. На мглистом небе одна за другой загорались звезды.

Звонкий смех Михайлы нарушил тишину.

— Вот видите, нечего нам бояться!

— Не надо, не надо бояться! — раздался вдруг мелодичный девичий голос. — Ведь это ты, возлюбленный мой?

Михайло резко обернулся.

И сам он, и его спутники темными тенями угадывались в густых сумерках — она же была видна ясно как днем. Она стояла у самой воды в прибрежных тростниках. Нагое тело и распущенные длинные волосы были призрачно-белыми, огромные глаза блестели необычайно ярко. Она тихо шла навстречу Михайле, вытянув вперед руки.

— Иисус, Дева Мария, спасите нас и помилуйте... — чуть слышно пробормотал Дража, стоявший позади Михайло. — Это вилия!

— Михайло! — ясным голосом позвала она. — Прости меня! Я очень, очень стараюсь все вспомнить, поверь, Михайло!

Чудом он не поддался и не пошел к ней навстречу, а остался стоять на окутанном туманной мглой берегу.

— Кто ты? — через силу произнес он, с трудом одолев страшную дрожь в груди. — Что тебе от меня нужно?

— Это вилия, — невнятно прошептал Шишко, — призрак, демон. Гони ее прочь, парень, — добавил он окрепшим голосом, — не то она всех нас утащит в свое подводное царство, в ад!

Михайло сотворил крестное знамение и упал на колени.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа... — Но не успел он вымолвить: «сгинь, пропади, нечистая сила», как вилия уже очутилась совсем рядом, так близко, что он ясно увидел прелестные черты ее лица.

— Михайло! — жалобно заговорила она. — Ты ли это? Прости, Михайло, если я тебя обидела...

— Нада! — воскликнул он.

— Нада? Значит, меня так звали? — Она, словно удивившись чему-то, подняла брови. — Да, пожалуй, Нада... Наверное, я была Надой... А ты — Михайло, и тогда, раньше, ты был Михайло, да-да, конечно... — Она улыбнулась. — Правда, это был ты. И я привела тебя сюда, ведь так, любимый?

Юноша отпрянул и с криком бросился прочь. Его спутники тоже побежали кто куда, теряя друг друга в темноте. Лошади в испуге били копытами.

Все стихло. Вилия Нада осталась на берегу одна. Все новые и новые звезды загорались в небе. Последние отблески заката угасли, но небо в западной стороне все еще чуть светлело. Этот неверный свет отражался в водах озера, и блики на его темной поверхности бросали слабый отблеск на вилию, но вскоре она растаяла в темноте, превратилась в тонкую светлую полосу, подобную следу, что остается на щеке от слез.

— Михайло, прошу тебя... — прошептала она. И вдруг звонко засмеялась, словно обо всем забыв, и скрылась в лесу.

Охотники поодиночке добрались домой. Все были живы и невредимы. Шишко и Дража рассказали односельчанам о том, что приключилось с ними в лесу, и крестьяне стали еще более осторожными и осмотрительными. Михайло очень неохотно говорил о случившемся. Вскоре все заметили, что он уже не тот веселый парень, каким был прежде. Теперь Михайло что ни день уединялся с капелланом замка и позднее, вернувшись в Шибеник, часто посещал духовника. Спустя год Михайло ушел в монастырь, чем был немало огорчен жупан, его отец.

Книга первая

КРАКЕН

I

Епископ Виборский назначил архидьяконом своей епархии Магнуса Грегерсена. Этот служитель церкви получил прекрасное образование в Париже, чем выгодно отличался от других священников. К тому же он был прямодушным и глубоко благочестивым человеком. В народе, правда, Магнус Грегерсен прослыл слишком суровым, прихожане встречались с ним неохотно, не любили его длинное постное лицо, тощую фигуру и поговаривали, дескать, им куда приятней видеть на своих полях любую другую черную ворону, чем Магнуса Грегерсена. Но епископ рассудил, что в северной Ютландии такой пастырь будет как раз на месте, ибо за годы войн, опустошавших Датское королевство после смерти Вальдемара Победителя, неверие успело пустить глубокие корни в народе.

По указанию епископа Магнус посетил деревни и села на восточном побережье Ютландского полуострова, побывал он и в небольшом рыбачьем поселке Альсе. Это была бедная деревушка, с трех сторон окруженная густыми лесами и топкими болотами. Только две дороги вели к поселку: одна проходила вдоль берега, другая шла с юго-запада и вела через Альс в Хадсунн. Каждую осень в сентябре и октябре рыбаки из поселка, объединившись в ватаги человек по сто, отправлялись на лов в проливе Зунд, через который в это время года шли косяки сельдей. А больше нигде не бывали эти люди за пределами своего поселка и знали только свой маленький мирок. Они ловили рыбу и возделывали жалкие поля с тощей бесплодной зем-

лей, жизнь их проходила в тяжких трудах, и в конце концов, сойдя в могилу, они обретали долгожданный отдых и вечный покой на сельском кладбище возле невысокой деревянной церковки. В таких поселках, как Альс, жители упрямо держались древних верований и обычаев.

Магнус сразу понял, что здесь все еще живо язычество, и сильно досадовал, не находя средства раз и навсегда положить конец этому злу. Когда же до архидьякона дошли кое-какие слухи насчет прошлого поселка, его рвение, не находившее до сих пор выхода, разгорелось с удвоенной силой. Однако никто из жителей Альса не пожелал откровенно рассказать Магнусу о том, что произошло в поселке четырнадцать лет тому назад, когда Агнета вернулась со дна моря. Архидьякон призвал к себе сельского священника, отца Кнуда, и, оставшись с ним наедине, потребовал, чтобы тот рассказал все без утайки. Отец Кнуд был тихим и кротким человеком, он родился и вырос в одном из крошечных домишек Альса, и став священником, довольно снисходительно относился к некоторым вещам. По его мнению, они были не столь уж большим грехом и давали бедным прихожанам хоть какое-то развлечение и отдых в их трудной суровой жизни. Отец Кнуд был уже стар и слаб, Магнус с легкостью вытянул из него все, что хотел узнать. Епископский посланник воротился в Вибор, пылая праведным гневом, глаза его метали молнии. По прибытии Магнус немедленно отправился к епископу.

— Ваше преосвященство, — сказал он. — Совершая поездку по епархии, я, к моему величайшему прискорбию, обнаружил во множестве следы дьявольских козней. Увы, я не нашел средства, чтобы одолеть дьявола, вернее, целое сонмище мерзостных и весьма опасных бесов. Я разумею то, что происходит в рыбачьем поселке Альс.

— О чем вы говорите? — резко спросил епископ, которого также пугало возвращение паствы к древним языческим верованиям.

— Я говорю о том, что этот поселок служит пристанищем для водяных!

Епископ облегченно вздохнул.

— Любопытно, — сказал он. — А я и не знал, что этот морской народец до сих пор обитает у берегов Дании. Но они вовсе не демоны, дорогой мой Магнус, души бессмертной у них нет, это верно, как нет ее и у прочих животных. Но вечной жизни и спасению души христиан они ничуть не угрожают, в отличие, скажем, от призраков или духов. В сущности, с детьми праотца Адама эти твари довольно редко вступают в какие-либо отношения.

— О нет, ваше преосвященство! Как раз напротив, — возразил Магнус. — Вот послушайте, что мне там рассказали. Четырнадцать лет тому назад жила близ Альса девица по имени Агнета, Агнета Айнарсдаттер. Ее отец Айнар был владельцем земельного надела и жил с соседями в мире и дружбе, дочь его была настоящая красавица, ничто не помешало бы ей выйти замуж за хорошего парня. Но как-то раз случилось ей гулять в одиночестве по берегу. Из моря вышел морской царь, водяной. Он добился любви Агнеты и увел ее в свои владения на дне морском. Восемь лет провела она в его царстве, восемь лет предавалась греху и пороку. Но однажды Агнета явилась на берег, уже не одна, а с младшим своим чадом. Она вынесла дитя на сушу погреться на солнце. Все это произошло в двух шагах от церкви. Грешница сидела на берегу, качая колыбельку, и тут зазвонил церковный колокол. В Агнете проснулась тоска по родному дому, а может быть, и раскаяние. Вернувшись в море к морскому царю, она умолила его отпустить ее на землю и позволить ходить в церковь слушать Слово Божие. Он неохотно уступил просьбам и отвел ее на берег. Но прежде взял с Агнеты клятву, строго запретив три вещи. Во-первых, он взял с нее обещание никогда не распускать длинные волосы — Агнета должна была носить их убранными по-девичьи. Затем он запретил ей приходить в церковь в то время, когда там была ее родная мать. И наконец он запретил ей преклонять колена, как это положено, когда священник произносит имя Господа. Все три обещания Агнета нарушила. Первое — из женского тщеславия, второе — из-за дочерней любви, третье — из благочестивого страха. И по милости Всевышнего

пелена спала с ее глаз. Агнета не вернулась в море. Но тогда морской царь сам за ней явился. Случилось это в праздник, Агнета была в церкви, где служили обедню. Когда водяной вошел в храм, все образа и лики святых отвернулись от него и оборотились к стене. Никто из присутствовавших на богослужении не посмел поднять руку и осенить его крестным знамением, таким могучим и грозным был морской царь. Он умолял Агнету вернуться. Как знать, может быть, ему и удалось бы ее убедить, как это случилось в их первую встречу. Потому что, ваше преосвященство, эти водяные — вовсе не омерзительные чудища с рыбьими хвостами. Необычного в них только то, что на ногах у них перепонки между пальцами, вроде лягушечьих, да глаза очень уж большие и раскосые, и еще у их мужчин не растут усы и борода, а волосы у всех водяных зеленые или синие. Но в остальном они такие же, как люди, и очень красивые. У морского царя волосы были золотого цвета, как и у самой Агнеты. Он не грозил, не гневался, а, напротив, печально и ласково упрашивал ее вернуться. Но Господь укрепил дух Агнеты. Она наотрез отказалась вернуться в море. Морской царь ушел ни с чем и скрылся в пучине. Отец Агнеты, человек благоразумный, дал за дочерью хорошее приданое, желая выдать ее замуж за кого-нибудь, кто увез бы ее подальше от моря. Говорят, она очень горевала и, так и не найдя ни в чем утешения, вскоре умерла.

— Если она почила во Христовой вере, то мне не понятно, почему вы считаете, что от этой девушки был какой-то вред людям, — сказал епископ.

— Да ведь у них были дети, ваше преосвященство! И дети живы! — вскричал Магнус. — Рыбаки часто видят детей Агнеты и морского царя, они плавают у берега, играют и резвятся в волнах! А подобное зрелище не на пользу несчастным труженикам, которых в жалких ветхих лачугах ждут некрасивые, до времени состарившиеся жены. Мало того, ведь в души рыбаков начинает закрадываться сомнение в справедливости Всевышнего. А что, если еще какой-нибудь обитатель морского царства соблазнит христианскую девушку? И как знать, не соблазнит ли навеки? Нын-

че такое несчастье может случиться тем более легко, потому что за истекшие четырнадцать лет дети Агнеты и соблазнившего ее водяного стали взрослыми. Они часто приплывают к берегу и выходят на сушу, у них завелись друзья среди мальчиков и юношей Альса. Я слышал, что у морского царя есть еще и дочь. И потому боюсь, дело не ограничивается дружбой. Ваше преосвященство, все они — исчадия дьявольские. Если мы оставим души христиан без пастырского попечения, нарушив тем самым наш долг перед Господом, то как предстанем перед Всевышним в Судный день?

Епископ нахмурился, потер подбородок.

— Вы правы, — сказал он. — Но что же делать? Раз уж эти рыбаки грешат и совершают деяния, запрещенные церковью, то едва ли какие-то новые запреты их удержат. Уж я-то знаю этих упрямцев. Конечно, мы можем попросить короля прислать в Альс рыцарей, королевскую конницу. Но ведь войско не пошлешь воевать на морское дно.

Магнус поднял вверх палец. Взор архидьякона пылал огнем праведной веры.

— Ваше преосвященство, я изучал подобные явления и знаю целительное средство от этой напасти. Возможно, они и не демоны, эти обитатели моря. Но бессмертной души у них нет, а значит, водяные сгинут, как только мы произнесем над ними подобающее слово Божие, сотворив надлежащий обряд. Дайте ваше соизволение, и я произведу в Альсе изгнание нечистой силы.

— Даю соизволение, — сказал взволнованный епископ, — и мое благословение на это тоже даю.

Итак, Магнус Грегерсен снова прибыл в Альс. На сей раз его сопровождал более внушительный отряд вооруженной охраны, нежели в первый приезд. Жители поселка встревожились и настороженно ожидали развития событий, кто с любопытством, кто мрачно. Иные — их было немного — плакали, когда узнали, что архидьякон собственной персоной прибыл в Альс, чтобы выйти в море на лодке и провозгласить церковное проклятие над тем местом, где находился на дне чудесный подводный город. И вот под колокольный

звон архидьякон с зажженной свечой в руке торжественно предал проклятию водяных и именем Всевышнего повелел им навеки покинуть здешние края.

II

Тоно, старшему сыну прекрасной Агнеты и морского царя, повелителя народа лири, исполнился в ту зиму двадцать один год.

Великое празднество устроили в его честь жители подводного города, весело носились по волнам хороводы, в буйной пляске кружились ликующие и радостные подданные морского владыки, резвились и играли в волнах здесь и там, по всему морю, распевали звонкие песни. Ярко горели подводные огни, освещавшие замок правителя и отражавшиеся во множестве зеркал в обрамлении черепаховых панелей на его стенах. Залы и покои замка Лири украшали всевозможные дары моря, затейливая богато украшенная утварь и великолепные изделия из золота, янтаря и моржовой кости. Были здесь и жемчуга, и хрупкие, словно кружевные, розовые кораллы — на протяжении многих столетий привозили их в Лири гости из далеких южных морей. В день праздника жители морского города устроили турниры и состязания в силе и ловкости, ныряли и плавали, боролись, метали гарпун и острогу. Состязались в своем искусстве певцы и музыканты, рапсоды и барды, и предавались любви пары в полумраке покоев, которые не имели ни потолка, ни крыши, потому что ни к чему крыши в подводном замке. Иные же уединялись, скрывшись от любопытных глаз в садах, что окружали замок. В этих садах росли изумрудно-зеленые, пурпурные, лиловые и темно-бурые морские травы, мягко колеблемые слабым течением, величаво проплывали среди водорослей медузы, подобные большим голубым и белым цветам, и проносились стрелой быстрые серебристые рыбки.

Праздник отшумел, и Тоно решил отправиться на большую охоту. Обитатели города Лири обычно уплывали охотиться в открытое море, подальше от берегов,

Тоно же, напротив, как бывало уже не раз, поплыл к берегу, чтобы полюбоваться величественными норвежскими фьордами. В тот день вместе с ним были две девочки, Ринна и Рэкси, они весело плескались в волнах, радуясь, что Тоно взял их с собой. Прогулка удалась на славу, все трое вволю поплавали и досыта наигрались. Для Тоно это веселое путешествие было особенно приятным и необычным, потому что во всем племени лири он был единственным, кто даже в разгар самых буйных увеселений и забав сохранял трезвую голову, а порой и предавался меланхолическим раздумьям, когда все вокруг веселились. Наконец, они повернули к дому. Город Лири и замок морского царя уже показались в отдалении, как вдруг неведомая гневная сила обрушилась на лири. Случилось же все неожиданно.

— Вот он, наш Лири! — Ринне не терпелось скорей вернуться домой, она стремительно поплыла вперед, оставив позади Тоно и Рэкси. Зеленые пряди длинных волос Ринны взметнулись над ее хрупкими белыми плечиками. Рэкси не бросилась вдогонку, а стала плавать вокруг Тоно, хохоча и то и дело приближаясь почти вплотную: казалось, вот-вот она шлепнет его по щеке или дотянется и ущипнет за ляжку. Тоно никак не удавалось поймать Рэкси, она ловко уворачивалась и дразнясь со смехом ускользала в последний момент.

— Лови-и-и! — задорно крикнула Рэкси, посылая ему «воздушный» поцелуй. Тоно смеялся и плыл за нею. Дети морского царя не унаследовали от отца ног с перепонками между пальцами, как у всех водяных, у них были такие же, как у матери, земной женщины, обычные ступни, поэтому они плавали не так быстро, как все остальные в подводном царстве. В племени лири все плавали с невиданной быстротой, но и дети морского царя были отличными пловцами и ныряльщиками, никто из смертных не мог бы с ними тягаться. В отличие от своих соплеменников дети Агнеты любили приплывать к берегу и могли долго находиться на суше. Они обладали прирожденной способностью жить и дышать под водой, тогда как для их матери морской владыка повелел построить особые покои под хрустальным куполом. Благодаря этому Агнета могла

жить и дышать воздухом, иначе она погибла бы, утонула, захлебнувшись холодной и соленой морской водой. В жилах детей Агнеты текла горячая кровь, и потому подводные жители, чья кровь была холодной, любили ласкать и гладить их теплую кожу.

Лучи солнца пронизывали воду над головой Тоно, игра света и тени превратила толщу воды в мерцающие своды и украсила прихотливым узором светлое песчаное дно. Вода вокруг искрилась всеми оттенками изумруда и берилла, и чем дальше, тем они становились бледнее, и наконец терялись в сумраке. Волны ласкали Тоно, словно мягкими ладонями гладя его крепкое мускулистое тело.

С покрытых ракушками подводных скал ниспадали золотисто-рыжие и бурые водоросли, они мерно колебались, ни на миг не прекращая плавного ритмичного движения. По песчаному дну быстро пробежал куда-то юркий краб, скользнул рядом с Тоно и скрылся в сумраке великолепный голубовато-серебристый тунец. Вода была где теплее, где холоднее, она то волновалась, то была спокойной, почти недвижной. Тысячи всевозможных запахов и привкусов несла она с собой, а не один лишь острый запах прибрежной тины, который знаком людям. И множество звуков разносилось под водой, различимых для того, кто способен их слышать: журчанье и плеск, грозный рокот и глухие далекие раскаты, гул, писк, бульканье, мягкий шелест волн у берегов и грохот прибоя... Прислушиваясь к этим звукам, Тоно угадывал в них отголоски мощного движения приливов и отливов, их мерный медлительный ход.

Город и замок словно плыли навстречу Тоно. Уже ясно видны были дома, построенные из деревьев подводных лесов или из китовых ребер, стены домов были остроумно укреплены на дне, поскольку в водной среде все предметы значительно легче, чем на суше. Показались и цветники, где росли морские анемоны, и, в самом центре города, замок отца Тоно, правителя Лири, высокая древняя крепость, построенная из кораллов и камня нежных светлых оттенков. Стены замка украшала искусная резьба с изображением рыб, морских птиц и зверей. Колонны главного входа

в замок несли изваянные из камня статуи морского великана Эгира и его жены Ран, венчало же вход рельефное изображение альбатроса, простершего в полете огромные крылья.

Над каменными стенами возносился ввысь хрустальный купол, вершина которого достигала поверхности моря. Этот купол морской царь повелел возвести над дворцовыми покоями, чтобы Агнета могла жить в замке, дышать воздухом, сидеть у пылающего огня, наслаждаться ароматом роз. Правитель Лири хотел, чтобы у его возлюбленной и в подводном царстве было все, что есть на земле.

Вокруг замка сновали жители подводного города: мастеровые, ремесленники, садовники. Охотник тянул за собой на привязи двух детенышей тюленя, собиратель устриц покупал в лавке новый трезубец, юноша и девушка, взявшись за руки, плыли в уединенный каменный грот, откуда струился мягкий мерцающий свет. Звонили бронзовые колокола, много лет тому назад снятые с затонувшего корабля, и в воде их звон был чистым и сильным, намного чище и звонче, чем на воздухе.

Тоно с радостным возгласом помчался вперед. Ринна и Рэкси не отставали и плыли справа и слева от него. Все трое дружно запели «Песнь возвращения», которую сочинил Тоно, посвятив ее своим подругам:

Привет тебе, родной мой край, мой брег родной!
О счастлив странник, возвратившийся домой!
Гремите громче, бубны и тимпаны,
Я расскажу про дальние края, чужие страны,
О серебре, что блещет на дороге лебедей,
О золоте зари над синевой морей,
О чайках, что взмывают ввысь...

Вдруг Ринна и Рэкси страшно, отчаянно закричали, зажав руками уши и крепко зажмурившись, забились в воде, корчась, словно от нестерпимой боли. Море кругом взволновалось, воды бурлили и пенились.

Тоно увидел, что и в городе все словно объяты безумием.

— Что с вами? Что случилось? — в испуге крикнул он. Но Ринна не переставала громко кричать, ничего не видя и не слыша вокруг. Тоно схватил ее за руку, Ринна рванулась, стала отбиваться. Тогда он крепко обхватил ее сзади коленями и прижал к себе, свободной рукой осторожно поймал ее длинные шелковистые волосы, чтобы хоть как-то удержать трясущуюся голову. Прижавшись губами к ее уху, Тоно попытался успокоить Ринну:

— Ринна, это же я! Тоно! Я — друг, я хочу только добра...

— Тогда пусти! — В голосе Ринны слышались страх и боль. — Борьба, страшная борьба в море! Меня трясет, что-то вонзается в меня, точно акульи зубы... Как больно! Тело будто рвут на части... Это огонь, свет! Страшное, палящее пламя! И слова... Отпусти, не то я умру!

В полной растерянности Тоно отпустил Ринну. Поднявшись на несколько ярдов ближе к поверхности, он разглядел днище рыбачьей лодки. С поверхности доносился колокольный звон. Кажется, в лодке действительно горел какой-то огонь, слышался чей-то голос, который произносил слова на неизвестном Тоно языке. В чем же дело? Как будто ничего страшного...

И вдруг зашатались мощные каменные стены, хрустальный купол над замком Лири задрожал, покрылся множеством трещин и раскололся на куски. Огромные осколки хрустального стекла медленно заскользили вниз. Башни, стены, крепостные валы содрогнулись. Вот по стенам поползли трещины, камни отделились друг от друга и медленно покатились вниз, на дно. Непоколебимая твердыня, замок Лири, стоявший на дне морском с древнейших времен, с ледниковой эпохи, рушился, и дрожь несокрушимых доселе стен замка передалась Тоно, отзываясь острой болью во всем теле.

В туманном сумраке он увидел отца. Морской царь оседлал своего коня — касатку, которая содержалась в особом помещении замка, где был необходимый ей для жизни воздух. Ездить на хищном звере не отваживался никто, кроме самого морского царя. Отец Тоно был наг и успел из оружия взять только трезу-

бец, но обычное присутствие духа и горделивое царское достоинство не изменили правителю Лири в час ужасающего бедствия. Тоно услышал, как отец созывает подданных:

— За мной, о мой народ! Скорее, не медлите ни минуты, не то мы погибли! Бросьте все, бросьте ценности и сокровища, спасайте только детей! И оружие, всем взять оружие! Скорей, скорей, если вам дорога жизнь!

Тоно крепко тряхнул за плечи Ринну, затем Рэкси, чтобы привести их в чувство, и повлек обеих туда, где уже собрались многие жители города. Ванимен — так звали отца Тоно — верхом на касатке носился по морю вокруг Лири, отыскивая среди развалин и обломков обезумевших от страха подданных. Улучив минуту, он приблизился к сыну.

— Ты наполовину смертный, тебе не понять, что все это значит для меня. Касатка, и та, наверное, лучше понимает меня сейчас... — с горечью сказал Ванимен. — Мы изгнаны. В этих водах для нас больше нет пристанища. Здесь мы обречены на вечные муки, нас вечно будет жечь палящий огонь, слух наш будет терзать невыносимый колокольный звон, ибо над нами произнесены слова проклятия. Отныне и до скончания века наш народ проклят. Нам остается лишь одно — бежать как можно дальше от этих мест и искать пристанища в чужих неведомых морях.

— Где брат и сестры? — спросил Тоно.

— Утром они отправились на прогулку, — ответил отец. Только что он говорил уверенно и твердо, но сейчас голос его задрожал. — Нам нельзя ждать, неизвестно, когда они вернутся.

— Я останусь здесь и дождусь их возвращения.

Отец крепко обнял Тоно за плечи.

— Как ни больно, но я не могу ждать. Ирия... Кеннин... Они совсем малыши, им так нужна забота... С Эяной проще. Куда они уплыли, не знаю... Может быть, со временем вам удастся разыскать нас в морях, может быть... Не знаю... — Ванимен резко тряхнул головой, его лицо исказила страдальческая гримаса.

— Вперед! — воскликнул он, и подданные — голые, дрожащие от страха, беззащитные и почти все

безоружные — тронулись в путь за своим вождем. Тоно стиснул в руке гарпун и долго провожал их взглядом, пока последние не скрылись из виду. На месте замка и города на дне моря лежали груды камней. От Лири остались лишь развалины.

III

За те восемь лет, что провела Агнета на дне моря, она родила морскому царю семерых детей. Любая женщина из народа лири за такое же время могла бы дать жизнь гораздо более многочисленному потомству, и, возможно, молчаливое презрение окружающих, особенно матерей, в значительной мере повлияло на решение Агнеты вернуться на землю, к людям, которое она приняла в тот день, когда снова услышала звон колокола скромной деревянной церковки и увидела на берегу приземистые крытые тростником дома рыбачьего поселка.

Водяные, как и все прочие существа Волшебного мира, не имеют возраста и не знают, что такое старость. Тот, Кого они никогда не называют по имени, словно бы пожелал вознаградить их, даровав вечную молодость, раз уж не дано им бессмертной души. Однако жизнь в морских глубинах была суровой и полной опасностей, всюду подстерегали водяных акулы, касатки, кашалоты, электрические скаты, морские змеи и тысячи других убийц и хищников. Нередко подданным Ванимена приходилось охотиться на опасных хищных рыб и зверей. Смертью грозили штормовой ветер и бурный прибой у скал. Многие погибали от острых зубов и ядовитых шипов морских хищников, многих уносили болезни, холод и голод. Дети и подростки гибли чаще всего, приходилось мириться с тем, что лишь немногие из них выживали. Правитель Лири мог считать, что ему посчастливилось, ибо смертная женщина родила ему семерых детей и четверо из них выжили. В саду замка было лишь три маленькие детские могилы, на которых никогда не увядали дивные морские анемоны.

Четверо детей морского царя, Тоно и те трое, что

были вдали от города в момент катастрофы, встретились на том месте, где раньше был замок. Вокруг громоздились чудовищные руины, вместо замка лежала груда камней и осколков, весь город обратился в развалины, сады и цветники погибли, в них не сновали уже серебристые рыбки, всюду были лишь разрушение и гибель. Крабы и омары, словно воронье над падалью, копошились там, где жители Лири хранили запасы пищи.

Дети морского царя встретились там, где раньше стояли главные ворота замка. Прекрасный мраморный альбатрос лежал на песке, его крылья были обломаны. Статуя великана Эгира также обрушилась и лежала лицом вниз, и только изваяние коварной Ран, заманивавшей людей в свои сети, по-прежнему стояло на пьедестале, и на губах Ран все так же играла недобрая усмешка. Вода обжигала холодом, на поверхности моря все еще бушевал шторм, и в шуме волн слышались рыдания, казалось, море оплакивало гибель прекрасного подводного города. Все четверо детей Ванимена были наги, потому что, по обычаю, жители Лири не носили одежд в дни праздников. У каждого имелось оружие — нож, гарпун, трезубец и топорик из камня или кости, чтобы в случае необходимости отбить нападение хищников, которые уже со всех сторон окружили развалины Лири и, постепенно смелея, подплывали все ближе и ближе. Ни братья, ни сестры не были в точности такими же, как их соплеменники водяные, но трое старших, то есть Тоно, Эяна и Кеннин, лицом пошли в отца, у них были такие же, как у Ванимена, широкоскулые лица и раскосые глаза. Щеки у Тоно и Кеннина были гладкими, без каких-либо признаков растительности. От Агнеты они научились датскому языку и знали некоторые обычаи людей, но между собой чаще говорили на языке лири. Тоно по праву старшего первым нарушил молчание:

— Нужно решать, куда теперь идти. Если кто-то и остался в городе, то наверняка погиб в страшных мучениях. А одним нам тут не выжить.

Тоно был самым рослым и крупным из детей Ванимена, широким в плечах, сильным юношей с хорошо развитыми от постоянного плавания мускулами. Воло-

сы Тоно, схваченные надо лбом кожаным ремешком, достигали плеч и были соломенного цвета с едва заметным зеленоватым оттенком. У Тоно были янтарно-желтые глаза и правильные черты лица с прямым носом, крупным ртом и чуть тяжеловатым подбородком. Он много времени проводил на поверхности моря и на берегу, и потому его кожа была загорелой и смуглой.

— Как? Разве мы не поплывем туда, куда уплыли отец и все остальные? — удивилась Эяна.

Ей было девятнадцать лет. Как и Тоно, она отличалась высоким ростом и крепким сложением. Под округлыми формами ее стройного тела угадывалась сила, которая проявлялась, когда Эяна обнималась с кем-либо из своих многочисленных любовников или когда метко била копьем моржей и тюленей. У нее была белоснежная кожа, более светлая, чем у братьев и младшей сестры, и темно-рыжие с медным отливом густые волосы, которые мягкими прядями обрамляли открытое миловидное лицо с дерзкими серыми глазами.

— Мы ведь не знаем, куда они направились, — ответил Тоно. — Знаем только, что в далекие, очень далекие края. Потому что здесь, у берегов Дании, нет ни охотничьих угодий, ни вообще клочка морского дна, который все еще оставался бы не заселенным. Те, кто живут здесь, в Балтийском море и вдоль побережья Норвегии, помогут нашим, поддержат их в пути, но свободного пространства, где мог бы обосноваться и жить столь многочисленный народ, как наш, в здешних водах нет. Придется отправляться в дальние моря, сестра.

— Почему бы нам не расспросить здешних жителей? — вмешался Кеннин, которому давно не терпелось вставить слово. — Дельфины наверняка уже разузнали, в какую сторону направился отец. — В ярко-синих глазах Кеннина вспыхнули азартные искорки. — Здорово! Наконец-то настоящее путешествие!

Кеннину шел семнадцатый год, однако он уже не раз уплывал довольно далеко от Лири. Главным в его

жизни была юношеская жажда приключений, любовь к странствиям. Кеннин еще не перестал расти, но уже было ясно, что ни очень высоким, ни крупным парнем он не будет. Тем не менее Кеннин отличался незаурядной ловкостью и прекрасно плавал, ничуть не уступая настоящим водяным. Волосы у Кеннина были темно-каштановые с прозеленью, круглое лицо было усеяно веснушками, а тело раскрашено и разрисовано яркими красками, как принято у народа лири. Ни Тоно, ни сестры Кеннина не разрисовывали себя: Тоно для таких вещей был слишком серьезным, Эяне же было жаль попусту тратить время на подобную чепуху, да и просто лень, маленькая Ирия была слишком застенчивой и скромной. Сейчас младшая сестра прошептала:

— Кеннин, как ты можешь радоваться? Ведь все, все уплыли...

Братья и сестры обернулись к Ирии. Она была еще совсем крошкой. Агнета, уходя на берег, к людям, оставила ее в детской колыбели. Подрастая, Ирия становилась все более похожей на мать, она была хрупкая, маленькая, с золотыми волосами и серо-голубыми глазами, которые казались огромными на ее тонком личике с острым подбородком. Ирия всегда избегала увеселений, празднеств, шумных пиров, — с большим упорством, чем того требовала обычная скромность и положение принцессы. Она еще никогда не уплывала из города с каким-нибудь пареньком, но часами могла слушать женские разговоры, охотно училась рукоделию и домоводству, занятиям, которые глубоко презирала Эяна. А еще больше любила Ирия бывать в подводных покоях своей матери и любоваться сокровищами, которые когда-то принадлежали Агнете. Часто Ирия поднималась на поверхность моря и, покачиваясь на волнах, подолгу глядела на далекий берег, туда, где виднелись зеленые холмы и темные крыши домов, прислушивалась к церковному колоколу, созывавшему христиан на богослужение. В последнее время Ирия часто просила Эяну или одного из братьев взять ее с собой на прогулку к побережью. Там она подолгу плескалась у самого берега в волнах

прибоя или бегала среди низкорослых искривленных ветром деревьев и по вересковым пустошам, легкая и светлая, словно тень.

Эяна порывисто обняла младшую сестру и сказала:

— Ты придаешь слишком большое значение тому, что мы по крови наполовину смертные.

Тоно нахмурился.

— Но это правда, жестокая правда, — сказал он. — Ирия такая слабенькая. Быстро плавать она не умеет, а нам ведь придется плыть быстро, да еще без отдыха, и неизвестно чем питаться. Что, если на нас нападут хищные рыбы или звери? Что, если зима застигнет нас в холодных северных морях, прежде чем мы доберемся до тех мест, где проходят теплые течения? А вдруг отец поплыл как раз в арктические моря? Просто не знаю, как нам быть. Разве мы можем взять Ирию в такое опасное плавание?

— А давайте оставим Ирию кому-нибудь на попечение, — предложил Кеннин.

Эяна, обнимавшая Ирию, почувствовала, как девочка вздрогнула при этих словах.

— Нет, нет, не надо! — едва слышно прошептала Ирия.

Кеннин покраснел, поняв, что сморозил глупость, Тоно и Эяна поглядели друг на друга, затем на опущенную голову маленькой младшей сестренки. Во всем народе лири вряд ли нашелся бы кто-нибудь, кто рискнул бы взять с собой слабое беззащитное существо в опасное путешествие, где и за собственную-то жизнь надо изо дня в день вести жестокую борьбу. Если нечто подобное и бывало когда-либо раньше, то водяные шли на такой риск крайне неохотно. Теперь же, после гибели города Лири, не было ни малейшей надежды, что где-нибудь поблизости найдется кто-то из жителей подводного мира, кто согласился бы заменить Ирии отца, доброта и любовь к детям были им совершенно чужды.

Тоно не сразу нашел в себе силы, чтобы произнести вслух окончательное решение:

— Я считаю, что прежде чем тронуться в путь, мы должны отвести Ирию к людям. Ведь по матери они нам родные. Это будет лучше всего.

IV

Старый сельский священник отец Кнуд проснулся от стука в дверь. Он выбрался из кровати с пологом и нашарил в темноте рясу. Огонь в печке почти погас, угли едва тлели и не давали света. Старик на ощупь оделся. В доме было холодно, отца Кнуда бил озноб, старые кости ломило. Ощупью пробираясь к дверям, священник недоумевал: кто же это послал за ним среди ночи, неужели кто-то помер в поселке? Отец Кнуд намного пережил всех стариков Альса, своих ровесников.

— Иду, иду. Господи, помилуй... Сейчас, иду.

Полная луна взошла совсем недавно. Словно серебристый мост повисло над водами пролива Каттегат ее холодное сияние и окрасило в серебристо-серый цвет влажные от ночной росы тростниковые крыши домов. Но две перекрещивающиеся улицы Альса были сухи и терялись в темноте. По ночам вокруг рыбачьего поселка рыскали волки, в лесах безраздельно господствовали тролли.

Удивительное дело: собаки не подняли лай. Похоже, что-то их напугало. Кругом стояла глубокая тишина, нигде не было слышно ни звука, и вдруг... Что это? Какой-то глухой стук? Топот копыт? Уж не адский ли конь скачет по могильным плитам на кладбище?

Впереди стояли четверо, окутанные паром. Как же так? Почему от дыхания поднимается пар? Ведь лето на дворе, и ночь теплая... Отец Кнуд перекрестился. Он никогда еще не видел водяных, если не считать того давнего случая. Да и тогда все было скорей неким изумительным сном — он смутно помнил тот миг, когда водяной пришел в сельскую церковь. Но если эти четверо не водяные, то кто же они? Прихожане нередко рассказывали отцу Кнуду о своих встречах с водяными на берегу или в море. Юноша и девушка, стоявшие перед домом священника, были хорошо видны, их непривычный облик ясно и четко вырисовывался в ночном сумраке. Мальчик, стоявший рядом с ними, был не так хорошо виден, фигурка девочки почти совсем терялась в темноте, но отец

Кнуд все же разглядел, что девочка, как и все остальные, была одета в короткую тунику из рыбьей чешуи, с которой стекали и падали на землю блестящие капли воды. И даже эта малышка сжимала в руке копье с острым костяным наконечником.

— Вы... Вам... Будет лучше, если вы уйдете, — в холодном безмолвии голос священника прозвучал слабо и неуверенно.

— Мы дети Агнеты, — сказал высокий юноша.

Он говорил по-датски с легким и, как показалось отцу Кнуду, необычным акцентом.

— Нас не поразили колдовские заклинания, — продолжал юноша. — Мы уцелели и остались невредимы, потому что наша мать была смертной женщиной.

— Не колдовские заклинания, а церковное проклятие, — осмелился возразить отец Кнуд. Он весь сгорбился и мысленно воззвал к милости Господней. — Умоляю вас, не гневайтесь на моих прихожан. Они вовсе не хотели, чтобы вас предали проклятию. Они ни в чем перед вами не виноваты, все сделали не они...

— Я знаю. Мы расспросили одного... друга. Он рассказал нам обо всем, что здесь произошло. Теперь мы вынуждены покинуть эти места. И мы хотим оставить Ирию на ваше попечение.

После этих слов у священника немного отлегло от сердца, к тому же отец Кнуд успел разглядеть, что ступни у четверых пришельцев были самые обыкновенные, такие же, как у всех людей. Отец Кнуд пригласил водяных в дом. Переступив порог, дети Агнеты наморщили носы, брезгливо принюхиваясь к спертому воздуху и не слишком изысканным запахам убогого человеческого жилища. Отец Кнуд развел в очаге огонь, засветил масляную лампу и поставил на стол хлеб, соль и жбан пива. Гости расположились на длинной деревянной лавке, хозяин устроился напротив них на табурете.

Их беседа была долгой. Закончилась она тем, что отец Кнуд обещал позаботиться об Ирии и сделать для девочки все, что в его силах. Пусть братья и сестра некоторое время обождут, предложил священник, тогда они смогут сами в этом убедиться. Каждый

вечер с наступлением сумерек он будет отпускать Ирию на берег моря повидаться с сестрой и братьями. Отец Кнуд уговаривал их тоже остаться в поселке, но безуспешно. Поцеловав на прощанье сестру, они ушли. Девочка тихо, почти беззвучно заплакала и плакала, пока не заснула. Старик заботливо подоткнул на ней одеяло и прилег на скамью, чтобы подремать до рассвета, ждать которого оставалось уже недолго.

В последующие дни Ирия понемногу привыкла к новой жизни и даже повеселела. Во время вечерних свиданий на берегу сестра и братья держались с ней отчужденно и холодно, из опасения, что иначе в Ирии вновь заговорит кровь рода Лири и проснется тоска по морю. Отец Кнуд обращался с девочкой ласково и даже баловал ее, насколько позволяли старику скудные средства. Дети Агнеты помогали ему, каждый вечер приносили свежую, только что пойманную рыбу. Вечерние свидания становились раз от разу короче: для Ирии земля была новым полным чудес миром, как, впрочем, и для всех детей в поселке. Вскоре Ирия стала с утра до вечера пропадать на улице среди шумной оравы деревенской детворы. Труд людей, их хлопоты и заботы были ей неизвестны, но она хотела всему научиться. Кирстен Йохансдаттер стала учить Ирию ткать и говорила, что со временем из девочки вырастет замечательная мастерица.

Меж тем отец Кнуд послал одного паренька в Вибор к епископу, поручив спросить указаний: как быть дальше с девочкой, можно ли совершить над ней обряд крещения? Ведь по крови она лишь наполовину смертная. Отец Кнуд полагал, что Ирия непременно должна быть крещена, потому что иначе просто не представлял себе будущего бедной крошки, которую полюбил всей душой. Посланный священником парень уехал в Вибор уже несколько недель тому назад, но до сих пор не вернулся, — уж не увлекся ли книгами и рукописями епархиальной библиотеки? Но наконец он приехал. Парень явился в Альс верхом на коне и не один, а в сопровождении отряда стражников, личного секретаря виборского епископа и архидьякона Магнуса Грегерсена.

Отец Кнуд уже некоторое время занимался с Ирией — наставлял ее в вопросах веры, разъяснял христианское учение. Она широко раскрыв глаза слушала священника, но сама никогда ни о чем не спрашивала. И вот теперь она предстала перед Магнусом Грегерсеном, почтившим своим посещением скромный дом отца Кнуда.

— Истинно ли ты веруешь в Бога-Отца, Господа нашего Иисуса Христа и в Святого Духа? — строго спросил Магнус.

Ирию напугал его громкий голос и суровое лицо.

— Да, — пролепетала она. — Я еще не очень хорошо понимаю, но верую, святой отец.

Магнус задал девочке еще несколько вопросов, затем отвел священника в сторону и сказал:

— Мы не совершим греха, если крестим ее в христианскую веру. Девочка вполне разумна, однако ее нужно тщательно подготовить к предстоящей церемонии и хорошенько обучить. Лишь после этого можно будет допустить ее к святому причастию. Если она послана нам дьяволом, то святая вода будет для нее гибельной. Если же после крещения она не обретет бессмертной души, то Господь пошлет нам об этом знамение.

Крестины должны были состояться в воскресенье сразу же после обедни. Архидьякон подарил Ирии белое платье, он же выбрал для нее христианское имя — Маргрета. Девочка уже не боялась Магнуса. Всю ночь с субботы на воскресенье она не сомкнула глаз, стояла на коленях и молилась. А накануне, в пятницу, после захода солнца она встретилась с сестрой и братьями. Сияя в предвкушении радостного события в своей жизни, она пригласила их прийти в воскресенье в церковь. Святые отцы, несомненно, разрешили бы им присутствовать при совершении обряда, надеясь, что этих троих также удастся обратить в христианскую веру. Но и братья, и сестра наотрез отказались, и тогда Ирия горько расплакалась.

И вот настало воскресное утро. Сильный ветер быстро гнал по небу белые облака и поднимал волны на море, они беспокойно набегали на берег, сверкая в ярких лучах солнца. Жители поселка собрались в

деревянной церковке. Посреди ее главного придела висела под потолком модель корабля, над алтарем возвышалось распятие. Ирия преклонила колени. Обряд крещения совершал отец Кнуд. Позади девочки стояли крестная мать и крестный отец. В заключение священник еще раз перекрестил девочку и светлым радостным голосом провозгласил:

— Во имя Отца и Сына, и Святого Духа крещу тебя в веру Христову. Аминь.

Девочка вскрикнула, упала наземь, забилась в судорогах. В толпе прихожан поднялся ропот, кто-то испуганно закричал. Священник обмер от неожиданности и, вмиг утратив всякую важность и торжественность, подхватил девочку и прижал к своей груди.

— Ирия! Что с тобой? — встревоженно воскликнул он.

Девочка растерянно и словно бы изумленно оглядывала и даже недоверчиво ощупывала себя руками.

— Я... Маргрета, — сказала она. — Кто вы такой?

В это время к ним подошел архидьякон.

— А вы кто? — спросила девочка, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Отец Кнуд обернулся к Магнусу.

— Что же это такое?.. Значит ли это, что Господь не пожелал даровать ей бессмертную душу?

На глаза старика священника навернулись слезы. Магнус простер руку к алтарю.

— Маргрета! — заговорил он твердо и сурово. В церкви мгновенно воцарилась мертвая тишина. — Маргрета, посмотри сюда. Ответь, кто это?

Взгляд девочки последовал туда, куда кривым узловатым пальцем указывал архидьякон. Она преклонила колени и перекрестилась.

— Господь наш и Спаситель, Иисус Христос, — ответила она ни минуты не колеблясь.

Магнус воздел руки к небу. Он тоже с трудом удерживался от слез — слез торжествующей радости.

— Господи, Ты сотворил чудо! — воскликнул архидьякон. — Благодарю Тебя, Господи, ибо Ты даровал Своему недостойному рабу это свидетельство великого Твоего милосердия!

Магнус обернулся к прихожанам.

— На колени! Славьте Всевышнего, благодарите Его за великую милость!

Позднее, оставшись наедине с отцом Кнудом, Магнус объяснил происшедшее уже более трезво:

— Мы с епископом предполагали, что может случиться нечто в таком роде. Посланный вами в Вибор юноша рассказал нам, что лики святых не отворотились, когда девочка впервые вошла в храм. Кроме того, в наших архивах и хранилищах удалось разыскать летописи, в которых повествуется о деяниях трех святителей — Дана, Ансгара и Поппо. Конечно, это апокрифические предания, но, судя по тому, что произошло нынче, они основаны на подлинных событиях. Исходя из этих преданий и легенд, можно объяснить и то, что мы с вами видели сегодня. Дети водяного и смертной женщины — христианки, как известно, не имеют бессмертной души, и плоть их не ведает старости. Однако Господу угодно принять их, Бог не отвергает даже подобные необычайные существа. Что касается крещения Маргреты, то Господь наделил ее душой так же, как дарует Он душу младенцам, когда над ними совершают обряд крещения. Теперь Маргрета поистине стала человеком, плоть ее отныне тленна, душа же бессмертна. Но мы обязаны неустанно печься о спасении ее души, оберегать от соблазна.

— Почему она ничего не помнит о своей прежней жизни? — спросил отец Кнуд.

— Она заново родилась на свет. Знание датского языка у нее осталось, сохранила она и все прочие земные привычки, которые успела приобрести, живя в Альсе. Но теперь ее память очищена от всего, что так или иначе было связано с ее прежним существованием. И свершилось это чудо милостью Господней. К каким бы уловкам ни прибегал Сатана, чтобы пробудить в Маргрете тоску по прошлому, ему уже не удастся отлучить нашу овечку от доброго стада.

Отец Кнуд, казалось, испытывал не столько радость, сколько тревогу.

— Ее родным больно будет узнать, что она ничего не помнит о прошлом, — сказал он.

— Я слыхал об этих троих, — ответил Магнус. — Девочка виделась с ними на берегу, там, где стоят семь высоких деревьев. Так вот, нынче вечером под деревьями спрячется мой стражник. Он пристрелит этих полукровок.

— Нет, ни за что! Я не допущу этого!

Отец Кнуд был не в силах сдержаться, хоть и понимал, что его мнение ровным счетом ничего не значит для архидьякона. В конце концов старик все-таки убедил Магнуса не устраивать засаду и пощадить детей Агнеты, ведь все равно они скоро покинут здешние воды. Если же их убьют, кровопролитие и смертоубийство могут иметь пагубные последствия для юной души Маргреты, став первым ярким впечатлением новообращенной христианки в ее новой жизни.

Итак, архидьякон и священник запретили стражникам стрелять в кого бы то ни было впредь до особого приказа. Вечером они пришли на берег и спрятались за деревьями, ожидая появления водяных. Стоял холодный вечер, мглистый и ветреный. Платье Маргреты белело в сумерках. Она подошла к самой воде и остановилась в растерянности, глядя на море. Девочка не понимала, зачем ее сюда привели, но послушно ждала, сложив на груди руки и перебирая четки. Но вот в шуме листвы и плеске волн послышался какой-то новый звук. Среди белой морской пены поднялись из волн высокий юноша, девушка и мальчик. В сгущавшейся тьме смутно белели их нагие тела.

— Тьфу, бесстыдство-то, прости, Господи! — злобно прошипел Магнус.

Юноша произнес несколько слов на неизвестном языке.

— Кто ты? — по-датски спросила его Маргрета и в страхе попятилась. — Я не понимаю, что ты говоришь. Что тебе нужно?

— Ирия! — Высокая девушка подошла к берегу и протянула руки, желая обнять девочку. — Ирия, что они с тобой сделали? — Девушка говорила по-датски с сильным акцентом.

— Мое имя Маргрета, — сказала девочка. — Мне велели прийти сюда... Я должна хорошо себя вести... Кто вы такие? Откуда вы?

Мальчик гневно выкрикнул какое-то слово на неизвестном языке и бросился к Маргрете. Она подняла вверх четки с крестом и в ужасе воскликнула:

— Сгинь, пропади, нечистая сила!

Мальчик не обратил на эти слова никакого внимания, но старший брат крепко схватил его за руку и не пустил на берег. Потом он что-то сказал на своем языке, как будто бы удивленно.

Маргрета резко повернулась и бросилась бежать напрямик через дюны к поселку. Братья и сестра еще некоторое время стояли у берега и о чем-то говорили. Голоса их звучали растерянно и огорченно. Потом дети Агнеты скрылись в волнах.

V

Остров, который люди назвали Лесё, лежал в четырех милях к востоку от северного побережья Ютландии. Песок и вереск, резкий ветер с пролива Скагеррак и Каттегат — остров был очень скудно заселен. Но и на этом пустынном клочке суши стояли неказистые убогие церквушки, построенные когда-то в знак вечного проклятия водяным, морским жителям. В древние времена здешние воды были излюбленным местом охоты водяных, и не случайно на их языке остров носил имя Глезей, что значит «остров Глера», а Глер — одно из имен морского великана Эгира. Много лет тому назад христианские священники пришли на остров Глера с колоколами, зажженными свечами и Священным писанием, они изгнали от его берегов язычество, магию и волшебство.

Но к острову Глера, как китенок к матке, прижимался крохотный островок Хорнфискрен. Размерами он был едва ли больше обычного скалистого рифа, в длину островок не превышал половины лиги*. На этом островке уцелели остатки языческого мира. Люди там не жили, поэтому никто не помышлял о том, чтобы

* Одна морская лига равна 5.56 км.

истребить на островке остатки языческой нечисти. Сюда, к заповедному островку, приплыли те, кто уцелели из народа лири.

В тот день, когда Ванимен привел свой народ на остров, по небу мчались темные грозовые облака, лил дождь. Плавание от берегов Дании было долгим. Взрослые подданные Ванимена выдержали бы и более трудное плавание, но дети и подростки уже изнемогали от усталости. Кроме того, все, и дети и взрослые ослабли от голода. На острове негде было укрыться от резкого пронизывающего ветра и ледяного дождя. Уставшие скитальцы стонали, кричали и плакали, а темно-серые валы с белыми клочьями пены вздымались все выше, грозно подступали все ближе, обрушивались на берег все яростней. Ветер свистел над островком, швырял в лицо белый песок. На западе в темном небе смутно проступали последние светлые отблески заката, напоминавшие рунические знаки, высеченные в сером камне. На востоке небо было словно покрыто черными водорослями и тиной.

Ванимен поднялся на ближайшую дюну. Идти по крупному песку было больно. Он остановился, ожидая, пока подойдут его спутники. Величественная могучая фигура морского царя с трезубцем в руке возвышалась над островом. Ванимен был значительно выше ростом, чем любой из его подданных, и отличался прекрасным атлетическим сложением. Сильные мускулы играли под его ослепительно белой кожей, шрамы напоминали о том, что Ванимен прожил на свете несколько столетий и за свою долгую жизнь одержал множество побед в сражениях и схватках. С золотых волос морского царя струилась вода. Лицом Ванимен был схож с Тоно, разве только глаза у сына были янтарные, а у отца зеленовато-синие, как морская вода. Взгляд этих глаз поражал спокойствием, уверенной силой и мудростью.

Но то была лишь маска — никаких надежд у Ванимена не оставалось, народ лири был обречен на гибель. Потрясенные чудовищным разрушением города подданные уповали в несчастье на своего повелителя.

Да, думал Ванимен, они надеются на него, и только на него. Чем дольше он жил на свете, тем более

глубоким становилось его одиночество. Почти никто из его подданных не достиг столь преклонного возраста, как сам Ванимен, несмотря на то что жизнь в Лири была, в сущности, спокойной и мирной. Кто раньше, кто позднее, его друзья погибали, даже удачливые и сильные, и многие уходили из жизни в расцвете молодости. Уже не осталось в живых никого из друзей детских лет Ванимена, и почти сто лет минуло с той поры, как его первая возлюбленная ушла в мир сновидений. Лишь кратким мгновеньем оказалось то время, когда у Ванимена пробудилась робкая вера: в Агнете он наконец обрел то, что у смертных зовется счастьем. Но уже тогда он сознавал, что в его долгой жизни счастливые годы с Агнетой промелькнут как один миг, его любимая постареет, увянет и однажды умрет, как умирают все смертные. Ванимен тешил себя надеждой, что, быть может, в детях продлится хотя бы память о его былой радости. И наверное, горше всего было для отца то, что ныне он навсегда лишился возможности приходить на могилы троих умерших детей, которые остались среди развалин Лири.

Старший сын, Тоно унаследовал от отца поэтический дар и со временем обещал превзойти Ванимена в искусстве стихосложения. Эяна цвела и хорошела всем на радость, у Кеннина были прекрасные задатки, Ирия, как две капли воды похожа на мать, доверчивая, чистосердечная девочка... Но сейчас дети были далеко, да и сумеют ли они разыскать когда-нибудь отца, преодолев просторы многих и многих морей?

Нельзя поддаваться слабости, мысленно приказал себе Ванимен и, словно никчемную вещь, отбросил прочь горестные раздумья. Он обернулся и поглядел на своих подданных. Их было около семисот, то есть столько же, сколько в начале пути — тогда он велел пересчитать уцелевших. Сегодня лишь он один заботился о том, чтобы велся счет. Следствием долгой жизни, огромного опыта и глубоких дум было то, что Ванимен утратил легкомыслие, столь свойственное народу лири, и обрел разум столь же глубокий, как разум человеческий.

Более половины всех скитальцев составляли дети и

подростки. Несколько малышей погибло в пути. Дети жались к матерям, которые укачивали плачущих младенцев, грудных и новорожденных детей, пытались укрыть своим телом от непогоды малышей, едва научившихся ходить, обнимали старших детей, уже подросших, вытянувшихся, как молодые побеги, что устремились вверх, но еще не оторвались от материнского корня. И дети, и матери в смертельном страхе смотрели на море и небо и с ужасом осознавали, что мир вдруг стал чужим, враждебным, жестоким... Женщины, не имевшие детей, и мужчины держались в стороне, отдельно от матерей с малышами. В народе лири отцовство почти всегда, за редчайшими исключениями, было делом случая и отнюдь не считалось чем-то серьезным и ответственным. Потомство растили матери, кто отец ребенка, не играло при этом никакой роли, воспитанием детей занимались и подруги матерей или подруги их любовников, да кто угодно — в конечном счете, детей растил весь народ лири.

Его возлюбленная... О, с Агнетой все было иначе... Как она старалась привить детям чувство добра и справедливости, как желала научить их тому, что считала правильным!.. Когда Агнеты не стало, Ванимен заменил детям мать и передал им все, что знал о земной жизни, а знал он немало, ибо прожил на свете долгие сотни лет. И потому Ванимен надеялся, что все, чему он научил детей, поможет им теперь в трудном плавании по незнакомым морям.

Измученные лица подданных были обращены к нему. Он, правитель, должен что-то сказать, они не могут больше слушать лишь пустой свист ветра.

Ванимен глубоко вздохнул и заговорил, обращаясь к подданным:

— Народ лири! Я привел вас на этот остров, чтобы держать совет. Мы вместе должны решить, куда поплывем дальше. Вслепую скитаться по морям равносильно гибели. Но все берега, которые нам знакомы, куда мы могли бы направиться в поисках пристанища, для нас запретны. Ибо мы — волшебные существа, мы не принадлежим к миру христиан, а следовательно, почти все здешние берега и острова грозят нам несчастьем. Кроме одного лишь крохотного островка,

на котором мы сейчас находимся. Где же нам искать пристанища?

Один из юношей, совсем молодой, почти мальчик, ответил с легким нетерпением:

— Да разве нам нужен берег? Я, например, по нескольку недель могу не выходить из воды!

Ванимен покачал головой.

— Но не по нескольку лет, Хайко. Куда денешься в открытом море, если тебе понадобится отдохнуть, восстановить силы? Куда скроешься от врагов? Где в открытом море будет твой дом? И из чего построить дом, ведь для дома нужен материал, а в глубине океана его нет. Мы можем на время погружаться на большую глубину, но постоянно жить под водой и совсем не дышать воздухом мы не можем. Слишком холодно в море, слишком мало света и жизни. Все, что мы построим для защиты от рыб и хищников, скоро занесет толстым слоем ила. Не имея надежного пристанища, не имея ни оружия, ни орудий труда, вы быстро превратитесь в обыкновенных животных. Но при этом вы будете гораздо менее приспособленными к жизни, чем акулы или касатки, и в конце концов хищники вас истребят. Но прежде чем погибнете вы, погибнут дети, а, значит, в будущем погибнет весь наш народ. Нам, как моржам и тюленям, воздух и суша нужны не меньше, чем водная стихия.

Огонь, подумал тут Ванимен, вот то, что есть только у людей. Ванимену, конечно, случалось слышать рассказы о гномах, но самая мысль о жизни в недрах земли вызывала у него содрогание.

Наступившее молчание нарушила худенькая хрупкая женщина с кудрявыми голубыми волосами:

— Ты уверен, что нигде поблизости не найдется для нас места? Когда-то я плавала в Финский залив Балтийского моря. Там, на самой дальней его окраине, водится много рыбы. Никого из водяных в тех краях нет.

— А ты спрашивала у кого-нибудь, почему никто не живет в тех водах, Миива?

Она смутилась.

— Я хотела тогда об этом разузнать, да как-то забыла...

— Беспечность существа из Волшебного мира, — вздохнул Ванимен. — Зато мне кое-что известно на этот счет. И любознательность едва не стоила мне жизни. В течение нескольких лет после того случая меня мучили по ночам кошмары.

Все насторожились и жадно ловили каждое слово правителя. Что ж, по крайней мере, это было лучше, чем прежнее тупое и безысходное отчаяние его подданных.

— Люди, которые живут в тех краях, зовутся руссами, — продолжал Ванимен. — Этот народ не похож на датчан, норвежцев и шведов, не похожи руссы и на финнов, лапландцев, латышей или другие народы, населяющие берега Балтики. И сказочные существа, которые живут в лесах и водах страны руссов, также отличаются от всех прочих обитателей Волшебного мира. Там есть добрые духи, но есть и злые, а есть и поистине ужасные. С их Водяным мы, пожалуй, могли бы найти общий язык, а вот Русалка...

Воспоминание о Русалке обожгло Ванимена, точно боль, которая заставила его забыть о ледяном дожде и то и дело налетавших порывах резкого пронизывающего ветра.

— В той реке, что впадает в Финский залив, живет Русалка. С виду она похожа на юную деву, говорят, она и была когда-то смертной девушкой. Русалка заманивает мужчин в воды реки и увлекает на дно, где мучает и терзает пленников с чудовищной жестокостью. Русалке удалось и меня заманить в свои владения. Что я пережил, что я видел той лунной ночью... лучше не вспоминать. Короче, мне посчастливилось ускользнуть из ее сетей, я спасся. Вы понимаете, что нам ни в коем случае нельзя поселиться в водах, где обитает подобное чудовище.

Глубокое молчание воцарилось над островком, слышен был лишь шелест дождя. Холодный ливень словно смыл все краски, куда ни глянешь, все вокруг было серым и терялось в ночном мраке. Темное небо озаряли зарницы, надвигалась гроза, в вышине уже громыхали отдаленные громовые раскаты.

Наконец снова заговорил один из подданных. Это

был мужчина, родившийся в тот год, когда в Дании правил Харальд Синезубый.

— Когда мы сюда плыли, я думал о том, что нам делать дальше. Раз уж нельзя обосноваться всем вместе в тех морях, где издавна жил наш народ, то не лучше ли будет, если мы разделимся на два или три племени и устроимся по отдельности, в разных местах? Мне кажется, жители здешних вод не встретят нас враждебно. По-моему, они даже будут рады нам, ведь с нашим приходом в их жизни появится нечто новое.

— Что же, это разумно, — скрепя сердце согласился Ванимен. Однако он надеялся, что кто-нибудь из подданных, если не он сам, найдет лучший выход из положения.

— Нет, — сказал он, помолчав. — Для большинства из нас это неприемлемо. Подумай, ведь из всех обитателей морских глубин у берегов Дании остался только наш народ, все прочие племена давно покинули датские воды и заселили здешние моря. Я думаю, что принять наше племя без ущерба для себя они не смогут. Даже немногих из нас они наверняка приняли бы неохотно, особенно детей, поскольку детей надо кормить, а ждать, пока дети подрастут и научатся самостоятельно добывать себе пропитание, придется долго.

Ванимен выпрямился и расправил плечи, не обращая внимания на холодный ветер.

— И еще, — продолжал он. — Ведь мы — народ лири. Мы едины по крови, у нас общие обычаи, нравы, память о прошлом. Именно благодаря этому мы — единый народ, мы это мы. Готовы ли вы навсегда расстаться с родными, друзьями, возлюбленными? Готовы ли забыть наши старинные песни? И знать, что никогда ни от кого не услышите больше песен народа лири? Готовы ли вы забыть народ ваших предков, ваших прародителей, живших на свете еще в ледниковую эпоху? Готовы ли к тому, что после вашей смерти от народа лири не останется даже воспоминаний?.. Разве мы не должны помогать друг друг? Разве мы допустим, чтобы то, что утверждают христиане,

оказалось правдой? А они говорят, будто никто в Волшебном мире не способен любить.

Подданные молча стояли под хлеставшим ливнем и во все глаза глядели на своего царя. Прошло немало времени, прежде чем заговорила Миза:

— Ванимен, мне ли тебя не знать! Ты уже нашел выход. Говори, мы выслушаем и вынесем свой приговор.

Выход... Ванимен был не в силах высказать подданным свою волю. Народ лири избрал Ванимена своим правителем, когда погиб прежний царь — его тело нашли на скалах, в грудь царя был вонзен острый гарпун. Ванимен примирял враждовавших, улаживал ссоры, которые, впрочем, были в народе лири большой редкостью. Он выступал судьей в тяжбах и судил строго, ничто не могло заставить его изменить приговор и пойти на уступки, ибо превыше всего он ставил свой авторитет и уважение подданных. От имени всего народа он встречался и вел переговоры с другими народами и племенами, населявшими волшебный мир, но необходимость в этом возникала нечасто. Он единолично вел все переговоры и брал на себя ответственность за весь народ лири. Он был гостеприимным хозяином, устроителем празднеств и увеселений лири.

Обязанности вождя и правителя лежали вне разумения его подданных. Они считали своего владыку мудрым властелином, кормчим, наставником молодежи, помощником и надежной опорой в час испытаний, хранителем законов, знатоком правил и установлений. Он владел всеми талисманами, он знал все заклинания, он оберегал сокровища народа лири от страшных морских чудищ, враждебных колдовских сил и от людей. Он был их заступником перед Могущественными Силами, и саму Ран принимал в замке Лири как гостью...

В награду за все это правитель жил не в простом доме, а в богатом замке и получал от подданных все, что ему было необходимо. Ему незачем было самому охотиться и добывать пропитание, ему приносили дары — великолепные вещи и редкостные сокровища, в то же время всем была известна его беспредельная щедрость и гостеприимство. Все племя глубоко почи-

тало Ванимена, и никто из подданных не пресмыкался перед царем и не знал унижений.

Но теперь он лишился всех своих преимуществ, кроме, быть может, последнего — уважения подданных, тогда как безмерно тяжкое бремя ответственности за народ по-прежнему лежало на плечах правителя.

Ванимен сказал:

— Не следует думать, что во Вселенной нет ничего, кроме этих морей. В юности я, по примеру некоторых из наших праотцов, много странствовал по свету. Однажды я достиг берегов Гренландии, земли, что лежит к западу отсюда. Мне рассказывали, что в тамошних водах живет народ, который похож на нас. Говорили мне и о тех, кто обитает на берегу. В наш Лири никогда не приплывали жители гренландских вод, но мне достоверно известно, что схожий с нашим народ действительно живет в гренландских прибрежных водах. Так говорят дельфины, а я им верю. Наверное, многие из вас помнят, что когда-то я об этом рассказывал. Море у берегов Гренландии чрезвычайно богато рыбой, прибрежные воды там, судя по рассказам, удивительно хороши. Но главное, христианство еще не распространилось в тех краях, христиане туда еще не добрались, им почти ничего не известно о Гренландии, этот огромный остров свободен от их власти. Если мы доплывем туда, то гренландские прибрежные воды станут нашими владениями. Мы обретем изобильные охотничьи угодья и заживем на новом месте свободно и счастливо.

Ванимен умолк. В толпе подданных поднялся удивленный гомон, шум. Хайко громко крикнул, перекрывая прочие голоса:

— Но ты же сам только что говорил совсем другое! Разве мы выживем — и не только мелюзга, но и мы, взрослые, — если придется плыть в такую даль? И вполне может оказаться, что там уже все заселено и все прибрежные воды заняты.

— Верно. — Ванимен поднял трезубец, призывая к вниманию. Шум стих. — Я обо всем этом размышлял. Мы доплывем до Гренландии с малыми потерями или вообще без потерь при одном условии. Если на нашем

пути будут острова, на которых мы сможем отдохнуть, подкрепить силы, укрыться от непогоды. Правильно? Так вот, мы поплывем на острове, на плавучем острове. Что это такое? Плавучий остров — это корабль. Люди перед нами в неоплатном долгу, они ввергли нас в страшные бедствия, а ведь мы никогда не причиняли им никакого вреда. Слушайте же, моя воля такова: мы захватим у людей корабль и поплывем на нем к западным землям, в новый мир!

* * *

Настал вечер и буря стихла. И словно вместе с нею стихло и волнение тех, кто нашел временный приют на крохотном островке. В течение нескольких часов изгнанники обсуждали план Ванимена и предстоящее плавание к берегам Гренландии. Затем все улеглись, кое-как устроившись под прикрытием дюн, чтобы хоть немного поспать до рассвета. Несколько охотников поплыли на охоту, нужно было наловить рыбы и накормить все племя.

Ванимен беспокойно шагал вдоль берега, в который уже раз обходя островок. Рядом с ним шла Миива. Ванимена связывала с ней близость, которая возникла еще до того, как Агнета покинула море и вернулась к людям. Миива была менее ветреной и легкомысленной, чем все остальные в народе лири, ее чувствам была свойственна глубина. Она умела отвлечь Ванимена, разогнать грусть и тяжелые мысли.

Небо на востоке уже окрасилось лилово-синими тонами, казалось, над морем была опрокинута огромная чаша, усеянная первыми ранними звездами. Над западным горизонтом сиял и переливался каскад пурпурных, багровых и золотых огней. Море поблескивало и тихо шумело, воздух был спокойным и теплым. Над морским простором носился едва слышный запах водорослей и соленой воды. Можно было ненадолго забыть про голод, несчастья и беды, беззаботно радоваться забрезжившей надежде.

— Ты, правда, веришь, что мы сумеем осуществить задуманное? — спросила Миива.

— Да, — убежденно отвечал Ванимен. — Я ведь рассказывал тебе о том, как нашел ту укромную бухту. Я нередко наведывался туда, последний раз совсем недавно. Мы скроемся в бухте и выждем подходящий момент. Впрочем в это время года долго ждать не придется. Торговля в городе так и кипит, судов в гавани множество. Мы захватим корабль ночью, когда люди боятся выходить в море. Они пустятся в погоню лишь на рассвете, но мы тогда уже будем далеко.

— А ты умеешь управлять кораблем?

Этот вопрос застиг Ванимена врасплох. До сих пор еще никто об этом не подумал.

— Умею. Не слишком хорошо, конечно. Но несколько раз мне случалось наблюдать, как люди водят свои корабли, и я постарался все запомнить. Когда-то давно у меня были друзья среди людей, ты помнишь... Мы научимся управлять кораблем. Я думаю, если держаться подальше от берегов и плыть все время в открытом море, то мы сумеем избежать серьезной опасности. И ни в коем случае нельзя действовать поспешно. — Голос Ванимена снова зазвучал уверенно и твердо. — У нас непременно будет остров-корабль! На нем мы сможем переждать бурю, отдохнуть, если устанем в пути. Запасы еды нам делать ни к чему, все, что нужно, мы добудем в море. О пресной воде нам также нет нужды беспокоиться, тогда как люди часто гибнут из-за ее отсутствия. Кроме того, в отличие от людей мы с легкостью ориентируемся в морях. Мы знаем, что в конце пути нас ждет наша новая страна, а не тесные узкие проливы, где волны бушуют и грохочут среди скал — уже одно это дает нам огромное преимущество перед людьми. — Ванимен поднял глаза от песка и гальки под ногами и поглядел на запад, где полыхал закат. — Чего заслуживает больше род человеческий: жалости или зависти? Не знаю...

Миива взяла Ванимена за руку.

— Ты как-то странно привязан к людям, — сказала она.

Ванимен кивнул.

— Да. И с каждым прожитым и уходящим годом моей жизни эта привязанность крепнет. Я никому о ней не говорю, потому что знаю, вряд ли кто-то из наших сумеет меня понять. Но я чувствую... нет, не знаю... В Творении существует столь многое, помимо нашего Волшебного мира, чарующего и озорного... Не в том дело, что люди наделены бессмертной душой, нет. Мы всегда считали, что жизнь на суше трудна, что слишком дорогой ценой дается она обитателям земли. Но я не могу понять, — Ванимен сжал свободную руку в кулак, лицо морского царя помрачнело, — не могу понять, что для них эта жизнь на земле, где они претерпевают множество страданий и горестей? Что они находят привлекательного в своей жизни, чего мы никогда не увидим и не поймем, ибо наши глаза для этого слепы?..

* * *

Ставангер, портовый город на южном побережье Норвегии, мирно дремал при свете ущербной луны. Дорожка серебряного лунного света повисла мерцающим мостом над фьордом, отвесные скалистые берега затаились в черном мраке, крытые тростником и дранкой крыши домов поблескивали серебристым блеском. Неярким тусклым светом луна озарила стены собора и словно вдруг ожила, коснувшись его окон, и обратила свой свет на улицы, с выстроившимися в ряд домами, которые постепенно исчезали вдали, поглощенные густым сумраком ночи. Лунный свет легко скользнул по мачтам и носовым фигурам стоявших у причала кораблей...

За тонкой роговой пластинкой корабельного фонаря едва теплился огонек свечи, он почти не давал света, на корме корабля, который стоял у причала поодаль от других судов, было совсем темно. Этот корабль недавно пришел в Норвегию из ганзейского портового города Данцига. Как и широко распространенные на севере когги, этот корабль был одномачтовым, но корпус у него был шире и длиннее, чем у обычного когга. Такие суда появились сравнительно недавно. При свете дня можно было бы видеть, что

дощатый корпус с клинкерными соединениями досок был выкрашен в ярко-красный цвет с белыми и желтыми полосами.

Дрожащая лунная дорожка пролегла за бесшумно подплывавшими к кораблю водяными. Не чувствуя холода и не думая об опасности, они плыли за добычей.

В норвежскую гавань их привел Ванимен. Захват корабля был единственным шансом лири, и все же Ванимен с более легким сердцем совершил бы кражу на берегу, если уж не оставалось другого выхода. Брошенный из воды крюк зацепился за релинг. Ванимен взобрался по веревочной лестнице на борт.

Ступив на палубу, он сразу же учуял запах человека. Это был вахтенный матрос. Вся команда сошла на берег и ночевала в портовых гостиницах или веселилась в кабаках. Вахтенный шел с кормы, держа в руках фонарь и копье. Тусклый свет на мгновенье блеснул на стальном острие копья, осветил седую бороду и усы — матрос был немолодым человеком, коренастым и плотным.

— Кто идет? — окликнул он по-немецки и в ту же минуту увидел Ванимена. — Господи Иисусе, Дева Мария, спаси и помилуй! — вне себя от ужаса закричал матрос.

Пустить в ход оружие он не успел — Ванимен поднял трезубец и с размаху вонзил его в живот человека. Удар был так силен, что и сам Ванимен содрогнулся. Трезубец поразил печень. Брызнула кровь; матрос повалился на палубу, корчась в предсмертных муках.

— Иоханна, Петер, Мария, Фридрих... — задыхаясь прохрипел он.

Имена жены и детей? Умирающий обратил на Ванимена застывший взгляд и бессильно приподнял руку.

— Господи, убереги их от встречи с этой нечистью, — услышал Ванимен. — Святой Михаил архангел, воитель небесный, отомсти за меня...

Ванимен ударил трезубцем в глаз матроса. Зубец вонзился точно под бровью, умирающий умолк. Меж тем подданные Ванимена один за другим поднялись

на борт по веревочному трапу и, не заботясь о том, что их могут услышать на берегу, принялись ходить по палубе и рассматривать снасти. Никто, кроме Ванимена, не понимал по-немецки. Он же некоторое время стоял над убитым человеком, глубоко потрясенный тем, что совершил, затем поднял мертвеца и бросил за борт.

Управление кораблем оказалось далеко не простым делом, и прежде всего потому, что помощники Ванимена не имели ни малейшего понятия о том, что такое корабль. Их неуклюжая возня и топот, несомненно, были слышны на берегу. Ванимен с минуты на миниту ожидал нападения, но никто из людей так и не появился. Даже если кто-нибудь и услышал шум и суету на корабле, то, наверное, благоразумно решил не вмешиваться в чужие дела, из-за которых не стоило рисковать и выходить темной ночью на пристань. В городе, вероятно, имелась вооруженная стража, но, по-видимому, стражники ничего не заподозрили и подумали, что на корабле происходит обычная пьяная перебранка или драка.

Наконец, корабль отчалил. Парус развернули, и его тут же наполнил ночной бриз, дувший с суши, которого Ванимен дожидался в течение последнего часа. Сверхъестественная острота зрения и способность видеть в темноте позволяли Ванимену и его матросам править кораблем в ночном море. Вскоре они вышли из залива, и Ставангер остался за кормой. И тогда дети, женщины, — все, кто ждали в море, поднялись на палубу корабля.

На рассвете они были уже далеко от берегов Норвегии.

VI

Ингеборг Хьялмарсдаттер было около тридцати лет. Жила она в Альсе. Рано потеряв родителей, Ингеборг поспешила выйти замуж за первого же парня, которому приглянулась. Но, как оказалось, Ингеборг была бесплодна, муж ее бросил и уходя забрал лодку, на которой рыбачил, а ей не оставил ничего. Другие

парни не торопились засылать сватов. Церковная община заботилась о бедняках по-своему: их отдавали в услужение более или менее зажиточным хозяевам. А уж те отлично умели выжимать из батраков все соки и не слишком утруждали себя заботой о пропитании и одежде своих подопечных. Ингеборг не пошла в батрачки. Она упросила Рыжего Йенса одолжить ей свою лодку на время, когда проходили косяки сельди. Йенс хоть и неохотно, в конце концов уступил, и Ингеборг обошла на лодке все побережье, торгуя тем, что у нее было, — собой. В Альс она вернулась с пригоршней шиллингов. С тех пор она каждый год совершала такое путешествие. В остальное время Ингеборг сидела дома, а по базарным дням ходила на рынок в Хадсунн, пешком, по лесной дороге.

Отец Кнуд пытался увещеваниями наставить Ингеборг на праведный путь, призывал грешницу изменить свою жизнь и привычки.

— А вы можете найти мне работу лучше этой? — смеялась в ответ Ингеборг.

По долгу службы отцу Кнуду пришлось отлучить ее от церковной общины, и хорошо еще, что Ингеборг не запретили посещать богослужения в церкви. Но она появлялась там лишь изредка. Женщины поселка, встретив Ингеборг на улице, злобно шипели ей вслед ругательства и швыряли в нее рыбьими головами и костями. Мужчины смотрели на вещи более снисходительно, но все же смалодушничали перед злобой законных супруг и не возражали, когда было решено изгнать блудницу из поселка.

Ингеборг поселилась в убогой лачуге на морском берегу, примерно в миле к северу от Альса. Почти все холостые парни наведывались сюда, и многие рыбачьи лодки приставали к берегу неподалеку от ее хижины, бывали здесь и пришлые случайные люди, и кое-кто из женатых рыбаков, отцов семейств. Если у них не находилось медяков, Ингеборг не отказывалась брать плату рыбой, и потому скоро ее прозвали Ингеборг-Треска. По временам она оставалась одна и тогда подолгу гуляла вдоль берега или в лесах. Разбойников она не боялась: убить ее не убьют, что с нее возьмешь?

А никакого другого зла ей уже невозможно причинить. Лесных троллей Ингеборг тоже не боялась.

С той поры как Тоно впервые постучался в дверь хижины Ингеборг, минуло пять лет. В то время он как раз заинтересовался жизнью людей на ближайших от Лири берегах. Стоял холодный зимний вечер. Ингеборг отворила дверь, впустила юношу в дом. В тот вечер он рассказал ей о себе. Перед тем как прийти к ней, Тоно издали не раз видел, что в хижину тайком и крадучись заходили мужчины, и через некоторое время так же воровато покидали одинокий дом на берегу моря. Тоно хотелось узнать о жизни людей как можно больше, ведь они были его сородичами по материнской линии. Он без обиняков спросил Ингеборг, с какой целью приходят в ее дом мужчины. Кончилось все тем, что Тоно провел с нею ночь. С тех пор он часто приходил к Ингеборг. Она была совсем не такая, как его подружки и возлюбленные в подводном городе, от нее исходило тепло — и тело и сердце у Ингеборг были горячие. Ее ремесло ничуть не смущало Тоно, ведь в его племени парни знают о браке не больше, чем о всех прочих таинствах церкви. Он многому научился у Ингеборг и многое рассказал ей о себе, своем народе и волшебном мире, когда, тесно прижавшись друг к другу, они лежали под ветхим одеялом на ее кровати. Тоно нравилось нежное и сильное тело Ингеборг, полюбил он и ее кривоватую невеселую усмешку.

Ингеборг никогда не требовала с него платы и почти всегда отказывалась от подарков, которые он ей приносил.

— Я не держу зла на мужчин, — заметила она однажды. — Конечно, кое-кто мне противен, хотя бы этот злыдень, старый скупердяй Кристофер. Не пошла бы я по этой дорожке, так попалась бы в его лапы. Как увижу его поганую ухмылку, так прямо мурашки по коже. — Ингеборг с досадой плюнула на глиняный пол и вздохнула. — Хотя, с другой стороны... Деньжонки-то у него водятся... Нет, мужчины в общем редко меня обижали, особенно те, что постарше, а иной раз с каким-нибудь молодым парнем так и вовсе приятно было время провести. — Она потрепала Тоно

по волосам. — Но ты для меня значишь больше, Тоно, уж поверь. Неужели ты не понимаешь, почему я не хочу брать с тебя плату?

— Не понимаю, — честно ответил Тоно. — У меня же полно драгоценностей, за которые люди готовы щедро платить, ты сама говорила. Янтарь, жемчуг, золотые слитки. Ведь я просто хочу как-то помочь тебе, почему же ты отвергаешь помощь?

— Ах, да потому что слухи пойдут — если уж не говорить о других вещах... Признают обо всем господа в Хадсунне, услышат, что Ингеборг-Треска продает драгоценности, и пожелают узнать, откуда это у нее такой товар взялся. А я не хочу, чтобы ты, мой последний возлюбленный, попался в их сети. — Она поцеловала Тоно. — Давай лучше о другом поговорим, о чем-нибудь хорошем. Расскажи еще что-нибудь про вашу чудесную страну на дне моря. Для меня твои рассказы дороже любых сокровищ, которые можно потрогать руками и купить за деньги.

Ингеборг уже не раз осторожно намекала Тоно о своем сокровенном желании: чтобы он увел ее с собой в море, как когда-то отец Тоно увел прекрасную Агнету. Но юноша не понял намеков, и Ингеборг оставила эту мысль. Да и с какой стати он должен брать на себя такую обузу — бесплодную Ингеборг-Треску?

После того дня, когда архидьякон Магнус предал проклятию водяных и подводный город, Ингеборг заперла дверь хижины и целую неделю никого не принимала. Глаза у нее еще долгое время спустя были красными.

Но прежде чем покинуть воды Ютландии, Тоно снова увиделся с Ингеборг. Он вышел из моря без единой нитки на теле, лишь волосы на лбу были схвачены ремешком и на поясе был подвешен острый кремневый нож. В руках он держал копье. Вечер выдался холодный, уже спустились сумерки и над морем курился туман, волны тихо плескались у берега и невнятно о чем-то шептали, звезды на небе, казалось, застыли. Пахло рыбой и водорослями, с берега

тянуло сырой землей. Песок скрипел под босыми ногами, острая трава, росшая на дюнах, царапала лодыжки.

В это время к хижине приблизились двое молодых парней. Они ехали на лошадях и факелами освещали себе дорогу. Тоно, видя в темноте гораздо лучше, чем самый зоркий смертный человек, разглядев шерстяные плащи с капюшонами, штаны и сборчатые рубахи, понял, что парни — местные рыбаки. Он вышел из темноты на свет факелов и загородил всадникам путь.

— Нет, — сказал он. — Сегодня ночью — нет.

— Почему же, Тоно? — с глупой ухмылкой спросил один из парней. — Ты ведь не будешь против, если мы, твои приятели, тоже получим свою долю удовольствия. Да и ей-то, Ингеборг, не понравится, если уйдет от нее такая жирная добыча. Мы быстренько, раз уж тебе невтерпеж.

— Езжайте домой. Здесь останусь я.

— Тоно, ты же меня знаешь. Мы с тобой и разговоры разговаривали, и в мяч играли, забыл, что ли? А помнишь, ты еще в лодку ко мне забрался, в море-то? Стиг меня зовут.

— Ты хочешь, чтобы я тебя убил? — спокойно спросил Тоно.

Оба парня поглядели на него, повыше подняв факелы. В мерцающем неверном свете он казался еще выше ростом, еще сильнее и крепче. Нож, копье... Мокрые, словно морские водоросли, белокурые волосы с тусклым зеленоватым отливом, янтарные глаза, сверкавшие, как огни северного сияния. Парни повернули коней и быстро поскакали назад. Из тумана долетел злобный голос Стига:

— Правду про вас говорят — нет у вас души, проклятые твари!

Тоно постучался в дверь хижины. Домик Ингеборг был старой покосившейся бревенчатой лачугой, стены его от времени стали серыми, окон в хижине не было, чтобы не уходило тепло очага, щели были законопачены мхом. Ингеборг отворила и, впустив Тоно, плотно закрыла дверь. В доме горел масляный светильник, а еще Ингеборг развела огонь в очаге. Огромные тени

метались по стенам, широкой кровати, перед которой стояли стол и табурет, по кухонной утвари на низкой плите и сундуку для одежды. Над очагом висели на крюках вяленая треска, круг колбасы.

Из-за сырости и тумана дым плохо поднимался в дымоход, которым служило отверстие в крыше. У Тоно в легких уже давно покалывало, с той самой минуты, когда он поднялся на поверхность моря и начал дышать воздухом. Для этого нужно было просто резко выдохнуть воду, полностью очистив от нее легкие. Воздух был сухим и колким, дышать им было труднее, чем водой, кроме того, на земле слух Тоно был вдвое слабее, потому что в воздухе все звуки были глуше, чем в воде. Зато видел он на суше гораздо лучше и дальше.

Дым от очага раздражал легкие, Тоно закашлялся и некоторое время не мог начать говорить. Ингеборг обняла его без слов.

Ингеборг была небольшого роста, с ладной, чуть полноватой фигурой. У нее были каштановые волосы и блестящие темно-карие глаза, слегка вздернутый нос, мягко очерченный нежный и пухлый рот и множество веснушек на щеках. Голос у Ингеборг был высокий, но не резкий, напротив, в нем звучали мягкие бархатные нотки. Очарованием женственности Ингеборг-Треска далеко превосходила многих знатных дам и особ королевской крови. Тоно был неприятен шедший от ее рубашки запах пота, он раздражал его гораздо сильнее, чем вся та гнусная вонь, которая, вызывая глубокое отвращение, преследовала его в мире людей, но за резким запахом пота его тонкое обоняние улавливало сочный и свежий аромат цветущего женского тела.

— Я ждала, — пробормотала Ингеборг, — надеялась...

Тоно освободился от ее объятий, отступил на шаг и, пристально глядя ей в глаза, крепче сжал в руке копье.

— Где моя сестра? — выкрикнул он гневно.

— Ах... Она... Не беспокойся, Тоно, у нее все хорошо. Никто ее не обидит. Никто не посмеет обидеть. — Ингеборг пыталась увести его от дверей. — Входи же,

бедный мой, любимый мой Тоно. Что ж ты стоишь? Входи же, садись, сейчас я налью тебе вина, сейчас все будет хорошо...

— Они отняли у нее все, что было ее жизнью! — Тоно снова закашлялся и долго не мог отдышаться.

— Так надо, Тоно. Христиане не позволили бы ей жить среди людей, если бы она не приняла христианскую веру. Ты не должен их осуждать, особенно священников, они ведь люди подневольные, исполняют повеления высшей власти. — Тут Ингеборг вдруг усмехнулась своей обычной кривой усмешкой, скорее горько, а не весело. — Нельзя их осуждать. Твоя сестра заплатила высокую цену — отдала память о прошлой жизни, приобрела же старость, болезни и смерть, которые настанут через какие-то несколько десятков лет... Но за эту цену она купила себе будущее райское блаженство. Ты, может быть, проживешь долгую-долгую жизнь, но после смерти тебя не станет, ты исчезнешь без следа, Тоно, будто задули свечку — и все, нет тебя. Я же... конечно, я хотела бы жить, после того как тело мое умрет. Уж если на то пошло, то пускай хоть в аду... Кому же из нас троих выпала лучшая доля?

Тоно немного успокоился, но лицо его по-прежнему было мрачным. Он поставил копье в угол у двери и сел на кровать с жестким соломенным тюфяком. Над масляной лампой плясал слабый сине-желтый язычок пламени. Запах копоти и дыма был, пожалуй, даже приятным, если бы только он не был таким густым... Тени больше не метались по комнате: забившись в углы и под крышу, они лишь выглядывали из своих укрытий и кое-где свешивались вниз, словно черные рваные лохмотья. Тоно не чувствовал ни холода, ни сырости, несмотря на то что был голым. Ингеборг дрожала и зябко куталась в платок. Она не села, а осталась стоять посреди комнаты.

— Мне все прекрасно известно, — сказал Тоно, пристально глядя на Ингеборг, которую он видел в тусклом свете очага так же ясно, как при свете дня. — Тут в поселке есть один парень. Он избрал для себя путь священнослужителя. Так вот, он рассказал обо всем моей сестре Эяне. У них было свида-

ние. — Тоно негромко засмеялся. — Эяна говорит, удалец он хоть куда, силы не занимать, только вот в лесу на холоде напал на него чих, так и чихал все время, пока они с ним миловались.

Тоно помолчал. Когда он снова заговорил, его голос зазвучал сурово и резко:

— Ладно, если в вашем мире иначе нельзя, значит, делать нечего, придется уступить. Хотя... Вчера мы с Кеннином разыскивали Ирию. Мы хотели убедиться, что у нее все в порядке и что никто ее не обижает. Какая вонь, какой смрад стоит в этих тесных каналах, которые вы называете улицами! Мы прошли их все, из конца в конец, не пропустили ни одного дома. Мы были даже в церкви и на кладбище. И нигде ни разу мы не увидели Ирию, даже издали. Понимаешь, ни единого раза за все эти дни. Мы давно не видели Ирию и мы непременно должны отыскать ее, найти, куда бы они ее ни спрятали. Где бы она ни была, в доме или в гробу, мы должны ее увидеть! Даже если она теперь смертная, наша маленькая Ирия, все равно, половина ее крови и плоти унаследованы от отца. И тогда, в тот последний вечер на берегу, от нее пахло так же, как раньше, так пахнет морская вода, согретая лучами солнца... — Тоно ударил себя кулаком по колену. — Мы до сих пор не нашли ее. Кеннин и Эяна были вне себя от ярости, они едва не бросились в поселок, чтобы перебить гарпунами тех, кто отнял у нас сестру. Я убедил их не рисковать жизнью понапрасну, потому что наша гибель ничем не поможет Ирии. И все же я насилу дождался заката, чтобы прийти сюда и застать тебя дома, Ингеборг.

Она села рядом с Тоно и, обняв за плечи, прижалась щекой к его груди.

— Я все знаю, — мягко сказала Ингеборг.

— Знаешь? Говори же, что с моей сестрой?

— Дело в том, что Магнус Грегерсен увез ее с собой в город Вибор... Погоди! Ничего плохого с ней не случилось! Подумай сам: кто посмеет обидеть — да какое там обидеть! — даже помыслить о том, чтобы обидеть дитя, которое является живым доказательством милосердия Божьего?

Ингеборг произнесла эти слова спокойным и дело-

витым тоном, но в следующую минуту силы ей изменили и голос задрожал:

— Ты правильно сделал, Тоно, что пришел ко мне. Вместе с Магнусом Грегерсеном приезжал писец. Он был здесь, и я выведала у него, как они думают устроить дальнейшую жизнь девочки, осененной Господней милостью. Я сказала этому парню, дескать, люди у нас в Альсе не злые, но все очень бедные. Раньше девочка развлекала их своими удивительными рассказами о городе на морском дне, но теперь-то она ничего не помнит. Теперь ее нужно учить всему заново, будто она лишь вчера на свет родилась. А кто же захочет взвалить на себя такую обузу? Кто пожелает взять в свою семью приемыша, да еще девочку, ведь она вырастет, значит, надо будет дать за ней приданое. Ох, да ведь и несчастье какое-нибудь может с ней стрястись, в жизни бедняков чего не бывает. Вдруг она оступится? Тогда придется ей выходить замуж за первого встречного, чтобы покрыть грех, а то и на ту дорожку встать, по какой я пошла... Так как же они решили устроить ее жизнь? Грамотей из епархии сказал, что ничего плохого с девочкой не случится. Они, мол, увезут ее в Вибор и отдадут в монастырь святой Асмильды.

— Монастырь? Что это такое? — спросил Тоно.

Ингеборг как могла объяснила и в заключение добавила:

— В монастыре Маргрете предоставят кров, монахини будут ее учить. Когда достигнет надлежащего возраста, она даст обет и станет монахиней. И будет жить безгрешной чистой жизнью, и люди будут ее глубоко чтить. А потом она умрет, как святая, и будет источать благоухание. Или ты думаешь, что плоть непорочной святой после смерти будет так же гнить и вонять, как твое или мое тело?

Тоно было ошеломлен.

— Но ведь это ужасно! — воскликнул он.

— Да? А многие люди считают такой удел завидным.

Тоно обернулся и испытующе поглядел ей в глаза.

— И ты? Ты тоже?..

— Я-то? Нет.

— Сидеть взаперти, в четырех стенах всю жизнь до самой смерти, остричь волосы, носить длинную тяжелую рясу, питаться какой-то дрянью и целый день бормотать под нос молитвы богу, пока не иссохнет лоно, которое сам бог и дал женщине, никогда не узнать любви, не родить детей, чтобы продолжить свой род... И не иметь права даже просто выйти погулять весной под цветущими яблонями...

— Это путь к вечному блаженству, Тоно.

— О, я предпочитаю блаженство сейчас, в этой жизни. А потом пусть настанет тьма. Да ведь и ты тоже так думаешь, ведь правда, если начистоту? Но что бы ты ни говорила, ты надеешься получить на смертном одре отпущение грехов. Нет, по-моему, не стоят ваши христианские Небеса того, чтобы стремиться жить на них вечно.

— Но может быть, Маргрета считает по-другому.

— Маргре... Ах, Ирия.

Тоно глубоко задумался, опершись подбородком на руку, крепко сжав губы. Слышно было, как тяжело он дышит в душном и дымном воздухе.

— Ладно, — сказал он после долгого молчания. — Если она действительно сама выбрала такую жизнь, пусть все будет по ее воле. Но как нам узнать, правда ли, что Ирия искренне желает такой жизни? И разве сама она отдает себе в этом отчет? Они ведь могут сделать так, что она поверит, будто там, в этих, как их? — монастырях и в самом деле все есть истина и добро. Ингеборг, я не потерплю, чтобы моя сестренка оказалась жестоко обманутой.

— Да вы же сами привели ее на берег, потому что не хотели, чтобы она погибла и была съедена морскими угрями. Какая разница?

— По-твоему, никакой?

Отчаяние Тоно, обычно сильного и мужественного, для Ингеборг было точно острый нож в сердце. Она крепче обняла его.

— Милый мой, любимый...

Но Ингеборг не расплакалась — в ней вдруг проснулось упорство, недаром она была дочерью рыбака.

— У нас, людей, есть средство, которое открывает

все двери, кроме, разве что райских врат, — сказала она. — И средство это вполне законное. Это деньги.

У Тоно вырвалось какое-то слово, которого Ингеборг не поняла, должно быть, то был его родной язык.

— Говори, — попросил он, снова переходя на датский язык, и до боли сжал ее руку.

— Возьмем самое простое — золото. — Ингеборг принялась объяснять свою мысль, даже не пытаясь освободить руку. — Золото, или то, что можно получить в обмен на золото. Хотя само по себе золото ценится намного дороже. Понимаешь, если у твоей сестры будет золото, она сможет жить там, где пожелает. Если бы у нее было очень много золота, она могла бы жить и при дворе самого короля или за пределами Дании, в какой-нибудь богатой стране. Она повелевала бы слугами, воинами и стражей, имела бы поместья, покупала бы все, что угодно. Среди ухажеров и женихов она выбрала бы того, кто ей по сердцу. А если бы предпочла иную жизнь и захотела вернуться в монастырь, то никто не помешал бы ей это сделать.

— У моего народа много золота! Мы можем поднять золото со дна моря, оно там, под развалинами Лири.

— Много? Сколько?

Разговор длился долго. Никому в народе лири никогда и в голову не приходило, что золото нужно взвешивать или пересчитывать. Для подданных Ванимена золото было обыкновенным металлом, нержавеющим, желтого цвета, но слишком мягким и непрочным, так что для изготовления оружия или ремесленных орудий оно не годилось. В конце концов Ингеборг с сомнением покачала головой.

— Боюсь, этого будет мало. Конечно, по обычным меркам, золота у вас огромное количество. Но дело-то непростое. Речь идет о том, чтобы монастырь расстался с живым чудом, с доказательством всемогущества Бога. Маргрета для них просто находка. Чтобы поглядеть на нее, в монастырь поедут паломники из разных стран, богатые люди. Церковь как законный опекун девочки не захочет упустить такую лакомую приман-

ну. Священники не отдадут вам сестру за какой-то десяток золотых блюд и кубков.

— Сколько надо?

— Много, очень много. Тысячи марок. Понимаешь, придется давать взятки, подкупать людей. Тех же, кого подкупить не удастся, нужно будет склонить на нашу сторону по-другому — сделать щедрые, невиданно крупные пожертвования на богоугодные дела. А кроме того, надо ведь и Маргрете оставить немалую сумму, чтобы обеспечить ей безбедную жизнь... Тысячи марок.

Вдруг Тоно радостно воскликнул что-то на своем языке.

— Сколько же нужно золота? Какой должен быть вес? — спросил он.

— Откуда мне знать. Я дочь простого рыбака, одиночка. Я и одной-то марки в глаза не видела. Трудно сказать, сколько нужно. Полная лодка золота? Да, наверное, этого хватит. Полная лодка золотых слитков.

— Полная лодка золота... А у нас и пустой-то лодки нет... — Тоно откинулся и прислонился к стене.

Ингеборг печально усмехнулась и погладила его по плечу.

— В жизни не всегда все идет так, как нам хочется, — вздохнула она. — Ты сделал все, что мог. Пусть твоя сестра проживет лет шестьдесят в монастыре, умерщвляя плоть, зато потом ее душа будет жить вечно и не узнает адских мучений. Она будет помнить нас даже тогда, когда ты обратишься в прах, а я буду гореть на вечном огне...

Тоно нахмурился и упрямо тряхнул головой.

— Нет. В ее жилах течет та же кровь, что и в моих... Но не только в этом дело. Она нежная, робкая, но она рождена, чтобы быть свободной и жить в морских просторах всей Земли... Что, если однажды она вдруг увидит, что благочестие, или как его там, святость выеденного яйца не стоит? Что ждет ее тогда после смерти?

— Не знаю...

— У нее должен быть свободный выбор. Нужен

подкуп. Полная лодка золота. Ничтожная цена за счастливую жизнь.

— Лодка... Ах, да нет же, я ведь думала... Нет, конечно, меньше. Несколько сот фунтов, этого вполне хватит. — Ингеборг охватило нетерпение. — Как ты думаешь, сможете вы раздобыть несколько сот фунтов?

— Погоди, дай подумать. Дай вспомнить... Есть! Вспомнил! — воскликнул Тоно и резко выпрямился.

— Что? Где?

С быстротой и легкостью, свойственной лишь тем, кто живет в Волшебном мире, Тоно принялся строить планы, одновременно рассказывая:

— Когда-то в глубокой древности на одном острове посреди океана стоял город, который назывался Аверорн...

Тоно говорил негромко, голос его дрожал от волнения, взгляд был неподвижно устремлен на черные тени, нависавшие над бревенчатой стеной.

— Город был большой и многолюдный, во всем мире он славился своими невиданными богатствами. Жители Аверорна поклонялись морскому Кракену — это огромный черный кальмар с длинными щупальцами — и приносили в жертву божеству сокровища и драгоценности, которые бросали в море. Золото и драгоценные камни Кракену были не нужны, но вместе с ним он принимал другие жертвоприношения: в море бросали детей, жертвенных животных и приговоренных к смертной казни преступников. Кракен их пожирал. Жертвоприношения были столь обильными, что ему почти не приходилось утруждать себя охотой. Когда же Кракен охотился, его добычей становились киты и кашалоты. Случалось, он топил корабли и пожирал матросов. За долгие годы, вернее, столетия, Кракен и его жрецы научились по некоторым признакам безошибочно узнавать, что к Аверорну приближается какой-нибудь корабль... Со временем Кракен стал ленивым и вялым, перестал подниматься на поверхность моря. Шли годы, поколения людей сменяли друг друга, никто из жителей Аверорна уже не помнил, каков Кракен с виду. Ему незачем было подниматься из глубин, потому что ни один корабль уже не осмеливался приблизиться к острову. Постепенно острови-

тяне уверовали в то, что Кракен существует лишь в легендах и преданиях старины. Спустя несколько столетий на остров прибыли люди из далекой страны. С ними явились и торговцы, которые привезли в Аверорн не товары, а новых богов. Этим богам не нужно было приносить жертвы. Народ Аверорна потянулся к новой вере. Храм, воздвигнутый для вознесения молитв Кракену, опустел, светильники в нем погасли, старые жрецы один за другим умерли, новые не пришли к ним на смену. И наконец, правитель города повелел покончить с жертвоприношениями Кракену. Чудовище осталось без пищи. Прошел год. Разъяренный от голода, Кракен поднялся со дна. Он потопил все корабли, что стояли в аверорнской гавани, и сокрушил город своими гигантскими щупальцами. Все жители погибли. Вероятно, Кракен имел власть над землетрясениями и извержениями вулканов, потому что остров вместе с разрушенным городом опустился на дно моря. Вскоре он был забыт людьми.

— Ах, да ведь это просто замечательно! — Ингеборг даже захлопала в ладоши, сразу вдруг забыв о несчастных невинных младенцах, погибших вместе со всеми жителями города. — Это же чудо!

— Никакого чуда тут нет, — сказал Тоно. — Наш народ помнит об Аверорне, потому что Кракен и по сей день живет в своем логове на развалинах города. Мы никогда не заплываем в те воды.

— Понимаю... Но... Скажи, может быть, ты... Что, если бы...

— Надо попытаться. Есть смысл. Послушай, женщина. Люди не могут опуститься на дно моря. У моего же народа нет ни кораблей, ни оружия из металла, который не ржавеет в воде. Еще никогда твой род, род человеческий, и мой род, род лири, не объединялись ради общего дела. Но если бы мы попробовали соединить наши силы и возможности, то, может быть...

Тоно умолк. Ингеборг долгое время не отвечала, затем тихо сказала, не глядя на него, словно говорила сама с собой:

— Он может тебя убить...

— Да, конечно. Ну и что? Ведь и рождаются на свете лишь по воле случая. Мои соплеменники помо-

гают друг другу, иначе нам не выжить, однако чья-то отдельная жизнь ценится у нас не слишком высоко. Мне предстоит далекое плавание, возможно, придется плыть на другой конец света. Я не смогу отправиться на розыски моего народа, если не буду уверен, что сделал все, что в моих силах, для спасения Ирии, моей младшей сестренки, которая так похожа на нашу мать. Но корабль... — Тоно прикусил губу. — Как раздобыть корабль с командой?

Ингеборг и Тоно долго говорили и спорили. Она пыталась убедить его, что этот путь не годится. Однако Тоно лишь упорней отстаивал свой план. Наконец Ингеборг сдалась.

— Может быть, мне удастся кое-что сделать для тебя и получить то, что тебе нужно.

— Правда? Но каким образом?

— Как ты понимаешь, наши рыбаки, здесь, в Альсе, сразу подожмут хвосты и не пойдут на такой отчаянный риск. Да в Альсе и невозможно нанять корабль, у нас тут нет богатых судовладельцев, а если б даже и были, то наверняка не захотели бы иметь дело с тем, у кого нет души, и пуститься вместе с ним в безумно рискованное предприятие. Но в Хадсунне — это город, который находится к западу от Альса, в нескольких милях от моря на берегу Мариагер-фьорда, — так вот, в Хадсунне, как я слышала, есть подходящее судно. Когг, не очень большой, но все же настоящий когг, а не какая-нибудь лодчонка. В ближайший базарный день я поеду в Хадсунн и постараюсь познакомиться с матросами из его команды. Это торговое судно, оно уже совершало дальние плавания к берегам Финляндии и на восток, к вендам. Ходили они и на запад, в Исландию. В таких дальних плаваниях моряки обычно не упускают случая напасть на какое-нибудь судно, когда знают, что пиратство останется безнаказанным. Эти матросы — настоящая банда головорезов, а уж капитан — владелец судна, тот просто отпетый негодяй. Он вообще-то родом из хорошей семьи, вырос в окрестностях Хернинга. Но его отец однажды дал промах — не на тех поставил в борьбе между сыновьями короля. Вот и вышло, что он

проиграл и не оставил после смерти своему сыну Ранильду Грибу ничего, кроме корабля. Сейчас Ранильд жестоко враждует с Ганзой. Дело в том, что флотилии Ганзейского союза прямо из-под носа у него выхватывают лакомые куски, и Ранильд из-за этого не имеет выгодных торговых сделок. Может быть, этот отчаянный малый рискнет с тобой связаться.

Тоно задумался.

— Может быть... Да... Знаешь ли, мы, народ лири, стремимся к тому, чтобы нам никогда не приходилось убивать или предавать своих собратьев. Согласись, о людях этого не скажешь, хоть они и наделены бессмертной душой и веруют во Христа. Я умею воевать и не струшу перед врагом, кем бы он ни был. Не отступлю, даже если буду безоружным. И все-таки мне не хотелось бы, чтобы у нас с капитаном и его командой началась вражда. Если это случится, а это вполне может случиться, то дело плохо кончится для нас троих — Эяны, Кеннина и меня.

— Понимаю, — ответила Ингеборг. — Наверное, лучше всего будет, если и я тоже отправлюсь с вами. Я буду все время начеку и постараюсь позаботиться о вашей безопасности.

Тоно вздрогнул от неожиданности.

— Ты правда хочешь быть вместе с нами? Подруга моя, ты получишь щедрую награду из нашей добычи. Ты тоже станешь свободной.

— Если останусь в живых. А если нет — невелика потеря. Да ведь... Ах, Тоно, только не думай, что я еду с вами ради золота и сокровищ...

— Я должен обсудить все с Эяной и Кеннином. Надо все очень хорошо продумать. Потом мы обсудим все вместе с тобой.

— Конечно, Тоно, конечно. Завтра, послезавтра, в любой день, пока я жива, я готова сделать для тебя все, что угодно. Но сегодня я прошу тебя лишь об одном: чтобы ты перестал терзаться. Отбрось тревогу, которая омрачает твой взгляд, пусть он снова станет ясным, как всегда. Пусть нынче все у нас с тобой будет, как прежде. Погляди, вот, я снимаю платье...

VII

«Хернинг», когг с черным корпусом, вышел в море из Мариагер-фьорда. Парус поймал попутный ветер, и «Хернинг» резво побежал по волнам, взяв курс на север. Тоно, Эяна и Кеннин поспешили сбросить с себя одежду — отвратительные грубые тряпки, которые сковывали движения и раздражали кожу. Братьям и сестре пришлось одеться как людям и ходить в одежде по Хадсунну в течение нескольких дней, когда они встречались с капитаном «Хернинга» Ранильдом Грибом. Шестеро матросов из команды когга радостно завопили при виде белого сиявшего в лучах солнца тела Эяны, единственную одежду которой составляли пояс с кинжалом да пышная грива медно-рыжих волос. У шестерых парней, закаленных в схватке с врагами и привычных к тяжким невзгодам и неожиданным ударам судьбы, были задубевшие от соленых ветров, загорелые лица, одеты матросы были в шерстяные рубахи, кожаные куртки и штаны, засаленные и грязные.

Седьмым в команде был восемнадцатилетний юноша по имени Нильс Йонсен. Он приехал в Хадсунн два года тому назад, решив наняться юнгой на какое-нибудь судно. Нужно было помогать матери-вдове и младшим братьям и сестрам. Мать Нильса арендовала крохотный земельный участок и едва сводила концы с концами. Однако плавал Нильс недолго — корабль, на который его взяли юнгой, пошел ко дну. По милости Всевышнего никто из команды не погиб, но, вернувшись в Хадсунн, Нильс был вынужден снова искать работу. Не найдя ничего лучшего, он нанялся на корабль Ранильда Гриба. Нильс был красивый стройный парень, с белыми как лен волосами и ярко-синими глазами, которые смотрели на мир открыто и весело. Но сейчас Нильс едва не плакал.

— Какая красивая... — прошептал он, глядя на Эяну.

Восьмым на судне был капитан. Он сразу спустился с кормовой надстройки и подошел к матросу, который стоял у румпеля и правил «Хернингом». Ранильд был недоволен рулевым и собирался задать

тому хорошую выволочку. На корабле было две высоких надстройки, на корме и на носу, ниже между ними проходила палуба, посередине судна стояла мачта, которую удерживали прочные тросы. Два выходившие на палубу люка, вели в трюм. Возле мачты помещался груз, кроме того груза, который находился в трюме. Сейчас возле мачты лежал валун красного гранита, размером не менее трех футов в поперечнике и весом около тонны. Рядом с ним высилась груда якорей и множество свернутых круглыми бухтами канатов и тросов.

Тоно, Эяна, Кеннин и Ингеборг стояли у релинга и смотрели на все более отдалявшийся берег Ютландии, над которым поднимались невысокие зеленые холмы. День был ослепительно ясным, яркие солнечные блики плясали по сине-зеленым горбатым спинам волн. Ветер гудел в снастях, деревянные крепления корпуса скрипели и стонали, когда штевень корабля, словно огромный моржовый клык, вспарывал высокие волны. В небе, казалось, кружила метель — несметное множество чаек с пронзительными криками носилось в синеве, рассекая воздух белыми крыльями. Пахло соленой водой и просмоленным деревом.

— Эй, вы! — гаркнул Ранильд. — А ну, приведите себя в приличный вид!

Кеннин хмуро поглядывал на капитана. Почти весь вчерашний день ушел на долгие, обстоятельные и подробные переговоры с этим человеком. Дети Ванимена с трудом выдержали скучный, нудный торг, который пришлось вести в душной задней комнатенке дрянной портовой гостиницы. Теперь же их возмутила грубость Ранильда, который злобно ощерился на них, словно хищный зверь. Подобным тоном никто еще не позволял себе разговаривать с детьми морского царя.

— Кто ты такой, чтобы учить нас приличиям? — раздраженно бросил Кеннин.

— Полегче, Кеннин, — негромко предостерег Тоно младшего брата. Сам он испытывал к хозяину судна ничуть не большую симпатию, однако держался спокойно и невозмутимо в отличие от порывистого Кеннина.

Капитан Ранильд Гриб был невысок ростом и ши-

рок в кости. У него были сильные руки и могучая грудь. Стальные черные волосы на темени уже поредели, на грубом лице со щербатым ртом и блеклыми серыми глазами выделялся перебитый нос. Длинная черная борода спускалась до круглого, как лохань, толстого брюха. Одет Ранильд был так же, как и все матросы в его команде, но из оружия, помимо копья, у него были еще нож и короткий меч. В отличие от босоногих или обутых в тяжелые башмаки матросов капитан носил кожаные сапоги с широкими голенищами.

— В чем дело? — спросил Тоно. — Может быть, вам, Ранильд, и нравится носить грязные тряпки и не снимать эту ветошь, пока она не превратится в засаленные вонючие лохмотья. Как говорится, дело вкуса. Причем же здесь мы?

Не «Ранильд», а «господин Ранильд»! Слышишь ты, водяной! — Капитан схватился за рукоять меча. — Мои предки были помещиками, землевладельцами, а твои в то время жили среди окуней и салаки. Я знатный благородный человек, разрази меня гром! Судно принадлежит мне, я согласился нести все расходы и издержки в этом плавании и, клянусь Всевышним, или вы подчинитесь моим требованиям, всем до единого, или будете болтаться на рее!

В тот же миг кинжал, брошенный Эяной, просвистел в каком-нибудь дюйме от плеча Ранильда.

— Прежде мы повесим тебя за твою вшивую бороду, — пригрозила дочь морского царя.

Матросы схватились за ножи. Ингеборг бросилась между Эяной и Ранильдом.

— Что вы делаете! — закричала она. — Хотите перерезать друг друга? Господин капитан, без водяных вам не добыть золота со дна моря. А они без вашей помощи не смогут поднять на корабль сокровище и доставить его в Данию. Христом Богом прошу, опомнитесь!

Ранильд и Эяна отступили, но ни капитан, ни девушка о примирении не помышляли. Ингеборг продолжала чуть спокойнее:

— Кажется, я понимаю, из-за чего вспыхнула ссора. Господин Ранильд, ведь эти трое — дети чистой

морской стихии. А им пришлось несколько дней жить в городе, улицы там пыльные, кругом копоть, грязь, духота, ночевали они в душных зловонных ночлежках, а там же полчища клопов и блох. Вот они и расчесали себе кожу до крови, наша грубая одежда им непривычна, раздражает кожу, царапает тело. А вы, Тоно, Эяна и Кеннин, все-таки должны послушаться и сделать то, что вам велят. Потому что хоть и грубо капитан с вами разговаривает, но он желает вам добра.

— Желает добра? Не понимаю, — удивился Тоно.

Ингеборг жарко покраснела и, потупившись, крепко стиснула на груди руки. Однако ответила она почти бесстрастно:

— Вспомните о вашем уговоре с капитаном. Господин Ранильд тогда потребовал, чтобы ты, Эяна, ходила по кораблю одетая, а не в чем мать родила. Ты тогда не пожелала подчиниться, но я сказала, что... лучше будет, если ты выполнишь требование капитана. На том и порешили. Ты такая красивая, Эяна, в тысячу раз красивей смертной девушки. Если ты будешь щеголять голышом и дразнить своей женской прелестью матросов, до добра это не доведет. Разве ж смогут они смотреть на тебя спокойно? Мы вышли в море и плывем навстречу смертельной опасности. Нельзя допустить, чтобы между нами разгорелась вражда.

Эяна усмехнулась.

— Мне даже в голову такое не пришло, — сказала она и вдруг вспыхнула. — Неужели снова напялить это отвратительное вонючее тряпье! Зачем? Почему я должна прятаться, от каких врагов скрываться? Да лучше убить матросов. Нас четверо, как-нибудь сумеем управлять кораблем.

Ранильд хотел было что-то сказать и уже открыл рот, но Тоно его опередил:

— Пустое дело, сестра. Выслушай меня. Мы сможем избавиться от ненавистных шерстяных тряпок, как только минуем Альс. Там спустимся на дно моря и отыщем себе какую-нибудь привычную и удобную одежду на развалинах нашего Лири. И тогда сбросим эту гнусную засаленную ветошь.

Итак, мир был восстановлен. Матросы, правда, попрежнему похотливо поглядывали на Эяну и после того, как дети Ванимена оделись в платье, которое нашли на развалинах подводного города; переливающаяся всеми цветами радуги короткая туника Эяны, сшитая из рыбьей чешуи в три слоя, слишком соблазнительно облегала высокую грудь девушки и едва прикрывала бедра. Однако после стычки с капитаном Эяна стала осторожнее и слушалась советов Ингеборг.

Простая женщина из рыбачьего поселка, Ингеборг любила в одиночестве гулять по лесам, где шныряли бродяги и разбойники с большой дороги. Это она отдала Эяне свою одежду, чтобы дочь морского царя могла поехать в Хадсунн. Это ей удалось заинтересовать Ранильда предстоящим плаванием. После разговора с капитаном она встретилась с детьми Ванимена на берегу Мариагер-фьорда и привела в гостиницу, где их ждал Ранильд. В конце концов сделка состоялась, Ранильд и Тоно ударили по рукам. Капитан с грехом пополам убедил матросов, что дело им предлагают выгодное. Угрюмый, изможденный и бледный Олаф Овессен, второй человек на судне после капитана, не колебался ни минуты, для него деньги решали все, всю свою жизнь он подчинил одной страсти — жажде наживы. Матросы Торбен и Лейв заявили, что в их жизни сотни раз бывали куда худшие передряги, от смерти не уйдешь, а чем гибель в борьбе с морским чудовищем хуже любого другого конца? Палле, Тиг и Сивард тоже с легкостью приняли предложение капитана. Лишь один матрос из команды Ранильда Гриба, тот, что был боцманом до Олафа Овессена, отказался участвовать в опасном плавании, и тогда на освободившееся место матроса взяли Нильса Йонсена, хоть и был он желторотым юнцом.

Никто из матросов не спрашивал Ранильда, что стало с бывшим боцманом «Хернинга». Судьба этого моряка была неизвестна, никто ничего не знал, более того, здесь была какая-то тайна, тем, кто что-то слышал о боцмане, священник строго-настрого запретил болтать на этот счет. Боцман бесследно исчез, словно никогда его и не было на свете.

В первый день плавания «Хернинг» благополучно

миновал коварные банки и грозные грохочущие буруны Каттегата, обогнул мыс Скаген и, пройдя Скагеррак, вышел в Северное море. Кораблю предстояло обогнуть с севера Шотландию, пройти мимо западного побережья Ирландии и плыть далее на юго-запад в водах Атлантического океана. «Хернинг», вне всякого сомнения, был превосходным парусником, и все же плавание предстояло долгое, капитан предполагал, что оно займет не менее двух недель, да и то, если ветер будет попутным. С Божьей помощью «Хернинг» проделал путь до того места в океане, где предположительно лежал на дне Аверорн, как раз за две недели.

Корабль не имел никакого груза, кроме того что находился на палубе. В трюме, где спали матросы, было достаточно свободных спальных мест, но дети морского царя не могли даже подумать без отвращения об этом душном грязном логове, в котором кишели крысы и воняло потом и немытым человеческим телом. Они предпочли спать на палубе. Ни одеял ни спальных мешков им не требовалось, соломенные тюфяки их прекрасно устраивали. Все трое часто ныряли в море и плавали вокруг корабля, порой исчезали в глубине и по нескольку часов не показывались на поверхности.

Однажды Ингеборг сказала Тоно, что ей тоже хотелось бы спать ночью на палубе, но Ранильд приказал ей ночевать в трюме и в любой момент быть готовой к тому, что кто-нибудь из матросов пожелает с нею переспать. Тоно покачал головой.

— Люди это грязный сброд, — заметил он.

— Твоя младшая сестра теперь тоже одна из них, — ответила Ингеборг. — А про свою мать Агнету ты что, забыл? А отец Кнуд и твои друзья из Альса?

— Верно.. И ты тоже, Ингеборг, ты не такая. Когда вернемся домой... Ах нет, ведь мне придется покинуть Данию.

— Да. — Ингеборг отвела взгляд. — Здесь в команде есть один хороший парень, юнга. Его зовут Нильс.

Нильс был единственным из всех матросов, кто еще не переспал с Ингеборг. Он держался с ней неизменно приветливо и почтительно. Тоно и Кеннина словно

какая-то сила удерживала от того, чтобы лечь с Ингеборг на койку в трюме; по-видимому, им претило делить эту женщину с грязными матросами, которые ничуть не походили на ее прежних клиентов, честных рыбаков и землевладельцев. Тоно и Кеннин плавали в море наперегонки, спорили, кто глубже нырнет, играли с тюленями и дельфинами.

Нильс украдкой то и дело поглядывал на Эяну и, если не был чем-нибудь занят, смущенно и робко ходил за ней по пятам, как привязанный.

Остальные матросы разговаривали с детьми морского царя сквозь зубы, да и то лишь по необходимости. Они молча принимали свежую рыбу, которую те ловили для команды, и никогда не благодарили. Разговаривая с Ингеборг, они называли братьев и сестру не иначе как чертовым отродьем, бездушными тварями, выродками.

— Как ты думаешь, — спрашивали они, — тяжкий мы совершим грех, если перережем водяным глотки? Перво-наперво с девкой ихней голоногой позабавимся вволю, а уж потом и ее и обоих братцев ножом пощекочем.

Ранильд оставался более или менее невозмутимым. Он, как и матросы, сторонился Эяны, Тоно и Кеннина, поскольку его не слишком настойчивые попытки высказать доброжелательность встретили отпор. Тоно и хотел бы завязать с капитаном сносные отношения, однако все, о чем бы ни говорил Ранильд, было либо омерзительное, либо смертельно скучно, лицемерить же Тоно никогда не умел.

А вот Нильс Тоно нравился. Разговаривать им почти не случалось, поскольку Тоно по характеру был замкнутым и молчаливым и раскрывался лишь в те редкие минуты, когда пел свои песни. К тому же по возрасту Нильсу больше годился в приятели Кеннин. Вскоре выяснилось, что им есть о чем поговорить. Нильс и Кеннин рассказывали друг другу о своем прошлом, обменивались шутками, смешными историями. Днем команда занималась тем, что привязывала дополнительные канаты к уже готовым гигантским сетям. Нильс и Кеннин обычно работали рядом друг с

другом и, не обращая внимания на хмурые лица матросов, весело смеялись и болтали.

— Клянусь тебе, это правда! Свистнул рак, честное слово.

— Ну и ну! А вот послушай, что я расскажу. Я тогда еще совсем малыком был, и вот повел я как-то раз нашу корову — у нас несколько коров было — к быку, в стадо нашего родственника. А по дороге проходили мы мимо водяной мельницы. Иду я и вижу, что мельничное колесо завертелось. У коров-то глаза слабые, не то что у людей, и вот буренка, скотина несчастная, видит впереди что-то такое большущее стоит на краю луга и ревет. Решила, что это бык — она ж к быку шла, про быка небось только и думала. Ну и как припустится бежать, а я за ней. Бегу, кричу, да вдруг веревку-то и упустил из рук... Но я ее живо поймал, можешь не сомневаться. Разглядела наша коровушка, что не бык там стоит и ревет, а просто мельница работает, и сразу вся ее прыть куда-то подевалась. Стояла себе и ждала как миленькая, а уж вид у нее был — будто надутый пузырь вдруг проткнули ножом, и весь воздух из него вышел. Смирнехонько меня дождалась, а после всю дорогу еле тащилась, будто не к быку ее ведут, а на бойню.

— Ха-ха-ха! Ну, это что! Вот ты послушай, как мы моржа дрессировали. Представляешь, надели на него царскую мантию моего отца!..

Эяна часто присоединялась к Нильсу и Кеннину и веселилась вместе с ними. Свойств и привычек слабого пола она была начисто лишена, чем резко отличалась даже от своих не слишком скромных соплеменниц, не говоря уж о земных девушках. Длинные рыжие волосы Эяна носила просто распущенными, ни колец ни ожерелий не признавала, не любила она и наряжаться в роскошные одежды и надевала их только в дни торжеств и празднеств. Больше всего на свете она любила охотиться на морского зверя и плескаться в волнах прибоя где-нибудь в шхерах. Людей с их земной жизнью Эяна, в сущности, презирала, однако несмотря на это часто выходила на берег и бегала по лесам, и тогда слышен был крик безудержной радости, которая переполняла Эяну при виде цветов, оле-

ней и белок, снега и сверкающих на солнце ледяных сосулек на ветвях или пламени осенней листвы. Некоторые — немногие — люди нравились Эяне. Среди них был и Нильс. Эяна не позволяла себе никаких любовных отношений с братьями: эту христианскую заповедь Агнета крепко-накрепко внушила своим старшим детям, прежде чем покинула морское дно и вернулась к людям. Народ лири и с ним многочисленные дружки Эяны уплыли неизвестно куда, парни из Альса остались в Дании, которая была уже далеко.

День и ночь погонял корабль попутный ветер, то легкий ветерок, то порывистый резкий норд-ост. Наконец, впереди показалась суша. По мнению Тоно и капитана Ранильда, то были Оркнейские острова. «Хернинг» подошел к ним под вечер. Стояла тихая погода, дул свежий бриз. На небе взошла полная луна, спустилась ясная летняя ночь. Было так светло, что «Хернинг» мог, не дожидаясь утра, уверенно пройти через проливы архипелага. Эяна хотела тоже поплыть с ними, но старший брат возразил: нужно было, чтобы *кто-то из них троих остался на корабле* на случай какого-нибудь непредвиденного бедствия, вроде нападения на пловцов акул. Они стали тянуть жребий, и Эяна вытащила короткую соломинку, пришлось ей остаться на корабле. В течение нескольких минут она издавала свою досаду в ругани и проклятиях, ни разу не повторив дважды одно и то же ругательство. Лишь после этого Эяна немного остыла.

Итак, она осталась на палубе одна. Ближайший люк был открыт, но Эяна не могла этого видеть, так как его закрывал угол паруса. Под навесом кормовой надстройки в тени стоял у румпеля рулевой. Все остальные члены команды, знавшие, что в морских делах можно всецело положиться на лоцманов-водяных, давно храпели в трюме.

Все, кроме Нильса. Он поднялся на палубу и подошел к Эяне. Ее туника переливалась в лунном свете, свет озарял белое лицо, плечи и ноги девушки, блестел на волнистых волосах. Лунный свет чисто омыл палубу и проложил дрожащую дорожку по легким волнам от белых бурунов пены возле борта корабля до самого горизонта. Волны мягко ударяли в корпус

«Хернинга», и Нильс, стоя босиком на палубе, чувствовал их слабые толчки, поскольку, войдя в пролив, корабль замедлил ход и продвигался вперед очень осторожно и тихо. Бледно-бурый днем, парус при свете луны белел в вышине, словно заснеженная горная вершина. Скрипели снасти, шумел ветер и что-то невнятно и сбивчиво бормотали волны. Воздух был очень теплым, высоко-высоко в небесах мерцали звезды, терявшиеся в светлой мгле.

— Добрый вечер, — робко сказал Нильс.

Эяна улыбнулась, взглянув на смущенного паренька.

— Садись, посиди со мной, — предложила она.

— Вы... Вы позволите немного побыть с вами?

— Конечно, отчего же нет. Садись. — Эяна показала туда, где среди каких-то больших тяжелых предметов, размещенных вдоль обоих бортов, виднелись бухты канатов.

— Как жаль, что я не с братьями сейчас, не в море... Разгони мою тоску, Нильс.

— Вы... Вы очень любите море?

— А что, кроме моря, стоит любви? Тоно воспел море в стихах. Вряд ли я сумею пересказать его поэму по-датски, ну ладно, попробую. Играет оно и искрится, в светлом сиянии солнца, в серебряном свете луны, под ливнем и ветром, и в тихий безветренный день. Чайки над волнами кружат, и кружится голова от нежности ласковых волн. В глубинах его золотисто-зеленых всюду покой и прохлада. Воды его плодородны, несметны богатства, обильны угодья. Морская стихия, кормилица щедрая мира, защитница и колыбель всего, что живого есть на Земле. А в сокровеннейших темных глубинах морских скрыта от света дневного страшная чудная тайна — лоно, родившее самое море. Дева и Матерь, Владычица сил волшебства примет однажды бренное тело мое... Нет, не то, — Эяна резко тряхнула головой. — Это невозможно перевести. Наверное, когда ты размышляешь об огромных просторах земли, о великом круговороте времен года, о... Марии, облаченной в одежды цвета небесной лазури... Может быть, тогда ты представляешь себе, как мы... Ах, я и сама-то не знаю, что хочу сказать.

— Не верю я, не верю, что у вас нет души! — воскликнул Нильс.

Эяна только пожала плечами, от ее меланхолического настроения уже не осталось и следа.

— Говорят, наш род в давние времена жил в добром согласии с богами. Так было всегда, с древнейших времен. Но мы никогда не поклонялись каким-нибудь божествам и никогда не устраивали богослужений. Хоть убей, не понимаю я этого. Зачем богу мясо жертвенных животных или золото, если он — бог? И какое ему дело до того, как мы живем? Разве наши обычаи и нравы имеют какое-то значение для божества? Неужели наше нытье и униженные мольбы могут хоть в малой степени повлиять на божественный промысл?

— Эяна, мне невыносима мысль, что после смерти ты обратишься в ничто, исчезнешь без следа. Это уму не постижимо. Прошу тебя, прими христианство!

— Ха! Уж скорее ты, Нильс, сможешь жить в море. Не в том смысле, что я возьму тебя в наше подводное царство. Отец знает волшебные заклинания, которые для этого необходимы, но ни мне, ни братьям они неизвестны.

Эяна положила руку на плечо Нильса. Юноша от волнения так сжал кулаки, что ногти впились в ладони.

— А я бы с радостью забрала тебя к нам, Нильс, — печально продолжала Эяна. — Ненадолго, не навсегда. Только чтобы ты увидел и узнал все, что *я люблю*.

— Ты... Ты так добра...

Нильс поднялся, чтобы уйти, но Эяна его задержала.

— Пойдем, — улыбнулась она. — Здесь под навесом надстройки я сплю. Там темно. Идем же.

— Что? — Нильс совершенно растерялся. — Но ведь ты... Ведь...

Она тихо засмеялась глуховатым воркующим смехом.

— Не беспокойся. Мы, женщины лири, знаем одно особое заклинание. Благодаря ему нам можно не бояться забеременеть, если мы этого не хотим.

— Но... Только ради удовольствия? С тобой? Нет.

— Ради большего, чем простое удовольствие, Нильс.

Все так же мягко, но настойчиво рука Эяны властно повлекла за собой Нильса.

* * *

Тоно и Кеннин недаром вызвались быть лоцманами корабля в проливах Оркнейского архипелага. В это время года здешние воды были небезопасны. Едва отплыв на некоторое расстояние, братья заметили подводный риф и предупредили о нем рулевого, затем они предотвратили столкновение «Хернинга» с перевернутой лодкой, вероятно, сорвавшейся здесь когда-то с буксира. Ранильд был очень доволен работой лоцманов и встретил братьев дружелюбной улыбкой, когда те поднялись на борт корабля.

— Управились с Божьей помощью. Молодчина! — Он положил руку на плечо Кеннина. — А ведь твари вашей породы могли бы хорошие деньжата зашибать в королевском военном и торговом флоте.

Кеннин сбросил с плеча руку Ранильда и ответил посмеиваясь:

— Деньжата, деньжонки... Да я и за гору монет не соглашусь жить среди вонищи, которой несет от тварей твоей породы!

Ранильд бросился на него с кулаками. Тоно успел заслонить собой брата.

— Покончим с этим, — сказал он. — Есть договор, вы делаете свое дело, мы — свое. Как будем делить добычу, тоже решено. Не будем нарушать условия договора и вмешиваться в чужие дела. И для вас и для нас это самое лучшее.

Яростно чертыхаясь, Ранильд ушел. Матросы злобно ворчали и мрачно смотрели на братьев.

Вскоре после этого происшествия Нильса неожиданно окружили четверо матросов. Это случилось на кормовой надстройке. Матросы издевательски хохотали и кривлялись, но Нильс не отвечал на грязные намеки и насмешки. Тогда матросы вытащили ножи и пригрозили, что прирежут Нильса как барана, если

он будет молчать и не поделится свежими впечатлениями о том, как провел время с голоногой водяной девкой. Впоследствии эти четверо сказали, что все было просто шуткой. Но это было позднее. А тогда Нильс отчаянно бросился на них, вырвался, кубарем скатился по трапу с надстройки и побежал на нос. В закутке под носовой надстройкой устроились, чтобы немного отдохнуть, Эяна, Тоно и Кеннин. Стоял ветреный, ясный день, на горизонте белели два или три паруса, в небесах реяли чайки — верный признак того, что близко был берег.

Спящие проснулись мгновенно, как пробуждаются ото сна звери.

— Опять что-то случилось? — спросила Эяна, подойдя к Нильсу, и вытащила из-за пояса стальной кинжал. Такие же кинжалы были у Тоно и Кеннина. Перед тем как отправиться в плавание, Эяна дала Ингеборг скромное золотое украшение, которое отыскала на дне моря под развалинами замка Лири, и попросила обменять золото на нержавеющее стальное оружие.

Тоно и Кеннин подняли гарпуны, встав справа и слева от Эяны и Нильса.

— Они... Ах... Они... — Нильс то бледнел, то заливался краской, язык его не слушался.

Торбен, Палле и Тиг бросились в атаку, впереди бежал Олаф Овессен, боцман. Капитан и Ингеборг в это время спали в трюме, Лейв стоял у руля, Сивард находился в вороньем гнезде на мачте и глядя вниз подбадривал своих дружков воинственными возгласами и свистом. Матросы остановились в нескольких шагах от нацеленных в них гарпунов. Олаф прищурился и оскалил длинные желтые зубы.

— Ну ты, сучка водяная! Выбирай, кому быть следующим!

Серые глаза Эяны потемнели, как небо перед штормом.

— Ты, кажется, посмел высказать какую-то грязную мысль? Если такой подлый кобель, как ты, вообще способен мыслить, — сказала она.

— Этой ночью Тиг стоял у руля, — злобно прорычал Олаф. — А Торбен сидел в вороньем гнезде. Они видели, как ты повела к себе этого сопляка, и слышали, как вы с ним возились и шушукались.

— Какое тебе дело до моей сестры? — взорвался Кеннин.

Олаф погрозил ему корявым кулаком.

— А такое, что мы за все это время ни разу и пальцем к ней не притронулись, как подобает благородным людям. Но коли она легла с сопливым мальчишкой, то пускай спит и с остальными!

— Это еще почему?

— А потому! В этом деле все должны быть на равных, понял? Да по какому такому праву эта морская сучка вообще привередничает? Выбирает, видите ли, — Олаф осклабился. — Сперва со мной, слышишь, Эяна? Не пожалеешь, с настоящим-то мужиком оно куда как лучше, верно тебе говорю.

— Катись подальше, — дрожа от ярости ответила девушка.

— Их трое, — сказал Олаф, обернувшись к матросам, — слабак Нильс не в счет. Лейв, закрепи-ка румпель и иди сюда. Эй, Сивард, слезай живее!

— Что вы намерены сделать? — спокойно спросил Тоно.

Олаф поковырял пальцем в зубах.

— Да ничего особенного, ты, рыба. Видать, и ты и твой братец — слюнтяи. Так что свяжем вас по рукам и ногам на часок-другой, а больше ничего. Ты не забыл про наши ножи и копья? Учти, нас-то шестеро. Шестеро! Сестричка еще спасибо скажет! — Олаф утробно заржал.

Эяна взвизгнула, как бешеная кошка.

— Прежде вас шестерых засосет Черный ил! — гневно крикнул Кеннин.

Нильс едва удерживался от слез, одной рукой он прижал к себе Эяну, в другой у него было копье. Тоно оттеснил Нильса и сестру назад. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Это ваше окончательное решение? — не повышая голоса спросил он.

— Ну да.

— Понятно...

— Вы оба и она, вы бездушные двуногие звери. У зверья нет никаких прав.

— О, права завоевывают. Говорить с вами бесполезно. Ну что ж. Ты хотел получить удовольствие, Олаф? Получай!

Тоно метнул гарпун. Боцман с жутким воплем повалился на палубу, корчась в судорогах. Гарпун вонзился ему в живот. Хлынула кровь, боцман вопил и завывал от адской боли. Тоно подскочил к нему, вырвал гарпун и, подняв оружие, двинулся на матросов, за ним Кеннин, Эяна и Нильс.

— Не убивайте их! — крикнул Тоно. — Помните, они нам нужны!

Нильсу не пришлось сражаться — друзья оказались быстрее. Кеннин железной хваткой обхватил Торбена поперек живота и с яростным криком пнул Палле ногой в пах. Тоно уложил Тига, плашмя ударив гарпуном по голове. Эяна подпустила Лейва поближе — он готовился наброситься на нее сзади — и, быстро развернувшись, сделала ему подножку. Лейв с грохотом покатился по трапу в трюм. Сивард пустился наутек. Все было кончено.

Но тут из люка с отчаянным воплем выскочил Ранильд. Двое подростков, девчонка и лишь один взрослый парень — и все-таки капитану пришлось признать, если не искренне, то, по крайней мере, на словах, что боцман Олаф сам виноват в своей гибели. Ингеборг как бы невзначай заметила, что теперь матросам достанется его доля добычи. В конце концов было заключено нечто вроде перемирия. Тело убитого боцмана спустили за борт, привязав к ногам камень, который взяли из балласта. Покойник на борту — плохая примета, он может накликать на судно беду, — так, во всяком случае, считали товарищи погибшего.

После этого трагического события и сам Ранильд и все матросы совершенно прекратили всякое общение с детьми морского царя и обращались к ним в случае крайней необходимости. Нильса они также словно не

замечали, меж тем как юноша потерял покой и сон, день и ночь он терзался мыслью о том, что поднял оружие на своих братьев во Христе. Мучаясь угрызениями совести, Нильс не смел даже подойти к Эяне и лишь смотрел на нее издали с тоской и любовью. А Эяна смеялась, иногда походя трепала Нильса по щеке, но мысли ее блуждали где-то далеко, да и сама она лишь изредка оказывалась теперь рядом с Нильсом.

Однажды Ингеборг разыскала Тоно и, улучив минуту, когда никто не мог их услышать, рассказала о том, какие разговоры ведут между собой матросы. Оказывается, они вовсе не собираются отдать трем ненавистным компаньонам причитающуюся им долю добычи, после того как золото будет поднято со дна моря на корабль. Сама Ингеборг из осторожности притворилась, будто бы водяные ей противны до омерзения, и говорила матросам, что подружилась с бездушными тварями лишь для виду, вроде того, дескать, как охотник подманивает горностая, чтобы поймать в силок и содрать драгоценную шкуру.

— Твои предостережения для меня не новость, — сказал Тоно. — Будем начеку. Когда поплывем обратно, придется днем и ночью не смыкать глаз. — Внимательно поглядев на Ингеборг, Тоно удивился. — Что с тобой? У тебя совершенно измученный вид.

Она усмехнулась.

— С рыбаками в Альсе было легче.

Тоно погладил ее по щеке и сказал:

— Когда вернемся — если вернемся, конечно, — ты будешь свободной. А если не вернемся, обретешь наконец покой.

— Ах, черт побери, — устало ответила Ингеборг, — я здесь с вами не ради свободы и не ради покоя. Но сейчас кончим разговор, Тоно, не то они догадаются, что мы заодно.

С утра до вечера сестра и братья были заняты неустанными поисками: нужно было найти в открытом море то место, где лежали на дне развалины древнего Аверорна. Дети морского царя с легкостью находили дорогу в море, где бы они ни странствовали,

безошибочное чувство пространства и умение ориентироваться подсказывало им правильный путь. Но сейчас все трое были в растерянности, так как точное местоположение Аверорна было им неизвестно. Каждый день они ныряли в море, проплывали по многу миль в поисках Аверорна, расспрашивали встречных дельфинов. Объясняться с этими морскими сплетниками было непросто, потому что дельфины не говорили на языке лири, и Тоно надеялся рано или поздно повстречать в океане кого-нибудь, кто хотя бы отдаленно походил бы на племя лири или был ему сродни.

Путем расспросов и самостоятельных поисков они наконец выяснили, в какую сторону следует плыть. Получая все более точные сведения, дети морского царя вели корабль к цели.

— Вы плывете в опасные места, — предостерег Тоно старый кальмар. — Берегитесь, не приближайтесь к логову Кракена. Конечно, как и многие хищники, это чудовище может подолгу оставаться без пищи, но говорят, Кракен голодает уже несколько столетий, пробавляется только китами и кашалотами, если те на беду отстанут от родного стада и заплывут к его логову...

— Кракен никуда не отлучается, он дремлет над развалинами Аверорна, — сказала детям Ванимена луна-рыба. — Кракен, как и раньше, думает, что опустившийся на морское дно город находится в его безраздельной власти. Он сторожит сокровища, раскинув гигантские щупальца над башнями и стенами Аверорна... и над грудой костей, которые остались от тех, кто осмелились нарушить его покой. Рассказывают, что он вырос, стал еще громаднее, и щупальца у него, говорят, такие огромные, что простираются из конца в конец главной площади Аверорна.

— Ради доброй дружбы я вас, конечно, проводил бы к логову Кракена, — сказал морской кот. — Когда луна на ущербе, он засыпает. Спать-то он спит, но сон у него чуткий... Ох, не могу я вас проводить, у меня ведь так много подруг, кто о них позаботится, если я погибну?

И вот настал день, когда «Хернинг» подошел к тому месту где глубоко на дне океана лежал мертвый город.

VIII

Дельфины так и кинулись прочь, спеша скорей покинуть опасные воды. Тоно стоял на палубе и смотрел, как мелькают над волнами их гладкие серые спины среди радужного сияния солнечных лучей, пронизавших мельчайшие брызги, которые поднимались над белыми гребешками пены. Тоно не сомневался, что дельфины не уплывут далеко, и будут кружить по морю над Аверорном, держась на безопасном расстоянии. Ведь дельфины недаром слывут сплетниками и самыми любопытными обитателями моря.

Тоно указал капитану курс. Корабль должен был подойти как можно ближе к цели. Приступить к делу Тоно решил с утра: солнечный свет должен был стать его союзником в борьбе с Кракеном. Корабль замер, качка сразу стала ощутимой. Над морем просыпался день, безветренный и безмятежный, в ясном синем небе постепенно слабели последние порывы ночного ветра. Беззаботно бежали вдаль невысокие волны с белыми гребешками пены. Всякий раз глядя на море, Тоно, как когда-то в детстве, испытывал восхищение — до чего красив, до чего прихотлив и изыскан изгиб каждой из миллионов и миллионов волн, и нет среди них двух одинаковых, и ни одна не покажется дважды, что ни мгновенье, то перемена, неповторимая новизна. А каким ласковым теплом омывает все тело солнечный свет, какой нежной прохладой веет в солоноватом воздухе!

— Пора, — сказал Тоно. — Незачем попусту терять время.

Вышедшие на палубу пятеро матросов уставились на него с любопытством и страхом. Все они стояли, держа в руках копья, и так крепко вцепились в свое оружие, словно боялись выпустить — так мертвой хваткой держится утопающий за обломки корабля. Кадыки у всех пятерых так и ходили. Ранильд сохра-

нял спокойствие, но на всякий случай вооружился арбалетом. Нильс был бледен, от волнения его кидало то в жар, то в холод. Самолюбие юноши было уязвлено — обидно было оставаться в стороне, когда другие шли в сражение. Нильс был еще слишком молод и не задумывался о том, что смерть не щадит никого, ни стариков, ни тех, кто только начинает жить.

— Эй вы, увальни, — насмешливо крикнул Кеннин, — а ну-ка за работу! Хватит прохлаждаться, дело как-никак стоящее. Вставайте к лебедке!

— Командую здесь я, понял, парень? — на удивление спокойно сказал Ранильд. — Слышали, вы? Мальчишка дело говорит. Берись за брашпиль.

Сивард скривился.

— Капитан, — хрипло сказал он. — Я бы... По-моему, лучше изменить курс.

— Держи карман. Стоило, что ли, тащиться в такую даль, чтобы вдруг пойти на попятный. — Ранильд ухмыльнулся. — Вот уж не думал, что ты, Сивард, не моряк, а плаксивая баба. Знал бы, что ты баба, так нашел бы тебе подходящее применение.

— А какой прок от мужика, если его сожрет морская гадина? Пораскинь-ка мозгами, братва. Вот уволочет нас чудище на дно на том самом крюке, которым мы его вытащим из моря. Да я... — Сивард осекся. Капитан отвесил ему такую оплеуху, что из носа у того полилась кровь.

— За работу, паршивцы, шлюхино отродье! — гаркнул Ранильд. — Не то я сам спущу вас на съеденье Кракену, черт меня побери со всеми потрохами!

Матросы бросились выполнять приказ.

— А капитан не струсил, — сказала Эяна на языке лири.

— Да, но подлецом как был, так и остался, не забывай, — напомнил Тоно. — Не вздумай повернуться спиной к этой шайке негодяев.

— Нильс и Ингеборг не такие, — ответила Эяна.

— Да уж, Нильс не может пожаловаться на недостаток внимания с твоей стороны. А от Ингеборг и я не отвернулся бы, — со смехом сказал Кеннин. Он не

чувствовал ни малейшего страха и рвался в бой с Кракеном, не думая об опасности.

Матросы с помощью лебедки подняли над палубой гранитный валун. В него был вбит большой железный таран, имевший форму стрелы с зазубренными острыми краями. В камень были также ввинчены железные кольца, к ним прикрепили за середину гигантскую, сплетенную из канатов сеть. На ее концах привязали двенадцать якорей. После того как работа была закончена, всю махину с помощью лебедки поместили на плоту, размеры которого были установлены путем предварительных рассчетов и испытаний. Плот находился на штирборте, и когда на него опустилась каменная глыба с тараном и сеть, корабль резко накренился на правый борт.

— В путь, — скомандовал Тоно.

Страха он не ощущал, хотя в какое-то мгновенье у него промелькнула мысль, что весь этот мир, в котором он жил со своими чувствами, мечтами, раздумьями и который жил в нем, наполняя собой его раздумья, чувства и мечты, может навсегда для него исчезнуть, бесследно сгинуть во тьме, где скроется не только настоящее и будущее, но и прошлое.

Братья и сестра сняли одежду, оставив лишь пояса с кинжалами, и повесили за спины по два гарпуна. Все трое стояли у правого борта и смотрели на море, — высокий Тоно, гибкий Кеннин, белокожая стройная и крепкая Эяна.

Нильс бросился к ним ломая руки, он поцеловал девушку и вдруг разрыдался в отчаянии, оттого что не мог последовать за ней в море. Ингеборг обнимала Тоно, не отрывая взгляда от его лица. Волосы она заплела в косы, но непокорная темная прядь выбилась под ветром и то и дело падала ей в глаза. Веснушчатое задорное лицо с пухлыми губами и вздернутым носом сейчас выражало тоску и горечь одиночества. Никогда в жизни Тоно еще не сталкивался с чувством подобной силы, ни у людей, ни среди своих соплеменников.

— Может быть, больше не увидимся, Тоно, — тихо, чтобы никто, кроме них двоих, не слышал, сказала

Ингеборг. — Наверное, ни к чему говорить сейчас про то, что у меня на сердце. Да и не найти мне слов, чтобы рассказать об этом. Я буду о тебе молиться. Буду просить Господа, чтобы он даровал тебе бессмертную душу, если тебе суждено погибнуть ради спасения младшей сестры. Ты достоин бессмертия души.

— Ты... ты очень добрая, но... Да о чем ты говоришь? Я совершенно уверен, что вернусь назад, вот увидишь, так и будет.

— Сегодня утром, еще до рассвета я набрала кувшин морской воды и умылась ею, смыла с себя грязь, — прошептала Ингеборг. — Поцелуешь меня на прощанье?

Она совершенно напрасно боится ему не понравиться, уверил Тоно и поцеловал Ингеборг. На обратном пути он никому не даст ее в обиду, все вместе они сумеют постоять за себя.

— Вперед! — крикнул Тоно и с высоты шести футов бросился за борт. Волны приняли его с радостным всплеском, в бодрящей чистой воде тело сразу же стало легким и гибким. Несколько минут Тоно наслаждался свежестью и текучей прохладой, затем скомандовал:

— Майна!

Матросы медленно и осторожно спустили с палубы плот с тараном и сетью. Под неимоверной тяжестью груза плот по самые края ушел в воду, однако не затонул, поскольку вес чудовищного орудия и размеры плота были тщательно рассчитаны. Тоно отвязал тросы, которые соединяли плот с лебедкой. Оставшиеся на корабле стояли у борта и смотрели на братьев и сестру. Те на прощанье помахали руками — но не людям, а солнцу и ветру — и скрылись в волнах.

Сделать первый вздох под водой всегда было гораздо легче, чем, покидая море, наполнять легкие воздухом. Нырнув в море, дети Ванимена просто разом выдыхали воздух, который еще оставался в груди, затем, широко раскрыв рот, вбирали в себя воду. Вода заполняла ноздри, горло, легкие и желудок, проникала в каждый кровеносный сосуд и наконец пропитывала все тело до кончиков волос и ногтей. При этом

вода мягко пульсировала, по телу пробегала легкая приятная дрожь. Кровь, плазма, лимфа, все соки организма мгновенно изменяли свой химический состав, соединяясь с морской водой и превращаясь в жидкости, подобные тем, что текут в жилах рыб, птиц и зверей, морская соль не проникала в ткани — обмен веществ шел чрезвычайно интенсивно, поскольку на поддержание жизни водяных требовалась огромная энергия.

Именно по этой причине племя лири было таким малочисленным. Для жизни в воде им было необходимо сытно питаться, пищи требовалось намного больше, чем тем, кто живет на суше. Если охотники возвращались с охоты с пустыми руками, если вдруг мор нападал на крабов и креветок, всему племени грозили голод и смерть. Море кормило своих обитателей, но жизнь в море давалась дорогой ценой.

Дети Ванимена ухватились за края плота и повлекли его вниз.

Верхние слои воды были пронизаны нежно-зеленым, как молодая листва, и бледно-янтарным светом. Но чем дальше в глубину, тем больше тускнели краски, тем слабее становился свет, все вокруг постепенно померкло и наконец повсюду воцарилась тьма. Давал себя знать холод, несмотря на то что все трое выросли в северном море. Кругом стояла гнетущая тишина. Сестра и братья были привычны к глубинам Балтики и Каттегата — теперь же они погрузились в пучину великого океана.

— Стоп, — скомандовал Тоно. — Сможете вдвоем удерживать плот на этой глубине?

Тоно говорил на особом наречии языка лири, которое служило для общения на больших глубинах и состояло из языка щелкающих, цокающих, чмокающих звуков и гулкого мычания.

— Удержим, — ответили Эяна и Кеннин.

— Хорошо. Ждите меня здесь.

Младшие не посмели что-либо возразить. Под руководством Тоно они втроем заранее тщательно разработали план действий и теперь нужно было неукоснительно ему следовать. Этого требовала прежде всего

осторожность, ведь они впервые в жизни рискнули спуститься на такую огромную глубину. Тоно, как самый опытный и старший распоряжался и командовал.

У всех троих на левой руке повыше локтя был кожаный браслет с фонариком, — их, как и одежду, дети Ванимена отыскали на развалинах Лири. Фонарик представлял собой полый хрустальный шар, одна его половинка была покрыта тонким слоем блестящего серебра, другое полушарие представляло собой сильную линзу. Внутри светился холодный огонь, тот же, что когда-то освещал дома и улицы города Лири. Стенки шарика были ячеистыми и свободно пропускали воду, ибо свет излучали живые существа: ячейки были настолько мелкими, чтобы светляки не могли ускользнуть, но и достаточно большими, чтобы сквозь них в фонарик попадали мельчайшие организмы, которыми питались светляки. Шарик помещался в футляре из моржовой кости, в котором имелось оконце.

— Удачи! — сказала Эяна.

Тоно обнял сестру и брата и скрылся в кромешной тьме.

Он опускался все глубже. Тоно не представлял себе раньше, что подводный мир может быть таким черным, мрачным, беззвучным, но с каждой минутой чернота вокруг все более сгущалась. Он то и дело напрягал мышцы живота и груди, чтобы меньше ощущалось наружное давление воды. Однако это почти не помогало, толща воды давила с каждым футом все сильнее.

Наконец он почувствовал близость дна — так в ночной тьме человек вдруг чувствует, что впереди на дороге стоит стена. И тут же Тоно ощутил резкое зловоние и мерзкий привкус: громадное грязное чудище было где-то недалеко. Толща воды ритмично вздрагивала, это передавалось по ней медлительное движение жабер Кракена.

Тоно открыл оконце фонарика. Из него заструился слабый и тусклый свет, однако глазам Тоно, наделенным волшебной зоркостью, которая свойственна всем

в народе лири, этого света было вполне достаточно, чтобы ясно различать все вокруг.

Тоно поглядел вниз, и по спине у него пробежала дрожь. Дно моря на протяжении многих акров представляло собой сплошные руины. Аверорн был огромным городом с каменными домами, почти все они лежали в развалинах, груды камня и щебня уже наполовину занесло илом. Вот развалины замка, его разрушенная башня торчала среди обломков, точно зуб в оскаленной пасти мертвеца. Вот храм, он пострадал меньше всего, уцелела изящная колоннада, которая окружала невредимое изваяние божества, что высилось позади алтаря, устремив невидящий взор в вечность. За храмом лежали развалины некогда мощной крепости, теперь на ее бастионах несли караул призрачно светящиеся рыбы. Вот вьется среди руин дорога, она ведет в гавань — теперь здесь огромное кладбище кораблей, навеки вставших на якорь у пристаней и пирсов. Вот простой жилой дом, крыша с него сорвана, но стены еще стоят, и между ними виден скелет — когда-то этот человек пытался заслонить собой женщину и ребенка, от которых ныне тоже остались лишь белые кости. И всюду, всюду были настежь распахнуты двери хранилищ и подвалов, в которых мерцали груды золота и драгоценных камней!

Над развалинами города раскинул гигантские щупальца Кракен. Восемь блестящих темных змей протянулись во все концы восьмиугольной городской площади, посреди которой было выложено мозаичное изображение Кракена — владыки и божества древнего Аверорна. Еще два щупальца, каждое из которых было вдвое длиннее, чем длина корпуса «Хернинг» от носа и до кормы, обвивались вокруг колонны, стоявшей на северной стороне площади и увенчанной золотым диском — символом древнего бога, которого поверг Кракен, новое божество. Над щупальцами покачивалась безобразная гладкая голова. Тоно разглядел крючковатый клюв и темные лишенные век глаза.

Юноша одолел дрожь отвращения и поднялся немного выше. И тут огромная масса воды содрогнулась,

Тоно всем телом ощутил мощный толчок, казалось, весь мир сотрясается до основания. Он направил вниз луч фонарика. Кракен шевелился. Его разбудило вторжение чужака в заповедные воды Аверорна.

Тоно стиснул зубы и рванулся вверх, преодолевая сопротивление ледяной воды, которая сковывала движения и толкала вниз, на дно. Он не обращал внимания на боль во всем теле, вызванную резкой сменой давления при быстром подъеме, а лишь следил за тем, чтобы не потерять верного направления, в чем ему помогало волшебное чутье.

Внизу бурлила и волновалась вода. Кракен расправлял щупальца, зевал и потягивался спросонок. Задетый им портик древнего храма раскололся на куски и обрушился.

Тоно прекратил подъем, лишь достигнув пространства, куда проникал с поверхности солнечный свет. Он остановился и открыл оконце фонарика, подавая условный сигнал Эяне и Кеннину. Внизу колыхалась черная масса.

Пока не приплывут брат и сестра, нужно во что бы то ни стало держаться и дразнить чудовище, чтобы оно никуда не двинулось с места.

Внизу в черной колышущейся тьме жутко блеснули глаза, клюв раскрылся, к Тоно метнулось огромное щупальце, столь могучее, что его кольца без труда сокрушали кости китов. Тоно едва успел увернуться. Щупальца потянулись назад, сжимаясь упругими петлями. Тоно бросил нож, целясь в глаз Кракена. Удар был метким — вокруг заклубилась темным облаком кровь, вода на вкус стала едкой, как крепкий уксус. Тоно поспешно поплыл вверх, но щупальце уже ударило, стиснуло ребра и потащило ко дну, сжимая его все сильнее. Голова Тоно закружилась, от боли потемнело в глазах.

Второе, за ним третье щупальце потянулось к жертве. Кракен был изумлен: ни один смельчак уже много столетий не отваживался нарушить покой божества. Тоно чудом не выронил гарпун и, прежде чем страшное кольцо сжалось в последний раз, чтобы раздавить

насмерть, рванулся вниз с отчаянным напряжением всех сил.

«Только бы не промахнуться, ударить гарпуном в его пасть», — мелькнула молниеносная мысль, и тут же он лишился сознания от сокрушительного удара.

Минутой позже он пришел в себя. В висках стучало, голова раскалывалась от боли. Вода вокруг клокотала. Рядом были Эяна и Кеннин, которые поддерживали его за плечи. Сквозь застилавшую глаза пелену Тоно увидел внизу судорожно сокращавшуюся темно-фиолетовую массу. Кракен издыхал. Издали глухо доносился его предсмертный вой.

— Смотрите, смотрите! — Заливаясь радостным смехом Кеннин направил вниз луч своего фонарика. В бурлящей воде, перемешанной с черной кровью и темно-фиолетовой чернильной жидкостью, бились в агонии гигантские щупальца.

Когда Эяна и Кеннин увидели световой сигнал, который подал им Тоно, они отвязали от плота таран и ударили им в голову чудовища. Железное острие пробило ее насквозь.

— Брат, ты ранен? — спросила Эяна. Ее голос был едва слышен в шуме. — Ты можешь выплыть наверх?

— Хорошо бы... поскорей бы уплыть... — пробормотал в ответ Тоно и потряс головой, чтобы разогнать туман, который застилал ему глаза

Кракен медленно опустился на развалины города, который когда-то погубил. В его голове зияла огромная рана, но он все еще был жив и даже освободился от тарана, весившего несколько тонн. Но от гигантской сети он освободиться не мог.

Победители прикрепили сеть с помощью якорей ко дну и поплыли в разрушенный город.

Нелегкая то была работа — отрывать огромные щупальца от стен, иные дома были целиком охвачены черными кольцами. Поднявшийся со дна ил и исторгнутая Кракеном фиолетовая жидкость слепили глаза, от зловония перехватывало дыхание, канаты и тросы выскальзывали из рук, путались и рвались, со стен домов обваливались камни. Вода клокотала и бурлила, словно последний день настал для всего подводно-

го мира. От рева издыхающего чудища звенело в ушах, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. На троих нападавших обрушивались удары, от которых на голой коже оставались кровоподтеки и ссадины, кровь детей Ванимена, имевшая привкус железа, вскоре смешалась в воде с едкой как уксус кровью Кракена.

Наконец, с чудовищем было покончено. Все трое были на пределе сил.

И все-таки они его связали. Теперь можно было приблизиться к голове чудовища, которая судорожно дергалась и тряслась. Кракен пытался дотянуться клювом до сковывавших его пут, щупальца извивались под сетью, точно черные змеи. Сквозь мутную пелену ила и крови Тоно заглянул в его круглые глаза. Взгляд Кракена был осмысленным. Он вдруг умолк — слышен был лишь шум морского волнения и учащенное прерывистое дыхание раненого чудовища. Кракен пристально смотрел на детей морского царя.

— Ты храбро бился, — сказал Тоно. — Знай же, мы убиваем тебя не ради сокровищ. Золото мы могли бы взять уже сейчас.

Он ударил гарпуном в правый, Кеннин — в левый глаз Кракена. И снова началась жестокая схватка, в ход пошли все шесть гарпунов. Кракен истекал кровью, но не сдавался.

Наконец, один из гарпунов поразил его мозг. Все было кончено, Кракен был мертв.

Сестра и братья быстро поднялись на поверхность, к солнечному свету. Море штормило, битва на дне вызвала сильное волнение на поверхности, и «Хернинг» изрядно трепало. Эяна и Тоно не спешили очистить легкие от воды и перейти на дыхание воздухом, некоторое время они просто качались на волнах, радовались, чувствуя, что боль кровоточащих ссадин начала понемногу стихать от ласковых прикосновений океана, который помогал восстановить утраченные силы, и наслаждались сознанием того, что остались живы. Кеннин же, не теряя времени, поплыл к кораблю.

— Мы его убили! Убили Кракена! Теперь сокровища наши! — *во всю мочь закричал он людям, которые* в ожидании стояли на палубе. Нильс едва не прыгнул в воду, Ингеборг от радости залилась слезами. Матросы захохотали, они не поверили, что трое водяных так быстро расправились со страшным чудищем.

Откуда ни возьмись явилось десятка два дельфинов, они непременно хотели услышать от победителей, как было дело.

Но с рассказами пришлось повременить — предстояла работа. Когда дети Ванимена немного отдохнули, капитан сбросил с палубы длинный белый трос, к концу которого были привязаны крюк и мешок. Захватив трос, сестра и братья снова скрылись под водой.

Рыба-трупоед, которую Кракен когда-то поленился поймать, уже объедала мясо с его щупалец.

— Давайте сделаем работу как можно быстрей, чтобы не задерживаться здесь надолго, — предложил Тоно.

Эяна и Кеннин тоже были далеко не в восторге, оттого что пришлось плавать среди разлагающейся падали. Они пошли на это ради сестры Ирии, которую люди прозвали Маргретой.

Снова и снова наполняли они мешок перстнями, ожерельями, монетами, блюдами, кубками и золотыми слитками, снова и снова подвешивали на крюк то золотой канделябр, то статую божества, драгоценный ларец или шкатулку. У ловцов жемчуга и других ныряльщиков принято подавать знак корабельной команде, дергая условленное число раз за веревку, но здесь, на огромной глубине, применить этот способ было невозможно, поэтому матросы просто каждые полчаса вытягивали из воды трос, к которому был привязан наполненный драгоценностями мешок. Фонарики пригодились, необходимо было светить: в глубине море уже успокоилось, но на поверхности волнение все еще не утихло, «Хернинг» дрейфовал, и когда матросы бросали за борт канат с опорожненным мешком, он всякий раз опускался на дно в новом месте. Пока на

корабле разгружали мешок, трое на дне занимались поиском новых сокровищ или отдыхали и подкреплялись сыром и треской, которые Ингеборг положила для них в пустой мешок.

Наконец Тоно устало сказал:

— Мы рассчитали, что для нашей цели будет достаточно нескольких сотен фунтов золота. Клянусь, мы отправили на корабль гораздо больше. Жадность не доводит до добра. По-моему, пора подняться наверх.

— Давно пора. — Эяна прищурилась, вглядываясь в густой мрак, со всех сторон окружавший тусклое пятно света от фонариков, поежилась и крепче прижалась к плечу брата. Тоно не помнил, чтобы когда-нибудь ему случалось видеть сестру такой оробевшей.

Зато Кеннину чувство робости было незнакомо. Он только посмеивался:

— Кажется, я начинаю понимать, почему людям так нравится разбойничать и грабить. Это занятие затягивает не меньше, чем пиво или женщины. По-моему, грабить можно целую вечность, и не надоест.

— Ничего нельзя делать целую вечность, — заметил старший брат, со свойственной ему философичностью.

— Ну как же! Разве это не вечность, если у тебя есть что-нибудь такое, чего хватит на всю жизнь и еще останется? Золото, пиво, женщины...

— Пускай себе, он же еще дитя, — шепнула Тоно сестра. — Весь мир Творения открыт перед ним.

— Я тоже не старик, — возразил Тоно, — но... почему-то тролль его знает, почему, я все чувствую так же, как люди.

Они сняли с рук браслеты с фонариками, положили их сверху в наполненный сокровищами мешок и, отпустив его, быстро, быстрее, чем следовало, чтобы поберечь себя, поплыли наверх. На прощанье Тоно помахал рукой скрывшемуся во тьме Аверорну.

— Спи спокойно, пусть ничто не нарушает твой покой до скончания века.

Из холодной темной и безжизненной пучины они поднялись на свет, затем вынырнули на воздух. Солнце клонилось к западу и стояло уже совсем низко над горизонтом. Небо в западной стороне было чуть зеленоватым, на востоке же, среди величественной синевы, взошла белая луна. Над морем, по которому скользили темные тени волн с яркими белыми гребнями пены, разливался багровый свет заходящего солнца. Ветер стих, вечернюю тишину нарушал лишь мерный плеск и шепот волн, да слышалось порой невнятное бормотание дельфинов, которые ждали известий и плавали неподалеку от «Хернинга».

Увидев троих из Лири, дельфины принялись наперебой расспрашивать их о битве с чудовищем, но победители слишком устали и пообещали удовлетворить любопытство дельфинов в другой раз, хотя бы завтра. Затем они выдохнули воду, наполнили легкие воздухом и поплыли к кораблю.

Никто, кроме капитана, не встречал их у бортового ограждения. Все матросы стояли возле мачты.

Первым на борт взобрался Тоно. С него струилась вода, он слегка дрожал из-за резкой смены температур: в воде было тепло по сравнению с воздухом, который уже стал по-ночному свежим. Тоно огляделся вокруг. В руках у Ранильда был арбалет, матросы выставили вперед копья. Но ведь Кракен мертв. Какой опасности ожидают эти люди? И где Ингеборг? Где Нильс?

— Гм, гм... Ну как? Довольны? — проворчал Ранильд себе в бороду.

— Мы трудились ради сестры и ради приумножения твоих богатств, — ответил Тоно. Все тело у него ломило, болела голова, он ощущал озноб и легкую тошноту. В висках стучало, глаза опять застилал туман. Тоно подумал, что надо бы отпраздновать победу, сложить песнь об их битве с аверорнским Кракеном — нет, только не сейчас, с празднованием можно повременить, сейчас нужно одно: спать, скорее лечь спать.

Эяна поднялась на палубу и позвала:

— Нильс!

И тут в воздухе просвистел нож.

— Предательство? Уже? Так скоро? — Она обернулась к мачте, где стояли шестеро матросов.

— Убить их! — проревел Ранильд.

В этот момент Кеннин как раз вскарабкался на борт по веревочному трапу, но еще не перемахнул через релинг. Матросы бросились выполнять приказ капитана, и тогда Кеннин прыгнул на палубу. Никто из матросов не мог тягаться с ним в проворстве и ловкости, опережая врагов, Кеннин кинулся прямо к Ранильду. Багровый закат на мгновенье озарил Кеннина кровавым светом.

Ранильд поднял арбалет и выстрелил. Стрела пронзила сердце. Кеннин упал как подкошенный. На доски палубы полилась кровь.

Смерть брата словно обожгла Тоно — ведь Ингеборг предупреждала его о предательстве команды, но Ранильд оказался коварней, чем она думала. Наверняка он сговорился с матросами где-нибудь в укромном углу, в трюме, когда Ингеборг не могла их услышать. После того как сокровища были подняты на корабль, капитан приказал схватить Нильса и Ингеборг. Неужели они убиты? Нет, если бы их убили, остались бы следы, пятна крови на палубе. Очевидно, их связали и, заткнув им рты, бросили в трюм, когда ни о чем не подозревавшие друзья были в море.

Сообразительность Эяны и отчаянная храбрость Кеннина разрушили план капитана. Матросы, потрясенные убийством Кеннина, больше не нападали, их воинственность и злобная ярость вдруг исчезли. Но Эяне и Тоно нельзя было оставаться на корабле. Они бросились в море. Вслед полетело два или три копья. Ранильд перегнулся через релинг и навис над бортом черной глыбой на фоне багрового заката. Над морем гулко прокатился издевательский хохот капитана:

— Держите! Отдайте акулам, может, откупитесь, сожрут вместо вас!

И он швырнул в воду тело Кеннина.

IX

Примчались дельфины. Вместе с ними Тоно и Эяна простились с братом по обычаю народа лири. Они закрыли убитому глаза, сложили ему руки на груди и вынули из сжатых пальцев кинжал, который в воде сразу же начал ржаветь. Пусть кинжал Кеннина послужит еще кому-нибудь, решили они. Кроме этого кинжала, у брата ничего не было, так пусть же кинжал станет его прощальным подарком кому-то из друзей и не достанется угрям-падальщикам.

Брат и сестра поплыли прочь, и тут же тело Кеннина спокойно и неторопливо окружили серо-голубые акулы. Тоно и Эяна запели Песнь последней разлуки. Их голоса далеко разносились в водах океана. Заканчивалась песнь так:

В дальнюю даль один ты уйдешь, в целом мире один.
Все позади: плеск волны, солнца блеск,
Брызги и бриз,
Рифы, прилив и прибой.

Кровь твоя, плоть твоя к предкам вернутся,
Прощай же навек, брат дорогой!
Примет море тебя,
Примут небо и ветер,
Прощай, не забудут собратья тебя.

Эяна всхлипнула.

— Ах, Тоно! Ведь он же был совсем ребенком...

Тоно крепко ее обнял.

— Норны всесильны, — тихо сказал он. — У Кеннина была легкая смерть.

Вскоре Эяну и Тоно нагнал дельфин. Со свойственным этим животным дружелюбием, он спросил, не может ли чем-нибудь помочь, скажем, ему не составило бы труда сломать руль и остановить корабль, а там уж голод и жажда сделают свое дело.

«Хернинг» маячил на горизонте. Корабль был неподвижен, так как на море стоял мертвый штиль.

— Нельзя, — сказал Тоно, поглядев в ту сторо-

ну, — они взяли заложников. Но ты прав, надо что-то делать.

— Я вспорю брюхо этому Ранильду, благородному господину Ранильду! Выпущу кишки, привяжу их к мачте и заставлю его бегать вокруг, пока он не намотает на мачту свои поганые потроха! — Эяна была вне себя от ярости.

— У меня он вызывает сейчас скорей беспокойство, чем злобу. Он опасен, тут нет сомнения, — сказал Тоно. — Можно, конечно, позвать на помощь дельфинов, отодрать доски от корпуса, разломать днище. Это дело нехитрое, да что толку? Захватить корабль, не повредив его, вряд ли удастся... И все-таки попытаться нужно. Ради Ингеборг и Нильса. Вот что, давай-ка сперва раздобудем чего-нибудь поесть. Сейчас нам прежде всего необходимо отдохнуть и подкрепиться. Дельфины помогут нам наловить рыбы. Наши силы на исходе, а они нам скоро понадобятся.

Тоно проснулся после полуночи. Он чувствовал себя вполне отдохнувшим, свежим и бодрым. Но горечь утраты стала словно еще острей, теперь Тоно всецело владело одно желание — освободить заложников и отомстить за брата.

Эяна спала, чуть покачиваясь со слабым движением вод, окутанная облаком длинных медно-рыжих волос. Ее лицо с приоткрытым ртом и опущенными длинными ресницами было сейчас удивительно невинным, по-детски наивным. В некотором отдалении кружили дельфины, которые с вечера оберегали покой спящих. Тоно поцеловал сестру в ямку над ключицей и осторожно, чтобы не разбудить ее, поплыл прочь.

Он вынырнул на поверхность. Стояла светлая ночь северного лета, бледные небеса были пронизаны неярким светом, в котором слабо мерцали далекие, едва различимые в вышине звезды. Спокойное море отливало светло-серым, мелкие сонные волны лениво поднимались и опускались над морской равниной, в глубинах которой в этот час едва угадывался мерный могучий ритм прилива. Воздух был свеж и влажен.

Тоно приблизился к кораблю, с точностью и уверен-

ностью акулы обогнул корму. У руля под кормовой надстройкой никого не было, но на палубе стояли на вахте два матроса, один ближе к корме, второй на носу. Над их плечами поблескивали копья. В вороньем гнезде также сидел матрос. Сигнальные огни не горели, похоже, их потушили нарочно, чтобы свет не слепил глаза вахтенным, которые зорко смотрели по сторонам. Ранильд не оставил своим врагам никаких шансов.

Или все-таки есть надежда? Высоко над водой смутно виднелись леера. Может быть, удастся вскарабкаться на палубу...

И убить одного или двоих вахтенных, прежде чем на шум прибежит еще кто-нибудь из команды? Нет, это не годится. Когда-то давным-давно народ лири одержал крупную военную победу над людьми. Предки Тоно одолели тогда целую корабельную команду, однако они достигли победы благодаря тому, что моряки были вооружены лишь ножами, да и настоящего желания сражаться ни у них, ни у лири не было, в том сражении никто не расстался с жизнью. Теперь же все обстояло по-иному, ведь боцман Олаф Овессен был убит.

И Кеннин.

Тоно словно наяву вдруг увидел перед собой круглое веселое лицо младшего брата. Так ничего и не решив окончательно, Тоно ждал, не изменится ли обстановка на корабле.

Спустя довольно долгое время он услышал шаги на палубе. У самого борта корабля на фоне неба появилась черная фигура, точно расплылось пятно на нежно-серой поверхности.

— Хе-хе, небось скучаешь без нас, а? — спросил кого-то матрос.

— Не забывай, ты на вахте, — услышал Тоно ответ Ингеборг.

Каким бесцветным и невыразительным был ее голос!

— Уж я постаралась бы тебя соблазнить, чтобы ты бросил пост и получил за это хорошую трепку. Да

только вряд ли стоит рассчитывать на такую удачу... Лучше выйду-ка я из этого свиного хлева, который вы называете трюмом, глотну свежего воздуха. Может, воздух-то еще чистый, хоть и топчутся на палубе грязные свиньи.

— Придержи язык, потаскуха! Пользуешься тем, что нам нужны заложники. Только потому тебя и не прикончили сразу. Учти, однако, сдохнуть можно по-разному.

Матрос, стоявший на другом конце корабля, поддержал приятеля:

— А будешь нос задирать, так еще до утра копыта отбросишь. Да у меня с такими деньжищами от шикарных шлюх отбою не будет! На черта нам какая-то паршивая Ингеборг-Треска!

— Ага, плевать на нее, — согласился первый вахтенный. — А еще лучше, дай-ка мы ее окропим, — и начал расстегивать штаны.

Ингеборг с жалобным возгласом глубже забилась в угол под навесом кормовой надстройки. Гогот матросов больно отдавался у нее в висках.

Тоно на миг оцепенел. В следующее мгновенье он бесшумно нырнул и поплыл к рулю.

Бронзовая лопасть руля была покрыта скользкой тиной. Ухватившись за нее покрепче, Тоно повернул руль. Он действовал неторопливо и осторожно, с гораздо большей осторожностью, чем тогда, когда подплывал к логову Кракена. Из-за поворота руля корабль изменил курс, румпель, находившийся под кормовой надстройкой, резко дернулся и поднялся футов на восемь. Тоно крепко держал руль, упираясь ногами в корпус судна. Острые края бронзовой лопасти резали ладони, но он все-таки поднялся, держась за них, до того места, где в корпус судна была вбита скоба, и ухватился за нее. Выше были поручни. Тоно ухватился за них, подтянулся на руках и перемахнул на кормовую надстройку.

— Что такое? — встревоженно крикнул матрос, стоявший на другом конце палубы. Тоно не двигался.

С него стекала вода, но плеск волн заглушал чуть слышный стук капель. Было холодно.

— Да наверное, опять эти проклятые дельфины, — ответил второй матрос. — Господи Иисусе, скорей бы убраться отсюда подальше. По горло уж я сыт этим чертовым плаванием...

— А когда вернемся, ты что первым делом себе купишь?

Люди принялись увлеченно обсуждать, как они потратят свои богатства, а Тоно меж тем незаметно пробрался под кормовую надстройку. Ингеборг обмерла, и едва не вскрикнула от неожиданности, когда он вдруг появился, как бы вынырнув из сероватой мглы. Сердце у нее сильно забилось. Тоно пробрался в темный закут. Ингеборг сидела в самом дальнем углу, сжавшись в комок. Он снова видел ее плотную, крепко сбитую невысокую фигурку, вдыхал теплый запах волос, касавшихся его губ. Однако первые слова Тоно были:

— Что здесь происходит? Нильс жив?

— Жив, до завтрашнего утра.

Эяна, будь она на месте Ингеборг, сумела бы произнести эти слова с невозмутимой решительностью. У Ингеборг дрогнул голос, но на душе у нее сразу полегчало.

— Они связали нас, заткнули нам рты. Меня они решили на какое-то время оставить при себе, ты слышал? Подлецы, они поняли, что от Нильса им ничего не добиться. Сейчас он еще жив, лежит в трюме связанный. Они обсуждали между собой, как лучше всего расправиться с Нильсом, и он должен был все это слушать. В конце концов они решили, что лучшей забавой будет, если его повесить на рее. Завтра утром. — Она стиснула руку Тоно. — Не была б я христианкой, так, честное слово, с радостью бросилась бы в море.

Смысл последних слов ускользнул от Тоно.

— Не надо, — сказал он. — Я ведь не смогу сделать так, чтобы ты не утонула. Ты окоченеешь в

холодной воде и умрешь. Погоди, дай мне подумать, сейчас... Есть!

— Да?

Он почувствовал, что Ингеборг сдерживает себя из страха, что надежда окажется напрасной.

— Ты сможешь тайком шепнуть Нильсу несколько слов?

— Не знаю. Постараюсь. Может быть, удастся, когда они выведут его на палубу. Они наверняка заставят меня смотреть, как его будут вешать.

— Понятно... Если удастся, то скажи — но так, чтобы никто, кроме него, не слышал — пусть не теряет мужества и будет готов драться. — Тоно снова задумался, затем продолжал: — Нужно будет отвлечь их, чтобы они не видели, что происходит в море. Когда они станут надевать Нильсу петлю на шею, пусть сопротивляется изо всех сил. И ты тоже — кричи, дерись, кусайся, царапайся.

— Ты думаешь... Ты правда веришь, что у нас что-то получится? Я сделаю все, все, что ты хочешь. Господь милостив, Он... Господь пошлет мне смерть, когда я буду драться за тебя, Тоно.

— Только не это! Ты не должна рисковать. Если кто-нибудь бросится на тебя с ножом, плачь, умоляй, проси пощады. И держись подальше, когда начнется рукопашная. Ты мне нужна, Ингеборг, не тело твое — ты нужна.

— Тоно... — Она нашла в темноте его губы.

— Надо идти, — шепнул он. — До завтра.

Так же осторожно, как поднялся на борт «Хернинга», Тоно спустился в море. Платье Ингеборг намокло, когда она обняла Тоно, поэтому теперь она решила не выходить на палубу, пока одежда не высохнет, иначе матросы могли что-нибудь заподозрить. Спать ей совершенно не хотелось. Опустившись на колени, Ингеборг стала молиться:

— Пресвятая Дева Мария, Матерь Божия, Царица Небесная! Ведь ты тоже женщина, ты меня поймешь. Господь наш, Иисус Христос...

— Эй, потаскушка! Кончай скулить! Монахиней, что ли, себя вообразила? — заорал вахтенный.

— Меня-то пустишь в свою келью на девичью постельку? — подхватил тот, что сидел в вороньем гнезде.

Ингеборг замолчала, но тем более страстно взывала к небесам ее душа. Наконец вахтенные оставили ее в покое, их внимание привлекло что-то происходящее в море. Это приплыли дельфины. Не один и не два, а десятки дельфинов. Они кружили вокруг корабля и, похоже, не собирались уплывать. Светло-серое море было исчерчено белыми бороздами, спинные плавники дельфинов, подобно стальным мечам, яростно рассекали волны, маленькие глазки лукаво щурились, длинные морды словно бы насмешливо улыбались.

Матросы позвали на палубу Ранильда. Заспанный и хмурый, он поглядел на дельфинов, поскреб шею под лохматой бородой и сказал:

— Поганые твари, терпеть их не могу. Клянусь святым Петром, надо было вспороть брюхо тем двум водяным крысам. Чует мое сердце, что готовят они какую-то пакость... Ладно. Корабль топить вряд ли они вздумают, без корабля-то золото в Данию не привезешь. Да и подружка ихняя тут, сучка эта паршивая...

— Может, Нильса тоже приберечь про запас? Пригодится, когда вернемся в порт, — нерешительно предложил Сивард.

— Э, нет. Надо показать водяным ублюдкам, что с нами шутки плохи. Завтра крикнем погромче, чтоб далеко слыхать было, мол, Ингеборг-Треске не придется просто так болтаться на рее, мол, мы для нее кое-что получше придумаем, если эти водяные крысы не оставят нас в покое. — Ранильд поплевал на палец и поднял его кверху. — Ага, вот и ветра наконец дождались. Отлично. Завтра утром вздернем мальчишку и с попутным ветерком пойдем домой. — Он вытащил из ножен короткий меч и замахнулся на дельфинов, которые плавали вокруг корабля, окружив его живым кольцом. — Эй, вы, твари бездушные! А ну пошли прочь! Убирайтесь, покуда целы, в свои подвод-

ные норы! Скорей бы уж домой вернуться. Хороший христианин не болтается подолгу вдали от родного дома.

Близился рассвет. Дельфины все так же патрулировали в море вокруг корабля. Раниль в конце концов пришел к мысли, что никакого вреда они кораблю не причинят. «Наверняка дельфины подосланы врагами-водяными, — подумал он, — они, поди, сдуру вообразили, что дельфины смогут что-нибудь пронюхать, а то и просто науськали чертовых тварей, чтобы досадить морякам».

Ветер мало-помалу крепчал. Волны вздымались все выше и все сильней ударяли в корпус «Хернинга». Звезды уже бледнели и вдруг — непостижимо! — по небу пролетела стая диких лебедей.

С первыми проблесками зари звезды угасли. Небо на востоке посветлело, оставаясь на западе по-прежнему серебристо-серым. Там, в призрачной серой мгле, еще виднелась луна. Горбатые спины волн блестели, отливая синью и пурпуром; повсюду, насколько хватало глаза, море блистало, искрилось и вспыхивало зеленым огнем, точно пылающее в колдовской кухне алхимика пламя, в котором сгорают неведомые вещества. И подобно пламени волны беспокойно метались и внезапно взмывали ввысь, рассыпая искры брызг. Ветер свистел и завывал в снастях.

Матросы вывели из трюма Нильса. Они подгоняли его пинками, хотя юноша поднимался по трапу медленно лишь оттого, что не мог держаться за поручни — руки Нильса были связаны за спиной. Он дважды оступился и едва не покатился вниз по трапу, что вызвало радостное улюлюканье и гогот матросов. Одежда Нильса была изодрана и покрыта пятнами крови, но развевавшиеся на ветру светлые волосы и отросшая за последние дни бородка блестели в отраженном свете моря, которое ему не было видно с того места возле мачты, куда его привели. Нильс стоял широко расставив ноги, чтобы не потерять равновесия, и всей грудью вдыхал соленый и терпкий запах моря.

Торбен и Палле несли вахту, один из них стоял на

носу, другой на корме. В вороньем гнезде сидел Сивард. Пленника охраняли Лейв и Тиг. Ингеборг стояла немного поодаль от них, лицо ее было бледно, глаза покраснели. Нильс с ненавистью поглядел на Ранильда. Тот уже держал наготове привязанную к рею веревку с петлей.

— Судового священника на этом когге уже давно нет, — заговорил Нильс, — но вы должны позволить мне помолиться перед смертью, прочесть хотя бы «Отче наш».

— Незачем, — отрезал Ранильд.

И тут к ним подошла Ингеборг.

— Я могу исповедать тебя, Нильс, — заявила она.

Капитан опешил было, но тут же и он и вся команда радостно заржали.

— Валяй, исповедуй, а мы полюбуемся!

Ранильд оттеснил в сторону Лейва и Тига, сам также отошел на несколько шагов от пленника. Нильс покраснел от обиды.

— Давай живей, — крикнул Ранильд, перекрывая шум ветра и волн. — Потешь-ка нас напоследок, да смотри, хорошенько потешь! Имей в виду, Нильс, пока ты нас развлекаешь, ты еще жив!

— Нет, — наотрез отказался пленник. — Ингеборг, как ты можешь?..

Она схватила Нильса за волосы и, пригнув к себе его голову, быстро что-то шепнула. Нильс сразу словно пробудился от спячки, весь подобрался и расправил плечи.

— Что такое? О чем шушукаетесь? — насторожился Ранильд.

— Если оставишь меня в живых, расскажу, — задорно ответила Ингеборг.

Затем они с Нильсом как сумели представили в лицах обряд предсмертного отпущения грехов. Моряки от смеха держались за животы.

— Pax vobiscum, Dominus vobiscum*, — сказала Ингеборг в заключение — она действительно знала церковную службу — и перекрестила преклонившего

* Мир с тобой, Господь с тобой (лат.).

колени Нильса. При этом она успела шепнуть: — Господи, прости нам это святотатство, прости и мне, что не на Тебя я уповаю. Прощай, Нильс, может не придется больше увидеться.

— Прощай, Ингеборг. — Нильс поднялся на ноги и сказал: — Я готов.

Сбитый с толку и порядком обеспокоенный Ранильд поспешно подошел к Нильсу и поднял над его головой петлю. Как вдруг Ингеборг дико завизжала, бросилась к Лейву и вцепилась ногтями ему в лицо, стараясь выцарапать глаза.

— Дьявол! — завопил Лейв.

Не переставая визжать, Ингеборг повисла на нем, царапаясь и кусаясь. К ним кинулся Тиг. Нильс пригнулся и ударил Ранильда головой в живот. Капитан охнул и согнулся, Нильс двинул его под ребра. На выручку капитана бросились Палле и Торбен. Сивард, глядевший на происходящее сверху из вороньего гнезда, в изумлении выпучил глаза и разинул рот.

Про дельфинов Сивард в это время забыл. Они кружили вокруг корабля так давно, что команда перестала обращать на них внимание. Матросы упустили из виду, что дельфины могут следить за ними с моря. Предостерегающий крик Сиварда раздался слишком поздно — на корме появилась Эяна с блестящим клинком в руке. С другой стороны на палубу прыгнул Тоно. Карабкаясь по корпусу судна, он успел наполнить легкие воздухом. Подняться же ему помог один из дельфинов: Тоно ухватился за его спинной плавник, и дельфин легко подбросил его на высоту корпуса от ватерлинии до планширa. Тоно ухватился за релинг и некоторое время висел на руках под прикрытием носовой надстройки, пока не настала решающая минута.

К нему метнулся Палле. Левой рукой Тоно схватил древко его копья, правой нанес удар ножом. Обливаясь кровью, Палле с истошным воплем рухнул на палубу, как боров под ножом мясника. Вырвав у него из рук копье, Тоно ударил им Торбена, но тот ловко отскочил назад.

В следующую секунду Тоно разрезал связывавшие Нильса веревки и сунул ему в руки свой второй кинжал.

— Держи, это кинжал Кеннина!

Нильс жадно схватил оружие и с возгласами благодарности, обращенными к Богу, бросился вдогонку за Торбеном.

Лейв все еще не мог справиться с Ингеборг. Подбежавшая сзади Эяна вонзила кинжал ему в загривок. Она еще не выдернула клинок, как уже Тиг метнул в нее копье. Эяна только презрительно засмеялась и шагнула в сторону — копье пролетело мимо.

Дальнейшее описать невозможно. Детям Ванимена никогда в жизни не приходилось воевать, но они умели расправляться с врагами один на один.

Сидевший в вороньем гнезде Сивард со страху напустил в штаны и с жалобным воплем запросил пощады. Торбен был оглушен, и все-таки Нильс никак не мог его прикончить. Торбен ловко уворачивался и ускользал, но наконец Нильс вонзил кинжал ему в горло, но Торбен все еще был жив. Истекая кровью, он яростно кричал и орудовал копьем и кулаками, пока Эяна не налетела сзади и не добила его. Нильса затошнило. Тем временем Ранильд очнулся и поднялся на ноги. На палубе лежал его меч. Ранильд бросился к оружию, Тоно — за ним, они, пригнувшись, остановились, не спуская глаз друг с друга, ни тот ни другой не могли схватить меч.

— Сопротивление бессмысленно. Считай, что ты уже мертв, — сказал Тоно.

— И пускай, — прохрипел Ранильд. — Зато моя душа бессмертна. А ты превратишься в падаль!

Тоно вздрогнул и в растерянности провел рукой по волосам.

— Не могу понять, почему это так, а не иначе, — сказал он. — Наверное, ваш род с точки зрения вечности лучше нашего...

Ранильд понял, что у него есть шанс. Он прыгнул вперед и схватил меч. Но Тоно оказался хитрее — когда Ранильд взмахнул мечом, он просто отклонился

в сторону и резко ударил ребром ладони по руке капитана. Ранильд выронил меч, и тут же Тоно нанес ему удар ножом. Ранильд рухнул на палубу. В эту минуту над морем взошло солнце. Алые пятна крови на палубе сделались нестерпимо яркими.

Капитан был ранен не смертельно. Он поглядел на Тоно, который стоял над ним, и прохрипел задыхаясь:

— Позволь мне... исповедаться перед Богом... Я не хочу гореть в аду...

— Какое мне до тебя дело? У меня нет души.

Тоно поднял слабо дергавшееся тело Ранильда и швырнул за борт на съеденье акулам. Эяна уже карабкалась на мачту, чтобы прикончить Сиварда, который жалобно скулил в вороньем гнезде.

Книга вторая
ТЮЛЕНЬ

I

Ванимен, царь и властитель народа лири, ныне капитан безымянного корабля — ибо он рассудил, что прежнее название «Pretiosissimus Sanguis»* предвещало бы его подданным беду, — стоял на носу и смотрел на море. Все, кто были на палубе, заметили, что лицо царя мрачно, а могучие плечи понуро поникли. Позади плескался на ветру парус, в небе покрикивали чайки, то одна то другая с лету опускалась на гребень волны и снова взмывала в небо. Море было неспокойно, волны с силой ударяли в корпус корабля и порой обдавали брызгами палубу. Здесь было тесно, подданные Ванимена, в основном дети и женщины, жались друг к другу, толкались, никак не могли удобно устроиться. В толпе уже раздавались гневные выкрики.

Но Ванимен ничего этого не замечал. Его взгляд блуждал где-то далеко над волнами. Море было темно-серым как сталь, по нему неслись волны с грязно-белыми, словно последний весенний снег, гривами, они вздымались все выше под нависшими над морем рваными клочьями темных туч. Ветер свистел и завывал, гудел в снастях, его порывы раз от раза становились все более резкими и безжалостно хлестали по голому телу. Над горизонтом сгущались тяжелые грозовые облака. Иссиня-черная пасть поглотила солнце. С каждой минутой темная туча росла и ширилась, в ней вспыхивали зарницы, над морем гремели отдален-

* "Драгоценнейшая кровь" (*лат.*)

ные громовые раскаты, и гул их разносился на сотни миль над бескрайним простором.

Все подданные Ванимена, которые плыли за кораблем в море, встревожились, почуяв непогоду, и поспешили подняться из глубин на поверхность. Они не поместились бы на корабле, да и не рассчитывали на это, но детям и женщинам в любую минуту могла понадобиться их помощь. Ванимен рассеянно поглядел туда, где среди мощных валов мелькали гибкие поджарые пловцы. Невдалеке разрезал волны спинной плавник его верной касатки.

К Ванимену на носовую надстройку поднялась Миива. Ее голубые волосы были заплетены в косу, тогда как светлую гриву Ванимена трепал ветер. Миива зябко куталась в плащ. Из-за шумного рокота волн ей пришлось почти кричать, чтобы Ванимен услышал:

— Рулевой просил передать, он боится, что корабль не устоит, если ветер не ослабнет. Румпель вырывается из рук, вертится, точно морской угорь. Может быть, надо как-то использовать парус?

— Поставим парус на рифы, — решил Ванимен. — Надо уходить от шторма.

— Но ведь шторм идет с... с норд-веста. Значит, мы повернем назад и потеряем расстояние, которое прошли с таким трудом? С тех пор как мы покинули воды Шетландских островов, мы столько претерпели: борьбу с противным ветром и встречными течениями, штиль... Неужели все было зря?

— Если попадем в шторм, то можем лишиться корабля. Не спорю, капитан-человек, наверное, сумел бы лучше меня вести корабль. Он действовал бы по науке. Но и мы ведь за эти дни, за эти долгие, долгие дни плавания, научились ходить под парусом. У нас теперь есть маленькая корабельная команда. Да... в самом деле, очень маленькая. Остается только гадать, откуда может прийти спасение.

Ванимен приставил ладонь ко лбу и пристально вгляделся в беспокойные просторы моря и небес.

— Гадать, впрочем, незачем, все и так ясно, — сказал он. — Я достаточно повидал бурь за долгие столетия моей жизни. Этот шторм не просто сильное

волнение, которое за ночь уляжется. Нет, это свирепое чудовище прилетело из арктических морей, что простираются к северу от Гренландии. Этот шторм будет рвать нас своими зубами так долго, что мне страшна самая мысль о том, что нас ждет.

— Но разве случаются такие сильные бури в это время года?

— Ты права, обычно нет. Однако в последние несколько столетий я наблюдал, как набирает силу арктический холод. Там, далеко на севере рождаются айсберги и неистовые штормa. Можно называть это несчастным стечением обстоятельств. Нам не повезло.

Про себя Ванимен размышлял в это время о другом. Вахтенный матрос, которого ему пришлось убить, чтобы захватить корабль, человек, ничем не заслуживший такой судьбы, призвал перед смертью проклятие на голову убийцы и обратился за помощью к Всевышнему и святому Михаилу, своему небесному заступнику... Ванимен никому тогда об этом не сказал, да и в будущем решил не говорить.

Если корабль пойдет ко дну... Он перевел взгляд на палубу. Большинство из них погибнет. Прелестные девушки, дарившие столько радости и сами знавшие радость, дети, которые только-только начинают чувствовать, что есть радость бытия. Сам он сможет доплыть до какого-нибудь берега, даже далекого, но зачем берег ему одному?

Довольно. Он должен сделать для них все, что в его силах. В жизни всегда приходится биться за жизнь. А в конце никто не избежит сетей Ран...

Ванимен послал одного из старших мальчиков в море, велев ему передать самым сильным и крепким из мужчин, чтобы те поднялись по веревочному трапу на корабль. Ожидая их, Ванимен продолжал обдумывать, как поступить дальше. За время плавания на корабле подданные научились беспрекословно выполнять все требования своего вождя, подобного в истории народа лири еще не бывало. Но пока что матросы Ванимена не успели овладеть многими умениями и навыками моряков. Знания самого Ванимена также оставляли желать лучшего. Вот и с последним распо-

ряжением он едва не запоздал. Помощь мужчин требовалась немедленно. Парус дико бился под ветром, который крепчал с каждой минутой. Тех, кто были на палубе, швыряло от одного борта к другому, корпус корабля сотрясался, каждый удар волны был одновременно ударом по несчастным жертвам. Их одежда пропиталась кровью от ран и ссадин, и они ее сбросили. Многих смыло за борт, уже погиб один ребенок, ему размозжило череп о палубу. Смерть пожинала свою жатву в народе лири. Не скоро позабудет Ванимен лицо матери погибшего ребенка, ее застывший взгляд, устремленный на мертвое тельце, которое она прижимала к груди. Спустя минуту мать бросила дитя в море — быть может, море будет милосерднее к нему.

Следовало ожидать самого худшего, Ванимен знал это по опыту. Волны порой ласково баюкают, в них можно укрыться от палящего зноя и резкого ветра, они поддерживают и помогают выжить. Но в воде тело отдает свое тепло, а в морских глубинах на каждом шагу подстерегают бесчисленные убийцы хищники.

Ванимен приказал бросить в море канаты, чтобы пловцы могли за них держаться, иначе они выбьются из сил и отстанут от корабля.

Шторм уже нагонял корабль. Ванимен перешел на корму. Под навесом кормовой надстройки у румпеля стояли двое. Положение тут было — хуже некуда: из-за бешеной силы ветра рулевые не могли совладать с румпелем, тяжелый рычаг то взлетал вверх, то резко шел книзу, рулевых, бессильно повиснувших на нем, бросало из стороны в сторону. Ванимен дал рулевым указания и пообещал скоро прислать смену и освободить их от трудной работы.

По обеим сторонам палубы находились маленькие и тесные каюты. На штирборте была более просторная капитанская каюта, на левом борту — несколько кают для моряков-офицеров. В этом плавании каюты почти все время пустовали, для всех лири тесные душные помещения были хуже тюрьмы. Но сейчас

Ванимен ощутил потребность немного отдохнуть, укрывшись от бушующей стихии.

Под потолком каюты раскачивался на длинной цепи фонарь, в котором догорал огарок сальной свечи. В его тусклом свете по стенам каюты метались причудливые черные тени. Пахло прогорклым салом и копотью. Кто зажег фонарь? Ванимен услышал какой-то невнятный звук и вгляделся в темный угол, откуда тот доносился. Рэкси и Хайко лежали обнявшись в койке.

Потревожить их сейчас было бы неделикатно — Ванимен ждал, остановившись посреди каюты. Он пошире расставил ноги, крепко упираясь в пол, который ходил ходуном и сильно кренился, и с холодной усмешкой наблюдал за парочкой — любовникам приходилось приноравливаться к сильной качке. На стене у них в головах было распятие, а в ногах, так, чтобы лежащий в койке все время мог видеть, висело живописное изображение Пресвятой Девы. Живопись была довольно плохая, темная, но Ванимену показалось, будто лик Богоматери исполнен некой нежности к двоим, на которых падал ее взгляд. Святой образ от них не отвернулся.

«Впрочем, — подумал Ванимен, — здесь всего лишь каюта, а не церковь, не храм божий, куда я однажды осмелился войти, ибо не мог противостоять желанию во что бы то ни стало вернуть Агнету». И тут Ванимен с внезапной остротой ощутил, насколько чуждым было ему все, что он видел вокруг. Его охватило чувство глубокого одиночества. Но вот наконец любовная игра закончилась. Рэкси и Хайко заметили Ванимена. Парень смутился, девушка же беззастенчиво улыбнулась и отодвинулась от своего приятеля.

— Кто вам позволил забраться в мою каюту?

Суровый голос Ванимена был громче, чем вой ветра, громовые раскаты, грохот волн и скрип деревянной обшивки корабля.

— Другие каюты заняты, — ответила Рэкси. — Мы не знали, что ты придешь. И потом, мы думали, ты ничего не будешь иметь против.

Кажется, Хайко покраснел.

— Было бы... Было бы неразумно заниматься этим делом в море в такую погоду... — пробормотал он. — Мы могли бы отстать от корабля и потеряться... Да и не все ли равно, ведь мы скоро умрем.

Рэкси уселась на краю койки и протянула вперед руки. Каюта была такой маленькой, что она без труда дотянулась до Ванимена.

— Хочешь, давай и ты?.. — сказала она. — Я, как всегда, не прочь еще!

— Вон отсюда, оба! — Он сам удивился своей резкости.

Рэкси и Хайко с обиженным видом покинули каюту. Дверь за ними захлопнулась, и Ванимен остался один. В тусклом и сумрачном свете фонаря он вглядывался в образ Божьей Матери и недоумевал про себя: с какой стати он вдруг так рассердился? Ведь эти двое не занимались чем-то предосудительным... во всяком случае, так они сами считают. У них нет души, они не ведают, что есть порок и что добродетель, они греховны не больше, чем животные, если вообще можно применить к животным подобное понятие. И он, Ванимен, такой же, как эти двое.

— Или нет? — произнес он вслух.

Ответа не последовало.

* * *

Миновали три дня и три ночи. Предчувствие не обмануло Ванимена: шторм бушевал, не утихая ни на минуту.

Впоследствии он почти ничего не мог вспомнить, в памяти остались лишь хаос, борьба, тяжкий труд и нестерпимая боль. Горше всего было то, что бесследно исчезла его верная касатка. Должно быть, из страха перед невиданной бурей она скрылась в морских глубинах, а когда шторм окончился, уже не смогла разыскать корабль. То же самое случилось и со многими подданными.

Непостижимо: они все-таки не дали кораблю затонуть. Во время шторма он получил множество пробо-

ин, трюм был полон воды, которую день и ночь откачивали помпами, и все-таки они выжили. Шторм швырял и бросал корабль по бурному морю, пока не натешился вдоволь.

* * *

Теперь корабль лири подходил с запада к Геркулесовым столбам. Ванимен сразу же узнал могучие дымчато-синие скалистые утесы на краю земли, где Гибралтарский пролив разделяет Африку и Пиринейский полуостров. Когда-то в юности, много столетий тому назад, он совершил дальнее путешествие по южным морям и побывал в здешних водах. Волнение все еще не улеглось, но море уже снова сверкало яркой лазурью под безоблачными синими небесами. Светлые блики играли на волнах, солнце начинало пригревать, и под его лучами над морем поднимался терпкий аромат соленой воды. Веял легкий морской бриз. Сквозь дощатый корпус корабля слышался негромкий ропот, шорох и плеск — не только на слух, но каждой клеточкой своего существа ловили эти звуки все, кто теснились на палубе: то была песнь мира.

И все же в море не было видно парусов, ни один корабль еще не осмеливался покинуть надежную гавань. Жадные до новостей дельфины окружили одинокий корабль. Ванимен бросился в море, оставив на палубе подданных, измученных и смертельно усталых, как и он сам. Чтобы не менять способ дыхания, Ванимен, нырнув, сразу же поднялся на поверхность. В обнимавшей его чистой прозрачной стихии он чувствовал, как силы возвращаются к нему, наполняя бодростью каждую мышцу тела. Ванимен заговорил с дельфинами.

Что им известно о Средиземном море? Тогда, в юности, Ванимен не заплывал в него, доплыл лишь до высокой прибрежной скалы, которая была похожа на лежащего льва. В землях, омываемых Средиземным морем, уже давно установилось прочное господство христианской веры. От Волшебного мира здесь, несомненно, могли уцелеть лишь жалкие крохи, если вообще что-то сохранилось. Но выбора у Ванимена не было: разбитый корабль не сможет одолеть просторы

великого океана. Огромной удачей будет уже, если они сумеют пройти на нем несколько тысяч миль и найдут пристанище где-нибудь в Средиземном море, но это возможно лишь при условии, что здешние воды спокойнее и гостеприимнее, чем те, что шумят к западу от Геркулесовых столбов. Нет ли в Средиземном море какой-нибудь тихой гавани, куда он мог бы безбоязненно привести свой народ?

Дельфины принялись совещаться между собой, потом решили призвать на помощь других дельфинов и послать к ним гонцов, и те помчались по волнам, поднимая каскад брызг и то и дело ныряя. Пришлось дожидаться их возвращения. Тем временем подданные Ванимена отдыхали, восстанавливали растраченные силы, охотились. К счастью, настал мертвый штиль, который длился довольно долгое время. Благодаря безветрию в море не вышло ни одно судно и можно было не опасаться, что люди пожелают узнать, кто находится на незнакомом корабле, который вошел в их воды.

Наконец, дельфины-гонцы вернулись и рассказали о том, что удалось узнать. Почти все земли, лежащие за Гибралтарским проливом, не годились как место, где мог бы поселиться народ лири. Во-первых, там слишком развито рыболовство, во-вторых, слишком сильна церковь. Жители этих стран, конечно же, не обрадуются, когда узнают, что к ним явились незваные гости, которые тоже занимаются ловлей рыбы. Берега Северной Африки подходили, пожалуй, больше, но в то же время, ислам, который исповедовали жители этих берегов, в своей борьбе со всем, что зовется Миром Волшебства, отличался еще большей непримиримостью, чем христианство.

Есть, однако, на восточном побережье узкого моря одно место... Дельфины никак не могли толком объяснить, что это за узкое море и о каком месте идет речь. Они плохо представляли себе, как туда добраться, знали только, что Волшебный мир не подвергся там полному изничтожению, как это случилось, например, в Испании. Напротив, судя по слухам и обрывочным сведениям, которые дельфинам удалось добыть, в той

стране и по сей день обитают чудесные волшебные существа. Так, значит, люди, которые там живут, относятся к ним терпимее и снисходительнее, чем где бы то ни было в Средиземноморье? Кто знает...

Воды Гибралтара бороздили многочисленные суда, у берегов сновали рыбачьи лодки, повсюду под водой были расставлены сети. Несмотря на эти опасности охотники Ванимена наловили достаточно рыбы, чтобы накормить все племя. Теперь можно было продолжить плавание к уже недалекой цели. Берега Средиземного моря были сильно изрезанными, и почти везде они поросли густыми зелеными лесами. В море было множество островов. Несомненно, здесь удастся найти подходящее место для основания Нового Лири.

Сердце Ванимена взволнованно забилось. Он с трудом сдерживал нетерпение и задавал все новые и новые вопросы. Дельфины более или менее подробно описали, как выглядят жители суши, поскольку им не раз случалось видеть людей на берегу. Дельфины рассказали и о том, какую одежду носят местные жители и какие у них магические амулеты, талисманы и тому подобные вещи. Люди нередко гибли в море, и, если дельфины видели тонущих, то помогали им добраться до берега. При этом в силу своего любопытства дельфины, конечно же, не упускали случая рассмотреть все до мельчайших подробностей. К сожалению, Ванимен с трудом понимал язык дельфинов, они же еще никогда не встречались с кем-нибудь, кто хотя бы отдаленно походил на сынов племени лири. По большей части Ванимен угадывал о чем хотели ему сказать дельфины. Дело пошло легче, когда они стали пересказывать разговоры людей, которые им удалось когда-либо слышать. Дельфины славятся необычайно острым слухом и хорошей памятью, тут им просто нет равных среди всех живых существ.

Ванимен дополнил то, что узнал от дельфинов, сведениями, которыми располагал со времени своего путешествия по южным морям, и тем, что слыхал от людей, с которыми встречался в своей жизни. Иные из людей, давно умершие, кто десятки, а кто и сотни лет назад, были учеными и охотно делились с Вани-

меном своими знаниями, порой открывали и тайны, поскольку не сомневались, что Ванимен эти тайны не разгласит. Среди них были король Дании Свенд Эстридсон и епископ Роскильдский Абсалон...

Земля, о которой говорили дельфины, лежала на берегу Адриатического моря и называлась Далмацией. Ныне она входила в королевство Хорватия, латинское имя которого, Кроация, также было Ванимену известно. Народ Далмации был родствен руссам, но исповедовал католическую веру. О том, есть ли в Далмации существа, подобные русалкам северных вод, дельфины ничего не знали.

Только эти сведения и удалось по крохам собрать Ванимену.

Быть может, их ждет в Далмации гибель, которой закончится столь долгое и трудное плавание. Быть может, нет. Но есть ли выбор у тех, кто уцелел из племени лири?

II

Из-за небывало сильного шторма, который разыгрался в Атлантике, возвращавшийся в Данию когг «Хернинг» отклонился от курса. Пришлось бороться со встречным ветром, лавировать: неуклюжее судно плохо слушалось руля, трудно было натягивать шкоты и брасы, трудно было удерживать в нужном положении тяжелый румпель. Любой ценой нельзя было допустить, чтобы «Хернинг» окончательно сошел с курса, и приходилось проделывать всю работу снова и снова, днем и ночью, вести корабль, либо высылая вперед лоцмана, чтобы избежать столкновения с подводными рифами, либо наугад, вслепую.

Ингеборг умела только готовить пищу и прибирать на корабле, однако и ее работа оказалась не легкой. Эяна, более крепкая, стояла вахты и наравне с мужчинами управлялась с парусом. Она черпала силы в море, где играла с дельфинами, которые не уплыли, а сопровождали корабль, следуя за ним на небольшом расстоянии. Тоно, хоть и отличался невероятной фи-

зической силой, не мог в одиночку выполнять работу целой корабельной команды и часто сожалел, что они не оставили в живых ни одного матроса. Нильс не мог похвастаться силой, но был неоценимым помощником Тоно.

И дело было не только в том, что Нильс, как всякий парень, выросший в приморском поселке, многое знал о море и моряках. До сих пор ему лишь один или два раза повезло наняться матросом на корабль, но он с легкостью учился и жадно расспрашивал моряков об их работе. Когда-нибудь, мечтал Нильс, он поступит на хорошее судно, а потом, со временем, если будет угодно Господу, и сам станет судовладельцем и капитаном. Случалось, товарищи по команде не знали чего-то или не хотели объяснять мальчишке, тогда Нильс, вернувшись на берег, подходил с расспросами к тем, кто работал в порту. Нильс был приветливым и общительным парнем, он легко завоевывал расположение людей и получал от них ответы на занимающие его вопросы. Во время плавания на «Хернинге» он присматривался к работе матросов и капитана внимательнее, чем когда-либо, стараясь покрепче запомнить все, что видел.

И потому Нильс, сам того не заметив — дел было по горло, времени на размышления и оценки просто не оставалось, — стал капитаном «Хернинга». Если и проносились в его мозгу какие-то мысли перед сном, вернее, недолгим забытьем, в которое он проваливался, едва добравшись до койки, то мысли эти были об Эяне. Она смотрела на Нильса с улыбкой, порой рассеянно целовала в щеку или трепала по волосам, если работа спорилась, и тогда душа паренька от счастья взмывала ввысь, словно чайка в безоблачном небе. Но в остальном Эяна не обращала на Нильса никакого внимания. Конечно, ни у нее, ни у самого Нильса не было ни минуты свободного времени, но главная причина заключалась в другом: дети морского царя словно лишились сердца, после того как люди убили их младшего брата.

Нильс решил вести корабль на север. Близ берегов Исландии, рассчитал он, «Хернинг» будет подхвачен

попутным течением, если же и ветер будет попутный, то когг стрелой полетит прямо к цели. И в самом деле, его расчет оправдался. Вскоре «Хернинг» быстро побежал по волнам, как раз туда, куда было нужно. От радости Нильс позабыл про всякую усталость.

И тут налетел шторм.

* * *

Небо грозно нахмурилось и почернело. Спустя минуту стало совсем темно. Ингеборг прекрасно знала, что сейчас день, — но только не здесь был светлый день, а может быть, на Небесах, где восседает на престоле и вершит суд над грешными людьми Всемогущий Господь. Видимость была не больше, чем на расстояние от носа до кормы «Хернинга».

На палубе Ингеборг нечего было делать, в трюме тоже: огонь в очаге давно погас, питались они солониной, вяленой треской, сыром и подмокшими заплесневелыми сухарями. Духота и вонь в трюме показались Ингеборг невыносимыми — она поднялась наверх. Над палубой носился ветер, хлестал град. Ингеборг поспешила укрыться в закутке под кормовой надстройкой. Румпель был закреплен, рядом прямо на голых досках палубы спал свалившийся от усталости Нильс.

Увидев, что погода резко переменилась, он поставил когг на якорь, поскольку иначе шторм мог бросить корабль на рифы, посадить на мель или пригнать к островам близ северного побережья Шотландии... Только бы не накатил один из тех громадных валов, что разбивают в щепки суденышки вроде «Хернинга». Благодаря выдумке Нильса корабль мог качаться на волнах, сильно крениться, но все же держаться на поверхности. Нильс про себя молил Бога, чтобы нескончаемые удары волн стихли, прежде чем корабль пойдет ко дну. О передышке, однако, не пришлось и мечтать. Все это время и Нильс и все остальные часами стояли у помп, откачивая воду, снова и снова нужно было среди воя ветра и грохота волн поспешно чинить поврежденный такелаж и делать все возможное, чтобы хоть как-то противостоять свирепым ударам волн.

Время мчалось, не ведая счета, как в кошмарном сне.

Чтобы устоять на ногах, Ингеборг ухватилась за румпель. Ветер ударил в лицо, толкнул ее назад, облепил ноги мокрым платьем, и тут же на Ингеборг налетела огромная волна, отбросившая ее назад под навес, который каждую минуту содрогался от ударов волн. Ингеборг оглохла от грохота валов, то и дело обрушивавшихся на палубу, и дрожала от холода.

Шаг за шагом пробираясь вперед, она увидела, как раскачивалась в черной мгле мачта. Рей был опущен и накрепко прикреплен к палубе, но кто мог сказать, как долго еще выдержат жестокую борьбу канаты и мачта? Огромные как горы темно-серые валы с лохматыми белыми гривами вздымались над бортом и с грохотом низвергались на палубу, где разлетались тучами брызг, корпус судна стонал и дрожал под ударами. Страшные черные громады темнели и за левым и за правым бортами. «Хернинг» уже не успевал уворачиваться — не позволял якорь; грохочущие водопады все чаще обрушивались на палубу. В корпусе открылась течь.

Сквозь брызги и град Ингеборг удалось разглядеть впереди на носу Эяну и Тоно. Они казались двумя тенями в сумрачной мгле. По-видимому брат и сестра о чем-то разговаривали. Как это удается им в немыслимом шуме и грохоте? И вдруг Ингеборг в ужасе вскрикнула: Тоно смыло волной за борт.

«Да ведь он сын водяного, — облегченно вздохнула она в ту же минуту, — он не погибнет в море. Конечно, не погибнет, сколько раз он мне рассказывал, что в морских глубинах царит вечный покой... Пресвятая Дева, не дай ему погибнуть!»

Эяна направилась к корме. Она была совершенно голая, если не считать кожаного ремешка на волосах и пояса с подвешенным к нему кинжалом, но по-видимому, холода Эяна не чувствовала. Ее мокрые рыжие волосы были единственным пятном теплого оттенка среди холодных серых тонов. Качка ничуть не смущала Эяну, ее походка, как всегда, была уверенной и твердой, движения гибкими, как у пантеры.

— А, ты здесь, Ингеборг, — сказала Эяна, подойдя и наклонившись к девушке, чтобы та могла ее слышать. — Я видела, как ты выбралась на палубу. Что, решила подышать свежим воздухом? Да только погода не подходящая, верно? — Эяна приставила ладонь ко рту и повысила голос: — Посижу тут с тобой, хорошо? Сейчас моя вахта, но если случится что-нибудь неожиданное, я и отсюда увижу. Может, отсюда даже лучше смотреть, а то на носу проклятые волны так и лупят!

Ингеборг отпустила румпель, за который держалась, и, сложив рупором ладони, прокричала в ответ:

— Где Тоно? Куда уплыл Тоно?

На ясное лицо Эяны набежала тень.

— К дельфинам! Просить их, чтобы поискали кого-нибудь, кто придет к нам на помощь!

Ингеборг испугалась:

— Господи помилуй! Значит, совсем худо дело?

Эяна кивнула.

— Берег близко, — объяснила она. — Мы с Тоно плавали тут вокруг и заметили, что море мелеет. Мы почувствовали, что оно бьется о берег где-то недалеко. И уловили эхо прибоя. Нет никаких признаков, что шторм скоро утихнет.

Ингеборг заглянула в серые глаза Эяны.

— В конце концов, если корабль пойдет ко дну, Тоно не погибнет. — Девушка не заметила, что произнесла эти слова вслух.

Наверное, Эяна о чем-то догадалась.

— Ах ты, бедняжка! — воскликнула она. — Как же тебе помочь? — Эяна обняла Ингеборг, стараясь заслонить собой от резкого ветра. Ингеборг почувствовала себя словно в материнских объятиях и крепче прижалась к теплой груди.

Говорить сразу стало проще.

— Не бойся, подруга моя, — сказала Эяна. — Если возникнет угроза кораблекрушения, мы с Тоно возьмем тебя и Нильса на спины и отплывем с вами подальше от корабля, чтобы вас не затянуло в водоворот. А потом доставим на берег, где вы будете вне

опасности. Ну а потом... потом пускай вам помогают люди.

— Но если корабль потонет, пропадет наше золото.

Тут Ингеборг почувствовала, что Эяна крепче обхватила ее за плечи.

— Еще раз нанять корабль он ведь не сможет... Все, ради чего он отправился в такое опасное дальнее плавание, ради чего рисковал жизнью, все это теперь погибнет? И он ведь может погибнуть! Эяна, умоляю тебя, ни ты, ни он не должны из-за нас с Нильсом подвергать свою жизнь опасности!

Дочь Агнеты прижала к себе плачущую Ингеборг и, что-то тихо напевая, баюкала ее, пока та не уснула.

* * *

Вернувшись на корабль, Тоно сказал, что дельфины по его просьбе поплыли на разведку. Оказывается, они от кого-то слышали, что где-то неподалеку обитает некое существо, которое, может быть, придет на помощь, если, конечно, удастся его разыскать. Ничего более определенного Тоно не сумел узнать, потому что он и дельфины с трудом понимали друг друга, объясняясь на разных языках. Точно так же не было никакой уверенности, что дельфины договорятся на своем языке с тем, кого они отправились разыскивать. Да и захочет ли этот неизвестный вообще кому-то помогать?

Но не успел Тоно хорошенько обдумать все это, как оборвался один из штагов, державших мачту. Конец пролетел в каком-то дюйме от лица Эяны. Тоно бросился к штагу, словно на взбесившуюся гадину, он хотел прикрепить его к мачте, и тут увидел, что мачта надломилась. Эяна сказала брату, чтобы он оставил свою безумную затею: натягивать штаги при такой сильной качке опасно, Тоно может получить удар, который убьет его насмерть или, что еще хуже, изувечит. Пусть уж все остается как есть, потом они что-нибудь придумают.

Настала ночь — короткая белая ночь северного лета. Но сейчас вокруг был непроглядный мрак. Ночи, казалось, не будет конца.

Время тянулось бесконечно. Наконец на востоке забрезжил серый рассвет. Волны с неиссякающей яростью швыряли корабль; в какой-то момент свирепый вал едва не обрушил на его палубу корпус потерпевшей крушение лодки. Море бесновалось еще неистовей, чем ночью, пенилось, бурлило, бушевало, кипящие водовороты кружились над отмелями, где затаились, подстерегая добычу, коварные подводные рифы. Корабль снова и снова стремительно летел вниз с вершины волны, словно человек, получивший удар кузнечным молотом в висок.

Тоно и Эяна всю ночь стояли на носовой надстройке и неотрывно вглядывались в море, надеясь заранее заметить опасные мели и рифы. Они стояли обняв друг друга за плечи, чтобы хоть немного согреться и защититься от ветра; в борьбе со штормом даже невероятная выносливость детей Ванимена начинала иссякать. Чувствуя это, Тоно сказал, что не знает, хватит ли у него сил доплыть среди штормовых волн до берега, если придется нести на спине человека и нельзя будет, следовательно, ни нырять, ни тем более спуститься на дно, в спокойные воды.

— Скорей всего, до берега мы с ними не доплывем, — ответила Эяна, стараясь перекричать свист ветра и грохот волн. — Если придется плыть, понесешь на себе Ингеборг, а я Нильса.

Тоно удивился:

— Почему не наоборот? Нильс тяжелее!

— В воде это не играет роли, ты же знаешь. Если их ждет смерть, Ингеборг в последнюю минуту захочет быть с тобой, а Нильс со мной.

Тоно ничего не ответил, и оба они сразу же забыли об этом разговоре.

Потому что в море вдруг показалась какая-то тень, — какое-то живое существо ныряло в волнах и приближалось к «Хернингу». Как только корабль накренился в его сторону, оно уцепилось за борт и тяжело повисло на поручнях. Это был большой серый тюлень. Брат и сестра удивленно смотрели на него, не понимая, чего ради животное забралось на корабль, который того и гляди пойдет ко дну. Впоследствии

они вспомнили, что от тюленя шел какой-то странный не тюлений запах, но в то время чутье их притупилось от страшной усталости, и они не придали значения тому, что от тюленя пахло чужаком.

Но тут кот снова сильно накренился, на палубу обрушилась волна, и тюлень, как с горки, скатился с нее на палубу. «Хернинг» качало, сквозь обшивку корпуса сочилась вода. Тюлень вдруг поднялся на задние лапы... и обернулся человеком.

Немного сутулясь, он подошел почти вплотную к Тоно и Эяне, которые в изумлении смотрели на необычного гостя во все глаза. Это был настоящий великан, на голову выше Тоно, могучий широкоплечий увалень. У него были прямые и гладкие серебристо-седые волосы, такая же борода и шерсть, которая густо покрывала все его кряжистое тело с белой кожей. От него пахло рыбой. Лицо оборотня можно было бы счесть безобразным — кустистые брови, приплюснутый нос, широкий рот и тяжелый грубый подбородок — если бы не глаза. Его глаза с густыми длинными ресницами были так прекрасны, что им позавидовала бы любая красавица: огромные, светло-карие, с большими зрачками, они сияли и светились волшебным светом.

В первую секунду Тоно схватился за нож. Но тут же решительно шагнул вперед и протянул незнакомцу руку.

— Добро пожаловать, если ты — друг, — сказал он на языке лири.

Пришелец заговорил. Голос у него был басовитый и лающий. Он ответил на языке людей:

— Дельфины сказали, плыть к вам. Сказали, тут есть женщина. Ты не мужчина, ты не женщина, вы не люди, чую по запаху. Но вы не просто водяные, вижу. Кто вы? — Говорил он на ломаном языке, который был похожим на датский. Плохо ли, хорошо ли, но понять его было можно. Когда-то во времена викингов, норманны заселили острова у побережья Шотландии, большинство этих островов осталось под их властью, и местные жители, потомки викингов, сохранили язык предков — западное наречие норвеж-

ского, несмотря на то что жили бок о бок с шотландцами, которые говорят на гэльском языке.

— Наш корабль терпит бедствие, — сказала Эяна. — Ты можешь нам помочь?

Голос незнакомца без малейшего усилия перекрывал шум бури:

— Да, если захочу. Должен получить подарок, награду. Кто здесь еще есть?

Тоно открыл люк и громко позвал Нильса и Ингеборг, которые дремали в трюме. Испуганные и встревоженные, они быстро поднялись на палубу и, дрожа от холода, беспокойно огляделись по сторонам. При виде неизвестно откуда появившегося великана они замерли, затаив дыхание, и от страха невольно схватились за руки.

Взгляд оборотня небрежно скользнул по лицу Нильса и остановился на Ингеборг. Медленными тяжелыми шагами он подошел к женщине. Нильс и Ингеборг едва держались на ногах из-за качки. Ингеборг побледнела, юноша весь сжался, когда волосатые пальцы с длинными загнутыми как у хищного зверя когтями погладили Ингеборг по щеке. Обортень ее желал.

Но он не был груб, скорей, напротив: когтистые пальцы коснулись щеки женщины мягко и нежно, оборотень не отрываясь глядел на Ингеборг, и вдруг губы его задрожали. Он отвернулся и сказал, обращаясь к Тоно:

— Ладно. Помогу. Ради нее. Благодарите эту госпожу. Я не брошу ее в беде.

* * *

Хоо — так представился великан — рассказал им о себе. Он жил на острове Сул-Скерри, что лежит к западу от Оркнейских островов. Из его рода почти никого не осталось на свете, может быть, и вовсе никого, кроме самого Хоо, — на этот счет у него не было точных сведений. Скорей всего, его род и правда угас, потому что в племени Ванимена никто никогда не слыхал о существах, подобных Хоо.

Уже в глубокой древности люди возненавидели тю-

леней-оборотней и принялись истреблять предков Хоо. Сам он считал, что ненависть людей, очевидно, была вызвана тем, что его соплеменники, как и настоящие тюлени, их близкие родичи, воровали рыбу из рыбачьих сетей, расставленных людьми, причем воровали очень ловко и умело, ведь в отличие от тюленей они обладали человеческой хитростью и смекалкой. Впрочем, это были лишь догадки Хоо, достоверно он ничего не знал, потому что потерял всех близких, когда был еще несмышленым сосунком. У него сохранились лишь обрывочные и неясные воспоминания о матери и песнях, которые она ему пела. Однажды за ними погнались люди, приплывшие на остров на лодках, они загнали мать на скалы и убили, а Хоо добежал до воды и спасся в море. Эти люди, кажется, поминали какого-то Одина, а, может быть, и не Одина — Хоо забыл, все это было очень, очень давно.

Рассказ его был бессвязным и путаным, как рассказы большинства путешественников, многое повидавших в дальних странствиях. Но рассказал Хоо свою историю позднее, тогда же было не до разговоров, нужно было спасать корабль. Прежде всего следовало остановить «Хернинг», который несло в сторону недалекого берега. Необходимо было натянуть штаги, укрепить треснувшую мачту, которая могла упасть с минуты на минуту.

Хоо обладал поразительной физической силой. Тоно и Нильс работали, стоя на его могучих плечах. Усталые и измученные, без его помощи они наверняка не смогли бы поднять тяжелый рей с намокшими канатами, не сумели бы и достаточно туго натянуть шкоты. Если бы не Хоо, они вчетвером не откачали бы и воду из трюма.

Но еще больше, чем невиданная сила, поражало в Хоо то, что он великолепно знал морское дело. Он научил их командам, показал некоторые приемы управления кораблем. Он встал к румпелю, когда они увидели, что корабль несется прямо на скалы. И тогда истерзанный штормом неповоротливый когг вдруг ожил и покорился новому капитану. Хоо умело обходил одну опасную западню за другой. Корабль не

только не пошел ко дну, но даже наверстал упущенное во время шторма расстояние.

И шторм, словно поняв, что корабль ему не достанется, умчался прочь.

III

— Ну вот, теперь можно плыть дальше, — сказал Хоо густым лающим басом. — Но сперва будем латать, чинить дыры. Не то старое корыто затонет на половине пути.

В трюме нашлась необходимая для починки пакля. По-настоящему, следовало бы кренговать судно, но команда была слишком малочисленной, да и подойти к берегу они не решались. Тоно, Эяна и Хоо работали под водой, заделывали пробоины, которые находились ниже ватерлинии. Конечно, полагалось бы хорошенько просмолить все щели с наружной стороны, но это было невозможно. Ингеборг развела огонь в очаге, и теперь Нильса, который заделывал пробоины выше ватерлинии, в любое время ждал котелок с горячей похлебкой. Спустя несколько дней напряженной работы все пробоины были заделаны. Время от времени все-таки приходилось откачивать воду из трюма, повреждения были слишком значительными, но Хоо сказал, что теперь «Хернинг» выдержит плавание к берегам Дании.

Наконец-то команда Хоо могла вволю выспаться. Наутро, когда все вышли на палубу, Хоо созвал совет. Занимался безветренный погожий день, море было гладким как зеркало. В синем небе белели крылья чаек и такие же ослепительно-белые мелкие облака. Воздух понемногу согревался. Справа по борту у горизонта виднелась полоска суши — это была Ирландия.

Эяна и Тоно растянулись на теплых досках палубы. Ингеборг, присоединившаяся к ним, тоже была голая — свою одежду она выстирала и разложила на палубе сушиться. Штаны и куртка Нильса также требовали стирки, но он обхватил себя руками, словно боялся расстаться с грязным тряпьем, и не сел на

палубе, а остановился в некотором отдалении от остальных.

Огромный и неуклюжий великан Хоо устроился напротив четверых. Его могучие плечи высились среди светлого неба, точно гора. Немного помолчав, Хоо заговорил зычным лающим басом:

— Я думаю: мы быстро идем вокруг Шотландии, потом быстро идем в Северное море. Корабль придется чинить все время, через каждую милю пути. Лучше всего идти в Ирландское море, потом через Английский канал и дальше мимо Фризских островов к берегам Дании. Путь долгий, но море спокойное. Вдоль берегов идти нельзя, мы не знаем, какие люди там, на берегах живут, вдруг плохие?

— Ты сумеешь вести корабль? — спросил Тоно. — В судоходстве никто из нас ничего не смыслит.

— Сумею, сумею, — ответил Хоо. — Есть одна опасность. Надо назначить вахтенного, впередсмотрящего. У английского короля есть моряки, которые хуже пиратов.

Эяна подняла голову и внимательно поглядела на оборотня.

— Ты спас нас от кораблекрушения, ты готов отвести наш корабль в гавань. Какую награду ты за это потребуешь?

Хоо ответил не сразу. Казалось, некоторое время он боролся с собой, потом, набрав полную грудь воздуха, проревел:

— Ингеборг!

— Что? — Ингеборг задрожала от ужаса, сжалась в комок, обхватив руками колени, перекрестилась. Оборотень шагнул к ней, видно было, что и он дрожит.

— Если пойдешь со мной, поведу корабль, — волнуясь сказал Хоо. — Иначе — нет. Пойдем. Не обижу тебя, обещаю. Я так давно один...

Ингеборг испуганно поглядела на Тоно. Лицо его потемнело.

— Мы слишком многим обязаны тебе, Ингеборг, — сказал он. — Никто тебя не принуждает.

Наступило молчание. Ингеборг смотрела на Тоно. Хоо вздохнул, плечи его поникли.

— Конечно, я урод, — пробормотал он. — Я остался бы с вами, но теперь, когда увидел Ингеборг... не могу. Прощайте. Доберетесь домой и без меня. Прощайте. — Он подошел к релингам.

Ингеборг бросилась за ним.

— Постой, не уходи!

Хоо остановился, разинув рот от удивления. Ингеборг обеими руками взяла его огромную лапищу.

— Прости, — голос Ингеборг дрожал, в глазах блестели слезы. — Понимаешь, это было так неожиданно... Конечно, Хоо...

Он громко захохотал и как перышко подхватил Ингеборг медвежьими ручищами. Она вскрикнула от боли, и Хоо сразу же ее отпустил.

— Прости, я нечаянно, — жалобно попросил он. — Я буду бережно...

К ним подошел Нильс. Он был бледен как полотно.

— Не смей, Ингеборг, это грех! И ты, и я, мы совершили уже столько тяжелейших прегрешений. Не бери еще и этот грех на душу.

Теперь уже захохотала Ингеборг.

— Брось-ка, — сказала она сквозь смех. — Забыл, что ли, кто я такая? Не впервой, ничего нового тут для меня нет. А может, и есть...

Эяна подошла к Нильсу и, обхватив за плечи, что-то шепнула ему на ухо. Нильс удивленно поглядел на нее.

Тоно тоже встал и подошел ближе. Пристально глядя в глаза Хоо и положив руку на рукоять кинжала, он сказал:

— Ты непременно будешь обращаться с ней бережно.

* * *

Ночи становились все более долгими и темными, лето близилось к концу, но эта ночь выдалась ясной, звезд на небе было не счесть, и при из мерцании дети Ванимена видели все вокруг так же хорошо, как при свете дня. Кэт бежал по волнам, подгоняемый попутным ветром. Шелестели волны, бившие в корпус, шу-

мела вода, разрезаемая носом корабля, поскрипывали блоки, подрагивали, чуть слышно звеня, канаты и тросы, — тихие звуки, терявшиеся в плеске моря. Как вдруг из-под навеса носовой надстройки раздался рев и хохот Хоо.

Хоо и Ингеборг вышли и остановились у релинга, глядя на море. Тоно в это время был у руля, Эяна сидела в вороньем гнезде, но двое на палубе их не замечали.

— Я благодарен тебе, девушка, — глухо сказал Хоо.

— Ты уже поблагодарил, там, — она кивнула в ту сторону, откуда они пришли.

— Разве нельзя поблагодарить не один раз?

— Незачем. Сделка есть сделка.

Хоо глядел не на Ингеборг, а в море, крепко сжав руками релинг.

— Значит, я тебе совсем не нравлюсь?

— Я не хотела тебя обидеть.

Дюйм за дюймом Ингеборг придвигала к нему свою руку, пока наконец не положила ладонь на его пальцы, обхватившие поручень.

— Ты наш спаситель. И знаешь, ты обошелся со мной гораздо лучше, чем многие люди, правда. Но мы с тобой разной породы. Я ведь смертная, женщина. Какая же близость может быть между нами?

— Я видел, как ты смотришь на Тоно и...

Ингеборг поспешила его перебить:

— Почему бы вам не поладить с Эяной? Она такая красавица, не то что я. Я самая обыкновенная женщина. Эяна ведь, как и ты, из Волшебного мира. По-моему, ты ей нравишься. Только не подумай, Хоо, будто я о чем-то жалею.

— От меня противно пахнет, но к запаху можно привыкнуть, — с обидой сказал Хоо.

— Но почему именно я?

Хоо долго молчал, потом повернулся к Ингеборг.

— Потому что ты не морская фея, а настоящая женщина.

Она подняла голову и поглядела ему в глаза. Лицо ее посветлело.

— Но мой народ истребил твоих собратьев, — покаянно, как на исповеди, сказала она.

— Это было давно, много лет, даже столетий назад. Теперь люди уже ничего не помнят о тех временах, и я не держу зла на людей. Я мирно и тихо живу около Сул-Скерри. Ветер, волны и чайки, — вот мои друзья, больше у меня никого нет. Да еще ракушки и медузы — мои соседи. Мой покой нарушают лишь бури и акулы. Так проходит за годом год. Я доволен, но порой тоскливо бывает от одиночества. Ты меня понимаешь?

— Голые скалы, кругом только море да небо, просто небо, не святые Небеса... Ах, Господи! — Ингеборг прижалась щекой к груди Хоо, и он с неловкой нежностью погладил ее по волосам. Сердце Ингеборг билось тяжелыми редкими ударами. Спустя несколько минут она спросила: — Но почему же ты не попытался кого-нибудь поискать, чтобы не быть одному?

— Я искал. Когда-то в юности. Далеко от Сул-Скерри. Много удивительных вещей я тогда узнал... Но кого бы я ни встретил, никому я не был нужен. Они видели только, что я урод, видели лишь то, что снаружи, а в глубину никогда не заглядывали, не видели, что там, под внешней оболочкой.

Ингеборг подняла голову.

— Нет, не может быть, чтобы все в Волшебном мире были такими. Тоно, я хочу сказать, Тоно и Эяна...

— Верно, они, пожалуй, не такие. Они желают добра своей маленькой сестре. И все-таки люди — они лучше. Как бы это объяснить... В людях есть какое-то тепло и еще... вот то, как ты меня любила. Наверное, это оттого, что вы, люди, знаете, что вы смертны и однажды умрете. Наверное поэтому вы лучше понимаете, что внешность обманчива. Или это в вас искра вечности? Душа? Не знаю, не знаю... Но в иных людях, особенно в женщинах, я это чувствовал. Это как огонь среди темной ночи. И в тебе, Ингеборг, он есть, этот огонь. Он сильный и яркий, и он меня согрел. В твоей жизни столько несчастий, а ты счита-

ешь себя счастливой, потому-то и умеешь так сильно любить.

Ингеборг изумилась:

— Я? Продажная девка? Нет, ты, видно, ошибаешься. Да что ты знаешь о людях?

— Знаю больше, чем ты думаешь, — серьезно ответил Хоо. — Когда-то очень давно я пришел к людям, и люди меня не прогнали, несмотря на то что лицом я не вышел и пахнет от меня скверно. Я ведь очень сильный и от работы не бегал, я умею упорно трудиться, иначе разве научился бы я языку людей и всем ухваткам моряков? Я подружился со многими людьми, некоторые женщины не отворачивались от меня, а иные — поверишь ли? — иные, правда, их было совсем немного, меня любили.

— Понимаю, почему любили, — вздохнула Ингеборг.

Хоо поморщился, как от внезапной боли.

— Любили, но замуж пойти не соглашались. Разве можно такому чудовищу предстать пред алтарем в церкви? Да и кончилось все это скоро. Дольше я прожил среди мужчин, когда плавал на кораблях. А потом я и от моряков ушел, потому что мои друзья старели, а я нет. Несколько десятков лет я прожил один в шхерах, пока снова не набрался храбрости и не приплыл опять к людям. На этот раз я недолго с ними оставался, потому что ни одна женщина больше не захотела меня поцеловать.

— Хоо, только не подумай, что я хотела тебя обидеть! — Ингеборг приподнялась на носки и поцеловала его.

— Никогда я этого не забуду, моя милая. Я буду мечтать о тебе, и ветер будет петь мне о тебе песни. В звездные тихие ночи я всякий раз буду вспоминать нынешнюю ночь, до конца моих дней.

— Но ты будешь совсем один...

— Это даже к лучшему. — Хоо хотел успокоить Ингеборг. — Я ведь умру из-за женщины.

Ингеборг на шаг отступила.

— Что ты сказал?

— Да ничего, ничего, — он поднял голову, — погляди, как ярко светит Большая Медведица.

— Говори, Хоо, — Ингеборг поежилась, как будто замерзла, хотя и была одета. — Прошу тебя, говори.

Хоо кусал губы и молчал.

— Знаешь, за последнее время, в этом плавании, я повидала уже столько всяких чудес, столько узнала волшебных тайн, что и подумать страшно. И если теперь мне придется...

Хоо вздохнул и покачал головой:

— Нет, нет, Ингеборг. Этого не случится, не бойся. Большую часть жизни я провел в размышлениях о глубочайших тайнах Творения и приобрел благодаря этому способность провидеть будущее. Я знаю, что меня ждет.

— Что?

— Настанет день, когда смертная женщина родит мне сына. Люди захотят сжечь его заживо, потому что будут думать, что мой сын — отродье дьявола. Тогда я заберу сына, и мы с ним уплывем. Женщина выйдет замуж за смертного, и ее муж, человек, убьет меня и сына.

— Нет!

Хоо скретил на груди руки.

— Я не чувствую страха. Только сына жаль. Но к тому времени, когда все это случится, Волшебный мир будет уже лишь слабым мерцающим огоньком и вскоре навсегда погаснет. Поэтому я убежден, что моему сыну выпал еще далеко не худший удел. Что до меня, то я стану морской водой.

Ингеборг тихо заплакала.

— У меня не может быть детей, — прошептала она.

Хоо кивнул:

— Я сразу понял, что ты — не та, от кого я погибну. Твоя судьба...

Он вдруг умолк и некоторое время стоял молча, часто и тяжело дыша.

— Ты ведь устала, — сказал он затем. — Сколько тебе пришлось вытерпеть. Давай, я отнесу тебя и уложу спать.

* * *

Пробили склянки, вахтенным пора было сменяться. До рассвета оставалось уже недолго, но ночная тьма все еще не поредела. На общем совете Тоно и Эяна предложили, что они будут нести вахты в более опасное темное время суток, тогда же назначили и порядок вахт.

Тоно сменил сестру. Эяна проворно спустилась из вороньего гнезда, нырнула в люк и пробралась в трюм, где были спальные места. Из люка, который остался открытым, падал слабый свет, невидимый для людей, но достаточно яркий для глаз Эяны; если бы люк был закрыт, она нашла бы дорогу впотьмах на ощупь, чутьем и с помощью чувства пространства и направления, которым обладали все в племени ее отца. Нильс и Ингеборг крепко спали, лежа бок о бок на соломенных тюфяках. Нильс лежал на спине, Ингеборг, как дитя, свернулась клубком и закрыла лицо рукой. Эяна присела рядом с юношей и погладила его по волосам.

— Проснись, соня! Настало наше время.

Нильс встрепенулся и открыл глаза. Прежде чем он успел вымолвить слово, Эяна его поцеловала.

— Тише, — прошептала она. — Не мешай спать бедной женщине. Иди за мной.

Она взяла Нильса за руку и повела в темноте к трапу.

Они поднялись на палубу. На западе мерцали звезды, на востоке плыл в небе двурогий месяц, облака вокруг него серебрились. Море блестело еще ярче, чем луна, чей холодный белый свет обливал плечи Эяны. Посвежевший ветер пел в снастях, туго надувал паруса. «Хернинг», мерно покачиваясь, бежал по волнам вперед.

— Эяна, ты слишком красива, я боюсь ослепнуть от твоей красоты! — воскликнул Нильс.

— Тише, тише! — Эяна быстро оглянулась. — Сюда, на нос.

И легко, как бы танцуя, побежала вперед.

В закутке под носовой надстройкой был непроглядный мрак. Эяна налетела на Нильса, точно шторм,

осыпала поцелуями и ласками. Нильс пылал, как в огне, в висках у него стучала кровь.

— Долой дурацкие тряпки! — Эяна нетерпеливо принялась расстегивать на нем одежду.

Потом они лежали отдыхая. Над морем уже занималась заря, и в сером утреннем свете Нильс мог любоваться своей подругой.

— Я люблю тебя, — сказал он, зарывшись лицом в ее душистые волосы. — Всей душой люблю.

— Молчи! Не забывай, что ты человек, — отрезала дочь Ванимена. — Ты мужчина, хоть и молод. И ты христианин.

— Да я об этом и думать забыл!

— Придется вспомнить.

Эяна приподнялась на локте и поглядела ему в глаза, потом медленно и мягко отняла руку от его груди.

— У тебя бессмертная душа, ты должен ее беречь. Судьба свела нас на этом корабле, но я совсем не хочу, чтобы ты, дорогой мой друг, погубил из-за меня свою душу.

Нильс вздрогнул как от удара и схватил Эяну за плечи.

— Я не могу расстаться с тобой. И никогда не смогу. А ты? Ведь ты не покинешь меня, не бросишь? Скажи, что не бросишь!

Она целовала и ласкала Нильса, пока он не успокоился.

— Не будем думать о завтрашнем дне, Нильс. Ничего изменить все равно нельзя, только испортим сегодняшний день, который принадлежит нам. Все, чтоб больше никаких разговоров о любви. — Эяна тихо засмеялась. — Чистое честное удовольствие и больше ничего. А знаешь ли, ты — отличный любовник!

— Я... я хочу, чтобы тебе было со мной хорошо.

— А я хочу, чтобы тебе было хорошо. У нас еще столько всего впереди, будем разговаривать, петь песни, смотреть на море и на небо... Как добрые друзья. — Она снова засмеялась глуховатым воркующим смехом. — А сейчас у нас есть занятие получше, чем

песни да беседы. О, да ты уже отдохнул! Нет, это просто чудо!

Тоно сидел в вороньем гнезде и слышал их возню и шепот. Он стиснул зубы и сжал кулак, потом крепко ударил кулаком по ладони, еще и еще раз.

* * *

Ветер почти все время был попутным. «Хернинг» мчался на юг как на крыльях. Они очень удачно прошли сравнительно узкий Северный пролив, разделяющий Англию и Северную Ирландию. Как только когг подошел ко входу в пролив, Хоо оделся в человеческую одежду и, стоя на носовой надстройке, перекликался со встречными судами. Они с Нильсом предварительно обсудили плавание через пролив и решили, что отвечать встречным лучше всего на английском языке. Все обошлось благополучно, поскольку на встречных судах еще издали видели, что «Хернинг» — не военный и не пиратский корабль. Лишь однажды им пришлось встать на якорь и дожидаться в темноте, пока мимо не прошел корабль под флагом Английского королевства. Еще днем Хоо обернулся тюленем и, подплыв к этому кораблю, хорошо его разглядел. Капитан английского корабля мог задержать «Хернинг», если бы заподозрил, что на его борту находятся контрабандисты или шпионы.

Однажды на закате дня, когда уже настали сумерки, Тоно, плававший в море, поднялся на борт «Хернинга» по спущенному в воду веревочному трапу и бросил на палубу великолепного крупного лосося.

— Ого! Дашь кусочек? — пророкотал глухой бас Хоо из темного закута под кормовой надстройкой.

Тоно кивнул в ответ и потащил рыбину на корму. Здесь горел фонарь, который зажгли для освещения компаса — магнитной стрелки, укрепленной на куске пробки, который плавал в сосуде с водой. В призрачном бледном свете великан Хоо меньше, чем днем, походил на человека. Он вонзил зубы в сырую рыбину и стал жадно есть, заглатывая большие куски. Тоно и Эяна, как и он, не понимали, зачем нужно варить или жарить рыбу, когда можно есть ее сырой. Инге-

борг возилась в камбузе только для Нильса и себя. Однако сейчас даже Тоно почувствовал отвращение и не сразу смог его подавить. От Хоо это не укрылось.

— В чем дело?

Тоно пожал плечами:

— Ни в чем.

— Э, нет. Ты что-то имеешь против меня. Выкладывай все начистоту. Нам нельзя таить злобу друг на друга.

— Какая еще злоба, что ты выдумал? — Голос Тоно звучал, однако же, раздраженно. — Если ты так уж хочешь, пожалуйста, скажу: у нас в Лири было принято более прилично вести себя за едой.

Хоо с минуту глядел на Тоно, прежде чем ответил, тщательно взвешивая каждое слово:

— Ты будешь мучиться, пока не избавишься от какой-то занозы, которая засела у тебя в мозгу. Выкладывай, парень, что с тобой происходит?

— Да ничего, говорят тебе, ничего! — Тоно повернулся, чтобы уйти.

— Погоди, — окликнул оборотень. — Может, надо найти и тебе пару? Мы-то с Нильсом нашли... По-моему, Ингеборг тебе не откажет. Будь уверен, меня ты этим ничуть не обидишь.

— Ты что, вообразил, что она... — Тоно вдруг осекся и теперь уже решительно пошел прочь.

Сумерки сгущались. Какая-то тень соскользнула вниз по мачте и с глухим стуком прыгнула на палубу. Тоно подошел ближе. Нильс — это был он — не сразу его увидел, тогда как Тоно, видевший в темноте не хуже, чем днем, с первого взгляда заметил, что юноша смущен.

— Что ты там делал?

— Я... Я... Видишь ли, Эяна сейчас там, в гнезде... — Голос плохо слушался Нильса. — Мы с ней разговаривали, но потом она сказала, чтобы я уходил, ведь я все равно в темноте ничего не вижу и толку от меня нет...

Тоно кивнул.

— Ну да, понимаю. Ты пользуешься любым предлогом, чтобы побыть с нею вдвоем.

Он отвернулся и пошел прочь от Нильса, но тот схватил его за руку.

— Господин... Тоно... Выслушай меня, пожалуйста, прошу тебя!

Принц лири остановился. Несколько секунд прошло в молчании.

— Говори.

— Ты стал далеким, холодным. И со мной, и со всеми, как мне кажется, но со мной особенно. За что? Разве я чем-то тебя обидел? Тоно, поверь, больше всего на свете я не хотел бы нанести тебе обиду.

— С какой стати ты возомнил, что можешь нанести мне обиду, ты, человек, житель суши?

— Твоя сестра и я, мы...

— Ха! Она свободна. Я не настолько глуп, чтобы ее осуждать.

Между Тоно и Нильсом, разделяя их, лежала полоса лунного света. Нильс шагнул вперед, и теперь луна ярко осветила его лицо.

— Я ее люблю, — сказал юноша.

— Вот как? По-моему, ты что-то путаешь. У нас ведь нет души. Ни у нее, ни у меня. Забыл?

— Не может этого быть! Она такая чудесная, такая чудесная... Я хочу на ней жениться. Она станет моей женой, если не перед людьми, то перед Господом. Я буду ее беречь, заботиться о ней до самой моей смерти. Тоно, я буду твоей сестре хорошим мужем. Обещаю тебе должным образом обеспечить и ее, и наших детей, когда они появятся. Я уже все обдумал, я знаю, как поместить мою долю золота в выгодное дело. Ты поговоришь с нею, Тоно? Мне она и слова сказать не дает, как только начну говорить о женитьбе, так сразу велит перестать. Но тебя она послушается. Поговори, Тоно, ради меня, а может быть, ради нее самой. Ее ведь можно спасти...

Лепет Нильса вдруг оборвался — Тоно схватил его за плечи и с силой встряхнул, так что даже зубы стукнули.

— Уймись. Ни слова больше, не то я тебя изобью. Наслаждайся, пока она позволяет, этой ерундой. Ерунда и пустяки — вот что это для нее, ясно? В ее

жизни такое бывало десятки раз. Игра и не больше того. Будь доволен, что ей взбрело в голову с тобой позабавиться, и не смей докучать нам своим нытьем. Ты понял?

— Понял. Прости меня, извини...

Нильс заплакал и бессильно поник, опустившись на палубу.

Принц лири еще несколько минут стоял над ним, но взор его блуждал где-то вдалеке. Он стоял недвижно, лишь ветер трепал пряди его волос. Вдруг губы Тоно дрогнули, как будто он хотел что-то сказать. Но он промолчал. Наконец, решение было принято.

— Поднимайся в воронье гнездо, Нильс, и сиди там, пока я не разрешу тебе спуститься, — приказал Тоно.

Затем он быстро сбежал в трюм, не позаботившись о том, что при открытом люке на палубе слышно все, что происходит внизу. Тоно бросился к Ингеборг.

* * *

Со стороны Ирландии наползли дождевые облака. Мелкий дождь окрасил все в сизый цвет, шепот дождя был громче, чем плеск волн, которые дождь испещрил мелкой рябью. В холодном тумане казалось, что вокруг было не море, а бескрайние зеленые поля и луга.

Тоно и Эяна поплыли на разведку. Вскоре корабль скрылся в тумане, и брат с сестрой впервые за долгое время остались наедине. Они быстро обследовали участок пути, который кораблю предстояло пройти до вечера. Теперь можно было спокойно обо всем поговорить.

— Ты жестоко обошелся с Нильсом, — сказала Эяна.

Ее брат с силой ударил руками по воде, подняв тучу брызг.

— Ты слышала, о чем мы говорили?

— Конечно.

— И что же ты ему потом сказала?

— Сказала, что ты был в плохом настроении. Сказала, чтобы он не принимал все это слишком близко

к сердцу. Он очень расстроился. Будь с ним помягче, брат. Он готов поклоняться тебе, как божеству.

— Он безумно в тебя влюблен. Глупец, мальчишка!

— Ничего удивительного. Я у него первая, понимаешь, первая. — Эяна улыбнулась. — Но он уже всему у меня научился. Когда мы расстанемся, пусть не раз еще порадуется, там, в той жизни.

Тоно нахмурился.

— Надеюсь, он не будет грустить по тебе так сильно, что лишится рассудка. Нильс, Ингеборг... С кем-то еще из людей придется нам иметь дело ради спасения Ирии? Боюсь, нам с тобой вряд ли удастся обойтись без помощи датчан.

— Да, мы с Нильсом и об этом говорили. — Эяна как будто что-то вспомнила и смутилась. — В конце концов, он образумился и согласился, что надо быть очень осмотрительным, ведь ему, неопытному моряку, придется вести свой корабль среди неумолимых законов, которым подчинена его судьба. Знаешь, я не теряю надежды, — заговорила Эяна более серьезным тоном, — потому что он умен и глубоко чувствует, он не скользит по поверхности вещей, а добирается до глубинной их сути. — Она помолчала и тихо добавила: — Может быть, именно поэтому ему так мучительна мысль о том, что нам придется расстаться. Не беда, что он неопытен, с ним же будет Ингеборг, а она всегда сумеет придумать что-нибудь дельное, да и немало разных людей за свою жизнь узнала, уж это точно. — Эяна приободрилась и даже повеселела.

— У нее сильная натура, — бесстрастно заметил Тоно.

Эяна повернулась на бок, чтобы видеть лицо брата.

— А я думала, ты ею восхищаешься.

Тоно кивнул.

— Да, она мне нравится.

— А уж она-то... Я ведь все слышала, когда сидела в вороньем гнезде. Люк был открыт, и все было слышно. Как она обрадовалась, когда ты ее разбудил! — Эяна вздохнула и немного помолчала, прежде чем продолжить. — На другой день мы с ней поговорили наедине. Такой, знаешь ли, чисто женский разговор. Она все недоумевала, зачем это нужно — плыть не-

весть куда на поиски своего народа, когда на наше золото можно купить хороший земельный участок где-нибудь недалеко от Альса и жить себе припеваючи. Я сказала, что мы не останемся в Дании, и тут она странно так отвела глаза и стала смотреть куда-то мимо меня, в сторону. Но потом как ни в чем не бывало принялась болтать о том о сем. Да только я-то видела, как у нее руки трясутся... Верно, и в самом деле, опасно людям с нами водиться, не для них Волшебный мир.

— И нам не на пользу дружба с людьми, — сказал Тоно.

— Да. Бедная Ингеборг. Но ведь невозможно нам двоим жить в Дании, где нет никого больше из нашего рода. Если не разыщем отца, то надо будет поискать какой-нибудь родственный нам народ, просить у них приюта. Уж и достанется нам, ведь, может быть, полсвета обшарить придется.

— Вполне возможно.

Они поглядели друг на друга. Тоно побледнел, Эяна вспыхнула. Внезапно он нырнул и не показывался на поверхности более часа.

* * *

«Хернинг» обогнул Уэльс, затем Корнуэлл, вошел в Английский канал и взял курс на восток, к берегам Дании.

IV

Корабль Ванимена, медленно продвигаясь на север, преодолел уже более половины пути вдоль побережья Далмации, и тут его выследили работорговцы.

Поначалу никто, даже сам Ванимен, не заподозрил ничего плохого. Во время плавания от Геркулесовых столбов до Адриатики они часто встречали корабли и рыбачьи лодки, чему Ванимен не удивлялся: жители многолюдных городов Средиземноморья с древнейших времен занимались мореплаванием и хорошо изучили здешние воды. Из осторожности Ванимен вел свой

корабль вдали от берегов, поскольку в открытом море вероятность остаться незамеченными была больше. На всякий случай он приказал подданным по утрам одеваться и весь день до прихода темноты не снимать матросскую одежду, которую они нашли на корабле в достаточном количестве. Ванимен запретил им также плавать в море в дневные часы.

Их корабль, построенный северянами, совершенно не похож на средиземноморские суда, размышлял Ванимен, он может привлечь внимание, что было бы крайне нежелательно. А кто-нибудь, пожалуй, даже захочет оказать им помощь, ибо после шторма корабль был сильно поврежден, что сразу бросалось в глаза. Если приближалось какое-нибудь судно, Ванимен жестами или на латинском языке отвечал, что помощь не требуется, до их гавани, дескать, уже недалеко. Пока все сходило гладко, хотя для Ванимена оставалось неясным, то ли хитрость удавалась благодаря латинскому, близко родственному языкам, на которых говорили народы Средиземноморья, то ли потому, что капитаны, в сущности, равнодушно смотрели на странный потрепанный корабль с шайкой подозрительных личностей на борту. Детям и женщинам Ванимен намеренно велел не прятаться, а сидеть на палубе, чтобы на встречных судах видели, что перед ними не пиратский корабль. Пока что ни пиратов, ни военных кораблей они не встретили.

Если нападут пираты, они захватят покинутый корабль, все лири скроются в море. Но лишиться корабля было бы несчастьем. Разбитый, истерзанный, неповоротливый и медительный, с полным трюмом воды, которую приходилось непрерывно откачивать, корабль все же был их убежищем и домом в этом замкнутом тесном море, где все прибрежные земли поделили между собой христиане и приверженцы ислама, где из огромного множества обитателей Волшебного мира не уцелел ни один.

Днем и ночью Ванимен вел свой корабль все дальше и дальше вперед. В штиль, если поблизости не было кораблей, и после захода солнца его подданные тянули корабль на буксирах. И тогда он бежал быс-

трее, чем под парусом, никакая команда матросов людей не смогла бы заставить эту развалину двигаться с подобной скоростью. И все-таки прошло несколько недель, прежде чем они достигли спокойных вод Адриатики. Здесь не было волнения, которое могло затруднить охоту и ловлю рыбы, и все на корабле взбодрились, повеселели, всем не терпелось скорей достичь цели.

Но именно теперь они продвигались вперед очень медленно и осторожно, потому что корабль шел совсем близко от восточного берега Адриатики: нужно было держаться на таком расстоянии, чтобы пловцы могли в течение короткого времени доплыть до суши и разведать местность; подобным образом действуют военные морские патрули, когда высылают разведчиков на берег. Дело шло медленно, однако настроение у всех заметно улучшилось, и снова зазвучали над морем песни лири. Берега радовали глаз зеленью равнин и лесистых горных склонов, море изобиловало рыбой. Ванимен решил не оставлять корабль и плыть на нем дальше на север, пока они не найдут самое безопасное место. Если же им почему-либо вдруг придется бросить корабль, это не будет большим несчастьем. Так он думал.

Вскоре выяснилось, что волшебство все еще было живо здесь, на берегах и в горах, которые вздымались вдали на востоке. Как только Ванимен выплыл на берег, он сразу же ощутил незримое присутствие магических сил, пронизывающих каждый его нерв. То были силы, которых он ни разу не почувствовал за все время плавания по Средиземному морю — тогда повсюду была лишь бесплодная пустота. Но здешние силы волшебства были новыми, неведомыми Ванимену, и они не исчезли в страхе перед пришельцем, напротив, они грозно надвинулись и сгустились. Ванимен отступил. И все же эти силы были ему сродни, и это родство было таким, какого никогда не могло быть у него с Агнетой, и она, поняв это, ушла от него...

Из иных мест на побережье Адриатики волшебство было изгнано. Ванимен собрал воедино все известные ему заклинания, с помощью которых постигают про-

шлое, и благодаря им узнал, что изгнание нечистой силы произошло в основном в недавние годы. По-видимому, здешние люди обрели какую-то новую веру или, скорее, новое течение, направление старой веры. Насколько мог установить Ванимен, кроме креста, никакого другого символа новое религиозное направление не имело, но всего важнее было то, что эта новая секта с презрением отвергала наивность и простодушие, которые были свойственны раннему христианству. Нет, здешний берег не для них, слишком много здесь возделанных земель, слишком многочисленны шумные людные города, уже одно их соседство может накликать на племя лири беду. Что ж, надо плыть дальше на север, как советовали дельфины.

Чем севернее, тем чаще встречались на их пути острова и крохотные островки, которым не было числа, — да, все так, про острова дельфины тоже упоминали. Но главное, — Ванимен чувствовал, что здесь никогда не провозглашались проклятия христианских священников. Христианская церковь ведет войну против всего, что придает жизни вкус, что есть сама радость жизни, ибо, в конечном счете, размышлял Ванимен, именно радость жизни несли людям обитатели Волшебного мира, конечно, только радость, пусть даже не всегда безвредную для бессмертной души христиан, прекрасную радость бытия... О да, несомненно: христианство еще не добралось до этих отдаленных земель. Где-то здесь их цель, где-то здесь должно быть то место, которое виделось ему в мечтах как Новый Лири.

Корабль доживал последние дни. Скоро уже помпы перестанут справляться, в трюм поступало слишком много воды, с каждым часом корабль все глубже погружался в воду, терял устойчивость, управлять им становилось все труднее. Скоро он окончательно выйдет из строя. Не беда — если корабль затонет, они уже не пропадут, можно обследовать эти прибрежные воды и без корабля...

Все его надежды рухнули, когда корабль был обнаружен работорговцами.

* * *

В этот день торговые и рыбачьи суда не вышли из гаваней. С запада налетали шквалы, ветер крепчал, вздымая белопенные волны, мчал по небу темные тучи. Хлынул дождь. Ванимен попытался подвести корабль ближе к берегу и встать с подветренной стороны, но вскоре убедился, что это невозможно. Впереди на расстоянии нескольких миль он различил очертания острова, который был отделен от материка узким проливом. Ванимен рассчитал, что корабль может войти в пролив, где он будет в относительной безопасности. На берегу виднелись крыши домов — плохой знак: на острове живут люди, но ничего другого не оставалось, к тому же домов было совсем немного.

Ванимен поднялся на кормовую надстройку, отсюда он хорошо видел все, что происходило в море и на корабле, и мог командовать своими матросами, которые за время плавания приобрели известную сноровку. Все они были нагишом, поскольку одежда стесняла движения, и стояли в ожидании, готовые по первому слову капитана броситься выполнять команду. Намного больше, чем матросов, было на корабле детей и женщин. Всем им Ванимен велел находиться в море, потому что на палубе они только мешали команде. Кое-кто послушался, но матери с маленькими детьми на руках не решались покинуть корабль из страха потерять детей в незнакомых водах, где они не знали ни течений, ни скал и островов. Они остались на корабле.

Пока матросы Ванимена готовились к схватке со штормом, на горизонте в сумрачной серой мгле показался корабль. Это была длинная стройная галера, выкрашенная в черный и красный цвета. Парус был убран, галера шла на веслах, скользя по волнам, точно длинноногий паук, бегущий по паутине. Над белыми гребнями волн сверкала позолотой резная деревянная фигура, украшавшая нос галеры — крылатый лев. Разглядев его, Ванимен понял, что корабль принадлежит Венеции. Судя по всему, галера направлялась домой. Ванимен вдруг удивился: на борту галеры, по-видимому, не было груза, однако на палубе

он явственно увидел вооруженных людей. Военная охрана? Нет, не похожи эти люди на воинов, слишком дородные, раскормленные.

Усилием воли он заставил себя отвлечься — сейчас было не до странной галеры, речь шла о спасении собственного корабля, для чего требовались вся его мудрость и опыт, а кроме того, врожденное чувство стихии, благодаря которому Ванимен знал, какие действия необходимо предпринимать в том или ином случае. Все последующие часы он почти не уделял внимания галере. Первой беду почуяла Миива, которая стояла на носу и несла вахту впередсмотрящего. Прибежав на корму, она положила руку Ванимену на плечо и прокричала:

— Смотри, они изменили курс! Они идут нам навстречу!

Ванимен обернулся. Он увидел, что Миива была права.

— Именно сейчас, когда все голые, когда невозможно скрыть, что мы не люди! — воскликнул Ванимен. Затем он несколько мгновений стоял молча — казалось, он борется с чем-то, что было сильнее, чем порывы ветра и качка. Приняв решение, царь лири сказал: — Если мы сейчас начнем поспешно одеваться, то людям это, наверное, покажется очень странным. Лучше уж останемся как есть. Может быть, они подумают, что нам просто нравится ходить раздетыми, не стесняя себя неудобной одеждой. Мы ведь видели голых матросов, помнишь, когда шли сюда из Атлантики через проливы? Мне кажется, капитан галеры просто хочет узнать, кто мы такие. Но чтобы понять, что мы не принадлежим к человеческому роду, они должны вплотную подойти к нашему кораблю. В шторм это слишком опасно. Волосы у всех наших намокли, не видно, какого они цвета. Пойди, Миива, скажи матросам, чтобы не мешкали и не отвлекались от работы.

Выполнив поручение, Миива вернулась на корму. Галера была прямо по ветру, и Ванимен чутко принюхивался, стараясь уловить доносившиеся с нее запахи.

— Фу, — сказал он. — Ты чуешь? Отвратительная вонь. Пахнет грязью, потом и... никакого сомнения, пахнет несчастьем. Что же там за мерзость, на этой галере?

Миива прищурилась и сказала:

— Я вижу людей в железных доспехах, вижу оружие. О, смотри, кто эти несчастные в грязных лохмотьях? Они сгрудились у мачты, им тесно, неудобно...

Это выяснилось, когда галера подошла ближе. Мужчины, женщины, дети, чернокожие, с необычными грубыми чертами лица, все они были в ручных и ножных кандалах, кто стоял, кто сидел на палубе, кое-как устроившись и согревая друг друга, потому что все они тряслись от холода. А вокруг стояла ощетинившаяся копьями охрана.

Ванимена охватило предчувствие беды.

— Кажется, я знаю, кто эти люди. Это рабы.

— Как ты сказал? — Миива еще никогда не слышала этого слова, которое Ванимен произнес на языке людей. В языке лири не было слова для обозначения рабства — явления, неизвестного подданным Ванимена.

— Рабы. Люди, взятые в плен другими людьми. Их продают и покупают за деньги и заставляют выполнять самую тяжелую и грязную работу наравне с домашним скотом. Помнишь, ты видела на берегу лошадей и волов, которых впрягают в плуги, телеги? О рабах, о том, что люди поступают так с себе подобными, я слышал от самих людей. Теперь все ясно. Галера возвращается в Венецию из плавания в южные страны, где венецианцы охотились на людей.

Ванимен плюнул, сожалея, что не может плюнуть против ветра, в сторону галеры.

— Неужели это правда? — ужаснулась Миива.

— Правда.

— Но как же так? И Создавший Звезды благосклонно взирает на то, что творится в мире?

— Я вот чего не понимаю... Так! Они подают нам знаки.

Из-за сильного ветра перекликаться можно было лишь с трудом, о том же, чтобы по-настоящему раз-

говаривать, и думать не приходилось. Кроме того, возникли сложности из-за незнания языка.

Высокий худой человек с гладко выбритым лицом, в железных доспехах и шлеме с перьями внимательно разглядывал Ванимена. От этого взгляда у морского царя пробежал по спине озноб. Но наконец, галера повернула назад, и Ванимен облегченно вздохнул.

Однако теперь гибель грозила им с другой стороны — корабль несло прямо к острову, на прибрежные скалы, где бушевал прибой. Забыв на время обо всем прочем, Ванимен вел корабль в тихие воды пролива. По местам стоять! Право руля! Круче к ветру!

Вдруг корпус корабля вздрогнул от мощного удара. Неужели киль наскочил на скалы? Корабль замер. Что это значит? Сломан руль?

Непостижимо — корабль встал намертво.

Ванимен огляделся вокруг. Они находились в узком проливе, волнение здесь почти не ощущалось. Скалистые берега отвесно поднимались вверх слева и справа, над морем завывала буря, но в проливе лишь редкие удары волн достигали корабля, злобные шквалы и дождь хлестали и здесь, но шторм был уже неопасен. Да и ветер не налетал уже с такой сокрушительной силой, как в открытом море. Правый материковый берег порос лесом, лишь у самой воды тянулась чистая полоса песка. Деревья и кусты почти полностью скрывали строения, которые находились на острове. Ни людей, ни собак или каких-то других домашних животных не было видно. Не было также лодок или кораблей — к немалому удивлению Ванимена, который в мыслях уже составил план действий на случай нападения с острова.

Призвав на помощь волшебство, Ванимен весь обратился в зрение, обоняние и слух. Он обнаружил, что соленость воды в проливе была очень низкой: очевидно, где-то немного севернее в море впадала река. Дельта реки — вот то, что они ищут, вот оно, пристанище, место, где будет Новый Лири. Ванимен видел в воде мелкие частицы сора, комочки смолы. Должно быть, их несет из верфей, где люди строят корабли. Рельеф берегов скрывал верфи и гавани от глаз Ва-

нимена, но вместе с тем скрывал и корабль от глаз людей.

Ванимен отчетливо чувствовал, что буря улетит еще до ночи. Тогда можно будет как следует изучить побережье. А пока... Он откинулся назад и прислонился к кормовому ограждению. А пока здесь так тихо и спокойно. Можно немного вздремнуть. Едва он успел подумать, что можно наконец закрыть глаза, как тут же сон накатил на него, словно мощная морская волна.

Ванимен очнулся от громкого крика Миивы. Из-за отвесной скалы показалась галера. Вспененная веслами вода бурлила, как под штормовым ветром. Галера подошла к кораблю, прежде чем подданные Ванимена успели подняться из трюма на палубу. И тут у царя лири снова мелькнула мысль, не дававшая ему покоя: он командует кораблем, матрос которого, убитый им человек, перед смертью призвал на него проклятие.

* * *

На корабль полетели абордажные крючья. За ними протянулся трап, и на палубу побежали венецианцы. Все они были в доспехах и с оружием. Увидев в море корабль Ванимена, они загнали чернокожих пленников в трюм и решили захватить еще партию живого товара.

Внезапно столкнувшись лицом к лицу с этими странными диковинными созданиями, у которых оказались синие и зеленые волосы и перепончатые лапы вместо ног, многие нападавшие дрогнули, на миг остановились, потом бросились назад, крича от ужаса и крестясь. Более храбрые подняли мечи и с яростным криком погнали трусов вперед. Предводитель венецианцев сорвал с шеи крест и, подняв его над головой, повел воинов в наступление. При виде креста они воспрянули духом. Добычу можно было взять голыми руками, почти никто на разбитом корабле не имел оружия, к тому же в основном там были женщины и дети.

Предводитель громко командовал, нападающие развернулись и двинулись строем, тесня толпу лири к

корме, чтобы окружить и захватить свою добычу. Они шли с копьями наперевес, с поднятыми мечами, в железных доспехах и шлемах — никакая сила не могла бы им противостоять. Народ лири совершенно не умел воевать. Те, кто были на палубе, в страхе пятились к корме, те, кто не успели подняться на палубу, забились в дальние углы трюма.

Плававшие в море поспешили к кораблю.

— Назад! — крикнул Ванимен, увидев, что они карабкаются по спущенным в воду веревочным трапам. — Назад! Здесь смерть — или то, что хуже смерти!

Проще всего было бы прыгнуть в море и уплыть. Ванимен заметил, что один из его подданных так и сделал. Но что будет с теми, кто ищет спасения в трюме? Враги уже окружили люки.

Сам Ванимен без колебаний выбрал бы гибель в бою от удара копьем, если бы пришлось выбирать между рабством и смертью. Быть закованным в цепи, стоять на зловонном и грязном невольничьем рынке, униженно умолять о пощаде... такова жизнь невольника. А то еще станут показывать его в балаганах на ярмарке... Когда-то Ванимен видел на берегу медведя, которого водили на цепи, продетой через кольцо в носу. Медведь ходил на задних лапах, плясал и кланялся под громкий хохот зевак. Неужели его подданные, доверившие ему свою жизнь, не имеют права на свободу? Они могут потерять друг друга в море. Женщин слишком мало, род лири некому будет продолжать.

Он — их вождь.

— Вперед! — громовым голосом вскричал Ванимен и бросился на врагов. Палуба задрожала под его мощной поступью.

Трезубец остался в каюте, оружием Ванимена были только невиданной силы мускулы. Кто-то из венецианцев ударил в него копьем, он схватился за древко и вырвал у врага оружие, круто развернувшись очистил от нападавших пространство вокруг и размозжил череп ближайшему венецианцу. С гневным криком наносил Ванимен удар за ударом, вновь и вновь

бил копьем в гущу врагов, как вдруг один из них бросился на него сзади и уже занес боевой топор над головой Ванимена. Тут вовремя подоспела Миива, в руке она сжимала кинжал. Ударив венецианца кулаком в челюсть, она вонзила клинок ему в горло. Матросы, верная команда Ванимена, бросились выручать царя. Против острой стали у них была только физическая сила, пусть и необычайная, но никто из лири себя не щадил. Вскоре им удалось очистить от врагов участок палубы. Ванимен крикнул, чтобы дети и женщины прыгали в воду. Теперь он возглавлял маленький отряд мужчин.

На галере арбалетчики заряжали арбалеты.

Эту битву Ванимен мог бы выиграть, если бы его подданные знали, что такое война. Но у них, в отличие от людей, не было ни опыта, ни сноровки воинов, ни знания военного искусства. Никогда еще им не приходилось сражаться с людьми. Ванимен не должен был отдавать приказа пловцам, чтобы те держались поблизости от корабля. Он понял свою ошибку, когда, просвистев над его плечом, с галеры полетела в море первая стрела. Он крикнул пловцам, чтобы они уплывали прочь от корабля, но в шуме битвы никто не услышал приказа, пловцы в смятении кружили вокруг корабля. Арбалетчики заметили это и поразили нескольких пловцов.

Уже были убиты двое или трое из отряда Ванимена. Венецианцы наступали строем, атаковали, отражали нападения. Палуба была залита кровью, враги убивали и ранили детей, женщин, подростков, которые бежали из трюма и искали спасения в море. Отряд Ванимена был разбит, погибли все, кроме царя.

Глаза Ванимена застилал туман, враги теснили его со всех сторон, взяв в кольцо, которое постепенно сжималось. Рядом отчаянно, как взбесившаяся пантера, дралась Миива. Им удалось пробиться к борту корабля. Ванимен и Миива бросились в море.

Морская стихия раскрыла материнские объятия царю лири, и он опустился в невозмутимо-спокойные зеленые глубины. К нему устремились друзья, подданные, на корабле не осталось никого из живых, лишь

тела убитых лежали на палубе. Он спас свой народ от рабства, теперь он был спокоен и мог наконец отдохнуть...

Нет, все еще нет. Он получил глубокие раны, из которых сочилась темная, горькая на вкус кровь. Нужно было выйти на берег, в море остановить кровь невозможно, на берегу он залечит раны или умрет, присоединится к убитым в бою. Сквозь пелену, застилавшую глаза, Ванимен с трудом различал детей и женщин своего племени. Все они жестоко страдали от ран.

— За мной! — то ли вслух, то ли мысленно — он и сам не знал — приказал Ванимен.

Они доплыли до берега, вышли на сушу и понуро побрели прочь от родного моря.

* * *

Венецианцы были глубоко потрясены столкновением с необычайными, по-видимому, сверхъестественными существами. Они вернулись на галеру и в течение нескольких часов не осмеливались приблизиться к разбитому кораблю. Никто из венецианцев не сомневался, что все, кто бросился за борт, захлебнулись и теперь лежат на дне среди тины и водорослей.

И снова полное непонимание того, что такое война, обернулось жестоким злосчастьем для народа лири. Как только сражение закончилось, подданные Ванимена вернулись в море, на берегу остались лишь тяжело раненные. Ванимен отпустил бы их поплавать, — так они рассудили. Но царь лежал в тяжком забытьи и некому, кроме него, было взять бразды правления. Оставшиеся на берегу робко и тихо переговаривались, бессильно лежа на земле, и не смели что-либо предпринять.

Работорговцы наблюдали за ними с галеры. Спустя недолгое время решение было принято: пусть эти твари и волшебные и сверхъестественные, однако же победить их оказалось возможным. Если удастся их изловить, то на невольничьем рынке они пойдут по гораздо более высокой цене, чем обычные рабы, сарацины или черкесы. Капитан галеры был не робкого

десятка. Он объявил солдатам о своем решении и отдал приказ.

Осторожно, как бы крадучись, галера подошла к берегу. Лири в ужасе побежали к морю, но были отброшены выстрелами из арбалетов, двое или трое остались неподвижно лежать на прибрежном песке. Если бы у них был опытный командир, он сумел бы провести их к морю безопасным путем между скалами. Но Ванимен по-прежнему был не в силах преодолеть напавшую на него сонную одурь. Проплыть он не смог бы сейчас и ярда. Миива подняла его, подставила плечо под его руку и повела прочь от берега, туда, где был лес, в котором можно было скрыться. Все племя, не видя никакого другого спасения, потянулось за Ванименом и Миивой. Как раз на это и рассчитывал капитан галеры. Конечно, если беглецы рассеются по лесу, то многие скроются, однако многих все-таки удастся поймать. Венецианцу уже мерещились золотые дукаты, которые он выручит от продажи рабов.

Галера пристала к берегу. Не спуская глаз с беглецов, капитан приказал бросить якорь, чтобы не посадить корабль на мель, и перекинуть на ближайший утес абордажный трап. Солдаты побежали по трапу, кто-то из них обнаружил, что у берега совсем мелко, и тогда все венецианцы попрыгали в воду. Началась погоня. Беглецы уже скрылись в зарослях на опушке, дальше начиналась темная лесная чаща. Преследователи ворвались в лес.

— Побольше бы наловить водяных тварей, — мечтали они, — их можно будет продать в цирки и балаганы, а девок — в публичные дома. Или продать их рыбакам? Пускай плавают и ловят рыбу, вроде того как при соколиной охоте соколы приносят хозяину добычу. Если кто-то из беглецов уйдет, ну что ж, знать выпала ему такая доля, околеет в темном лесу... Однако гнусные расчеты не оправдались — планы венецианцев рухнули. Быть может, то была воля Божья.

Жители крохотного поселка на острове издали внимательно следили за всем, что происходило в проливе и на берегу. Того, что они смогли увидеть издали,

хватило с лихвой: эти люди слишком хорошо помнили недавние войны и пиратские набеги венецианцев. Весть о вторжении заклятых врагов Хорватии полетела в Шибеник, где в полной боевой готовности стоял в гавани большой военный корабль самого хорватского бана. Воины городского гарнизона спешно оседлали коней, корабль вышел в море, отряд всадников по берегу помчался туда, где пристала к берегу галера.

Ее капитан еще издали заметил блеск сверкавших на солнце доспехов и оружия и понял, что попался с поличным. Венецианцам нечего было искать в территориальных водах Хорватского королевства. Не так давно Венецианская республика и Хорватия заключили мир, и по этой причине капитан галеры не посмел бы напасть на хорватский корабль. Конечно, красивый чужеземный, скорее всего, северной постройки корабль, великолепный даже сейчас, когда он был весь разбит и истерзан, представлял величайший соблазн для венецианцев. Но пришлось от него отказаться — дело шло о том, чтобы как можно быстрей убраться подальше от берегов Хорватского королевства. Придется еще и упрашивать венецианского посланника в Хорватии, чтобы он заверил бана, дескать, никакая галера не нарушала границ морских владений хорватов, никто из венецианцев даже в мечтах не осмелится на подобную дерзость.

Труба протрубила отбой, призвав венецианцев вернуться на галеру. Хорваты, со своей стороны, не спешили, поскольку было вполне очевидно, что чужой корабль не собирается нападать. Галера беспрепятственно ушла от берегов Далмации. Но офицеров, возглавивших отряд всадников, который скакал по берегу к месту, где перед тем разыгралось сражение, разобрало любопытство: чего ради приходила галера? Что привлекло ее на берег? Они решили прочесать лес.

Обо всем этом Ванимен узнал значительно позднее. О многом ему рассказал отец Томислав, который, в свою очередь, расспросил разных людей, по крохам собрал факты и восстановил общую картину происшедшего на берегу. Тогда же, когда разыгрались эти

события, Ванимен только чувствовал боль, бессилие и горечь, слышал, как, ломая ветви, продираются сквозь чащу его подданные, уходившие все дальше в темные леса.

* * *

Важнейшим условием жизни лири была вода. Ее отсутствие мучило их час от часу все сильнее. Но вернуться на берег моря они не смели, потому что думали, что там затаились в засаде люди, вооруженные солдаты, которые только и ждут, когда же появятся из лесу их жертвы. Даже на далеком расстоянии беглецы чуяли запах речной воды, но он был смешан с запахами большого города, который, как они предположили, стоит над рекой. От городов же следовало держаться как можно дальше.

Хорватский отряд ничего не обнаружил на краю леса, на длительные поиски они не рассчитывали, и потому скоро повернули назад. Но беглецов это даже не обрадовало по-настоящему. Возглавляла их Миива, царь лири так ослабел, что с огромным трудом шел, опираясь на плечи двоих подданных. Беглецы продирались сквозь чащобу, карабкались по склонам, которые поднимались все круче, их мучали жажда и голод, они изнывали от страха и изнемогали от усталости, неся на себе раненых и измученых плачущих детей. Корни деревьев и камни больно ранили нежные ступни, ветви хлестали по голому телу, воронье издевательски хохотало, кружа над ними в небе. В лесу не было даже слабого ветра, от земли поднимался сухой жар, кругом стояла тишина — глухая, совершенно безмолвная, мертвая для них, выросших в иной стихии. Здесь не было ни привычных морских течений, ни прибоя, ни волн и свежего ветра, здесь не было для них пищи и укромных глубин, где можно было бы укрыться от опасности, здесь всюду, куда ни посмотри, был запутанный однообразный лабиринт, которому, казалось, никогда не будет конца.

Но этот бескрайний, как они думали, лес оказался лишь неширокой полосой, и к ночи беглецы вышли на открытое пространство. Стемнело, и это было большой удачей — в ночной темноте они, никем не замеченные,

прошли через вспаханные поля. Где-то дальше была река — они чуяли запах пресной воды. Ванимен едва слышно пробормотал, что надо идти по тропе: камни до крови ранят ноги, но зато на тропе не остается следов, тогда как по следам на вспаханной земле их легко выследить. Теперь все шагали быстрее, ибо в воздухе разливалась ночная прохлада и чувствовалась близость реки. Звезды светили ласково, нигде не видно было признаков человеческого жилья. Склон горы поднимался все выше.

Около полуночи стало ясно, что пахнет не рекой — по ту сторону полей в лесу было что-то более обширное, чем река. Озеро.

Пересохшие глотки свело судорогой, когда, поднявшись на вершину, лири снова увидели лес — высокие зубчатые стены леса. Дремучий лес преградил путь к воде. Измученные, на последнем пределе сил, они не надеялись, что выдержат еще одну битву с непроходимой чащей, тем более сейчас, темной ночью, когда по лесам гуляют незнакомые враждебные духи. Унаутар, обладавший самым тонким чутьем во всем племени, сказал, что чует нечто недоброе в водах самого озера — как будто бы там затаилось некое огромное чудовище.

Ринна расплакалась:

— Хотя бы попить, иначе я умру.

— Замолчи! — одернула ее женщина с ребенком на руках. Младенец был в глубоком обмороке.

— И поесть надо бы, — сказала Миива.

На суше подданные Ванимена довольствовались скудной пищей, однако еще несколько часов трудного пути никто из них не выдержал бы без еды. Многие совсем ослабели от голода, дети плакали и просили есть.

Ванимен с трудом сосредоточился.

— Ферма, — прохрипел он. — Колодец, хлева, овины... Свиньи, коровы... Нас больше, чем хозяев. Они испугаются, убегут... Идите поодиночке, и быстро назад.

— Эй, слушайте и думайте, все! — громко заговорила Миива. — Домов мы нигде тут не видели, зна-

чит, эти поля принадлежат какому-то большому крестьянскому хозяйству, богатому, с полными закромами. Оно где-то недалеко. Идем!

Миива повела лири вдоль опушки леса. Через два или три часа они почуяли сильный запах пресной воды и вместе с ним запахи людей и домашнего скота.

Они вышли на берег полноводной реки, которая впадала в озеро. Недалеко от места впадения в реку ее притока стоял поселок. Лири бегом бросились к реке, спотыкаясь, падая на бегу. В небе появились первые проблески утренней зари.

И снова все рухнуло из-за нелепой случайности. Они так мало знали о людях, если же и знали что-то, то лишь о северянах, жителях рыбачьего поселка на побережье Ютландии. Они привыкли думать, что люди всегда живут в поместьях или — большинство людей — в поселках. Они упустили из виду, что на свете существуют еще и города, в которых есть городская стража, войско или крепость с гарнизоном. Бежавшие впереди увидели город, но предупредить тех, кто бежал за ними, уже не успели — все, словно обезумев, бежали к реке, к воде, бросались в волны, забыв обо всем на свете и ничего вокруг не замечая. Собаки не подняли лая, а стояли в стороне, испуганно поджав хвосты. Солдаты городской стражи, которые до того зевали и едва не засыпали на посту, подняли тревогу, разбудили своих товарищей. С недовольным ворчанием те вылезали из-под одеял. Тем временем почти совсем рассвело и стало видно, что возле брода на реке творится что-то немыслимое. Видно было, впрочем, и то, что в основном там плещутся дети и женщины и что пришлые люди не вооружены и все совершенно голые.

Иван Шубич, скрадинский жупан, поднял войско по тревоге. Спустя минуту его отряд выехал за городские ворота. Еще минута — и всадники промчались по мосту и окружили незваных гостей, преградив дорогу тем из них, кто бросился бежать. Всадников было немного, но из города уже шел к реке пеший отряд.

— Поднимите руки, как я, — и Ванимен, преодолевая мучительную сонливость, подал пример своим подданным. — Сдаюсь. Мы пойманы.

V

В нескольких милях к северу от Альса в леса вклинивались болота. В одном месте они близко подходили к дороге, которая вела вдоль берега моря на север. Люди редко по ней ездили из страха перед таинственными духами лесов, а также из-за того, что до самого Лим-фьорда по этой дороге не было ни поселков, ни усадеб.

Архидьякон Магнус Грегерсен не боялся ездить по безлюдной дороге, но не оттого, что его сопровождали в разъездах вооруженные стражники — никакая нечистая сила не страшна тому, кто является воителем за правое дело, за Христову веру. Простые люди, конечно же, подобными доблестями не обладали и старались поменьше ездить по лесной дороге.

Недалеко от того места, где к дороге подходили болота, однажды холодным мглистым вечером бросил якорь коггг «Хернинг». Воды Каттегата тускло поблескивали, берег тонул во тьме. Последние лучи заходящего солнца озарили воды пролива ярко-алым светом, и в нем вдруг отчетливо выступили прибрежные камыши, дюны и низкорослые искривленные ивы. С берега потянул ночной бриз, он принес с собой запах гнилой болотной воды. Стояла глубокая тишина, лишь ухала изредка сова, пронзительно вскрикивал чибис, стонала выпь.

— Удивительно, что наши странствия заканчиваются в этом месте, — сказала Ингеборг.

— Не заканчиваются, а только начинаются по-настоящему, — возразила Эяна.

Нильс перекрестился: место и впрямь было гиблое. Как всякий датчанин, он слышал множество рассказов про эльфов, троллей и других таинственных обитателей лесов. Да и сам он разве не видел призрачные голубоватые огоньки, которые блуждают в лесных трущобах и заманивают людей все дальше и дальше

в непроходимые дебри, на верную гибель? Нильс почти не надеялся, что крестное знамение его спасет, ведь он совершил так много тяжких кощунственных поступков... Он робко взял Эяну за руку, но девушка руку отняла — пора было приниматься за работу.

Сначала Эяна, Тоно и Хоо должны были перенести груз с корабля на берег. В течение нескольких часов они таскали и таскали на себе золото Аверорна, которое вынесли из трюма на палубу, когда до берега было уже недалеко. Нильс и Ингеборг тем временем смотрели, не появятся ли вдруг в лесу или на дороге какие-нибудь люди — вполне могло статься, что по этим глухим зарослям рыскали бродяги и разбойники. Однако опасные соглядатаи не объявились. Ингеборг и Нильс были тепло одеты, но все же дрожали от ночного холода и стояли, крепко обнявшись за плечи, чтобы согреться.

Когда взошла заря, все золото было уже на берегу. Но поднявшееся из моря солнце не увидело аверорнских сокровищ — на берег пал светлый туман, все вокруг отяжелело от влаги и погрузилось в безмолвие. Тоно и Эяна, с детства знавшие здешние болота, помнили про туманы, и потому накануне корабль весь день дрейфовал, не подходя близко к берегу. Ночная тьма и утренний туман должны были скрыть золото за плотной завесой. Хоо, по-видимому, прекрасно чувствовал себя в тумане, его движения были, как всегда, уверенными. Ингеборг и Нильс к утру устали, но все же медленно поплелись за своими неутомимыми друзьями, чтобы помочь им исполнить вторую часть задачи.

Она состояла в том, чтобы спрятать золото. Тоно помнил, что недалеко от дороги должно было стоять сожженное молнией старое дерево. Они без труда его нашли. В десятке шагов от дерева, если идти прямо на запад, находился маленький, заросший ряской пруд с бурой водой, словно нарочно созданный для того, чтобы схоронить в его темной глубине сокровище. Из ивовых прутьев они сплели нечто вроде подстилки — ива не гниет в воде и может лежать на дне пруда годами. Плетеная подстилка была нужна, что-

бы золото не увязло в придонном иле. Перенести сокровище с берега к пруду удалось быстро, так как работали впятером, и каждый тащил на себе столько, сколько мог унести. Теперь они перекладывали золото на плетеную подстилку, которая постепенно опускалась на дно пруда. Неизвестно, каков был общий вес сокровищ, но пруд заполнился почти доверху.

Они спешили и в спешке гнули и мяли мягкий металл, прекрасные вещи и украшения превращались в их руках в бесформенный лом. Глядя, как Тоно смял в кулаке хрупкую изящную диадему, Ингеборг не удержалась от грустной усмешки.

— Кем был человек, когда-то подаривший это украшение своей возлюбленной? — задумчиво сказала она. — Какой мореплаватель привез ее из далекой страны своей любимой? В этих драгоценностях запечатлелись последние отблески жизни тех людей...

— Надо жить своей жизнью, — отрезал Тоно, — сегодняшним днем. Все, или почти все эти безделушки тебе придется переплавить в слитки или разломать на мелкие кусочки. Не забывай, души тех, кому принадлежало золото, не погибли, они же бессмертные и, наверное, помнят друг друга.

— Их души нынче неизвестно где, в каком-нибудь унылом скучном месте, — вмешалась Эяна. — Жители Аверорна ведь не были христианами!

— Ты права. Надеюсь, нам повезет больше, — ответил Тоно, продолжая сваливать золото в пруд. Он стоял совсем близко от Ингеборг, и все же ей вдруг показалось, что перед ней в тумане не Тоно, а некий призрак. Она вздрогнула и подняла руку для крестного знамения, но тут же опустила ее и снова взялась за работу.

* * *

К полудню налетел свежий ветер, он разорвал пелену тумана и погнал белые клочья в сторону моря. Яркие солнечные лучи, словно копья, ударили с небес, в просветах между облаками проглянула синева. Воздух понемногу согревался. С моря долетал рокот прибоя.

Золото было спрятано. Они поели и выпили вина, которое, как и еду, захватили с собой с корабля. Прощальный обед на обочине дороги был не слишком роскошным, но ничего лучшего у них просто уже не осталось к концу плавания. Затем Тоно подозвал Нильса и отошел с ним на такое расстояние, чтобы прочие не могли их слышать.

Несколько мгновений длилось натянутое молчание. Маленький и худой паренек, одетый в жалкие лохмотья, стоял перед обнаженным великаном, сыном морского царя. Оробевший Нильс от усталости едва держался на ногах, Тоно был полон сил. Наконец, принц лири нашел подобающие случаю слова:

— Если я чем-то тебя обидел, прошу меня простить. Ты заслуживаешь лучшего отношения с моей стороны. В последнее время я прилагал к тому усилия, но... Впрочем, это неважно. Сегодня я смотрю на вещи по-иному и больше не придаю значения тому, что был у тебя в долгу.

Нильс, до того глядевший куда-то себе под ноги, поднял глаза и грустно сказал:

— Пустяки, Тоно. Это я перед тобой в неоплатном долгу.

— Почему же, друг мой? Потому, что тебе пришлось терпеть бесконечные лишения и рисковать жизнью ради чужого дела? Потому, что и впереди тебя ждут тяжкие испытания?

— Тяжкие испытания? Да ведь я теперь богатый человек, теперь раз и навсегда покончено с унижениями, изнурительным трудом, неуверенностью и страхом перед будущим. Мои родные будут обеспечены, и Маргрета, я хочу сказать, Ирия... Разве я не буду вознагражден?

— Гм, я недостаточно хорошо знаю людей и еще меньше знаю их нравы, но предвижу, что тебя ждет. Если ты станешь неудачником, то люди уготовят тебе судьбу столь ужасную, что по сравнению с ней гибель в океане с его страшными чудовищами покажется великим благом. Подумал ли ты об этом, Нильс? Все ли взвесил и рассчитал? Я спрашиваю, потому что

меня тревожит судьба Ирии, я боюсь за нее. Но я беспокоюсь и о тебе.

Нильс вдруг почувствовал непреклонную решимость.

— Я все продумал, — сказал он. — Ты знаешь, кому принадлежит мое сердце. Поверь, я не ради красного словца так говорю. Каждую свободную минуту я думал о будущем, рассчитывал, строил планы. Ингеборг поможет мне, она хорошо знает людей, у нее есть опыт. Но не только она будет моей советчицей. То, как я прожил эти месяцы, есть тяжкое прегрешение перед Богом, и все же я уповаю на Него. — Нильс тяжело вздохнул. — Как ты понимаешь, один опрометчивый поступок может погубить все дело. Мы будем тщательно взвешивать каждое слово, обдумывать каждый шаг.

— Так. Сколько времени, по твоему мнению, уйдет у вас на все? Год?

Нильс задумался, теребя светлую бородку.

— Да, пожалуй, год. А то и больше... Конечно, на устройство моих дел понадобилось бы... Ах да, ведь ты не об этом... Ирия... Если все будет складываться удачно, то, видимо, через год ты сможешь ее освободить. Но все зависит от того, кого мы сумеем привлечь на нашу сторону. Во всяком случае, через двенадцать месяцев мы уже будем знать наверняка, чего добились и что нужно делать дальше.

Тоно кивнул.

— Пусть будет по-твоему. Ровно через год мы с Эяной прибудем сюда. За известиями.

Нильс опешил.

— Вы покинете Данию? На целый год?

— А зачем нам оставаться? Вести дела с людьми мы не умеем.

Нильс стиснул руки, у него перехватило дыхание. Через некоторое время он с усилием произнес:

— Куда вы поплывете?

— На запад, — ответил Тоно, немного смягчившись. — К берегам Гренландии. Мы посоветовались с Хоо, в море, ночью. У Хоо есть дар предвидеть будущее. Мое будущее он различает очень смутно, но он

услышал некий шепот, и этот голос сказал ему, что где-то в арктических морях меня ожидают важные события в моей судьбе.

Солнечный луч скользнул по волосам Тоно, сразу вспыхнувшим яркам янтарным светом. И, словно этот луч пробудил его и вернул к заботам сегодняшнего дня, Тоно встрепенулся и поспешил закончить разговор:

— Имеет смысл отправиться на запад. Может быть, по пути, например, в Исландии, мы узнаем что-нибудь определенное о нашем народе.

— Ты позаботишься об Эяне? Ты не допустишь, чтобы с ней что-нибудь стряслось? — робко попросил Нильс.

Тоно расхохотался.

— У нее хватит сил, чтобы одолеть любых врагов! — Взглянув на юношу, Тоно однако добавил: — Будь спокоен. Скажи-ка лучше, где и как мы встретимся через год?

Нильс был рад, что разговор пошел о другом. Они долго обсуждали, как лучше всего устроить встречу. Приплыв к берегам Дании, Тоно и Эяна должны будут найти способ сообщить Нильсу о своем прибытии и ждать, пока он придет. Устроить все это было непросто. Здесь на побережье было слишком мало укромных мест, если же рыбаки из Альса обнаружат брата и сестру, скажем, увидят со своих лодок, как те выходят на берег, то начнутся пересуды, пойдет молва, а это могло плохо обернуться для детей Ванимена. Нильсу, со своей стороны, придется рисковать всякий раз, когда он будет приезжать в лес за золотом. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы кто-нибудь из местных жителей увидел, что Нильс — а его в окрестностях Альса многие знали — сюда наведывался. Королевские чиновники могут что-то заподозрить и выследить Нильса.

В качестве места встречи, куда Нильс и Тоно с Эяной должны прибыть через год, выбрали Борнхольм, отдаленный остров в Балтийском море. Тоно хорошо знал Борнхольм и любил там бывать, поскольку людей на острове жило совсем немного. Нильс во время

своего первого плавания также побывал на Борнхольме, который являлся ленным владением Лундского архиепископа. Очень кстати оказалось то, что Нильс завязал тогда приятельские отношения с одним старым моряком из Сандвига, настоящим морским волком, у которого было собственное судно. Старик любил поворчать, но на него можно было положиться. Нильс предложил: пусть Тоно и Эяна приплывут на Борнхольм под видом чужестранцев, разыщут старика и попросят его известить Нильса об их прибытии, но только прежде обязательно позаботятся, чтобы никто их не увидел на Борнхольме. Чтобы оплатить расходы, брат и сестра пускай возьмут несколько золотых цепей, от которых легко отделить одно-два звеньшка. Старик не откажется съездить в Данию, он разыщет Нильса и передаст ему все, что будет необходимо.

— Итак, через год. Если останемся в живых, — сказал Тоно, и они с Нильсом скрепили договор рукопожатием.

* * *

Ингеборг и Хоо стояли на берегу. Вокруг клубился туман, серебристо-белый в рассеянном солнечном свете. У их ног тихо плескался Каттегат.

— Мне пора, — сказал Хоо. — Надо уплыть, пока туман не рассеялся, а то меня могут увидеть.

Хоо должен был вывести «Хернинг» в открытое море, дойти на корабле до северного побережья Швеции и там разбить его вдребезги о прибрежные скалы: нельзя было оставлять обломки «Хернинга» там, где их мог кто-нибудь опознать. А потом серый тюлень Хоо поплывет к родным скалам острова Сул-Скерри.

Ингеборг обняла Хоо, не замечая, что от него воняет рыбой, не замечая и того, что неприятным запахом пропитывается ее платье. Она спросила сквозь слезы:

— Увидимся ли когда-нибудь?

Хоо грузно подался назад, от удивления он наморщил лоб и разинул рот.

— Девушка! Зачем тебе со мной видеться? Почему ты этого хочешь?

— Потому что ты добрый, — пробормотала Ингеборг, — и заботливый, ласковый. В этом суровом мире и вдруг столько доброты... Или не в этом мире? В другом?

— А что, если бы ты перешла в наш мир? Нет, Ингеборг, морская стихия — наша разлучница. — Хоо вздохнул.

— Но ведь ты мог бы иногда приплывать сюда? Если у нас с Нильсом все пойдет так, как мы рассчитываем, я, наверное, поселюсь где-нибудь на острове или куплю земельный участок на берегу...

Хоо взял ее за плечи и посмотрел ей в глаза.

— Так, значит, ты одинока?

— Не я, а ты.

— И ты думаешь, что мы с тобой... Нет, моя радость. Тебе уготована одна судьба, мне же совсем другая.

— Но прежде чем рок нас поразит, мы...

— Нет. Кончено.

Хоо замолчал. В воздухе плыл туман, громче стал слышен плеск волн.

Наконец, Хоо медленно, с трудом подбирая слова, сказал:

— Очарование смертной женщины — вот что я полюбил в тебе. Я ведь провижу судьбы. В твоей судьбе все очень смутно, неясно, я почти ничего не различил, но вглядываясь в твое будущее, я вдруг почувствовал страх. Да-да, каким-то странным неведомым ветром вдруг повеяло от твоей судьбы. — Хоо отступил на шаг назад. — Прости, — сказал он и вдруг выставил вперед огромные руки, как будто пытаясь отстраниться от чего-то страшного. — Не надо мне было этого говорить. Прощай, Ингеборг.

Он повернулся и тяжело зашагал прочь. Уже почти скрывшись в тумане, Хоо крикнул:

— Когда настанет время дать жизнь моему сыну, я буду думать о тебе!

Шаги Хоо замерли вдали. Потом послышался всплеск — он нырнул в море. Когда туман рассеялся, корабль был уже у самого горизонта.

* * *

Настоящего прощания так и не получилось. Настоящее прощание было раньше, еще в море, до того как «Хернинг» бросил якорь для последней стоянки у туманного берега. Ингеборг и Нильс еще долго стояли у моря и глядели на корабль, уносивший их возлюбленных на север, пока ког не скрылся из виду. Небеса широко распахнулись над морским простором, море заблестело, поймав первые проблески вечерней зари, вдали мелькало черное пятнышко — в небе парил баклан.

Нильс первым вернулся к действительности:

— Ну, пора в путь. Иначе не доберемся в Альс до темноты.

Они решили заночевать в хижине Ингеборг. Если за время отсутствия хозяйки домишко окончательно развалился, оставалось просить отца Кнуда приютить их до утра. На другой день предстояло возвращение в земной мир. Хорошо еще, что на первых порах Ингеборг и Нильса ждали встречи с земляками, а не чужими незнакомыми людьми.

Они побрели по дороге. Под ногами поскрипывал песок. Прошло довольно долгое время, прежде чем Ингеборг заговорила:

— Вот что, Нильс. Все разговоры о нашем деле буду вести я. Ты не умеешь лгать.

— Да уж, особенно тем, кто мне доверяет.

— Вот именно. А потаскушка предаст и глазом не моргнет.

Она сказала это так грубо, что Нильс даже остановился посреди дороги и устало обернулся, чтобы поглядеть на Ингеборг. Но она упрямо смотрела себе под ноги на дорогу.

— Я не хотел тебя обидеть, — поспешил Нильс загладить допущенную бестактность.

— Конечно, — бесстрастно ответила Ингеборг. — Все равно, не тебе меня судить. Пока что лучше придержи язык. До тех пор, пока не перестанешь о ком-то там мечтать.

Нильс покраснел.

— Да, я тоскую по Эяне. Потому что разлука с ней невыносима и... — Нильс вздохнул и замолчал.

Ингеборг немного смягчилась. Заплетая на ходу косу, она примирительно сказала:

— Погоди, вот пройдет какое-то время, и будешь ты у нас всему голова, как и подобает мужчине. Но в Хадсунне ты никого не знаешь, а у меня там полным-полно знакомых. Наверняка мы найдем в Хадсунне людей, которые за пустячную золотую безделушку с радостью нам помогут и не станут приставать с расспросами. А мы уж выведаем у них, к кому из сильных и влиятельных людей прежде всего следует поискать лазейку. Мы ведь обо всем этом уже не раз говорили, так?

— Ну да.

— Между нами не должно быть никаких недомолвок, никаких недоразумений. — Ингеборг засмеялась, но смех прозвучал невесело. — Наверное, даже в Волшебном мире не найдется ничего более диковинного и невероятного, чем предприятие, которое мы затеваем.

Еле передвигая ноги от усталости, Ингеборг и Нильс брели по дороге на юг.

Книга третья
ТУПИЛАК

I

Всего в нескольких лигах от далматинского побережья за пологими холмами поднимались высокие горные вершины. На северо-востоке области проходил горный хребет Свилая Планина, служивший естественным рубежом владений жупана Ивана Шубича, защитника и правителя скрадинской жупании. Замок правителя находился не в центре области, а в южной ее части, близ маленького городка Скрадина, от которого было недалеко до Шибеника, крупного морского порта и резиденции хорватского бана. Объяснялось это отчасти тем, что Скрадин представлял собой наиболее крупный город во всей жупании Ивана Шубича, отчасти и тем, что в случае вражеского нападения из Шибеника всегда могла прийти на подмогу армия или городская стража. Но и в самом Скрадине имелась военная охрана, правда, немногочисленная. Без нее было не обойтись, ведь со всех сторон город окружали дремучие леса, которые простирались по горным склонам, насколько хватало глаз, и населявшие окрестные земли мирные крестьяне нуждались в постоянной военной защите. Жизнь в Скрадине была совсем иной, нежели на хорватском побережье с его шумными портовыми городами, где, что ни день, приходили и уходили корабли, приезжали и уезжали заморские гости. В Скрадине жизнь шла по старинке.

Священник отец Томислав казался живым воплощением хорватской старины. Он шел по улицам Скрадина, шагая неожиданно бодро и быстро, несмотря на

то, что священник был дородным, даже грузным человеком. В руке он сжимал дубовый по́сох, который вполне мог послужить грозным оружием, если бы кому-то вдруг вздумалось напасть на священника. Грубая ряса из домотканой полушерстяной материи, задевавшая краем старые пыльные башмаки, обтрепалась и была заштопана во многих местах. На поясе у отца Томислава висели четки, которые мерно раскачивались при каждом шаге священника, четки были очень простой работы — их выточил из дерева местный крестьянский парень. И лицо у отца Томислава было простое, как эти четки, широкоскулое крестьянское лицо с крупным носом и маленькими глазами. Седые волосы уже поредели, зато густая окладистая борода спускалась почти до пояса. Руки у священника были большие и мозолистые.

Когда отец Томислав шел по улицам, люди выходили из домов, спеша поклониться священнику, сказать слова приветствия, он же в ответ лишь бормотал что-то невнятное глуховатым низким басом. Но с детьми отец Томислав был неизменно ласковым и никогда не проходил мимо — обязательно останавливался и гладил по головкам сбегавшихся отовсюду ребятишек.

Иные из скрадинских жителей, подойдя к священнику, спрашивали, не слыхал ли он чего-нибудь о чужаках, которых недавно поймали в реке, не опасны ли эти странные создания и почему у них такой диковинный вид?

— Придет время, обо всем узнаете, если Богу будет угодно, — отвечал отец Томислав, не останавливаясь. — Пока что нет никаких причин бояться этих созданий. Помните, что наши святые, наши небесные заступники, не дадут нас в обиду.

Отец Томислав подошел к замку скрадинского жупана. Стоявший у ворот стражник передал ему просьбу Ивана Шубича: дескать, господин жупан просит священника пожаловать наверх, в Соколиную башню.

Томислав кивнул и быстро зашагал через мощенный булыжником двор замка, направляясь к высокой угловой башне.

Замок представлял собой довольно большую крепость, стены которой были сложены из светлого изве-

стняка с местных карьеров. Построен он был более ста лет тому назад. Ни оконных стекол, ни мраморных каминов и роскошного убранства в залах замка не было. Над его северной стеной высилась дозорная башня, где под самой крышей находилась особая комната, из которой открывался вид на все окрестности. Башня называлась Соколиной, потому что из ее окон выпускали на охоту соколов и ястребов. Сюда, в Соколиную башню, жупан приглашал тех, с кем хотел поговорить с глазу на глаз без свидетелей.

Томислав поднялся наверх по винтовой лестнице и, тяжело дыша, остановился у окна. Некоторое время, пока не отдышался, он глядел на открывавшийся с башни вид окрестностей. Внизу была будничная суета, спешили куда-то слуги и ремесленники, по улицам бродили собаки и домашняя птица, слышался говор, шаги, звон металла; чуть дальше видны были струйки дыма из труб, пахло свежеиспеченным хлебом. Еще дальше простирались поля и нивы, спелые золотые хлеба волновались под ветром. В синем небе проплывали редкие и легкие белые облака. Над башней хлопали крыльями вороны и голуби, носились грачи и дрозды, высоко в небе разливалась песня жаворонка. В южной стороне к городу подступала зеленая зубчатая стена леса, за которой уже ничего не было видно, лишь мерцало вдали голубым блеском озеро.

Взгляд отца Томислава побежал вдоль берега Крки. Ниже Скрадина в нее впадал приток, а примерно в миле от замка над берегом Крки зеленел яблоневый сад, который со всех сторон был огорожен плетнем, чтобы свиньи не поедали падалицу, а крестьянские мальчишки — яблоки с ветвей. Томислав заметил блестевшие на солнце копье и шлем: по ту сторону ограды яблоневого сада стоял на часах стражник. И еще несколько стражников сторожили яблоневый сад, они находились снаружи за плетнем. Под яблонями сидели пойманные в реке неизвестные существа.

Священник услышал шаги на винтовой лестнице и обернулся. Вошел жупан. Иван Шубич был высок ростом и уже не молод. Черты лица у него были резкие, левую щеку и губы изуродовал глубокий шрам

от сабельного удара. Черные с сильной проседью волосы достигали плеч, борода была коротко подстрижена. Одет жупан был, как обычно, в вышитую рубаху и заправленные в сапоги штаны, на поясе висел кинжал. Никаких украшений Иван Шубич не носил.

— Да поможет тебе Бог в твоих трудах, сын мой, — сказал Томислав, благословляя жупана. Этими же словами он благословил бы и любого бедняка на улице.

— Ваша помощь мне также нужна, — неожиданно ответил Иван Шубич.

Тут Томислав увидел, что вслед за жупаном по лестнице поднялся капеллан замка, неулыбчивый, изможденный отец Петр. Томислав не без труда подавил раздражение. Священники сухо раскланялись.

— Так что, можете вы дать мне совет? — спросил Иван.

Томислав почувствовал волнение, которое, к его досаде, оказалось более сильным, чем ему хотелось бы.

— Да. А может быть, нет. Не знаю. Мой рассудок не в состоянии так быстро постичь все происшедшее, — ответил он.

— Неудивительно, — съехидничал отец Петр. — Я предостерегал вас, сын мой, — обратился капеллан замка к жупану, — только понапрасну время теряем, не стоило посылать гонца за... за пастырем, который ведает приходом где-то в лесной глуши! Не взыщите, отец Томислав, но и вы, положа руку на сердце, должны признать: разобраться в этом деле под силу только ученым людям, самому бану или даже наместнику его величества короля.

— В последнее время он не баловал нас своим вниманием, — заметил Иван. — Меж тем у нас тут более сотни загадочных пришельцев, и всех их нужно кормить и сторожить. Для нас это чрезвычайно обременительно, не говоря уже о том, что их присутствие в Скрадине вызывает день ото дня растущее беспокойство народа.

— Что вам удалось узнать в Шибенике? — поинтересовался Томислав.

Иван пожал плечами:

— Лишь то, о чем я сообщил вам в письме. Вы получили его вчера вечером по приезде в Скрадин. Известно, что у самого берега обнаружили совершенно разбитый корабль. Судя по виду, он пришел откуда-то издалека. Найденные на корабле и в море мертвые тела с виду такие же, как эти пленники. Кроме того, там были и убитые итальянцы, вероятно венецианцы. Должно быть, между итальянцами и этими странными созданиями произошло сражение. Я узнал все это от подчиненных сотника. Сам же сотник предпринял весьма разумные меры, чтобы не допустить распространения сведений об этих событиях. Тела убитых тайно были преданы земле, солдатам строго запрещено распускать какие-либо слухи. Молва, конечно, пойдет, тут ничего не поделаешь, но будем надеяться, что слухами все и ограничится, а через некоторое время они сами собой прекратятся.

— Э, только не у нас, — пробормотал отец Петр, поглаживая длинную белокурую бороду. Другой рукой он беспокойно перебирал четки.

— Верно. Однако не так уж много торговцев ездит через наш Скрадин, — сказал Иван. — Я послал в Шибеник гонца с просьбой о помощи. Надо, чтобы прислали для пленников еды, и стражу необходимо усилить. Ответа до сих пор нет. Вне всякого сомнения, сотник уже получил мое письмо и, наверное, поехал с этим письмом к бану Павлу, чтобы получить от него указания, как быть. Пока бан не сделает распоряжений, сотник остережется предпринимать что-либо на свой страх и риск. Стало быть, придется пока что мне одному нести это бремя. Поэтому я и решил спросить совета у отца Томислава, что мне с ними делать?

— Хорошего советчика нашли! — с издевкой сказал Петр.

Томислав помрачнел и крепко сжал в руке дубовый посох.

— Ну а вы что можете предложить? — спросил он капеллана.

— Убить их. Самое верное дело, — сказал отец Петр. — Уж не знаю, люди они или нелюди, а вот то, что они не христиане, это ясно. Они не исповедуют западно-католической веры, хотя один из них и знает,

кажется, по-латыни. Не признают они и нашего славянского богослужения по римскому обряду, не являются и приверженцами греческой веры. Более того: они даже не еретики-богомилы, не иудеи и не язычники!

Отец Петр возвысил голос, каждое его слово гулко отдавалось от голых каменных стен. На лбу капеллана выступила испарина.

— Бесстыдные твари! Срам не прикрывают, совокупляются на глазах у людей без всякого стыда! Даже язычникам свойственна известная стыдливость, даже они признают святое таинство брака. А у этих нехристей нет ни жрецов, ни священников. Для них вообще нет ничего святого, они и слыхом не слыхали, что бывают богослужения, молитвы, церковные обряды. У них нет ничего, хоть сколько-нибудь похожего на религию.

— Если это так, — сказал Томислав, — что ж, значит, прегрешения и пороки в конце концов погубят их род. Но наш долг как христиан и служителей Господа — наставить их на истинный путь.

— Ничего не получится, — убежденно возразил отец Петр. — Они животные, у них нет души. А может быть, они даже хуже животных. Может быть, они явились из преисподней, от дьявола...

— Мы должны знать это наверняка, — решительно сказал Иван.

Капеллан схватил его за локоть:

— Сын мой, разве позволительно нам подвергнуться страшной угрозе — быть навеки проклятыми и лишиться бессмертия души! Эти твари навлекут на нас гнев Господень! Святая глаголическая церковь в осаде, со всех сторон ее окружают враги. Папа Римский не желает стать ее заботливым пастырем, православная церковь Сербии — наша противница, а богомилы, эти пособники дьявола!..

— Довольно! — Иван Шубич отстранил капеллана. — Я попросил отца Томислава приехать в Скрадин и посмотреть на тех, кого мы поймали, потому что хочу знать, какое мнение о них составит себе здравомыслящий человек. Сколько раз нужно объяснять это вам, отец Петр? Мы с отцом Томиславом знакомы не

один день, у меня нет ни малейших сомнений в его опытности и высоком уме, хоть отец Томислав и слывет чудаком. Он не какой-нибудь невежда, а ученый человек, не забывайте, что он получил образование в Задаре и служил у самого епископа. К тому же отец Томислав живет в задруге, а тамошние крестьяне знают толк в ведовстве и больше чем где-либо в других местах подвержены дьявольскому искушению. И сам отец Томислав когда-то...

При этих словах старый священник переменился в лице так страшно, что храбрый воин Иван Шубич запнулся и, не докончив фразы, смущенно сказал:

— Удалось ли вам что-нибудь выяснить, отец Томислав?

Сельский священник некоторое время не отвечал — он должен был прежде преодолеть охватившее его волнение. Когда Томислав заговорил, голос его был усталым и равнодушным:

— Пожалуй, да. Отец Петр сразу обратился к вождю неведомых пришельцев, так как заметил, что тот немного знает по-латыни. Этого не следовало делать. Вождь преисполнен сознания своего высокого достоинства и глубоко страдает. Он страдает от ран, но еще сильней мучает его страх за судьбу своих подданных. А он, вождь, сейчас в положении раба, которым помыкают все, кому не лень. Люди насмехаются над обычаями его соплеменников, хотя эти нравы никому не вредят, разве что, пожалуй, им самим... Так чего же вы хотите? Разумеется, вождь с негодованием отвернулся и не желает вести какие бы то ни было разговоры. Господин жупан, лучшее, что вы можете сейчас сделать, это послать к ним лекаря, который пользует ваших солдат, надо оказать помощь больным и раненым.

— Ну, хорошо, так у вас все-таки состоялась беседа с этим вождем? Что он сказал? — спросил Иван.

— Я узнал не слишком много. Но, по моему твердому убеждению, дело не в том, что он хотел что-то утаить. Его познания в латинском языке весьма скудны, слова он произносит на свой лад, так что я с трудом его понимаю. Признаться, — Томислав усмехнулся, — и моя латынь оставляет желать много луч-

шего, потому-то дело и идет так туго. Но главное, мы с ним настолько чужды друг другу, настолько разные, что о взаимопонимании просто не может быть речи. Да и времени у меня было всего час или два. Однако он сразу же заявил, что его народ пришел к нам не воевать, а искать пристанища на дне моря.

Иван Шубич и капеллан не очень удивились этим словам, потому что внешний вид пленников однозначно говорил о том, что они живут в воде. Томислав продолжал:

— Они приплыли сюда со своей далекой родины, откуда-то из северных морей. Что побудило их к столь опасному путешествию и каким образом они его совершили, я не понял. Вождь сказал также, что они не христиане. Кто они — так и осталось пока загадкой. Он просит, чтобы мы отпустили их в море, и обещает, дескать, они уплывут и никогда больше нас не потревожат.

— Наглая ложь, — заявил капеллан.

Иван спросил:

— Вы полагаете, вождь был вполне искренним?

Томислав кивнул:

— Да. Конечно, дать в этом клятву я не решился бы...

— Ну а какова их природа? У вас есть соображения на этот счет?

Томислав задумался, глядя куда-то поверх голов своих собеседников.

— Гм... Пожалуй... Скорее, кое-какие догадки или даже одна догадка. Но это лишь предположения, основанные на некоторых рассказах моих прихожан и на том, что я когда-то читал или слышал от людей... И еще... на моем, да, на моем собственном опыте. Было бы лучше, если бы мое предположение оказалось неверным.

— Эти пленники — смертные?

— В том смысле, что могут быть убиты или погибнуть — да.

— Отец Томислав, я не про это спрашиваю.

Священник вздохнул.

— Моя догадка вот какая. Они ведут свой род не от нашего прародителя Адама. Это не означает, —

поспешил продолжить Томислав, — что они несут нам погибель. Вспомните леших, домовых, полевиков и прочих вполне безобидных духов. Конечно, они иной раз, бывает и навредят, спору нет, но нередко они становятся добрыми друзьями простых людей...

— А вилия! Про вилию-то не упомянули, — вмешался капеллан.

— Прекратите! — вдруг гневно крикнул Иван. — Ни слова больше, слышите, вы! Мне ничего не стоит попросить епископа назначить в замок другого капеллана вместо вас. Извините, отец Томислав, — добавил он уже спокойнее.

— Я... не такой уж обидчивый, — запинаясь ответил священник. — Что верно, то верно — в последние годы вилия нет-нет да и покажется возле нашей задруги. Господи, прости и помилуй злых на язык людей... — Томислав расправил плечи и продолжал: — Так вот, по-моему, лучшее, что мы можем сделать, — это отпустить пленников на все четыре стороны. И для нас это будет благом, и Господу такое решение будет угодно. Надо отвести их обратно на берег моря, если хотите — под стражей, отвести и навсегда с ними распрощаться.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, — ответил Иван. — Мне необходимо получить распоряжение бана. Но даже если бан и повелел бы их отпустить, я этого не сделаю, прежде чем не буду твердо убежден, что эти существа не принесут нам несчастья.

— Понимаю, — сказал Томислав. — Ну что ж, тогда вот вам мой совет: держите их под стражей, но пусть с ними хорошо обращаются. А вождю позвольте пока что поселиться у меня. В задруге, в моем доме. Так мы с ним сможем поближе познакомиться.

— Что? Вы с ума сошли! — воскликнул отец Петр.

И жупан тоже удивился:

— В самом деле, безрассудное решение. Ведь этот вождь великан, гигант. Сейчас он слаб, но скоро он оправится от ран. Вы не боитесь? Ведь он запросто может разорвать вас на куски.

— С чего ему вдруг на меня нападать? — негромко ответил Томислав. — Ну а если и так — он убьет

только мою плоть. Мои прихожане зарубят его, если он совершит такое преступление. А я давно уж не страшусь покинуть этот мир.

* * *

Задруга, где ведал приходом отец Томислав, была небольшим крестьянским поселком. Проживала там от силы сотня человек, по большей части состоявших в родстве между собой. Путь из Скрадина в лесной поселок занимал целый день, дорога шла сначала на север, потом сворачивала к западу и вела через леса, окружавшие озеро, которое с дороги не было видно. Когда-то крестьяне пришли сюда, вырубили лес на небольшом участке возле ручья и завели хозяйство. Они пахали землю, держали кое-какую скотину, валили и жгли лес, добывали древесный уголь, охотились на зверя и птицу, расставляли силки и устраивали западни. Свои поля крестьяне возделывали сообща, всей задругой, словно вольные землевладельцы. В действительности большинство из них были крепостными, но это никак не отражалось на их жизни, потому что хорватская знать, как правило, не притесняла крепостных и те не стремились получить у господ вольную.

Дома в задруге стояли двумя рядами вдоль единственной улицы, вокруг лежали поля, в селении же вдоль дороги зеленели высокие тенистые деревья, которые сохранили, когда валили лес и строили поселок. В бревенчатых домах под соломенными кровлями обычно имелась одна, реже две горницы, вместо фундамента в них был подпол, служивший хлевом, дверь в жилые помещения выходила на высокое крыльцо. Дорога, разделявшая два ряда домов, зимой превращалась в тонкую колею, летом же была покрыта пылью и коровьими лепешками. Однако красивые зеленые палисадники и цветники поглощали вонь навоза, а мух жители задруги по привычке не замечали.

Позади каждого дома находился двор с хозяйственными службами. По обеим сторонам двора тянулись низкие дощатые сараи, укрепленные на тощих

сваях с крестовиной внизу, которые походили на птичьи лапы — как у избушки на курьих ножках, где жила сказочная Баба-Яга. В сараях хранились земледельческие орудия и нехитрая крестьянская утварь. Во дворах стояли и расписанные веселыми яркими узорами телеги. В одном конце сельской улицы был маленький домик, где помещалась лавка, в другом — церковь, почти такая же маленькая, как лавка. Деревянные стены церкви украшали нарядные расписные орнаменты, увенчанный крестом купол имел форму луковки. Своей мельницы в задруге не было, но на том месте, где когда-то была построена водяная мельница, сохранились остатки фундамента и наполовину размытой земляной плотины.

Вокруг поселка лежали поля и луга. Лесу пришлось потесниться, местами он совсем близко подходил к задруге, местами отступал чуть дальше, но высокий зеленый вал дремучих лесов окружал поселок со всех сторон. Солнце освещало лишь вершины деревьев, тогда как внизу темнел угрюмый сумрак. Лес был где смешанным, где сплошь лиственным — дубы перемежались с буками. Внизу был густой подлесок, непроходимые заросли кустарников.

Многое в задруге напоминало Ванимену северный Альс. Со временем он убедился, что сходство это лишь внешнее.

Поездка в тряской телеге, запряженной парой ослов, была для Ванимена сущей мукой. Однако в доме Томислава, где гостя сразу же уложили в постель и стали досыта кормить здоровой крестьянской пищей, он на удивление быстро пошел на поправку. Ни один человек, будь он на месте Ванимена, не смог бы так быстро оправиться от тяжелых ран. Еще одним волшебным даром Ванимена была поразительная легкость, с которой он освоил славянский язык. Вскоре Ванимен и отец Томислав уже смогли вести обстоятельные беседы и день ото дня понимали друг друга все лучше. Когда жители задруги перестали бояться Ванимена, он познакомился со многими крестьянами и лучше узнал их жизнь.

* * *

Ванимен и Томислав сидели в тени на скамье у стены дома. Было воскресенье, крестьяне отдыхали после тяжелых трудов на жатве. Священник работал в поле от зари до зари, ничуть не меньше, чем его прихожане. Ванимен, который уже вполне окреп, охотно ему помогал, возмещая невиданной силой и выносливостью отсутствие привычки к крестьянскому труду.

Близилась осень. Листва уже поблекла, кое-где среди лесной зелени вспыхнули красные и золотые огни, небо потускнело, в нем то и дело пролетали на юг стаи диких гусей, и от их криков в сердце вдруг просыпалась неизъяснимая тоска. К вечеру, как только солнце опускалось за лес, ветер, днем всего лишь прохладный, становился пронизывающе-холодным. Вечерами люди в основном сидели дома. Те же, кто приходили к священнику по какому-нибудь делу, запросто, как добрые приятели держались и с хозяином, и с его странным гостем. Постепенно крестьяне привыкли к необычному виду Ванимена. Одевался он так же, как жители задруги, и если бы не ноги, с перепонками между пальцев, то его вполне можно было бы счесть обыкновенным, только очень высоким и сильным человеком.

Они сидели на воздухе и пили пиво из больших деревянных кружек. Оба уже немного захмелели.

— Ты из тех людей, в ком есть доброта, — сказал Ванимен. — Мне хочется что-нибудь сделать, чтобы тебе лучше жилось.

— Это желание свидетельствует о том, что ты поистине можешь обрести милость Божию. Если захочешь, конечно, — с жаром сказал священник.

В последние дни Ванимен постепенно утратил настороженную недоверчивость и стал откровеннее. Отец Томислав многое смягчал и сглаживал, излагая их беседы в письмах, которые отправлял с мальчиком-посыльным в замок жупана.

— Я не хочу обманывать Ивана, но боюсь ненароком усилить его подозрительность, — так объяснил он Ванимену, почему в письмах многое сглажено.

Томислав старался как можно понятнее рассказать

своему гостю о стране, в которой теперь жил народ лири. В прошлом* Обладая большими природными богатствами и множеством портов, где процветала торговля с заморскими странами, Далматинская Хорватия по праву держалась достойно и горделиво. Она могла бы стать еще могущественней, если бы не бесконечные междоусобные распри хорватской знати, которые по временам перерастали в кровопролитные войны и наносили государству тяжкий урон, ибо чужеземцы, в первую очередь заклятые враги хорватов, венецианцы, умело использовали в своих интересах хаос и анархию в стране и прибирали к рукам хорватские земли. Но все же хорватам удалось добиться более или менее прочного мира с Венецией. Благодаря тому что был заключен союз с семействами клана Франкопанов, Иван Шубич укрепил свою власть в скрадинском крае. Еще более могущественным правителем был Брибирский граф Павел Шубич, добившийся звания бана — властителя провинции, причем провинцией бана Павла была вся Далматинская Хорватия. Иван приходился родней бану Павлу Шубичу.

В тот вечер Ванимен уклонился от разговора о вере.

— Труды и бедность, должно быть, очищают душу, но для тела и разума они тягостны, — сказал он. — А у тебя даже хозяйки в доме нет.

Женщины заходили в дом священника, помогали по хозяйству, прибирали в горнице. Но остаться в качестве постоянной прислуги ни одна из них не согласилась: не было у них ни сил, ни свободного времени. Часто священник сам готовил себе обед и делал это с удовольствием, потому что любил вкусно поесть. Томислав обычно и прибирал в доме сам, и чинил одежду, и варил пиво.

— Зачем? Мне не нужно. Правда, не нужно: потребности у меня скромные. А радостей в моей жизни немало. Вот погоди, посмотришь, как мы масленицу празднуем!

Томислав немного помолчал.

— Поистине, мой земной удел во многом стал лег-

* В 1102г. Хорватия заключила унию с Венгерской монархией.

че, после того как моя бедная жена простилась с этой жизнью. Она долгое время была безнадежно больна и нуждалась в уходе. — Он перекрестился. — Господь призвал ее к Себе. Теперь она на небесах.

Ванимен удивился:

— Значит, ты был женат? Я знаю, что служителям церкви раньше не запрещалось вступать в брак. Позднее всего обет безбрачия священников пришел на север, но уже лет двести я не слыхал, чтобы кто-то из христианских священников имел семью.

— Дело в том, что мы хоть и католики, но у нас не западная католическая церковь, а восточная, совсем иная, чем та, что в Риме. И богослужение у нас идет не на латинском, а на нашем языке. Хоть и не по душе это папе римскому, но все же он не запретил наши обычаи полностью.

Ванимен удивленно покачал головой:

— Никогда мне этого не понять: почему вы, люди, враждуете из-за подобных пустяков? Зачем препираться и спорить, когда можно жить и наслаждаться жизнью, тем более что она так коротка? — Он заметил, что Томиславу неприятно обсуждать эту тему, и добавил: — Если ты не против, я хотел бы побольше узнать о твоем прошлом. Люди намекают на какие-то известные им обстоятельства твоей жизни, но толком говорить не хотят, уклоняются от разговора.

— Да рассказывать-то и не о чем, — ответил Томислав. — Самая обыкновенная жизнь простого человека, который часто заблуждается. Нет в ней ничего достойного твоего внимания, ибо ты прожил много столетий в мире чудес, непостижимых разуму сельского священника.

— Это неверно, — возразил Ванимен. — Для меня ты столь же необычаен, как и я для тебя. Если б ты позволил заглянуть в твои сокровенные глубины, я мог бы уразуметь не только то, как живут сыны Адама, но и то, почему...

— Ты разумеешь промысл Божий! — воскликнул Томислав. — О, ради этого я готов раскрыть перед тобой сердце. Впрочем, не так-то много в нем тайн. Спрашивай, о чем пожелаешь, но сначала послушай мою историю. Расскажу все по порядку.

И Томислав поведал морскому царю историю своей жизни. Взгляд его при этом блуждал где-то далеко, над крышами домов на противоположной стороне сельской улицы, поднимался над вершинами деревьев, устремляясь к небу. Томислав вглядывался в минувшее, подумалось Ванимену. Время от времени Томислав отпивал пива, но словно бы и не замечал, какое оно вкусное, а пил, просто чтобы промочить горло.

— Я родился в семье крепостных крестьян. Не здесь, а в Скрадине, под защитой стен замка, как принято говорить. Мой отец служил у жупана конюшим. Тогдашний капеллан замка нашел, что я способен научиться грамоте, и стал давать мне уроки. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, капеллан отправил меня с рекомендательным письмом к епископу. И вот я поселился в Задаре и взялся за постижение богословской науки. Нелегкое то было занятие, поистине изнурительное и для плоти и для духа. А вокруг меж тем кипела жизнь, шумел многолюдный город, где было много моряков, побывавших в далеких чужих странах, кругом царила мирская суета, на каждом шагу подстерегали соблазны и искушения. Признаюсь, некоторое время я предавался пороку. Но я покаялся и ныне уповаю, что прегрешения мои прощены. Познав грех, я научился сострадать ближним. Покаяние пробудило во мне тоску по родному дому, я скучал по родине, по простым нравам и таким же людям, как я. Но в течение нескольких лет прихода для меня не находилось, и я состоял на службе у задарского епископа. У меня тогда появилось желание вступить в законный брак, и в жены я хотел взять девушку, которая была родом отсюда, из наших мест. Откровенно говоря, это желание было для меня важнее, чем церковный канон, ведь Зена, моя любимая, была в ту пору в самом расцвете молодости. Но уже тогда, в молодые годы, в ее сердце поселилась печаль. Может быть, эта печаль зародилась от смущения в непривычной городской обстановке. Множество людей, шум, сплетни, насмешки, беспокойная, полная перемен жизнь — все это внушало ей страх, который тяжким бременем лег на душу. Двое детей у нас умерли во младенчестве от болезней. О наших троих

детях, которые выжили, Зена беспокоилась гораздо больше, чем я, забот у нее с ними было множество. В конце концов, я попросил назначить меня в эту лесную задругу. Епископ был недоволен, ему не хотелось меня отпускать, однако он уступил просьбе, когда я сказал, что моей Зене лучше будет жить здесь, а не в городе. Да только не стало ей лучше. Дети наши умирали один за другим или рождались на свет мертвыми. Но было и нечто худшее: трое старших детей подросли и стали тяготиться жизнью в лесной глуши, они не могли забыть великолепного города, тосковали по шумной веселой жизни, раздражались, часто ссорились со мной и с матерью. Благодаря тому, что я удостоился сана священника, все члены моей семьи освободились от вассальной зависимости. Поэтому дети вольны были покинуть задругу и уехать куда угодно. И вот дети выросли и один за другим оставили отчий дом, уехали в дальние края. Первым нас покинул Франьо. Он стал моряком и, совершив несколько плаваний, пропал без вести. Корабль не вернулся в порт. Кто знает, то ли он пошел ко дну, то ли стал добычей пиратов или работорговцев. Может быть, сейчас, когда я говорю о сыне, он уже евнух в гареме какого-нибудь турка... Господи, помилуй! К Зинке, нашей дочери, судьба была благосклоннее. Она вышла замуж за торговца, с которым познакомилась, еще когда мы жили в Шибенике. Обвенчалась с ним, даже не спросившись родителей, мы с Зеной узнали обо всем на другой день. Не допустить свадьбы мы не могли бы, потому что обвенчавший нашу дочь священник был земляком жениха. Муж увез Зинку к себе на родину, в Австрию. И с тех пор от нее никаких известий. Молю Господа, чтобы она была счастлива. Храни ее Господь. Немного позднее покинул дом и наш младший сын Юрай. Сейчас он живет в Сплите и служит у венецианского фактора. Венецианцам служить пошел, заклятым врагам! Изредка до меня доходят слухи о нем, потому что я знаю кое-кого из родни венецианца, но сам Юрай ни разу не послал мне весточки. Прости, Боже... Не знаю, можешь ли ты представить себе, как все это терзало сердце Зены, нежное сердце, так и не ожесточившееся. Спустя не-

сколько лет после отъезда Юрая она родила наше последнее дитя и с тех пор замолчала и почти не вставала с постели. Лежала и смотрела перед собой погасшим взором. Десять лет она хворала. Когда Зена умерла, я плакал, но смерть была для нее милостью Божьей. А наша маленькая дочка не умерла, выжила.

Томислав оживился и даже заулыбался.

— Ты, наверное, думаешь, что я растравляю свои раны, жалею себя? — Он уже вернулся от воспоминаний о прошлом к настоящему. — Отнюдь нет, отнюдь нет. Бог послал мне превеликое утешение — это и сам Он, Господь наш, это и зеленые леса, и музыка, и веселые праздники в кругу друзей, и доверие моей паствы и... любовь. Да-да, любовь маленьких деток моих прихожан.

Томислав заглянул в свою кружку.

— Пусто, — сказал он. — И твоя пуста, Погоди минутку, сейчас принесу жбан. До вечерни еще много времени.

Когда он вернулся, Ванимен сказал:

— Я тоже потерял детей.

Однако из деликатности Ванимен не стал говорить, что еще надеется на встречу с ними.

— Ты упомянул о девочке, младшей из всех детей, — сказал Ванимен. — Говорят, она умерла, это правда?

— Правда. — Томислав тяжело опустился на скамью. — Она была красавица.

— Что же с ней стряслось?

— Это никому не известно. Она гуляла по берегу озера. В его водах нашли ее тело. Вероятно, она оступилась и упала, ударилась головой о корень дерева. Но Водяной тут ни при чем, я знаю наверное. Водяной не утащил ее на дно, ведь мы нашли ее тело, нашли после долгих поисков в течение нескольких дней...

«Раздувшееся, наполовину разложившееся», — подумал Ванимен.

— Я... Я не похоронил ее рядом с матерью и нашими детьми. Я отвез гроб с ее телом в Шибеник.

— Почему?

— Ах, я подумал, что... что там ей будет покойнее.

Я тогда просто не помнил себя от горя, ты, наверное, понимаешь... Жупан помог мне получить разрешение от властей похоронить дочь в Шибенике. — Томислав вдруг подался вперед, как будто готовясь отразить нападение. — Я тебя предупреждал: моя история не слишком веселая. Хотя и тебе сейчас не до веселья, после всех пережитых несчастий...

В отличие от своих соплеменников Ванимен по характеру был очень уравновешенным и если считал необходимым, умел вовремя сменить тему разговора или придать беседе другой тон.

— Да, — сказал он. — Я должен преодолеть это настроение. Ради моего народа, прежде всего. И я хотел бы посоветоваться с тобой и обсудить наше положение.

Томислав улыбнулся.

— Ты уже говорил со мной об этом, причем в таких выражениях, которые я назвал бы резкими.

— О, лишь потому, что не совладал с собой. Ведь их держат в загородке, никуда не отпускают. И говорят, теперь жен и детей посадили отдельно от мужчин?

— Верно. Потому что они вели себя непристойно, когда были вместе. Об их поведении пошли толки, которые представляют собой опасный соблазн и угрожают добронравию нашего народа — так сказал отец Петр.

Ванимен ударил кулаком по скамье.

— До каких же пор это будет продолжаться? Я вижу — ясно вижу, и слышу, и чувствую, всей кожей, всем существом, как они страдают в неволе.

— Я же сказал тебе: такова воля бана. Они должны находиться под стражей, но притом получать все необходимое — еду, лекарства, пока бан не узнает о них все, что ему нужно знать. Мне кажется, терпеть осталось недолго. Мы с тобой уже многое обсудили и выяснили. Ты теперь совершенно свободно говоришь по-хорватски, значит, можешь поехать к бану и побеседовать с ним без посредников. Бан сообщил, что желает с тобой встретиться.

Морской царь покачал головой.

— Когда же это сделать? Как я понял, бан очень

занятой человек, он все время разъезжает по стране, иногда отсутствует целыми неделями. Меж тем мои подданные — я вижу — терпят тяжкие муки. Ваш барон, то есть жупан, должно быть, считает, что они едят вволю, но это не так. Я заметил, что в вашей кухне слишком много хлеба и молочных блюд и совсем мало рыбы. При таком питании мои подданные начнут болеть. Для их здоровья опасно и то, что им не позволяют плавать. Конечно, воды для питья им дают достаточно, но ведь это далеко не все, что им нужно. Когда они плавали в последний раз? Когда в последний раз находились под водой, как того требует наша природа? Ты позволил мне купаться в здешнем ручье, но этого мало, я чувствую, что мое тело постепенно усыхает от недостатка воды.

Томислав кивнул.

— Все понимаю, Ванимен, друг мой. А если не понимаю до конца, то о многом догадываюсь. Но что же тут поделаешь?

— Я об этом размышлял, — сказал Ванимен, сразу посветлев лицом. — Здесь, совсем недалеко, есть озеро. Пустите нас в озеро. Не всех сразу, конечно, по очереди, небольшими группами и в удобное для вас время. Остальные будут вашими заложниками. Зная это, те, кого вы отпустите поплавать, непременно вернутся назад. Разумеется, озеро не сравнить с морем, но все же его воды помогут нам восстановить утраченные силы, и тогда прекратится наконец это жалкое существование между жизнью и смертью. Ведь мои подданные на грани гибели. И вот что еще. Как я понял, никто из крестьян не ловит рыбу в озере. А мы умеем ловить рыбу, мы будем охотиться. Рыба там, должно быть, водится в изобилии. Мы могли бы так много наловить! И щедро поделиться с людьми. Этой рыбы с лихвой хватило бы и на то, чтобы возместить все затраты, которых стоит питание и содержание моих подданных под стражей. Может быть, вашего барона привлечет такое предложение?

Томислав колебался.

— Пожалуй... Если бы только это озеро не было проклятым местом.

— Как тебя понимать?

— На дне озера живет страшное чудовище, Водяной. Раньше, когда рыбаки ловили в озере рыбу, он разорял сети и забирал добычу. Тогда люди послали против Водяного войско, несколько отрядов солдат на ладьях. Но оружие бессильно против Водяного. Лодки пошли ко дну, все солдаты утонули, они же были в доспехах. Потом крестьяне решили построить на ручье мельницу, чтобы самим молоть зерно и не возить к мельникам в Скрадин. Когда мельницу уже почти построили, Водяной поднялся вверх по реке и принялся плескаться возле мельничной запруды. Зрелище было такое страшное, что люди своими руками разрушили только что построенную мельницу и плотину. Лишь тогда он уплыл обратно в озеро.

— Почему тогдашний священник задруги не предал Водяного проклятию? — через силу спросил Ванимен.

— Народ не дал. Церковь и знатные люди решили, что надо уважить желание народа. Дело в том, что изгнание нечистой силы распространяется на все сверхъестественные существа. Если бы Водяной был предан проклятию, то вместе с ним были бы изгнаны все волшебные обитатели лесов и вод, а люди верят, что многие волшебные создания приносят удачу. Крестьяне рассудили, что лучше уж как-нибудь обойтись без тех благ, которые может дать озеро, и примириться с тем, что иногда кого-нибудь поморочит в лесу леший. Зато они не лишатся дружбы с добрыми духами. Это Полевик — он отводит хворь от домашней скотины, Домовой — помогает по хозяйству в доме, Кикимора может иной раз вдруг прийти помочь крестьянкам, у которых всегда полным-полно тяжелейшей работы... — Томислав вздохнул. — Язычество, да, конечно. Но ведь вреда от него нет. Язычество вовсе не мешает людям истинно веровать в Бога, оно дает им утешение в горестях, которых так много в жизни... Вот богомилы, те искоренили все древние языческие пережитки в тех местах, где распространилась их ересь. Но богомилы — враги радости, их учение исполнено ненависти ко всему земному, а ведь Господь создал земной мир нам на радость, поэтому-то и сотворил он его таким прекрасным... — Снова

вздохнув, Томислав добавил, понизив голос почти до шепота: — Правда и то, что многие из тех, кто обитает в глубине вод или в лесной чащобе, тоже прекрасны.

Ванимен едва ли расслышал последние слова Томислава. Он вскочил с места и воскликнул, подняв кулаки к небу, где уже загорелась первая звезда:

— Мы вам поможем! Мы, народ лири! Вот случай, когда вы убедитесь, что мы желаем вам только добра. Я сам поведу войско в бой, и мы прогоним чудовище!

II

В Хадсунне жил некто по имени Аксель Хедебо, весьма преуспевающий торговец лошадьми, которых Дания поставляла заграницу. В прошлом Ингеборг часто с ним встречалась. Тем не менее Аксель был чрезвычайно удивлен, когда она вдруг явилась к нему в торговую контору в сопровождении молодого паренька с прямым и твердым взглядом, и заявила, что они желают поговорить с хозяином наедине.

— Мы пришли к тебе с просьбой о помощи. А так как мы надеемся завоевать твое расположение, позволь преподнести тебе скромный подарок. — С этими словами Ингеборг разжала пальцы и тайком, чтобы не видели подчиненные Акселя, показала ему золотой перстень.

Не какая-нибудь дешевая безделушка, смекнул Аксель. Такой перстень стоит не меньше пяти марок серебром.

— Ладно. Идите за мной, — сказал он, сохраняя невозмутимую мину, и проводил неожиданных посетителей из служебных помещений в жилую часть дома, где находилась приемная зала. Пропустив их вперед, Аксель плотно затворил дверь.

Стены залы были обшиты темными деревянными панелями, у стола стояли тяжелые резные кресла. В окнах блестело дорогое и редкое по тем временам стекло. Аксель задернул занавески на окнах, и комната погрузилась в полумрак, который как нельзя лучше соответствовал обстановке секретных перегово-

Нильс поглядел на него с ненавистью, Ингеборг же лишь выше подняла голову.

— Меж тем я кое о чем слышала от людей. Ходили тогда разные слухи... Ранильд из совсем другого источника тоже узнал о сокровищах. Все, о чем рассказывали люди, сошлось, а значит, можно было надеяться, что мы найдем это золото. Когда-то оно принадлежало язычникам и с древних времен лежало там, где находился их город — на острове посреди океана. Стало быть, не было никакого пиратства, посягательства на чужую собственность или осквернения святынь. Но золото, конечно же, пробудило в людях алчность. Начались раздоры, дошло до смертоубийства. Ты, должно быть, помнишь, каких отчаянных головорезов собрал Ранильд в своей команде. Все как на подбор разбойники, кроме Нильса. Потом налетел страшный шторм. Из всех, ушедших в море, на «Хернинге», в живых остались только мы с Нильсом. Корабль пошел ко дну, но мы доставили на берег часть золота, сколько смогли спасти. Теперь мы хотим использовать эти ценности.

Настало молчание. Наконец Аксель жестко спросил:

— Это правда?

— Я готова поклясться, что все — правда. Могу поклясться любой святыней, чем угодно. Все до последнего слова — чистая правда Нильс. тоже даст тебе клятву.

Юноша серьезно кивнул.

— Гм... — Аксель снова принялся теребить свои сальные волосы. — Ты тут сейчас рассказала только половину вашей сказочки.

— Я рассказала все, что тебе надо знать. Остальное — не твоя забота. Ты-то много ли рассказывал про меня своей жене? — Ингеборг усмехнулась, но тут же снова стала серьезной и продолжала, стараясь говорить как можно убедительней: — Ведь что от тебя требуется? Пустяк. А приобретешь ты много, причем без всякого риска. Мы вовсе не хотим нарушать законы. Напротив, нам нужен умный советчик, который научит нас действовать строго по закону. В то же время, мы не хотим нарваться на какого-нибудь

высокопоставленного негодяя, который, пользуясь своим положением, ограбит нас под каким-либо благопристойным предлогом.

— Ты права, — согласился Аксель. — С вашей стороны было бы разумно найти сильного покровителя, который не даст вас в обиду и поможет вложить деньги в прибыльное дело, например, торговое предприятие. Тогда вы могли бы жить без забот. — Аксель хмуро посмотрел на перстень, который беспокойно вертел перед собой на столе.

— Ганза! — вдруг выпалил Нильс. — Ее суда перевозят такое множество грузов, какое и не снилось ни одной другой торговой компании в северных морях, правильно? Говорят, города, вошедшие в Ганзейский союз, процветают и богатеют, их даже короли опасаются. Если бы я мог стать судовладельцем и служить Ганзейскому союзу...

Аксель покачал головой.

— Не обольщайся, парень. Я ганзейских купцов хорошо знаю. Сущие дьяволы, жадные до наживы. Они ревниво охраняют свое добро от чужаков и подозрительно относятся ко всем, кто не входит в эту чертову Ганзу. Они очень осторожны и опасаются какого-либо вмешательства в свои дела со стороны других гильдий, корпораций и влиятельных лиц. Взять хотя бы порт Висбю, что на острове Готланд. Там торговцам предоставлены большие вольности, но при одном неприменном условии — если они уроженцы Готланда. Я думаю так: если вам придется иметь дело с кем-то из этих некоронованных королей, он вам будет помогать лишь до поры до времени. До тех пор, пока не найдет способа выкачать из вас все до последней медной монеты. Да еще и меня втянет, чего доброго, в какую-нибудь невыгодную сделку.

Нильс стиснул зубы. Чтобы его успокоить, Ингеборг положила руку ему на плечо.

— Неужели нельзя ничего придумать? — сказала она.

— Не знаю, трудно... Трудно... Вы меня застали врасплох. Надо это дело обмозговать... — Он подбросил над столом перстень, и тот завертелся на столешнице со стуком, который в наступившей тишине пока-

зался необычайно громким. — Так, так, так... — Аксель что-то обдумывал. — Может быть, Копенгаген? Большой морской порт, пожалованный в ленное владение Роскильдскому епископу, а тот строго следит, чтобы никакие гильдии не пустили корни в его землях. Торговлей в Копенгагене позволено заниматься только тем, кто получил особое разрешение у отцов города... пожалуй, и правда — Копенгаген. Едва ли я смогу посоветовать вам что-либо лучшее. Дело в том, что в Дании я почти не торгую, мы стараемся все продавать заграницу.

— Послушай, — сказала Ингеборг. — Тебе имеет прямой смысл войти с нами в долю и помочь нам пристроить ценности. Не спеши с ответом, обдумай все, рассчитай. Насколько я тебя знаю, ты будешь торговаться за каждый грош, только бы не упустить своей выгоды.

Аксель поднял голову, взгляд его стал жестким.

— С чего ты взяла, что я согласился?

— Что ты хочешь сказать?

Ингеборг растерялась. Нильс испуганно глядел на Акселя широко раскрытыми глазами.

— Ты мне так ничего и не рассказала. Все, что ты тут наплела, — ложь, любому дураку ясно.

— Не забывай, и я, и Нильс готовы поклясться именем Господа в том, что я сказала тебе правду.

Аксель упрямо выпятил подбородок.

— Клятвопреступничество вряд ли будет самым тяжким из твоих грехов, Ингеборг-Треска. Ваша история совершенно неправдоподобна. Гораздо легче было бы поверить, если бы ты соврала, что вы нашли клад в земле, здесь, в Дании. А если вы и впрямь совершили убийство где-то в чужой стране, это ничего не меняет — за такое преступление вас также ждет виселица. Хотели и меня впутать в свои темные делишки? Не выйдет. Мое кредо — осторожность.

— В таком случае, ты ведешь себя как малодушный человек, — сказала Ингеборг, окинув Акселя внимательным взглядом.

— Я человек, уважающий закон. Кроме того, я обязан подумать о моей семье.

— Дерьмо! Я не зря сказала «ведешь себя» как

малодушный человек. Разыгрываешь из себя труса, будто дрянной бродячий актеришка! Но меня ты не проведешь, уж я-то знаю, из какого теста ты слеплен. — В голосе Ингеборг звучало глубочайшее презрение. — Ты все решил для себя с самого начала. Ты хочешь нас обчистить, но этот номер не пройдет. Или торгуйся, как последний негодяй, раз уж не можешь иначе, или мы пойдем куда-нибудь еще, глядишь, в другом месте больше повезет.

Нильс подался вперед, взявшись за рукоять своего матросского кортика. Аксель ухмыльнулся.

— Ах, вот оно как, моя дорогая! Штука, видишь ли, в том, что у меня нет охоты заводить шашни с палачом. Мне нужны гарантии, и для начала я должен увидеть ваш клад.

Ингеборг поднялась.

— Идем, Нильс. Нам здесь нечего делать.

— Э, нет, постой. — Аксель по-прежнему оставался невозмутимым. — Сядь. Разговор еще не окончен.

Ингеборг отрицательно тряхнула головой.

— Я достаточно прожила на свете, чтобы научиться вовремя чуять предательство. Пошли, Нильс.

Юноша встал. Тогда Аксель поднял руку:

— Я требую, чтобы вы остались. Не то позову слуг. Хотите, чтобы вас задержали?

— Не выйдет! — крикнул Нильс, но Ингеборг шикнула на него и, холодно поглядев на Акселя, спросила:

— В чем дело?

Торговец с улыбкой ответил:

— Да в том, что, как я подозреваю, вы виновны либо в пиратстве, либо в хищении собственности Датского королевства. Так что вы не будете в претензии, когда узнаете, какой ценой придется заплатить за подобное преступление. Вы оба бедняки, одиночки, семей у вас нет. Мне по воле Бога определено более высокое положение в жизни, значит, и терять мне придется больше, чем вам, намного больше. С какой же стати мне ставить на карту состояние, если... если ценой риска будет не весь клад?

Ингеборг и Нильс застыли на месте, молча глядя на Акселя.

— Конечно, я дам вам какую-то часть, — подумав, добавил торговец.

Ответа не последовало. Аксель нахмурился:

— Прекрасно, — сказал он и хлопнул ладонью по столу. — Зарубите на носу: я отнюдь не собираюсь становиться соучастником ваших преступлений. Говорил я обо всем этом деле только для того, чтобы разобраться и понять, что у вас на уме. Мой долг — немедленно донести на вас, и не шерифу, а самому барону. Как вы понимаете, я не могу позволить вам уйти из моего дома. Пораскиньте мозгами, вы, оба. Я слышал, что у барона Фольквара состоит на службе палач, которому нет равных во всем королевстве. Он живо вытрясет из вас всю правду до последнего слова. Вернее, не из вас, — из того, что от вас останется.

— А ты, уж конечно, позаботишься о хорошем защитнике для себя. — Ингеборг презрительно усмехнулась.

— Безусловно. Я всегда держусь осторожной линии поведения. Мне не хотелось бы так сурово поступать с вами, потому что у меня остались приятные воспоминания о наших прежних встречах, Ингеборг. Да и у твоего приятеля вся жизнь впереди. Так что сядьте-ка, да потолкуем по-хорошему.

— Нильс!

Он сразу все понял и выхватил нож, который в полумраке показался устрашающе огромным.

— Мы уйдем, — сказал Нильс. — И вы нас не задержите. Если возникнет малейшее препятствие, вы умрете первым. А ну-ка, идите вперед.

Аксель внезапно побледнел и поднялся с места. Но стоявший перед ним парень давно уже не был прежним беспомощным и робким мальчуганом. Нильс сунул кортик в ножны, но рукоять не выпустил. Ингеборг взяла со стола перстень и спрятала его за корсаж платья.

Из дома торговца они вышли втроем, вместе с хозяином. Только отойдя на некоторое расстояние от ворот, Нильс отпустил Акселя, и тот поспешно свернул в боковую улицу. Когда Аксель скрылся из виду, Ингеборг дала волю негодованию.

— Вот уж не думала, что он окажется такой

дрянью. Где же, спрашивается, добрые-то люди, истинные христиане?

— По-моему, надо поскорей уносить ноги, пока он не поднял тревогу, — предостерег Нильс.

Закоулками и окраинами они вышли на берег Мариагер-фьорда. Здесь в ожидании прилива стоял небольшой торговый парусник, совершавший регулярные рейсы между портами на побережье пролива Зунд. На всякий случай Ингеборг и Нильс заранее договорились с капитаном судна, и он пообещал предоставить им места на палубе. Теперь эта предосторожность как раз пришлась кстати. Поднявшись на борт, они заплатили капитану и щедро добавили на выпивку, так что он уступил им свою каюту на все время пути.

III

Высоко в небесах стояла полная луна, из-за мороза окруженная светлым ореолом. Редкие звезды мерцали среди лунного света, серебрились инеем вершины деревьев над озером, серебром отливали мелкие волны. По-зимнему холодный ветер подхватывал и кружил сухие мертвые листья.

Водяной поднялся со дна озера и поплыл к берегу. Когда луна шла на убыль, Водяной старел, с появлением же молодого месяца к нему возвращалась юность. В эту ночь Водяной был преисполнен сил, но его мучил голод. Водяной был огромным: в три раза больше, чем крупный жеребец. Туловище у него было таким же, как у людей, но на ногах были кожистые перепонки и длинные острые когти: сзади висел длинный хвост. Морда у Водяного была плоская, с жесткой щетиной по краям широкой пасти, глаза горели красным огнем, словно угли.

Уткнувшись брюхом в прибрежный песок, Водяной смотрел на берег. Из темноты донесся шорох раздвигаемых ветвей и чьи-то шаги — они приближались к озеру. Кто из смертных посмел явиться сюда после наступления сумерек? О, если бы кто-нибудь из людей зазевался и по неосторожности вышел на берег! Водяной замер, казалось, он превратился в скалу возле

берега. Серебряные волны, которые он поднял, когда плыл к берегу, уже успокоились.

Из-за темных деревьев появилась какая-то легкая тень. Она приблизилась и как бы повисла над осокой у самой кромки воды, удлиненная, тонкая и светлая, как месяц. Послышался звонкий смех:

— Ах ты, глупыш! Смотри, как надо прятаться!

Тень промелькнула над берегом и с быстротой ветра скрылась в ветвях дуба, который стоял у самой воды.

— Дай-ка я тебя покормлю!

С дерева полетели желуди, со стуком ударявшиеся о толстую шкуру Водяного.

Он глухо заревел в бессильной ярости. Вот уже три года вилия его дразнит. На суше Водяной едва мог сделать два-три неуверенных шага, он уже не раз пытался поймать насмешницу, но всегда дело кончалось тем, что она убегала и потом еще пуще потешалась над озерным чудовищем. Скоро зима, вилии придется покинуть лес и ждать весны на дне реки или озера, но Водяной ничего от этого не выигрывал: в зимние холода вилия дремала, однако ее легкий сон был чутким, при малейшей опасности вилия мгновенно просыпалась и ускользала с обычной быстротой и проворством. В то же время, когда Водяной не был ослеплен яростью, в его голове появилась смутная мысль, что он вряд ли способен причинить зло призрачной вилии. Только и было хорошего, что зимой она оставляла Водяного в покое, а встретив где-нибудь случайно, лишь слабо, как сомнамбула, кивала.

— Я знаю, — крикнула вилия, — ты надеешься подстеречь и сцапать вкусного сочного человека! Да только ничего у тебя не получится. — Она замахала руками, поднимая легкий ветер, который закружил над Водяным. — Потому что они мои, эти странники!

И вдруг ее настроение изменилось. Ветерок утих.

— Зачем же они идут в лес ночью? — вслух удивилась вилия. — И огня с собой не взяли, чтобы путь освещать. Люди огонь взяли бы... Или нет? Не помню, забыла...

Она сидела на ветви, поджав колени, и раскачивалась взад и вперед. Пушистые светлые, как легкое

облако, волосы взметнулись от слабого движения воздуха, которое едва ли могло растрепать волосы человека. И вдруг вилия воскликнула:

— Они вовсе не люди! Почти все — не люди!

И она проворно скользнула вверх по стволу и спряталась в ветвях дуба. Водяной свистнул ей вслед, потом пригнулся пониже и затаился в воде.

Из леса вышли во главе с Ванименом около двух десятков его подданных. Все они были нагими, лишь с поясами, к которым были подвешены кинжалы. На плече у каждого лежал гарпун, в руках они несли рыболовные сети. Позади шли шесть человек — Иван Шубич и пятеро солдат. Жупан хотел увидеть все своими глазами. Сквозь темную лесную чащу они пробрались, ведомые своими спутниками из Волшебного мира, которые обладали чудесным даром видеть в темноте. Люди же шли на ощупь, и теперь, вдруг очутившись на освещенном луной берегу, удивленно оглядывались вокруг.

— Вон там он, — Ванимен увидел Водяного. — Как легко мы его нашли. Хорошо, что не взяли с собой факелов.

Иван пристально оглядел озеро и спросил:

— За тем камнем?

— Нет, ближе. Смотри, видишь, глаза горят?

Ванимен поднял гарпун и отдал приказ на языке лири.

Морской царь и его войско бросились в озеро. Водяной с ликующим ревом кинулся к тому, кто оказался к нему ближе остальных. Но враг ловко увернулся. Водяной ринулся на другого — и снова промахнулся.

Теперь они сражались под водой. Подданные Ванимена бросались на чудовище с разных сторон, дразнили его, кололи острогами и гарпунами. Водяной нырнул на дно — преследователи за ним. Вода в озере взволновалась и забурлила.

Спустя недолгое время все стихло, волны на озере улеглись, небеса недвижно застыли в холодном серебряном сне. В глубочайшей тишине едва слышно прозвучали слова одного из солдат, пришедших с жупаном:

— Битва идет на такой глубине, что нам ничего не видно.

— Если вообще идет, — откликнулся другой солдат. — Это чудовище бессмертно и будет жить до Судного дня. Железо его не берет. И на что только надеются эти ваши охотники, господин жупан, хоть и сами они нелюди...

— Их вождь рассказал мне о средствах, которые он предполагает пустить в ход против Водяного, — коротко ответил Иван. Он не имел обыкновения откровенничать с подчиненными. — Из этих средств он сумеет выбрать наиболее подходящее.

— Если только Водяной прежде не перебьет всех его воинов, — сказал еще один солдат. — Что мы тогда будем делать?

— Придется ждать здесь рассвета. В темноте нам не найти дороги домой. Но на берегу нам эта тварь не страшна, — ответил жупан.

— Тут и кроме Водяного полно всякой нечисти, — снова подал голос тот солдат, что начал разговор, и опасливо огляделся. От лунного света его испуганные глаза на мгновенье ярко блеснули. Иван достал из-под рубахи нательный крест, в середине которого было круглое углубление, прикрытое хрусталем.

— Там внутри хранится косточка от пальца святого Мартина, — пояснил Иван, показывая крест солдатам. — Молитесь от всей души, как подобает истинно верующим христианам, и никакие силы тьмы не причинят вам вреда.

— Михайло, твой сын, по-иному про все это думал, — проворчал солдат себе под нос. Но Иван все же услышал и с размаху влепил ему звонкую затрещину, звук который гулко разнесся над озером.

— Будешь знать, болван, как распускать язык!

Солдаты перекрестились. Иные из них подумали, что раздор сулит неминучую беду.

Медленно тянулись час за часом. Мороз усилился. Ожидавшие на берегу люди дрожали от холода, прятали руки в рукава, топали ногами, чтобы согреться. От дыхания шел пар. И вдруг в ветвях старого дуба мелькнула и тут же исчезла светлая тень. Никто из людей не обратил на нее внимания.

Луна уже опустилась низко и повисла над самой кромкой леса, когда вдруг мрак впереди расступился. Люди в ужасе закричали. Прямо на них надвигалась огромная глыба. Черная громадина остановилась в некотором отдалении от берега, и тогда люди увидели — это был Водяной, окруженный охотниками Ванимена.

Вождь лири вышел на берег и подошел к людям. Вода стекала с его плеч потоками струящегося серебра. Лицо Ванимена сияло от гордости, подобно солнцу, первые лучи которого уже пробивались над лесом.

— Мы победили, — провозгласил морской царь.

— Слава Всевышнему! — радостно воскликнул Иван. В следующую минуту к жупану вернулось обычное здравомыслие. — Ты уверен в победе? Как вам это удалось? Что будем делать теперь?

Ванимен скрестил руки на могучей груди и засмеялся.

— Мы не смогли его убить. И все-таки мы его одолели. Притом одолели в полнолуние, когда Водяной сильнее и опаснее, чем в любое другое время. Мы его основательно потрепали. Никого из наших ему не удалось схватить, ну а мы его помучили, надолго запомнит. А потом мы показали ему, как ловят рыбу сетями. Не успел он опомниться, как попал в сети, теперь он не опасен, его можно пугать, морить голодом. В конце концов, с помощью волшебных заклинаний, благодаря которым мы можем объясняться с подобными существами, мы растолковали ему, что будем держать его в сетях, сколько пожелаем, и лучше ему поберечь силы, а не тратить их понапрасну, исходя злобой. Мы предложили ему навсегда покинуть здешние воды. Вместе с ним мы поднимаемся вверх по реке, минуем ваш город, а затем отпустим Водяного. Пусть живет где-нибудь в верховьях Крки, в безлюдных горах. Он больше не будет досаждать людям.

Иван обнял Ванимена. Солдаты радостно шумели на берегу, подданные морского царя ликовали в озере. Водяной угрюмо ворчал и ворочался в сетях.

— Идите вдоль кромки воды, — сказал Ванимен людям. — Мы поплывем недалеко от берега, в пределах видимости. — Он повернулся и зашагал к озеру.

И тут светлая тень скользнула по ветвям с вершины дуба, слабо зашуршала сухой листвой, и вот кто-то легко спорхнул с толстого нижнего сука на землю.

— Ах нет! Неужели вы прогоните из озера бедного старого урода? — услышал Ванимен мелодичный девичий голос. — Не выгоняйте Водяного, ведь озеро — его дом. Озеру будет без него одиноко. А как же чудеса? Они тоже исчезнут? И с кем я буду играть?

Ванимен разглядел трепещущую тень, смутно белевшую над блестящей осокой. Тень имела очертания стройной девичьей фигуры, прекрасной, но совершенно лишенной красок и даже словно бы прозрачной. От ее дыхания не поднимался морозный пар.

— Русалка! — в ужасе вскрикнул Ванимен и бросился в озеро.

Тень на берегу замерла.

— Кто ты? — мягким нежным голосом заговорила она, обращаясь к жупану. — Должна ли я тебя помнить?

На лбу у Ивана выступил холодный пот, его била дрожь, но то была не дрожь страха — Ивана трясло от гнева и ненависти.

— Демон, призрак, губительница душ христианских! Сгинь, пропади, нечистая сила! Убирайся в могилу, откуда пришла, в ад, в преисподнюю!

Иван ударил вилию мечом. Но меч непостижимым образом не поразил ее. Вилия всплеснула руками.

— Да на что ж ты прогневался? Не сердись на меня, не уходи! Останься, — попросила она жалобно. — Ты такой горячий, а мне так одиноко...

Иван отбросил меч и схватился за крест.

— Именем Святой Троицы и Святого Мартина, под чьим знаменем шел в бой Святой Стефан, сгинь! — воскликнул Иван, подняв над головой крест.

Вилия легко вспорхнула и побежала в лес. Будь вместо нее смертная женщина, ее еще долго можно было видеть издали — вилия же сразу как бы растаяла среди седого инея. Люди на берегу услышали ее рыдания, плач, который вдруг сменился заливистым звонким смехом. Вскоре и смех умолк, растаяв в тишине.

* * *

Звонили колокола, весь Скрадин праздновал и ликовал. Никто не работал, шли только приготовления к празднеству, которое началось в полдень и завершилось после захода солнца.

Еще до рассвета разбуженные шумом горожане с благоговейным ужасом смотрели на Водяного, который плыл вверх по реке, со всех сторон окруженный охотниками Ванимена. На какой-то миг людям показалось, что их мир: замок, церковь, город с его домами, поля, размеренная жизнь и спокойный ход времени от Пасхи до Рождества и от Рождества до Пасхи, — вдруг раскрылся, подобно тому, как раскрываются оконные ставни. Люди увидели то, что было ранее скрыто за плотной завесой, и раскрылись перед ними не добрые гостеприимные Небеса, но бескрайние просторы неведомого и непостижимого.

С первыми лучами солнца охотники Ванимена и жупан со своим маленьким отрядом вернулись в город. Все страхи уже были забыты, кругом шли оживленные разговоры о том, что теперь можно будет ловить рыбу в озере. Безусловно, дремучие леса попрежнему таили в себе множество опасностей, было ясно, что сменится не одно поколение людей, прежде чем чащобу удастся проредить. Однако год от года лесные вырубки расширялись, пахотные земли теснили заросли, жителей в округе прибавилось, и населенные людьми места уже подошли к озеру широким полукругом с одной его стороны. Чудовище было изгнано, теперь люди могли, ничего не боясь, плавать по озеру на лодках возле населенного берега. Однако слишком близко подгребать к лесистому берегу все же не стоило.

Жупан подтвердил, что добрые вести правдивы. Он своими глазами видел, как Водяной покинул озеро и медленно двинулся вверх по реке, шумно фыркая, сопя и отдуваясь. Местами он плыл, местами тащился по мелководью, царапая брюхо о камни, и наконец скрылся из виду. Чудовище передвигалось с большим трудом. Похоже, что гибель его настанет задолго до Судного дня. Никаких надежд у Водяного не осталось, и от безысходной тоски он скоро успокоится

навеки. Капеллан замка отец Петр отслужил благодарственный молебен, однако лицо у священника было при этом довольно-таки кислое. После молебна началось веселье. Луг на окраине города был полон народу, все скрадинцы нарядились в лучшее праздничное платье — вышитые безрукавки, сборчатые рубахи; женщины были в широких пышных юбках, которые высоко взлетали, подхваченные вихрем пляски, и открывали ножки. Над костром жарилась на вертеле туша быка, от котлов поднимался соблазнительный вкусный запах, кувшины до краев были наполнены медом, вином и пивом. Заливались дудки, рожки и волынки, гремели бубны, взвизгивали скрипки, ни на минуту не умолкал радостный гомон.

Среди крестьян свободно расхаживали подданные Ваниmена. Иван Шубич на свой страх и риск разрешил им гулять на празднике вместе с людьми. Он ни минуту не сомневался, что они сдержат данное слово и не попытаются сбежать. Сегодня они всюду находили радушный прием, а завтрашний день сулил им долгожданное исполнение надежд. Ради соблюдения приличий жупан велел всем подданным морского царя одеться, как люди. Жаль только, что многим досталась старая заштопанная одежда с чужого плеча. Но для лири это ровным счетом ничего не значило, прежде всего потому, что все они были беспредельно счастливы, ведь в день праздника всему племени наконец позволили объединиться. К тому же, если двое уходили с луговины и уединялись где-нибудь в зарослях или под деревьями на берегу реки, они тут же сбрасывали ненавистное тряпье.

Радостней и громче всех веселился отец Томислав. Он прибыл в Скрадин вместе с Ваниmеном. Когда морской царь рассказал Ивану о своем плане поимки Водяного, отец Томислав хотел непременно отправиться на озеро вместе с жупаном и солдатами, и его лишь с большим трудом уговорили остаться и ждать в городе возвращения отряда. Теперь же, как только люди, взявшись за руки, встали в хоровод и пустились в пляс вокруг костра, на котором жарился бык, радость отца Томислава просто хлынула через край и захлестнула всех, кто был с ним рядом.

— Эге-гей, веселей! Пляши живей! — кричал Томислав. — Эх, и спляшем же! Спляшем, как царь Давид плясал пред Господом! Ах вот вы где, мои красавицы, — обрадовался он еще больше, увидев хорошеньких девушек. — А ну-ка, берись за руки, посмотрим, кто кого перепляшет!

Ванимен и Миива надолго уединились. Они вернулись на луг, когда все уже наплясались досыта. Сын Ивана Лука побежал через луг поздороваться с ними. Лука был худощавый юноша с задумчивым лицом, которому совсем не шел нынешний по-праздничному яркий наряд. Он с первого дня принимал живейшее участие в судьбе странных созданий, явившихся из морской пучины, и жадно расспрашивал обо всем, что имело к ним отношение. Помимо того Лука настойчиво требовал, чтобы с ними хорошо обращались. После того как Ванимен одержал победу над озерным чудовищем, юноша преисполнился восхищения морским царем.

— Приветствую тебя, — громко сказал Лука среди веселого шума. — Твое лицо мрачно, отчего ты не весел? Могу я чем-нибудь тебе помочь?

— Благодарю, но мне как будто ничего не нужно, — ответил Ванимен.

— Случилась неприятность?

— Позже, когда праздник закончится, я поговорю с твоим отцом. Не хочу омрачать вашей радости.

— Прошу тебя, скажи, в чем дело. Вдруг я смогу быть чем-нибудь полезен?

— Ладно, — согласился Ванимен.

Миива, которая так до сих пор и не выучилась языку хорватов, незаметно отошла в сторону.

— Ладно, Лука. Коли ты так настаиваешь, скажу. Слышал ли ты, что мы встретили на озере русалку?

Лука удивился.

— Как ты говоришь, русалку?

— Да. Призрак утонувшей девушки. Он обитает в водах, которые поглотили тело утопленницы.

Лука широко раскрыл глаза и вздохнул.

— Это вилия, — сказал он. — С кем ты говорил о ней? — Лука немного помедлил. — Я не знал, что ты

ее видел. Никто не сказал — люди вообще боятся о ней говорить.

— У вас ее зовут вилией? — настороженно спросил Ванимен. — Однажды я столкнулся с призраком из их рода. Далеко отсюда, на севере. И потому я сразу понял, что это за существо, когда увидел ее на озере. Меня охватил ужас, и я бежал, скрылся от нее в водах озера. Я стыжусь своей трусости. Твой отец прогнал призрак, но потом, когда я хотел объяснить, почему храбрость мне изменила, он не пожелал разговаривать. Сказал, что ему неприятно слышать что-либо о подобных вещах.

Лука кивнул.

— У отца есть на то причины. Однако, я думаю, если бы ты проявил настойчивость, он не отказался бы тебя выслушать. Тут нет никакой тайны. Это печальная история, но не позорная для отца.

— Эта... вилия насмехалась над нашей победой. Как я заметил, люди радуются тому, что смогут теперь рыбачить на озере, и рассчитывают на помощь моих подданных. Неужели твои земляки лишились рассудка? Если Водяной едва не погубил их, то как же они не боятся вилии? Ведь она убьет их!

— Вилия? Убьет? — Лука опешил. — Да от нее никакого вреда. Леший — и тот зловреднее. Она, конечно, из озорства может нагнать ветер, и он, скажем, сорвет развешанное на веревках выстиранное белье. Младенца утащить может, если мать зазевается, но она всегда сразу же приносит дитя и кладет в колыбельку. Да ведь и отпугнуть ее легко, она боится полыни. Конечно, если кто-нибудь поддастся ее чарам и пойдет за ней, он совершит смертный грех. Да только никто об этом не мечтает, никогда ни с кем такого не случалось, даже с теми, кого она пыталась заманить в лес. Оно и понятно, ведь призрак уже сам по себе внушает людям ужас. Я это очень хорошо знаю... Слишком хорошо. Лучше бы не знать.

— Почему? — Ванимен пытливо поглядел в глаза юноши.

Лука поежился, словно от озноба, хотя стоял теплый солнечный день, шумный, звонкий и радостный.

— Я был тогда с Михайлой, моим братом, на охоте.

Тогда-то она его и приметила. Это случилось два года назад. Я видел ее лицо. У нее было лицо Нады, девушки, которая утопилась в озере три года тому назад...

Тут кто-то схватил Луку за плечо и швырнул наземь. Перед ними стоял отец Томислав.

— Ложь! Все ложь, до последнего слова! — крикнул старик.

Он незаметно подошел сзади и слышал, о чем говорит Лука. Теперь он стоял над упавшим на землю пареньком. Вмиг смолкли голоса и звуки музыки, настала полная тишина, все испуганно смотрели на Томислава. Тот поборол гнев и глухо произнес:

— Лука, я не хотел сказать, что ты обманщик. Ты сам обманут. То было случайное сходство, оно тебя обмануло. Или происки дьявола. Прости, Лука.

Томислав обвел взглядом всех, кто в молчании стояли вокруг. И вдруг из глаз у него полились слезы.

— Моя дочь не утопилась! — прошептал он. — Она не совершила греха самоубийства. Господь не осудил мою дочь, она покоится в освященной земле, на христианском кладбище. А ее душа, она... Она в раю.

Старик побрел прочь в расступившейся перед ним толпе.

* * *

Ночной дождь стучал по крыше замка, за окнами завывал ветер. От каменных стен, проникая сквозь плотные шпалеры, струился холод. Сумрак силился поглотить огоньки свечей. Иван Шубич и морской царь сидели друг против друга. Иван решил обойтись в этот вечер без слуг, и потому его жена не ушла спать, а сидела в дальнем угду зала, грелась возле жаровни с углями, и по знаку Ивана подавала на стол вино.

— Ладно, — сказал Иван. — Лучше уж я сам расскажу тебе обо всем. Иначе ты станешь избегать озера, а я ведь надеюсь, что ты и твои подданные поселитесь в наших местах и передадите людям свое умение и опыт, обучив их рыболовному промыслу. Да

и нет ничего постыдного для моей семьи в том, что с нами случилось. — Иван тяжело вздохнул. — Не стыд, а печаль... Нет, скорее горечь. Я понимаю, что не прав, но чувствую именно горечь.

Иван притронулся к шраму, которым было изуродовано его лицо.

— И тебе, Ванимен, нисколько не должно быть стыдно, что ты тогда бросился бежать от нее. По моему мнению, подобные существа и здесь, на юге, не менее страшны, чем те, что обитают в северных странах, как ты мне рассказал. Признаюсь тебе: я до конца дней не забуду ужаса, который пережил тогда, хоть и сам лучше всех знаю, что недаром слыву храбрецом. Однако — не могу объяснить почему, может быть, потому, что мы во многом совсем не такие, как люди племени руссов, мы настолько другие, что и сама смерть нас с руссами не уравняет — как бы то ни было, вилия не принадлежит к числу страшных призраков или демонов, какими являются северные русалки. О, конечно, если человек по глупости пойдет за ней, тогда... Но все-таки раньше у нее была душа. Ты... — Иван вдруг осекся.

Ванимен через силу улыбнулся.

Иван отхлебнул из кубка и поспешно заговорил о другом:

— Я не питал бы недобрых чувств к Наде, но ведь из-за нее мой старший сын удалился от мира. Так я думаю.Но, может быть, я ошибаюсь. Кому, кроме Бога, ведомы движения человеческого сердца? А Михайло был таким веселым парнем, так любил жизнь. В нем я узнавал себя в молодые годы. И вот Михайло ушел в монастырь. Сожалеть об этом не подобает, безусловно. Да монастырь, пожалуй, был для него спасением. Моему младшему, Луке, монашеская ряса подошла бы куда как лучше, Михайло был совсем другого склада, тот, прежний Михайло... а теперь Лука унаследует... нет, не унаследует Лука жупанской власти. Потому что жупана назначает король или избирают главы знатнейших родов. И король, и знать сразу же поймут, что воин из Луки никудышный.

Иван поднес к губам кубок. В наступившей тишине слышалось лишь завывание ветра, который бушевал

над крышей замка. Наконец, Ванимен нарушил молчание:

— Правда ли то, что вилия в своей прежней жизни была дочерью Томислава?

— Старику нестерпимо больно об этом слышать, — ответил Иван. — Те, кто любят Томислава, никогда не упоминают при нем о Наде. Нынче он обидел моего сына, но я не держу на старика зла. Ничего страшного не произошло, Лука получил урок и впредь будет вести себя осмотрительнее. Однако речь не о нем. Я должен наконец рассказать тебе о том, что в наших краях известно всем и каждому. Твой мир — мир чудес и волшебства. Должно быть, ты лучше, чем люди, можешь судить о том, что сейчас услышишь.

И Иван начал свой рассказ.

— Сразу же должен тебе сказать, что Зена, жена Томислава, была из тех женщин, что приходят на эту землю для горя и страданий. Отец Зены был незаконнорожденным сыном тогдашнего жупана и крепостной девушки, которая, говорят, была писаная красавица. Жупан дал сыну вольную, и тот, когда вырос, стал гусляром, странствующим музыкантом. Был этот парень настоящим ветрогоном и однажды устроил в городе переполох — привел в дом невесту, которую нашел себе среди цыган. Эти бродяги и язычники в те времена как раз кочевали по нашей стране. Невеста его, правда, была крещеная, однако насколько искренним было ее обращение в христианскую веру, никто не мог сказать. И гусляр и его жена цыганка умерли молодыми от тяжкого недуга. Их дочь Зену взяли к себе родственники. Надо заметить, родня все детские шалости и проступки Зены относила на счет дурного нрава, якобы унаследованного ею от родителей. Я так до конца и не понимаю, что побудило Томислава просить руки Зены — то ли красота девушки, то ли жалость, которую он испытывал к сироте. Об их горестях ты знаешь. После того как родилась Нада, жена Томислава тяжело захворала, ее одолела безысходная тоска, и до самой смерти она не вставала с постели. Какие же воспоминания о матери остались у Нады? Соседи по доброте душевной иногда

уделяли девочке внимание, отец отдал ей всю любовь своего сердца, дочь была для него все на свете. Но разве мужчина в одиночку может как следует воспитать ребенка? По-видимому, Томислав слишком многое поверял дочери, а ведь священник знает все беды и горести людские. Я думаю, Наде слишком рано открылось то, что мир наш — юдоль скорби. Не знаю... Я ведь простой солдат, Ванимен.

Иван осушил кубок и знаком велел жене подать еще вина. Затем после долгого молчания он продолжал свою повесть:

— Я хорошо помню Наду. По долгу правителя я много разъезжаю в нашей жупании, езжу и в дальние глухие углы, потому что я обязан знать, как живут люди и хорошо ли служат судьи, чиновники и прочие. Томислав же часто со всей семьей приезжал из задруги в Скрадин, особенно по базарным дням. В нашем городе нет большой рыночной площади, однако крестьяне постоянно приезжают торговать своим товаром. Мне кажется, устраивая эти поездки в город, Томислав надеялся хоть как-то утолить жажду приключений, которой томились его старшие дети. Нада подросла. Удивительной красавицей стала! А люди говорили, что она еще и умница, и сердце у нее было доброе. Нада и зверье любила, и домашнюю скотину — в крестьянской жизни это не последнее дело. Нада была веселая, смешливая девушка. Но вместе с тем, хоть и редко я в то время мог ее видеть, однако замечал, что порой на нее вроде бы без причины вдруг находит печальная задумчивость, и тогда Нада становилась замкнутой и молчаливой. Причина, наверное, заключалась в том, что не было у Нады ухажеров. Парни-то, конечно, и потанцевать, пошутить с ней любили, когда она бывала в веселом настроении, но отец не мог дать за Надой хорошего приданого. Да и очень уж она была хрупкая — как такой былиночке рожать детей чуть ли не каждый год, да еще и по хозяйству хлопотать и в поле гнуть спину? Надо полагать, отцы неженатых парней, заботясь об их благе, подыскивали им более подходящих невест.

Иван отпил вина, поставил кубок на стол и погля-

дел на дрожавшие от ветра ставни, словно ему хотелось вырваться наружу и скрыться за серой пеленой дождя.

— Ну вот, я подошел к тому, о чем мне тяжелее всего говорить. Позволь рассказать об этом коротко. Нада расцвела как раз к тому времени, когда Михайло, мой старший, ненадолго приехал домой. Они с Надой повстречались в Скрадине, и Михайло сразу же начал за ней ухаживать. Через лес скакал на коне в задругу, а уж Томислав, конечно же, не мог отказать в гостеприимстве сыну жупана. Михайло устроил так, чтобы Нада приезжала в Скрадин на разные праздники. В их отношениях не было ничего предосудительного. Но Михайло желал ее и, вероятно, своего добился. Михайло был... да и сейчас он обаятельный юноша. Сестра и двое братьев Нады улетели из отцовского гнезда, и сама Нада, уж конечно, много слышала рассказов на нашем обширном королевстве, где она могла бы, пожалуй, найти для себя нечто лучшее, чем тяжкая доля крестьянки или монашеское одеяние. Не знаю, не знаю... Знаю только, что Томислав однажды пришел ко мне и спросил напрямик, намерен ли Михайло жениться на его дочери. Что я мог ответить? Я знал своего сына. Если бы речь пошла о женитьбе, то ему надлежало бы взять невесту с хорошим приданым. Да и рано такому молодому парню было заводить семью. Выслушав меня, Томислав поблагодарил за искренний ответ и сказал, мол, коли так дело обстоит, нельзя, чтобы Михайло продолжал встречаться с Надой. Я обещал поговорить с сыном, потому что не желал зла Томиславу и его дочери. Михайло сперва заупрямился, но в конце концов дал слово больше с Надой не видеться. К тому времени он уже остыл.

— А она — нет... — как бы про себя сказал Ванимен. — Ее отец... Она ведь и отца любила, наверное. Она осталась в одиночестве, и тогда меланхолия ее одолела...

— Ее тело нашли в озере, — резко перебил Иван. — С тех пор, по-видимому, призрак Нады обитает на его берегах. Вам, жителям морских глубин,

она совершенно не опасна. Короткая и печальная повесть. Давай выпьем с горя, Ванимен, — Иван поднял кубок.

* * *

Томислав вернулся домой на рассвете. Ванимен ожидал его прихода, чтобы попрощаться.

Занималась утренняя заря, омытое ночным дождем небо сияло чистотой. Томислав и Ванимен стояли на опушке леса. Небо на востоке было светло-серым, в вышине — голубым, и темно-синим — на западе, где мерцала над заходящей луной последняя звезда. Лес пестрел осенними красками, охрой, бронзой и пурпуром, под ногами шуршала опавшая листва. Впереди в туманной дымке лежали опустевшие после жатвы поля, где-то вдалеке заливались петухи, и больше ни звука не доносилось в утренней прохладе.

Томислав прислонил свой посох к стволу дерева и обеими руками крепко сжал руку Ванимена.

— Мы еще увидимся, не раз, — сказал он.

— Да, мне бы этого хотелось, — ответил морской царь. — Будь уверен, я обязательно встречусь с тобой, если когда-нибудь снова окажусь в ваших краях.

Томислав вздохнул.

— Но почему же вы нас покидаете? Здесь вас любят, и тебя, и всех остальных.

— Любят, но так, как любят собак. В нашем Лири мы были свободными. Не все ли равно, добрые или злые будут у нас хозяева, если мы превратимся в домашних животных?

— О нет, вы не будете рабами — если ты этого боишься. Вы обладаете такими удивительными умениями, что сможете добиться лучшей доли. — Томислав помолчал. — Конечно, было бы лучше, если бы вы приняли христианство.

И вдруг он преобразился — лицо священника преисполнилось торжественности.

— Ванимен! — воскликнул он с жаром. — Прими крещение! И Всевышний дарует тебе душу бессмертную, которая во славу Господа пребудет на небесах долее звезд!

Правитель лири отрицательно покачал головой:

— Нет, мой добрый друг. В течение долгих столетий я набирался мудрости и знаю, какова судьба выходцев из нашего народа, которые осмелились совершить подобный шаг.

— Какова же их судьба? — снова помолчав, спросил священник.

— Я полагаю, они обрели то, к чему стремились, — бессмертие на небесах. Но они утратили память о своей жизни, как будто никогда ее и не было. Кануло во тьму все их прошлое, все, что составляло их жизнь: мечты, радости, странствия в морских глубинах. Бесследно исчезло все, что было их сущностью. Они стали кроткими смертными существами, у которых только и осталось своего, что необычные ступни и цвет волос. — Ванимен вздохнул.

Глаза священника светились решимостью, седая борода чуть колыхалась под легким утренним ветром.

— Ванимен, — проникновенно сказал он, — я много размышлял об этих вещах, подолгу, упорно размышлял. — Томислав на секунду поджал губы. — И пришел к убеждению, что Бог ничего не делает напрасно. Все, что сотворено Господом, не погибнет до скончания века. Может быть, то, что я говорю, ересь. И все-таки я верю, что в последний день Творения мы вновь обретем все, с чем когда-либо расстались.

— Возможно, ты прав. Но возможно, и нет. Если ты прав, я все равно этого не приемлю. Как я охотился на нарвалов под толщей арктических льдов! Как прекрасны были мои возлюбленные, прекрасней, чем северное сияние... И Агнета, моя Агнета... — Голос Ванимена дрогнул. Он высвободил руку, которую держал Томислав. — Нет, я не отдам этого в обмен на вашу жалкую вечность.

— Ты меня не понял, — возразил отец Томислав. — Ванимен, я читал разные легенды, предания, я знаю, что случалось обычно с теми жителями Волшебного царства, которые приняли христианство. Я уверен, что то, что с ними случилось, только послужило им на благо. Но ведь это произошло отнюдь не со всеми, бывали исключения. В старинных хрониках описано, что иные сверхъестественные существа, при-

няв крещение, полностью сохраняли память. Я буду молить Господа, чтобы он послал нам свое знамение. Пусть Господь даст нам знак, что по Его беспредельному милосердию у вас сохранится память о прошлом.

И Томислав обнял морского царя.

IV

Епископ Йохан Кваг часто совершал поездки в Копенгаген, ибо этот город входил в епархию, центром которой был Роскильде. В Копенгагене у роскильдского епископа был собственный дом. Здесь, в одном из жилых покоев, уже довольно долго сидел и о чем-то размышлял епископ. Он удобно устроился на высоком кресле, украшенном резными изображениями двенадцати апостолов. Перед ним на простом табурете сидел молодой человек. Его скромное платье и ютландский выговор никак не вязались с тем, что он пожелал сделать огромные пожертвования на нужды церкви. Узнав о столь необычной щедрости, епископ и повелел секретарю пригласить молодого человека для аудиенции.

— Ты не все поведал мне, сын мой, — сказал наконец епископ, прервав затянувшееся молчание.

Нильс Йонсен опустил голову в знак согласия. Самообладание и чувство собственного достоинства этого юноши, отметил про себя епископ, были столь же необычайны, как его богатство.

— Да, святой отец, — сказал Нильс. — Если я расскажу вам все до конца, то от этого могут пострадать некоторые лица. Но, клянусь вам Господом Богом, я не сказал ни одного слова неправды. Сокровище не было захвачено мною преступным путем.

— И ты, сын мой, решил поделиться им с нашей епархией... Если твои предложения о стоимости сокровищ соответствуют действительности, то далеко не каждый монарх в состоянии сделать подобный щедрый дар.

— Я предоставляю вам, святой отец, определить размеры той доли сокровищ, которая причитается

святой церкви, и полагаюсь на вашу исключительную порядочность.

— Выбора у тебя, считай, нет, — сухо заметил епископ. — Без защиты влиятельного покровителя тебе не сносить головы. Одному владеть таким богатством тебе не удастся.

— Я это понимаю, ваше преосвященство.

Йохан удобней облокотился в кресле.

— Понимаешь, а торгуешься, — сказал он. — Ты забыл о том, что мирские блага гибельны для твоей души.

— Я надеюсь, что мой духовник вовремя предостережет меня от опасности.

— А ты, как я погляжу, задиристый малый.

— О, я не хотел сказать что-то непочтительное, святой отец. Я холост, но у меня есть близкие, которые нуждаются в помощи. Это моя мать и другие родственники. Вместе с тем, если принять во внимание, какими средствами пробивает себе дорогу Ганзейский союз, потеснивший все прочие торговые корпорации, то, по моему разумению, наше королевство должно бы только радоваться появлению в Дании нового крупного судовладельца.

Епископ вдруг утратил всю свою важность и расхохотался:

— Отлично сказано, сын мой!

— Значит, вы?..

— Полегче, полегче, сын мой, не спеши. Нужно договориться о некоторых условиях. Во-первых, поскольку ты скрыл от меня тайну, а может быть, и не одну, ты должен исповедаться и получить отпущение грехов.

Нильс почтительно склонил голову.

Йохан улыбнулся и добавил:

— Я распоряжусь, чтобы тебя принял отец Эббе, настоятель собора святого Николая, покровителя всех моряков. Отец Эббе ведет свой род от мореплавателей, он хорошо разбирается в таких вещах, которые для кого-нибудь другого могут остаться загадкой.

— Премного благодарен, святой отец.

— Далее. Ты должен тайно, так, чтобы никто ничего не узнал, привести надежных и сведущих людей

в то место, где спрятан клад. Пусть они определят стоимость сокровищ. — Епископ сложил на груди руки. — Нам надо вести себя очень осторожно. Если сокровище так велико, как ты говоришь, то за одну ночь его не вывезти. Под каким-нибудь предлогом вспыхнет ссора, и пойдут войны за обладание этим золотом. Несколько лет тому назад наш Копенгаген подвергся нападению норвежцев, а уж как подумаю о германских князьях, так прямо мороз по коже... Ну, хорошо. На мой взгляд, самое разумное — оставить пока большую часть клада там, где он сейчас спрятан.

Нильс воспротивился:

— Как, ведь получив это золото, вы сможете совершить столько благодеяний!

— На золото нельзя купить ничего, кроме ничтожных плодов, которые родит земля. А духовенство не так уж стойко, оно подвержено всяческим искушениям и в том числе самому сильному из всех — искушению властью.

Йохан поднял руку, повелевая Нильсу хранить спокойствие, и продолжал:

— Безусловно, мы сумеем использовать золото таким образом, чтобы оно послужило благому делу. Можно ведь и негласно творить благодеяния. Негласно позаботимся мы и о твоем будущем, сын мой. Главное же, не вздумай сломя голову ринуться в пучину наслаждений. Тебе, сын мой, еще многому предстоит научиться, прежде чем ты станешь преуспевающим судовладельцем и возглавишь торговую компанию. Мы объясним, что ты неожиданно получил богатое наследство и что я счел тебя достойным своего благосклонного покровительства. Подобное объяснение не вызовет подозрений. Люди вообразят, что ты — незаконнорожденный отпрыск какого-нибудь вельможи, или подумают, что ты сын и наследник одного из моих родственников.

Нильс помрачнел.

— Не беспокойся, честь твоей матери не будет затронута. Да, очень хорошее объяснение, ему поверят. Очень правдоподобно, такое вполне могло случиться. Если же это объяснение и вызовет сплетни, то они будут недолговечными. Со временем я пожалую тебя в

граждане Копенгагена, и тогда ты сможешь получить лицензию на ведение торговли. Терпение, парень! — епископ хохотнул. — Я же не говорю, что тебе придется ждать долго.

— Вы так великодушны, ваше преосвященство! Но есть вещи, которые не терпят отлагательства. — Нильс крепко стукнул кулаком по колену.

Йохан согласно кивнул:

— Правильно. Ты, кажется, упомянул о своих родных. И, несомненно, ты уже предвкушаешь удовольствия, которые приносит богатство. Здесь нет большого греха, при условии, что и предаваясь утехам и радостям, ты всегда будешь помнить о Господе. Догадываюсь, что у тебя на примете уже есть какое-нибудь рискованное предприятие, а то и не одно, и ты хотел бы немедленно приступить к их осуществлению, чтобы показать свои дарования. Что ж, я не вижу тому препятствий, ибо деньги ты получишь незамедлительно. Главное, ты никому не должен открывать, сколь велика полученная тобой сумма. Благослови тебя Бог, сын мой. — Епископ так и сиял от радости. — Ступай. Завтра продолжим разговор.

* * *

Мощные крепостные стены, сторожевые башни и глубокие рвы охраняли Копенгаген. Но почти все строения внутри каменного кольца городских стен были деревянными; крытые соломой дома теснились друг к дружке на узких и кривых грязных улицах. Жили в Копенгагене люди, привычные к повседневному тяжелому труду, и не так уж часто случалось им отвести душу, когда вдруг объявлялись в городе бродячие музыканты и лицедеи. По своим делам горожане ходили пешком, если же проносились мимо, обдавая пешеходов грязью, карета, то вслед ей сыпались проклятия. Множество чужестранцев и нищих вносили в облик города некоторое своеобразие, однако оно не слишком бросалось в глаза. В уличной толпе заметно выделялись своими богатыми нарядами важные рыцари, куртизанки, купцы, но их было не много. По улицам бегали дети и собаки, бродили свиньи, тут же

клевали корм куры. Уличный шум набегал, подобно морскому прибою: шаги, голоса, скрип колес и стук молотов. Серое небо хмурилось, в сыром воздухе пахло дымом, навозом, дегтем и отбросами.

«И все-таки правду люди говорят — дышится здесь вольно», — подумал Нильс. От этой мысли снова ожили его надежды, и Нильс начал мечтать о будущем, которое рождалось здесь, в Копенгагене. На какое-то время он даже перестал тосковать по Эяне, тогда как обычно тоска по ней не оставляла Нильса ни на минуту. Здесь, в городе, не было буквально ничего, что напоминало бы об Эяне и мире, который был для нее родным.

Нильс вошел в двери гостиницы, где они поселились вместе с Ингеборг, прибыв в Копенгаген. На первом этаже помещался трактир. Нильс не останавливаясь быстро прошел через зал, поклонился хозяину и посетителям, взбежал по лестнице на второй этаж и направился в дальний конец коридора. Гостиница «Голубой лев» была не из худших: здесь жили богатые постояльцы, все было опрятным и добротным. В номерах была главная комната и две спальни. Войдя, Нильс постучал в дверь спальни. Ингеборг сразу же отворила.

В Копенгагене Ингеборг приобрела образ Пречистой Девы. Сейчас он стоял на полке. Взглянув на смятое платье Ингеборг, Нильс догадался, что она молилась. Ингеборг посмотрела ему в глаза и вдруг задрожала, губы ее приоткрылись, но от волнения она не могла произнести ни слова.

Нильс затворил дверь.

— Ингеборг, мы победили.

— О! — Она всплеснула руками.

— Епископ дал свое согласие. Замечательный старик! Правда, он настаивает, чтобы все делалось постепенно, но это правильно: спешить нельзя. Удача!

Нильс запрыгал от радости. Он пустился бы в пляс, да места не было, почти всю спальню занимала большая кровать.

— Удача, Ингеборг! Все, мы теперь не бедняки. Я больше не буду гнуть спину как проклятый, и ты не будешь торговать собой. Весь мир принадлежит нам.

Ингеборг перекрестилась и прошептала:

— Пресвятая Дева Мария, благодарю Тебя.

— Вот так раз! А меня-то, меня поблагодарить забыла? Не беспокойся, все сделаем и свечи в церкви поставим, но сперва давай отпразднуем нашу победу. Закатим пир горой. Купим все, что захотим, хоть целый кабачок, вина купим, музыкантов позовем! Ингеборг, что ж ты не радуешься? Ты же заслужила праздник.

Нильс обхватил ее за талию. Ингеборг посмотрела на него сквозь слезы и попросила:

— Научи меня радоваться.

Нильс удивленно взглянул на нее и вдруг увидел, как она хороша: округлые плечи, блестящие карие глаза, мягкие и волнистые густые волосы. Он не раз по-дружески обнимал или целовал Ингеборг, но теперь им владело любовное желание — нет, не только им: обоими. Раньше он изредка задумывался о том, какой стала бы его жизнь, если бы исчезла постоянная мучительная тоска по Эяне. И вот эта тоска исчезла. Рядом была Ингеборг.

— Какая ты красивая, — воскликнул он изумленно.

— Не надо, Нильс. — Ингеборг попыталась освободиться. Нильс привлек ее к себе, от запаха ее тела у него закружилась голова. Поцелуй длился бесконечно.

— Нильс, — сказала она, уткнувшись ему в плечо. — Ты понимаешь, что делаешь?

— Да, Ингеборг, да, милая. — Он подхватил ее и перенес на постель.

Потом, лежа рядом с ним, Ингеборг сказала:

— Нильс, я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Считай, что ты ее уже получила.

— Никогда не называй меня милой или любимой и всякими такими словами.

— Что? — Нильс удивленно приподнялся. — Почему?

— Мы с тобой одни. Больше у нас никого нет. Золото роли не играет, пройдет немало времени, прежде чем у нас появятся хорошие друзья, на которых мы во всем сможем положиться. Мы должны

верить друг другу. И потому между нами не должно быть никакой лжи.

— Но ты, правда, мне нравишься!

— А ты — мне. Очень, очень. — Она поцеловала его в щеку. — Но ты для меня слишком молод. И слишком хорош.

— Ерунда.

— И ты тоскуешь по Эяне.

Нильс ничего не ответил. Ингеборг вздохнула.

— А я по Тоно, чего уж скрывать, — призналась она. — Боюсь, ни у тебя, ни у меня нет никакой надежды... Ну что ж, даст Бог, благодаря мне ты со временем сможешь полюбить какую-нибудь обыкновенную смертную девушку.

— А как же ты? — Нильс спрятал лицо в ее мягкие волосы и почувствовал, как она вздрогнула при этих словах.

— Я крепкая. Но что бы ни случилось, пока мы во всем будем честны друг с другом, мы друг друга не потеряем.

V

В зале с темно-красными занавесями и мягкими коврами было тепло, в отделанном мрамором камине ярко пылал огонь. Сквозь светлые оконные стекла, которые, правда, немного искажали очертания предметов, можно было видеть внутренний двор. Садовые цветы уже отцвели, однако в хрустальной вазе на столике с мозаичной столешницей стояли розы, которые выращивались в оранжереях. На полках теснилось десятка два книг, все они были на греческом и латинском языке. Хорватский бан Павел Шубич был привержен западной культуре, которая привлекала его в значительно большей степени, нежели восточная.

Высокий, с седыми волосами и ровно подстриженной бородой, одетый в шелковую рубаху и кафтан, он не уступал представительностью правителю народа лири, хотя Ванимен, также одетый в богатое нарядное платье, которое подарили ему люди, намного пре-

восходил бана ростом. Павел Шубич так увлекся беседой, что не сел и не предложил садиться гостю.

— Да, я надеюсь, что ваше племя останется и будет жить в Хорватском королевстве, — говорил он. — Вероятно, вам не вполне ясно, почему я так настойчиво вас об этом прошу. Дело в том, что ваши подданные необыкновенно искусны в мореплавании, рыболовстве, как лоцманы они также не имеют себе равных. У нас же нынче опять назревает военное столкновение с Венецией. — Бан испытующе взглянул на молчавшего Ванимена. — Разумеется, вы будете щедро вознаграждены за службу.

Ванимен пожал плечами и резко возразил:

— С какой стати мы должны ввязываться в чужие распри?

— Они не будут для вас чужими. Ведь вы станете нашими соотечественниками.

— Вот как? Но мы к этому отнюдь не стремимся.

— Знаю. Вы надеетесь возродить у себя Волшебный мир с его жизнью, которая соприкасается с жизнью людей лишь весьма незначительно. Конечно, вы полагаете, что это будет для вас лучше. Но превыше всяческих благ бессмертие души, спасение на Небесах и попечение Господа Бога, Отца нашего. Впрочем, не стоит с презрением отвергать земные блага, ибо с их помощью создаются условия для богатой жизни духа. Возьмем, к примеру, хотя бы тот факт, что в последние дни вашего пребывания в моих владениях вы осознали, сколь опасна и трудна жизнь в морских глубинах, сколь многие горькие утраты несет вам такое существование. Неужели вы лишите ваших подданных, ваших сынов и дочерей, возможности жить свободно, не страшась нападений акул?

Ванимен беспокойно прошелся по зале, заложив руки за спину.

— Мы с радостью стали бы вашими друзьями, — ответил он. — Предоставьте нам какой-нибудь островок, где мы могли бы жить, оставаясь тем, что мы есть. Мы будем вам верными помощниками в мореплавании, торговле, охоте и рыболовстве... И даже в ваших военных действиях, если не удастся предотвратить войну с венецианцами. Но ведь вы требуете

большего. Вы хотите изменить нас, сделать нас совершенно иными, чем мы есть. Почему вы настаиваете на том, чтобы мой народ принял христианство?

— Таков мой долг, — сказал Павел. — Я погибну в глазах всех, кто предан церкви и монарху, в глазах моего народа, если допущу, чтобы в моих владениях поселились сверхъестественные волшебные создания. А кто кроме меня согласится взять вас под свое покровительство? Мне пришлось приложить немыслимые усилия, чтобы предотвратить распространение слухов о вашем появлении в Скрадине. За пределами города и его ближайших окрестностей никто ничего не знает, ходят лишь неопределенные слухи. Пока что мне удается ладить со всеми, кто что-либо о вас знает. Но подобное положение не может сохраняться в течение долгого времени. И если вы согласитесь остаться у нас и стать такими же, как мы, я должен буду принять меры к тому, чтобы дело не получило огласки. Никакой шумихи, никаких пересудов. Королю и папе римскому также ни о чем не буду докладывать. Большинство ваших подданных сможет остаться там, где они живут сейчас, если же захотите — можете перебраться на берег моря, чтобы заниматься там промыслом. Те, кто предпочтет плавать с нашими моряками на военных кораблях или торговых судах, будут уходить в плавания поодиночке или вдвоем-втроем, они, конечно, все равно будут выделяться среди людей своим необычным обликом, но так все же меньше обратят на себя внимание. Сохранение тайны необходимо и для вас, Ванимен, и для меня. Если история станет широко известна, люди придут в волнение, и тогда дело легко может принять опасный оборот. Из-за страха перед неведомым ваши подданные мгновенно обратятся в умах невежд в исчадия ада. А это может кончиться тем, что вас просто истребят. Те, кому посчастливится, погибнут на плахе под топором палача. Те же, кому меньше повезет, будут сожжены заживо.

— Вы во всем правы, — хмуро согласился Ванимен. — Но вы хотите, чтобы мы стали такими же, как люди...

Он остановился посреди залы и, выпрямившись во весь свой исполинский рост, сказал:

— Нет. Мы вернемся в море и будем продолжать поиски пристанища. Мы избавим вас от своего присутствия.

— Предположим, что я не позволю вам уйти, — негромко сказал бан.

Так же невозмутимо Ванимен ответил:

— В таком случае мы будем вынуждены бежать. Или прорвемся через войско, или погибнем, но погибнем свободными.

Павел грустно усмехнулся:

— Мир, Ванимен. В действительности я не собираюсь поступать подобным образом. Если вы хотите уйти, никто не будет чинить вам препятствий. Однако, где же и как вы будете искать новое место жительства? Ведь вам придется покинуть прибрежные воды Далматинской Хорватии, да и вообще уйти из Средиземного моря, потому что на его берегах вы нигде не встретите доброжелательного приема. Если вы доберетесь до океана, то сможете, конечно, направиться в южные края, скажем, поплывете вдоль западных берегов Африки. Опасное и далекое плавание, а плаваете вы медленно. Да сможете ли вы, уроженцы севера, жить в тропиках?

Ванимен молчал.

Немного обождав, Павел продолжал:

— Представим себе, что вам все-таки удалось найти где-то место, где можно обосноваться. И что же вы в таком случае обретете? Два, от силы три столетия спокойного существования. Потому что Волшебный мир обречен, а вместе с ним и вас ждет гибель.

— Вы так думаете? Почему?

Павел дружески похлопал Ванимена по плечу и сочувственно сказал:

— Мне и самому хотелось бы, чтобы это было не так. Слишком много чудесного и прекрасного уйдет из жизни вместе с волшебством. Мне кажется, человечество будет стремиться восполнить эту утрату, но никакая, даже самая лучшая замена уже не будет столь же близкой людям, каким был ваш Волшебный мир.

Где-то вдалеке за мощными стенами замка послышался звон церковных колоколов.

— Слышите? Колокола звонят в определенное вре-

мя дня. И не солнце, луна или звезды устанавливают это время. Его определяют с помощью часов, механического устройства, придуманного людьми. В нем нет никакой мистики. За годы моей жизни я наблюдал, как быстро растет уменье стрелков, бомбардиров, саперов. Новое военное искусство стало причиной гибели рыцарства. Король Артур, рыцари Круглого стола, Роланд, Ланселот... Рыцарство не порывало связи с Волшебным миром. Уже исчезают под топором и плугом лесные дебри. Все, кто добились в жизни хоть какого-то успеха, переселяются в города, где все, что ни возьми, сделано руками людей, где даже крохотному бесенку не найти укромной щелочки. Пройдут годы, десятилетия, и мореплаватели будут бороздить океаны, руководствуясь показаниями компаса и астролябии. С помощью этих приборов они будут уверенно водить корабли, не так как сейчас, когда моряки полагаются лишь на знание береговой линии и течений, полет птиц в небе да свой опыт. Когда-нибудь корабли обойдут возруг Земли, и колокольни христианских церквей будут воздвигнуты над последними заповедными уголками, где еще найдет себе прибежище Волшебный мир. Потому что, как вы, наверное, знаете, Земля имеет форму шара определенных размеров. Даже движение светил мы можем рассчитывать с большей точностью, чем это было под силу древним мудрецам. Ученые с помощью математических вычислений и формул постигают устройство мироздания, в их схемах нет места магии и колдовству. Взгляните. — Павел Шубич подошел к столу и взял в руки две тонкие линзы в проволочной оправе. — Это приспособление недавно изобрели в Италии. Когда мне о нем рассказали, я послал туда нарочного, чтобы он мне его привез. С годами у меня стало слабеть зрение, вблизи я совсем ничего не вижу и до недавнего времени не мог ни читать ни писать. Теперь надеваю эти стеклышки на нос — и будто двадцать лет с плеч долой. Вижу все четко и ясно, как в молодости.

Бан протянул диковинную вещицу Ванимену, а сам продолжал:

— Но все только начинается. Эти линзы — прообраз инструментов, с помощью которых люди обретут

зрение более зоркое, чем у орла. Мои потомки устремят вооруженный приборами взгляд к небесным звездам и в глубины человеческого организма. Быть может, тогда по воле Господа настанет конец света, ибо люди не должны знать слишком многое о неисповедимых путях Господних. Но может быть, этого и не случится. Как бы то ни было, я уверен: со временем научное знание покончит с волшебством.

Ванимен держал очки кончиками пальцев, словно от них исходил леденящий холод.

— Итак, теперь вы имеете представление о том, что вас ждет. Вы должны либо смириться с такой судьбой, либо искать спасения в раю и благодарить Бога. Я не хочу оказывать на вас давление, но мне необходимо знать, что вы решите. Я должен знать это не позднее, чем через месяц, самое большее через два. Подумайте. Возвращайтесь в Скрадин и расскажите обо всем, что я сейчас говорил, вашим подданным. Посоветуйтесь, кроме того, и со священником. С тем, который ведает приходом в лесной задруге и пользуется особым уважением Ивана. Попросите, чтобы он за вас молился.

* * *

Отец Томислав опустился на колени. Он был один. Жестокий холод зимней ночи пронизывал до костей, колени старика стыли на каменном полу церкви. Над алтарем едва угадывались в полумраке очертания распятого Спасителя, слабо освещенного мерцающим огоньком свечи, — Томислав зажег ее не перед распятием, а перед образом святого, во имя которого была воздвигнута церковь.

— Святой Андрей, — заговорил священник, подняв глаза к резной деревянной статуе святого, и голос старика был таким же слабым и робким, как огонек свечи. — Ты был рыбаком, когда Господь наш Иисус Христос призвал тебя последовать за Ним. И ты покинул озеро. Тосковал ли ты по родным просторам? Хотел ли — хоть изредка — вернуться на берег? Снова увидеть волны, вдохнуть свежий ветер, услышать крики чаек над водой? Ты понимаешь, что я

хочу сказать. Ты не сожалел обо всем, что тебе пришлось покинуть ради служения Спасителю, конечно, нет. Но ведь ты иногда вспоминал свою прежнюю жизнь? Я и сам тоскую по гавани Задара, по ее блещущим водам, вспоминаю, как плавал на лодке — какой простор, какая свежая вольная сила!.. Я тогда не знал моря, новичком был, «пресноводным моряком». Ты, святой Андрей, должен понять, каково им сейчас. Ведь это не их вина, что души у них нет, что они поэтому не могут обрести спасение на небесах. Так ведь и люди, которые поклоняются языческим идолам, не пекутся о спасении души... Господь сотворил лири, чтобы жили дети этого племени в водах Его... По моему разумению, если они забудут о своем существе, которое сотворено Господом, если они погибнут и весь их род исчезнет с лица земли, то какое же в том будет благо? Все равно что, если б люди вдруг забыли, как ходить по земле. А заново-то они разве смогут чему-нибудь научиться? Я думаю, вряд ли, по-настоящему-то не научатся... А море было для них жизнью, море — это их любовь. Даже собаки, и те любить умеют, а уж в детях племени лири доброты не меньше, чем в людях. Неужели я согласился бы навсегда забыть мою Зену? Ни за что. Воспоминания причиняют боль, однако я лелею память о Зене. Ты, святой Андрей, знаешь, сколько раз служил я по ней заупокойную. Святой Андрей, попроси Господа, замолви слово, пусть Господь смилуется над этими несчастными. Объясни Господу — ну как же им принять крещение, если они вдруг лишатся всех своих воспоминаний? Они ведь не противники Господа, никакого зла не сотворят. Просто привыкли они жить на свой лад. Если они обретут бессмертную душу, то сразу изменятся. Зачем же отнимать у них прошлое, зачем лишать их всего, чем они были? Лучше пусть они рассказывают людям про морские чудеса, которые сотворил Всевышний, и все мы только еще больше будем почитать Создателя. Разве я не прав? Святой Андрей, если я прав, ниспошли мне в том знамение.

И дрогнула резная деревянная фигурка. Губы шевельнулись в улыбке, рука поднялась, как для благословения.

Томислав обмер. Спустя миг он опомнился и пал ниц.

— Слава, слава Тебе, Господи Боже наш! Слава Тебе, милосердный! — пробормотал он сквозь слезы.

Наконец Томислав поднял лицо от земли. Все вокруг было как раньше: свеча догорела, стало еще холоднее. Над церковным куполом сияли в полночной тьме звезды.

— Спасибо тебе, Андрей, — взволнованно сказал Томислав. — Ты настоящий друг.

И тут он понял, что только что произошло.

— Чудо! Мне было явлено чудо! Мне — не достоин я, Господи!

Отец Томислав молился до самого рассвета.

— Отче наш, иже еси на небесех... Да святится имя Твое...

Под утро, когда старика одолела усталость, он снова поднял голову и робко поглядел на лик святого.

— Андрей, — прошептал он. — Про мою доченьку рассказывают ужасные, страшные вещи. Не пошлешь ли ты еще одно знамение? Я-то знаю, что все эти россказни — ложь. Нада сейчас там, где и ты, на небесах. Может быть, в эту минуту она подле тебя и смотрит с небес на старика-отца. Если бы и люди в этом убедились... Не мог бы ты послать знамение, что она в раю?

Статуя была недвижной. Томислав понурился, капля крови со лба скатилась на его бороду.

Когда забрезжило утро, Томислав поднялся с колен, перекрестился пред алтарем и вышел из церкви.

* * *

Ванимен и Миива не спеша шли по проезжей дороге, которая вела через лес. Снег выпал той зимой поздно, он покрывал землю тонким, не толще двух дюймов слоем и таял, на дороге сквозь снег проступала темная грязь, однако чуть дальше, под деревьями снег сверкал чистотой. Голые сучья и ветви строго чернели в синеве неба. Ветра не было, воздух казался теплым.

— Его честность не подлежит сомнению, — сказал

Ванимен. — И наверное, вечером, засыпая, он грезит, что его заветное желание исполнилось.

Миива поежилась — но не потому что ей было холодно.

— А вдруг этот умерший человек, к которому он взывал, просто сыграл с ним злую шутку? — предположила она.

— Вряд ли. Мне кажется, Всевышний этого не допустил бы. Он справедлив.

Миива в испуге обернулась к Ванимену.

— Ты еще никогда не говорил так, Ванимен.

— Среди нас еще никогда не было никого, кто пытался бы размышлять и говорить об этих вещах. Все это было для нас чем-то далеким, мы знали об этом столько же, сколько дельфины знают о том, для чего служат ножи, кинжалы и тому подобное. Мы знали одно: существует слепая судьба, удача, которая может сопутствовать тебе, а может вдруг и отвернуться. И в самом конце, для кого раньше, для кого позже, судьба настигает тебя — неумолимый рок. Богу нет до нас никакого дела — вот как мы рассуждали — а нам нет дела до Бога.

Они прошли еще около сотни ярдов, лишь тогда Ванимен насмешливо улыбнулся той улыбкой, которой была свойственна ему в минуты величайшей опасности, и снова заговорил:

— А сегодня я сомневаюсь: возможно лучше было бы, если бы я не начинал задумываться об этих вопросах.

— Ты в самом деле считаешь, что мы должны расстаться с миром волшебства?

Миива нервно теребила серое платье, которое раздражало кожу и не позволяло телу вольно дышать и жить одной жизнью со всей природой.

— В Волшебном мире мы свободны, как стая диких лебедей в небе, — сказала она.

— Боюсь, Павел Шубич прав, — уверенно ответил Ванимен. — Если не ради самих себя, то ради наших потомков мы должны принять его предложение.

— Так ли хороша будет жизнь, которая ждет наших детей, чтобы платить за нее столь высокую цену? Людям редко выпадает счастливый жребий.

— Наш народ обладает многими умениями. То, что мы умеем плавать под водой, открывает перед нами богатейшие возможности. Но главное, нас здесь любят. Наверное, ты заметила, что наши юноши ухаживают за смертными девушками, а наши девушки ходят с парнями из задруги, и у многих отношения серьезные, отцы уже подумывают о свадьбах, потому что выдать дочку за кого-нибудь из наших значит полностью обеспечить ее жизнь. Ведь у наших парней впереди блестящая будущность.

Миива кивнула:

— Да, конечно. У детей, которые родятся от таких браков, привязанность к суше будет уже гораздо сильнее, чем у нас. А в следующем поколении они станут почти совсем такими же, как настоящие люди. Внуки наших детей уже не смогут жить в воде, они будут тонуть, как все смертные. Ведь наш народ приобрел свои свойства и умения не вдруг, а в течение многих столетий, правильно? И через сто или двести лет племя лири смешается с человеческим родом, растворится в нем и исчезнет без следа. Народ лири станет легендой, сказкой, которую не будет принимать всерьез ни один здравомыслящий человек.

— Но они будут жить на небесах, — напомнил Ванимен.

Громко закаркал ворон.

— Я хочу... — начал Ванимен и вдруг замолчал.

— Что, дорогой? — Миива ласково сжала его руку.

— Я хотел бы, чтобы этот шаг был сделан мной из искреннего глубочайшего желания обрести Бога. Никак иначе мне нельзя предстать пред Ним. Я не прошу милостыню.

— Ты, Ванимен?.. — прошептала Миива.

— Да.

Они остановились посреди дороги. Ванимен выпрямился и расправил плечи.

— Я буду первым. Пусть все остальные увидят, что со мною станется. Тогда они смогут сделать свой выбор. Я — ваш царь.

* * *

Отец Петр, капеллан замка, чрезвычайно оскорбил ся, когда узнал, что крещение морского царя состоит ся в лесной глуши, в скромной сельской церквушке, и что совершит обряд Томислав. Жупан на это возразил дескать, все должно происходить в строгом соответст вии с повелением бана, да и простое благоразуми подсказывает, что не следует привлекать к событик внимание приезжих, и потому лучше совершить обряд не в многолюдном Шибенике, а в лесной задруге.

Получив от отца Томислава положенные наставле ния, Ванимен один уехал к морю. Там он провел весь день и всю ночь весеннего равноденствия. Что он делал, о чем размышлял, осталось неизвестным, ибо Ванимен навсегда сохранил это в тайне.

Вернулся он в задругу на закате в день святого архангела Гавриила. На следующее утро, после того как Томислав отслужил обедню, Ванимен переступил порог церкви. В ней собрались прихожане — жители задруги. Ни святые образа, ни Спаситель не отвратили свои лики от Ванимена.

Шел проливной дождь. Перед церковью под деревьями, на которых уже проклюнулись почки, стояли в ожидании подданные морского царя.

Он вышел из церкви и, подняв руки к небу, воскликнул на языке своего народа:

— Не медлите, дети мои, ни минуты не медлите! Христос призывает вас под свое благословение!

VI

Расставшись с Нильсом и Ингеборг, Тоно и Эяна покинули берега Дании и несколько месяцев скитались по морям северной Европы, прежде чем направились в Гренландию. Они обшарили все прибрежные воды, стараясь хоть что-нибудь узнать об отце, но собранные ими сведения были крайне скудными. В морях, омывающих северные и западные берега Европы, все племя лири не могло поселиться — ему пришлось бы разделиться на множество мелких групп, а это, безусловно, было исключено. На всем пространстве

от мыса Нордкап до Фарерских островов, от Ботнического залива Балтики до пролива св. Георгия между Англией и Ирландией уже почти не осталось незанятых охотничьих угодий на морском дне, вся суша была населена людьми, если же какой-то берег и казался на первый взгляд пустынным, то выяснялось, что люди более или менее часто приплывали туда на своих кораблях. Всюду здесь уже господствовала христианская церковь, всюду хозяйничали христианские священники. Кое-где уцелели пока что не захваченные людьми уголки, но они были заняты: там жили разнообразные племена и народы Волшебного мира, которых было так много, что им самим уже едва хватало места.

Здешние обитатели морских глубин встретили Тоно и Эяну дружелюбно, но никто из них не имел ни малейшего представления о том, где могут сейчас находиться изгнанники лири, никто даже не слышал, куда они уплыли. Это было очень странно, потому что дельфины и водяные, которые живут по одиночке или отдельными семьями, обычно знают обо всем, что происходит вокруг, и любят распространять всевозможные слухи и новости. Лишь немногие что-то слышали про какое-то племя, которое, как говорили, ушло на северо-запад через проливы Каттегат и Скагеррак. Но дальше след терялся.

Убедившись, что ничего больше узнать не удастся, брат и сестра поплыли к берегам Исландии. Они пустились в путь зимой. В прибрежных водах Исландии уцелело три подводных поселения, но их жители ничего не слышали о племени лири. Тоно и Эяна нашли здесь временный приют и охотно воспользовались гостеприимством исландских водяных, поскольку зима в этих краях оказалась намного суровее, чем те холода, которые были для них привычными — ведь брат и сестра еще никогда не заплывали так далеко на север и не пережили еще ни одного значительного изменения климата. Старшие в племени лири, прожившие на свете не одно столетие, рассказывали, что за последние восемьдесят — девяносто лет климат стал значительно более суровым, чем прежде. Теперь зимой во всех фьордах скапливался паковый лед,

тогда как раньше они совсем не замерзали. Айсберги подстерегали суда на морских путях, которыми беспрепятственно водил свои ладьи Эйрик Рыжий три столетия тому назад.

Но похолодание не имело значения для племени лири, в студеной воде они чувствовали себя только бодрее, меж тем как плавая в теплых течениях становились вялыми и слабыми. Вполне вероятно, что Ванимен повел свой народ на север к опасным для кораблей отмелям возле Гренландии. Тоно и Эяна поплыли туда весной.

По пути они повстречали дельфинов, и те подтвердили предположение детей Ванимена. Отец и его подданные захватили корабль в каком-то норвежском порту. Но вскоре налетел страшный шторм. Он унес их в такие далекие моря, куда еще не отваживался заплыть ни один дельфин.

— Если корабль пошел ко дну, — размышлял вслух Тоно, — значит, его матросы поневоле опять стали пловцами. Куда они направились, зависит от того, где они находились, когда произошло кораблекрушение. Но если они куда-то поплыли, у них была определенная цель и уверенность, что они могут ее достичь. Если корабль не погиб, то взял прежний курс и продолжил путь к прежней цели. И раз уж мы здесь, то имеет смысл поискать их у берегов Гренландии, это совсем недалеко.

Эяна согласилась с братом.

Все лето Тоно и Эяна плавали вдоль восточного побережья Гренландии, но их поиски ничего не дали. Правда, они обнаружили здесь поселение морских жителей, во многом похожих на подданных Ванимена, однако гренландские водяные оказались невежественными дикарями, которые никогда даже слыхом не слыхали про народ лири. В сущности, было маловероятным, что кто-то из них мог когда-то повстречать изгнанников, скорей уж следовало отыскать и расспросить местных людей. И они нашли небольшой поселок иннуитов и попросили у них приюта в надежде узнать что-нибудь об отце. Еще в Лири Тоно и Эяна слыхали какие-то довольно неопределенные рассказы о том, что на огромном покрытом льдами ост-

рове живут люди, прибывшие сюда издалека, и постепенно переселяются с севера все южнее и южнее. И вот теперь брат и сестра познакомились с этими людьми. Они оказались сильными, ловкими, всегда готовыми прийти на помощь другу, если тот попал в беду. Они были щедрыми и веселыми, искренними в дружбе. Иннуиты понравились детям Ванимена гораздо больше, чем все, с кем они успели познакомиться во время своих странствий вокруг Северной Европы. Иннуиты были язычниками, и потому их ничуть не смущало то обстоятельство, что в их племени поселились два существа из Волшебного мира. Однако через несколько месяцев однообразная жизнь наскучила Эяне и Тоно. Научившись объясняться с иннуитами на их языке, брат и сестра выяснили, что никто в поселке ничего не слышал о Ванимене. В конце концов, Тоно и Эяна распрощались с иннуитами и вернулись в море. Теперь они поплыли на юг и вскоре оставили далеко позади северные воды и льды, где охотились иннуиты, которые никогда не заплывали на своих лодках далеко на юг.

Обогнув мыс на крайнем юге Гренландии, брат и сестра снова увидели дельфинов. И те наконец-то сообщили им важную новость, от которой у детей Ванимена сильней забилось сердце. Дельфины сказали, что ходят слухи о неких магических силах где-то возле западного побережья Гренландии. Ничего более определенного они сказать не могли, эти вещи лежали за пределами их разумения, да и то, что они сообщили, вполне могло оказаться вздорной сплетней, которые дельфины так любят разносить. Дельфины даже не потрудились навсдаться к западному берегу и выяснить, есть ли там что-то в самом деле. В свое оправдание они сказали, что о северо-западном побережье ходит недобрая молва, дескать, опасно приближаться к тому берегу.

Что ж, наверное, эти слухи обоснованы. Ведь Новый Лири, новое поселение их народа, могло внушить ужас созданиям, которые ни во сне, ни наяву еще не видели, чтоб на дне моря был город, предположили Тоно и Эяна. В любом случае, какая бы опасность ни

грозила, они должны были выяснить, что дало повод для слухов о неведомых магических силах.

Люди, с которыми брат и сестра не так давно расстались, многое рассказали им о жизни в Гренландии. На северной стороне острова находились три норвежских поселка. Климат там был не столь суровым, как в центральных областях Гренландии. Самый старый и самый крупный поселок назывался Острибюгд, то есть Восточный поселок. Недалеко от поселка был Мид-бюгд, Средний поселок, севернее и на значительном расстоянии от этих двух лежал Вестри-бюгд, Западный поселок. Недобрая молва шла как раз о местности близ этого поселения.

Тоно и Эяна поплыли на северо-запад. Осень уже подходила к концу.

VII

Вдоль берега шел умиак в окружении целой флотилии каяков. Дети Ванимена поднялись из глубины на поверхность моря примерно в полумиле от этих лодок, выдохнули воду из легких и огляделись вокруг в поисках какого-нибудь укрытия на случай опасности. Акулы и касатки, волнение и бурный прибой у скал, острые рифы, — все это закалило их, изгнав из сердца малодушие, но вместе с тем приучило быть осторожными.

— Судя по тому, что я понял из объяснений дельфинов, магические силы здесь на северо-западе враждебны норвежцам, — сказал Тоно. — Одно из двух: либо это наш отец отражал их нападение, либо эти силы вызваны иннуитами, у которых мы жили. Выходит, иннуиты не проткнули нас гарпунами, лишь потому что поняли — мы иной народ?

— Чепуха, — ответила Эяна. — Иннуиты, прошлой зимой давшие нам приют, были самыми замечательными людьми, каких я вообще знала.

— Но эти, в лодках, из другого племени, сестра. Я слышал множество историй про убийства, которые совершались именно здесь, в Гренландии.

— Да ведь они сразу увидят, что мы с тобой не

жители суши, не люди. Ни в коем случае нельзя показать, что мы их боимся. Наоборот, надо идти в наступление. Давай потихоньку поплывем им навстречу и будем при этом как можно дружелюбнее улыбаться.

— Но в любой момент будь готова нырнуть. Вперед!

По-прежнему дыша воздухом, они поплыли навстречу флотилии и скоро очутились среди каяков. На поверхности вода была ледяной, однако брату и сестре холод был не страшен. На их месте люди мгновенно окоченели бы и погибли, тогда как детей Ванимена студеная морская вода мягко обнимала, лаская и поглаживая. И на вкус вода была для них не горько-соленой, но многообразной, сложной, со множеством смешанных тонких привкусов, у нее был вкус жизни, вкус глубины и простора. Вода покачивала их на волнах с белыми шапками пены, и каждая волна переливалась тысячей цветовых оттенков, от иссиня-черного до искрящегося изумрудно-зеленого. Вода шумела, вода ворковала, и слышался ее гулкий рокот, доносившийся издали, от берегов. С запада дул резкий пронизывающий ветер, он гнал свинцово-серые тучи по блеклому белесому небу. Чайки с пронзительным криком рассекали крыльями холодный воздух. Справа полого поднимался низкий берег, темнели скалы и желтой полосой тянулись луга, которые спускались с невысоких холмов к берегу, изрезанному бухтами и заливами; выше, над мягкими складками холмов белели снежные вершины и тускло блестели льды, покрывавшие всю центральную часть острова Гренландия.

Но на берег Тоно и Эяна взглянули лишь мельком, их внимание было всецело сосредоточено на лодках. Каяки, вероятно, служили сопровождением и охраной большого судна, умиака. Эти суда пришли, по-видимому, не издалека. У иннуитов на восточном берегу Гренландии Тоно и Эяна подобных лодок не видели. Умиак представлял собой нечто вроде каноэ больших размеров и был сделан из шкур, натянутых на каркас из китовых костей или дерева, которое море выносит на берег. На веслах сидели около десятка женщин. Столько же каяков сопровождали умиак, и

в каждом из них сидел мужчина. Вся эта флотилия шумно веселилась, взрывы хохота и веселые возгласы были более громкими, чем крики чаек и плеск волн. Тоно и Эяна увидели, как один молодой парень подгреб в своем каяке к борту большой лодки и стал о чем-то просить одну из женщин, которые сидели на веслах. Очевидно, она была его матерью. Второй ребенок, младенец, был привязан у нее на груди. Вдруг женщина оставила весло, расстегнула одежду, достала грудь, и парень стал сосать материнское молоко.

Но тут люди заметили Тоно и Эяну. Поднялся страшный крик, засверкали ножи, все каяки понеслись к двоим невесть откуда взявшимся чужакам.

— Держись позади меня, сестра, — приказал Тоно. — Копье опусти под воду, будь готова к нападению.

Тоно поднял руки, показывая иннуитам, что не имеет оружия. Заметно было, как напряглись его мускулы.

Первый каяк, подняв брызги, остановился невдалеке от Тоно. Сидевший в каяке парень вполне мог бы сойти за водяного — это был настоящий морской кентавр, он сидел в своей лодке так уверенно и привычно, как будто составлял с ней единое целое. Лодка со всех сторон была закрытой. В шкурах, из которых она была сделана, имелось отверстие для гребца, плотно охваченное со всех сторон костяным кольцом, к которому прикреплялись края его непромокаемой куртки из тюленьей кожи. Гребец мог перевернуться вместе с лодкой вверх килем, и ни капли воды не просочилось бы внутрь каяка. Иннуит ловко орудовал веслом с двумя лопастями, и каяк скользил по волнам легко и проворно, как баклан. Перед гребцом лежал прикрепленный к лодке гарпун, по бокам были привязаны надутые поплавки из шкур.

В течение нескольких тревожных мгновений парень в каяке и брат с сестрой смотрели друг на друга. Стараясь не показать своего изумления, Тоно разглядывал человека, чей внешний вид был совершенно иным, нежели у людей, с которыми Тоно когда-либо встречался. Парень был молод и имел могучее сложение, пожалуй, он был крепче, чем все его широкопле-

чие коренастые товарищи. У него было круглое лицо, узкие глаза-щелки и прямые черные волосы. Кожа — насколько можно было видеть, ибо ее покрывал слой грязи и сала, — была желтоватая, как слоновая кость. Ни усов, ни бороды у парня не было, лицо было совершенно гладким. Он быстро опомнился от удивления и вдруг заговорил на ломаном норвежском языке:

— Корабль погибала? Помощь нужна?

— Благодарим тебя, нет. Мы родом из моря, — ответил Тоно по-датски. Этот язык, которым он владел свободно, был схож с наречием норвежского, на котором говорили гренландские поселенцы, и уж во всяком случае объясняться с парнем в каяке было легче, чем когда-то с Хоо, который кое-как говорил на западном норвежском диалекте. Тоно обрадовался, поняв, что они с эскимосом найдут общий язык, улыбнулся и несколько раз перевернулся в воде, чтобы тот его хорошо разглядел.

С виду Тоно вполне мог сойти за норвежца. Он был высокий и мускулистый, его светлые волосы имели лишь едва заметный зеленоватый отлив, глаза были темно-янтарного цвета. Но какой же смертный, рожденный на земле, способен так легко и свободно плескаться в ледяной воде Гренландского моря? Придерживавший волосы надо лбом кожаный ремешок, пояс, к которому были подвешены два ножа из обсидиана, и ременная петля, на которой висело за спиной копье с костяным острием, составляли всю его одежду.

У Эяны было такое же снаряжение. Она приветливо улыбнулась незнакомцу.

— Значит, вы... — Парень немного подумал и произнес какое-то странное слово, должно быть, на своем родном языке. Наверное, оно означало «волшебные существа».

— Мы — ваши друзья, — сказал Тоно по-датски. С присущей ему обстоятельностью он представил эскимосу Эяну и себя, назвав ее и себя по имени.

— Моя звать Миник, — в свою очередь представился эскимос.

Он был явно навеселе и, похоже, больше, чем его товарищи, которые с нетерпением дожидались окончания разговора, наблюдая за происходящим со стороны.

— На борт, на умиак! Подняться, отдыхать? — предложил парень.

— Нет! — крикнул кто-то с умиака.

— Они не от соседей, — прокричал в ответ Миник. Но иннуиты все как один разразились гневным протестующим криком. Их враждебность очень удивила Тоно и Эяну, потому что вообще-то она была эскимосам совершенно не свойственна. По-видимому, причина заключалась не в страхе перед волшебными существами, а в чем-то другом. Язычники иннуиты превосходно уживались со всевозможными духами, раз и навсегда установив с ними мирные отношения. Сейчас перед иннуитами были просто двое неизвестных, похожие на людей и не представлявшие никакой опасности, но определенно связанные с миром волшебного и чудесного. Вероятно, между этими аборигенами и жителями поселка Вестри-бюгд, соседями, произошло какое-то столкновение, может быть, кровопролитная битва... И все-таки надо было попробовать договориться... Первой ее заметила Эяна.

— Тоно, смотри! У них там белая женщина! — воскликнула она.

Тоно должен был внимательно следить за гребцами, которые держали наготове гарпуны и целились в них. Ему некогда было взглянуть в сторону умиака. Меж тем тот подошел ближе, и теперь Тоно тоже увидел, что в центре умиака, выделяясь среди прочих женщин своим высоким ростом, сидит поджав ноги, как сидели и все остальные, девушка, которая смотрела на него изумленным, застывшим взглядом. Капюшон ее куртки был откинут, на солнце ярко блестели светлые золотистые косы.

Дети морского царя осторожно, чтобы не перевернуть умиак, поднялись на борт и так же осторожно устроились на корточках в носовой части лодки. Они были готовы в любую секунду вскочить и броситься в воду. Вся лодка была завалена битыми гагарами и запятнана кровью. Тоно и Эяна настороженно присматривались к единственному мужчине, который находился в умиаке. Он сидел поодаль от женщин на корме. Лицо у него было морщинистое, волосы с сильной проседью, зубы кривые и редкие. Увидев незна-

комцев, старик пронзительно взвизгнул и стал жадно ловить ртом воздух, как будто задыхаясь. И вдруг он так же внезапно успокоился и громко сказал:

— Мой нюх говорит, что эти двое не желают нам зла.

Затем он обратился к Тоно и Эяне:

— Моя особа зовет себя Панигпак. Прочие особы зовут мою особу ангакок.

Так значит, это шаман, колдун и близкий друг духов и демонов, целитель и провидец, предсказывающий будущее и обладающий властью над силами зла. При всей своей внешней скромности, которая, по обычаю, подобала шаману, при том, что годы согнули его спину и изрезали лицо морщинами, в этом человеке явственно чувствовалась горделивая повадка дикого зверя. Мысленно Тоно сравнил его с волком и белым медведем.

Женщины без умолку визжали и кричали, кто-то истерически хохотал. У них были широкоскулые желтые лица с черными, как жучки, глазами. От женщин шел запах разгоряченных тел и довольно приятный запах дыма. Пахло также салом и мочой, которые употреблялись ими для смазывания волос. Мужчины подогнали поближе свои каяки и со всех сторон окружили умиак. Они вели себя не намного сдержаннее, чем женщины.

Одна лишь северянка с золотыми косами сохраняла невозмутимое спокойствие. Она была одета, как и все остальные, в куртку и штаны из тюленьей шкуры, ее красивое лицо с правильными чертами было такое же грязное, как у всех, но глаза сияли яркой синевой; она выделялась среди прочих женщин высоким ростом и статной фигурой. Тоно нашел ее привлекательной, тогда как ни одна из эскимосских женщин в поселке, где брат и сестра прожили зиму, так и не удостоилась его внимания. Он прогнал эти мысли и обратился к девушке:

— Прости, если моя речь покажется тебе нескладной. Мы научились языку, на котором я сейчас говорю, у других жителей здешних берегов. С ними мы охотились, ловили рыбу, справляли праздники, обменивались подарками. Они стали нашими друзьями.

Сюда мы прибыли ненадолго и скоро снова тронемся в путь. Мы разыскиваем наших родичей и не просим у вас ничего, кроме ответа на один вопрос: не слыхал ли кто-нибудь из вас о нашем народе?

Налетел ветер и поднял волны. Холод внезапно ужесточился. Казалось, ветер и холод вызвала северянка, когда заговорила в наступившей вдруг тишине звонким высоким голосом:

— Кто вы такие? Откуда приплыли? Вы не совсем похожи на обычных водяных... Так мне кажется. У вас не такие ноги, как у них, у вас нет перепонок между пальцами.

— О, так ты слышала про наш народ? — радостно воскликнула Эяна.

— Слышала. Когда-то у горящего очага мне рассказывали сказки. Предания и легенды глубокой древности. Больше я ничего про ваш род не слыхала.

Эяна вздохнула:

— Да, ты угадала правильно. Мы с братом по своей природе не совсем такие же, как все прочие в нашем племени. Но если вас поразила наша внешность, то и ваш вид удивил нас не меньше.

Белокурая женщина крепче прижала к груди маленькую девочку. У многих женщин, сидевших на веслах, также были привязаны за спиной или на груди маленькие дети. Дочь северянки унаследовала от матери светлые как лен волосы.

— Можем ли мы спокойно говорить и никого не опасаться? — спросила Эяна негромко.

Сидевшие в каяках мужчины с любопытством смотрели на них, очевидно не понимая языка, на котором шел разговор. Но убедились ли они, что два неведомых существа, появившиеся из моря, действительно ничем им не угрожают? Северянка обратилась к людям на эскимосском языке и объяснила им все понятнее и лучше, чем это удалось бы Тоно или Эяне. Она сказала, что двоим, появившимся из моря, легче всего объясняться на языке датчан, и поэтому разумно будет, если ей позволят поговорить с ними по-датски, дескать, так они коротко и ясно расскажут о себе, не теряя попусту время. А она обещает точно перевести все, что они скажут. Затем она обратилась за поддер-

жкой к шаману и к молодому мужчине, которого звали Миником. Угольно-черные глаза шамана пристально всматривались в лица чужаков. Наконец, он дал свое согласие.

Тоно сообразил, что Миник — муж белокурой женщины. Как случилось, что она стала его женой?

— Меня зовут Бенгта. Бенгта Хаконсдаттер, — неуверенно заговорила она по-датски. И вдруг умолкла — на ее лицо набежала тень. Помолчав несколько минут, Бенгта продолжила: — Это раньше меня так звали. Теперь мое имя Атитак. А мою дочь раньше звали Хальфридой. — Она снова крепко прижала к себе девочку, которой было, по-видимому, около года. — Теперь она носит имя Алокисак. Так звали бабку Миника, моего мужа. Она погибла, была раздавлена льдами. Это случилось незадолго перед тем, как Миник взял нас с дочерью к себе.

— Вас похитили? — вполголоса спросила Эяна.

— Нет! — Бенгта наклонилась за борт умиака и положила руку на плечо мужа. Миник смутился и жарко покраснел: у иннуитов было не принято, чтобы жена вела себя подобным образом. Однако руку Бенгты он не сбросил.

— Расскажите о себе, — попросила Бенгта.

Эяна пожала плечами.

— Мы с братом наполовину люди по крови, — и Эяна кратко рассказала про все, что с ними приключилось. Затем она довольно неуверенно спросила: — Может быть, ты случайно что-нибудь слышала о нашем племени? О том, куда повел их отец?

— Нет, — ответила Бенгта. — Да и как я могла что-то узнать? Ведь я не так давно живу у эскимосов.

— Поговори с твоими друзьями, дорогая. Скажи им, что мы и весь наш род вам не враги. Напротив, если бы мы были заодно, — вы, обитатели суши, и мы, живущие под водой, — то вместе могли бы совершить многое, что не под силу никому на свете.

И долго еще звенели над водой певучие голоса Эяны и Бенгты. Шаман Панигпак то и дело о чем-нибудь спрашивал, объясняясь с братом и сестрой при посредничестве Бенгты. Постепенно все выяснилось. Увы, и эти иннуиты ничего не знали о каких-либо

пришлых племенах. Но ведь иннуиты проводили время в основном на берегу, где били зверя и птицу, в открытое море они выходили довольно редко. Иннуиты никогда не совершали таких дальних плаваний, как белые люди, о которых было известно, что когда-то в давние времена они уплывали далеко за горизонт и приставали к берегам незнакомой страны. Бенгта вспомнила, что страна эта называлась Маркландией — Лесной землей. Поселившиеся там белые люди валили лес и летом уходили в долгие, бесконечно долгие походы на своих ладьях, а зимой сидели дома, на берегу. Иннуиты же как раз зимой путешествовали на собачьих упряжках по прибрежным льдам и по суше. И больше никто в поселке Вестри-бюгд не слышал о каких-либо событиях на острове Гренландия. Несчастные невежды, сидевшие в каяках, также ничего не могли сказать. Кто-то из них робко заметил, что если уж кого спрашивать, то прежде всего отца Бенгты, самого могущественного человека во всем поселке, дескать, уж Хакон, наверное, знает, если на острове произошло какое-то событие.

От Тоно и Эяны не укрылось, что упоминание об отце Бенгты, Хаконе Андерсоне, у всех слушавших вызвало дрожь ужаса. И сама Бенгта вздрогнула, и голос ее стал резким.

— Да, наверное, нам стоит увидеться с Хаконом Андерсоном, — сказала Эяна. — Передать что-нибудь отцу, Бенгта?

Бенгта вдруг расплакалась:

— Передай! Передай ему мое проклятие! — выкрикнула она сквозь слезы. — Скажи ему, и всем им скажи, пусть уходят, пусть как можно скорей уходят отсюда, иначе их уничтожит Тупилак. Наш шаман пошлет на них Тупилака в наказание за все зло, которое причинил нам Хакон, мой отец!

Миник потянулся за гарпуном. Шаман Панигпак плотнее закутался в меховую куртку, низко опустив голову, так что лица не было видно. И женщины и мужчины подались назад, словно в страхе перед чужаками на носу лодки. Младенцы почувствовали, что происходит что-то недоброе, и подняли плач.

— По-моему, самое время поскорей уносить ноги, — тихо, чтобы услышала только сестра, сказал Тоно. Эяна кивнула, и дети морского царя, будто две стрелы, метнулись за борт умиака и скрылись в черной ледяной воде.

VIII

Из рассказа Бенгты Тоно и Эяна поняли, что усадьба Хакона Андерсона находится на берегу большой бухты, которая дала приют поселку Бестри-бюгд. Хмурый короткий день уже клонился к вечеру, когда брат и сестра разыскали жилище норвежца. Стемнело, и они поспешили надеть одежду, которая была у них в кожаных мешках, висевших вместе с гарпунами на ремне за спиной. Теперь нелегко было бы догадаться, кто они: вместо одежды из обычной материи, которая, намокнув в воде, превратилась бы на морозе в жесткий заледеневший панцырь, они надели те вещи, что нашли в развалинах Лири и сберегли во время плавания на когге «Хернинг». Это была одежда из рыбьей чешуи, переливавшейся всеми цветами радуги. Туники были совсем короткие, однако они все-таки вызывали у христиан меньшее возмущение, чем неприкрытая нагота. Поверх непромокаемых одежд Тоно и Эяна перепоясались кожаными поясами, к которым были подвешены стальные ножи. Нержавеющее оружие — ножи из обсидиана и кости — они также заткнули за пояса, и каждый взял по два гарпуна.

Дул резкий холодный ветер, начался отлив, море отступило от берега, обнажив камни и скалы. Волшебное зрение позволяло сестре и брату видеть в темноте почти так же хорошо, как при свете дня. Однако картина, открывшаяся перед ними на берегу среди горбатых холмов, отнюдь не радовала глаз. Бестри-бюгд не был поселком в обычном смысле слова, он представлял собой отдельные дома и усадьбы, которые были разбросаны там и сям по всему побережью на расстоянии нескольких миль друг от друга. Между домами лежали пустоши, возделанных земель нигде

не было видно. Лето в Гренландии было коротким и холодным, земля бесплодной, хлеба здесь почти никогда не вызревали. Единственным, на что могли рассчитывать жители поселка, были травы, которые за лето успевали вырасти на лугах и пастбищах. Сено шло на корм домашней скотине. Судя по жесткой стерне, колоившей босые ноги двух одиноких путников, нынешним летом травы поднялись плохо и были редкими и тощими. Впереди лежал обширный выгон для скота, огороженный изгородью из белых китовых ребер. Должно быть, когда-то здесь паслось большое стадо, но теперь по выгону бродило лишь несколько тощих овец и таких же костлявых коров. У самого берега поднимался из воды крохотный островок, около него стояли на якоре три лодки. Это были шестивесельные ялы, построенные крепко и добротно. Такие шлюпки как нельзя лучше подходили для плавания вдоль берегов, изрезанных бесчисленными проливами и фьордами, в которых гулял ветер. Но, как удалось разглядеть Тоно, доски ялов, покрытые слоем черной смолы, были старыми и во многих местах потрескавшимися.

Выше на склоне холма стояли постройки: жилой дом, коровник и два сарая. Они располагались вокруг грязного двора и были построены из дикого камня, положенного сухой кладкой, щели между камнями были законопачены мхом, кровля была из дерна. В Дании даже у самых бедных рыбаков дома были лучше. Из отверстия в крыше поднимался дым; судя по запаху, в очаге жгли торф. Из щелей между покосившимися ветхими ставнями сочился слабый свет. Откуда-то из угла бросились с громким лаем четыре собаки, крупные страшные псы, помесь собаки и волка, но страшными они казались еще и оттого, что все четыре были тощими, как скелеты. Учуяв запах пришельцев, собаки перестали лаять, испуганно поджали хвосты и убежали.

Дверь дома отворилась. На пороге выросла черная тень — свет падал на нее сзади. Высокий мужчина с поднятым к плечу копьем пристально всматривался в темноту. Из-за его спины выглядывали какие-то люди.

— Кто здесь? — раздраженно крикнул мужчина.

— Это мы. Нас двое, — ответил Тоно, оставаясь в темноте. — Не пугайтесь, если наш вид покажется вам странным. Мы не замышляем ничего плохого.

Они с Эяной вышли из темноты в полосу света, падавшего из открытой двери. Послышались изумленные возгласы, кто-то из людей выкрикнул проклятие, кто-то торопливо забормотал молитву. Высокий человек перекрестился.

— Во имя Иисуса, отвечайте, кто вы такие? — Хозяин был удивлен, но не испугался.

— Мы не смертные, не люди, — сказала Эяна.

Произнесенное миловидной девушкой это признание прозвучало по крайней мере менее резко, чем если бы вместо сестры людям ответил Тоно.

— Но мы можем, как и вы, произнести имя Иисуса Христа, слышите? Мы не таим никакого зла. Напротив, мы готовы оказать вам помощь, если нужно, а взамен просим лишь об одной простой вещи, если вы сможете оказать нам эту услугу. Мы очень на это надеемся.

Высокий человек шумно вздохнул, опустил копье и двинулся им навстречу. Он был таким же исхудавшим, как его дворовые собаки, но видно было, что фигура у него всегда была сухощавая, руки, однако, поражали силой. На худом лице с ввалившимися щеками выделялся прямой острый нос. Глаза у человека были бледно-голубые, губы — тонкие, волосы и коротко подстриженная борода — седыми. Длинный шерстяной плащ с откинутым на спину капюшоном спускался ниже колен, на ногах у человека были сапоги из тюленьей кожи. От него шел неприятный запах. На поясе висел меч. Видимо, он взял это оружие, когда услышал собачий лай во дворе. Судя по форме, этот меч хранился в семье хозяина со времен викингов.

«Правильно ли они поступили, явившись к этому дому? — подумали брат и сестра. — Удастся ли узнать здесь что-нибудь об отце?»

— Назовите ваши имена и имя вашего рода, — не попросил, а приказал высокий человек и добавил с вызовом: — Я — Хакон Андерсон. Вы находитесь в моей усадьбе Ульфсгард.

— Мы знаем, кто ты, — сказала Эяна. — Перед тем как отправиться сюда, мы расспросили людей, и они сказали нам, что ты — самый могущественный человек в этих краях.

И теми же словами, что его дочери Бенгте, Эяна рассказала Хакону об их с Тоном странствиях и приключениях. Она умолчала лишь об одном — о том, что город Лири был разрушен, а племя отца изгнано из родных мест христианским священником, который призвал на лири проклятие. Пока Эяна рассказывала, мужчины — домочадцы Хакона осмелели и подошли ближе, женщины и дети, столпившись у дверей, смотрели и слушали издали. Почти все эти люди были моложе хозяина, и сразу бросалась в глаза их худоба и изможденность, вызванные постоянным недоеданием. У иных были кривые ноги после перенесенного рахита, у других была спина искривлена, суставы изуродованы ревматизмом. Стояла морозная ночь, и люди, одетые в жалкие заплатанные лохмотья, тряслись от холода. Из открытой двери несло чем-то затхлым, даже едкий дым очага, от которого слезились глаза, не мог перешибить эту вонь, воняло человеческим телом, потом людей, которые ютятся в душном и тесном доме.

— Не приходилось ли вам слышать о них? — спросила Эяна, окончив свой рассказ. — Мы бы вас вознаградили. Я говорю не о золоте, из которого люди делают кольца и разные украшения, хотя вы, наверное, не отказались бы и от золота. Но мы могли бы наловить вам много рыбы и зверя, гораздо больше, чем вы сами наловите.

Хакон глубоко задумался. Слышно было только, как свистит ветер да тихо шепчутся люди, которые то и дело чертили в воздухе какие-то странные знаки, помимо известного Тоно и Эяне креста. Наконец Хакон высоко поднял голову и со злостью спросил:

— Кто вам сказал, где находится мой дом? Скрелинги, так?

— Кто?

— Скрелинги. Тупые, мерзкие язычники. Они приплыли в Гренландию с запада, около ста лет тому назад. — И вдруг сорвавшись, Хакон закричал во

весь голос: — Приплыли и принесли нам холод и смерть, гибель принесли нашим полям! И Господь отвернулся от нас! Будь они трижды прокляты, чертовы колдуны этих гнусных язычников!

Тоно насторожился.

— Да, мы встретили этих людей в море, — сказал он. — С ними была ваша дочь Бенгта. Если хотите, мы расскажем о Бенгте, а вы взамен откроете нам то, что вам известно о нашем отце.

Все, кто были во дворе и в доме, страшно закричали. Хакон оскалил зубы и с силой втянул воздух, словно его пронзила острая боль. Но тут он ударил копьем в землю и проревел:

— Хватит! Молчать, щенки!

Все стихло. И Хакон спокойно предложил:

— Входите. Потолкуем.

Эяна сжала руку брата и сказала на языке лири:

— Стоит ли? Здесь мы хоть убежать можем. А в четырех стенах он нас живо скрутит.

— Стоит. Риск оправдан.

Приняв решение, Тоно снова обратился к Хакону:

— Вы приглашаете нас в свой дом и просите быть вашими гостями? Мы обещаем не причинить вам ничего плохого. Обещайте и вы, что под крышей вашего дома нам ничто не угрожает.

Хакон перекрестился.

— Клянусь в том Господом Богом и святым Олафом. Но и вы должны поклясться, что ничем нам не навредите.

— Клянемся честью, — ответили брат и сестра. Более подходящего для клятвы понятия у народа лири, пожалуй, не было. Тоно и Эяна давно уже заметили, что христиане только потешаются над бездушными существами, если те упоминают в своих клятвах имена христианских святых.

Хакон впустил их в дом. От невыносимой вони Эяну едва не стошнило, Тоно наморщил нос. Иннуитов, у которых они жили минувшей зимой, никак нельзя было упрекнуть в излишней чистоплотности, однако в их жилищах все дышало здоровьем, неряшливость проистекала от сытости и богатства. Здесь же...

Единственным источником света в доме Хакона был тусклый огонек в углублении земляного пола, где горел торф. Хозяин велел зажечь светильники — плошки из мыльного камня, наполненные тюленьим жиром. Когда они разгорелись, стали явственно видны убожество и нищета жилища. Во всем доме была только одна комната. Сейчас, поздним вечером, люди уже ложились спать, на шедших вдоль стен широких лавках были постелены соломенные тюфяки, такие же соломенные подстилки лежали и на кровати с пологом, где, по-видимому, спал хозяин, и на полу, где должны были спать слуги. Жило в доме не меньше тридцати человек. Значит, им приходится спать вповалку, слышать сквозь сон чей-нибудь громкий храп или поневоле видеть, как какая-нибудь пара торопливо обнимается на полу, если только у этих людей вообще оставались силы для подобного занятия. В дальнем конце комнаты находилась громоздкая каменная печь, служившая, видимо, для приготовления пищи. Над печью на вбитых в стену крючьях висели разделочная доска, куски копченого мяса и вяленая рыба. Запасы еды были ужасающе мизерными, а ведь до зимы оставались считанные дни.

И все-таки по всему было видно, что предки нынешнего хозяина дома не бедствовали. В комнате стояли два старинных деревянных кресла, несомненно, принадлежавших хозяину и хозяйке. Спинки и подлокотники кресел украшала богатая резьба, некогда они были расписаны яркими красками, которые со временем облезли и облупились. Кресла, определенно, были норвежской работы. Над ними поблескивало на стене бронзовое распятие, чуть поодаль стояли крепкие добротные лари из кедрового дерева. Потемневшие от копоти ветхие шпалеры, когда-то, вне сомнения, были великолепны. Развешанное по стенам оружие и домашняя утварь были начищены до блеска и, по-видимому, содержались в полном порядке. Оружия было очень много — его с избытком хватило бы на всех обитателей дома и еще десятка на два воинов. Тоно шепнул сестре:

— Мне кажется, члены этого семейства и их слуги когда-то жили в хорошем большом доме с просторны-

ми залами. Наверное, они покинули его, потому что слишком тяжело и невыгодно отапливать большие помещения, если в доме живет не так уж много народу. Они построили эту лачугу и перебрались сюда.

Эяна кивнула.

— Скорей всего, так. И сегодня вечером, если бы мы не пришли, он не стал бы зажигать светильники и тратить тюлений жир. Я думаю, они приберегают жир на черный день, когда начнется настоящий голод. — Эяна поежилась. — Бр-р, холод, темень — зима в Гренландии! На дне океана в погибшем Аверорне и то было больше света и тепла.

Хакон уселся в хозяйское кресло и жестом, в котором было нечто от старинных полузабытых обычаев, предложил своим гостям располагаться на скамье, стоявшей напротив него. Затем он кликнул слуг и велел принести пива. Оно оказалось слабым и слегка подкисшим, но подано было в превосходных серебряных кружках. Хакон вскользь упомянул, что он вдовец. Тоно и Эяна обратили внимание на неряшливую молодую бабенку с огромным животом и по тому, как она обращалась с хозяином, догадались, что ребенок, который скоро у нее родится, — от Хакона. Тем временем Хакон рассказал, что из всех его детей остались в живых трое сыновей и дочь. Старший сын стал моряком, он плавает на корабле, приписанном к порту Осло, и о нем уже несколько лет нет никаких известий. Второй сын женился и живет с женой в своей усадьбе. Третий, Йонас, остался вместе с отцом. Это был жилистый и тощий парнишка с курносым носом и прилизанными белесыми волосами. На Тоно он косился опасливо, как испуганный зверек, глядя же на Эяну не мог скрыть похотливого желания. Все прочие обитатели лачуги были бедными родственниками хозяина, уроженцами Вестри-бюгда. Они работали на Хакона, промышляя вместе с ним в море, и ходили за скотиной.

— Что касается моей дочери...

Послышался невнятный ропот. Среди собравшихся в комнате изможденных людей пробежало какое-то движение, у всех вдруг ярко заблестели глаза, и даже

в спертом воздухе, пропитанном копотью и дымом, Тоно и Эяна явственно различили запах страха. Хакон невозмутимо продолжал:

— Что вы можете сообщить о ней?

— А что вы можете сообщить нам о нашем племени? — спросил в ответ Тоно.

Хакон ненадолго задумался.

— Пожалуй, я кое-что знаю о нем, — сказал он.

В комнате, тускло освещенной коптящими жировыми лампами, снова послышался шепот и невнятные возгласы.

— Не верь, — прошептала Эяна брату на ухо. — По-моему, он лжет.

— Боюсь: ты не ошибаешься, — так же шепотом ответил Тоно. — Ничего, поиграем в эту игру. Тут кроется какая-то тайна.

Вслух он сказал:

— Мы встретили вашу дочь, когда плыли по морю. Это было недалеко отсюда. Ваша дочь плыла на лодке вместе с иннуитами, которых вы, кажется, называете, скрелингами. И у нее, и у ее маленькой дочки был довольный и здоровый вид.

«Они выглядели лучше, чем любой из обитателей этого дома, — подумал Тоно. — Наверное, когда Бенгта была ребенком, Хакон делал все, чтобы она хорошо питалась, потому что хотел, чтобы дочь нарожала здоровых детей и продолжила его род, и еще потому, что Хакон ее любил».

— Я должен вас предупредить, — продолжал Тоно. — Вероятно, вам будет неприятно услышать то, что она просила вам передать. Не в наших привычках о чем-либо умалчивать, но так как времени у нас было очень мало, мы не смогли обстоятельно побеседовать с вашей дочерью и не вполне понимаем, что она имела в виду.

Хакон так стиснул рукоять меча, что побелели костяшки пальцев. Йонас, его сын, пересел на скамью поближе к отцу, как будто почуял опасность.

— Дальше! — злобно крикнул Хакон.

— Прошу извинения, но ваша дочь просила передать, что проклинает вас. Она сказала также, что вам нужно немедленно бежать отсюда, не то Тупилак вас

погубит. Тупилак — это создание чародея из племени, в котором живет ваша дочь. Он сотворил его, чтобы покарать вас за злодеяния.

Все вокруг в ужасе закричали, поднялся страшный шум, Йонас вскочил с места и выкрикнул:

— Да что ж они, лишили ее души, забрав себе ее тело?

Кажется, у Хакона вырвался вздох — ничем другим он не выдал, как ему мучительно больно.

— Тихо! — приказал он. Но шум только усилился. Тогда Хакон встал и, выхватив меч из ножен, грозно поднял над головами людей.

— Всем сесть по местам и молчать, — сурово сказал он. — Если кто ослушается — прекрасно, одним едоком будет меньше.

Настала тишина, слышно было лишь, как свистит ветер, который кружил над домом и рвался в дверь. Хакон вложил меч в ножны и опустился на кресло.

— Я хочу кое-что вам предложить, — с расстановкой сказал он, обращаясь к Эяне и Тоно. — Честная сделка. Если я правильно вас понял, вы наполовину люди, наполовину водяные и можете дышать под водой. Вы быстро плаваете и глубоко ныряете. Судя по тому, какое у вас оружие, воевать вам тоже не раз случалось.

Тоно кивнул.

— И колдунов вы можете не опасаться, потому что вы и сами из мира колдовства и чародейства.

Эяна насторожилась. И вдруг в разговор вмешался Йонас:

— Отец не хотел сказать, что вы — порождения дьявола.

— Конечно, нет, — подтвердил Хакон. — В самом деле, я предлагаю вам выгодную сделку. — Он подался вперед. — Вот, послушайте. Здесь действительно живут... остатки какого-то племени водяных. Так я думаю. Они обитают около острова к западу отсюда. Я рыбачил...

Тут Хакон обратился к домочадцам, которые слушали его, вытаращив глаза от удивления:

— Со мной были Миккель и Стурли. Потом их сожрал Тупилак, как вы помните. Мы... То, что мы

убидели там, возле острова, нас встревожило. Мы не знали, как нам, христианам, подобает поступить, столкнувшись с подобными существами. Но мы подумали, что лучше будет не выказывать никакой враждебности, и решили прежде всего посоветоваться со священником. С настоящим, мудрым священником, а не таким, как наш отец Сигурд, который двух слов связать не умеет и перевирает весь порядок службы. Я знаю, что говорю, потому что посещал церковь в Остри-бюгде и внимательно слушал и смотрел, как он там служит. Кто-кто, а отец Сигурд не спасет нас своими молитвами от Тупилака. Скоро весь наш народ исчезнет без следа. Тупилак не пощадит никого. Сколько наших людей он уже уничтожил... — Лицо Хакона страдальчески исказилось. — Весь наш род обречен на гибель. Проклятые язычники!

Прошло несколько минут, прежде чем Хакон успокоился и снова заговорил:

— Так вот. Мы решили поехать в Гардар и попросить совета у самого епископа, а до тех пор хранить в тайне все, что видели возле острова. Иначе кто-нибудь мог бы поддаться соблазну и натворить глупостей, а мы не хотели, чтобы стряслась беда. Но мы не съездили в Гардар. Приплыл Тупилак и... Так и не пришлось мне потолковать с епископом.

Хакон внимательно посмотрел в глаза Тоно, потом Эяне.

— Конечно, я не могу поклясться, что те водяные были из вашего племени. Но они появились здесь недавно, поэтому разумно предположить, что это они. Согласны? Сами вы этот остров вряд ли найдете. Отсюда до Маркландии путь неблизкий. Очень, очень долгое плавание... И трудно вам придется, здешние воды опасны. Из-за Тупилака. Я вожу лодку, ориентируясь по звездам и солнцу, так что доставлю вас прямо на остров. Но... Пока Тупилак не уничтожен, никто в нашем поселке не осмелится выйти в море.

— Говори, — глухо сказала Эяна.

Хакон откинулся на спинку кресла, допил пиво и знаком велел слуге подать еще пива себе и своим гостям.

— Начну с самого начала. — Теперь Хакон гово-

рил быстро, как будто спешил рассказать все как можно скорей. — Началось же все в те времена, когда люди впервые достигли Гренландии и поселились здесь. Они заплыли еще дальше. Говорят, будто им удалось достичь берегов страны Винландии, но на самом деле это враки. Позднее люди открыли Лесную землю, Маркландию. Они валили там лес и привозили сюда, потому что в Гренландии лесов, можно сказать, вообще нет. Каждый год к нам приходили корабли, и мы обменивали на парусину и железо наши меха, кожи, моржовую и китовую кость, гагачий пух и бивни нарвалов.

Тоно не удержался от ухмылки. Ему вспомнилось, что в странах Европы бивень нарвала выдают за рог сказочного единорога. Хакон заметил его усмешку, но не спросил, что смешного нашел гость в его словах.

— Мы, гренландцы, никогда не были богаты, но жили в достатке. Рождались дети, росли поселения, земель, пригодных для жизни, стало не хватать, и мы перебрались на север. Тогда и были основаны три наших поселка. Вскоре климат начал ухудшаться. Поначалу похолодание шло медленно, потом все быстрее и быстрее. Лето становилось все холоднее, все короче, осенью выпадал град. Год от году мы снимали с полей все более скудные урожаи. Часто стали налетать свирепые штормы, в море появились айсберги. Корабли приходили все реже, потому что плавания в непогоду и среди льдов опасны. К тому же в Норвегии было неспокойно, там начались перемены. И вот уже несколько лет не приходил к нам ни один корабль. Надо было жить, обеспечивать себя самим, без посторонней помощи. Не имея никакой связи с внешним миром, мы вскоре стали бедствовать. Что мы могли собрать с наших полей? Мы почти ничего уже не откладывали для продажи и про запас. И тогда пришли скрелинги.

— Но ведь скрелинги — миролюбивые люди? — мягко спросила Эяна.

В ответ Хакон выругался, а его сын презрительно плюнул на пол.

— Эти бестии хитрее троллей! — Хакон задыхался от ярости. — Колдовские силы помогают им выжить

в таких условиях, где христиане гибнут. Скрелинги навлекли на Гренландию гнев Господень.

— Как вы можете защищать паршивых язычников, а еще такая красивая девушка! — сказал Йонас и заискивающе улыбнулся Эяне.

Хакон сжал кулаки.

— Рассказ о моем роде будет коротким, — сказал он. — Двадцать с небольшим лет тому назад эти мерзавцы скрелинги жили в некотором отдалении от Вестри-бюгда, на севере. Там же они охотились и ловили рыбу. Они приплывали в нашу бухту торговать. Корабли из Норвегии в то время приходили уже очень редко. Не нравилось мне, что скрелинги ведут у нас торговлю, но запретить им приплывать в бухту я не мог, потому что они продавали вещи, в которых мы крайне нуждались. И скрелинги заманили наш народ в сети порока. Первыми попались, конечно, мужчины. Потому что девки у этих поганых язычников все как одна бесстыжие потаскухи, готовые спать с каждым, кто пожелает, да еще прямо на глазах у мужа!.. Так вот, кое-кто из наших парней научились у скрелингов разным охотничьим хитростям, переняли их обычай строить жилища из снега и ездить на собачьих упряжках. Четыре года назад я выдал дочь замуж за Свена Эгильсона. — Голос Хакона дрогнул. — Свен был славный парень, и они... Они хорошо жили, по-моему. Несмотря на то, что земельный участок у Свена был никудышный. Находился он на самой дальней северной окраине Вестри-бюгда, откуда до поселения скрелингов было ближе, чем до усадеб наших людей, христиан. У Бенгты и Свена пошли дети. Выжили двое, мальчик и девочка. Был у них и батрак, помогал работать в поле и охотиться. Прошлым летом нужда стала невыносимой. Травы почти не выросли, накосили мы совсем мало, пришлось забить чуть не всю скотину. Только этим мясом мы все равно не смогли бы прокормиться зимой и умерли бы от голода, если б не рыбная ловля. Зима выдалась лютая. Целыми днями кружила метель — какое там, днями! Всю зиму, всю эту беспросветно-черную ночь, когда ни на минуту не выглянет луч солн-

ца. После одного особенно свирепого бурана я захватил с собой нескольких человек и отправился в усадьбу Свена. Хотел узнать, не стряслось ли чего с ним и моей дочерью. В доме мы нашли Свена, моего внука Дага и батрака. Все трое были мертвыми. Тела были завалены камнями, потому что земля так промерзла, что нельзя было вырыть могилу. А Бенгта исчезла вместе с маленькой Хальфридой. В доме не было ни кусочка торфа. На снегу я увидел следы собак и людей, обутых в кожаные охотничьи чулки. Я понял, что в дом приходили скрелинги. Они увели мою дочь и внучку. Я был вне себя от горя и ярости. И повел своих людей на скалы, где эти подлые твари ютятся зимой. Мы не застали там почти никого, все ушли на охоту, рыскали где-то в снегах, поди найди. И Бенгты в их стойбище не было. Те, кого мы там застали, нагло заявили, что моя дочь пришла к скрелингам по доброй воле. Сказали, что ее дитя живо и что Бенгта живет с одним из этих негодяев, спит с ним в мерзкой грязной норе, при том, что он живет и со своей прежней... женой, как они назвали эту паршивую тварь. Мы убили всех, кто был в стойбище. Оставили в живых одну старую каргу и наказали ей передать охотникам, когда те вернутся: весной, если похищенные не будут возвращены, мы очистим нашу землю от всей этой сволочи.

Огоньки жировых светильников угасали, вдоль стен протянулись длинные тени. Сырость и холод пронизывали до костей. В тишине было слышно, как тяжело дышит Хакон. Эяна спросила:

— А вам не приходило в голову: может быть, те люди сказали правду? Как я помню, ни у Бенгты, ни у ее маленькой дочери на лицах не видно было следов насилия. Мне кажется, Свен с сыном и работник погибли от голода и холода, когда кончились запасы еды. А может быть, их убийцей стала какая-то болезнь. Это было бы ничуть не удивительно, ведь вы живете в невообразимой грязи. И Миник — так зовут мужа вашей дочери — увидел это и испугался за жизнь Бенгты. Вот он и увел ее в свое племя. Смею

заметить, что ваша дочь и Миник подружились задолго до этих событий.

— Что верно, то верно, — согласился Хакон. — Бенгта слишком увлекалась скрелингами. Она еще в детстве выучилась болтать на их языке, раньше даже, чем по-норвежски. Когда скрелинги приплывали к нам в бухту, она слушала их, развесив уши, сказки, всякие там истории... Бедная моя доченька, доверчивое дитя... Хорошо, он ее спас — но мог же он привезти Бенгту сюда, в дом отца! Я его щедро вознаградил бы. Так нет же, он хотел, чтобы Бенгта стала недосягаема для моей власти. Мою дочь заколдовал проклятый колдун скрелингов. Господи, смилуйся над нею! Ибо Бенгта погибла. Они опутали мою дочь колдовскими сетями, как бывает с одинокими путниками, которые сбились с дороги. Демоны и духи заманивают их в свое колдовское царство. Бенгта предала свой род, своих предков и погибла, ибо теперь она лишилась Божьей милости и бессмертия души. И она, и моя маленькая внучка... Если только мы не вернем их назад!

Некоторое время все молчали, затем Тоно спросил:

— Что было с ними потом?

— Скрелинги, конечно же, ушли с насиженных мест, перебрались в необжитые земли, не знаю, куда именно. В начале нынешней весны наши охотники напали на след одного из их племени. Они его выследили, поймали и привели ко мне. Я подвесил этого язычника над огнем, чтобы заставить говорить. Я должен был выпытать у него, где теперь живет их поганое племя. Но он так ничего и не сказал, и я его отпустил — выколол один глаз. Чтобы знали: я слов на ветер не бросаю! И велел передать своим: или они вернут мне дочь и внучку и предадут в мои руки негодяев, которые ее осквернили, или пусть забудут о спокойной жизни, я буду преследовать их сатанинское племя, пока не истреблю всех до последнего гнусного язычника. У каждого из нас есть жена, дети. Мы сумеем постоять за честь наших жен и дочерей. Через несколько дней приплыл Тупилак.

У Тоно по спине пробежал озноб.

— Что такое Тупилак? — спросил он.

Хакон скривился.

— Когда Бенгта была маленькой девочкой, она однажды рассказала мне сказку, которую услышала от скрелингов. Насколько я могу судить, это была одна из страшных историй про демонов. Я испугался, как бы дочку не начали мучить по ночам кошмары. Она заметила, что я встревожен, и стала меня утешать, мол, она будет спать спокойно. О, ни у кого на свете не было такой любящей дочери, как моя Бенгта! Это потом уж она... Ну, ладно. Тупилак — это морское чудовище, создание колдовских темных сил. Колдун строит каркас, обтягивает его моржовыми шкурами, набивает сеном и зашивает. Потом приделывает к туловищу когтистые лапы и хвост. Все это сопровождается волшебными заклинаниями и ворожбой. И чудовище встает, идет в море и нападает на врагов колдуна. Тупилак губит белых людей. Он бросается на ялы, переворачивает лодки, пробивает борта или днище. Секиры, мечи, копья, — любое оружие против него бессильно. Ведь Тупилак не живой, он не из плоти и крови. Он пожирает людей... Рассказали о нем те немногие, кому удалось спастись. Когда Тупилак приплыл к нашему берегу, море стало для нас запретным. За все лето мы ни разу не выходили на ялах. Мы лишились возможности ловить рыбу, бить тюленей и птицу, собирать птичьи яйца на островах. Получить помощь из Остри-бюгда мы тоже не могли. Посланные мной люди уходили и не возвращались, они пропали без вести, судьба их неизвестна. Может быть, их поймали скрелинги. Хотя вряд ли, скорей всего, они просто сбились с пути и погибли от голода и холода в этих проклятых снегах. Те, кто живет на юге, за морем, давно уже привыкли к тому, что от нас не приходит вестей. Во всяком случае, у них там своих забот хватает, если же они послали к нам корабль, или несколько кораблей, то Тупилак наверняка их потопил, а матросов сожрал... Пока у нас еще есть кое-какие запасы, очень скудные, еды в обрез, однако эту зиму мы худо-бедно перезимуем. Но следующей зимы нам не пережить. Мы обречены на голодную смерть.

— Вам надо уходить отсюда! — воскликнул Тоно, взволнованный рассказом Хакона. — Теперь я понимаю, что хотела сказать Бенгта. Уходите на юг из этих мест, устройте там новое поселение. Мне кажется, если вы уйдете, шаман прикажет чудовищу вернуться назад.

— Мы могли бы взять на себя роль посредников и договориться с шаманом, — предложила Эяна.

Послышались какие-то возгласы, кто-то из мужчин вскочил, кто-то выругался. Йонас вытащил из-за пояса нож. Хакон сидел неподвижно, словно каменное изваяние. Наконец он сказал:

— Нет. Здесь стоят наши дома. Здесь покоятся наши предки и живут наши воспоминания. Здесь мы свободны. На юге людям живется ненамного лучше, чем нам. Вероятно, они не откажут нам и позволят поселиться вместе с ними, но там нас ожидает участь нищих, жалких наемных работников. Нет. Таково мое решение. Мы должны выжить и заставить скрелингов уйти из Вестри-бюгда.

Хакон опять подался вперед, упершись сжатыми кулаками в колени. Пальцы на правой руке у него были скрюченные, похожие на когтистую лапу гренландского сокола.

— Так вот, мы добрались до сути дела. Предлагаю вам сделку. Выйдем завтра на ялах. Тупилак немедленно узнает об этом и приплывет. Мы атакуем его с лодок, а вы снизу, из воды. Ведь можно же его уничтожить, в конце концов, разрубить на куски! В сказке, которую скрелинги рассказали моей Бенгте, говорилось о том, как один храбрец избежал гибели, встретившись с Тупилаком. Он перевернулся вместе со своим каяком, понимаете? И подобрался к брюху чудовища. Конечно, похоже, что это просто выдумка, сказка ведь не быль. И все-таки ни один из наших мужчин не умеет управляться с этими чертовыми каяками. Но даже если эта история — враки, то она все равно подтверждает, что скрелинги считают победу человека над Тупилаком возможной. А уж кому знать Тупилака как не им? Помогите нам избавиться от демона, и я отвезу вас на остров, где находится ваше племя. Тут есть, конечно, одна загвоздка, —

Хакон натянуто улыбнулся. — Как бы чудовище не приняло вас за норвежцев. Тогда вам конец. По крови-то вы наполовину люди... Помогите же нам, вашим братьям, а мы поможем вам.

Снова стал слышен свист ветра. Брат и сестра переглянулись.

— Нет, — сказал Тоно.

— Что?! — яростно крикнул Хакон и тут же решил сыграть на самолюбии Тоно: — Ах, значит, струсили. Раз так, нечего вам тут делать. Завтра на рассвете убирайтесь от наших берегов.

— Как мне кажется, вы нас обманули, — ответил Тоно. — Не тогда, когда рассказывали о своей жестокости и мстительности. Тут все правда. Вы солгали, когда говорили о племени водяных. Ваши слова звучали фальшиво.

— Когда вы говорили, я смотрела на лица людей, — добавила Эяна. — Даже ваши домочадцы не поверили этим бредням.

Йонас схватился за нож.

— Вы посмели назвать моего отца лгуном?!

— Я назвал бы его отчаявшимся человеком, — ответил Тоно. — Впрочем, вот что. Возьмите в руки изображение вашего бога, Хакон Андерсон. — Тут Тоно показал на распятие, которое висело на стене позади хозяйского кресла. — Поцелуйте в губы вашего бога и поклянитесь своей верой в то, что после смерти он возьмет вас к себе на небо. Поклянитесь, что сказали нам, гостям вашего дома, чистую правду. И тогда мы будем сражаться вместе с вами против чудовища.

Хакон сидел, глядя перед собой неподвижным взглядом. Эяна поднялась.

— Нам лучше уйти, Тоно. Простите нас, добрые люди, — она вздохнула. — Нельзя нам рисковать жизнью и вмешиваться в чужие раздоры. Зачем нам это? Советую послушаться Бенгты и покинуть землю, где властвует злой рок.

Хакон вскочил, выхватил меч из ножен.

— Взять их! — крикнул он.

Тоно схватился за нож, но удар меча выбил оружие из его руки. Женщины и дети в ужасе завизжа-

ли, мужчины бросились к Тоно и Эяне, страшась того, что их ждет, если они ослушаются Хакона и дадут уйти этим двоим.

Четверо схватили Тоно за руки, четверо — за ноги. Он старался стряхнуть их, развернулся — и тут на его голову обрушилась тяжелая палица. Тоно взревел от ярости, но палица ударила еще и еще раз. Страшная боль пронзила череп, искры посыпались из глаз, все вокруг поплыло. Тоно повалился наземь. Мельком между топтавших его ног в драных сапогах он увидел Эяну. Она стояла, прижавшись спиной к стене. Со всех сторон в нее были нацелены копья, над головой был занесен меч Хакона, Йонас держал нож у ее горла. И мир погрузился во тьму. Ничего больше не было.

IX

Утро принесло с собой зловещие багровые облака и холодный стальной блеск моря, окутанного темной мглой. Дул сырой холодный ветер. Тоно с удивлением подумал, что ветер день и ночь кружит над этой бухтой, видимо, не утихая ни на минуту. Проснувшись, Тоно увидел, что лежит на охапке соломы. Над ним черной тенью маячила высокая фигура Хакона.

— Всем встать! — приказал хозяин-главарь.

Началась возня, маленькие дети громко заплакали, те что были постарше, ныли и хныкали.

— Брат, как ты? — услышал Тоно голос Эяны из другого конца комнаты. Она также провела ночь на полу, со связанными руками и ногами. Кроме того, ее привязали за шею к одному из столбов, поддерживающих крышу.

— Все ломит, — ответил Тоно. Сейчас, после того как он проспал несколько часов, в висках уже не стучало, но волосы слиплись от крови. Вкус крови был во рту, хотелось пить.

— Как ты, сестра?

Она засмеялась, но смех прозвучал невесело.

— У меня все в порядке. Этот Йонас, неотесанная деревенщина, приполз перед рассветом, пытался меня

обманить, но развязать веревки не осмелился. Я, конечно, могла бы кое-что ему позволить, да только не по мне такого рода забавы. Хочешь, чтобы я рассказала все до конца?

Брат и сестра разговаривали на языке лири.

— И так все ясно. Он не спрашивал, хочешь ты или нет. А мог прийти и не один. Мы же бездушные твари, животные... С нами можно делать все, что угодно...

В это время к Тоно снова подошел Хакон. Он не забыл о том, что накануне обещал своим гостям неприкосновенность.

— Я никогда не поднял бы руку на человека, которого принял в своем доме как гостя, — сказал Хакон. — Даже если бы это человек был скрелингом. Но вы не люди. Разве человек нарушает клятву, когда забивает овцу? Грешно было бы как раз не применить против вас силу. Ибо я поступил так ради спасения своего народа. Завтра ты, Тоно, пойдешь с нами в бой против Тупилака. Эяна останется заложницей. Если одолеешь чудовище, я ее отпущу. Я готов принести в этом клятву на Святом Кресте.

— Так мы и поверили предателю! — крикнула Эяна.

— Можно подумать, что у вас есть выбор, — сквозь зубы процедил Хакон.

На следующий день утром он подошел к Тоно в сопровождении десятка мужчин. Все они были одеты только в рубахи и штаны, каждый держал в руках оружие. Хакон развязал Тоно. Сын морского царя с трудом поднялся, разминая затекшие мускулы, подошел к сестре и поцеловал ее. Йонас беспокойно переминался с ноги на ногу.

— Ну ладно, хватит. Дело не ждет, — сказал он, обдав Тоно запахом сыра и заплесневелых сухарей.

Тоно отрицательно покачал головой:

— Прежде всего, подай еды. Столько, сколько я велю.

Хакон нахмурился:

— Перед сражением лучше всего вообще не есть, а если уж есть, то что-нибудь легкое.

— Для вас — лучше. Для нас — нет.

Темноволосый человек лет сорока по имени Стайнгил загоготал:

— Вот именно! Хакон, ты же знаешь, какую прорву рыбы за один присест сжирает тюлень!

Хакон пожал плечами. Увидев, сколько мяса съели его пленники, он едва поборол смятение и испуг. С трудом дождавшись, когда они наконец насытились, он отрывисто сказал:

— Все, что ли? — и толкнул дверь.

— Нет, не все. Вам придется еще немного подождать, — ответил Тоно.

Хакон резко обернулся:

— Забыл, кто ты в этом доме? Пленник!

— А ты забыл, кто поведет вас в бой?

Принц лири опустился на колени рядом с сестрой, обнял ее и прошептал, вдыхая свежий запах ее волос:

— Эяна, моя участь завидна, по сравнению с тем, что ожидает тебя. Если я погибну, у тебя будет случай в этом убедиться. Но ты... Сторожить тебя остаются женщины, старые хрычи и молокососы. Сыграй на их страхе, придумай что-нибудь, одурачь этих людей!

— Попробую. Только... Ах, Тоно, я все время буду думать о тебе и ни о чем другом. Вот если бы мы были вместе...

И глядя друг другу в глаза, они запели Прощальную песнь:

Тяжкой тоскою сердце томится в прощания час,
Думы унылы, убита разлукою радость,
Нет облегчения сердцу в слезах и рыданьях.
Мужествен тот, кто уходит, упорен и стоек —
кто ждет.
Светом улыбки, как прежде, в час расставанья
пусть светятся лица.
Дай мне надежду, что скоро мы свидимся вновь,
Счастье с удачей возьми, вернешь их, вернувшись.

Поцеловав сестру, Тоно поднялся и вышел за дверь.

С Хаконом было десять крепких парней. В их распоряжении имелось два яла из трех, что остались у Хакона с лучших времен. Йонас предложил взять у жителей поселка еще несколько лодок.

— Если мы потерпим поражение и погибнем, сосе-

ди заберут все наше добро, растащат дом по камешку.

Хакон оборвал сына:

— Если мы потерпим поражение, погибнут все до одного. Тупилака не победила целая флотилия, а не какие-то несколько ялов. Ты же слышал о том сражении. Три лодки тогда успели уйти, остальные он пустил ко дну. Наша главная надежда — водяной. Но он один. И вот что: я получил от короля титул наместника нашей области не для того, чтобы подвергать жизнь людей опасности, а для того, чтобы оберегать и защищать их. — В решительном взгляде Хакона заблистала гордость. — Если мы победим — мы с вами — то наша слава будет жить в сагах, до тех пор пока в Гренландии останется хоть один норвежец.

Люди сели в лодки. Тоно тем временем разделся и бросился в волны. По решению Хакона, оружия ему не дали, он должен был получить его, только когда начнется битва. Многим в отряде Хакона Тоно внушал почти такой же страх, как волшебное чудище, на которое они готовились напасть. Накануне им удалось повалить и связать этого водяного, но тем не менее в глазах людей он оставался сверхъестественным существом, вселявшим ужас в их сердца. Как знать, думали они, может быть, во второй раз Хакон его не одолеет.

Люди в молчании сели по местам, вернулся в лодку и Тоно. Весла заскрипели в уключинах, опустились на воду, в деревянные борта ялов ударили волны. Два шестивесельных суденышка отошли от берега. Брызги оставляли на губах привкус соли. Скоро луга и дом на берегу остались позади, бухта расширялась, темные волны с белыми гребнями пены бились в отвесные скалистые берега. Над головами гребцов пронеслась стая черных кайр, их крики затерялись в зловещем вое ветра. Солнце — желтый штурвал — поднялось чуть выше береговых холмов, оно светило тускло и не грело. От снегов и глетчеров струились потоки холодного воздуха.

Гребли все, кто были в лодках. Греб и Тоно, он сидел в носовой части яла рядом с Хаконом. Впереди сидели Йонас и Стайнкил, имена остальных — гряз-

ных низкорослых уродцев, Тоно не потрудился запомнить. Вторая лодка вскоре их догнала и теперь шла справа по борту на расстоянии нескольких морских саженей*. Тоно нравилось грести, он был рад, что наконец согрелся и размял одеревеневшие мышцы. Его не омрачала даже мысль о предстоящем сражении. Спустя некоторое время Хакон сказал:

— Полегче, Тоно, не то ял перевернешь.

— Здоровый, а? Ну прямо медведь! — заржал Стайнкил, обернувшись назад. — Да только по мне, так лучше бы с нами сейчас медведь был.

— Ты его не дразни, — неожиданно вмешался Йонас. — Тоно, ты... Прости, в общем. Ты не сомневайся, мы вас не обманем. Мой отец — человек чести. И я стараюсь быть похожим на него, вести себя благородно...

— Как сегодня ночью с моей сестрой? — отрезал Тоно.

— В чем дело?

От Хакона, который о чем-то задумался и не слушал, ускользнул смысл последних слов. Йонас смотрел на Тоно умоляющим взглядом.

Принц лири мгновенье помедлил.

Тоно не был по-настоящему глубоко возмущен тем, что произошло ночью. На подобные вещи и он и Эяна смотрели просто. Если в ее жизни и было меньше любовных связей и приключений, то лишь по той причине, что Эяна была на два года младше брата. Кроме того, она знала одно несложное заклинание, которое оберегало от нежелательной беременности. А Тоно наверняка не отказался бы переспать с сестрой Йонаса Бенгтой, если б вдруг ему предоставилась такая невероятная возможность. Тем более что и он и сестра уже совершенно извелись, ведь за время их странствий они поневоле постоянно были вдвоем, но не могли позволить себе интимной близости — в память о матери, ибо Агнета раз и навсегда запретила своим детям даже помышлять о таких вещах. В конце концов, Тоно рассудил, что ничего не потеряет, если

* 1 морская сажень равна 182 см.

мальчишка преисполнится к нему чувством благодарности.

— Ни для кого не секрет, что этот малый от вожделения того и гляди спятит, — ответил он на вопрос Хакона.

— Смертный грех, — хмуро сказал Хакон. — Отринь соблазн, сынок. Покайся и сам попроси отца Сигурда, этого мямлю, чтобы он наложил на тебя подобающую епитимью.

— Да что ж ты его стыдишь? — снова подал голос Стайнкил. — Она ж красавица, я таких в жизни не видывал, а как одета, бесстыжая?

— Сосуд диавольский, — отрывисто сказал Хакон. — Остерегайтесь, остерегайтесь ее. В этой глуши слабеет наша вера в Господа. Я содрогаюсь при мысли о том, чем могут кончить наши потомки, если мы не... Когда разделаемся с Тупилаком — если, конечно, одолеем его — я сам отправлюсь за дочерью. Почему, ну почему она ушла?! Господи Иисусе, ведь все, все у нее было — и родня, и предки, и отчий дом, любовь близких. Она носила платья из настоящей материи, у нее были еда и питье, как у белых людей, ей принадлежало все, что мы с таким трудом завоевывали, чтобы выжить... А теперь ею владеет дикарь, взявший ее силой скрелинг, который спит в логове из снега и льда и жрет сырое мясо! Какие силы преисподней заставили ее уйти?!

Тут Хакон заметил, что не только те, кто сидели в их яле, но и все прочие, находившиеся во второй лодке, люди уставились на него, вытаращив глаза. Хакон замолчал.

Они шли по морю уже около часа. Вскоре стал слышен громовой рев — это волны бушевали вокруг скалистого мыса. И там их настиг враг.

Кто-то во второй лодке истошно завопил. Тоно увидел среди пенистых бурунов огромную темно-бурую горбатую спину. Чудовище ударило по второй, ближайшей к нему лодке. Ял резко наклонился на борт и закачался.

— Бей его, гарпунами, острогами! Вперед! Гоните его! — заорал Хакон.

Хакон и Тоно бросили весла. Тоно взял свой пояс,

лежавший на дне лодки. Сейчас к нему были подвешены три ножа в ножнах — Тоно решил взять с собой только это оружие. Он затянул пояс, но все еще стоял в лодке и ждал, пока Тупилак приблизится. В эти минуты взгляд Тоно, обладавшего волшебным зрением, обрел остроту алмаза, слух стал различать слабейший плеск волн, испуганный шепот людей, невнятно бормотавших молитвы и проклятия. Тоно глубоко вдыхал холодный воздух, наполнявший легкие свежестью и заставлявший быстрее биться сердце. Его воля всецело устремилась к предстоявшей битве, все остальное исчезло — кроме памяти об Эяне, которая придавала ему сил.

Тупилак поднял над водой лапу с медвежьими когтями и ухватился за борт второй лодки. При огромных размерах вес у чудовища был сравнительно небольшой, однако лодка так сильно накренилась, что люди с трудом удержались на ногах. В складчатой шкуре Тупилака торчали два длинных гарпуна, оставшиеся от прежних сражений. Они раскачивались при каждом его движении и казались каким-то причудливым диким убором. В другом боку чудовища намертво застряли обломки двух копий. Раны не кровоточили. На длинной высоко вздымавшейся над волнам шее раскачивалась акулья голова с блестящими как бы стеклянными глазами и ощеренной зубастой пастью. Когтистая лапа поднялась, ударила — и лодка перевернулась. Акулья пасть раскрылась и схватила одного из гребцов, челюсти разрубили его пополам. Фонтаном брызнула кровь, вывалились внутренности. Ветер подхватил и унес маленькое облачко пара.

Кто-то из находившихся на корме в лодке Хакона дико закричал от ужаса. Стайнкил встал, подошел к кричавшему и двинул его кулаком. Потом он вернулся на свою банку и снова решительно взялся за весло. Лодка подошла вплотную к чудовищу. Хакон стоял на носу, широко расставив ноги, и наносил Тупилаку удар за ударом, вновь и вновь высоко занося секиру. Тоно понял, что Хакон пытается разрубить моржовую шкуру, чтобы из нее вывалилось сено, которым было набито чудище, и разлагающиеся останки растерзанных им людей.

Длинная шея Тупилака вытянулась вверх над бурлящей водой. Акулья пасть снова раскрылась и метнулась к носу их лодки. Затрещали, разламываясь на куски, доски корпуса. Хакон повалился на дно яла. И тогда Тоно прыгнул в воду.

Несколько мгновений ушло на то, чтобы выдохнуть воздух и наполнить легкие морской водой. Холодные зеленоватые потоки вокруг были мутными, но Тоно все же разглядел над своей головой темный хаос метавшихся по поверхности теней. Шум битвы ударял в виски глухими гулкими ударами. У воды был резкий запах железа и привкус человеческой крови. Останки рассеченного надвое норвежца, медленно вращаясь, опускались на дно, где уже караулили добычу падальщики — морские угри.

Перед тем как выйти в море, Хакон сказал Тоно:

— Мы будем его отвлекать столько, сколько сможем продержаться. А ты ударишь снизу, из воды. Все окончится быстро.

Тоно взял нож в зубы и поплыл вперед. В эту минуту он забыл о всяком страхе, забыл и о самом себе. Не было ни его, ни Тупилака, ни людей, осталось одно — смертельная схватка с врагом. Отсюда, из глубины, днища лодок казались черными тенями с искаженными из-за преломления света очертаниями. Вокруг них простирался разбитый на множество искрящихся зеленых осколков свод, которым был огражден сверху подводный мир Тоно. Лучше и яснее, чем днища лодок, был виден Тупилак, его округлое брюхо... Тоно увидел ремни, которыми были стянуты и скреплены моржовые шкуры, услышал запах липкой грязи, гнили и разлагающихся человеческих трупов. Огромные перепончатые лапы с острыми как косы когтями мощно рассекали воду. Тоно поплыл вверх к брюху между лапами.

Он нанес Тупилаку удар ножом и быстро опустился вниз. На месте шва в брюхе, куда ударил клинок, теперь зиял длинный разрез. К Тоно метнулась когтистая лапа чудовища. Он успел увернуться.

Потом он снова подобрался к брюху Тупилака. Из разреза бежали пузыри воздуха, вываливались человеческие кости. Тупилак неистово забил хвостом и

бросился на норвежцев. Море клокотало и бурлило, шум оглушил Тоно.

Задержав дыхание, чтобы не чувствовать смрада разлагающихся тел, который шел из распоротого брюха чудовища, он схватился за края разреза и изо всей силы рванул их в стороны, чтобы расширить дыру. И в эту минуту его поразил удар в спину. Он выронил нож и едва успел уйти в глубину от следующего удара огромной лапы.

Тупилак заревел. Акулья голова обернулась назад, шея выгнулась дугой: Тупилак хотел увидеть, кто нападает на него снизу. Загребая лапами и хвостом, он развернулся головой к Тоно. «Если бы в лодках были не норвежцы, а иннуиты, — мельком подумал Тоно, — они догадались бы вонзить в шкуру Тупилака десяток гарпунов с привязанными к ним пузырями с воздухом. И тогда этой огромной туше стало бы трудно разворачиваться». Впрочем, чудовище-людоед и без того было неповоротливым и медлительным. Тоно поплыл вокруг Тупилака. Нужно подобраться к нему вплотную, но как? Любой ценой нужно было добить чудовище. Брюхо было распорото, и теперь внутри стал виден остов, который уже начал кое-где отделяться от шкуры. Но лапы и хвост оставались невредимыми и били по воде, акулья пасть угрожающе щерила зубы. Тоно подплыл к Тупилаку сзади, здесь лапы и голова не могли до него дотянуться. Он вытащил из ножен второй нож и, схватив хвост у самого основания, принялся вспарывать шкуру. Хвост дергался и бился, вырывался, хлестал Тоно по ногам.

Ему не удалось полностью перерубить толстый, сделанный из плотной кожи хвост. И все же, когда он выпустил его из рук, хвост бессильно повис. Теперь он был не опасен. Перед глазами Тоно поплыли темные пятна, голова закружилась. Нужно было немного передохнуть.

То ли чудовище что-то заподозрило, то ли услышало повеление колдуна, своего создателя, но Тупилак снова бросился к лодкам. Если он их потопит и люди погибнут, что будет с Эяной? Вряд ли заложницу отпустят. С этой мыслью Тоно начал подниматься к поверхности, чтобы посмотреть, что происходит навер-

ху. И тут он услышал оглушительный треск — это Тупилак ударил в деревянный корпус яла.

Та лодка, которая первой подверглась нападению Тупилака, беспомощно кружилась на месте, но вскоре остававшиеся на ней четверо норвежцев вычерпали воду со дна и выловили упавшие за борт весла. Тупилак в это время наносил удар за ударом по лодке Хакона. Обшивка уже была оторвана во многих местах, во все стороны торчали обломки досок, форштевень был сокрушен. Акулья голова расправлялась с теми, кто был на корме яла. Где же командир? Его сын Йонас рубил чудовище боевым топором, рядом с ним взмахивал секирой Стайнкил. И тут Тоно увидел, как челюсти схватили Стайнкила, сжались... Полилась кровь. Стайнкил повалился на дно лодки. Вместо правой руки у него торчал красный обрубок.

Хакон стоял впереди, над обломанным штевнем. По-видимому, он был тяжело ранен. Алая кровь заливала его лицо и грудь — яркое красное пятно под серым, как волчья шкура, небом. Удивительно, но Хакон заметил Тоно, который вынырнул на поверхность в нескольких ярдах от лодки.

— Ты, водяной! Будешь помогать нам или нет? — крикнул Хакон и, вероятно, испугавшись, что Тоно ответит нет, поднял со дна лодки якорь. Этот якорь остался у гренландских поселенцев с лучших времен. Он имел деревянное веретено, но лапы, шток и кольцо были железные, спускали и поднимали якорь на канате, сплетенном из моржовой кожи.

После того как чудовище изувечило Стайнкила, Йонас отступил. Еще двое в страхе прятались на дне лодки. Хакон шатаясь перешел на корму. С разбитой скулы у него текла кровь. Он поднял тяжелый якорь и обрушил его на голову Тупилака. Якорная лапа вонзилась чудовищу в глаза и намертво застряла в глазнице. Челюсти метнулись к Хакону, щелкнули — он отскочил назад. Тупилак успел вырвать кусок мяса из плеча норвежца.

— Все в воду! Спасайся кто может! — крикнул Хакон. — Добей эту тварь, Тоно. — И Хакон повалился на дно лодки.

К Тоно уже вернулись силы. Он бросился к Тупи-

лаку и, не обращая внимания на когтистые лапы, вспорол брюхо чудовища от края до края. Мельком Тоно увидел, как люди с лодки Хакона прыгали в воду. Тупилак не пытался их схватить — Тоно нанес ему слишком тяжелые раны.

Он снова ударил ножом. Тупилак нырнул, чтобы схватить нападавшего. Но это не удалось, потому что сзади за ним на якорном канате волочилась лодка, которая то и дело застревала между льдинами.

Тоно ударял и ударял ножом, каждый кусок моржовой шкуры, который он отрывал от остова, возвращался туда, откуда пришел по велению шамана, — в царство смерти. И наконец, моржовая шкура всплыла на поверхность. Голова Тупилака пошла ко дну и сгинула в черной тьме. Волнение улеглось, вода снова стала чистой и прозрачной. Вынырнув на поверхность, Тоно наполнил легкие воздухом и поплыл к лодке. В свежем ветре, который остудил его разгоряченное лицо, Тоно почувствовал нечто вроде холодной сдержанной похвалы.

Но именно теперь, когда, казалось бы, можно было подняться на борт лодки, он понял, что там ему грозит опасность. В шестивесельной лодке находились девять человек, в бортах зияли пробоины, лодка была перегружена. Людей было девять, потому что Хакона и Стайнкила подобрали в море и положили на дне яла. Люди в ужасе смотрели на Тоно, их страх перед ним был неистребим. Рука Стайнкила была замотана тряпьем, очевидно, рана оказалась не смертельной. Зато Хакону жить осталось недолго. Его тело было распорото от ключиц до паха, из раны вывалились внутренности, видны были кости.

И вдруг Хакон очнулся. Его мутно-голубые глаза встретились с горящими янтарными глазами Тоно. Принц лири едва расслышал прерывистый шепот норвежца:

— Благодарю тебя, водяной. Йонас, я поклялся честью... Прости, водяной, я тогда солгал... про ваше племя, про водяных...

— У вас есть родные, подумайте сейчас о них, — мягко посоветовал Тоно.

— Да, моя дочь... Она тебе скажет, что... Я не могу унижаться, но... Найди мою дочь, попроси ее, умоляй... — Хакон задыхался. — Если она все-таки не захочет вернуться, скажи ей, что я... что я никогда не отрекался от моей Бенгты. Что я буду молиться за нее, когда попаду в чистилище...

— Хорошо. Мы с сестрой передадим Бенгте ваши слова.

Хакон слабо улыбнулся.

— Может, и есть у вас, водяных, душа...

Через несколько минут Хакон испустил дух.

X

Благодаря сверхъестественному чутью существа Волшебного мира умеют находить такие следы, которых никогда не заметит ни один смертный человек. И тем не менее Тоно и Эяне пришлось искать следы иннуитов в течение нескольких дней. Они бродили по Гренландии и в ее прибрежных водах под покровом темноты, долгими осенними ночами. В конце концов им удалось разыскать новое поселение иннуитов.

Стойбище находилось в укромной узкой долине, которая спускалась меж высоких холмов к небольшой бухте. От увядших мхов все еще пахло свежестью, ступать по ним босыми ногами было приятно. Карликовые березы и искривленные ветром ивы пытались удержать на своих ветвях последние желтые листки. Над холмами вздымались лилово-серые горы с белыми шапками снегов. На их восточных склонах призрачно мерцали зеленоватые льды глетчеров. Солнце, уже клонившееся к закату, окружал морозный ореол, лучи наклонно скользили в прозрачном неподвижном воздухе.

Когда двое высоких незнакомцев, одетые в туники из рыбьей чешуи, подошли к жилищам иннуитов, бродившие по стойбищу собаки подняли лай, но тут же затихли, учуяв запах пришельцев. Однако собаки не убежали, трусливо поджав хвосты, как собаки на дворе Хакона. На лай вышли охотники с гарпунами, луками и ножами в руках. Но никто не стал угрожать пришельцам. Женщины продолжали заниматься

своими делами, детей они, правда, подозвали поближе, но ни дети, ни женщины не подняли злобного или испуганного крика.

Все здесь, по-видимому, были довольны жизнью и радовались богатой добыче, которую принесли охотники. Над огнем варилось мясо тюленя и медвежатина, от котлов шел вкусный запах. Большие куски запасенного на зиму мяса висели на крючьях, кругом лежали тщательно выскобленные ножом звериные шкуры. Женщины кормили детей, давая им разжеванное мясо. Поскольку холмы надежно защищали долину от холодного ветра, семьи иннуитов жили в островерхих шатрах из моржовых шукр. Заглянув в один из шатров, Тоно и Эяна обнаружили, что в нем живет художник: возле входа стояло незаконченное произведение — вырезанная из кости фигурка овцебыка. Работа была превосходная.

Войдя в поселок, брат и сестра подняли вверх руки и сказали:

— Мир вам! Вспомните, мы встречались. Мы друзья.

Люди положили на землю оружие. Первым заговорил муж Бенгты Миник:

— Мы не сразу вас узнали. Солнце ослепило наши глаза. Нам стыдно.

Тут и сама Бенгта выбежала им навстречу.

— Вы не выдадите нас норвежцам? Обещайте не говорить им, где находится наше стойбище, — попросила она по-норвежски.

— Не скажем. Мы принесли вам вести о норвежцах.

— И плохую весть для тебя, дорогая, — добавила Эяна, взяв Бенгту за руки. — Твой отец умер. Его убил Тупилак. Твой отец и Тоно сражались с ним. Они уничтожили чудовище. Твой отец отомщен. В последний час он велел передать тебе свое благословение.

— О-о!

На несколько секунд Бенгта словно окаменела. Светлый пар от ее дыхания поднимался и таял в ярко-голубом, как глаза Бенгты, небе. От копоти ее золотистые волосы потемнели, кроме того, она теперь не заплетала их в косы, а стягивала узлом на макуш-

ке, как и все женщины иннуитов. Вид у Бенгты был здоровый, цветущий. Одета она была в великолепные меха, которым могла бы позавидовать любая королева.

— Отец!.. Ах, я не могу представить себе... — Бенгта заплакала. Эяна обняла ее и стала успокаивать.

Миник прислушивался к разговору, стараясь понять, о чем идет речь. Он подошел к жене, грубовато потрепал ее по плечу и сказал на языке иннуитов:

— Вы уж ее простите. Она еще не умеет себя вести, как подобает женщине. Но мы надеемся, что скоро она всему научится. Сейчас моя вторая жена Куяпикасит приготовит вам поесть и постелит постели. — Миник смущенно улыбнулся, чувствуя неловкость из-за недостойного поведения Бенгты.

Но тут окружившие пришельцев иннуиты расступились, и вперед вышел Панигпак. Изрезанное морщинами лицо шамана выражало беспокойство.

— Кажется, кто-то утверждает, будто ему известно, что такое Тупилак? — сказал шаман.

Тоно невозмутимо поглядел на него с высоты своего огромного роста и ответил:

— Ты не ошибся.

Они с Эяной заранее обдумали, как себя вести и что говорить иннуитам. Тоно сжато и бесстрастно рассказал о сражении с Тупилаком.

Люди заволновались, Панигпак пошатнулся, как будто его поразил тяжкий удар.

— Я — глупец, — мрачно сказал он. — Направил чудовище против тебя, хотя ты не причинил нам никакого зла.

— Ну, кто же мог это предвидеть? — сочувственно заметил Тоно. — Но слушай дальше, я еще не все рассказал. Когда мы вернулись в Вестри-бюгд, Йонас Хаконссон послал своих слуг и работников ко всем жителям поселка и велел им собраться на тинг — это такое общее собрание, на котором принимают важные решения. Моя сестра... Йонас послушался ее совета и объявил людям решение, которое она подсказала. И с тем, что я предложил, норвежцы тоже согласились. Как вы понимаете, они дрожали от страха, хоть и говорили, что мы посланы им Великой Природой, чтобы спасти их от гибели. — Тоно нарочно не сказал «Богом», употребив вместо этого более доступное разу-

мению иннуитов понятие. Мы заметили, что жители Вестри-бюгда до сих пор не погибли только благодаря силе и ловкости Хакона. Мы предостерегли их, рассказав о том, что узнали от мудрых обитателей моря: эта земля будет становиться все менее и менее пригодной для жизни людей, и в конце концов все они погибнут голодной смертью, если останутся на севере. Большинством голосов тинг принял решение переселяться на юг Гренландии. Но для этого норвежцы должны быть твердо уверены, что никто не нападет на их лодки, когда они тронутся в путь. Мы с сестрой пришли к вам как посланники от жителей Вестри-бюгда. Вы должны дать обещание, что летом норвежцы смогут беспрепятственно уйти по морю на юг. И тогда север Гренландии будет принадлежать вам безраздельно.

Иннуиты радостно завизжали и пустились в пляс. В то же время, они как будто не столько были обрадованы, сколько пришли в дикое возбуждение. Если они и радовались, то прежде всего тому, что настал конец непримиримой вражде, а не тому, что одержади победу над врагами.

— Обещаю, все обещаю, — сказал шаман. — Немедленно отправлюсь к Седне, попрошу, чтобы она послала соседям хорошую погоду и богатый улов. И еще об одном спрошу Хозяйку моря. Может быть, она, повелительница глубочайших глубин, знает что-нибудь о вашем племени и скажет мне.

— Бенгта, — тихо обратилась Эяна к дочери Хакона, — ты должна подумать о своем будущем и о будущем твоей дочери. Надо решать.

Бенгта отстранилась от Эяны. От слез на ее грязных щеках остались две светлые дорожки, под слоем грязи и копоти кожа была белоснежной, как цветы боярышника. Но слезы уже высохли. Гордо вскинув голову, Бенгта громко сказала на норвежском языке:

— Я все решила за себя и за дочь. Еще в прошлом году, когда выбрала в мужья Миника.

Брат и сестра с удивлением смотрели на Бенгту. Та сжала кулаки и стойко выдержала их взгляд. Все иннуиты разом умолкли.

— Да, — сказала Бенгта. — Вы что, думали, он увез меня с собой просто так, ради забавы? Он никог-

да не совершит насилия над женщиной и никогда не обманет. Он попросту не знает, что обман и насилие вообще возможны. Мы подружились еще в детстве. Он хотел отвезти нас с Хальфридой назад, к отцу. Это я упросила его позволить нам остаться, и он по своему милосердию уступил. Да, по милосердию. У него добрая хорошая жена, она встретила меня как подругу. Лишь у немногих иннуитов по две жены. Иногда, если им этого хочется, они на время уступают друг другу своих жен. Раз вы пришли из Волшебного мира, то, по-моему, должны понимать, что между друзьями любые отношения чисты. Ну а я что? Я не владею ни одним из множества умений, которыми должна обладать женщина племени иннуитов. Но я поклялась, что буду учиться и приобрету все необходимые навыки. Дайте только срок, я не буду обузой мужу.

— Значит, ты его любишь? — тихо спросила Эяна.

— Не так, как Свена любила... Но за то, что Миник такой, каким я его знаю... Да, люблю.

Было не вполне ясно, что понял Миник из потока ее слов. Однако он покраснел, и на его лице заиграла счастливая смущенная улыбка.

— Все мои надежды — он и дочь, — сказала Бенгта. — А на кого еще я могу надеяться? Сколько я себя помню, всегда я была вместе с иннуитами, разговаривала с ними, слушала их рассказы. От них я узнала о том, что к нам идет вечная зима с лютыми холодами. Иннуиты рассказывали, как меняется жизнь Гренландии — что год от году все шире разрастаются ледники, все раньше замерзает осенью и все позже очищается от льдов весной море. И вот я сидела в холодном доме, без огня, возле трех покойников. Моя девочка ослабела от голода и плакала у меня на руках. Я знала наверняка: и я, и дочь обречены на смерть. Весь наш нищий поселок упорствовал, упрямо держался за нищенскую жизнь, в конце концов нищета нас задушила. Да, мы могли бы перебраться в Остри-бюгд или в Мид-бюгд, но там мы прозябали бы все в той же нищете. Тогда как иннуиты — посмотрите вокруг! У иннуитов нет этого несгибаемого норвежского упрямства. Они научились жить в суровой Гренландии и живут прекрасно. А ты,

Эяна, будь ты на моем месте, разве ты упустила бы случай войти в племя иннуитов?

— Нет, конечно. Но я не христианка.

— Ах, да что такое церковь! Сборище невежд, которые бормочут что-то бессвязное и не в силах что-либо сделать. Побоюсь ли я адского пекла, если пережила адский холод?

Но тут душевные силы изменили Бенгте: она закрыла глаза и чуть слышно прошептала:

— Но то, что я погубила отца... Это я буду искупать долго.

— Не понимаю, — удивилась Эяна. — После того как ты ушла из дому, твой отец мучил беспомощных несчастных людей. Ты, наверное, и не догадываешься, какую неистовую любовь к тебе таил в сердце этот суровый человек. А после тех злодейств, которые он совершил, разве не должны были родные убитых людей попытаться отомстить или хотя бы хорошенько припугнуть убийцу?

— Тупилак был моим, — простонала Бенгта. — Это я вспомнила о сказочном чудовище, когда иннуиты решили отправить меня домой. Они хотели мира. И я не давала покоя шаману, пока он не создал Тупилака. Во всем виновата только я! — Бенгта упала на колени. — Я говорила и шаману, и всем остальным: что бы они ни предпринимали, все будет впустую, чем острей будет борьба за жизнь, тем острей будет вражда между нами и норвежцами, тем больше будет проливаться крови. Я говорила: надо заставить норвежцев уйти, потому что пока они здесь, вражда не кончится. Любой ценой мы должны добиться, чтобы они переселились на юг, пусть даже ценой человеческих жизней. Ведь переселение будет для них благом. Я искренне так считала. Святая Дева Мария, Матерь Божия, клянусь Тебе, я хотела только добра!

Эяна подняла Бенгту с колен и обняла.

— Понимаю, — задумчиво сказал Тоно. — Ты хотела, чтобы твои родные, друзья, те, кого ты любила в юности, ушли на юг, пока это еще возможно. Но ведь будущей весной шаман должен был призвать к себе и разрушить свое создание, независимо от того, уйдут норвежцы или останутся. Правильно я говорю?

— Да... — неуверенно ответила Бенгта, не поднимая головы. — Тупилак убил моего отца...

— Как мы уже сказали, умирая он тебя благословил. — Тоно глубоко задумался. — И все же, как это странно... Непостижимо... Кровожадное чудовище, порожденное не ненавистью, а любовью...

Атитак, вторая жена Миника, та, что когда-то была Бенгтой, держалась с невозмутимым достоинством и усердно помогала иннуитам готовить праздничное угощение. В ту ночь сполохи северного сияния сверкали как никогда ярко и озаряли полнеба.

XI

Лето миновало, снова пришла осень. Цветущий вереск покрыл ютландские пустоши розовато-лиловым ковром, жарко запылали гроздья рябин, оделись золотом трепещущие осины. В небе разносилась одинокая песня странников — диких гусей. На утренней заре уже шел пар от дыхания, лужи затягивал хрустевший под ногами тонкий ледок.

Солнечный свет на земле чередовался с бегущей тенью облаков, летевших на крыльях студеного ветра. Но обители святой Асмильды, осенние краски, казалось, были чужды. Перед зданием монастыря над небольшим озером находилась квадратная площадка, которую окружали шелестевшие сухой листвой высокие дубы. Площадка была посыпана кирпичным щебнем, потемневшим от сырости и почти таким же бурым сейчас, как земля под дубами. Отсюда открывался вид на город Вибор: башни кафедрального собора, островерхая колокольня церкви в монастыре Черных братьев, высокие крепостные стены. Тем, кто смотрел на Вибор из монастыря святой Асмильды, он казался чужим и далеким, да таким и был этот торговый город для монахинь и послушниц. Сестры творили много благих деяний, но мирская суета никогда не нарушала покойное течение жизни в монастыре, здесь было их надежное убежище.

Но, быть может, так лишь казалось.

Однажды в монастырь приехали трое из Вибора. Их прибытию предшествовал обмен посланиями меж-

ду монастырем и епархией. Вид у приезжих был респектабельный, лошади — лучших кровей. Спешившись у ворот, стройный молодой человек с белыми как лен волосами помог своей спутнице сойти с лошади, выказав при этом подобающую любезность и обходительность. Дама явно была на несколько лет старше, чем он. Слуга, который смотрел за лошадьми, по-видимому, отличался недюжинной силой и был у прибывших за телохранителя, держался он с приличествующей его положению скромностью. Молодой человек и дама попросили разрешения войти и с подчеркнутой почтительностью переступили порог монастыря.

Тем не менее мать-настоятельница холодно приняла посетителей.

— Мой долг — выполнять распоряжения епископа. Но признать, что он делает правое дело, невозможно, Бог тому свидетель. Знайте: я буду молить Господа, чтобы ваш замысел не осуществился. Бог не допустит, чтобы монастырь лишился своей бесценной жемчужины.

— Мы отнюдь не стремимся к этому, преподобная мать, — смиренно ответил Нильс Йонсен. — Из нашего письма вы могли заключить, что мы прибыли в обитель лишь с одной целью — исполнить долг чести.

— Мне было позволено прочесть лишь маленький отрывок из вашего послания, да и то, как я заметила, это была фальшивка: слова были вписаны на месте стертой строки, — пояснила настоятельница, брезгливо поджав губы. — Я обладаю известными полномочиями и не буду молчать, если увижу, что кто-либо потворствует... сомнительным, да, весьма сомнительным сделкам, или же действует путем принуждения, оказывает давление, либо искушает невинное дитя мирскими соблазнами. Я не побоюсь возвысить голос, кто бы ни стоял за неправедным делом, пусть даже верховные служители церкви.

— Вы выдвинули тяжкие обвинения, преподобная мать, — предостерегла настоятельницу Ингеборг Хьялмарсдаттер.

Монахиня поняла, что наговорила лишнего, и побледнела от страха. Ингеборг примирительно улыбнулась.

— Я вас понимаю. Вы полюбили девочку, не правда ли? Но если так, вас, безусловно, должно радовать, что теперь у девочки появилась возможность выбора, которой не было раньше. Если она предпочтет остаться в обители, что вполне вероятно, то избрав путь смирения, сделает свой выбор свободно.

— Уж кому-кому, а не вам говорить о смирении. Я навела о вас справки. Своим присутствием вы оскверняете монастырские стены!

Нильс нахмурился.

— Мне доводилось слышать, что гнев — один из тягчайших грехов, — сказал он. — Так вы дадите нам разрешение на встречу, ради которой мы сюда приехали, преподобная мать?

Распоряжение епископа было исполнено. Ингеборг и Нильсу позволили пройти во двор монастыря. Здесь они остались вдвоем, никто не должен был слышать, о чем посетители будут говорить с девочкой, но, вне сомнения, за ними подсматривали из выходивших во двор окон.

Маргрета, та, кто была когда-то существом без души, вышла из дверей и остановилась под сводами окружавшей двор галереи. Она не была послушницей, однако носила черное широкое одеяние и апостольник, напоминавшие одежды монахинь августинского ордена. За истекший год Маргрета выросла на несколько дюймов, и даже просторная черная хламида не вполне скрывала ее развитые формы. И все же казалось, что в галерее замерла в ожидании робкая девочка с огромными испуганными глазами на узком личике.

Ингеборг бросилась к девочке и взяла ее за руки.

— Маргрета, милая, ты нас не знаешь, но сейчас мы все о себе расскажем. Мы твои друзья и приехали, чтобы помочь тебе.

Маргрета отстранилась и прошептала:

— Мне велено с вами встретиться...

Нильс презрительно усмехнулся:

— И что же она тебе о нас наговорила? Ты для них — все равно что бесценный клад, так просто они тебя не выпустят из рук. Худо ли торговать чудесным сокровищем? Продавать в розницу паломникам...

Ингеборг сердито оглянулась на Нильса:

— Молчи, нашел время для ругани! — И снова

заговорила с девочкой: — Маргрета, мы хотим только одного — чтобы ты нас выслушала от начала и до конца. А потом спрашивай, о чем захочешь. Мы здесь одни, никого из сестер нет, потому что если кто-нибудь узнает о том, что мы сейчас тебе расскажем, то могут пострадать некоторые... лица. Ты должна дать нам клятву, что никому не выдашь ни слова из того, что сейчас услышишь. Ну а если что-нибудь покажется тебе безнравственным и ты сочтешь за грех утаить это, тогда, конечно, ты не должна молчать. Но ничего подобного ты не услышишь, ручаюсь тебе. Мы расскажем о тех, кто желает твоего блага так сильно, что готовы отдать за тебя жизнь. О твоих братьях и сестре, Маргрета.

— У меня нет родных, — пролепетала девочка. — Раньше были, а теперь нет.

— Значит, ты хочешь отречься от них? Как же так? Ведь если б не сестра и братья, ты и по сей день жила в море и была обречена умереть смертью бездушных тварей. А твои родные привели тебя к людям. Давай-ка сядем. Мы будем говорить, а ты послушай.

Ингеборг усадила Маргрету на стоявшую во дворе скамью.

Откуда-то налетел вдруг сырой свежий ветер. В небе трепетало, как белый флаг, облачко. Воронье карканье походило на хриплый издевательский смех.

Рассказ о детях морского царя был недолгим, поскольку Нильс и Ингеборг многое смягчили и сгладили. Вначале бледное лицо Маргреты побледнело еще сильнее, потом, напротив, к ее щекам прихлынула кровь.

— А конец у истории такой, — заключил Нильс. — Светские и духовные властители, которых мы посвятили в нашу тайну, знают лишь то, что я намерен выполнить некое обещание, данное одному другу, и что я получил на то благословение моего духовника. Епископ Роскильдский решительно меня поддерживает. Мы с ним, можно сказать, даже стали друзьями. Хотя пожертвования на дело церкви, которые я сделал от своего имени, они, гм... из-за них епископ преисполнился благодарности к святым. Потому что святые приносят церкви гораздо больше золота, чем пожертвования, которые я сделал. Епи-

скоп согласился с тем, что мы рассуждаем правильно. По его мысли, ты непременно должна была унаследовать от отца какие-то свойства, которые роднят тебя с сестрой и братом. Сейчас епископу уже известно, что твои родные лишь наполовину люди. Мы открыли епископу и то, что они предприняли опасное дальнее плавание за аверорнскими сокровищами. Но больше я ничего не сказал епископу о Тоно и Эяне. Итак, твоя судьба ждет тебя в Копенгагене. Епископ Йохан знает в этом городе очень хорошую семью. Ее глава — богатый купец. Эти люди будут счастливы, если смогут заменить тебе родителей. Они позаботятся о твоем будущем, выдадут замуж за достойного человека. Если ты этого хочешь, мы отвезем тебя в Копенгаген.

— Я тоже виделась с этими людьми, — добавила Ингеборг. — Они добрые, сердечные. В их доме царит мир.

— И веселье, — улыбнулся Нильс. — Ты прекрасно заживешь в их семье.

— А эти люди благочестивы? — спросила Маргрета.

— Конечно. Ведь сам епископ остановил на них свой выбор.

Некоторое время девочка сидела не говоря ни слова. По двору беспокойно метался ветер. Наконец, глядя на каменные плиты, которыми был вымощен монастырский двор, Маргрета сказала:

— Мать-настоятельница меня предостерегала. Она против того, чтобы я покинула обитель.

— Ты здесь счастлива? — Ингеборг хотела получить однозначный ответ.

— Где теперь Тоно и Эяна?

Маргрета сидела не поднимая глаз и не заметила, что оба, и Нильс и Ингеборг, вздрогнули, как от боли.

— Не знаем, — ответил Нильс. — Скоро год уже, как мы не имеем от них известий...

Ингеборг обняла Маргрету за плечи и настойчиво повторила свой вопрос:

— Ты здесь счастлива? Если ты и правда счастлива, ну, что ж, тогда оставайся. Тебе принадлежит часть сокровищ. Ты можешь распорядиться ими по своему усмотрению, принести в дар монастырю или

употребить на другое дело, как сочтешь нужным. Мы пришли сюда, чтобы дать тебе свободу.

Маргрета тяжело вздохнула и крепче стиснула руки на коленях.

— Сестры очень добры... Меня здесь учат...

— Но с Тоно вы одной крови, — сказала Ингеборг.

— Я обязана остаться здесь. Так говорит мать-настоятельница.

— Однако те, кто занимает более высокое положение, говорят, что никто не заставит тебя остаться.

— О, как бы я полюбила детей! — Маргрета опустила голову и заплакала.

Ингеборг хотела ее обнять, но девочка вдруг отпрянула и бросилась прочь. Она скрылась за одной из колонн галерей. К Ингеборг и Нильсу доносились ее рыдания.

Все еще всхлипывая, но уже немного успокоившись, Маргрета вышла из галерей и сказала:

— Я должна молиться и просить Господа, чтобы он вразумил и наставил меня. Й... Сейчас я хотела бы уйти. Мне лучше одной обо всем подумать. Может быть, вы посетите меня еще раз, через... через неделю?

— Неделю мы, пожалуй, подождем в Виборе, — согласился Нильс.

Маргрета стояла в нерешительности, потом, с трудом преодолевая робость, сказала:

— Лучше не надо. Пожалуйста. Я не хочу лишний раз встречаться с вами, если без этого можно обойтись. Потому что я — живое свидетельство милосердия Господнего, а вы... Мне рассказали о том, какую жизнь вы ведете. Отвергните неправедный путь, соединитесь узами брака! И ради спасения души остерегайтесь водяных, если не сможете убедить их прийти в лоно церкви Христовой. Но я думаю, что вам не дано их убедить... Они были ко мне добры. Если мать-настоятельница позволит, я буду за них молиться. Но встретиться с не имеющими души порочными существами языческого мира... Христианам нельзя знаться с нечистой силой. Разве я не права?

Книга четвертая
ВИЛИЯ

I

Панигпак сказал, что нужно дождаться, пока выпадет снег, тогда можно будет построить иглу. Ждать пришлось недолго. Три дня и три ночи шаман постился. Затем он в одиночку ушел в горы. Иннуиты тем временем построили большое иглу, в котором могли свободно поместиться все иннуиты племени. Пол и стены в иглу покрыли моржовыми и тюленьими шкурами, на возвышении вроде лежанки, которое находилось напротив входа у дальней стены, постелили шкуру белого медведя.

Вечером, когда стемнело, все иннуиты собрались в иглу. Трижды они громко позвали шамана по имени. На третий зов он пришел.

— Зачем вы здесь? — спросил Панигпак. — Я ничего не могу для вас сделать. Я всего лишь глупый старик и обманщик. Ну ладно, коли уж вам так хочется, попробую подурачить вас своими нехитрыми фокусами.

Он забрался на лежанку, покрытую медвежьей шкурой, и разделся донага. Все иннуиты тоже были голыми, кто с ног до головы, кто только до пояса. В иглу стояла невыносимая жара. От жировых светильников шел мягкий свет, глаза у иннуитов ярко блестели. Шум их дыхания то нарастал, то стихал, подобно прибою. Шаман уселся на лежанке. Один из иннуитов — его звали Улугаток — крепко связал ему руки и ноги. Веревки глубоко врезались в тело, Панигпак заохал от боли, но ничего не сказал.

Улугаток, который был помощником шамана, принес и положил на лежанку бубен и сухую жесткую тюленью шкуру. Затем Улугаток вернулся на свое место на полу.

— Задуйте светильники, — велел он. — Оставайтесь там, где сидите, что бы ни случилось. Тот, кто сейчас приблизится к нему, тотчас умрет.

Черной завесой упала тьма. Из светильников остался гореть лишь один жалкий огонек, в его слабом свете шамана невозможно было видеть. И Панигпак запел. Он пел тонким высоким голосом, и, постепенно набирая силу, ритмичная песнь становилась все громче и громче, мерно гремел бубен, сухо шуршала тюленья шкура. Эти звуки неслись словно отовсюду, с разных сторон, то они раздавались где-то над самой землей, то доносились откуда-то сверху. Иннуиты подхватили песнь шамана, и песнь подхватила их, завладела ими безраздельно, заставила забыть обо всем на свете. Иннуиты отрешенно раскачивались из стороны в сторону, катались по полу, завывали, визжали, вскрикивали. Эяну и Тоно также захватило общее безумие, потому что даже они, дети морского царя, наделенные волшебной остротой зрения, не видели куда исчез шаман.

А Панигпак исчез. Нескончаемая песнь разливалась все шире, гремела все громче, иннуитами овладевало все большее исступление, нараставшее с минуты на минуту и, казалось, не имеющее предела.

Брат и сестра догадались, что шаман-ангакок сейчас совершает странствие в подземное царство, спускается все глубже и глубже вниз, в глубочайшие глубины Вселенной, глубже морского дна. Он миновал на своем пути страну мертвых и пучину хаоса, пространства, где происходит вечное круговращение ледяного диска, где вечно кипит на огне огромный котел, полный тюленьих туш. Он достиг того места, где сидит огромный, больше белого медведя, сторожевой пес, который с устрашающим рычанием бросается на чужака, осмелившегося вторгнуться в его пределы. Он перебрался через бездонную пропасть, пройдя над ней по острому лезвию ножа. И вот, одолев этот путь,

он предстал перед свирепой одноглазой Седной, Матерью моря.

Всеобщее безумие достигло апогея, казалось, вот-вот настанет конец света, как вдруг помощник шамана громко провозгласил:

— Тишина! Тень зреет!

Улугаток назвал шамана тенью, поскольку в подземном царстве, которое запретно для живых, могут находиться только тени. Говоря о том, что тень зреет, он, очевидно, имел в виду ее приближение. Эта предосторожность была необходимой: ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы о странствии шамана узнали злые духи, ибо в противном случае они насмерть поразили бы дерзкого пришельца, который посмел вторгнуться в их мир. Улугаток погасил последний чуть теплившийся огонек — духи могли убить шамана, если бы кто-нибудь увидел его, прежде чем он вернется в свою кожу, которую снял с себя, отправляясь в странствие.

В непроглядной тьме все быстро закружилось, поплыло, легко заскользило куда-то под бушующим ветром, шум которого гулко разносился где-то вдалеке, в невидимом небе. И вдруг снова зажужжал бубен, зашуршала сухая тюленья шкура. Помощник шамана затянул долгое магическое песнопение, слова которого были известны во всем племени ему одному. Эта песнь должна была принести иннуитам успокоение. Улугаток пел, и постепенно волнение людей улеглось, крики стихли, только плакали перепуганные дети.

Послышался усталый голос шамана:

— Нынешней зимой двое из нашего племени умрут. Зверя и рыбы будет в изобилии. Весна и лето принесут тепло. Соседи уйдут. У меня есть известие и для наших гостей, но я сообщу его позже, когда мы с ними останемся одни. Все.

Кто-то из иннуитов, спотыкаясь в темноте о ноги сидевших на полу, пробрался к выходу. Через некоторое время он вернулся с огнем и зажег светильники. Шаман сидел на медвежьей шкуре, руки и ноги у него по-прежнему были связаны. Улугаток развязал веревки. Панигпак без сил повалился навзничь и довольно

долго лежал неподвижно, ничего не видя вокруг. Затем он посмотрел на стоявших перед ним людей. Заметив среди иннуитов Эяну и Тоно, он слабо улыбнулся:

— Все — обман, — пробормотал Панигпак. — Заморочил всех, и больше ничего. Я старый обманщик. Нет у меня никакой мудрости.

* * *

У иннуитов было не принято обсуждать камлание после того как оно закончилось. И сам Панигпак — он уже отдохнул и подкрепился мясом — незаметно, чтобы не привлекать внимание иннуитов, разыскал в поселке Тоно и Эяну. Втроем они спустились на берег моря.

День был ясный и холодный. Солнце лишь мельком взглянуло на землю и сразу же покатилось вниз к далекому южному горизонту. Под его лучами ярче выступили серо-стальные тени двух айсбергов, которые величаво плыли по морю. Вдоль берега, следуя его извилистой линии, пролегла широкая полоса льда, однако ступить на него было нельзя — лед был слишком тонким. Там суетились чайки, чьи крики долетали к троим, стоявшим на заснеженной прибрежной гальке.

— Она живет в глубинах, которые лежат ниже моря, и ничто в морских водах не может от нее укрыться. — Панигпак произнес эти слова более торжественно, чем ему хотелось. — Она хорошо осведомлена и о судьбе вашего племени, Тоно и Эяна. Очень трудно было, насилу упросил ее рассказать. Большого труда стоило и уговорить ее пригнать к нам тюленей в такое время, когда зверя мало и охотники часто возвращаются с пустыми руками. Хозяйка моря не дружелюбна.

Настало молчание. Тоно обнял шамана за плечи. Эяна потеряла терпение и, резко отбросив назад длинные рыжие волосы, спросила:

— Так где же отец?

Морщины на лице шамана стали словно еще глуб-

же. Он отвернулся и, глядя куда-то вдаль, тихо ответил:

— Я не совсем понял. С вашим племенем случилось что-то такое, что встревожило даже Седну. Вы должны помочь моему неразумному языку, если хотите понять больше, чем я могу сказать. Так вот, знание Седны не распространяется на мир твердой земли, но несмотря на это она знает имена многих стран, которые лежат на морских берегах. Я думаю, Седна узнала их имена от погибших моряков. Я запомнил название стран, все до единого. Тот, кто побывал у Седны, до конца жизни помнит все, что видел и слышал в ее царстве. Названия стран и земель, которые я услышал, ничего не говорят мне, ничтожному, но вам в них, наверное, откроется многое.

Тоно и Эяна внимательно выслушали все, что рассказал шаман, и расспросили его о некоторых подробностях. В конечном счете судьба народа лири начала проясняться. Их племя получило в свое распоряжение корабль. По-видимому, они захватили его где-то в Норвегии, потому что именно там началось плавание. Корабль пошел в Маркландию или Винландию. От гренландских поселенцев Тоно и Эяна, как ни старались, так и не смогли узнать, где расположены эти земли, норвежцы слышали только, что обе страны лежат где-то далеко к западу от Гренландии. Корабль Ванимена попал в шторм. Как предположил Тоно, это был тот самый шторм, что жестоко потрепал когг «Хернинг», который, в сущности, легко отделался, потому что шторм лишь задел его своим крылом. Корабль Ванимена выдержал неимоверно тяжелую борьбу со штормом и не пошел ко дну, но его отнесло назад к берегам Европы. Благодаря урокам отца, который многому учил своих детей, Тоно и Эяна неплохо разбирались в географии и сразу поняли, что Ванимен повел корабль в Средиземное море. Название страны, у берегов которой закончилось плавание, было детям Ванимена незнакомо. Где-то в тех краях следовало вести дальнейшие поиски. Из того, что рассказал шаман, брат и сестра поняли, что народ лири подвергся нападению с моря и спасся на берегу.

То, что было известно Седне о дальнейшей судьбе племени лири, вызвало смятение и страх. По-видимому, все, оставшиеся в живых, не покинули страну с незнакомым названием, потому что, как было известно Седне, лири часто плавали в море возле берега, всегда поодиночке или вдвоем-втроем, но не задерживались в море надолго, а вскоре возвращались на сушу. Затем в течение долгого времени к Хозяйке моря не поступало никаких сведений о лири, когда же они снова появились в поле зрения Седны, что-то в них изменилось, лири были уже не теми, что прежде. Что именно появилось в них нового, Седна не могла объяснить, но произошедшая перемена вызывала у Матери моря самые дурные предчувствия.

Тоно помрачнел.

— Плохо!

— Может быть, вовсе нет, — возразила Эяна. — Может быть, они как раз прекрасно устроились и наслаждаются жизнью в новом доме, где-то в этой — как ее? — Хорватии.

— Мы должны разыскать отца. Тогда все выяснится. И тут нам без помощи людей не обойтись.

— Конечно. Да мы ведь так или иначе должны сначала вернуться в Данию, чтобы узнать, какая судьба ждет нашу сестренку.

Панигпак устремил на брата и сестру внимательный взгляд маленьких глаз, которые за долгие годы его жизни многое повидали и знали цену горю.

— Может быть, и я сумею кое-чем вам помочь, — негромко сказал шаман.

* * *

Стояла безветренная ночь. Агатово-черный небесный свод был усеян звездами, все небо от края и до края пересекал серебристый Млечный Путь. Отраженный снегами свет звезд поманил из дома ту, кого раньше звали Бенгтой Хаконсдаттер, норвежскую женщину, ныне принявшую эскимосское имя Атитак. Легким шагом шла она под склонами холмов вдоль долины. Волчий мех, из которого была сшита ее пар-

ка, надежно защищал от мороза. Когда Бенгта говорила, пар от дыхания клубился пушистым белым облаком. В глубокой тишине раздавался лишь скрип снега под ногами и ее голос:

— Неужели вам нельзя побыть у нас еще немного? Мы были бы рады, если бы вы остались. И совсем не потому, что вы с таким удивительным умением ловите для нас рыбу и охотитесь на тюленей. Просто потому что вы — это вы.

Шедший рядом с Бенгтой Тоно вздохнул:

— У нас есть родные. Они теперь далеко. Может быть, у них беда. Мы по ним скучаем. Вы обещали дать нам каяки, так что мы поплывем гораздо быстрее, чем если бы у нас были только наши собственные силы, но даже на каяках плавание займет несколько месяцев. Не забывай, что в пути нам нужно будет охотиться и отдыхать, придется, наверное, бороться с неблагоприятным ветром. После той истории с Тупилаком мы прекрасно отдохнули в вашем племени. Честно говоря, мы тут пробездельничали гораздо больше, чем нужно было для восстановления сил. Скоро у иннуитов пойдут об этом толки. Если мы не тронемся в путь теперь, то вряд ли успеем добраться домой до весны.

Бенгта окинула взглядом его короткую блестящую тунику из рыбьей чешуи и, взяв за руку своей рукой в меховой рукавичке, спросила:

— Тогда почему же вы пробыли у нас столько времени? Эяна не любит подолгу сидеть на одном месте. Из вас двоих именно ты настоял на том, чтобы пожить у нас подольше.

Они остановились. Тоно обернулся, заглянул в лицо Бенгты под меховым капюшоном и погладил ее по щеке.

— Из-за тебя, Бенгта.

Все это время Тоно жил в доме Миника как один из членов его семьи. Миник с радостью предоставил ему жену. Тоно и Бенгта расставались лишь тогда, когда всем без слов становилось ясно, что она должна разделить ложе с супругом, а Тоно с первой женой

Миника Куяпикасит, чтобы та не чувствовала себя обиженной.

Эяна вела себя не как женщина, а как самый настоящий охотник, нападая то на одну, то на другую семью, и не пропустила ни одного иннуита во всем стойбище, как будто на нее нашел какой-то стих.

Бенгта чуть слышно сказала:

— Все было так чудесно. Ты уходишь, но ты вернешься?

Тоно отрицательно покачал головой:

— Едва ли.

Бенгта опустила глаза.

— Сердце водяного... — Она снова посмотрела на него. — Но что же ты во мне-то нашел? То, что я больше похожа на женщин твоей расы, чем любая из женщин иннуитов? Это ничего не значит, в Европе все женщины белые.

— Но мало таких красивых, как ты, Бенгта.

— Кажется, я понимаю, в чем тут причина, хоть ты сам, наверное, не... — Она замолчала.

— Что?

Бенгта тряхнула головой.

— Нет, нет, ничего. Просто обмолвилась. — Она повернулась лицом к морю. — Пойдем домой.

Снег под ногами громко заскрипел, точно вскрикнул.

— Что ты хотела сказать? — Голос Тоно стал суровым.

— Ничего, правда, ничего.

Он сжал ее локоть. Даже сквозь плотный мех она почувствовала железную хватку и поморщилась от боли.

— Говори!

Бенгта вздрогнула, увидев, как блеснули его оскаленные зубы.

— Я подумала... подумала, что из всех женщин здесь нет никого, кроме меня, кто был бы похож на Эяну. У вас с ней впереди долгий путь, никого, кроме нее, рядом не будет... Прости, Тоно! Конечно, это неправда.

На его лицо уже вернулось спокойное выражение, голос опять стал ровным:

— Тут не за что просить прощения. Разве ты сказала что-то оскорбительное? Мы же бездушные твари...

Он вдруг резко остановился, с улыбкой привлек к себе Бенгту и поцеловал нежно, как еще никогда.

Потом, лежа рядом с ним в темной юрте, Бенгта прошептала:

— Пусть у меня родится ребенок. Это будет твой ребенок, Тоно, я знаю. Миник мне дорог, я и от него хочу иметь детей, но пусть божества иннуитов подарят мне это дитя в память о моем Тоно.

* * *

День убегал, спеша в укрытие тьмы. Для Тоно и Эяны ночной мрак не был непроглядным, они видели ночью не хуже, чем днем, но в море вышли еще до наступления сумерек, поскольку иннуиты пожелали их проводить.

Все племя собралось на берегу, и пока держал лед, люди шли за братом и сестрой, которые несли каяки. Позади лежали заснеженные белые поля и холмы, лишь кое-где темнели скалы. Впереди же было шумное взволнованное море. Ветер гнал тучи по низкому небу.

Панигпак оставил позади всех иннуитов и подошел на край льда, где стояли брат и сестра. Шаман держал в ладонях маленький, диаметром около полутора дюймов, костяной диск с загнутыми краями. В кружке было проделано отверстие, в которое был пропущен шнурок из тюленьей кожи.

— Вы оказали нам неоценимую помощь, — сказал Панигпак. — Тоно разрушил Тупилака, которого я, старый дурень, создал. Тоно вселил страх в сердца наших врагов. Теперь мы живем мирно, не зная вражды. Эяна... — Тут старик покачал седой головой, усмехнулся, затем строго поглядел на девушку. — Пускай я слишком стар и ни на что не гожусь, Эяна, только и могу видеть в одиночестве среди снега и

льда, но меня будут согревать воспоминания о тебе, Эяна.

— Ты излишне высоко ценишь наши скромные заслуги, — сказал Тоно, а Эяна коснулась губами лба шамана. Она заранее попросила Тоно быть с ним помягче, сказав, что Панигпак — чудесный славный старик.

— Между друзьями не должно быть счетов, — ответил Панигпак. Если бы ему не приходилось раньше иметь дело с норвежцами, он не знал бы что сказать на прощанье. — Вот мой прощальный подарок.

Шаман протянул Тоно костяной кружок. Принц лири положил его на ладонь и стал разглядывать. На желтоватой кости был вырезан тонкий рисунок с зачерненными линиями — птица с черной головой и изогнутым клювом парила, раскинув крылья, под восходящей полной луной. Когда Тоно притронулся к прохладной внутренней поверхности костяного диска, он вдруг почувствовал, как по всему телу пробежала дрожь, точно он прикоснулся к некоей жуткой тайне.

Эяна также кончиками пальцев притронулась к диску, после чего сказала:

— С этой вещицей следует обращаться осторожно. Ваше колдовство иного рода, нежели наше. Что ты нам скажешь об этой вещи?

— Она вобрала в себя глубочайшее колдовство. Чтобы сотворить этот волшебный амулет, пришлось до крайнего предела напрячь мои жалкие силы, — добродушно сказал шаман. — Для начала я разрушил пирамиду из камней над телом моего умершего отца и взял кусочек от его черепа. Нет, нет, отец ничуть не рассердился, даже, наоборот, ему в царстве теней было приятно, что он может кому-то помочь. Благодаря этому амулету духи вступают в общение друг с другом и становится понятным любой язык. Берегите его от чужих глаз и сами не смотрите без надобности в его середину. Лучше всего, спрячьте его под одеждой, повернув блестящей тыльной стороной наружу. Потому что, если какая-нибудь душа пожелает оставить земной мир, амулет ее завлечет, и душа уйдет из тела, переселится в амулет. А это — смерть. — Ша-

ман помолчал. — Если такое случится, призрак, которого я поймал и заключил в амулет, сможет выйти и вселиться в того, кто носит на себе амулет, если тот пожелает, чтобы дух вселился в его тело. Да только кто же захочет быть наполовину духом?

Тоно поспешно сжал кулак, спрятав амулет. Эяна разжала его пальцы и повесила амулет себе на шею, как велел Панигпак: чтобы тыльная сторона смотрела наружу, а вогнутая с изображением луны и летящей птицы была обращена к ее груди.

— Спасибо тебе, — чуть-чуть нетерпеливо поблагодарила Эяна.

— Не стоит. Пустяк. Что уж там может подарить глупый старик.

Дети морского царя попрощались с шаманом, обняли его и, подхватив на плечи каяки, подошли к кромке льда. Когда они спустили лодки на воду, от ледяной полосы оторвалась льдина, с которой Тоно и Эяна забрались в каяки. Устроившись в лодках, они взялись за весла и поплыли на юг. За каяками пролегли на воде две расходящиеся волнами широкие полосы. Иннуиты и Бенгта стояли на льду и смотрели вслед каякам, пока те не скрылись из виду.

II

Во время плавания из Гренландии к берегам Дании Тоно повстречал в море небольшое стадо гренландских китов, странников, что бороздят морские просторы на самом краю света, и услышал их пение. Лишь немногим в народе лири посчастливилось слышать пение китов, ибо повелители бескрайних водных равнин редко приплывают к берегам земли. Если же кто-то из лири вздумал бы выследить китов в море, то как бы он объяснил морским гигантам свое недостойное любопытство?

В тот день Тоно охотился. Эяна плыла прежним курсом на юг, привязав к своему каяку каяк Тоно. Брат и сестра всегда связывали каяки, если кто-то из двоих отлучался. Иначе каяк могло унести течением,

а лишиться лодки было бы глупо. Сидеть в каяке приходилось скрючившись, в неудобном положении, и потому было особенно приятно размяться и отдохнуть в море. Вдоволь поныряв, каждый из них обычно возвращался и, снова забравшись в каяк, уже не уплывал далеко, а держался где-нибудь поблизости. Спать приходилось в каяках, прямо в море, и тогда они привязывали каяки друг к другу. Все это было очень хлопотно и непривычно, охотиться приходилось поодиночке, что также было неудобно, но зато не нужно было делать остановок на время охоты, и они быстро продвигались на юг. Вообще благодаря каякам плавание было быстрым и не утомительным.

Надеясь подстеречь крупную рыбину, Тоно опустился поглубже. За рыбой средней величины не имело смысла охотиться, потому что одной средней рыбины на двоих не хватало, а есть нужно было досыта, чтобы получать с пищей необходимое количество энергии и восполнять таким образом затраты тепла.

Внезапно в глубине вод прокатился звук, которого Тоно никогда еще не слышал. Он был далеким — ведь в воде все звуки распространяются на значительно большее расстояние, чем в воздухе, — и звук этот прозвучал не только в ушах Тоно, он задрожал во всем его теле, в каждой клетке, в костях и в крови. Звук пронизал толщу холодных мерцающих вод и всколыхнул их плотную серовато-зеленую массу. В первую минуту Тоно испугался, но звук манил и влек, и Тоно поплыл в ту сторону, откуда он доносился. Вскоре он понял, что является источником этих мощных вибрирующих потоков, вновь и вновь накатывавших рокочущими волнами, но продолжал плыть вперед. При появлении китового каравана, прочие обитатели моря наверняка бросались в страхе кто куда, Тоно предположил, что тут-то ему и повезет захватить хорошую добычу.

И вдруг грянула песнь.

Тоно был совершенно беззащитен перед гренландскими исполинами, но плыл все дальше, миля за милей, и не мог ни остановиться, ни повернуть назад — он должен был увидеть китов.

Их спины поднимались над морем, как шхеры, снизу же из глубины были видны огромные тела, широкие пасти, исполинские плавники, которые мерными уверенными движениями раздвигали тяжелую массу воды. Могучие морские гиганты, во много раз превосходившие величиной корабли, киты неторопливо плыли в студеном море, и море содрогалось от их размеренных мощных движений, и громоподобный гул катился в глубине вод, как небывалое музыкальное сопровождение трубных голосов широчайшего диапазона: они то поднимались до дисканта, то глухо рокотали на низких басовых нотах, далеко выходя за пределы того скромного звукового спектра, что способно воспринимать человеческое ухо. Песнь подхватила Тоно и повлекла за собой, он плыл, не замечая, куда несут его волны, всецело предавшись властной силе и волшебству музыки.

Язык китов был мало знаком Тоно, амулет же, благодаря которому можно было понимать речь любых живых и волшебных существ, остался у Эяны. Во всем племени лири никто не знал языка китов, потому что он не имел ничего общего ни с одним из наречий, на каких говорят люди или обитатели Волшебного мира. В языке китов не было слов, он состоял из отдельных звуков или звуковых сочетаний, и каждый звук обладал не одним, а несколькими значениями, нередко и такими, которые невозможно выразить ни на одном другом языке. Множество оттенков, тончайших нюансов значений, передаваемых звуками этого языка, было столь огромным, что его можно сравнить с числом книг в большой библиотеке или с бесчисленными воспоминаниями, которые с приближением смерти воскресают в памяти того, кто прожил долгую и яркую жизнь.

Тоно были знакомы некоторые символы и образные выражения языка китов — ведь он был поэтом. Позднее он восстановил по памяти фрагмент услышанной в океане песни серых гигантов, но с грустью думал, что их песнь, запечатленная словами языка лири, была лишь бледной тенью, жалким отзвуком грандиозного произведения, которое невозможно было воссоздать во всем его величии.

Вожак:

Все, что живого есть в мире, рождается в море,
В водах и волнах, покорных Луне,
В водах, что движут всем мирозданьем,
В водах всесильных, властных над всем,
Что живого есть в море.
Мощь их превыше тех сил, что покорствуют Солнцу.

Шар земной и светило ночное, и Солнце
Водят свой хоровод и кружа на просторах
От бездны бездонной до брызг искрометных созвездий.

Старые китихи:

О, они кружат и кружат и возвращаются снова и снова,
Как память о мертвом китенке.
Не в силах была мать-китиха дитя от сосцов оторвать,
Лишить материнской опеки.
Как отпустить несмышленое чадо
В странствия дальние, в море опасное?
И потому он умер.

Молодые киты:

Тяжелые волны под темными тяжкими тучами
Море вздымает зимой.
Но жарки желания, что пробуждает круговращенье светил.
Летней порою мы ищем — мы жаждем жарких любовных утех.
Пусть светом, игрой и ликующей радостью
Будет любовь — обновление жизни.

Молодые китихи:

Вы — свет живительный, и ветер, и дожди,
От вас рождается жизнь моря.
Мы океан и лунный свет, и токи вод,
И ваша матерь возрождается в нас снова.

Китята:

Стремнины, теченья, соленые брызги,
Шум крыл в вышине,
Шорох вод в глубине,
Млечно-белая пена — все ново, все ново!

Старые киты:

За летом осень, за весной зима
Приходят и уходят во Вселенной.
Пройдут года — ток времени размоет

И поражений и побед следы,
Так точат волны острый край скалы.

Привольны, обильны, бездонны пастбища моря,
Но хищные рыщут касатки в волнах,
Несут они гибель и горе.
Наш род избран морем, даровано нам его благословенье,
Но смерти и мы не избегнем и канем в пучине забвенья.
Рода нашего древнего древность Вселенной превыше стократ,
Но придет наш последний день, и последний умрет собрат.
И погаснут светила Вселенной, ибо не вечна она,
И с последним отливом последняя схлынет волна.

Старые китихи:

Но мы прожили жизнь.

Молодые киты:

Мы живем!

Китята:

Мы хотим жить!

Молодые китихи:

Мы хотим давать жизнь!

Старые киты:

Довольно!

Вожак:

Плывем вперед!

* * *

Тоно и Эяна были уже недалеко от Англии. Впереди лежал опасный пролив Пентленд-Ферт, известный своими быстрыми течениями. Пройдя этим проливом между Англией и Оркнейскими островами из Атлантики в Северное море, дети Ванимена должны были обогнуть мыс Данкансби, где с бешеной скоростью неслись приливные течения, и дальше продолжать свой путь на юго-восток. Перед тем как пуститься в опасное плавание через Пентленд-Ферт, Тоно и Эяна нашли крохотный островок, который лежал с подвет-

ренной стороны близ берега Англии. Здесь они решили отдохнуть после утомительного странствия от Гренландии до Англии и починить потрепанные каяки.

Со всех сторон островок окружали суровые утесы, казалось, не они окружают островок, а сам этот клочок земли прилепился к серым скалам. Вдоль берега шла узкая каемка песка, за ней тянулась полоса лишайников и зеленых болотных мхов. Выше начиналась вытянутая в виде узкого клина расселина. Там, между громоздившихся повсюду крупных камней вилась тропинка, которая убегала в глубь острова, но по всему было видно, что люди редко бывают на этом крохотном островке, а если и бывают, то, скорее всего, не зимой; неожиданных встреч вряд ли следовало опасаться.

Вопреки ожиданиям на островке было не холодно. Уставшим путешественникам даже показалось, что воздух здесь ароматный и мягкий по сравнению с леденящей стужей, которая шла за их каяками все долгие недели плавания. Свет солнца не проникал на прикрытый скалами берег, у песчаной полосы плескались мелкие волны в тускло-серой мглистой дымке. Но отблески волн играли на суровых скалах бликами света, и от этого холодные утесы словно бы становились приветливее, и каждый их излом и уступ с четкой ясностью выступал в светлых бликах. Ветер, который шумел и завывал над морем, здесь, на островке, превратился в чуть слышный свистящий шепот, доносившийся от скал.

Вытащив каяки на берег, Тоно и Эяна отнесли их повыше, чтобы лодки не смыло приливом. Они расстелили на мягком мху тюленьи шкуры — трофеи недавней охоты. Затем собрали сухой травы, прутьев и плавника и при помощи кремня развели костер, чтобы зажарить тюленье мясо и гагарку. Из еды у них была еще рыба, которую брат и сестра ели сырой.

— Ах, как вкусно пахнет, — сказал Тоно.

— Ну да. Вкусно. — Эяна не поднимая глаз сосредоточенно насаживала на вертел куски мяса. Тоно сидел, подобрав колени к подбородку, и смотрел на

бегущие мимо воды пролива. Настало долгое молчание. Затем Тоно снова заговорил:

— Надо пользоваться хорошей погодой. Она недолго простоит.

— Недолго.

— Ну и ладно. Нам тут задерживаться ни к чему. Починим каяки и поплывем дальше.

— Да.

— Сколько же всего мы проплыли, как ты думаешь? Наверное, две трети пути?

— Или немного больше.

Говорить было не о чем.

Чтобы зажарить гагарку, Эяна в нескольких местах проткнула птичью тушку заостренными костяными палочками. Когда Эяна наклонилась в огню, распущенные волосы соскользнули с плеч, обнажив белую грудь.

— Скоро будет готово, — сказала она. — Можешь пока почистить рыбу.

— Хорошо. — Тоно отвел взгляд и занялся приготовлением рыбы. При каждом движении он ощущал силу и упругость своих мускулов.

— Нам незачем спешить с починкой каяков, — сказала Эяна через несколько минут. — Сейчас самое время немного отдохнуть и подышать не водой, а воздухом.

— Ну да, мы ведь так и решили. Но на Борнхольм надо прибыть заблаговременно, чтобы не заставлять Нильса ждать. Он должен вовремя получить известие о том, что мы приплыли.

— Да. Это мы тоже уже обсуждали.

— Ты не забыла? С людьми все переговоры буду вести я. В Европе костюм эскимоса на мужчине не покажется чем-то уж совсем диким. Тогда как женщина в одежде иннуи...

— Да, да, да! — Эяна вспыхнула, так что даже шея и грудь покраснели.

— Извини, пожалуйста. Я не хотел тебя обидеть. Прости. — Тоно смутился. Его янтарные глаза встретились с серыми глазами Эяны.

— Ах, да ладно. Ерунда, — поспешно сказала она. — Просто терпенья уже нет, есть хочется. Живот так и подводит от голода.

Тоно заставил себя улыбнуться:

— И я страшно есть хочу. Не то что в море правда? Зверский аппетит.

Этот обмен репликами немного разрядил обстановку. Но тут же снова настало тягостное молчание. Они молчали все время, пока жарилось мясо, молча съели приготовленную еду, лишь под конец обменявшись какими-то пустыми словами о том, что все очень вкусно и что приятно сидеть у огня.

Тоно собрал еще сухих веток, подбросил в костер и раздул пламя. Снускалась ранняя зимняя ночь. Небо в просвете между скалами стало густо-синим и фиолетовым вдали у горизонта, уже стемнело, но в ночном мраке волшебные глаза детей морского царя хорошо видели все вокруг. Тоно и Эяна сидели друг против друга и любовались красными, желтыми и синими языками пламени, алыми углями костра, прислушивались к мирному потрескиванию горящих веток, с наслаждением вдыхали ароматный смолистый запах дыма.

— Пора спать, но что-то не хочется, — сказал Тоно. — А ты поспи, ты, наверное, устала.

— Нет, мне тоже не хочется спать. — Эяна, как и Тоно, смотрела на огонь. — Как-то там наша Ирия, — едва слышно сказала она спустя некоторое время.

— Скоро мы все узнаем.

— Да, если только Нильс и Ингеборг сумели чего-то добиться.

— Если у наших друзей в этот раз ничего не вышло, придумаем какой-нибудь другой путь.

— Хоть бы с ними ничего не случилось, — прошептала Эяна. — Я так хочу, чтобы у них все было хорошо, что могла бы уверовать в Бога, если бы знала, что Он им поможет.

— Ну, они не из тех, кто отступает. Я уверен, что мы с ними встретимся.

— Я тоже. Нильс... Он нравится мне больше всех смертных мужчин, каких я знала.

— А Ингеборг... фу! — Тоно зажмурился и закрыл рукой нос и рот. — Дым прямо в лицо понесло.

Эяна подняла голову. Свет месяца падал на зеленоватые волосы Тоно, которые от этого казались словно покрытыми изморозью, и мягко ложились на его широкие плечи, оставшиеся в тени, где не было отблесков костра.

— Пересядь. Садись сюда, — сказала Эяна.

Тоно чуть помедлил, затем сел рядом с Эяной. Они сидели, касаясь друг друга плечами, протянув ладони к огню, и глядели на игру пламени. Время медленно плыло над вершинами скал.

— А что мы будем делать на Борнхольме, пока не придет ответ от Нильса и Ингеборг? — после долгого молчания спросила Эяна.

Тоно пожал плечами. Его рука при этом невольно скользнула по ее плечу. Тоно с трудом перевел дыхание, прежде чем ответил:

— Отдыхать, конечно. Ну и охотиться, добывать пищу. Мы заслужили отдых.

Эяна кивнула, задев его своими рыжими кудрями.

— Да, мы немало пережили. Мы с тобой.

— Но много еще впереди.

— Все, что нас ждет, мы с тобой встретим вместе.

И вдруг они одновременно обернулись друг к другу и замерли глаза в глаза, вдыхая чистый запах друг друга. Их губы были так близки, что ни он ни она не знали, чьи губы первыми коснулись губ другого.

— Да, да! — страстно воскликнула Эяна, когда Тоно отстранился от нее. — Ну же, скорей!

Он отшатнулся.

— Наша мать всегда...

Эяна прижалась к нему. Тоно слышал, как часто и сильно, сильней, чем у него, бьется ее сердце. Она засмеялась:

— Стоило ли так долго мучиться? Мы же водяные, Тоно! Водяные!

Она быстро поднялась и взяла его за руки.

— Идем сюда, на мох, он будет нашей постелью... Только сейчас я поняла, как измучилась.

— И я тоже... — Тоно нерешительно поднялся с земли. Эяна смеясь повела его за собой на зеленый мох.

Луна уже опустилась за скалы, слабо мерцали звезды.

Эяна приподнялась на локте.

— Ни к чему все это, да? — с горечью сказала она. — Все — ни к чему.

Тоно лежал, закрыв лицо рукой.

— Ты думаешь, что ли, мне сейчас хорошо? — пробормотал он.

— Нет, конечно, нет. — Эяна ударила себя кулаком по колену и выкрикнула сквозь слезы: — Христиане могут предать нас проклятию, но почему мы во имя справедливости не можем проклясть христиан?

— Потому что нет никакой справедливости. Извини. — Тоно повернулся к ней спиной.

Эяна погладила его по плечу и грустно сказала:

— Не презирай себя, брат. Бывают и пострашней вещи, за которые предают проклятию. У нас с тобой есть наш мир, в нем и надо жить.

Тоно ничего не ответил.

— Останемся друзьями. Соратниками, — добавила Эяна.

Тоно молчал. Наконец, терзавшие его мучительные мысли понемногу отступили. Тоно заснул.

Проснувшись, он увидел, что все кругом переменилось. Костер давно погас, сильно похолодало. Энергия, накануне вечером полученная с пищей, уже была израсходована на сохранение тепла, и теперь Тоно снова чувствовал сильный голод. Он улыбнулся, но тут воспоминание обрушилось на него, как жестокий штормовой вал. Вдруг стало нечем дышать.

И тут он заметил, что Эяны нигде нет. Тоно встал и огляделся вокруг. Спрятаться на небольшом пятачке было совершенно немыслимо. Где же она, в таком случае? Тоно призвал на помощь волшебную интуицию и чутье. Море? Нет, в море Эяны нет. Там, куда ведет тропинка? Правильно, она там. Тоно уловил ее след.

Совершенно отчетливо он чувствовал где-то в долине присутствие Эяны и одновременно предостережение от какой-то опасности.

Он двинулся по тропке в глубь острова, но пройдя несколько шагов остановился: он догадался, почему она ушла и чего ищет на острове. Но возможно, он ошибся. И как знать, не грозит ли ей что-то страшное, ведь он чуял опасность. Каким бы заброшенным и безлюдным ни казался островок, он тем не менее был частью христианского мира. Тоно вернулся, взял нож, гарпун и снова пошел по следу Эяны.

Луна уже зашла. За пустошами, поросшими болотными мхами, поднимались холмы с кустиками вереска на склонах. На серой земле ярко белели пятна инея и снега. Тоно быстро шагал по тропке, которая сначала вела вдоль берега, а затем сворачивала к югу и терялась в неглубокой долине. Здесь, под прикрытием холмов, лежал клочок возделанных земель. Тоно увидел перед собой крохотное поле, засеянное овсом и ячменем, и большой выгон для овец, которые, по-видимому, паслись здесь летом. В отдалении стояла овчарня, два-три стога сена и несколько жавшихся друг к другу домишек и хозяйственных строений с крышами из дерна. За ними возвышался могильный холм, который остался здесь со времен походов викингов, и зубчатая каменная башня, построенная, должно быть, еще пиктами.

Тоно пошел к этим домам. Навстречу ему с лаем бросились собаки, но, как было уже не раз, учуяв сверхъестественное существо, дворняги струсили и убежали поджав хвосты.

Тоно услышал какой-то странный тихий звук и пригнувшись подкрался к неплотно прикрытой двери сарая. Сквозь щель он увидел женщину, изможденную и прежде времени состарившуюся от непосильного труда. Она стояла посреди сарая с ребенком на руках и плакала. Еще двое детей, маленькие девочки, ползали по земле у ее ног. И мать, и дочери были в ночных сорочках и дрожали от холода.

Тоно неслышно прокрался к жилому дому. Из щелей в ставнях сочился слабый свет. Тоно приложил

ухо к бревенчатой стене и чутко прислушался. Волшебная острота слуха позволила ему слышать малейший шорох. Тоно услышал шумное сопение четырех человек, мужчин. И голос Эяны, которая завывала, точно мартовская кошка. Вот один из четверых охнул, и тут же Эяна позвала:

— Родерик, иди, твоя очередь!

Тоно стиснул гарпун, так что побелели костяшки пальцев.

Ладно, думал он, вспоминая все это спустя долгое время, в конце концов, виноват во всем только он сам. Да и не стоит придавать событию слишком большое значение. Он усмехнулся, представив себе, как вытаращили глаза крестьянин и его трое сыновей, когда вдруг среди ночи раздался стук в дверь и на пороге появилась совершенно голая рыжеволосая красотка. Благодаря амулету, который им подарил Панигпак, Эяна могла мурлыкать на любом языке. Она не боялась ни крестного знамения, ни имени Бога, она и сама спокойно произносила имя Христа. Эяна в полном смысле слова была существом из Волшебного мира, она и к жизни, и ко всему, что связано с человеческой душой, относилась совсем иначе, чем смертные. А те четверо не отказались от подарка судьбы.

Тоно вернулся на берег к погасшему костру. На рассвете, когда пришла Эяна, он притворился спящим.

III

Теперь, после того как Водяной был изгнан из озера, вилия осталась в полном одиночестве. В озере не было никого, кроме рыб, а с рыбами вилия никогда не водила дружбу. К тому же сейчас, зимой, рыбы были сонными и вялыми и лишь изредка поднимались со дна и радовали вилию своими по-летнему блестящими серебристыми нарядами. Лягушки уже не распевали песен в сумерках, они зарылись в придонный ил и задремали до весны. Лебеди, утки, гуси и пеликаны улетели на юг, те же птицы, что остались

зимовать возле озера, не скользили по воде, не выхватывали из волн рыбу, а прятались в лесу, где едва слышны были их тихие голоса среди голых ветвей над заснеженной землей.

Вилия покачивалась на волнах и тихо дремала. В сумерках она казалась легкой белой тенью, окутанной невесомым облаком светлых волос. Огромные глаза, цвет которых был схож с цветом неба, подернутого блеклой туманной дымкой, были устремлены куда-то вдаль, но ничего не видели, рассеянный взгляд не искал впереди какой-то цели и ничем не напоминал взгляд живого существа. Грудь вилии была неподвижна, как будто не дышала.

Так лежала она, покачиваясь на воде, дни, недели, месяцы — она не вела счет времени, оно для нее не существовало. По гладкой поверхности вдруг побежали волны, вилия очнулась и огляделась вокруг. Она потянулась, взмыла над водой и, слегка изогнувшись, как легкая полоса тумана, полетела к берегу. Она почти не потревожила вод своими легкими движениями, однако тот, кто явился в озеро, уловил эти слабые колебания и бросился вдогонку за вилией. В первое мгновенье она различила лишь неясные темные очертания неизвестного, и вдруг увидела его ясно. От него исходило тепло, сила, жизнь. Он плыл, и на воде поднимались волны, пенистые кружащиеся водовороты, брызги.

Он почти настиг вилию, между ними оставалось не больше ярда, и тогда она обернулась. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

В отличие от нее, он не был нагим. Вокруг чресел у него была обернута одежда, на поясе висели ножи, волосы придерживал кожаный ремешок на лбу. Исполинского роста, белокожий, с зелеными глазами и золотыми волосами, этот незнакомец был совсем таким же, как люди, которые жили в селении на берегу, однако вилия заметила, что у него нет ни усов, ни бороды и что он дышит под водой. Опустив глаза, она увидела, что на ногах у него необычные перепонки. И все же он почти ничем не отличался от людей — для вилии, существа из Волшебного мира, чья-либо на-

ружность не имела большого значения, облик мало говорил ей о внутренней сущности тех, с кем ей приходилось сталкиваться. И вилия сразу же поняла: у незнакомца душа смертного человека, душа христианина.

— О, как я рада видеть тебя здесь! Очень, очень рада! — набравшись смелости, сказала она. Голос вилии был трепещущим, как и ее улыбка, которой морской царь словно не заметил.

Он заговорил сурово и грозно:

— Зачем я здесь, по-твоему?

Вилия отпрянула.

— Ты... Так значит, ты — другой? Мою память окутал густой туман, но прошлой, нет, погоди, позапрошлой осенью... Ты изгнал тогда Водяного из озера?

— Я был вынужден это сделать. Меня заставили, — глухо ответил Ванимен.

— Да ты никак меня боишься? — Вилия засмеялась. — Ты — боишься! И кого же — меня!

С весельем к ней вернулась и обычная игривость. Вилия поманила к себе Ванимена.

— Ты уже знаешь, кто я? Ты чувствуешь, что я не причиню тебе зла? Ах, как я этому рада! Позволь же и мне чем-нибудь тебя порадовать, я хочу сделать для тебя что-нибудь приятное...

— Прочь, демон! — строго прикрикнул Ванимен.

Его гнев удивил и напугал вилию. Она в страхе метнулась прочь и, остановившись в отдалении, сбивчиво пролепетала:

— Но ведь я не желаю тебе зла. Неужели у меня могло бы возникнуть такое нелепое желание? Зачем бы я стала тебе вредить? Я же совсем одна, здесь никого нет, с кем я могла бы подружиться.

— Заманиваешь в свои сети!

— Нам будет так хорошо с тобой, мы будем вместе всегда, летом в зеленом лесу, зимой подо льдом в озере. Ты будешь согревать меня на своей груди, а я в летний зной буду навевать тебе прохладу, поднимать свежий легкий ветерок и обдавать брызгами росы твои золотисто-зеленые, как молодая листва, волосы.

— Молчи! Ты заманиваешь смертных в адское пекло!

Вилия вздрогнула и поникла. Быть может, она заплакала, но этого нельзя было увидеть — озеро выпивало ее слезы.

Гнев Ванимена улегся.

— Да ты, наверное, и сама не ведаешь, кто ты, — сказал он. — Отец Томислав говорил мне, что для него остается загадкой, постиг ли предатель Иуда суть содеянного им, пришло ли к нему — пусть слишком поздно — прозрение.

Ванимен замолчал, настороженно глядя в ту сторону, где была вилия. Она уже почувствовала, что его гнев утих, и сразу вздохнула с облегчением. Ее настроение переменилось с легкостью ветра, и вот она уже осмелела и улыбнулась.

— Иуда? Может быть, я его знаю? Да, кажется, я когда-то что-то слышала об Иуде, да только забыла... Нет, не помню, не помню...

— Отец Томислав, — резко, точно хлестнув плетью, сказал Ванимен.

Она покачала головой:

— Нет... Не помню... — Вилия задумалась, сдвинув брови и подперев рукой подбородок. — Постой, кажется, что-то припоминаю... Это кто-то близкий, да? Но память о нем так далека... Где-то далеко-далеко. Ничего не слышу, не чувствую. Вот если бы ты что-нибудь о нем рассказал, тогда, наверное... Нет! — вскричала она вдруг и в страхе выставила вперед ладони, словно пытаясь укрыться от резкого ветра. Глаза вилии широко раскрылись, став совсем огромными. — Прошу тебя, не надо ничего рассказывать!

Ванимен глубоко вздохнул.

— Бедный призрак! Я верю, что ты не лжешь! Надо будет узнать, можно ли за тебя молиться.

Спустя миг к нему вернулась прежняя суровость.

— Как бы то ни было, теперь ты — соблазн для людей. Ты искушаешь их совершать прегрешения, за которые им грозит тяжкая кара, проклятие. Люди, которые два года назад начали ловить рыбу в этом озере, могут случайно увидеть, как ты витаешь в

тумане, иные же услышат твой зов. Даже если они устоят перед соблазном, они будут жестоко страдать, вспоминая твою красоту. Но людей здесь будет жить год от года все больше и они все чаще будут приходить на озеро. Отныне ты никогда не посягнешь на смертных и не будешь ловить души человеческие. Я пришел сюда, чтобы положить этому конец.

Вилии стало страшно — ведь он победил самого Водяного.

Ванимен вытащил из ножен кинжал и, взяв за клинок, поднял перед ней рукоять, имевшую вид креста.

— Ради блага того, кто крестил меня в христианскую веру, я тебя не уничтожу. — Слова падали, как мерные удары колокола. — Может случиться, что и ты когда-нибудь обретешь бессмертную душу и спасение... Но это неизвестно, несомненно лишь одно: никто больше не должен быть предан проклятию из-за тебя. Нада, ты никогда больше не соблазнишь ни одного человека. Пришел конец твоим играм и озорству, ты больше никогда не будешь поднимать ветер и сбрасывать на траву постиранное смертными женщинами белье, ты больше никогда не унесешь из колыбели ни одного младенца в то время как его мать трудится, ибо смертные женщины несут тяжкий крест.

— Я ненадолго детей уносила. Побаюкаю немного и скорей положу обратно в люльку. У меня ведь нет молока, — прошептала Нада.

Он не обратил на ее слова внимания:

— Ты больше не будешь петь песен, которые доступны слуху людей. От твоих песен люди видели во сне то, чего им лучше никогда не видеть и не знать. Пусть для детей рода человеческого — как для кровных, так и для приемных, — тебя не станет, словно и не было никогда. И не вздумай ослушаться. У меня есть средство избавить от тебя людей. Я принесу сюда полынь, запаха которой ты не выносишь, и трижды хлестну тебя ее стеблями. Если же и после этого унижения ты не покоришься, я приду сюда, получив церковное благословение, и принесу святой воды. И тогда ты отправишься в преисподнюю. Ты, порождение

шелестящей листвы, туманов и речных быстрин, будешь гореть в адском огне, который будет жечь тебя вечно. Ни одной капельки влаги, ни одной снежинки не будет в пекле, ничто не даст тебе облегчения хотя бы на миг, ты будешь обречена на вечные муки. Тебе все ясно?

— Да! — в ужасе вскрикнула вилия и бросилась прочь.

Ванимен подождал, пока она не скрылась из виду, пока не растаял последний тихий всплеск озерной воды, пока не стало казаться, что вилия сгинула в небытие.

IV

Весной, задолго до весеннего равноденствия и начала навигации, копенгагенский порт покинул корабль, взявший курс на Борнхольм. Он благополучно пересек неспокойную Балтику и подошел к гавани Сандвиг, что расположена на северном берегу Борнхольма под высокими скалами, стерегущими крепость, которая носит имя Дом Молота. Корабль встал в док, команда сошла на берег. Нанявшие корабль люди приобрели в городе лошадей и поскакали в отдаленную тихую и безлюдную бухту.

К блеклому небу поднимались темно-серые вершины с шапками снегов. Свистел ветер. Копыта звонко цокали по мерзлой земле. Громко и резко вскрикивая, над морем носились чайки. Песок был усеян побуревшими сухими водорослями, от которых пахло морем. За поросшими редкой жесткой травой дюнами тянулись болота и вересковые пустоши, среди них высились древние камни, когда-то поставленные здесь народом, который давно канул в забвение.

По воде у самого берега навстречу прибывшим шли дети Ванимена. Они были наги, лишь оружие, амулет — подарок шамана и золотые цепи составляли их наряд. Мокрые волосы Тоно блестели зеленоватым золотом, медно-рыжая грива Эяны также отливала зеленью морской воды.

Ингеборг и Нильс бросились к ним в объятия.

— Господи, помилуй, как же долго мы не виделись! — воскликнул юноша, обнимая Эяну, тогда как женщина, обхватив руками Тоно, только плакала, не в силах вымолвить ни слова.

Когда волнение немного улеглось, Тоно, не выпуская мягкой руки Ингеборг, отступил на шаг и с беспокойством оглядел свою подругу.

— Я смотрю, ты очень похорошела, — сказал он. — Конечно, ты одета в красивое платье, ты отдохнула после трудного плавания на «Хернинге», но дело не только в этом. Ты теперь преисполнилась спокойствия. Я прав?

— Да, теперь, когда ты здесь, — неуверенно ответила Ингеборг.

Тоно покачал головой.

— Я не об этом. У тебя появилась какая-то тайна. Я чувствую, что ты уже не прежнее забитое существо, постоянно ждавшее от жизни только пинков и ударов. Стало быть, твоя жизнь сложилась благополучно?

— Благодаря Нильсу.

— Вот как! А я-то думал, что это Нильс будет обязан тебе благодарностью.

Ингеборг тем временем успела заметить перемены, происшедшие в Тоно, и взгляд ее оказался более зорким, чем у принца лири.

— А тебе пришлось хлебнуть горя, — сказала она вполголоса. — Ты осунулся, похудел. И дрожишь, я чувствую. Ваши поиски оказались безуспешными?

— Они еще не закончены. Пока мы хотим немного отдохнуть. Мне тебя очень, очень не хватало. — Он снова привлек Ингеборг к себе.

Меж тем они мельком видели и то, как встретились Эяна и Нильс. После бессчетных поцелуев и объятий дочь морского царя спросила:

— Так что теперь с нашей Ирией?

— Маргретой, — поправил Нильс и горестно вздохнул. — Она теперь Маргрета, и только Маргрета. — Нильс с трудом подыскивал слова. — Нам удалось поместить ее долю сокровищ в надежное пред-

приятие. На ее имя, разумеется. Это было непросто. Чиновники учуяли золото, и мы оказались на шаг от виселицы. Тень палача преследовала нас по пятам, пока мы не покинули Ютландию. Маргрета живет теперь в хорошей семье, о ее благополучии заботятся, однако... Она признательна вам, безусловно, но... теперь она преисполнилась еще более глубокого благочестия по сравнению с тем, какой мы ее увидели при нашей первой встрече. Понимаешь, она счастлива, всем довольна, но лучше вам с нею не видеться.

Эяна вздохнула.

— Мы и не ожидали ничего другого. Эта рана уже отболела. Мы сделали для Ирии все, что было в наших силах. Так пусть отныне она будет Маргретой.

Ветер, носившийся под блеклым небом, трепал волосы Нильса. Эяна окинула юношу внимательным взглядом и спросила:

— Какое же ты теперь занимаешь положение, чего добился, каким видишь свое будущее?

— У меня все хорошо. Если ваши поиски еще не окончены, я хотел бы чем-нибудь помочь, насколько смогу. Скажи только слово. Даже если это слово предвещает разлуку с тобой навсегда.

Эяна улыбнулась и снова бросилась его целовать.

— Не будем сейчас об этом говорить. Пока вас с Ингеборг не было и делать было совершенно нечего...

По лицу Тоно Ингеборг догадалась: что-то случилось. Она поцеловала его, Тоно привлек ее к себе и вдруг засмеялся.

— ...Просто некуда деваться от скуки, — услышала Ингеборг слова Эяны. — И тогда мы построили тут недалеко за дюнами домик. Спешили, старались успеть к вашему приезду. Там можно развести огонь, и будет тепло. Куда бы нас потом ни забросила судьба, приятные воспоминания будут нас согревать.

И четверо покинули морской берег и пошли к дюнам. Нильс и Ингеборг шли впереди, дети Ванимена следом, чтобы своими телами заслонять людей от резких порывов ветра, налетавших с моря.

V

Нильсу предстояло еще многому научиться, однако он приобрел уже известную житейскую мудрость. Он завязал деловые отношения с пожилым знающим купцом. Жизненный опыт этого человека помог Нильсу разумно распорядиться денежными средствами, которые он вложил в судоторговую компанию. Через несколько лет, когда старик — компаньон Нильса почувствовал, что ему уже трудно заниматься делами, и пожелал уйти на покой, молодой хозяин единолично возглавил предприятие. К тому времени его компания уже процветала и славилась как одна из самых богатых. Она могла соперничать даже с Ганзой и не опасалась этого могущественного торгового союза. Благодаря предпринимательской деятельности у Нильса появилось много знакомых в самых различных кругах. Порой его отношения с людьми складывались весьма необычно, как, когда-то давно, когда Нильс обратился за помощью к Роскильдскому епископу. Своих братьев Нильс обеспечил, устроив их на хорошую службу, где все его родственники добились успеха, влияния и власти. Позаботился он и о матери, которая спокойно и мирно жила в собственной усадьбе, хозяйничала в саду помогала беднякам.

Если Нильс чего-то не знал, то умел найти выход из положения; если не мог чего-то добиться самостоятельно, то обращался за помощью к дельным толковым людям. Разумеется, далеко не всегда начинания Нильса сразу же шли успешно. Так было и в том деле, которое он строго хранил в тайне, ибо замысел Нильса был поистине удивительным. А задумал Нильс вот что. Тоно и Эяна сядут на корабль и поплывут к берегам Далматинской Хорватии. Когда они прибудут туда, им придется вести поиски отца на суше. Чтобы во время путешествия по незнакомой стране не возникло каких-нибудь непредвиденных осложнений, необходимо было запастись солидными рекомендательными письмами от церковных и светских властителей. Для этого следовало выдумать датчанина и датчанку и подыскать благовидный предлог, под которым эта

пара могла бы нанять судно для дальнего плавания. Нильс был настроен очень серьезно и старался обеспечить путешествие наилучшим образом. Двое датчан, решившие совершить плавание в далекую Хорватию, не должны были ни у кого вызвать даже тени подозрения. Подготовка корабля и необходимых бумаг требовала присутствия Нильса в Копенгагене на протяжении нескольких недель. Тоно и Эяна также находились в этом городе. Они должны были запомнить все советы и наставления Нильса, а кроме того, научиться вести себя в незнакомом человеческом окружении, усвоить все манеры и привычки людей.

Ни Ингеборг, ни Нильс не могли спокойно думать о том, что теперь, когда они наконец-то снова обрели своих возлюбленных, им предстоит разлука.

* * *

— Тоно, это просто чудо. Ты всегда — чудо.

Разгоряченная, с влажной кожей и растрепавшимися волосами, Ингеборг обнимала сына морского царя со всей нежностью, на какую была способна. В мягком свете восковой свечи по стенам спальной метались огромные тени.

— Люби меня так сильно, как только можешь, — прошептала она.

— Но тебе будет больно, — ответил Тоно, знавший, что унаследовал от отца сверхъестественную мужскую силу.

Ингеборг засмеялась, но смех вдруг оборвался.

— Не эта боль меня мучает.

И вдруг она замерла, затаив дыхание. Тоно почувствовал, что ее бьет дрожь.

— Что с тобой?

Ингеборг обхватила его руками, словно боясь отпустить даже на минуту, спрятала лицо у него на груди.

— Мы расстаемся — вот что меня мучает. — Ее голос дрожал. — С этой болью никакая другая не сравнится. Она как острый нож. Отдай же мне всего себя, любимый, сегодня, сейчас, пока ты еще здесь.

Помоги мне хотя бы на одну ночь забыть, что скоро ты меня покинешь. Потом, когда ты уйдешь, у меня будет достаточно времени для воспоминаний.

Тоно помрачнел.

— А мне казалось, что ты счастлива с Нильсом.

Ингеборг подняла голову. В ее полных слез глазах отражался трепещущий огонек свечи.

— О, мы с ним прекрасно ладим. Он добрый, великодушный, заботливый. И главное, у него есть дар любви. Нильс умеет любить... Но он ни в чем не может с тобой сравниться, ни в чем. Ты так прекрасен, как никто на свете. Между тобой и Нильсом пропасть. Вот, как легкое облачко, которое проплывает по небу в летний день, а ты лежишь на зеленой лужайке и любуешься им... И облако, гонимое ветром, пронизанное ослепительным солнечным светом. Не понимаю, совершенно не понимаю, как могла твоя мать расстаться с твоим отцом.

Тоно нахмурился.

— Сначала, когда он привел ее на дно моря, она была счастлива. Но с годами она стала все больше чувствовать в глубине своей бессмертной души, что в Волшебном мире она чужая. Их союз должен был неизбежно привести к гибели либо одного из них, либо обоих. Боюсь, и тебе из-за меня уже пришлось вытерпеть много горя.

— Нет! Нет, любимый. — Ингеборг села. Ее лицо было бледным, широко раскрытые глаза блестели. Она преодолела волнение. — Оглянись, погляди вокруг. Ты видишь, какой красивый у меня дом, я ем вкусные вещи, ношу дорогие наряды, с прежним грязным ремеслом покончено раз и навсегда. И все это — благодаря тебе, Тоно, все, от начала до конца — твоя заслуга.

— Вряд ли только моя. — Тоно лежал на спине и не смотрел на Ингеборг. — Но ведь ты сейчас говорила о безысходной страсти, которая, как я догадываюсь, терзает твою душу. Да, пора в путь. Хватит прохлаждаться тут без дела. Так будет лучше для тебя, Ингеборг. Хотя я буду очень скучать по тебе.

— Правда? — Ингеборг бросилась к нему в объятия. Ее волосы упали ему на грудь, словно тоже хотели отдать ему свою ласку.

— Так я все-таки тебе нравлюсь?

— Конечно, Ингеборг. — Тоно с нежностью поглядел ей в глаза. — Ты подарила мне так много, что и сама не представляешь. И потому будет лучше, если мы расстанемся, прежде чем ты будешь ранена так глубоко, что рану не исцелит даже вечность.

— Но сегодняшняя ночь принадлежит нам!

— И завтрашняя, и еще много ночей, — он привлек ее к себе.

* * *

Нильс вернулся домой из церкви. Лицо у него было хмурое. Эяна, одетая, как настоящая дама, встретила его у дверей и сразу поняла, что случилось что-то неладное. Она ласково взяла его за руку и повела в боковую комнату, где можно было спокойно поговорить, зная, что никто их не услышит.

— Какие-то неприятности? — мягко спросила Эяна.

— Мой духовник, отец Эббе, спросил сегодня, почему люди, которые гостят в моем доме, ни разу не посетили богослужение.

— О, так священнику известно, что мы живем в твоем доме?

— Конечно. А как же иначе? Соседи и слуги только и знают что сплетничать. — Нильс стоял посреди комнаты и хмуро глядел себе под ноги. — Я ему объяснил, что вы... облечены доверием некоей высокой особы, выполняете секретное поручение или задание, и поэтому, если кто-нибудь узнает вас в лицо, то может пострадать дело. Ну и пришлось пообещать, что вы найдете возможность посетить храм. Священник ни о чем больше не спрашивал, но я заметил, что лицо у него осталось озабоченным. Ясно как день: кто-то ему донес, насплетничал, что я живу с тобой, а Ингеборг с Тоно. Да еще во время Великого поста. Ни я, ни Ингеборг не исповедовались отцу Эббе. Но

на Страстной неделе нельзя не пойти к исповеди. Не исповедовавшись, не получишь Святого причастия.

— Неужели все так страшно? Ведь ты холост, а Ингеборг не замужем. Это всем известно.

Нильс посмотрел на Эяну с вымученной улыбкой.

— Конечно, ничего страшного. Дело-то житейское, такие вещи совсем не редкость. Отец Эббе велит нам сколько-то раз прочесть молитву Богородице. Он не назначит слишком уж сурового наказания, потому что знает, как много денег мы жертвуем церкви на благотворительность. Но если мы признаемся, что делим ложе с теми, кто лишь наполовину люди... И вдобавок не потому, что у нас нет выбора среди смертных женщин и мужчин, и не потому, что нас заставили силой, а... добровольно, по своему желанию. Боюсь, отец Эббе велит нам выгнать вас из дому. Если же мы ослушаемся... О спасении души после смерти, да и о спокойной жизни на этом свете, в обществе людей, не придется даже мечтать. Помимо того, если нас отлучат от церкви, мы лишимся возможности помогать вам с Тоно.

— Из этого положения есть выход. Все не так плохо, как ты думаешь, — весело сказала Эяна. — Мы примем христианскую веру, но так, чтобы наша природа при этом осталась неизменной. И потом, почему бы нам с Тоно не посетить богослужение? Мне кажется, образа и лики святых не отвернутся, если мы войдем в храм. Ты только научи нас, как вести себя в церкви.

Нильс в ужасе отшатнулся.

— Нет! Ты не понимаешь, что говоришь.

Эяна нетерпеливо тряхнула рыжими волосами.

— Ничего подобного. Ваша христианская вера меня совершенно не волнует. — Эяна нервно одернула корсаж и пробормотала какое-то проклятие. — Ах, если бы можно было сбросить вонючие шершавые тряпки и нырнуть в море!

Нильс взволнованно сказал:

— Я уже чувствую себя глубоко виноватым. Принять Святое причастие, не покаявшись до конца, скрыв грех, который отягощает мою душу... Если меня

видит сейчас Сатана, то, должно быть, адский огонь уже алчно разгорается, чтобы поглотить мою душу.

Эяна встревожилась. Подойдя к Нильсу, она взяла его за руки.

— Мы не можем допустить, чтобы с тобой случилось такое несчастье. Ни я, ни Тоно. Мы поплывем на юг сами, как раньше плавали. Отправимся завтра же, на рассвете.

— Нет, нет, — поспешно возразил Нильс, заикаясь от волнения. — Отречься от вас, моих единственных, моих любимых друзей — никогда! Останьтесь.

И, словно окрыленный близостью Эяны, он заговорил быстро и почти радостно:

— Послушай! Я могу устроить все так, чтобы мы еще до Пасхи исповедались и получили отпущение грехов. А вы уйдете в море после Пасхи. Я думаю, священник не наложит на нас с Ингеборг слишком суровую епитимию. Он же так часто говорит в своих проповедях, мол, тот, кто находится в плавании, всегда в долгу перед товарищами по плаванию.

Эяна не поняла, что он имеет в виду, и спросила:

— Предположим, что ты умер бы, не успев совершить этот обряд. Или, допустим, священник потребует, чтобы ты и Ингеборг навсегда отреклись от нас, а вы не пожелаете с нами расстаться. Что тогда? Вы будете преданы проклятию?

— Может быть, да, может быть, нет. Не знаю. Но я готов пойти на этот риск. Потом я приложу все усилия к тому, чтобы искупить прегрешение. Но я никогда не раскаюсь в том, что любил тебя.

Взгляд Нильса коснулся каждой линии, каждого изгиба высокой стройной фигуры Эяны — так вернувшийся на родину изгнанник шаг за шагом обходит свои владения.

— Я буду всегда тосковать по тебе, Эяна, во сне и наяву, каждый миг жизни, который мне еще отпущен. И... я буду молиться, чтобы смерть пришла ко мне не на земле, а в море. В твоем море, Эяна. После смерти я хочу лежать на дне моря.

Эяна обняла его за плечи.

— Ну зачем же заранее печалиться? Не надо, Нильс. У нас впереди еще столько поцелуев.

И вдруг она засмеялась:

— А до обеда-то еще далеко! Смотри, здесь есть кушетка. Давай не будем упускать того, что нам приносит течение. Не то будет поздно, начнется отлив и унесет с собой радость. А что уплывет — не воротишь.

* * *

— Хорошие новости, — сказал Нильс, обращаясь к Тоно. — Теперь вы наконец получите христианские имена.

— У нас уже есть имена, — удивленно ответил Тоно.

Они взяли лошадей и вдвоем уехали из Копенгагена, чтобы спокойно поговорить без свидетелей. Начинался чудесный весенний день, все вокруг уже ожило, зеленела молодая травка, вдали полосой тянулись леса, над ними клубилась светло-зеленая дымка только что проклюнувшейся молодой листвы. В высоком небе носились прилетевшие домой из южных стран скворцы — предвестники близкого лета и, по народному поверью, спутники удачи. Дул свежий ветер, звенящий и полный теплых весенних запахов. Подковы чмокали, увязая во влажной земле.

— Вы должны запомнить свои новые имена. Мы нарочно старались придумать такие, чтобы было легко выучить. Мне пришлось сознаться, что эти имена не настоящие. Я сказал, что вы взяли их, поскольку выполняете некое секретное поручение. Теперь мы можем действовать открыто, потому что имеем надежное прикрытие. — Нильс ухмыльнулся. — Я решил, что лучше всего будет, если мы сперва обсудим предстоящее путешествие вдвоем, ведь ты будешь главным как мужчина.

Лошадь под Тоно взвилась на дыбы. Он живо ее осадил, однако Нильс сделал другу замечание: нельзя слишком сильно натягивать поводья.

— Верховая езда — одно из искусств, которыми тебе следует владеть в совершенстве. Иначе твое ин-

когнито очень быстро разоблачат, — предостерег Нильс.

— Давай о деле, — хмуро ответил Тоно.

— Хорошо. Во-первых, почему приготовления к плаванию заняли так много времени? Прежде всего потому, что нужно было придумать такую историю, которая действительно подошла бы для вашего путешествия. Мы хотим избежать риска, нельзя, чтобы кто-нибудь, кого вы повстречаете в пути, вдруг заявил, что ему хорошо известны места, откуда вы родом, но он слыхом не слыхал о господине и госпоже имярек. Конечно, лучше всего было бы раздобыть настоящие бумаги, принадлежащие каким-нибудь людям, но это опасно. Проще оказалось разжиться фальшивыми документами. Мой помощник — хитрец, сущий пройдоха. Короче, ты отправишься в плавание под именем господина Карла Бреде, землевладельца, хозяина поместья в одном из отдаленных уголков Шонии — это датские владения на том берегу Зунда, наверное, знаешь? В Шонии большие пространства покрыты дремучими лесами, датчане туда редко приезжают. Далее. Ты не очень богат, но принадлежишь к знатному роду. Один из твоих предков был важным вельможей при дворе светлой памяти королевы Дагмары. Почившая монархиня была родом из Богемии, сто лет тому назад ее взял в жены наш король Вальдемар Победитель. Так вот, ты узнал о том, что у твоих предков были кровные родичи в Хорватии, и решил разыскать родных и восстановить с ними родственные отношения. А делается все тайно по той простой причине, что в противном случае лазутчики Ганзы непременно начнут чинить тебе препятствия и даже станут угрожать твоей жизни из опасения, что ты заведешь торговлю за пределами Датского королевства и заключишь сделки с зарубежными странами, что нанесет урон Ганзейскому торговому союзу. Конечно, всякий разумный человек поймет, что опасность, которой ты якобы подвергаешься, не столь велика, однако это достаточно веское основание, чтобы моя компания предоставила в твое распоряжение корабль с командой.

С другой стороны, я ни минуты не сомневаюсь, что ты столкнешься с любопытными людьми, которые будут стараться выведать, с каким грузом идет твое судно. На сей счет я придумал одну уловку. Я дам тебе рекомендательные письма от имени нашего короля и епископа, которым, дескать, желательно получить достоверные и полные сведения о государстве Хорватия.

Тоно захохотал, недоверчиво покачав головой.

— Клянусь моей умершей матерью, тебя, Нильс, просто не узнать! Ушам своим не верю: эдакие изящные выражения и обороты. Подумать только, это говорит простой матрос с когга «Хернинг". Нет, честное слово, этот поток красноречия сбивает с ног.

Нильс нахмурился.

— Тебе придется научиться плавать и в таких потоках, а также узнать много других вещей, которые вам пока незнакомы. Опаснее всего поддаться самообману. Это может стоить жизни и тебе, и Эяне.

Тоно сжал поводья так, что пальцы побелели.

— Да, Эяна... Под чьим именем она поедет?

— Под именем госпожи Сигрид, твоей овдовевшей сестры. Ей не нужно будет скрывать цель путешествия. Она едет в Хорватию, чтобы поклониться святым местам. В Дании паломничество госпожи Сигрид было бы немедленно предано огласке, а она не желает, чтобы суетность нанесла урон благочестивому деянию.

Тоно пристально поглядел на Нильса.

— Сестра? А почему не жена?

Нильс выдержал его взгляд, но между ними словно пролетела невидимая искра.

— Вы действительно хотели бы этого? И ты, и она?

Принц лири ничего не ответил и во весь опор поскакал вперед.

* * *

Лил проливной дождь. Он громко стучал по крышам, улицы Копенгагена превратились в ручьи и реки. В небе сверкали молнии, громыхали громовые раскаты, выл ветер.

В большой зале дома, принадлежавшего Нильсу

Йонсену, жарко топилась печь и горели свечи, освещая занавеси, деревянные панели на стенах, резную мебель. Ингеборг отпустила слуг и заперла двери. Теперь можно было без помех продолжить урок. Ингеборг учила Эяну тому, как должна вести себя знатная женщина.

— Про меня, конечно, не скажешь, что я настоящая знатная дама, однако я часто видела знатных дам и подмечала, как они держатся на людях и что говорят. Ты ведешь себя слишком уверенно.

— Какая тоска! Ты, видно, уморить меня хочешь дурацкими поучениями! — воскликнула дочь морского царя. Немного успокоившись и помолчав, она заставила себя улыбнуться.

— Прости. Ты делаешь для нас все, что только можешь, я знаю. Но здесь так жарко и душно, а эти шерстяные тряпки колются, раздражают, все тело зудит. Я просто не сдержалась.

Ингеборг несколько мгновений молча смотрела на Эяну. Слышен был лишь шум непогоды за окнами. Наконец, Ингеборг нарушила молчание:

— Такова женская доля. И ты должна стать женщиной на время вашего путешествия. Никогда не забывай, что ты такая же, как все женщины. Иначе ты погубишь Тоно.

— Хорошо. Но, может быть, хватит с нас на сегодня?

— Пожалуй, ты права. Наверное, лучше на этом закончить.

— Да, хоть немного надо передохнуть. Завтра ведь снова нырять в мир людей.

Эяна встала со своего места на скамье и, уже вполне умело расправившись с застежками и завязками, яростно швырнула на пол одежду. Затем она села и налила в свой кубок меда.

— Налить и тебе?

Ингеборг помедлила в нерешительности, потом согласилась.

— Да, спасибо. Но смотри, не опьяней. Вообще учти на будущее: допьяна пьют только потаскухи, опустившиеся неряхи и... мужчины.

— В вашем христианском мире все хорошие вещи — для мужчин?

— Нет, на самом деле это не так.

Ингеборг взяла протянутый Эяной кубок и удобно устроилась в кресле.

— Мы, женщины, понемногу учимся разным хитростям, чтобы выманить у мужчин все больше того, чем они безраздельно владеют.

— У нас в море никто ничего друг у друга не выманивает.

Эяна легко подхватила деревянную скамью, поставила напротив хозяйки дома и снова уселась.

— Видишь ли, — продолжала Ингеборг, — нас, земных женщин, отягощает грех Евы, нашей прародительницы. Сколько раз мне доводилось слышать от людей слова, которые принадлежат Господу: «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей, и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою». — Ингеборг сжала подлокотники кресла — ей не суждено рожать детей.

Ее волнение не укрылось от Эяны, и та, хоть и довольно неудачно, попыталась утешить Ингеборг:

— Тебе ведь достался более завидный удел, чем многим женщинам, правда? Жить с Нильсом любая была бы рада. Я заметила, что он всегда, в любом деле, спрашивает твоего совета. И он никогда тебя не обижает, даже в мелочах.

— Верно. И все-таки, я ведь у него на содержании. Ни одна порядочная женщина не пожелает иметь со мной дела, разве что нужда заставит. И ни один порядочный мужчина, само собой разумеется. Они вежливо здороваются со мной, все эти торговцы, капитаны, знатные господа и судовладельцы, которые приходят к Нильсу. Но на том все и кончается. О чем они говорят с Нильсом, я могу узнать от него, когда они уйдут, а могу и не узнать. Нильс очень занятой, он часто уезжает по делам. А я остаюсь одна, ведь дружбу с Нильсом мне не заменят приятельские отно-

шения с кем-нибудь из слуг. О, в моей лачужке на берегу моря мне было не так одиноко, как в этом доме. — Ингеборг через силу усмехнулась. — Эяна, тебе не дано вознести благодарственную молитву Богу, но будь рада тому, что у тебя есть.

— Так, значит, у тебя нет надежд на лучшее? — тихо спросила дочь морского царя.

Женщина вздрогнула.

— Кто знает? Я везучая. Я давным-давно уже научилась подстерегать удачу и никогда не упускать шанса, если он вдруг подвернется.

— Ты могла бы стать законной женой Нильса и...

— Нет! — Ингеборг резко выпрямилась. — Он делал мне предложение. Но я не слепая, я отлично видела, что у него гора с плеч свалилась, когда я ему отказала. Да на что ему бывшая продажная девка, у которой нет ни родственников, ни знакомых, которая даже наследника ему не родит? Нет, если Нильс на ком-нибудь женится, я просто уйду. О, все будет открыто, честно, и я знаю, он не оставит меня без своего попечения до самой смерти. Может быть, иногда мы с ним даже будем проводить ночи... в память о прошлом. И все равно, я уйду.

Ингеборг замолчала. Видно было, что она колеблется, не решаясь высказать какую-то мысль, которая ее мучала. Наконец она сказала:

— Если только Нильс вообще когда-нибудь женится. По-моему, его страсть к тебе слишком сильна. Он никогда не сможет полюбить другую. Со мной он откровенно говорит о своих чувствах, и сколько раз я утешала его, когда он плакал от тоски по тебе, Эяна. Но другая, женщина... Избавь его от этого, Эяна. Сделай что угодно, только избавь.

— Но как? Ваши нравы мне чужды. — Эяна на мгновенье задумалась. — Бессмертная душа — это главное достоинство женщины, за которое ее ценят?

Ингеборг сжалась от страха.

— Господи, прости меня, грешную. Не знаю, Эяна.

* * *

Вихрем налетела весна, и расцвели цветы, защебетали птицы. Пришла пора любви, пора радости — и разлуки. Когг «Брунгильда» поднял парус и ушел в море. Ингеборг и Нильс стояли на пристани и махали вслед кораблю, пока тот не исчез за горизонтом.

Затем Ингеборг сказала:

— Ну что ж. Пока они все еще с нами.

Нильс стоял сжав кулаки, словно ожидал нападения, и не отрываясь глядел вдаль на горизонт.

— Она обещала вернуться, — прошептал он. — В последний раз. Чтобы рассказать, как прошло плавание. Если сможет вернуться. Если не погибнет и...

— Ну а пока у тебя есть дела в торговой компании, — резко перебила Ингеборг. — А я... Я подыщу себе какое-нибудь занятие. Не здесь. Где-нибудь подальше от этих мест. Ну, хватит. Что толку стоять тут и терять время. — Она взяла Нильса под руку. — Пойдем домой.

* * *

Тоно стоял на палубе, смотрел на убегающий берег, на море с проплывавшими вдали парусниками и глубоко дышал, наслаждаясь соленым морским воздухом.

— Наконец-то мы вырвались из этого зловонного города, — сказал он. — Мы потеряли там довольно много времени впустую. Во мне даже какая-то гниль завелась.

— Думаешь, одним нам будет лучше? Они о нас заботились, — ответила Эяна.

— Верно. Они были нашей надежной опорой.

— Не только опорой. Они отдали нам часть самих себя. Кто еще пойдет на такое ради нас?

— Наши близкие, лири.

— Да, если они остались такими, какими мы их помним. Но даже если... — Эяна замолчала.

Корабль бежал вперед. Крепостные башни Копенгагена, постепенно уменьшаясь, скрылись из виду, и тогда Эяна сказала:

— У нас впереди дальнее путешествие, брат...

* * *

Шли дни и недели. Со временем матросы «Брунгильды» заметили, что пассажиры им попались необычные: что-то было в них таинственное и даже потустороннее. Господин Бреде и его сестра Сигрид разговаривали очень неохотно и явно пребывали в мрачном настроении, часами стояли на палубе и смотрели на волны или на звезды, а в остальное время запирались у себя в каютах и просили не беспокоить, запрещали даже приносить в каюты еду. Но мало того, кое-кто из команды видел, что по ночам то Карл Бреде, то его сестра выходят из каюты и спускаются за борт, в море! Но никто не видел, как они возвращаются на корабль. Судоторговец, собственник «Брунгильды» перед уходом в плавание сделал очень странное распоряжение: велел все время держать на корме спущенный в воду веревочный трап. На всякий случай, мол, если кого-нибудь вдруг смоет волной за борт. Не иначе, чудак думает, что моряки умеют плавать! Странный приказ владельца «Брунгильды», определенно, был каким-то образом связан со странным поведением пассажиров. Капитан Асберн Рибольсен строго напомнил матросам, что вошедшие в пословицу суеверия и предрассудки моряков еще никому не принесли удачи, поэтому, дескать, его матросы должны быть здравомыслящими людьми и смотреть на вещи трезво. Однако факт оставался фактом: как заметили все матросы, странная пара никогда не присутствовала на общей молитве, сославшись на то, что им якобы больше нравится молиться в одиночестве, у себя в каютах. Кому же они молятся? Среди команды пошли пересуды. Матросы заподозрили, что на корабле у них колдун и ведьма.

Но уверенности, что это действительно так, у людей не было. От Карла и Сигрид пока что никто не пострадал, никакая беда вроде бы не грозила кораблю. В то же время, когда задули встречные ветры, и позднее, когда установился мертвый штиль, подозрительные пассажиры не наколдовали хорошей погоды. Нильс Йонсен и его компаньоны имели в Копенгагене

добрую репутацию. Все знали, что они — отличные парни, которые не впутают моряков в скверную историю, связанную с нечистой силой. Нильс попросил капитана предупредить команду, что плавание предстоит совершенно особенное, более необычайное, чем любые плавания, рассказы о которых матросам когда-либо случалось слышать. Плавание будет рискованное, как игра в кости где-нибудь в портовых тавернах. Но зато Нильс выплатит щедрое, очень щедрое вознаграждение.

Таким образом, люди хоть и ломали себе головы и терялись в догадках, но в целом все шло спокойно и мирно. «Брунгильда» пересекла Северное море, прошла Английским каналом вдоль берега Британии, затем вышла в Бискайский залив и взяла курс на юг вдоль берегов Иберийского полуострова. Здесь моряки зорко смотрели вперед, опасаясь встречи с кораблями мавров — рядом была Африка. Подойдя к Геркулесовым столбам, капитан «Брунгильды» нанял лоцмана, чтобы провести корабль проливами в Средиземное море. Лоцман оказался отчаянным парнем родом с Майорки. И тут выяснилось, что Карл Бреде знает язык, на котором говорил лоцман. Где он мог выучить этот язык?

И вот, наконец, в середине лета «Брунгильда» достигла Адриатического моря и двинулась вдоль побережья Далмации на север.

VI

В Шибенике Карл и Сигрид наняли слуг и купили лошадей, чтобы ехать в Скрадин. Сотник послал к Ивану Шубичу гонца с письмом, в котором сообщал о прибытии двух чужестранцев. Получив письмо, жупан отправил из Скрадина отряд стражников, чтобы те сопровождали гостей в дороге. Кавалькада скакала по извилистой горной дороге. Яркими красками играли перья на шлемах и плащах всадников, горели на солнце доспехи, звонко цокали по камням подковы, позвякивала упряжь. На небе было ни облачка, в

теплом воздухе пахло зреющими хлебами, скошенным сеном и терпким конским потом. Справа от дороги лежали луга и нивы, слева высокой стеной стояли густые зеленые леса.

И все-таки Тоно брезгливо наморщил нос.

— Фу, пылища-то! У меня внутри сплошная пыль, как в каком-нибудь карьере, где добывают известняк. Скажи, ты действительно думаешь, что наш народ, привыкший к свежести морского воздуха, обосновался в этих землях?

Тоно говорил по-датски. Он считал этот язык более подходящим для выражения подобных мыслей и чувств, чем родной язык лири. Эяна, как и брат, скакала верхом. Услышав вопрос Тоно, она удивленно поглядела на него из-под вуали, которой были прикрыты ее рыжие волосы.

— Может быть, они поселились здесь не по своей воле, а в силу обстоятельств. Ну а что бы ты предпринял, окажись ты в их положении?

Выступая в роли человека, Тоно, как мужчина, должен был вести все переговоры с людьми и говорить на их языке. Поэтому он взял у Эяны подарок шамана Панигпака, волшебный амулет, и повесил на шею. Заметив, что чужестранец свободно владеет славянским языком, любопытные местные жители ни на минуту не оставляли Тоно в покое, и лишь теперь, в дороге, они с Эяной смогли наконец поговорить без свидетелей.

— Да, вряд ли я придумал бы что-нибудь лучшее, — согласился Тоно. — Ты, наверное, заметила, что я остерегался задавать людям много вопросов. Я расспрашивал о нашем племени очень осторожно, прежде найдя какой-нибудь благовидный предлог. Я не владею искусством вытягивать из людей что-то, о чем они не хотят говорить. Тем не менее, разговаривая с людьми, я вскользь упоминал о том, что до нас дошли известные слухи, которые меня заинтересовали. Так вот, люди избегают разговоров на эту тему. И, по-видимому, не потому что страшатся волшебных сил. Многим такая мысль, пожалуй, и в голову не

приходит. Мне кажется, они не хотят говорить, потому что подобные разговоры не одобряют здешние властители.

— Но тебе удалось что-нибудь узнать? Правда ли, что в тех местах, куда мы едем, живет племя водяных?

— Да, так говорят. И еще, как мне сказали, водяные время от времени приходят на берег по двое или по трое и плавают в море. Мы знаем, что это им жизненно необходимо, но я слышал также, что они выполняют различные поручения людей, например, находят хорошие места для рыбной ловли или помогают кораблям обходить мели. А сравнительно недавно несколько молодых мужчин из этого племени ушли в море на кораблях. Они поступили на военную службу к здешнему правителю, барону — нет, кажется, он носит какой-то другой титул, не помню какой. Здесь сейчас война. Я не понял, из-за чего она началась и кто с кем воюет. — Тоно поморщился. — Правитель Скрадина, должно быть, расскажет нам обо всем более подробно.

Эяна внимательно посмотрела на брата.

— Хоть и суровая у тебя мина, брат, а только, сдается мне, ты с нетерпением ждешь встречи с нашим племенем.

Тоно удивился.

— А ты нет? Мы разыскивали их так долго. И в этом последнем путешествии мы были одиноки, как никогда. — Голос Тоно дрогнул. Он опустил глаза.

Взгляд Эяны также стал печальным, она поспешно отвернулась.

— Да. На «Хернинге» и потом в Дании у нас были те, кто нас любил.

— Но теперь, когда мы снова будем с нашим народом...

— Поживем — увидим. — Эяна не хотела говорить о будущем. Когда начальник отряда стражников подъехал к ним и завязал почтительную приятную беседу, Тоно почувствовал облегчение.

* * *

Расстояние от Шибеника до Скрадина было невелико, но дорога шла не по прямой, а в обход лесов, и потому кавалькада прибыла в Скрадин довольно поздно. Солнце уже спустилось к самому лесу, озаряя небо над горизонтом золотым светом, на землю легли длинные синие тени, холодало. Проезжая по улице, которая вела к замку жупана, дети морского царя с живым и острым любопытством смотрели по сторонам. Дома в Скрадине были такие же, как на севере Европы: деревянные, крытые соломой или дерном, но сама постройка была здесь другой, а главное, все дома были расписаны яркими нарядными узорами. Стоявшая в конце улицы церковь с куполом-луковкой тоже была совершенно непохожей ни на один из храмов, которые Тоно и Эяна видели когда-либо раньше. Жители Скрадина сбежались поглядеть на великолепную процессию всадников. Эти люди были высокими, светловолосыми, но в отличие от датчан имели широкоскулые лица. Одежда их ничуть не напоминала платье датских крестьян, в глаза бросалось прежде всего то, что ее украшала яркая богатая вышивка. Судя по внешнему виду, жители Скрадина не голодали и не бедствовали. Заметно было также, что они не привыкли рабски пресмыкаться перед стражниками. Напротив, появление военного отряда на улице люди встретили радостно — мужчины весело приветствовали всадников, женщины стояли поодаль и держались скромно. Иные из них продолжали заниматься своими делами, и, как видно, труд их был более тяжелым, чем та работа, которую обычно выполняют женщины в стране, откуда пришла «Брунгильда».

И вдруг Тоно подался вперед в седле. Он пристально смотрел на одну из крестьянок. Голова у нее была повязана платком, но из-под платка выбилась на лоб прядь волос зеленого цвета. Длинная юбка не закрывала босых ног с перепонками между пальцами.

— Рэкси! — крикнул Тоно и натянул поводья, останавливая коня.

— Тоно? Это ты, Тоно? — радостно воскликнула

Рэкси на языке лири. Но вдруг девушка попятилась, несколько раз быстро перекрестилась и торопливо заговорила на языке хорватов: — Нет, нет, нет! Господи, помилуй, нельзя мне, нельзя... Матерь Божия, спаси и сохрани...

И Рэкси бросилась бежать куда-то прямо через поле, ни разу не оглянувшись. Тоно приподнялся в седле и сделал было движение, чтобы соскочить с коня и побежать вдогонку за Рэкси, но Эяна схватила его за пояс.

— Никаких глупостей! — резко сказала она.

Тоно опомнился, глубоко вздохнул и, успокоившись, пустил коня вперед.

— Да уж, поглядеть на них, так перепугаешься, — сказал начальник стражи. — Но, право, не стоит их бояться. Они теперь стали добрыми христианами и верными подданными нашего королевства. Живут с нами, как хорошие соседи. Я, знаете ли, подумываю даже, не выдать ли дочку замуж за какого-нибудь парня из их рода.

* * *

Рядом с Иваном Шубичем, вышедшим встретить гостей, стоял священник. Но это был не капеллан замка, а седой старик с простым широким лицом, облаченный в грубую домотканую рясу. Жупан представил его, назвав отцом Томиславом. Пока шли приготовления к ужину, госпожа Сигрид удалилась немного отдохнуть в отведенных ей покоях, а жупан и священник выразили желание побеседовать с ее братом Карлом Бреде.

Они поднялись на самый верх сторожевой башни, откуда открывался великолепный вид на окрестности. Солнце уже опустилось за лес, за стеной которого лежало не видимое сейчас озеро. По темно-лиловому небу носились стрижи, со свистом рассекавшие крыльями воздух, и бесшумно кружили над башней летучие мыши. Над полями клубился редкий синеватый туман. Под стенами поблескивала в сумраке река, на севере

и северо-востоке поднимались к небу вершины горного кряжа Свилая Планина. Все дышало покоем и миром.

Обезображенные сабельным шрамом черты лица Ивана Шубича в вечерних сумерках казались более мягкими, но голос жупана был зато твердым как сталь, когда, покончив с приветствиями и любезностями, он сказал:

— Господарь Бреде, я попросил отца Томислава приехать для встречи с вами, потому что он как никто другой хорошо знает водяных. Возможно, он узнал их даже лучше, чем они сами себя знают.

Из полученного мною письма я заключил, что вас чрезвычайно интересуют наши водяные.

— Весьма признателен вам за эту любезность, — непринужденно ответил Тоно и пригубил вина. — Но, помилуйте, стоило ли так беспокоиться и хлопотать из-за меня? Впрочем, примите мою глубочайшую благодарность.

— Нет такой услуги, которую я не оказал бы знатному чужеземному гостю, прибывшему в наше королевство, дабы установить с нами добрые отношения. Однако я надеюсь, господарь Бреде, что вы не скроете — если, конечно, это не нанесет ущерба вашим замыслам, — почему вас так сильно занимают водяные? — И вдруг Иван словно рубанул саблей: — Не сомневаюсь, что вы приехали в нашу глушь только из-за водяных.

Тоно неторопливо положил ладонь на рукоять своего кинжала.

— Дело в том, что в морях Севера, откуда я родом, обитают водяные, которые похожи на ваших.

— Ха! Перестаньте-ка болтать чепуху! — загремел бас Томислава. — Иван, ты ведешь себя отвратительно. Если подозреваешь, что гость — лазутчик венецианцев, то так и скажи напрямик, как подобает честному человеку.

— О нет, ничего подобного! — поспешно возразил жупан. — Видите ли, нынче у нас возобновилась война с Венецией. В последние два года мы нередко сталкивались с подобными незваными гостями. Долг повелевает мне соблюдать осторожность, господарь

Бреде. А если уж говорить начистоту, то как из вашего письма, так и из ваших слов явствует, что раньше вы не были знакомы с вашей хорватской родней — тогда откуда же столь превосходное знание нашего языка?

— Неужто этого достаточно, чтобы видеть в госте врага? — снова вмешался священник. — Сам посуди, Иван, ведь никто из водяных не принес нам несчатья, напротив, они же нам служат! И Господь увидел, сколь многие в нашей земле обратились в истинную веру, и возрадовался, и одарил наш край Своею милостью...

Последние слова отец Томислав произнес тихо, почти шепотом, прерывающимся голосом, в котором слышались сдержанные слезы. Тоно заметил, что глаза старика повлажнели. Но спустя миг лицо священника снова посветлело от какой-то сокровенной радости, и он сказал:

— Иван, если желаешь иметь свидетельство Господней милости, вспомни о том, что вилия покинула наши края. Нынешней весной она не поднялась со дна озера, в лесу ее нет, никто и следа не видел. Если... Если только вилия... действительно была призраком... Призраком самоубийцы, осужденной Господом... Если это так, то, должно быть, Всевышний сжалился над нею и взял к Себе на небо, в рай. Ибо обращение морского народа в христианскую веру есть великая радость для Господа Бога нашего...

У Тоно сжалось сердце. С трудом переводя дыхание, он спросил:

— Стало быть, то, что я слышал от людей, правда? Водяные обратились в христианскую веру и полностью утратили память о своем прошлом?

— Не совсем так, — ответил священник. — Они удостоились особой милости Всевышнего. У них остались воспоминания о прежней жизни, они сохранили все свои знания и навыки. Сегодня они применяют свои поистине удивительные умения на благо земляков. Это долгая, но чудесная история.

— Я... хотел бы ее услышать.

Люди некоторое время молча глядели на своего

гостя. Взгляд Ивана стал менее недоверчивым, глаза Томислава светились добротой. Молчание нарушил жупан:

— Хорошо. Мне кажется, нет причин держать в тайне от вас эту историю. Я думаю, вы и сами уже о многом догадались. Кроме того, у вас, наверное, есть известные основания, побудившие вас приехать сюда. Вы не расположены о них говорить — это ваше право. Смею надеяться, ваши основания достаточно серьезны.

— Более чем серьезны, — добавил отец Томислав. — Андрей — раньше его звали Ванименом — рассказывал мне о своих детях, которые отстали в пути... Карл, вам незачем говорить нам более того, что вы сочтете нужным. Позвольте вас заверить, мы ваши друзья. Выслушайте мой рассказ и спрашивайте о чем только пожелаете.

* * *

На суше, как и в воде, Тоно, когда было нужно, умел двигаться легко и совершенно бесшумно. Никто не слышал и не видел, как он выскользнул из комнаты, которую предоставил ему хозяин замка, прошел через галерею, спустился по лестнице, пересек дремавший в ночной темноте двор и вышел через незапертые ворота, возле которых, опершись на свои копья, спали два стражника. Лишь очутившись за пределами Скрадина, Тоно выпрямился во весь рост. Когда он шел по улице, в домах никто не проснулся, и ни один дворовый пес не посмел залаять, учуяв необычный запах позднего прохожего. Небо было чистое, усыпанное звездами. Ночная свежесть и прохлада прогнали запахи человеческого жилья, и Тоно жадно вдыхал запах, которого ему давно не хватало, — запах чистых незамутненных вод, более просторных и глубоких, чем любая церковная купель.

Многие из его сородичей жили теперь в домах людей. Он прошел мимо этих домов не задерживаясь. Не зашел он и в маленький поселок на берегу реки, где жили те соплеменники, которые стали рыбаками и обзавелись семьями, породнившись с детьми праотца

Адама. На дальней окраине Скрадина стояло несколько маленьких домиков с желтыми стенами из свежих бревен. Эти дома недавно построили для тех новообращенных христиан, которые предпочли берегу реки поселок. Здесь жили в основном... да, женщины, разумеется, теперь они смертные женщины, которые помня о добродетели, не должны позволять себе никаких любовных приключений.

Внимание Тоно привлек знакомый запах чистого юного тела. Он постучал в дверь. Те, кто жили в доме, сохранили чуткий слух, свойственный волшебным существам. Раздался голос:

— Кто там? Что нужно?

— Тоно. Сын Ванимена. Впусти меня, Рэкси. В Лири мы любили друг друга.

За дверью послышался шепот, шорохи, шлепанье босых ног по полу. Время тянулось бесконечно долго, но наконец щелкнула щеколда, отодвинулся засов — дверь растворилась. На пороге стояли двое. На них были ночные сорочки, и все же Тоно сразу узнал обеих. Это были Рэкси, самая легкомысленная девушка во всем племени лири, и худенькая Миива с голубыми волосами, верная подруга отца.

Тоно улыбнулся и шагнул вперед, чтобы обнять их. Девушка ахнула и в страхе отшатнулась, закрыв лицо руками. Старшая держалась спокойно, однако обратилась к Тоно, словно бы преодолевая какое-то внутреннее сопротивление:

— Добро пожаловать, Тоно. Мы рады, что вы с Эяной живы и наконец нашли нас... Но ты должен прикрыть наготу.

Встав среди ночи с постели, Тоно и не подумал, что надо одеться. Он, как раньше, только перепоясался поясом с кинжалом, да еще амулет — костяной кружок на шнурке висел у него на шее. Слова Миивы смутили и испугали Тоно.

— Зачем? Мы же одни, Миива. А вы не раз видели меня голым.

— Я больше не Миива. И она, моя сестра во Христе, уже не Рэкси. Я теперь Елена, она — Бисерка. —

Женщина отвернулась. — Подожди здесь. Дам тебе что-нибудь из одежды. — Дверь захлопнулась.

Спустя недолгое время дверь чуть приоткрылась, и сквозь щель женщина протянула ему какие-то тряпки. Тоно обернул их вокруг бедер и вдруг с ужасом узнал их запах: эти вещи носил его отец. Затем Миива-Елена впустила его в дом. Потолок был таким низким, что Тоно пришлось нагнуться, иначе он ударился бы головой о притолоку. От слабо теплившегося в очаге огня Миива зажгла светильник — глиняную плошку, наполненную маслом.

— Так-то лучше, — сказала она, потрепав Тоно по плечу. — Не огорчайся, с кем не бывает! Ты теперь всему должен учиться заново. Садись, друг мой, позволь поднести тебе чарку.

Все еще не пришедший в себя от изумления Тоно опустился на деревянную лавку. Бисерка забилась в дальний угол горницы и смотрела на Тоно — как? со страхом? с грустью? Он не мог понять, какие чувства девушка испытывала в эту минуту, но слышал ее взволнованное дыхание.

— Почему ты поселилась вместе с нею? — спросил он Елену.

— Андрей, твой отец и мой муж, ушел на войну. Вот я и пригласила Бисерку пожить в нашем доме, чтобы соблюсти приличия, да и помогать друг другу нужно. Она не замужем и... — Былая искренность между ними исчезла, и потому Елена не без смущения призналась, в чем было дело: — Она живет в хорошей семье, здесь по соседству. Но старший сын хозяина начал на нее заглядываться, а это до добра не доводит.

— Рэкси, и это — ты? — невольно вырвалось у Тоно. — Вот тебе раз, а я-то к тебе первой решил прийти нынче ночью.

Елена вздохнула. Даже в тусклом желтоватом свете масляной лампы было видно, что она густо покраснела.

— Понимаю... Да помогут мне святые угодники не забывать, кто ты, и не стыдить тебя, но попытаться наставить на праведный путь.

Елена разлила мед по чаркам и поднесла одну из них Тоно.

— Отвергни плотские вожделения, Тоно, — сказала она, оставшись стоять. — Здесь не Лири, и мы, слава Богу, уже не те, что были когда-то.

— О, здесь есть блудницы, — прошептала Бисерка, перекрестившись. И тут же снова сжалась в комок и быстро добавила: — Не спрашивай, где они живут.

— Но среди нас, тех, кто был народом лири, ты не найдешь ни одной недостойной женщины, — сказала Елена, гордо вскинув голову. — Мы заново родились на свет. О, как я молилась, чтобы никогда никто из нашего рода не осквернил бы чистоту своей души, которую даровал нам Господь!

Елена помолчала, задумчиво глядя на Тоно, и добавила:

— Боюсь, это может случиться. Быть уверенным, что ведешь жизнь праведника — уже само по себе смертный грех, гордыня. Но с нами милость Господня, мы можем покаяться и искупить наши прегрешения. — Взгляд Елены вдруг стал острым и больно кольнул Тоно. — Тот, кому вздумается соблазнять нас, должен помнить, что мы прекрасно владеем оружием.

— Значит, вы помните свою прежнюю жизнь?

Елена кивнула.

— Помним, хотя все как бы окутано туманом, все — чужое, будто сон, долгий и яркий, но бессвязный. Теперь мы пробудились, пойми, Тоно. Приняв крещение мы пробудились от наполовину животного существования к новой жизни, вечной жизни. — И вдруг она, когда-то такая же сильная, как Ванимен, заплакала: — Это мгновенье, самое первое мгновенье обретения Бога... Только об одном я мечтаю, только одного хочу — чтобы этот миг вернулся ко мне на Небесах и длился вечно...

* * *

Полная луна уже озаряла небосвод на востоке, когда Тоно достиг леса. Он быстро добрался до опушки, так как бежал кратчайшим путем через возделан-

ные поля. Колосья хлестали его в отместку за то, что он топтал ниву. Стоял поздний ночной час, когда он наконец вырвался на свободу, сбросил у дверей дома Елены одежду, принадлежащую отцу, и побежал прочь не разбирая дороги.

Нет, женщины его не прокляли. В их мольбах была любовь и горячее желание, чтобы и он принял в дар бессмертную душу. И дело было не в том, что с Миивой и Рэкси произошла столь разительная перемена, и не в том, что их плоть, когда-то дарившая радость, теперь заключала в себе нечто более чуждое, чем то, что разделяло его и людей, кровных детей рода человеческого. «Нет, — в смятении думал Тоно, — дело в другом. Они теперь несут гибель. Им принадлежит будущее, в котором нет места волшебству». Бросившись бежать, он даже не пытался преодолеть охватившее его чувство безнадежного поражения. Он хотел одного — скрыться. Но звезды холодно глядели с неба и злобно шипели: «Бежишь, уходишь? Не уйдешь, вон следы, по ним тебя разыщут!»

Он задыхался, в горле пересохло. Но вот наконец убежище. Могучий старый дуб с густой темной кроной. На его ветвях повисла омела. Отдышавшись под прикрытием темной дубовой листвы, он двинулся дальше, спеша скорей выйти к озеру, которое почуял еще издалека. Скорей бы окунуться в его воды, наполнить чистой озерной водой легкие, сосуды, все тело, поймать, если повезет, рыбу и съесть ее сырой, как едят моржи и тюлени. И тогда он снова обретет силы, которые нужны ему чтобы вернуться в замок и вытерпеть все, что еще ожидает его среди людей.

Деревья стояли черные в ночной тьме. По обеим сторонам тропинки притаились темные тени. Тусклые блики лунного света падали сквозь листву, и в них белели волны тумана, который плыл над самой землей. Здесь, под пологом дремучего леса, было немного теплее, чем в открытых полях, от земли и травы поднималось влажное тепло. Листва робко трепетала, чуть слышно шелестел слабый ветерок, пролетела, словно призрак, сова. В траве шуршали чьи-то крохотные лапки, издалека вдруг донесся вой дикой

кошки, но этот звук тут же растаял в шелесте листвы.

К Тоно постепенно возвращался покой. Лес был островком его мира — мира нетронутой природы. Этот мир жил своей жизнью, любил и убивал, рождал потомство, страдал, умирал и вновь рождался, в этом мире были удивительные чудеса, но никто в нем не пытался творить чудеса после ухода в небытие или заглянуть в бездны вечности. Здесь, в лесу еще жило волшебство... Тоно мысленно обратился к духу, заключенному в костяном амулете, и тот сообщил его сознанию имена, которые показались Тоно давно знакомыми: Леший, Кикимора. Напуганные его вторжением, они скрылись. Но он чувствовал еще чье-то присутствие. Чье? Он уловил и то чувство, которое внушил неведомому существу, — смешанное чувство страха и острого любопытства. У Тоно сильно забилось сердце, он ускорил шаг.

Тропинка обогнула камыши — и тут они увидели друг друга.

На мгновенье оба замерли. Время словно остановилось. В ночном мраке, в котором глаза человека ничего не смогли бы различить, они увидели друг друга — две светлые тени среди более темных теней со множеством полутонов и оттенков. Они словно вынырнули внезапно из тумана, колыхавшегося над землей. Она была светлее тумана, казалось, лунный свет льется сквозь тонкие белые стенки алебастрового светильника с прихотливыми изысканными линиями. Ее движения напоминали трепещущую рябь, что набегает под ветром на зеркало вод. Текучими и плавными были линии ее стана и тонкие черты лица с огромными светящимися глазами. Волосы парили легким облаком над ее плечами. Она была светлой, призрачно-белой с легкими оттенками бледно-голубого и бледно-розового, как снег на рассвете безоблачного дня.

— О... Он запретил мне... — Она задрожала от ужаса.

И в тот же миг ужас охватил Тоно. Он вспомнил то, о чем накануне ему рассказали люди, вспомнил и рассказы отца.

— Русалка!

Тоно выхватил кинжал из ножен. Она внушала ему такой страх, что он не осмелился повернуться к ней спиной и броситься бежать.

Она попятилась и скрылась за камышами. Тоно подумал, что она ушла, и вложил кинжал в ножны. Но чутье говорило ему, что она все еще здесь. Нечто неуловимо тонкое, дразнящее витало в воздухе. Тоно почти ничего не знал о подобных волшебных существах. Быть может, их следы долго не исчезают. Или она все еще здесь?

Да ведь у него есть волшебный талисман, который поможет ему узнать, что на уме у русалки. Он мысленно обратился к талисману с вопросом о той, кого только что видел. Ответ пришел, и страх ослабил свою железную хватку.

— Вилия, не уходи. Прошу тебя, останься, — сказал Тоно.

Она выглянула из-за камышей и снова скрылась. Тоно успел разглядеть лишь краешек щеки и тонкую руку.

— Ты христианин? — робко спросила вилия. — Мне запретили приближаться к христианам.

Она не опасна! И кажется, красива. Тоно засмеялся.

— Я даже не смертный. Не человек.

Она вышла из-за камышей и остановилась перед Тоно на расстоянии вытянутой руки.

— А я думала, что ошиблась, — взволнованно сказала вилия. — Так ты не откажешься со мной поговорить? — Она весело засмеялась, даже запела от радости. — Ах, это чудесно, чудесно! Спасибо тебе. Как тебя зовут? Кто ты?

Тоно пришлось призвать на помощь все свое мужество.

— Мое имя Тоно. По крови я наполовину человек, наполовину водяной. Из тех водяных, что живут в морях. Я, как и ты, принадлежу к Волшебному миру.

— А я... — Она запнулась и помедлила в нерешительности. Ей понадобилось еще больше времени, чем Тоно, чтобы собраться с силами и ответить: — Мне

кажется, что раньше меня звали Надой. Наверное, и теперь мое имя Нада.

Тоно протянул ей руку. Нада легко качнулась вперед, они взялись за руки. Ладони у нее были прохладными, как ночная свежесть, и словно бы бесплотными. Тоно подумал, что если бы он крепко сжал ее руку, то пальцы, наверное, прошли бы насквозь и сжались в кулак. И он с величайшей осторожностью держал ее пальчики в своих вдруг задрожавших руках.

— Кто ты? — спросил он. Ему хотелось, чтобы она сама рассказала о себе.

— Вилия. Порождение тумана, ветра и полузабытых снов. Как я рада, что ты ко мне добр, Тоно!

Он попытался привлечь к себе вилию, но она вздрогнула, с легкостью упорхнула и затрепетала чуть в стороне, на таком расстоянии, что он не мог ее схватить. На ее лице, которое только что было совсем юным, а теперь вдруг словно в один миг постарело, промелькнуло выражение страха и огорчения.

— Нет, Тоно, умоляю! Ради тебя, только ради тебя. Ведь я не из мира живых. Ты умрешь, если овладеешь мною.

Тоно вспомнил о рыцаре Аге, который встал из могилы, желая утешить свою возлюбленную Эльзу, и о страшной развязке, которой закончилось их свидание. Вздрогнув от ужаса, он сделал шаг назад. Вилия заметила это. И тут страх одиночества победил все прочие страхи. Она выпрямилась, гордо подняв голову. Над ключицами у нее была прелестная ямочка.

— Зачем же убегать, Тоно? — сказала она с дрожащей улыбкой. — Разве нельзя просто о чем-нибудь поговорить?

Они говорили всю ночь до утренней зари.

VII

Андрей Шубич, тот, кто когда-то был Ванименом, морским царем, а ныне стал капитаном военного флота объединенного королевства хорватов и венгров, отвел взгляд от окна, из которого открывался вид на

Шибеник. Андрей стоял в одной из великолепных зал дворца хорватского бана. Он прибыл в резиденцию, оставив боевой корабль, поскольку был вызван жупаном Иваном Шубичем. Отец и дочь увиделись под вечер. Над крепостными стенами Шибеника поднимались мощные башни, черные на фоне закатного неба. Зазвонили церковные колокола, призывавшие христиан к вечерне. Андрей перекрестился и вздохнул.

— Итак, теперь мы с тобой знаем обо всем, что пережили за это долгое время, — сказал он. — Но истину ли знаем?

Высокий и осанистый, одетый в шитый золотом кафтан, Андрей уверенным твердым шагом расхаживал по залу. Однако в голосе его не было той невозмутимой уверенности, что чувствовалась в его осанке.

— Почему же Тоно не хочет пройти эти несколько шагов, почему не хочет увидеться с родным отцом?

Эяна сидела в кресле, опустив глаза и глядя на подол платья.

— Не знаю. Правда, не знаю. Он сказал, что это не имеет смысла. Что ты ему больше не отец. Он вообще почти ни с кем не разговаривает с тех пор, как мы приехали сюда. Молчит. Что-то жестоко его мучает, но он молчит.

— И даже с тобой не хочет поговорить?

— Даже со мной. — Эяна сжала кулаки. — Знаешь, по-моему, он возненавидел христиан. Потому и ожесточился.

Андрей внешне остался спокойным, но голос его надломился:

— Может быть, его или тебя здесь обидели?

Эяна тряхнула рыжими волосами и, подняв голову, прямо поглядела в глаза отцу.

— О нет. Ничего подобного не было. Мы быстро сознались Ивану, что лгали. Ведь многие наши нас узнали, дольше сохранять инкогнито было бы невозможно. Иван не обиделся. Наоборот, он принимает нас еще радушнее, несмотря на то что капеллан замка, кажется, так бы и перегрыз ему горло. Это капеллан вне себя от негодования. Он считает, что под крышей замка жупана не место таким тварям, как мы с Тоно.

Иван делает все, что в его власти, чтобы молва о том, кто мы такие, не разнеслась за пределы города. Он хочет, чтобы мы, если пожелаем, могли беспрепятственно покинуть это королевство и уплыть в Данию.

— Вместе с тем, Иван, конечно же, надеется, что и вы примете христианскую веру.

— Да. Но он не оказывает на нас давления и не позволяет отцу Петру досаждать нам разговорами о вере. — Эяна чуть-чуть улыбнулась. — Мне гораздо больше нравится отец Томислав. Я всегда так радуюсь, когда нам с ним случается побеседовать. Он очень, очень славный. Даже Тоно с ним почтителен.

Видимо, Эяну вдруг поразила какая-то мысль:

— В его отношении к отцу Томиславу есть что-то странное... Что-то такое... Или — кто-то? Одно совершенно ясно — Тоно очень добр к старику, он с ним разговаривает мягко, как обычно говорят с тем, кто скоро умрет, но еще не знает об этом.

— Чем занимался Тоно после приезда сюда? И ты, что ты делала?

Эяна пожала плечами.

— Раз уж стало известно, что я тоже из племени лири, то мне ни к чему строго соблюдать всякие приличия, как хорватским женщинам. Я могу плавать в реке, гулять по лесу, нужно только, чтобы никто из людей меня в это время не видел. А у них на глазах, конечно, разумнее всего продолжать разыгрывать из себя важную даму. Сейчас я почти целыми днями занимаюсь славянским языком. Амулет ведь Тоно забрал, носит с собой. Еще мы часто поем песни с девушками служанками. Жена Ивана иногда приходит посидеть с нами, послушать песни. И Лука, их сын. — Тут она состроила гримасу. — Боюсь, он не в меру мной восхищается. Я, сама того не желая, могу навлечь несчастье на их семью.

— Где и с кем проводит время Тоно?

— Откуда мне знать? — резко ответила Эяна. — Целыми днями, а в последне время и по ночам, пропадает где-то в лесу. Когда возвращается, только и огрызается, дескать, он охотился. С людьми держится надменно, еле разговаривает. По-моему, он возненавидел веру, которую приняло наше племя, за то, что,

приняв ее, все наши изменились. Поэтому он и меня избегает.

— Вот как... — Андрей оперся подбородком на руку и долгое время молча смотрел на дочь. — Может быть, у него завелась подружка, которая живет где-нибудь в округе, в уединенной хижине? Я понимаю, что ни ты, ни он здесь в Скрадине не найдете себе пару.

— Конечно, только не здесь, — быстро ответила Эяна.

— А ночью в одинокой постели тоскливо. О, я помню... Если он не подружился с какой-нибудь смертной девушкой, значит, нашел себе кого-то другого. Тут кругом обитает множество волшебных созданий.

И вдруг Андрей осознал, как далеко зашел в своих рассуждениях.

— Оборони, Господь! — воскликнул он и перекрестился.

Эяна удивилась:

— А что же тут плохого? Ну, полюбит он призрак — у Тоно же нет души.

— Я не хочу, чтобы моего сына заманил в свои сети демон или призрак. Тоно может погибнуть, прежде чем обретет спасение. И ты, доченька, можешь умереть. — Андрей пристально поглядел ей в глаза. Эяна молчала.

— Как ты намерена жить дальше? — спросил он.

— Не знаю, — с горечью ответила Эяна. — Тоно меня избегает, с ним не поговоришь. Мы обещали нашим друзьям, что вернемся в Данию, как только предоставится возможность. А куда потом? В Гренландию, наверное.

— Это далеко не лучшее место на свете. Ты же повидала многие прекрасные земли. Знаешь, дочка, Лука Шубич, пожалуй, мог бы стать снисходительным супругом, — неуверенно сказал Андрей.

Эяна вздрогнула.

— Я не потерплю, чтобы меня связали по рукам и ногам всякими запретами.

— Безусловно, в Дании тебе будет привольнее. Мне нравится этот Нильс Йонсен. Судя по тому, что ты о

нем рассказала, он хороший человек. Прими христианство, обвенчайся с Нильсом и живи счастливо.

— Принять христианство? Стать такой же, как ты?

— Да. Приняв христианство, ты через несколько десятков лет состаришься и умрешь, и всю жизнь проживешь в целомудрии и благочестии. Но твою жизнь благословит Бог, и ты пребудешь с Богом после смерти. Лишь согласившись принять христианство, ты сможешь оценить, сколь неизмеримо великое благо дарует тебе Господь. — Во взгляде Андрея было не менее настойчивое увещание, чем в его словах. — Я понимаю, ты боишься потерять свободу. Ты думаешь, что лучше вообще не жить, чем жить, лишившись свободы. Клянусь тебе — не именем Всевышнего, нет, — клянусь любовью к твоей матери и любовью к тебе, дочери Агнеты, любовью, которая никогда не иссякнет в моем сердце: став христианкой, ты обретешь свободу. Ты словно из холода зимней ночи войдешь в теплый дом и сядешь у горящего очага, возле которого собрались и ждут тебя те, кого ты любишь больше всех на свете, радостные, веселые, любящие тебя.

— И где не светят звезды над головой, где не гуляет на просторе ветер!

— Волшебный мир был по-своему прекрасен. Но его красота уходит от нас, уже сегодня уходит. Неужели у тебя не хватает ума добровольно отказаться от того, что так или иначе исчезнет? Эяна, дитя мое, пожалей себя. Ведь это так больно — своими глазами увидеть гибель нашего Волшебного мира. А он погибнет, расколется на множество осколков под беспощадными ударами, и каждый удар будет поражать тебя, словно кинжалом, прямо в сердце. Поверь мне, Волшебный мир обречен, гибель его близка. Катастрофа, постигшая наш Лири, была лишь прологом трагедии, которая разыграется во всем Волшебном мире. Магия умирает, ей нет больше места в Творении. Меня убедил в этом один мудрый человек, и я, в свою очередь, могу объяснить тебе, почему гибель Волшебного мира неизбежна. Мне больно говорить об этом, каждое слово причиняет боль, как при разлуке, когда ты осталась

бы здесь, на земле, а мне пришлось бы вернуться в море. Пожалей и тех, кто заботится о твоем благе, как о своем. Покинь Волшебный мир. В нем ты не будешь счастлива, как бы ни боролась за счастье. Прими любовь Бога и искреннюю любовь Нильса, а в будущем и любовь детей, которых ему родишь. И все мы после смерти вновь свидимся на Небесах.

Андрей умолк. Потом, глядя вдаль на что-то видимое лишь ему, тихо сказал:

— И Агнета будет с нами...

«Как отец похож на Тоно», — подумала Эяна.

* * *

Летом, когда деревья оделись листвой и яркий свет солнца уже не проникал сквозь зеленые своды, вилия смогла выходить на берег озера не только в сумерках, но и днем. Нада порхала по лесу, то словно танцуя, то взмывая над землей, вихрем кружились ее развевающиеся волосы. Она резвилась в зарослях, перелетала над лежавшими на земле старыми стволами, вдруг легко оторвавшись от земли, повисала на ветке, раскачивалась на ней, как на качелях, и летела дальше. Среди деревьев разносился ее смех:

— Догоняй, догоняй, увалень!

Светлой полупрозрачной тенью Нада мелькала среди зелени.

Тоно остановился, нужно было отдышаться и оглядеться по сторонам, потому что он потерял ее след. И тут она, подкравшись сзади, закрыла ему глаза ладонями, быстро поцеловала в затылок и упорхнула. Ладони и губы Нады были прохладными, но ее прикосновение обожгло Тоно. Он снова бросился вдогонку. Нада была невидима и, кружа под деревьями, поднимала легкий ветер, который сбивал с толку и морочил Тоно.

В конце концов он выбился из сил и остановился возле маленького пруда. Вода в нем была темно-бурая, берега поросли изумрудно-зеленым мхом. Вокруг стеной стоял лес — могучие дубы, стройные березы, темно-зеленые кусты можжевельника. Над прудом голубело небо, солнечные блики плясали в сочной зелени

листвы. Среди ветвей летали стрекозы. Здесь было тепло, в воздухе разливался густой пряный аромат лета. Зацокала и быстро пробежала вверх по стволу белка, и снова все стихло, ничто не нарушало величественного безмолвия леса.

— Ау! — позвал Тоно. — Ты меня совсем загнала!

Свод ветвей откликнулся эхом. Тоно отер со лба пот, заливавший глаза и оставлявший соль на губах, бросился вниз головой в пруд и утолил жажду. Вода была холодная, с привкусом железа.

И тут послышался смешок:

— В какой красивой лодке ты лежишь!

Тоно перевернулся на спину и увидел вилию. Оказывается, она сидела на низкой ветви дуба совсем рядом и задорно болтала ногами. Покачиваясь на ветке, она то поднималась к лучам солнечного света, которые заливали ее тусклым золотом, то снова уходила в тень и казалась бледным белым виденьем.

— Спускайся, садись в лодку, если не боишься.

— Э, нет, не спущусь. Знаю я тебя, ты обманщик. На самом-то деле ты другого хочешь.

— Чего же?

— Ну ясно чего: баюкать меня, да баловать, и еще — это лучше всего — целовать.

Нада спрыгнула, вернее, спорхнула с ветки на землю. Под деревьями росла черника. Она набрала полные пригоршни ягод и, подойдя на край бережка, опустилась на колени рядом с Тоно.

— Бедненький, ты и правда устал, — сказала она. — И мокрый весь, и ноги, поди, подгибаются от усталости. Дай-ка я тебя покормлю, глядишь, снова сил наберешься.

Сама же Нада ничуть не устала, ни капельки испарины не выступило на ее лице. В любой момент она была готова вспорхнуть и броситься наутек. Тоно чувствовал утомление и сонливость, она же оставалась бодрой и свежей, и не съела ни одной ягодки, а все до одной положила в рот Тоно. Никогда в жизни он не едал ничего вкуснее.

— Просто объеденье, спасибо, — сказал он. — Но если я останусь в лесу, мне потребуется более суще-

ственная пища. Надо будет наловить рыбы или выследить с твоей помощью оленя.

Ее лицо болезненно исказилось.

— Не выношу, когда ты убиваешь.

— Приходится.

— Да, конечно... Ты — как большая красивая рысь. — Она снова повеселела и легко провела пальцами по его плечу и руке. Он ответил на ее ласку нежно — обнять ее страстно он не мог, для этого Нада была слишком хрупкой, почти бесплотной, и Тоно легко прикасался к ее мягкому гибкому телу. Она не осталась безучастной, но в ней не было тепла — Тоно казалось, будто он притрагивается к белым пушинкам одуванчика. Из чего было ее тело? Ни он, ни сама вилия этого не знали. Кости Нады, дочери сельского священника, покоились на кладбище в Шибенике. Душа девушки переселилась в плоть, сотканную, должно быть, из лунного света и мерцающих текучих вод. Совершившую грех самоубийства постигла не слишком суровая кара.

«И все же она предана проклятию, — подумал Тоно, — а этого вполне достаточно, чтобы я, соединившись с ней, погиб».

— Ты грустишь? Ах, не грусти, пожалуйста, — встревожилась Нада.

Он с трудом отвел от нее взгляд.

— Прости. я знаю, мое плохое настроение тебя огорчает. Может быть, лучше тебе убежать до того, как я снова наберусь сил?

— И бросить тебя тут одного? Нет. — Она придвинулась ближе и на мгновенье задумалась. — Конечно, я думала только о себе. Ведь ты прогнал мою тоску.

— Плохо только одно. Что меня... влечет к тебе. Я встретил тебя слишком поздно.

— И меня влечет к тебе, Тоно, любимый.

«Разве она понимает, о чем говорит?»— подумал Тоно. Она умерла невинной девушкой. Нет, конечно, понимает. Наверняка она не раз видела зверей, когда у них брачная пора, а может быть, и не только зверей. Она знает, почему люди разделяются на мужчин и женщин. Но понимает ли по-настоящему? Предавать-

ся размышлениям ей не свойственно, она ведь дух воздуха, ветра и вод. Сердце ее ветрено. Какое же влечение она чувствует в сердце? Да чувствует ли вообще? Она больше не одинока, ей приятно видеть его, знать, что он рядом. Но сравнимо ли это чувство с пылким восторгом, который безраздельно владеет его сердцем? Нада была полной противоположностью Эяны по характеру, быть может, он потому так безоглядно увлекся вилией, что искал у нее спасения? Нет, ведь было множество женщин, которые могли бы утолить его страсть и ответить взаимностью, подарить ему свою дружбу, прочные, безмятежно-радостные отношения, а не эту вечную погоню за призраком. Ингеборг...

Он обнял Наду за талию, она склонила голову, едва касаясь его плеча легким воздушным облаком волос. И к Тоно вернулась тихая щемящая радость, которую он всегда испытывал рядом с Надой. Несомненно, такие встречи не могли продолжаться бесконечно, но они помогали ему забыться, хоть на время избавиться от мучительных раздумий о том, что будет завтра. Волшебный мир ждет гибель, значит, должна погибнуть и та часть его существа, которую он унаследовал от отца. Мысль же о том, чтобы стать человеком, и только человеком, была для Тоно невыносима. Рядом с Надой, то беззаботно-веселой, то молчаливой и робкой, он забывал самое себя и обретал покой, примирялся со всем, что было сущего под Небесами.

— Ты так устал, — сказала Нада. — Ляг, поспи. А я спою тебе колыбельную.

Тоно закрыл глаза. Простая песенка — самой Наде, наверное, в детстве никто не пел колыбельных песен — полилась, словно ручеек, и унесла прочь все заботы и тревоги Тоно.

Ему было хорошо. Плоть, желания — пусть они подождут. Вилия никогда его не предаст.

* * *

Близилась осень. Крестьяне трудились на полях, жали серпами хлеба, согнувшись в три погибели, вязали снопы, на телегах увозили их на молотилку,

подбирали оставшиеся в поле колоски. Они выходили на уборку урожая ранним утром, до света, возвращались же после захода солнца, если только не прогонял их с полей проливной дождь. Дома, вечером, едва добравшись до постели, они засыпали тяжелым крепким сном. В тот год жатва была трудная, приходилось спешить, потому что все приметы предвещали раннюю и суровую зиму. Собрав урожай, крестьяне окрестных сел отправились в Скрадин и вволю погуляли и повеселились на празднике.

А время меж тем шло. Звезды, ясными ночами высыпавшие на небе, казались все более далекими, воздух день ото дня становился все холоднее.

Темной ночью Эяна и Тоно шли вдоль берега реки. Сестра настойчиво попросила брата о встрече наедине, ей нужно было поговорить с ним о важных вещах. Тоно, хоть и неохотно, все же уступил и предложил пойти к реке, сказав, что в городе чувствует себя пойманным в западню.

Небо над темными горными вершинами озарил тусклый свет как бы от тлеющих углей, и вскоре взошла луна. За все время своего пребывания в Далмации брат и сестра впервые видели в небе ущербную луну. Большая Медведица казалась совсем близкой. Ее звезды были не теми крохотными далекими искорками, что на севере, а большими яркими огнями. В вышине сияла Полярная звезда, она указывала путь домой, на север. Не слышно было ни лягушек, ни цикад, лишь несмолкающий говор струй на речных порогах разносился над берегом. Ранний в том году иней белел на увядшей траве. Тоно, сбросивший одежду, как только они удалились на значительное расстояние от города, босыми ногами ступал по заиндевевшей траве. Эяна была одета в широкое длинное платье и плащ с капюшоном, которые скрывали очертания ее фигуры.

Они прошли милю или две, лишь тогда Эяна заговорила:

— Когда я ездила в Шибеник, меня посетил капитан Асберн. Он предупредил, что «Брунгильда» в скором времени должна уйти в море. Если не сейчас, то придется ждать до весны. Но никто в команде не

рассчитывал, что плавание затянется на долгие месяцы, вряд ли матросы согласятся остаться здесь на всю зиму.

— Знаю, — ответил Тоно.

— Ну, так ты принял какое-то решение, в конце концов?

Эяна подождала ответа, но в тишине был слышен лишь стук ее каблуков по каменистому берегу.

— За последнее время я узнала много нового о жизни людей, — продолжала Эяна. — Наверное, больше, чем ты, если ты вообще дал себе труд поинтересоваться их жизнью. «Брунгильда» может, конечно, вернуться в Данию весной, то есть через год после того как она покинула Копенгаген. Но тогда плавание будет стоить Нильсу больших денег. А тут еще эта проклятая война. Отец снова уехал в Задар. Его могут убить, а он так и не увиделся с тобой... Ну ладно. Важно еще вот что: мне сказали, что наши рекомендательные письма и бумаги не дают нам никакой защиты от венецианцев. Эти пираты живо смекнут, что датские епископы и король далеко, власть их сюда не распространяется, следовательно, бояться нечего. Чем позже мы выйдем в море, тем больше вероятность пиратских нападений на «Брунгильду».

— Пускай плывет себе домой. Что мы-то забыли в Дании?

— А что мы забыли в этой стране?

Беспокойство Эяны возросло. Она остановилась и взяла Тоно за руку.

— Тоно, что, ну что тебя удерживает в этих лесах?

Он пропустил вопрос мимо ушей.

— Да, конечно, мы нашли наш народ, — ответил он. — Но теперь это просто некое племя людей, смертных, почти не отличимое от многих других. Ты, по-видимому, вполне освоилась с положением знатной дамы, женщины. Если хочешь, возвращайся в Данию.

Эяна заглянула ему в глаза. Они словно подернулись туманной дымкой, тогда как глаза Эяны тревожно блестели.

— А ты не вернешься?

— Пожалуй, нет. Садись на корабль, возвращайся в Данию. Нильсу и Ингеборг передай от меня привет.

— Но ведь ты обещал ей, что вернешься, хотя бы ненадолго.

— Ну и вернусь. Когда смогу, когда будет время, — грубо оборвал Тоно сестру.

— Ты очень изменился, Тоно. Ты изменился больше, чем кто-либо из лири.

— Да, я как замерзший пруд под коркой льда, которая не скоро растает. Я должен свыкнуться с тем новым, что на меня здесь обрушилось. И хватит об этом. А сплетни и толки мне безразличны. — Взглянув на сестру, он смягчился. — Конечно, передай привет Ингеборг, когда с ней увидишься. Скажи, что я не забыл ни ее преданности, ни мудрых советов, терпения и готовности прийти на помощь. И не забыл, как хорошо мне было с нею. Я был бы рад, если бы мог полюбить какую-нибудь смертную женщину так, как наш отец полюбил мать. Но не могу. — Тоно вздохнул.

Эяна отвернулась и не стала спрашивать, кого же он полюбил.

— Ну хорошо, а что будет с тобой? — спросил он. — Несколько недель или месяцев проведешь в Дании с Нильсом. А потом куда?

Эяна спокойно ответила:

— Никуда.

— Что? — У Тоно от неожиданности перехватило дыхание. — Ну да, конечно... Останешься с ним, будешь его любить, пока он не состарится. Я понимаю, тебе с ним хорошо. Он ничем не станет ограничивать твою свободу. Но когда он станет дряхлым стариком...

— Я стану такой же дряхлой старухой.

Не обращая внимание на его изумление, Эяна убежденно продолжала:

— Ты должен послушаться отца. Он абсолютно прав, эта вера — истинная. Принявший ее избегнет смерти. Принять то, что дает эта вера, можно лишь добровольно, сделав свободный выбор. Волшебный мир обречен, Тоно... Я решила поговорить с тобой сегодня

с глазу на глаз, потому что завтра я еду к отцу Томиславу, в церковь. Я хочу попросить отца Томислава рассказать мне о христианской вере больше и подробнее. Поедем со мной!

— Нет! — Тоно вырвал свою руку и с угрозой поднял к небу сжатые кулаки. — Эяна! Как ты можешь даже думать об этом?

— Я еще не вполне решилась, но...

— Пресмыкаться, ползать на коленях перед богом, который гнет в дугу и ломает то, что им же самим создано! Один, языческий бог, никогда не провозглашал себя высшим справедливым судьей!

Эяна гордо выпрямилась и с твердостью встретила его взгляд.

— Будь благодарен, что Бог не воздает по справедливости, ибо Он милосерд.

— Где же его милосердие к Наде?

И Тоно бросился прочь от сестры. Эяна было побежала за ним, но вдруг резко остановилась и повернула назад.

* * *

Далеко в западной стороне неба струился среди облаков трепещущий лунный свет. Но на востоке небо уже побелело, звезды померкли, над вершинами деревьев разливалось бронзово-золотистое сияние. В небе парил ястреб. И всюду в лесу была недвижная морозная тишина.

Нада и Тоно стояли на берегу озера. Вилия, только что радостная и веселая, вдруг стала печальной.

— Ты всегда так добр ко мне, — тихо сказала она. — Но сегодня, когда мы встретились, я сразу почувствовала, что доброта просто переполняет твое сердце. Я и раньше это знала, но сейчас твоя доброта хлынула на меня словно потоки солнечного света.

— Разве я могу не быть с тобой добрым? — Голос Тоно прозвучал жестко.

В своей задумчивости вилия не заметила резкого тона, как и того, что он вдруг крепче сжал ее руку.

— Благодаря тебе в моей памяти оживают такие

прекрасные вещи, как солнечный свет. Когда ты рядом, я не боюсь думать о прошлом. Потому что знаю — ты избавишь меня от страданий и боли.

— О нет, это ты помогаешь мне забыть.

— Забыть? Разве ты хочешь о чем-то забыть? Неужели ты хотел бы забыть родное море, такое чудесное? Когда ты рассказываешь о море, я готова слушать бесконечно. Со мной все по-другому. Ведь я была простой глупой девчонкой, которая не вынесла горя и утопилась. Да, это правда. Утопилась. Сегодня мне уже не страшно вспоминать об этом, хотя я и не могу понять, как я пришла в такое отчаяние. — Она улыбнулась. — Из-за какого-то мальчишки, желторотого юнца. А ты муж.

— Я водяной.

— Это не важно, Тоно, возлюбленный. А что сталось с Михайлой, ты не знаешь? Я надеюсь, что где бы он сейчас ни был, он остался таким же веселым, каким я его помню.

— Я слышал, что его жизнь сложилась благополучно.

Вилия заметила, что Тоно мрачно глядит куда-то вдаль на озеро, и встревожилась.

— Ты чем-то глубоко ранен, тебя мучает тяжелая обида. Не могу ли я тебе помочь? Как мне хочется что-то сделать для тебя...

Тоно удивился. Еще никогда вилия не говорила о том, что он ей близок.

— Мне, видимо, придется уехать, — сказал он. — Моя сестра — помнишь, я тебе о ней говорил — считает, что нам нужно уехать отсюда. Боюсь, она права, насколько разум позволяет ей судить о том, что хорошо и что плохо. Только в этих пределах, — добавил он сквозь зубы.

Нада попятилась и в ужасе прижала ладонь ко рту, чтобы не вскрикнуть, потом, будто защищаясь от чего-то страшного, подняла руки.

— Нет, нет! Тоно! Это невозможно! Умоляю тебя...

Нада опустилась на землю и горько заплакала. Никогда еще Тоно не видел ее слез. Он встал на колени, обнял ее за плечи и, гладя по волосам, попы-

тался объяснить, что просто обмолвился, что никогда ни за какие блага он не расстанется с нею, и, утешая Наду, понимал, что сейчас его постигло безумие той же отчаянной силы, что когда-то толкнуло девушку покончить с земной жизнью.

VIII

В день святого апостола Матфея в церкви лесной задруги была крещена дочь морского царя. Она сама выбрала для себя имя — Драгомира. В Дании это имя звучало как Дагмара, что значит «дева дня».

Крестил ее отец Томислав. На дочери Андрея было белое платье, рыжие волосы она заплела в косы и убрала, прикрыв платком, как подобает женщине, которая пришла в храм Господень. Рядом с нею стоял отец. Ради этого торжества он оставил военный корабль и прибыл в задругу. Слева от Андрея стояла его жена Елена, далее Иван Шубич с женой. В маленькой церкви собралось множество прихожан, здесь были жители задруги, крестьяне, друзья и сородичи, бывшие подданные морского царя, правителя лири. Народу было столько, сколько могла вместить церковка. В первом ряду прихожан близко от алтаря стоял Лука, с безнадежной тоской смотревший на дочь Андрея. В углу у самой двери стоял Тоно. Кто-то из людей сказал, мол, не подобает ему находиться в церкви, но отец Томислав строго возразил: как-никак Тоно родной брат новообращенной христианки, разве можно не пустить его в церковь, когда над сестрой сотворяют обряд крещения? В том, как отец Томислав совершал обряд, было много неожиданного и нетрадиционного. «Как знать, — думал священник, — а вдруг, торжественное праздничное действо поможет ему, милостью Божией найти путь к его сердцу?»Тоно стоял, скрестив на груди руки, лицо его было холодным.

Благовонный ладан особого дорогого сорта, пожертвованный сельской церкви жупаном, курился в кадильнице. Отец Томислав молился с истовой горячей верой, лицо его светилось благостью и счастьем, когда,

велев всем прихожанам преклонить колени, он окропил лоб дочери Андрея святой водой.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, крещу тебя в веру Христову. Аминь.

Дагмара — та, что прежде была Эяной, — вдруг пошатнулась и едва не упала. Андрей поддержал ее за плечи и прошептал, устремив взгляд к небесам:

— Возрадуйся, Агнета!

Глаза Дагмары наполнились слезами счастья. Она поднялась с колен, обняла отца, затем священника и с гордо поднятой головой прошла к выходу и перешагнув порог церкви ступила на землю.

За то время, что длился обряд крещения, погода внезапно переменилась. Сильно похолодало, разгулявшийся ветер гнал по небу облака, рвал с деревьев желтую и багряную листву. По полям бежали тени облаков. У церковной паперти было людно, здесь дожидались окончания церемонии те, кому не хватило места в церкви. Люди окружили Дагмару, все целовали и обнимали новообращенную, поздравляли с приобщением к христианскому миру. По торжественному случаю должен был состояться скромный праздничный обед. На следующее утро прибывшие из Скрадина гости собирались тронуться в обратный путь, Дагмара же должна была ехать в Шибеник, где в гавани ждала готовая выйти в море «Брунгильда».

Увидев в церкви того, кто был его отцом, Тоно едва кивнул. За все время богослужения он ни разу не преклонил колена. Выйдя потом из церкви, он прошел немного вперед и встал под одинокой зеленой сосной, выделявшейся среди осенних деревьев, словно не желал мириться с тем, что не за горами зима. Дагмару все еще окружала радостная толпа друзей, но наконец, все, кто хотели, уже поздравили новообращенную, и она подошла к брату. Никто из людей не последовал за нею, ибо Тоно внушал им страх: на его лице, казалось, лежала роковая печать. Одет он был в темные лохмотья, в руке держал копье.

Дагмара протянула ему руки. Тоно даже не шевельнулся, будто не заметил, что она чего-то ждет.

Ветер трепал ее юбку и платок, то словно норовил сорвать, то плотно прижимал платье к груди и ногам. И Дагмара была целомудренна — быть может, потому, что теперь она была преисполнена некоего торжества, никому в Волшебном мире не ведомого.

Тоно упрямо молчал. Она глубоко вздохнула и сказала:

— Спасибо, что пришел. Не знаю, что еще сказать.

— Я не мог не проститься с родной сестрой. Она была мне дорога.

Дагмара прикусила губу.

— Я и теперь твоя сестра.

— Нет. — Он покачал головой. — Теперь ты мне чужая. У нас, конечно, остались общие воспоминания о прошлом, как общим было материнское лоно, давшее нам жизнь. Но Дагмара не морская дева. Она — истинно святая.

— Ты ошибаешься. Сегодня я приняла святое крещение, как приемлет его всякое дитя, вступающее в христианский мир. И я не раз, наверное, оступлюсь на своем пути. Но меня поддержит надежда, что покаявшись, я обрету прощение.

Лицо Тоно страшно исказилось.

— Эяна никогда не сказала бы подобного!

Она опустила голову.

— Так ты отвергаешь путь спасения? Но ты не можешь отвергнуть мои молитвы. Я буду молиться за тебя, Тоно.

Он поморщился.

— Зачем утруждать себя излишними хлопотами?

— Я была бы так рада, если бы и ты поехал в Данию.

— Нет. Я связан обещанием, которое удерживает меня здесь. Почему бы тебе не обождать до весны? Море зимой неспокойно, вы можете попасть в шторм.

— Нас хранит Господь. Я должна вернуться в Данию и жить с моим мужем. Если мы не обвенчаемся, на его душе останется тяжкий грех.

Тоно кивнул.

— Ты теперь и правда Дагмара. Ну, что же, передай обоим привет. Желаю благополучного плавания.

Он повернулся и зашагал к лесу. Едва отойдя от задруги настолько, что никто из людей уже не мог его видеть, он бросился бежать, словно спасаясь от погони.

* * *

Нады не было на той поляне, где они обычно встречались. Не было ее и нигде поблизости. Тоно призвал на помощь всю силу разума и сверхъестественную остроту и чуткость органов чувств, которая была свойственна ему как существу, наполовину принадлежащему к Волшебному миру. Он уловил слабый след присутствия Нады и бросился на поиски. След часто прерывался, вдруг исчезал, и тогда Тоно отчаянно метался по лесу, пока снова не нападал на след вилии. След кружил, петлял, то и дело менял свой характер. Похоже было, что Нада в безумии кружила по лесу, не замечая дороги. Когда Тоно это понял, безумие охватило и его самого.

Без сна и отдыха он скитался по лесу несколько дней и ночей, и наконец нашел Наду. Это случилось в день осеннего равноденствия, на закате. К тому времени Тоно уже совершенно выбился из сил и едва стоял на ногах от усталости.

К вечеру сильно похолодало, мороз пронизывал до костей. Темное небо низко нависло над лесом. Нада стояла на берегу озера, в спокойных водах которого отражалась желто-бурая стена леса с редкими пятнами кроваво-красной листвы и одинокими скорбными штрихами елей и можжевельника. Многие деревья уже расстались с листвой. Нада казалась тонкой и легкой, затерявшейся среди деревьев светлой тенью.

— Нада! Ах, Нада...

Он подошел к ней, шатаясь от усталости. Голос его стал хриплым — все эти дни он не переставая звал ее.

— Тоно, любимый! — Она бросилась к нему. Тоно нежно и бережно обнял ее зыбкий бесплотный стан,

стараясь не сделать ей больно. Нада дрожала, ее плечи были холодны, как клонившийся к вечеру осенний день.

— Где же ты пропадала? Что случилось?

— Я испугалась, — шепотом ответила вилия.

— Чего? — Тоно встревожился.

— Что ты не вернешься.

— Милая, ты же знаешь, что я непременно вернулся бы.

— Но мне, может быть, пришлось бы скрыться до твоего возвращения.

— Скрыться?

— Прости меня. Я не должна была ничего бояться. Как я могла усомниться в тебе? Но кругом был такой непроглядный мрак, я ничего не понимала, не знала...

Нада сжалась в комочек и прижалась к его груди. Тоно спросил со страхом:

— О чем ты говоришь? Что тебе придется сделать?

— Скрыться. Уйти в реку или в озеро. На дно. Разве ты не знал?

Она лишь чуть-чуть отстранилась, но он это сразу почувствовал и опустил руки. Нада сделала шаг назад, чтобы видеть его лицо. Сейчас в глазах вилии уже не было голубого, они стали темно-серыми.

— Зимой солнце светит над озером не слишком ярко, но голые деревья не дают тени, мне некуда скрыться от солнечных лучей. На дне же всегда сумрачно, там мое убежище. Наверное, ты слышал, что вилия уходит зимой в озеро?

— Да. — Тоно опустил глаза. На земле лежало, разделяя их, копье, которое он выронил, бросившись к Наде.

— Когда-то давно я могла дольше оставаться осенью на берегу и не засыпала. Но нынче зима пришла рано.

К ее ногам падала с ветвей мертвая листва.

— Когда ты должна уйти в озеро?

Она зябко поежилась от холода.

— Скоро. Сегодня. Тоно, мы встретимся весной, когда я вернусь?

Он расстегнул пояс.

— Я иду в озеро. С тобой.

Нада покачала головой. Теперь Тоно говорил сбивчиво, путая слова, дрожа от волнения; к ней же вернулась всегдашняя безмятежная радость. Но Нада вдруг словно бы стала еще призрачнее, еще бесплотнее, теперь она казалась волной тумана.

— Нет, мой милый. Ведь я буду дремать и видеть сны. Тебе удастся разбудить меня лишь изредка и очень ненадолго. И потом, наше озеро ничуть не похоже на твое родное море. Здесь такая тишина. От одного этого ты с ума сойдешь.

— Буду иногда выходить на берег. — Тоно снимал одежду.

— Нет, не стоит тебе выходить на берег. Лучше оставаться там на дне всю зиму.

Несколько минут вилия пристально глядела на сына морского царя. Лишь за один день осеннего равноденствия наивная девочка вдруг стала мудрой.

— Нет, — сказала она. — Жди моего возвращения. Так я хочу.

Снова настало молчание.

— Но не жди здесь в лесах. Ступай к людям. Потому что здесь ты не найдешь ни одного духа или призрака, которые были бы женщинами, как те, о которых ты мне рассказывал. Я слишком часто видела, что тебя мучило желание, которое я не могу утолить. Когда я уйду в озеро, мне будут сниться более радостные сны, если я буду знать, что ты нашел себе подругу, возлюбленную.

— Мне никто не нужен.

Наду охватил ужас. Отшатнувшись, как от удара, она заплакала:

— Ах, что я тебе сделала, Тоно? Уходи, пока еще можешь уйти. И никогда не возвращайся!

Он сбросил с себя последнюю одежду, нож лежал на земле рядом с копьем, но амулет остался на шее у Тоно. Нада отбежала на несколько шагов и закрыла руками глаза.

— Уходи, уходи, — взмолилась она. — Ты слишком прекрасен!

Два отчаяния столкнулись, как две высокие волны. Тоно утратил власть над собой.

— Клянусь сетями Ран, ты будешь моей!

Он бросился к Наде, она не успела ускользнуть, но сжала губы и уклонилась от поцелуя.

— Ты умрешь! — со слезами воскликнула она.

— Лучше умереть, чем пережить предательство.

Нада вырвалась. Он понимал, что совершает насилие, но уже ничего не мог с собой поделать.

— Нада, — слышал он свои сбивчивые, точно в бреду, слова, не будь жестокой, не отталкивай меня, ты будешь потом вспоминать...

Она вырвалась — улетела, как ветер. Потеряв равновесие, Тоно повалился на увядший мох. Нада отбежала на несколько десятков шагов, ее тень смутно белела над серой водой под блекло-серым небом. Вокруг стояли угрюмые черные деревья, безжалостный холод усилился, но от дыхания Нады не поднимался морозный пар. В руке она держала амулет.

Тоно вскочил и бросился к ней. Она легко ускользнула.

— Ты не догонишь меня. Но я не хочу убегать, — сказала она.

Тоно глухо сказал:

— Я люблю тебя.

— Знаю, — с нежностью ответила Нада. — И я тебя люблю.

— Я не хотел тебя обидеть. Просто я хочу, чтобы мы были вместе, по-настоящему вместе. Только один раз. Потому что, может быть, нам придется расстаться навсегда.

— Я знаю, что нам делать. — Нада уже совершенно успокоилась и улыбалась. — Ты рассказывал мне об этом талисмане. Сейчас я войду в него и всегда буду с тобой, где бы ты ни был.

— Нада, не делай этого, не смей!

— Бывает ли большее счастье? Ведь я всегда буду с тобой, вблизи твоего сердца. И, может быть, когда-нибудь, однажды... — Она не договорила. — Стой там, где стоишь, Тоно. Я хочу видеть тебя до самой послед-

ней минуты. Пусть это будет мне твоим свадебным подарком.

У Тоно даже слез уже не было.

Нада смотрела на него, потом, то на него, то на лежавший у нее на ладони костяной кружок, кусочек от черепа мертвого человека. Но спустя миг птица из Иного мира завладела ее существом, и Нада смотрела уже только на нее, птицу с простертыми крыльями, летящую в небе, где поднимается полная луна. Тоно видел, как тело вилии становилось все более бесплотным, призрачным, вот сквозь нее уже проступили очертания деревьев, сплетение диких зарослей, вот Нада стала лишь слабым, едва видимым световым бликом, мрак, окружавший ее, сгущался все больше, и наконец Нада исчезла. Костяной кружок упал на землю.

Тоно долго стоял, не в силах сделать ни шагу. Потом он подошел и, подняв с земли талисман, поцеловал его и повесил себе на шею. Теперь талисман был на его груди, там, где билось сердце.

IX

На пути домой моряки из команды «Брунгильды»заметили, что с госпожой Сигрид за время жизни в Хорватии произошла перемена. Неужели на нее так подействовало решение ее брата Карла Бреде не возвращаться в Данию? Двое или трое матросов по-прежнему были убеждены, что госпожа Сигрид по ночам спускается по веревочному трапу в море и плещется в волнах. Но собственными глазами никто из команды этого не видел, большинство матросов не разделяли подозрений и уважительно отзывались о глубоко благочестивой женщине. Госпожа Сигрид молилась вместе со всеми и была на корабле самой набожной и истово верующей. Она часами простаивала на коленях перед образом Пречистой Девы, и порой из ее глаз катились слезы. Вместе с тем, госпожа Сигрид утратила былую надменность и важность, и скоро все на корабле полюбили ее за сердечную доброту и сочувствие, с которым она слушала рассказы людей об их

горестях и заботах. Для иных матросов она со временем даже стала духовной наставницей.

Капитан Асберн долго колебался, прежде чем решил поднять парус: опасно было выходить в море поздней осенью. Он вел корабль очень осторожно и по возможности старался держаться невдалеке от берегов, чтобы при первых признаках надвигающейся непогоды «Брунгильда»могла укрыться в ближайшей гавани. Поэтому плавание затянулось. «Брунгильда»пришла в Данию лишь в канун Рождества. Зато плавание было благополучным, на долю моряков выпало меньше невзгод, чем можно было ожидать в это время года.

В день святого Адама около полудня «Брунгильда»достигла Копенгагена. Узнав о ее приходе, начальник порта немедленно отправил гонца известить о прибытии корабля Нильса Йонсена.

* * *

Редкие снежинки падали с хмурого серого неба на землю. Воздух был мягким и сырым. По улицам города между стенами, галереями, под арками и плотно занавешенными окнами лишь изредка проезжали кареты. Однако сочившийся из-за закрытых ставен свет, дым над крышами, запахи праздничных кушаний, смех, пение, веселые голоса — все свидетельствовало о том, что люди готовились встречать Рождество Христово. Праздновали его двенадцать дней, которые озаряли огнями мрачную темную зиму, словно большая яркая свеча, зажженная в черной пещере.

Дорожная грязь хлюпала под копытами мулов, на которых ехали женщина и мужчина. Впереди шли двое факельщиков, обутые в высокие ботфорты и вооруженные. Пламя потрескивало и металось под ветром, рассыпая искры, которые вспыхивали, как звезды, но сразу же гасли под снегопадом.

— У нас остается совсем мало времени. До твоего дома уже близко. Сейчас у нас есть возможность поговорить обо всем начистоту, но очень коротко, — сказала женщина. — А весь разговор займет, пожалуй, не один день. — Она задумалась. — Нет, годы

нужны, а то и целой жизни может оказаться мало, чтобы понять все до конца.

— У нас с тобой она есть! Целая жизнь вместе, — ответил счастливый Нильс.

Она крепче сжала поводья.

— Нам будет нелегко. Прежде всего, само начало... Я очень боюсь. Что я скажу Ингеборг? Как скажу, какими словами? Помоги, надо что-то придумать, нельзя нанести ей такую рану, от которой она не оправится.

Нильс покраснел.

— Я совсем о ней забыл.

— Не укоряй себя. Радость так легко превращается в себялюбие. Когда-то и я умела о многом забывать.

— Эяна!

— Дагмара.

Нильс перекрестился.

— Как я мог забыть о чуде, произошедшем с тобой? Прости, Господи, меня грешного.

— Да, будет нелегко, — снова заговорила Дагмара. — Тебе придется опекать меня больше, чем обычно опекают мужья жен. Ведь и плоть и разум мной наполовину унаследованы от морского царя.

— Но другая половина в тебе святая. И потому меня ждут суровые испытания.

Нильс улыбнулся, и в его улыбке вдруг промелькнуло что-то от прежнего наивного паренька, матроса с когга «Хернинг».

— Никогда не говори так, — жалобно попросила Дагмара. — Ты еще не знаешь, какая я. Вспыльчивая, упрямая, нет во мне женской кротости и терпения, хоть я и очень стараюсь стать лучше. Но я никогда не предам твою любовь, Нильс. — Дагмара коснулась его руки.

Нильс взял ее за руку и внимательно, серьезно поглядел в глаза. В них отражались тускло-желтые огни факелов и мерцающие снежинки. Он тихо спросил:

— Ты правда любишь меня, Дагмара? Я знаю, что я тебе нравлюсь. Никакого права требовать большего у меня нет. И все же...

— Я твоя, если ты этого хочешь, — искренне и честно ответила Дагмара. — Мое сердце тебе еще предстоит покорить. Но я молю Бога, чтобы тебе это удалось. И буду всеми силами помогать тебе в этом.

X

Ингеборг Хьялмарсдаттер, уроженке Ютландии, было лет тридцать с небольшим. Ранней весной она приехала в Хорнбек, маленький рыбачий поселок на северном побережье Зеландии. Из Копенгагена можно было доехать сюда верхом за один день. Она заранее прислала в Хорнбек людей, которые подыскали и приобрели на имя своей госпожи хороший дом, обставили и оборудовали его всем необходимым. Жителям поселка они сказали, что хозяйка дома вдова, состоятельная дама, решившая приобрести дом в тихом поселке, чтобы иногда приезжать сюда отдохнуть от шумной городской жизни, ей, дескать, нравится жить среди простых людей, таких же, какой и сама она была до того как вышла замуж за богатого человека.

Рыбаки встретили Ингеборг с почтительной робостью, но вскоре поняли, что новая жительница поселка — не какая-нибудь надменная знатная дама, с ней можно было вести себя просто. Богатая вдова ничуть не важничала, держалась со всеми приветливо, разговаривала она смешном ютландском наречии. Она всегда была рада помочь, охотно ссужала рыбаков деньгами или находила им какую-нибудь работу у себя в доме. Но все-таки никто в поселке так и не познакомился с ней близко. Холостым мужчинам скоро пришлось отказаться от попыток поухаживать за Ингеборг. В гости она не ходила и сама не приглашала соседей чаще, чем того требовали приличия. Никаких слухов, сплетен, да и просто разговоров о ее прошлом в поселке не ходило. Она жила одна, сама вела хозяйство, готовила еду, покупала на рынке продукты. Каждый день, если позволяла погода, Ингеборг гуляла вдоль морского берега или по лесу и часто проходила за день по нескольку миль. Эти

прогулки уже не были столь безрассудным риском, как когда-то в прежние времена, когда Ингеборг гуляла в окрестностях Альса. Жизнь в Датском королевстве шла мирно, во всяком случае, на какое-то время установилось относительное спокойствие. Тем не менее, никто из женщин, кроме Ингеборг, не отваживался в одиночестве гулять по лесам. Когда приходский священник предостерег ее от дальних прогулок, Ингеборг улыбнулась и ответила, что уже испытала за свою жизнь все мыслимые несчастья и беды, так что теперь ей бояться нечего и некого.

Шло время. На смену сырому ветру и проливным дождям пришла пора цветения. На полях началась вспашка, потом сев, рыбачьи лодки уходили в море на лов. Затем цветы отцвели, на яблонях появилась завязь, в полях зазеленели молодые всходы, и не умолкая распевали птицы в лесу. На крыше дома Айнара Брандсена, как повелось издавна, на старом тележном колесе устроило гнездо семейство аистов. Люди говорили: если аисты свили гнездо на крыше, это к добру, жди удачи для всего поселка. И в самом деле, по осени пошли в Хорнбеке свадьбы, крестины, веселые праздники. Рыбаки возвращались из моря с богатым уловом. Были, конечно, в поселке и похороны, и тяжкие недуги, старуха с косой и здесь ходила, собирая свою жатву. Так шло все своим чередом, пока не приехал в поселок загадочный незнакомец.

Он прибыл с запада, со стороны Зундского пролива. Должно быть, приехал из Копенгагена, потому что скакал он на лошади чистейших кровей и одет был в дорогое и красивое, хоть и запылившееся в дороге платье. Всадник отличался необыкновенно высоким ростом, у него было гладкое безусое лицо и светлые золотистые волосы с каким-то странным тускло-зеленым отливом. По-видимому, он был молод, но выглядел исхудавшим и усталым. Горделивая осанка и надменный вид незнакомца плохо вязались с тем, что ни слуга, ни грум не сопровождали его в путешествии.

Солнце стояло над проливом Каттегат, перебросив

над водами золотой сверкающий мост лучей. На востоке солнце ярко озаряло облака, которые громоздились, подобно высоким горам, над серым скалистым побережьем Шонии. Все остальное небо было чистым, и всюду, куда ни глянь, кружили птицы, расчерчивая белыми крыльями небесную синь. Далеко в море виднелись корабли, недвижно замершие из-за безветрия и казавшиеся с берега крохотными игрушечными лодочками. Паруса ярко белели в лучах солнца. Тишину летнего вечера нарушали только легкий шорох прибоя и крики чаек. Терпкий запах морской воды и водорослей летел с моря и смешивался с запахами вспаханной земли и человеческого жилья, издалека доносились свежие запахи леса, который темной стеной вставал за полями и лугами.

На лугу мальчишки пасли гусей. Они радостно засвистели при виде приезжего и подбежали к дороге. Незнакомец спросил, где стоит дом фру Ингеборг. Его датский язык был похожим и не похожим на наречие, на котором говорила фру Ингеборг. То ли всадник родом из Ютландии, как и она, но из какой-то другой деревни, где говорят на другом наречии, то ли вообще иноземец? Дети зашумели, точно потревоженный пчелиный улей, когда всадник, получив ответ, поскакал в Хорнбек.

Вскоре он въехал в поселок. Люди приветливо здоровались, но приезжий явно уклонялся от разговоров и неохотно отвечал на вопросы.

— Я ее друг и привез известие, которое касается только фру Ингеборг. Завтра она расскажет вам все, что сочтет нужным. А сегодня попрошу нам не мешать.

Простые рыбаки живо смекнули, что приезжий хочет провести ночь с фру Ингеборг. Они ничего не имели против: кто-то ухмыльнулся, кто-то вслух позавидовал счастливчику, и лишь очень немногие задумались и пришли к выводу, что тут нет ничего похожего на заурядную интрижку, потому что вид незнакомца говорил о чем угодно, но только не о распутности.

Дом Ингеборг стоял в самом конце поселка в окру-

жении простых грубой постройки домов с деревянными некрашеными стенами, которые от времени стали серебристо-серыми, и тростниковыми крышами, спускавшимися почти до земли. Возле домов росли лишайники, редкая трава и скромные полевые цветы. Растения были заботливо привязаны к воткнутым в землю прутикам, чтобы их не сломали резкие северные ветры.

Спешившись, приезжий отвязал узел, который был приторочен сзади к седлу, и взял его под мышку левой руки, в которой держал копье. Затем он дал кому-то из людей медной мелочи и попросил отвести лошадь в стойло. Собравшиеся возле дома Ингеборг назойливые зеваки так и не разошлись, а стояли и глазели на незнакомца, когда тот постучался в дверь.

Дверь отворилась. Зеваки успели увидеть, что фру Ингеборг пошатнулась и ахнула от изумления. Но приезжий быстро вошел в дом и плотно затворил дверь. Спустя минуту закрылись и ставни на всех окнах. Что происходило в доме, никто не видел и не слышал.

* * *

В очаге горел торф, света было мало, и Ингеборг зажгла все свечи, какие только нашлись в доме. В их свете среди беспокойно метавшихся по стенам теней стали видны новые стол, печь, кресло и табуреты, занавеси с тяжелыми складками, ярко начищенная медная посуда, дым, поднимавшийся над вертелом, на котором жарилось мясо. Кошечка, единственная подруга Ингеборг, вскоре перестала обращать внимание на гостя и хозяйку и уснула, свернувшись клубком на рассыпанных по глиняному полу тростниках. Тепло и приятные домашние запахи, наполнявшие комнату, не пускали на порог темную ночь, которая уже спустилась над поселком.

Тоно и Ингеборг сидели рядом на большом ларе со спинкой и мягкой обивкой крышки, который служил скамьей. На стенной полке слева от Тоно стоял кубок.

Ингеборг налила в него вина, чтобы они выпили его из одного кубка, но вино оказалось лишним. Кушанья, поставленные на стол, также были нетронуты. Потому что после бурных объятий, поцелуев, смеха и слез Тоно начал рассказывать обо всем, что пережил за долгое время разлуки.

— Я тронулся в путь с мыслью найти что-нибудь, что могло бы дать хоть слабую надежду. Путешествие было долгим, трудным, полным опасностей. Конечно, кое-где мне встречались островки Волшебного мира, новые, совершенно незнакомые, ни о чем подобном мне не приходилось даже слышать раньше. Довольно много времени я потратил на то, чтобы собрать все возможные сведения о Волшебном мире. В конце концов, я понял, что не могу больше бродить по свету без цели и дела. Несколько дней назад я прибыл в Копенгаген. Дагмара и Нильс встретили меня радостно, но именно поэтому я и не захотел злоупотреблять их гостеприимством. В их доме душно, самый воздух в нем пропитан благочестием, там нет места для моей Нады. Я им ничего про нее не сказал. Они дали мне все необходимое, чтобы иметь благопристойный вид, и я поехал сюда. Ах да, чуть не забыл, они просили передать тебе сердечный привет и еще они просят тебя вернуться в город. Между прочим, они хотят ввести тебя в светское общество, чтобы ты веселилась, знакомилась с людьми, у них есть мысль свести тебя с каким-то прекрасным человеком, вдовцом, которому нужна мать для его осиротевших детей.

Ингеборг сидела, прислонившись к плечу Тоно, и перебирала его волосы. Но она глядела не на него, а куда-то в темноту, черневшую за открытой дверью в смежную комнату. Буря, которая поднялась в груди Ингеборг, когда она слушала рассказ Тоно, уже утихла. Она все еще вздрагивала, порой всхлипывала, голос ее дрожал и был хриплым от слез, глаза покраснели, на щеках и пухлых губах остались соленые следы. Но она уже совладала с чувствами и почти спокойно спросила:

— Что у тебя с нею?

Тоно тоже глядел куда-то в сторону.

— Все очень странно, — негромко сказал он. — Ее близость, как... обжигающее хмельное питье... или, как воспоминание об утраченной возлюбленной, когда боль еще не притупилась. Нет, не воспоминание — как нечаянная встреча с возлюбленной, которую потерял. Вы, христиане, испытываете такое же чувство, когда вспоминаете о тех, кто умерли и попали на небеса?

— По-моему, нет.

— Она везде и всюду со мной, как кровь, которая течет в моих жилах. — Тоно с силой сжал кулаки. — И это все. Только это и воспоминания, острее которых ничего нет. Мне больно, когда я ее вспоминаю! Но воспоминания и успокаивают, утоляют жажду. Воспоминания и чувство, что она со мной. Я уже говорил: она не покинула меня. Когда я засыпаю, она приходит ко мне в сновидениях. И во сне так, как было в жизни. Мы с ней вместе, все у нас так же, как тогда в лесу. Потому что Нада здесь, в волшебном талисмане.

— И что, в этих снах вы с нею по-настоящему близки? — спросить об этом стоило Ингеборг огромного усилия.

Тоно опустил голову.

— Нет. Мы бродим или бегаем по ее родным лесам и в тех землях, где я скитался, до того как встретил Наду. Я вижу, как широко раскрываются от радости ее глаза... Но тут же она снова становится печальной, потому что не может дать мне ничего, кроме поцелуев. И я говорю ей, что не надо бояться, потому что все только сон. Но она не верит, говорит, это не сон, а встреча двух теней вне времени и пространства. Из-за того, что она призрак, я, соединившись с нею, умру, ведь она мертва, она дух умершей девушки.

— Только не это. — Ингеборг до боли сжала его плечо.

Тоно не сказал о том, какой смертью умрет, если овладеет Надой: словно вдруг погаснет огонек пламени под порывом ветра.

Настало молчание. Затем Тоно сказал:

— Не бойся, я не умру.

— Господи, благослови Наду за то, что она тебя пощадила. — Ингеборг тяжело вздохнула. — И все-таки, скажи, Тоно, любимый, единственный, скажи, ты не сделаешь этого? Из года в год, столетие за столетием жить только воспоминанием об утраченном, нет, жить тем, чего не было по-настоящему... — Ингеборг наклонилась и заглянула ему в глаза. Ее губы кривились от боли. — Бог не дал тебе души. Так как же Он может обречь тебя на адские муки!

— Все совсем не так.

— Брось, брось этот талисман в море. — Ингеборг обхватила Тоно обеими руками, прижалась к нему изо всех сил. — Сегодня, сейчас же брось!

— Ни за что.

Встретив его неумолимый взгляд, Ингеборг отстранилась. И вдруг Тоно улыбнулся и поцеловал ее в лоб. И голос у него стал другим — мягким и спокойным:

— Не бойся за меня, добрая моя подруга. Я просто не сумел объяснить все так, чтобы ты правильно меня поняла. Ты столько выстрадала. И мне еще больнее оттого, что ты страдаешь из-за меня. Но скоро всем страданиям придет конец. Даю тебе в том слово чести.

Ингеборг обмерла от ужаса.

— Что ты задумал? — прошептала она в страхе.

— Да ничего особенного, — спокойно ответил Тоно. — Помнишь, что я рассказал тебе про этот амулет? Когда мы с Эяной собрались покинуть Гренландию, шаман подарил нам его и сообщил нечто очень важное о его волшебных свойствах. А сейчас, возвращаясь из Хорватии, я встретил в пути предсказателей. Нет, не людей, это были волшебные существа. Они подтвердили то, что сказал шаман Панигпак, и открыли мне еще одну тайну талисмана. Нада сейчас в нем, но она не обречена быть в талисмане вечно. Она может выйти и вселиться в любое живое существо, даже в человека, если он того захочет и позовет ее. И я решил это сделать. Мы с Надой станем единым целым, одним существом, и наше соединение будет более полным, чем то, которого я так желал раньше. Но сперва я решил узнать, как ты устроила свою жизнь, и потому приплыл в Данию.

Ингеборг вскрикнула и в страхе закрыла лицо руками, вся сжавшись и поникнув от горя. Тоно встал, наклонился к ней, мягко отвел ее руки от лица, погладил по голове.

— Это совсем не опасно, не волнуйся. Нада готова претерпеть волшебное превращение вместе со мной.

Ингеборг лихорадочно искала способ убедить его отказаться от этого намерения. Ей никак не удавалось поймать взгляд Тоно.

— Найди кого-нибудь другого, пусть она войдет в плоть женщины. Ты непременно найдешь, если захочешь.

Тоно нахмурился и отошел от нее.

— Я об этом думал. Но Нада против. И она права, ведь на ней лежит проклятие. Если она вселится в человека, христианина, его душа погибнет.

— А может быть, какая-нибудь девушка, которая решила покончить с жизнью, или язычница... Или... Ведь она согласилась бы, наверное. Стать твоей женой — можно ли желать чего-то лучшего?

— Вечная юность вилии, ее власть над силами воздуха и вод... Вилия может жить лишь в сумраке, вдали от солнечного света. И ее легкий, прелестный нрав... Такую женщину можно встретить только в Волшебном мире, но не среди смертных.

— Множество женщин были бы счастливы, если бы им предоставилась такая возможность. Любая согласится с радостью.

— И предаст своего бога? Кто знает, какая судьба будет уготована ей после смерти? Ведь рано или поздно она умрет. Об этом ни один чародей ничего не мог мне сказать, я спрашивал. Наде же эта опасность не страшна. И, клянусь честью, я никогда не допущу, чтобы кто-то был обречен из-за меня на гибель.

— Но что станет с тобой?

— Об этом мне тоже ничего не известно. Да ведь я не человек, я существо Волшебного мира. Впереди неизвестность, и потому я хочу провести несколько дней и ночей, да, и ночей с тобой, моя верная добрая подруга.

— Но неужели... неужели ты не боишься? Ведь ты уже не будешь самим собой, не будешь Тоно.

Он выпрямился во весь рост. На стену упала гигантская тень.

— Я был и есть Тоно, победитель аверорнского Кракена. Мне ли робеть перед моей невестой?

Ингеборг сидела молча, подавленная и несчастная. Тоно положил руку ей на плечо и сказал:

— Время позднее. Давай, ляжем спать. Это наши последние ночи, но сегодня я безумно устал, просто валюсь с ног. Очень хочется спать. Ты ведь не обидишься, Ингеборг? Ты всегда меня понимала.

* * *

Смежная комната была спальней. Дождавшись, пока Тоно не уснул, Ингеборг выскользнула из-под одеяла, бесшумно пробралась в большую комнату, зажгла от очага лучину и засветила от нее свечку. Вернувшись в спальню, она подняла свечку над Тоно.

Он спал без одеяла, лежа на правом боку, ровно дыша. В желтоватом свете свечи его лицо казалось неприступно замкнутым. Прядь волос упала ему на лоб. Кошка уютно устроилась, уткнувшись мордочкой в сгиб его локтя, и громко мурлыкала.

Ингеборг осторожно прошла к изголовью кровати, ступая босыми ногами по шуршащим стеблям тростника на полу и чувствуя слабый, как бы призрачный сладковатый запах. Прежде над изголовьем висело на стене распятие. Когда пришел Тоно, Ингеборг его сняла. Сейчас на крючке висел талисман. «Возьму талисман, — убеждала себя Ингеборг. — Возьму, и никто больше не потревожит тебя во сне. Но она будет так одинока... Я вижу на твоем лице и теле следы жестокой борьбы со стихиями. Разве Нада не хочет, чтобы ты исцелился от ран?"

Она отвела глаза — нельзя было смотреть на него дольше нескольких мгновений, он мог почувствовать взгляд и проснуться. Взяв амулет за шнурок, Ингеборг сняла его со стены, бесшумно вышла из спальни и прикрыла за собой дверь. Теперь она могла спокойно

разглядеть волшебный костяной кружок, который держала в руке.

Все, кроме талисмана, словно исчезло. Он был маленький и легкий, но в нем чувствовалась огромная тяжесть, он нес в себе тяжесть всего мироздания. В кусочке резной кости распахнулось бескрайнее небо, и оно неудержимо повлекло Ингеборг под свои своды. Там в небе поднималась полная луна и летела, раскинув крылья, птица с черной головой. Ингеборг словно растворилась в этом небе, сама стала небом, землей, морем. Она не слышала ни единого звука, талисман оградил ее слух от земного шума. И вдруг в тишине раздался тихий шорох, который дрожью пробежал по ее телу с головы до пят, пронизал холодом. И вот во всей Вселенной не осталось ничего, кроме глубокой напряженной тишины. Ингеборг чутко прислушивалась. И она услышала слабый голос призрака, дрожавший вдали, как замирающее эхо:

— Кто ты? Чего ты хочешь?

— Ингеборг. Твоя сестра, которая тоже его любит.

Она поставила свечу в подсвечник и повесила амулет себе на шею, отбросив назад волосы. Теперь костяной кружок лежал у нее на груди, она крепко прижала его к сердцу. И теперь уже сердцем и всем своим существом ясно услышала полный тоски девичий голос:

— Ингеборг. Да. Ты знала то, чего мне никогда не узнать. Я рада. Он не забывает о тебе.

В голосе послышалось удивление:

— Разве он не предостерег тебя?

Чуть позже:

— Предостерег.

— Нада, он хочет стать твоим, — сказала Ингеборг.

— Ему нельзя быть моим. Если бы я имела дар предвидения, я упросила бы его, умолила отказаться от меня. Наверное... Но теперь я уже не могу.

— Конечно.

Немного позже снова послышался робкий голос:

— Ингеборг?

— Да?

— Ингеборг, я боюсь. Не за себя, нет, нет. За него. Ты знаешь, на что мы решились?

— Знаю. Как ты думаешь, почему я захотела поговорить с тобой?

— Потому что... Как, ты?! Нет, я не сделаю этого! — голос призрака задрожал от ужаса.

— Почему?

— На мне лежит проклятие.

— Ну и что?

— Нельзя, чтобы и ты тоже... Не могу.

— А если это — мое глубочайшее сильнейшее желание?

Ингеборг услышала тихий плач.

— Это невозможно. Ты должна попасть на Небеса.

— На что мне Небеса, если его там не будет!

— Мы не знаем, ни он ни я не знаем, что с нами будет в Последний день Творения.

Ингеборг подняла голову. На ее лицо упал свет свечи.

— Не все ли равно?

— Нет. Мне не все равно, что будет с тобой.

— Нада, войди в меня, — властно повелела Ингеборг. — Соединись со мной и вместе со мной стань невестой Тоно, победителя аверорнского Кракена.

* * *

И все же Ингеборг упала на колени. Под тростниковыми стеблями был холодный глиняный пол.

— Мария, — прошептала Ингеборг. — Прости, если я Тебя огорчила.

* * *

Ингеборг вышла из дому и, оставив позади спящий поселок, направилась к берегу моря.

Летом в Дании ночи стоят короткие. Грозовые облака, которые накануне вечером нависли серой грядой над побережьем Шонии, уплыли, видимо, пожелав излить свой гнев где-то в дальних краях. При появлении призрака утренней зари звезды на востоке побледне-

ли, но весь небосвод был еще усеян тысячами ярких блесток на антрацитово-черном фоне. Холодным серебром мерцали воды Каттегата.

Ингеборг вошла в воду. Ветра не было, прибой почти совсем стих. Ингеборг уходила все дальше, не чувствуя ни холода, ни мелких острых камней под ногами. Волны слабо плескались вокруг и шепотом рассказывали о могучих течениях, настречу которым она шла. Когда волны ласково коснулись ее груди, Ингеборг нырнула.

Дышать под водой, как настоящая морская дева, она не могла, но не сожалела об этом. Она плыла по воле волн туда, куда несли ее морские воды, отдаваясь нежной ласке волн, которые омывали ее тело, мягко укачивали, баюкали. Глаза Ингеборг отчетливо видели под водой, им было достаточно слабого света, который проникал сюда с поверхности. Она видела на камнях и скалах длинные бурые водоросли со слабо колеблющимися листьями, смотрела, как, точно серебряные копья, проносились в глубине рыбы, вглядывалась в открывавшиеся за желтыми отмелями бездны, которые таили в себе дивные чудеса. Она слышала мощный гул приливов и отливов, подвластных Луне, слышала, как дельфины обсуждают новости, рассказывают друг другу про коралловые рифы, и слышала далекое пение гренландских гигантов китов. И за всем, что она видела и слышала, угадывалось слабое мерцание и отголоски песен — то были чудеса царства, которое по-прежнему оставалось Волшебным миром.

У нее была память о прошлом — она помнила себя датчанкой по имени Ингеборг и помнила себя Надой, и теперь она была Надой и Ингеборг вместе и не была ни той ни другой. Она стала одним из волшебных созданий, она умела любить и смеяться, бороться и горевать, но и многое, многое другое, чего навеки лишены сыновья и дочери Адама, люди. О Боге она знала теперь не больше, чем белокрылый альбатрос или ветер, что веет над морскими просторами. Она стала свободной и цельной, и все ее существо было преисполнено глубочайшей бескрайней радости. Ког-

да-нибудь Норны пошлют ей гибель. И пускай. Нынешний день принадлежит ей.

Рано утром, прежде чем проснутся люди в поселке, она вернется домой и разбудит Тоно.

XI

Нильс Йонсен приобрел для своего гостя Карла Бреде яхту, не слишком большую, чтобы можно было ходить на ней в одиночку без команды, но добротной крепкой постройки, чтобы яхта выдержала дальние морские плавания. На нее погрузили оружие, канаты, различные инструменты и орудия, одежду, запас продовольствия. В Копенгагене пошли толки, будто бы Нильс Йонсен задумал вести нелегальную торговлю с вендами под самым носом у ганзейских хищников. Но наконец все приготовления закончились, и Нильс послал трех слуг с лошадьми в зеландский поселок Хорибек. Сам же Нильс и его друг повели яхту не на юг, к вендским землям, а на север, в пролив Зунд, затем на запад вдоль побережья Зеландии. Фру Дагмара, ожидавшая ребенка, также отправилась в это путешествие.

Яхта миновала населенные берега и бросила якорь близ далеко выдававшейся в море косы с маяком. Вдали виднелась рыбачья лодка, но скоро начная мгла скроет яхту от чужих глаз.

Стемнело поздно — был канун дня Ивана Купалы. В эту пору солнце в Дании ненадолго уходит за горизонт. В серовато-лиловом небе таинственно мерцали редкие крохотные звезды. Вода тускло блестела, как расплавленное серебро, прохладный ветер приносил с берега тонкое благоухание свежей зелени. Ночь была такой ясной, что можно было пересчитать деревья на берегу или разглядывать линии на ладони любимой. На холмах загорелись красные огоньки костров — парни и девушки праздновали Иванов день.

Где-то вдали перекликались птицы. Чуть слышен был плеск волн и тихий говор прибоя. На косе про-

шуршал сухой травой какой-то зверек, и вновь все стихло.

Но вот кто-то вынырнул из моря неподалеку от яхты. Послышался негромкий оклик, не на датском, а каком-то другом языке. Стоявший на палубе Тоно ответил на этом же наречии и, перегнувшись через борт, помог женщине подняться на яхту. Блестящие капли воды сбегали по ее коже.

Ингеборг заметно пополнела и окрепла по сравнению с прошлым, ее тело приобрело кошачью гибкость. От солнца ее кожа стала золотисто-смуглой, каштановые волосы и черные брови выгорели и были теперь темно-янтарного цвета. Но внешне изменения были незначительными, в Ингеборг произошла поразительная внутренняя перемена: теперь от нее исходили таинственные неведомые токи, и лицо у нее стало как бы другим, в его чертах были робость и дерзость, мудрость и настороженность. Выражение ее лица непрестанно менялось. Она смотрела на мир уверенно, словно львица, но в то же время в лице ее появилось нечто напоминавшее мордочку нутрии или нерпы, а взгляд стал зорким, как взгляд чайки.

Она бросилась Тоно на шею. После долгого поцелуя он спросил:

— Как ты провела эти дни?

— Прекрасно! — засмеялась Ингеборг. — Я ныряла, как ты меня научил перед отъездом из Хорнбека, и сама кое-что придумала. Но я очень скучала по тебе. Надеюсь, койка в каюте прикреплена прочно?

— Неужели ты не соблазнила ни одного стоящего парня? — в шутку усомнился Тоно.

На лицо Ингеборг вдруг набежала тень.

— Я никого не хочу, кроме тебя, Тоно, — смущенно, словно невинная девушка, призналась она.

Этот разговор, который шел на датском языке, вызвал раздражение фру Дагмары, так же как и поведение Ингеборг и Тоно. Она подошла и объявила:

— Я приготовила для тебя платье, Ингеборг. Пойдем, покажу, где оно лежит.

Брови высоко взлетели над блестящими глазами Ингеборг.

— Зачем? На что мне платья? Они же станут грязными за какие-то несколько часов.

Радость исчезла так же внезапно, как прилетела минуту назад. Ингеборг подошла и обняла Дагмару.

— О, сестра моего возлюбленного, как я рада тебя видеть. А ведь ты скоро станешь матерью! — воскликнула она, чуть отстранившись и окинув Дагмару взглядом. — И ты знаешь? От этого ты вся так и светишься каким-то тайным внутренним светом.

— Ах, если бы и я могла порадоваться такому же событию в твоей жизни. Но мне остается лишь молить о тебе Господа, — печально ответила Дагмара.

Тоно взял Нильса за плечо и тихо сказал:

— Твоей супруге лучше было бы остаться дома. Для подобных переживаний она слишком благочестива.

— Она такая же смелая, как и раньше, — возразил муж Дагмары. — Она тешит себя надеждой, что мы все же уговорим вас остаться. А если вы останетесь, то со временем, может быть, образумитесь и примете Христову веру, обретя бессмертие души. Я тоже хотел бы, чтобы вы остались. — Нильс грустно усмехнулся. — Не только из-за надежд на ваше обращение в христианство. Просто мне не хочется терять вас, мои дорогие моряки.

Нильс с тоской поглядел на счастливое лицо возлюбленной своего друга и поспешно отвел взгляд, обернувшись к жене.

Тоно вздохнул.

— И для вас и для нас лучше расстаться, — упрямо сказал он. — Мы тоже будем скучать по вам. Но мы не можем остаться. И мне кажется, вряд ли мы когда-нибудь еще увидимся.

Ингеборг и Дагмара услышали эти слова.

— Да, пора. Долгие проводы — лишние слезы, — сказала та, что поднялась на яхту из волн морских. — Плывите домой и будьте счастливы в вашей жизни.

— Вы уже решили, куда отправитесь? — спросил Нильс.

— Нет. Как мы можем решать? Ведь мы плывем в

неведомое. Поплывем пока что на запад. Может быть, в Винландию или дальше на запад. Там ждет нас нетронутая природа, заповедные края, Волшебный мир. Наверное, туда еще не добрались священники и там живут люди, которых не коснулось христианство, способные понять нашу страсть к приключениям. — Тоно усмехнулся. — А что, мы там, пожалуй, еще и божествами станем.

Увидев, что Дагмара нахмурилась, он поспешил ее успокоить:

— Мы вовсе к этому не стремимся. Но бывают ведь всякие неожиданности. Именно ради них мы и плывем в дальние края.

— Чтобы узнать все чудеса, какие только встретим за время, которое нам отпущено, — взволнованно сказала возлюбленная Тоно.

— Чудесам скоро настанет конец! — воскликнула Дагмара.

Тоно кивнул:

— О да. И гибель Волшебного мира приближают дела таких, как вы с Нильсом.

Он потрепал Нильса по плечу, поцеловал Дагмару в щеку.

— Это неважно, мы все равно вас любим.

— И мы вас любим, — сквозь слезы пробормотала Дагмара. — Неужели нам придется вечно оплакивать вас?

— О, так же, как и весь мир! — Подруга Тоно обвела рукой море, небо и берег, терявшийся в сумерках. — Мир прекрасен, и вы запомните его таким. А мы не можем измениться. Мы такие, какие есть, и мы тоже — часть Творения.

— Ингеборг... Нада... — в смятении прошептала Дагмара. — Кто же ты?

— Не та и не другая, и обе вместе. Дитя скорби, чья мать умерла, в болезни родив его на свет. Пусть ваше дитя родится в радости и веселье. У меня нет имени. Ты позволишь мне взять имя Эяна?

Теперь уже смертная женщина первая бросилась обнимать ту, что стала существом Волшебного мира.

* * *

С яхты спустили на воду шлюпку, Нильс с женой сели в нее и она поплыла к берегу. Как только Нильс взялся за весла, загремела цепь: яхта снялась с якоря. Тоно встал к штурвалу. Его помощница призвала свежий ветер, который наполнил парус, и яхта заскользила по волнам Каттегата на северо-запад, чтобы, обогнув земли и пройдя моря, выйти в открытый океан. Над мачтой яхты, сверкая белыми крыльями в лучах еще не видимого солнца, пролетела стая диких лебедей.

Эпилог

В месяце мае лета 1312 от Рождества Христова почил в Бозе Павел Шубич бан Хорватии. Титул бана наследовал его сын Младен. Он предпринял попытку отвоевать захваченный венецианцами Задар, но потерпел поражение и был вынужден снять с города осаду. Поражением закончилась и его попытка положить конец усобицам и распрям среди хорватской знати. И снова корабли Кашича совершали пиратские набеги на города далматинского побережья, снова Нелипич и его союзники боролись против бана Младена и преданного ему рода Франкапана. В 1322 году разразилась гражданская война. Венеция вступила в сговор с Нелипичем и захватила порты Шибеник и Трогир. Спустя недолгое время в руках венецианцев оказались также Сплит и Нин. Для Хорватии настали черные десятилетия.

Отец Томислав совсем поседел, его руки изуродовал ревматизм, в поле он уже не мог трудиться. Но старик все еще служил в сельской церкви. И однажды он так проповедовал перед собравшимися прихожанами, среди которых был и седой сокрушенный поражениями вдовец, капитан Андрей:

— «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Этими словами отвечает Спаситель вопрошавшему Его фарисею Никодиму. Если бы Господь не пекся о нашем спасении, разве стал бы

Он утруждать Себя доказательствами? Он мог бы просто сказать людям: вы знаете, какие чудеса Я творил. Не докучайте Мне, падите ниц и молитесь, если не хотите, чтобы Я обрушил на вас гнев Мой. Но Господь сделал все, чтобы объяснить людям суть чуда. Ибо Он хотел, чтобы люди шли к Нему по своей доброй воле, а не из страха перед Божьим гневом. Чтобы они шли к Нему как к отцу родному. Господь наш нас любит. Никогда не забывайте об этом. Мне думается, Он посылает нам меньшие испытания, нежели те, коим мы по неразумию нашему сами себя подвергаем. Веруйте же твердо, что Господь о нас печется. Какая бы ни стряслась беда, Он не оставит Своих чад. Никого не оставит, ни одного человека. Иисус умел разговаривать с простыми людьми, грешниками, язычниками. Ныне в нашей земле есть еретики и язычники, турки, евреи, венецианцы — и Господь любит их так же, как нас. Мы, смертные, нередко оступаемся, мы порой не видим средства избегнуть сражений и войн. Но разве поэтому мы должны пестовать в себе ненависть?

В узкое незастекленное оконце упал солнечный луч. Должно быть, от света на глаза старого священника навернулись слезы. Он утер глаза и продолжал:

— «Ибо так возлюбил Бог мир», — сказано в Евангелии. Я понимаю эти слова так: Господь любит все, что создано Им, а в мире нет ничего, что не сотворено Господом. Помните об этих словах, они помогут вам обрести душевный покой. Помните о том, что даже прах под вашими ногами любит Господь Бог. Мы были свидетелями того, что Господь даровал водяным бессмертную душу. Бог... Бог простил несчастную тень, взял ее на Небеса... Будем же черпать силы в любви Господа нашего. И я вижу, что Бог не создает ничего случайного. Даже Сатана и Армагеддон и всё прочее — они показали нам, сколь ужасны злые деяния. И даже они могут покаяться и получить прощение. И в Судный день воскреснут не только умершие, но и все, кто когда-

либо жили на Земле. Они воскреснут к вящей славе Божией.

Отец Томислав на некоторое время умолк. Затем он сказал:

— Не следует считать, что все, о чем я сейчас говорил, воистину так, а не иначе. Я твердо верую в любовь Господа. Все же прочее — мои собственные не слишком складные мысли. Они не соответствуют канону. Может быть, то что я говорил, вообще ересь.

Глоссарий

Абсалон — друг и советник короля Вальдемара Великого (XII в.).

Альс — ныне город в Дании.

Альфред — Альфред Великий (840 — 901), король Англии. Добился освобождения Англии от датчан, нанеся им решительное поражение в 878 г. в битве при Этандуне (Этельнее). Датчане были разбиты, их предводитель Гутрум (Гутрин) крестился и получил от короля Альфреда в лен Восточную Англию, так называемое Датское владенье.

Альфхейм — см. эльфы.

Ангакок — шаман.

Английский канал — пролив Ла-Манш.

Асгард — см. Асы.

Асы — верховные боги скандинавской мифологии. Их жилище — Асгард (букв. город Асов).

Бан — у южных славян герцог, правитель бановины, которому по унии 1102 г. была передоверена королевская власть в объединенном королевстве хорватов и венгров.

Барды — певцы и поэты у кельтских народов.

Беовульф — см. Грендель.

Берсерк — среди древних скандинавов так называли людей, которые во время сражения впадали в неистовство, воображая себя медведем или волком, кусали край щита, не чувствовали боли от ран. Так же берсерками называли разбойников, которые нападали на мирных хуторян, убивали их, вызвав на поединок, и забирали их жен и добро.

Богомилы — религиозная секта, возникшая в Болгарии в X в. и распространившаяся в Византии, Сербии, Хорватии и Боснии.

Брокен — гора в Южной Германии, куда по средневековым преданиям прилетали на шабаш ведьмы и колдуны.

Валланд — так в скандинавских сагах называли Францию.

Вальдемар Победитель — король Дании (1202 — 1241), прославившийся победоносными завоеваниями (Северная Германия, Эстляндия и др.).

Ваны — в скандинавской мифологии группа богов плодородия, которая вместе с Асами правит миром.

Велунд — кузнец-полубог, герой скандинавского эпоса «Сага о Велунде».

Вендланд — см. Венды.

Венды — западно-славянские племена, жившие на берегах Балтийского моря. Страна вендов — Вендланд.

Вибор — город и епархия в Дании.

Вигрид — см. Рагнарёк.

Викинги — так в VIII — XI вв. называли скандинавских мореходов, промышлявших в морях как разбоем, так и торговлей.

Вилия (вила) — у южных славян женский дух, очаровательная девушка с распущенными волосами и крыльями, владеющая озером или колодцем.

Винландия (Винланд) — «Виноградная земля», открытая Лейвом Счастливым; в этой стране скандинавы нашли дикий виноград (отсюда название). Последнее известие о скандинавской колонии в Винланде относится к 1121 г. Дальнейшая судьба колонии неизвестна, так же как и точное местонахождение Винланда.

Вира — штраф за убийство.

Виса — см. скальд.

Ганза — союз северо-немецких городов во главе с Любеком, образовался около 1250 г.

Гардарики (букв. страна городов) — так в скандинавских сагах называли Древнюю Русь.

Гарм — см. Рагнарёк.

Глер (Хлер) — одно из имен Эгира.

Гномы — в скандинавских мифах духи, живущие в подземных пещерах. Они небольшого роста, славятся как искусные кузнецы и ювелиры.

Гоблины — низшие духи в английском фольклоре, нечто вроде домовых, лесовиков и т. п.

Гойдельы — древнее население Ирландии.

Грендель — чудище, побежденное героем английского эпоса Беовульфом.

Гутрум — см. Альфред.

Дану — см. племена богини Дану.

Датское владенье — см. Альфред.

Дикая Охота — см. Один.

Домен — собственные владения короля.

Донжон — главная башня замка.

Драккар — корабль викингов с головой дракона на носу.

Друиды — жрецы у кельтов.

Дурин и Двалин — гномы, упомянутые в «Старшей Эдде».

Ёрмунганд — см. Рагнарёк.

Ётунхейм — см. Ётуны.

Ётуны (турсы, инеистые великаны) — злые хтонические божества в скандинавских мифах — вечные враги Асов. Обитают в холодных каменистых странах на северном и восточном краю света — в Ётунхейме и Утгарде.

Жупан — у южных славян первоначально старейшина, затем князь, правитель жупании.

Задруга — семейная крестьянская община у южных славян.

Иггдрасиль — в скандинавской мифологии мировое древо, ясень, поддерживающий своей кроной небо.

Иглу — жилище эскимосов из снега.

Иннуиты (букв. люди) — самоназвание эскимосов.

Йоль — языческий праздник у древних скандинавов, день зимнего солнцеворота, отдаленный предшественник нашего Нового Года.

Катай — так в литературе европейского Средневековья (напр. у Марко Поло) называли Китай.

Корнуолл — полуостров на юго-западе Англии.

Кракен — гигантский черный кальмар с десятью щупальцами.

«Кровавый орел» — казнь, принятая у викингов: осужденному мечом разрубали ребра и вырывали из груди легкие.

Кромлех — памятник эпохи мегалита, расставленные по кругу огромные камни.

Круахан — в ирландских мифах знаменитый холм-сид с пещерой.

Кухулин — герой-богатырь ирландского эпоса.

Лейв Счастливый — сын Эйрика Рыжего. В конце X начале XI в. совершил шесть плаваний в земли Винланд и Маркланд.

Лен — в Западной Европе в эпоху феодализма наследственное земельное владение, пожалованное сеньором вассалу.

Лендс Энд (букв. край земли) — мыс на полуострове Корнуолл, юго-западная оконечность о. Британия.

Лим-фьорд — см. Ютландия.

Локи — см. Рагнарёк.

Луг — см. племена богини Дану.

Мананнан Мак Лер — см. племена богини Дану.

Мариагер-фьорд — залив на восточном побережье полуострова Ютландия.

Маркландия (Маркланд) — «Лесная земля», открыта Лейвом Счастливым, как и Винланд. Точное местонахождение неизвестно. Об этой земле повествует исландская «Сага о гренландцах».

Менгир — памятник эпохи мегалита, вертикально вкопанный длинный камень.

Мидгард (букв. средний город) — так в скандинавской мифологии называется мир людей, лежащий посреди мироздания, между Асгардом и преисподней.

Мори-Фёрт — залив на северо-востоке Шотландии.

Норны — в скандинавской мифологии женские божества, определяющие судьбу человека. Аналогичны античным паркам.

Обсидиан — вулканическое стекло.

Один — верховный бог у древних скандинавов, покровитель мудрости, колдовства, воинского искусства. Его обычно представляли в образе одноглазого старика в широкополой шляпе и синем плаще, вооруженного копьем. Мифы настаивают на том, что Один очень мудр, но и очень коварен. В позднейших германских легендах он фигурирует как водитель Дикой Охоты — душ мертвых воинов.

Омела — растение-паразит, играло важную роль в языческих верованиях кельтов.

Они — морские злые духи в японском фольклоре.

Оркнейские острова — архипелаг к северу от Британии.

Пан — в греческой мифологии бог природных сил, лесов, полей, стад (во многом аналогичен Фавну). Выражение «умер великий Пан», восходящее к Плутарху, символизирует закат античной цивилизации.

Пикты — древние обитатели Шотландии.

Племена богини Дану — боги, населявшие Ирландию до вторжения в нее сыновей Миля, легендарных предков гойдельского населения Ирландии. Потерпев от сыновей Миля поражение, стали жить, оставаясь богами, под холмами-сидами.

Племена богини Дану изгнали из Ирландии чудищ — формов.

Среди богов племен богини Дану: Луг Долгорукий — покровитель ремесел и искусств, Мананнан Мак Лер — покровитель морей.

Рагнарёк (букв. гибель богов) — в скандинавской мифологии — конец света, битва богов с великанами и хтоническими чудовищами, в которой они уничтожают друг друга и весь мир.

Битва происходит на поле Вигрид. На стороне великанов выступают бог огня Локи, чудовищные волки Гарм и Фенрис, богиня преисподней Хель, огненный великан Сурт, мировой змей Ёрмунган, Утгард-Локи — великан, хозяин Утгарда.

Ран — в скандинавской мифологии морская великанша, богиня моря. Ловит в свои сети утонувших моряков. Дочери Ран — волны.

Роскильде — город и епархия в Дании.

Руны — магические письмена, которыми пользовались древние скандинавы.

Свенд Эстридсон — друг и советник короля Вальдемара Великого.

Седна — Хозяйка моря и морских животных, эскимосское божество.

Сиды — в ирландской мифологии божественные существа, живущие под землей в холмах, которые тоже называются сидами. В христианскую эпоху к сидам стали относить также ирландских языческих богов.

Скаген — см. Ютландия.

Скальд — поэт у древних скандинавов. Искусство скальдов отличалось крайне сложной формой. Скальды сочиняли большие поэмы, а также могли на случай сымпровизировать отдельную строфу — вису. Их поэзии приписывали магическую силу.

Стихи в романе «Сломанный меч» стилизованы под скальдическую поэзию, но организованы гораздо проще, без соблюдения многих стилевых и формальных канонов.

Сконе — полуостров на юге Швеции.

Скотты — кельтские племена, вторгшиеся из Ирландии в Шотландию.

Скрелинги — так норвежцы называли эскимосов и коренных жителей Америки.

Сурт — см. Рагнарёк.

Тор — бог-громовик у древних скандинавов, его оружие — молот, им он поражает своих врагов — великанов. Его слуги — это брат и сестра Тьяльви и Ресква.

Тролли — у древних скандинавов злые духи, живущие в горах. Они отличаются злобой, силой, вредят людям. Их страна — Тролльхейм (букв. жилище троллей).

Тролльхейм — см. тролли.

Тупилак — согласно верованиям эскимосов, дух умершего человека, который бродит в лесах и вокруг стойбища и всячески вредит людям.

Тьяльви и Ресква — см. Тор.

Тюр — у древних скандинавов бог войны. Изображался могучим одноруким великаном.

Ульстер — одно из пяти, а именно, северное королевство в древней Ирландии.

Утгард — см. Ётуны.

Уэльс — юго-западная часть Британии.

Фавн — в римской мифологии бог полей, лесов, пастбищ и животных.

Фенрис — см. Рагнарек.

Финнмарк — провинция на крайнем севере Норвегии.

Формы — см. племена богини Дану.

Фрейя — богиня любви у древних скандинавов.

Хадсунн — порт в Дании.

Харольд Синезубый — первый христианский король Дании (940—986), присоединивший к ней Норвегию.

Хейтнесс — графство на севере Шотландии, северная оконечность о. Британия.

Хель — см. Рагнарёк.

Химмерланд — см. Ютландия.

Чипангу — так в средневековой Европе называли Японию.

Шетландские острова — архипелаг к северу от Британии.

Шэнь — дух в китайской мифологии.

Эгир — в скандинавской мифологии морской великан.

Эйрик Рыжий — исландец, в X в. открывший Гренландию, герой исландской «Саги об Эйрике Рыжем».

Эльфы (альфы, альвы) — природные духи в германской мифологии. Их страна называется Альфхейм (букв. жилище эльфов).

Эриу — имя богини, эпоним Ирландии.

Этандун — см. Альфред.

Ютландия — полуостров, расположен между Балтийским и Северным морями, часть Дании. Химмерланд — местность, а Лим-фьорд — залив на его восточном побережье, мыс Скаген — северная оконечность Ютландии.

Ярл — князь у древних скандинавов.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОМАННЫЙ МЕЧ. *Пер. В. Дымшица* 7

ДЕТИ МОРСКОГО ЦАРЯ. *Пер. Г. Тумановой*

Пролог 255

Книга первая. КРАКЕН 262

Книга вторая. ТЮЛЕНЬ 357

Книга третья. ТУПИЛАК 417

Книга четвертая. ВИЛИЯ 513

Эпилог 629

ГЛОССАРИЙ 632

Литературно-художественное издание

ПОЛ АНДЕРСОН

СЛОМАННЫЙ МЕЧ

Перевод текстов с изданий:

Poul Anderson «The broken Sword»,
New York: Abelard-Schuman, 1954

Poul Anderson «The Merman's Children»,
in Flashing Swords!, 1973

Перевод с английского
Валерия Дымшица и Галины Тумановой

Ответственный редактор *Павел Крусанов*
Художник *Павел Борозенец*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Вёрстка *Елены Черновой*
Корректоры *Людмила Ни и Людмила Быстрова*

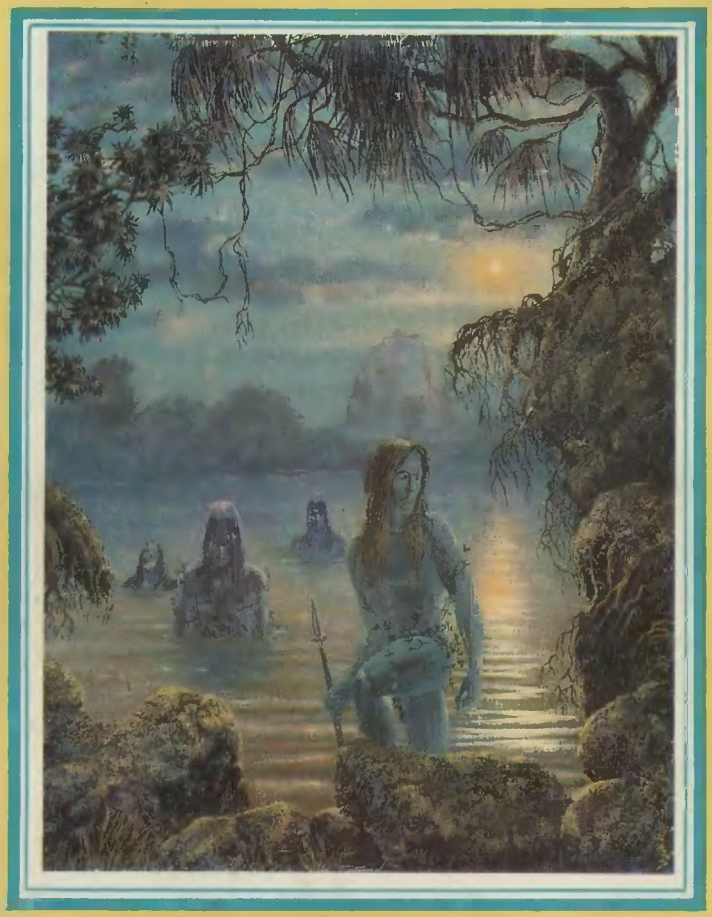
Подписано к печати с оригинал-макета 29.09.92.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 33,6. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 73. Заказ 2–2816.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18.

Головное предприятие
республиканского производственного объединения «Полиграфкнига».
252057, Киев, ул. Довженко, 3.

fantasy

Сломанный меч
Дети морского царя



·Северо-Запад·

Пол АНДЕРСОН